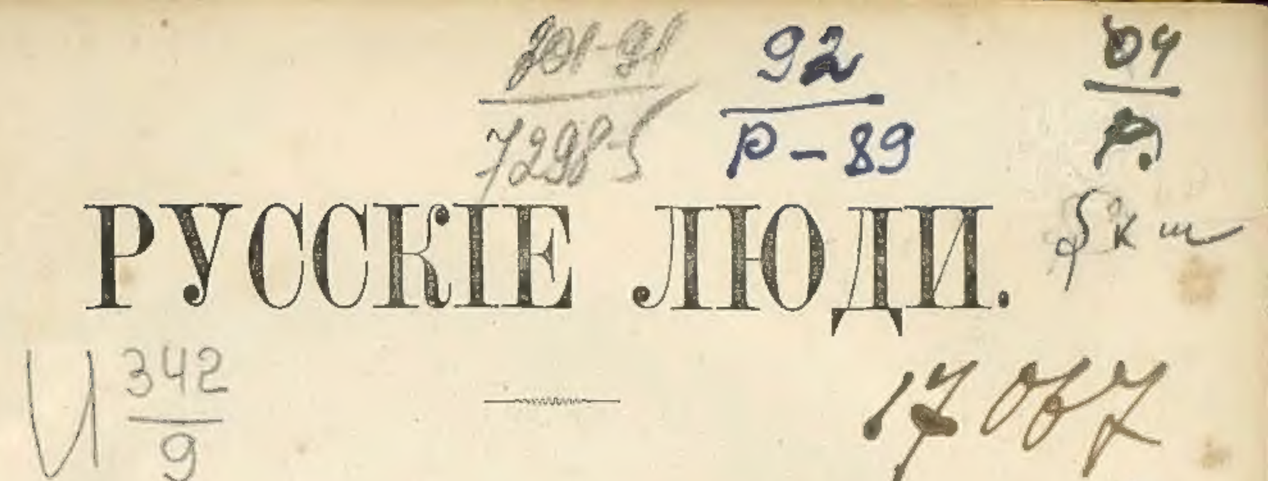
РУССКІЕ ЛЮДИ.

ТОМЪ I.

2007081283

Г·Р·РУМЯНЦЕВЪ
А·В·СУВОРОВЪ
Г·И·ШЕЛИХОВЪ
НОВИКОВЪ·
КНЯГИНЯ ДАШКОВА
ЛОМОНОСОВЪ
КОКОРИНОВЪ·
ДЕРЖАВИНЪ·
А·И·ФОНЪ ВИЗИНЪ·
ДМИТРЕВСКІЙ·
СУМАРОКОВЪ·

РУССКІЕ ЛЮДИ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ

ПРОСЛАВИВШИХСЯ СВОИМИ ДѢЯНІЯМИ

НА ПОПРИЩѢ НАУКИ, ДОБРА И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ.

Съ портретами гравированными на стали по рисункамъ

А. Шарлеманъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 іюня 1865 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Каповерской, № 7/2.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Россія, съ давнихъ временъ, представляла много примѣровъ людей возвышеннаго ума, преданныхъ добру, жертвовавшихъ собою и своимъ достояніемъ на пользу общую. Эти знаменитые соотечественники вполнѣ заслужили быть преданными памяти потомства и попытки такихъ сочиненій находили въ Россіи радушный пріемъ. Въ настоящемъ изданіи, мы собрали жизнеописаніе „Русскихъ людей", прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы. Въ ихъ числѣ читатель найдетъ медика, отличившагося своими знаніями и пользою принесенною ближнимъ, воина, защищавшаго отчизну, поэта, просвѣтлявшаго своими твореніями родину, художника и музыканта-композитора, развившаго изящный вкусъ своихъ единоплеменниковъ, покровители наукъ, моряка, съ честью поднимавшаго свой флагъ на тропическихъ и полярныхъ моряхъ, гражданина, жертвовавшаго своимъ достояніемъ на дѣла благотворенія, русскихъ артистовъ, пользовавшихся европейскою славою и другихъ. Чтеніе ихъ біографій до-

ставитъ занятіе не только юному, но даже и взрослому читателю, который захотѣлъ бы возобновить въ своей памяти дѣла людей „давно минувшихъ дней", и тѣмъ почтить ихъ благодарнымъ воспоминаніемъ.

При выборѣ жизнеописаній для нашего изданія, мы руководствовались не одною политическою или общественною дѣятельностію лицъ, здѣсь изображенныхъ, но также духовною стороною ихъ характера, ихъ нравственными стремленіями. Матеріалами для жизнеописаній послужили лучшія статьи разныхъ авторовъ, извлеченныя изъ многихъ изданій. Къ біографіямъ мы приложили портреты, гравированные на стали въ Лондонѣ и снятые съ лучшихъ извѣстныхъ оригиналовъ А. Шарлеманьомъ.

Отъ пріема, выпускаемыхъ нами нынѣ двухъ томовъ, будетъ зависѣть продолженіе нашего сборника.

М. Вольфъ.

ИЗДАНІЯ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА.

Берлинъ. Природа. Книга для чтенія дома и въ школѣ. Передѣлана для юношества П. Евстафьевымъ. Съ 202 пояснительными рисунками. Въ 8 д. л. Ц. 2 р. Въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями, 3 р.

Бернадскій. Земля и люди, или живописныя путешествія, сцены изъ быта народовъ, жизни животныхъ и описанія примѣчательнѣйшихъ и достопамятнѣйшихъ мѣстностей всѣхъ пяти частей свѣта. Второе исправленное изданіе. Съ 6 хромолитографированными картинами. 2 т. въ 8 д. л. Въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями. Ц. 4 р.

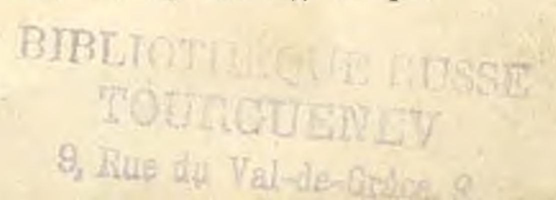
Вегнеръ. Эллада. Картины древней Греціи. Ея религія, могущество и просвѣщеніе. Для любителей классической древности и просвѣщенія юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго П. В. Евстафьевъ. Съ 234 пояснительными рисунками. Въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к. Въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями, 4 р.

——— Римъ. Начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ. Переводъ П. В. Евстафьева. 2 т. въ 8 д. л. Съ 500 рисунками, рѣзанными на деревѣ. Ц. 7 р. Въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями, 8 р.

Кэнъ. Путешествія и открытія второй Гринельской экспедиціи въ сѣверныя полярныя страны для отысканія сэра Джона Франклина, совершенныя въ 1853, 1854 и 1855 годахъ. Перев. съ нѣмецкаго А. Тихменева. Съ 120 рисунками въ текстѣ и 8 картинами отпечатанными въ 2 тона, въ хорошемъ переплетѣ. 2-е изданіе. Въ 8 д. л. Ц. 3 р.

Ливингстонъ. Путешествія по внутренней Африкѣ. Съ описаніемъ замѣчательныхъ открытій въ южной Африкѣ, совершенныхъ съ 1840 по 1856 годъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею А. Разина. Съ 100 рисунками въ текстѣ. Въ красивой папкѣ. Въ 16 д. л. Ц. 2 р.

Майнъ-Ридъ. Сочиненія. Охотничьи разсказы изъ быта африканскихъ и американскихъ племенъ. Томъ I. Дѣти лѣсовъ. Прогулка Боеровъ. Томъ II. Жилище въ пустынѣ. Охотники за растеніями. Томъ III. Охотники за черепами. 3 тома въ 8 д. л. (каждый около 700 стр. печати), съ хро-

молитографіями. Цѣна каждому тому 2 р.

Петискусъ. Олимпъ. Миѳологія грековъ, римлянъ, германовъ и славянъ. Переводъ П. Евстафьева. Съ приложеніемъ 67 изображеній миѳологическихъ боговъ. Въ коленкоровомъ богатомъ переплетѣ. Въ 8 д. л. Ц. 3 р.

Фогель, Эдуардъ. Путешествія и открытія въ центральной Африкѣ, Великой Пустынѣ и земляхъ Судана. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія Фогеля. На основаніи оригинальныхъ источниковъ, составлено Германомъ Вагнеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Дешиша. Съ 150 рисунками въ текстѣ. Въ 16 д. л. Цѣна, въ красивой папкѣ, 2 р. 50 к.

Франклинъ, Джонатанъ. Естественная исторія для образованныхъ читателей и юношества. Переводъ съ французскаго. 2 тома, съ 20 гравированными на мѣди и раскрашенными таблицами рисунковъ, изображающихъ 334 предмета. Въ 8 д. л. Ц. 6 р., въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 7 р. Въ двухъ переплетахъ, 7 р. 50 к.

Вейсбахъ. Теоритическая и практическая механика. Перевели съ третьяго нѣмецкаго изданія: Штабсъ-капитанъ Генеральнаго штаба І. Стебницкій, Штабсъ-капитанъ Корпуса инженеровъ Путей Сообщенія П. Соколовъ, и Инженеръ П. Усовъ. Теоретическая и Практическая механика Вейсбаха, издана въ 6 частяхъ или 3 томахъ, каждый томъ отъ 1200 до 2000 страницъ съ 700 до 1000 политипажами въ текстѣ. Цѣна полному сочиненію изъ 6 частей или 3 томовъ и прибавленію (около 4000 печатныхъ страницъ съ 2500 политипажами) 25 р.

Писаревскій. Общепонятная механика, примѣненная къ сельскому хозяйству, промышленности и домоводству. Составленная по курсу Делонэ, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями. 2 т. въ 8 д. л. съ 660 политипажами. Ц. 3 р. 50 к.

Милль. Система Логики. Переведено подъ редакціею и съ примѣчаніями П. Л. Лаврова, Ф. Резенеромъ. 2 т. въ 8 д. л. Подписная цѣна 7 р. 50 к.

Фишель, Эдуардъ. Государственный строй Англіи. Переводъ П. М. Цейдлера. Въ 8 д. л. Ц. 2 р. 50 к.

Дарвинъ. Ученіе о происхожденіи видовъ въ царствѣ растеній и животныхъ, примѣненное къ исторіи міротворенія. Изложено и объяснено Фририхомъ Ролле. Съ приложеніемъ біографіи Дарвина, составленной С. Шеншаномъ. Съ политипажами. Въ 8 д. л. Ц. 2 р.

Жаменъ и Вюльнеръ. Полный курсъ физики. Переведенъ и составленъ Н. Филипповымъ. 3 т. въ 8 д. л. Подписная цѣна 10 р.

Леманъ. Полное карманное руководство къ теоретической и практической химіи. Съ шестаго нѣмецкаго изданія перевелъ Петръ Боборыкинъ. 3 т. въ 16 д. л., заключающіе на 1000 страницахъ мелкой печати неорганическую и органическую химію. Ц. 3 р.

Либихъ. Полное изданіе писемъ о химіи, въ ея приложеніяхъ къ промышленности, физіологіи и земледѣлію. Изданныя парижскимъ профессоромъ К. Герхардомъ. Переводъ инженеръ-поручика Н. Іохера и Демонтовича. 2 т. въ 16 д. л., до 800 страницъ печати. Ц. 2 р. 50 к.

НИКИТА АНТУФІЕВИЧЪ

ДЕМИДОВЪ,

(1630—1724)

родоначальникъ фамиліи, сдѣлавшейся извѣстною богатствами своихъ рудниковъ въ Сибири.

Потомки Н. А. Демидова:

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ (1738 — 1821).

Никита Акинѳіевичъ Демидовъ (1732—1789).

Прокофій Акинѳіевичъ Демидовъ (1710 — 1786).

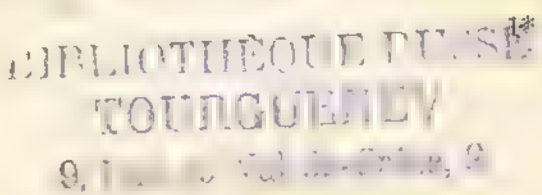
Николай Никитьевичъ Демидовъ (1774 — 1828).

Никита Антуфіевичъ Демидовъ, родоначальникъ фамиліи Демидовыхъ, былъ крестьянинъ, уроженецъ Тульской губерніи. Онъ съ молодости отличался веселымъ нравомъ и любилъ забавлять свою братью остроумными шутками. При первомъ петровскомъ рекрутскомъ наборѣ, въ исходѣ семнадцатаго столѣтія, опасаясь попасть въ число служивыхъ, онъ пришелъ на тульскіе заводы, имѣя лѣтъ 20 отъ роду, опредѣлился тамъ къ кузнецу, и работалъ у него за одинъ алтынъ въ недѣлю. Первые *пять алтынъ*, полученныхъ въ пер-

выя пять недѣль за работу, принесъ онъ къ своей матери, и сказалъ: «Вотъ тебѣ матушка, за то, что ты меня кормила и поила»! Сосѣдъ мастера, у котораго жилъ Никита, замѣтивъ въ немъ хорошаго работника, началъ его зазывать къ себѣ, обѣщая большую плату. Демидовъ объявилъ о томъ своему хозяину: «Сосѣдъ говоритъ, что ты мало платишь за труды мои; онъ сулитъ мнѣ, вмѣсто одного, три алтына въ недѣлю; но я не хочу забыть твоего хлѣба и соли. Лучше ты самъ прибавь мнѣ что нибудь». Кузнецъ согласился съ большою охотою, зная искусство и прилежаніе Никиты. Никита скоро постигъ искусство и самъ завелъ въ Тулѣ небольшую фабрику. Въ 1699 году Петръ Великій, проѣзжая чрезъ Тулу въ Воронежъ, гдѣ тогда готовился флотъ для Азова, созвалъ тульскихъ кузнецовъ, показалъ купленную имъ у иностранцевъ алебарду, и, отъѣзжая, заказалъ мастеру Демидову, котораго зналъ за отличнаго кузнеца, сдѣлать триста такихъ же. По прошествіи мѣсяца Демидовъ привезъ въ Воронежъ сдѣланныя имъ, по иностранному образцу, алебарды. Царь заплатилъ ему втрое противъ того, чего онѣ ему стали, одарилъ его серебрянымъ ковшемъ, нѣмецкимъ сукномъ на платье, и обѣщалъ на возвратномъ пути къ нему заѣхать, что и исполнилъ. При этомъ послѣднемъ посѣщеніи, царь осмотрѣлъ фабрику Демидова и заказалъ ему нѣсколько ружей по иностраннымъ образцамъ, и когда эти *первыя русскія ружья* были готовы, царь пожаловалъ ему сто рублей, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Постарайся, Демидычь, распространить фабрику свою, а я тебя не оставлю». Слова эти были не тщетны: Демидовъ устроилъ скоро на р. Тулицѣ чугуноплавильную домну и желѣзный заводъ, на которыхъ сталъ работать артиллерійскіе снаряды. Когда Демидовъ первые 5,000 пудовъ чугунныхъ и военныхъ припасовъ привезъ въ московскій артиллерійскій приказъ, Петръ велѣлъ ему заплатить втрое противъ того, что платилось иностранцамъ, и даровалъ ему грамоту на распространеніе завода. Въ 1699 году Демидовъ былъ

посланъ съ другими мастерами въ Сибирь, для устроенія тамъ желѣзнаго завода на р. Невьѣ. Въ 1700 году этотъ заводъ былъ уже въ дѣйствіи. Демидовъ, возвратясь въ Тулу, продолжалъ трудиться и совершенствовать свое дѣло. Когда возгорѣлась война съ Швеціею, въ 1700 году, Никита Демидовичъ имѣлъ случай оказать преданность свою къ престолу. Узнавъ, что покупаютъ ружья въ казну дорогою цѣною, по двадцати и пятнадцати рублей, онъ надѣлалъ не малое число такихъ ружей и поднесъ Петру Великому, взявъ за каждое ружье только по ста восьмидесяти копѣекъ. Само собою разумѣется, Петръ былъ восхищенъ этимъ патріотическимъ подвигомъ и щедро наградилъ Никиту, назначивъ его *царскимъ* оружейникомъ и давъ хорошія средства къ жизни и къ продолженію его полезной дѣятельности. Облагодѣтельствованный государемъ, Демидовъ, какъ сказано выше, построилъ въ Тулѣ большой желѣзный заводъ на рѣчкѣ Тулицѣ, изъ котораго поставлялъ въ пушкарскій приказъ всякіе военные снаряды, взимая съ пуда только по двѣнадцати копѣекъ. Пожертвованія его не остались безъ награжденія: ему пожалованъ (1702 г.) въ Верхотурскомъ уѣздѣ желѣзный Невьянскій заводъ за ту сумму, во что онъ обошелся казнѣ. Двадцать лѣтъ продолжалась война съ Швеціею и все это время Демидовъ не переставалъ снабжать артиллерію орудіями, довольствуясь половиннымъ платежемъ противъ другихъ заводчиковъ. Получивъ отъ государя земли въ Сибири, съ правомъ распространять ихъ покупкою, онъ построилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ и одинъ мѣдный въ нынѣшней Пермской губерніи; при чемъ населилъ отдаленныя мѣста людьми до Колыванскаго округа. Демидовъ, занимаясь устройствомъ собственныхъ дѣлъ, продолжалъ при всякомъ случаѣ облегчать и расходы казны. Такъ на 1721 годъ онъ взялъ поставку корабельнаго лѣса изъ Казанской губерніи въ С.-Петербургское адмиралтейство, и тѣмъ значительнымъ образомъ понизилъ цѣны на этотъ предметъ. Петръ Великій возвелъ его въ 1720 году

1*

(21-го сентября) съ потомствомъ въ дворянское достоинство. Неизвѣстно, когда скончался Никита Демидовъ; но, судя по диплому, данному императрицею Екатериною I сыну его, Акинѳію Никитьевичу, въ 1726 г., должно полагать, что онъ умеръ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, т. е. около 1724 года. Никита Демидовъ имѣлъ, кромѣ тульскаго желѣзнаго завода, построеннаго имъ въ 1701 году, еще три такіе же въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской провинціи; молотовый желѣзный заводъ въ вотчинѣ своей Ветлужской, въ провинціи Галичской (Костромской губерніи); четыре желѣзные въ Верхотурскомъ уѣздѣ (Пермской губерніи): Невьянскій, Фетковскій, Шуралинскій и Татинскій. Изъ нихъ къ первому, построенному отъ казны въ 1699 году, были приписаны слободы Аяцкая и Краснопольская и село Покровское съ деревнями. Сверхъ того, Демидовъ владѣлъ, за рѣкою Выею, мѣднымъ заводомъ и производилъ горныя работы въ нынѣшней Иркутской губерніи, лежащія на гранитѣ и порфирѣ и извѣстныя подъ именемъ медвѣдевскаго и плоскогорскаго рудниковъ, гдѣ также добывалъ мѣдь. Петръ Великій, поощряя Демидова къ полезнымъ для государства открытіямъ, прислалъ ему портретъ свой изъ Кизляра, при слѣдующемъ письмѣ: «Демидовъ! я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велитъ ли Богъ видѣться? Сего ради посылаю къ тебѣ мою персону; лей больше пушкарскихъ снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду». Петръ вообще такъ былъ доволенъ дѣлами Демидова, что намѣревался соорудить его статую изъ мѣди и поставить ее на площади, въ ознаменованіе оказанныхъ имъ заслугъ. «Хорошо, еслибы у тебя было», сказалъ однажды государю генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, «человѣкъ десятка два такихъ, каковъ Демидовъ». — «Я счастливымъ бы себя почелъ», отвѣчалъ Петръ, «еслибы имѣлъ нѣсколько такихъ отличныхъ людей». Скромность была отличительною чертою характера Демидова: онъ рѣшительно отказался отъ предложенныхъ ему монархомъ чиновъ и достоинствъ

и съ великимъ трудомъ заставили его принять дворянство. О богатствѣ Никиты Антуфіевича можно судить также и по сдѣланному имъ, въ 1715 году, подарку на зубокъ государынѣ, когда родился царевичъ Петръ Петровичъ: кромѣ золотыхъ бугровыхъ сибирскихъ вещей, онъ поднесъ Ея Величеству *сто тысячъ рублей*, разумѣется мѣдныхъ, сумму въ тогдашнее время чрезвычайно значительную, равнявшуюся нынѣшнему милліону рублей серебромъ.

Послѣ Никиты Антуфіевича остались сыновья: Григорій, Акинѳій и Никита Никитьевичи, ничѣмъ особеннымъ не проявившіе своей гражданской дѣятельности. Но они имѣли сыновей, и вотъ эти-то сыновья ихъ, внуки Никиты Антуфіевича, оказались людьми замѣчательными. Они были:

Павелъ Григорьевичъ,
Никита Акинѳіевичъ,
Прокофій Акинѳіевичъ,
Николай Никитьевичъ.

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ родился 29-го декабря, 1738 года, и первымъ наставникомъ своимъ имѣлъ жившаго въ Ревелѣ профессора Сигизмунди, подъ надзоромъ котораго находился съ 1748 до 1751 года. Получивъ необходимыя свѣдѣнія въ языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, онъ былъ отправленъ въ Германію, для продолженія наукъ, сперва въ Геттингенскомъ университетѣ, а потомъ въ Фрейбергской академіи. Предметами занятій Демидова были, сверхъ различныхъ предметовъ, преимущественно естественныя науки и металлургія. Въ Геттингенѣ пользовался онъ (до мая 1755) лекціями Галлера, Геспера, Зегнера, Товіи Мейера и другихъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ; въ Фрейбергѣ учился одинъ годъ у Гофмана и Геллерта. Отсюда начались путешествія Павла Григорьевича по разнымъ странамъ Европы, куда влекло его желаніе обозрѣть важнѣйшія достопамятности природы, наукъ и художествъ. Въ продолженіе шести лѣтъ онъ посѣ-

тилъ Богемію, Венгрію, другія австрійскія области и разныя государства Германіи; не оставилъ безъ ученыхъ своихъ наблюденій живописной Швейцаріи; обозрѣлъ Римъ, Неаполь и всѣ главные города Италіи; проѣхалъ черезъ Францію, Голландію, Англію и въ Шотландіи получилъ отъ города Гласго право гражданства; видѣлъ Данію; наблюдалъ серебряные, желѣзные и мѣдные рудники Швеціи, слушалъ въ Упсалѣ у знаменитаго Линнея ботанику и вообще естественную исторію, а у Валерія химію и науку о минералахъ. Возвратясь въ Россію (1762 г.), онъ лишился родителя. Оставивъ часть свою изъ наслѣдственнаго имѣнія въ распоряженіе братьямъ, онъ посвятилъ себя наукамъ. Императрица Екатерина II пожаловала его въ совѣтники бергъ-коллегіи, потомъ въ статскіе совѣтники. Онъ имѣлъ тогда постоянное пребываніе, зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ нижегородской деревнѣ, и еще чаще въ Левоновѣ, подмосковномъ селѣ при Яузѣ, въ пяти верстахъ отъ столицы. Въ 1772 году, Павелъ Григорьевичъ въ другой разъ отправился за границу, для подкрѣпленія силъ своихъ цѣлительными водами въ Спа. При этомъ случаѣ посѣтилъ онъ Германію, Голландію, Парижъ, гдѣ купилъ большой кабинетъ естественныхъ произведеній, принадлежавшій госпожѣ Клеронъ, славной актрисѣ своего времени. Возвратился Павелъ Григорьевичъ въ Россію черезъ Стокгольмъ (1773 г.). Съ того времени Демидовъ посвятилъ всю жизнь свою философскому уединенію, созерцанію природы и ученымъ наблюденіямъ. Знаменитые естествоиспытатели восемнадцатаго столѣтія: Валерій, Добантонъ и, въ особенности, Линней были друзьями его, и вели съ нимъ постоянную переписку, въ которой, между прочимъ, сохранились разныя открытія и описанія, сдѣланныя знаменитымъ соотечественникомъ нашимъ, и которыя шведскій ботаникъ означилъ въ своихъ твореніяхъ. Казалось, что Павелъ Григорьевичъ занимался единственно науками; но онъ помышлялъ и о подвигахъ благотворительности: онъ пожертвовалъ отечеству всѣ ученыя пріобрѣтенія

свои, значительную часть имѣнія и большіе капиталы. Московскій университетъ получилъ въ даръ отъ Демидова (1803 г.) драгоцѣнный кабинетъ естественной исторіи, имъ значительно пріумноженный, библіотеку, собраніе медалей и древностей, все вмѣстѣ оцѣненное знатоками въ триста тысячъ рублей, и, сверхъ того, еще сто тысячъ рублей асс., на содержаніе процентами отъ нихъ студентовъ. Для предполагавшихся тогда въ Кіевѣ и Тобольскѣ университетовъ, пожертвовалъ онъ по пятидесяти тысячъ рублей на каждый; изъявилъ также желаніе, чтобы основано было въ Ярославлѣ училище высшихъ наукъ, въ пользу котораго отдѣлилъ на вѣчныя времена три тысячи пятьсотъ семьдесятъ восемъ душъ крестьянъ, имъ пріобрѣтенныхъ; ассигновалъ, на поправку училищнаго дома, двадцать тысячъ рублей и еще сто тысячъ рублей, на содержаніе процентами неимущихъ воспитанниковъ и на отправленіе въ чужіе краи отличныхъ учениковъ. Утвердивъ (6-го іюня) благотворительное распоряженіе Павла Григорьевича, императоръ Александръ I повелѣлъ вручить ему, въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ правительствующаго сената, золотую медаль, съ его изображеніемъ и приличною надписью; пожаловалъ Демидова кавалеромъ ордена Св. Владиміра первой степени и (1805 г.) дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Тогда открыто было, при содѣйствіи пожертвованій Павла Григорьевича, ярославское училище высшихъ наукъ (29-го апрѣля), наименованное *Демидовскимъ* (лицеемъ).

Послѣдніе дни жизни незабвенный Павелъ Григорьевичъ провелъ въ любимомъ своемъ Левоновѣ. Онъ скончался въ 1821 году, на восемьдесятъ третьемъ году отъ рожденія, и погребенъ въ московскомъ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. Въ домашнемъ обращеніи П. Г. Демидовъ былъ тихъ, кротокъ и во всемъ чрезвычайно умѣренъ; на столъ его, въ послѣдніе годы, выходило не болѣе шести и семи рублей въ мѣсяцъ, и вообще велъ онъ жизнь весьма воздержную: утромъ обыкновенно онъ пилъ чашку кофея или шоколата. Обѣдъ его со-

стоялъ изъ самаго жидкаго буліона и одной котлетки. Послѣ обѣда пилъ зимою чай съ молокомъ, и большею частію, по одной чашкѣ, а лѣтомъ кислое молоко по пяти или по шести ложекъ; хлѣба употреблялъ не болѣе четверти фунта въ сутки; за то любилъ свѣжіе фрукты. Въ знакомствѣ Павелъ Григорьевичъ былъ весьма разборчивъ, и уважалъ людей не по чинамъ, не по богатству, а по уму, по ихъ знаніямъ и честнымъ правиламъ въ жизни, которыя самъ соблюдалъ строго. Въ разговорахъ былъ медлителенъ и сущность дѣла понималъ не скоро; но что одинъ разъ понялъ, того не забывалъ никогда, и до конца жизни сохранилъ память необыкновенную. Его называли скупымъ, потому что онъ не давалъ пышныхъ обѣдовъ, былъ врагъ роскоши, носилъ нѣсколько лѣтъ одинъ кафтанъ, производилъ дворовымъ людямъ умѣренное содержаніе, съ цѣлью, чтобы они трудились для себя, не предаваясь гибельной праздности. — «Всякій — говорилъ Демидовъ — долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ кого благословилъ Богъ», и потому Демидовъ мало помогалъ небогатымъ своимъ родственникамъ, но и съ крестьянъ бралъ оброкъ очень незначительный, только по пяти рублей въ годъ, а съ подмосковныхъ ничего не требовалъ. Демидовъ велъ подробныя записки своимъ путешествіямъ, описанія которымъ составляли часть драгоцѣнной библіотеки его, погибшей, вмѣстѣ съ музеумомъ, въ достопамятный 1812 годъ. Самый каталогъ этой библіотеки не только написанъ былъ рукою Демидова, но даже расположенъ имъ по собственной библіографической системѣ.

Никита Акинѳіевичъ Демидовъ находился въ великой милости у наслѣдника престола, великаго князя Петра Ѳедоровича. Онъ получилъ отъ императрицы Екатерины II чинъ статскаго совѣтника, въ 1762 г. Уважая просьбу Никиты Акинѳіевича, государыня запретила употреблять его на службу безъ именнаго указа. Въ послѣдствіи онъ былъ почетнымъ членомъ Петербургской академіи художествъ и воль-

наго экономическаго общества, кавалеромъ ордена Св. Станислава. Никита Акинфіевичъ извѣстенъ любовію своею къ наукамъ и журналомъ путешествія въ чужіе краи, изданнымъ въ 1786 году. Онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 17 марта 1771 года, а возвратился 22 ноября 1773 г.; былъ въ Курляндіи, Пруссіи, въ Спа, Амстердамѣ, Парижѣ, Англіи, Римѣ и Неаполѣ. Повсюду онъ описывалъ предметы, имъ видѣнные, безъ всякаго пристрастія. «Красота женскаго пола въ Парижѣ — писалъ Никита Акинфіевичъ въ своемъ журналѣ — подобна часовой пружинѣ, которая сходитъ каждыя сутки; равнымъ образомъ и прелесть ихъ заводится всякое утро. Она подобна цвѣту, который рождается и умираетъ въ одинъ день. Все сіе дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣленіемъ, промываніемъ; потомъ прогоняютъ блѣдность и совсѣмъ закрываютъ черный и грубый цвѣтъ, напослѣдокъ доходитъ очередь и до помады, для намазанія губъ, и порошка для чищенія зубовъ. Наконецъ являются губки, щетки, уховертки и въ заключеніи ло-делавандъ, разные духи, эссенціи и благоуханія, и всякій изъ сихъ чистительныхъ составовъ, сосудовъ, разное имѣетъ свое свойство; надлежитъ сдѣлать бѣлую кожу, придать себѣ хорошую тѣнь, загладить морщины на лбу, въ порядокъ привесть брови, дать блескъ глазамъ, розовыми учинить губы; словомъ, надобно до основанія переиначить лице и изъ стараго произвести новое.» — Демидова принимали въ чужихъ краяхъ съ большимъ уваженіемъ и домъ его былъ сборнымъ мѣстомъ не только находившихся внѣ Россіи соотечественниковъ, но даже почтеннѣйшихъ иностранцевъ. Никита Акинфіевичъ, для поощренія славнаго ваятеля нашего Шубина, бывшаго, въ 1772 году, въ Парижѣ, заказалъ ему мраморный свой бюстъ и бюстъ супруги своей; ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Италію, чтобы съ большею пользою разсмотрѣть памятники древности, временемъ сохраненные; переписывался съ Вольтеромъ. Онъ также оказалъ, въ 1781 году, значительное пожертвованіе связнымъ и листовымъ желѣзомъ, съ заводовъ, ему принадлежащихъ, въ

пользу сооружавшаго университетскаго зданія въ Москвѣ. Скончался въ 1789 году.

Прокофій Акинѳіевичъ Демидовъ, сынъ Акинѳія Никитьевича открывшаго колыванскія серебряныя руды къ великому удовольствію Петра Великаго, родился въ Сибири, въ 1710 году. Прокофій Акинѳіевичъ извѣстенъ своими странностями и значительными благотвореніями, пріобрѣтшими ему право на признательность соотечественниковъ. Владѣя значительномъ богатствомъ, Демидовъ, большею частію, имѣлъ пребываніе въ Москвѣ, отлучаясь иногда по торговымъ дѣламъ въ другіе города и даже въ чужіе краи. Въ бытность его въ Англіи тамошніе промышленики принудили его пріобрѣсть дорогою цѣною нѣкоторые необходимые ему товары. Демидовъ рѣшился отомстить имъ чувствительнымъ и оригинальнымъ образомъ. Возвратясь въ отечество, скупилъ онъ въ С.-Петербургѣ всю пеньку, найденную имъ въ городѣ, равно какъ ожидаемую изъ другихъ мѣстъ. Явились англичане съ своими предложеніями: Демидовъ запросилъ въ десятеро дороже противъ существовавшихъ цѣнъ на этотъ товаръ и заставилъ купцовъ возвратиться въ Англію безъ товара. Британцы, удивленные такимъ неожиданнымъ поступкомъ, противнымъ коммерческимъ обычаямъ, выслали, чрезъ нѣкоторое время, другихъ покупщиковъ, въ надеждѣ, что Демидовъ сдѣлается сговорчивѣе, для собственной выгоды, или что они найдутъ пеньку у прежнихъ продавцевъ. Не такъ то было. Къ кому ни обращались Англичане, повсюду слышали одинъ отвѣтъ: идите къ г-ну Демидову, а онъ удвоилъ еще просимую имъ до того цѣну и во второй разъ заставилъ разсчетливыхъ купцовъ совершить, безъ всякой пользы, путешествіе въ Россію*). Не менѣе удивлялъ онъ саксонцевъ закупкою всего прода-

*) Подобную операцію съ пенькою, въ отношеніи къ заграничнымъ покупателямъ, приписываютъ купцу Владимірову, также въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка.

ваемаго на ихъ рынкахъ и пышными угощеніями. Они говорили другъ другу на ухо за огромнымъ столомъ его: «Какъ онъ мотаетъ! Съ чѣмъ-то выѣдетъ отсюда?» Между тѣмъ Демидовъ смѣялся въ слухъ надъ бѣдностію ихъ страны, отзываясь: что некуда ему дѣвать денегъ, что нечего купить. Странности его увеличивались ежегодно. Изумляя другихъ, онъ находилъ въ проказахъ своихъ собственное удовольствіе, иногда откупался дорогою цѣною и, со всѣмъ тѣмъ, продолжалъ одинакій образъ жизни. Многое разсказываютъ о шуткахъ его въ Англіи и Германіи, гдѣ еще и понынѣ его не позабыли. Въ Москвѣ Демидовъ вызывалъ охотниковъ пролежать у него въ домѣ на спинѣ годъ, не вставая съ кровати. Условія были слѣдующія: днемъ и ночью приставленные люди для надзора за соглашавшимися на это испытаніе безпрекословно удовлетворяли всѣ ихъ требованія относительно кушанья и напитковъ. Награжденіе состояло въ нѣсколькихъ тысячъ рубляхъ. Но если вызвавшійся пролежать на спинѣ годъ, отзывался, по прошествіи нѣкотораго времени, невозможностію сдержать обѣщаніе, то въ такомъ случаѣ онъ подвергался тѣлесному наказанію. Такъ же поступалъ Демидовъ, за меньшую плату, съ соглашавшимися простоять передъ нимъ часъ, не мигая, въ то время, какъ онъ махалъ безпрестанно пальцомъ у самыхъ глазъ ихъ. Но и съ странностями своими Прокофій Акинфіевичъ соединялъ человѣколюбіе: освѣдомлялся о причинахъ, побуждавшихъ людей претерпѣвать испытанія такого рода и когда узнавалъ стороною, что не корысть, а крайняя бѣдность руководила ихъ поступками, то не оставлялъ безъ денежнаго вспоможенія. Вошло въ одно время въ моду у молодыхъ людей носить очки, какъ нынѣ всѣ стали носить лорнеты—и вотъ лакеи его, кучеръ, форейторъ и даже лошади очутились въ очкахъ!

Демидовъ часто выѣзжалъ на гулянье цугомъ, составленнымъ изъ двухъ маленькихъ лошадей въ корню, двухъ огромныхъ въ срединѣ съ едва примѣтнымъ форейторомъ и изъ двухъ также небольшихъ лошадей впереди съ форейторомъ

высокаго роста, котораго длинныя ноги касались мостовой. Ливрея лакеевъ соотвѣтствовала упряжи: одна половина состояла вся изъ галуновъ — другая изъ самаго грубаго сермяжнаго сукна; одна нога лакея была въ шелковомъ чулкѣ и въ башмакѣ — другая въ лаптяхъ! Всѣ смѣялись надъ чудакомъ; но и онъ участвовалъ въ общемъ смѣхѣ, довольный своимъ успѣхомъ. Однажды Демидовъ, для наказанія дамъ, которыя въ его ботаническомъ саду рвали рѣдкіе и прекрасные цвѣты, въ разныхъ кустахъ, вмѣсто статуй, разставилъ обнаженныхъ мужиковъ. — Въ бытность въ Москвѣ императора австрійскаго Іосифа II явился онъ въ дворцовый садъ, имѣя на одной ногѣ башмакъ, на другой спальный сафьянный сапогъ и притворялся хромымъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе посѣтители, по случаю присутствія императора, были въ праздничномъ нарядѣ. — Однажды онъ прислалъ своему зятю свинью съ мѣшкомъ, наполненнымъ червонцами, приказавъ угощать ее за столомъ какъ бы его самаго. — Въ Москвѣ былъ нѣкто изъ армянъ, Тарасъ, человѣкъ недальняго ума, любившій играть въ карты съ условіемъ, чтобы проигрышъ назначался на лицѣ углемъ, и такимъ образомъ Тарасъ частехонько въ дружескихъ бесѣдахъ походилъ на трубочиста. Какъ-то ему вздумалось зайти къ Демидову: поздравить его съ праздникомъ. Прокофій Акинѳіевичъ обрадовался вѣрному случаю позабавиться надъ этимъ проказникомъ: началась попойка и Тарасъ свалился съ ногъ. Немедленно Демидовъ велѣлъ принести гробъ, уложилъ гостя своего, связалъ ему на груди руки, всунулъ пукъ ассигнацій, закрылъ крышею, приказалъ поставить на возъ и везти къ его женѣ. Лишь только лошадь завернула на дворъ, провожатый захлопнулъ воротами и скрылся. Все пришло въ движеніе: лай сабакъ, крикъ испуганныхъ служанокъ, удивленіе, вопль хозяйки. Когда-жъ подняли крышу гроба, то она увидѣла въ немъ: своего Тараса Макаровича, богатырскій сонъ послѣдняго, и ассигнаціи въ рукахъ—картина достойная кисти Гогарда! — Но довольно описывать странности и эксцентри-

чности человѣка, ознаменовавшаго себя своими благотвореніями. Прокофій Акинѳіевичъ пожертвовалъ, въ пользу устраивавшагося въ Москвѣ воспитательнаго дома, милліонъ сто семь тысячъ рублей, отдѣливъ изъ этой суммы двѣсти пять тысячъ рублей на основаніе при означенномъ заведеніи коммерческаго училища для ста мальчиковъ, изъ купеческихъ дѣтей. Сверхъ того Демидовъ внесъ, на учрежденіе при петербургскомъ воспитательномъ домѣ госпиталя, въ пользу бѣдныхъ родильницъ, двадцать тысячъ рублей серебромъ; на построеніе императорскаго Московскаго университета двадцать тысячъ и въ главное московское народное училище пять тысячъ рублей. Императрица Екатерина II произвела Демидова, не имѣвшаго ни какого чина, прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, желая ознаменовать предъ цѣлымъ свѣтомъ признательность свою къ благонамѣреннымъ его подвигамъ. Онъ первый, возвратясь изъ чужихъ краевъ, внушилъ правительству, въ 1771 году, мысль о заведеніи въ Россіи ссудной казны и содѣйствовалъ также по этой части.

Главный попечитель воспитательнаго дома, Иванъ Ивановичъ Бецкій писалъ къ Прокофію Акинѳіевичу: «Общество находитъ васъ добрымъ гражданиномъ; дѣла ваши то доказываютъ, а наименованіе добраго есть лучшимъ въ свѣтѣ для человѣка удовольствіемъ.» Императоръ Іосифъ, въ Москвѣ, въ 1780 г., осматривая коммерческое училище, 8-го іюня, спросилъ: кто былъ основателемъ онаго? сколько пожертвовалъ денегъ на этотъ предметъ? Получивъ отвѣтъ, императоръ изъявилъ удивленіе и вмѣстѣ жалѣлъ, что не могъ изъяснить на русскомъ языкѣ мыслей своихъ Демидову, такому попечителю о общемъ благѣ.—Прокофій Акинѳіевичъ скончался въ Москвѣ, 4-го ноября 1786 года, на семьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія.

Николай Никитьевичъ Демидовъ, сынъ Никиты Акинѳіевича, т. е. правнукъ родоначальника Никиты Антуфіевича, родился, въ 1774 году, въ С.-Петербургѣ. Служебное

свое поприще Демидовъ началъ, поступленіемъ въ военную службу, въ качествѣ адъютанта Потемкина, и сражался противъ турокъ, построивъ на свой счетъ фрегатъ на Черномъ морѣ. Въ послѣдствіи онъ женился на дочери графа Строгонова; въ 1812 г. выставилъ на свой счетъ цѣлый полкъ и подарилъ академіи свое большое собраніе рѣдкостей. Въ 1813 г. построилъ въ С.-Петербургѣ четыре моста изъ чугуна. Живя почти постоянно, съ 1815 г., во Флоренціи, онъ самъ управлялъ своимъ огромнымъ имѣніемъ въ Россіи, и въ немъ улучшалъ промышленость, заводилъ разныя фабрики; въ Крыму развелъ виноградники, шелковичныя и оливковыя деревья, стоившія ему своимъ разведеніемъ болѣе милліона руб. Онъ обладалъ знаменитою картинною галлереею. Умеръ въ 1828 г. во Флоренціи. Послѣ него остались сыновья: Павелъ и Анатолій Николаевичи. Павелъ Николаевичъ былъ губернаторомъ въ Курскѣ, гдѣ имя его памятно, какъ благотворителя края; онъ же и учредитель *Демидовскихъ премій академіи наукъ*, а братъ его, Анатолій Николаевичъ, основалъ *Демидовскій домъ трудящихся въ С.-Петербургѣ.* Павелъ Николаевичъ уже умеръ, а Анатолій Николаевичъ постоянно живетъ заграницею. Анатолій Николаевичъ Демидовъ снарядилъ также ученую экспедицію для изслѣдованія южной Россіи. Описаніе этаго путешествія издано было на французскомъ языкѣ, а потомъ переведено на русскій.

ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ
ШЕЛИХОВЪ,
основатель Россійско-Американской компаніи
(1747—1795).

Григорій Ивановичъ Шелиховъ, рыльскій именитый гражданинъ, возведенный въ послѣдствіи въ дворянское достоинство за заслуги отечеству, имѣя небольшое состояніе, первоначально производилъ торговлю по Сибири. Въ то время вниманіе торгующаго въ Сибири купечества обращено было на открытіе острововъ въ Тихомъ океанѣ, съ цѣлью промысла на нихъ морскихъ бобровъ, отъ которыхъ компаніоны-торговцы, отправлявшіе суда, при счастливомъ возвращеніи послѣднихъ, получали значительныя прибыли. Компаніоны состояли бо̀льшею частію изъ купцовъ русскихъ и сибирскихъ городовъ. Увлеченный ихъ успѣхами, Шелиховъ поѣхалъ въ Камчатку, и тамъ, въ 1776 году, вступилъ въ товарищество съ камчатскимъ купцомъ Лукою Алинымъ. Общимъ иждивеніемъ построили они судно въ Нижнекамчатскѣ, и, назвавъ его «Св. Павелъ», въ томъ же году отправили на острова. Это судно возвратилось въ 1780 году, имѣя груза 936 шкуръ бобровъ морскихъ, 1,580 песцовъ голубыхъ, и 34,000 морскихъ котовъ, по тогдашнимъ цѣнамъ, на 74,240 руб.

Въ 1777 году, Шелиховъ, будучи въ Охотскѣ, обратилъ вниманіе на Курильскіе острова, съ дальновиднымъ планомъ, кромѣ промысла бобровъ, открыть сношенія съ японцами, и если представится возможность, то завести съ ними постоянную торговлю. Съ этою цѣлію онъ соединился съ столь же предпріимчивымъ якутскимъ купцомъ Лебедевымъ-Ласточкинымъ, и, построивъ въ Охотскѣ мореходное судно «Николай», поручилъ его въ команду, данному ему отъ Охотскаго порта, штурману Пѣтушкову. Прибывъ къ 18-му острову, Пѣтушковъ расположился тамъ зимовать. Онъ велъ такъ успѣшно свои дѣла, что, въ теченіе десяти мѣсяцевъ пребыванія на островѣ, промыслилъ и пріобрѣлъ, покупкою отъ курильцевъ, 970 морскихъ бобровъ, 135 лисицъ лучшихъ сортовъ и 195 песцовъ голубыхъ. Пѣтушковъ на байдарѣ ѣздилъ въ гавань Аткисъ, на островѣ Матсмаѣ, но въ сношеніяхъ съ японцами не имѣлъ успѣха.

По возвращеніи этаго судна въ Охотскій портъ, компаніоны Шелиховъ и Лебедевъ, довольные удачнымъ промысломъ бобровъ, отправили вновь то же судно въ 1778 году. Командиромъ опредѣленъ дворянинъ Антипинъ. Прибывъ къ 18-му острову, онъ расположился зимовать.

Въ этотъ разъ не было удачнаго промысла, равно какъ и сношенія съ японцами, къ которымъ ѣздилъ Антипинъ на байдарѣ въ заливъ Аткисъ, были неуспѣшны. Можетъ быть въ ожиданіи лучшаго, Антипинъ рѣшился провести другую зиму; но 8-го января 1780 г. сдѣлалось жестокое землетрясеніе. Море взволновалось и поднялось такъ высоко, что судно стоявшее въ гавани, отнесено было на средину острова. Антипинъ, не имѣя способовъ стянуть судно на воду, оставилъ его, и рѣшился плыть на байдарѣ въ Камчатку. Вывезенная имъ рухлядь была очень маловажна.

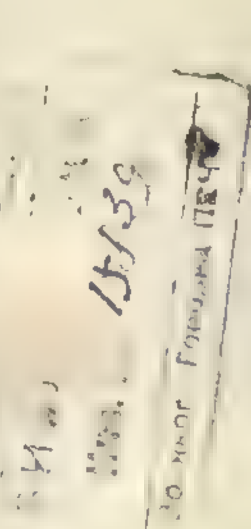
Эта неудача ослабила виды на Курильскіе острова и Шелиховъ до времени ихъ оставилъ.

Между тѣмъ, вступивъ въ компанію съ купцами Панови

ми, онъ отправилъ изъ Нижнекамчатска судно «Варооломей и Варнава» на Алеутскіе острова. О плаваніи этого судна нѣтъ другихъ извѣстій, кромѣ того, что оно возвратилось въ 1781 году, съ грузомъ, оцѣненнымъ въ 58,000 рублей.

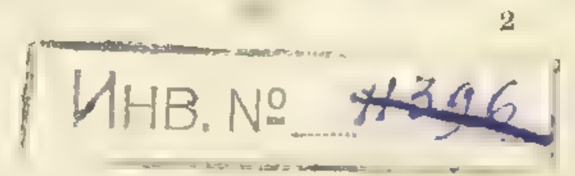
Въ то же время сблизился съ компаніонами, въ отправленіи судовъ, капиталистъ, курскій именитый гражданинъ И. Л. Голиковъ. Онъ содержалъ питейные откупа по Иркутской губерніи, и, по предложенію Шелихова, вступилъ съ нимъ въ товарищество. Въ Камчаткѣ было построено судно «Св. Андрей Первозванный», и отправлено изъ Петропавловской гавани на Алеутскіе острова, въ 1777 году. На обратномъ пути оно претерпѣло крушеніе, но спасенный отъ гибели грузъ проданъ за 133,450 рублей. Этотъ богатый въ то время грузъ вознаградилъ компаніоновъ за всѣ убытки, и сверхъ того доставилъ хорошія выгоды.

Изъ записокъ В. Н. Берха видно, что Шелиховъ, испытывая счастіе въ разныхъ компаніяхъ, въ 1778 году, въ сотовариществѣ съ камчатскимъ купцомъ Козицынымъ, отправилъ ботъ «Николай» на Алеутскіе острова, который три раза совершалъ туда плаваніе, но каковы были успѣхи, о томъ не собрано свѣдѣній.

Въ 1779 году, въ компаніи съ Голиковымъ, Шелиховъ отправилъ судно, названное «Св. Іоаннъ Предтеча» изъ Петропавловской гавани, которое, проведя шесть лѣтъ на Алеутскихъ островахъ, возвратилось въ Охотскъ въ 1784 году, и вывезло 1,074 бобровъ морскихъ, 927 песцовъ голубыхъ и 440 котовъ морскихъ.

Отправленное, въ 1776 году, судно «Св. Павелъ», какъ сказано, возвратилось съ значительнымъ грузомъ, доставившимъ Шелихову новыя средства для дальнѣйшихъ предпріятій. Онъ построилъ вновь судно, и, назвавъ его «Іоаннъ Рыльскій», отправилъ изъ Петропавловской гавани на Алеутскіе острова. По шестилѣтнемъ странствованіи, судно на возвратномъ пути при берегахъ Камчатки потерпѣло крушеніе. Грузъ,

состоявшій изъ 900 бобровъ, 18,500 котовъ и 930 песцовъ голубыхъ, былъ спасенъ.

Въ 1781 году, Шелиховъ съ Лебедевымъ отправили судно «Св. Георгій» на Алеутскіе острова, поручивъ его въ команду штурману Прибылову. Путешествіе этого судна продолжалось до 1790 года. Прибыловъ былъ столь счастливъ, что, отойдя съ Уналашки въ Берингово море, открылъ новый островъ, названный, по имени судна, Св. Георгія, въ 1788 году. Онъ оставилъ тамъ артель рабочихъ, которые въ слѣдующемъ году, съ высотъ острова, усмотрѣли другой островъ. Поѣхавъ на него въ байдарѣ, они нашли на немъ въ изобиліи морскихъ бобровъ и котовъ, и назвали островомъ Св. Павла.

Шелиховъ, по своей дѣятельности сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Петербургѣ, пользовался расположеніемъ сильнаго въ то время графа П. А. Зубова. Въ признательность свою назвалъ онъ вновь открытую купу островами Зубова, но это названіе осталось только въ его собственныхъ актахъ. Гидрографы въ память открывателя присвоили имъ названіе «Прибыловыхъ». Изъ собственноручнаго письма Шелихова къ правителю Камчатки, Баранову, видно, что грузъ, вывезенный Прибыловымъ съ новооткрытыхъ острововъ, состоялъ изъ 2,000 бобровъ, 40,000 котовъ, 6,000 песцовъ голубыхъ, 1,000 пудовъ моржевыхъ клыковъ и 500 пудовъ усовъ китовыхъ. Все это добыто сорока русскими въ теченіе двухъ лѣтъ.

Въ томъ же, 1781 году, Шелиховъ, по товариществу съ Алинымъ, отправилъ вновь судно «Св. Павелъ», которое, по пятилѣтнемъ странствованіи, возвратилось съ бѣднымъ грузомъ, по оцѣнкѣ на 135,000 рублей.

Между тѣмъ Шелиховъ, тѣснѣе соединившись съ Голиковымъ, въ умѣ своемъ изобрѣталъ планы обширные, и, постепенно отдѣляясь отъ участія мелкихъ компаніоновъ, оставилъ только часть своего капитала въ компаніи Лебедева, въ акціяхъ на суднѣ «Георгій», котораго плаваніе было слишкомъ продолжительно, а вывозъ мѣховъ самый бѣдный.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что Шелиховъ только испытывалъ свои силы, изучалъ образъ дѣйствія въ этомъ родѣ промышлености, и старался пріобрѣсти довѣренность главнаго своего соучастника, съ пособіемъ котораго могъ бы приступить къ важнѣйшимъ предпріятіямъ, по планамъ болѣе обширнымъ и надежнымъ. Онъ видѣлъ, по выраженію адмирала Крузенштерна, разрушительное дѣйствіе промысловъ прежняго рода, производимыхъ безъ вниманія къ состоянію жителей островов этой части Тихаго океана. Съ умомъ, свойственнымъ государственному человѣку, онъ поставилъ главнѣйшею своею цѣлью упрочить для отечества занятые острова, привести обитателей ихъ въ подданство Россіи, завести осѣдлости, гдѣ только то возможно, и потомъ уже заботиться о собственныхъ выгодахъ и о пріобрѣтенія новыхъ сокровищъ въ странахъ отдаленныхъ.

Не ранѣе 1783 года Шелиховъ могъ привести въ дѣйствіе свои обширные замыслы. Къ этому времени у него были выстроены три корабля, названные: «Три Святителя», «Симеонъ и Анна» и «Св. Михаилъ». Близь Охотскаго порта впадаетъ въ море рѣка Уракъ. При устьѣ ея Шелиховъ основалъ собственную верфь. Посадивъ на суда 192 человѣка рабочихъ, онъ, сопутствуемый женою, 16-го августа, изъ устья р. Уракъ вышелъ въ море на галіотѣ «Три Святителя». Недостаточныя познанія мореплавателей того времени заставляли ихъ плыть туда, гдѣ менѣе является опасностей, и, вмѣсто открытаго пути въ океанъ, идти проливомъ между 2-мъ и 5-мъ островами. Они проходили между Камчаткой и островомъ Сумшу. 2-го сентября, достигнувъ пролива, стали на якорь, и ѣздили на островъ, запастись прѣсною водою. На другой день пустились въ путь; 12-го числа начался крѣпкій вѣтеръ, продолжавшійся двое сутокъ. Въ это время суда разлучились. Черезъ два дня два первыя суда, соединясь, пристали, 24-го сентября, къ Берингову острову, на которомъ и прозимовали. Третьяго судна они не могли дождаться.

На этомъ островѣ Шелиховъ не нашелъ ни бобровъ ни котиковъ, доказательство какъ безразсчетно тогдашнія частныя компаніи производили свои звѣриные промыслы. Берингъ въ 1742 году нашелъ на островѣ своего имени несмѣтное множество этихъ животныхъ, а чрезъ сорокъ лѣтъ не было уже и признаковъ ихъ. Правда, нѣсколько промышленниковъ успѣли обогатиться, но что же осталось для ихъ послѣдователей? Надобно знать, что Беринговъ островъ не былъ обитаемъ, а потому промышленики, по приходѣ туда, строили себѣ жилища, чтобы провести зиму. По этому можно судить, какъ спокойно проведена была зима Шелиховымъ съ его супругой. Время года повсюду на сѣверѣ суровое; на островѣ же Беринга сопровождается сильными вѣтрами и снѣжными буранами, часто засыпающими юрты. Человѣкъ, выходя вверхъ по лѣстницѣ изъ юрты, можетъ сдѣлать тогдае два нѣсколько шаговъ, чтобы не погрузиться въ снѣжные сугробы.

16-го іюня 1784 года, оба корабля оставили островъ, но 18-го при туманѣ вновь разлучились. На другой день Шелиховъ присталъ къ Мѣдному острову; 23-го, отплывъ оттуда, онъ слѣдовалъ по южной сторонѣ Алеутскихъ острововъ, и имѣлъ въ виду Атху, Амлю, Сегуамъ, Амухту и Четырехъ-Сопочные острова. 12-го іюля, переходя на сѣверную сторону Алеутскихъ острововъ, онъ сошелся съ галіотомъ «Симеонъ и Анна», и 13-го они вмѣстѣ пришли въ Уналашку.

Шелиховъ не былъ ученымъ наблюдателемъ, и не могъ дѣлать опредѣленій видѣннымъ имъ острововъ; но онъ все то, что слышалъ о положеніи ихъ, о произведеніяхъ, народонаселеніи и о физическихъ явленіяхъ на нихъ, записывалъ и приводилъ въ порядокъ. Шелиховъ первый издалъ свѣдѣнія объ этихъ островахъ, заслуживающія вниманія изъ всѣхъ, до насъ дошедшихъ. Такое вниманіе доказываетъ наблюдательный умъ и точность въ изысканіяхъ.

Изготовившись къ дальнѣйшему плаванію, 22-го іюля, суда вышли въ море. Шелиховъ счелъ за нужное пригласить съ

собою десять лисьевскихъ алеутовъ, чтобы они могли служить ему переводчиками. Изъ Берингова моря въ океанъ вышли суда проливомъ, заключающимся между островами Унимокомъ и Акуномъ, который и нынѣ почитается безопаснѣйшимъ. Шелиховъ замѣтилъ, что и этотъ проливъ ничего судовому ходу препятствующаго не имѣетъ, потому что чистъ и пространенъ, только во время прилива и отлива быстрота теченія бываетъ въ немъ сильнѣйшая.

Островъ Кадьякъ есть наибольшій изъ острововъ, прилежащихъ къ этой части материка Америки. «Кадьякъ» было собственное его имя; но у сосѣдственныхъ островитянъ онъ былъ, извѣстенъ подъ именемъ Кихтака, что значитъ «великій» или «большой» островъ. Онъ былъ населенъ народомъ воинственнымъ, такъ что приставашіе къ нему русскіе промышленники не разъ были отражаемы жителями, которые не только не позволяли имъ заниматься ловомъ бобровъ, но не хотѣли имѣть съ ними торговли и мѣны. Жители нападали на промышленниковъ и заставляли ихъ обыкновенно уходить обратно.

Шелиховъ это зналъ, и мысль овладѣть народомъ независимымъ, сильнымъ, и богатымъ драгоцѣнными мѣхами, была его цѣлью. На двухъ судахъ онъ имѣлъ до 130 человѣкъ русскихъ и 10 лисьевскихъ алеутовъ. Люди были исправно вооружены, а потому онъ могъ надѣяться противостать съ успѣхомъ народу многочисленному, но слабо вооруженному луками, стрѣлами и копьями.

Остановясь на якорѣ въ одной удобной гавани, которую, по имени судна, Шелиховъ назвалъ гаванью Трехъ Святителей, онъ на другой день послалъ людей, на четырехъ байдарахъ, къ берегу, чтобы освѣдомиться о населеніи. На одной изъ байдаръ робочіе успѣли захватить островитянина и привезли на судно. Шелиховъ угостилъ, одарилъ его, и отпустилъ на берегъ. Этотъ первый посѣтитель навсегда остался вѣрнымъ, часто пріѣзжалъ на суда, и предостерегалъ отъ нападеній своихъ единоземцевъ. Въ первые дни наши путеше-

ственники мало видѣли туземцевъ, 9-го августа, отъѣхавъ отъ судна верстъ на сорокъ, увидѣли ихъ, въ множествѣ собравшихся на неприступномъ каменномъ утесѣ. Шелиховъ, узнавъ о томъ, поѣхалъ самъ, и ласкою старался склонить ихъ къ мѣнѣ и торговлѣ. Но дикіе, вмѣсто отвѣта, пустили въ него стрѣлы, что заставило его удалиться, и, не пренебрегая угрозами ихъ, принять мѣры осторожности. 12-го августа, когда Шелиховъ расположился на берегу, недалеко отъ сборища островитянъ, они, въ большомъ числѣ, въ полночь, напали съ такою жестокостію, что, при малѣйшей оплошности, небольшой русскій отрядъ палъ бы на мѣстѣ. Шелиховъ говоритъ: «Очевидная смерть подала намъ бодрость, и мы, защищаясь ружьями, едва могли обратить дикарей въ бѣгство. Сраженіе продолжалось съ четверть часа. Съ восхожденіемъ солнца не видѣли уже никого, да и убитыхъ ни одного человѣка, такъ какъ дикіе унесли ихъ съ собою.» Черезъ переметчика, изъ лисьевскихъ алеутовъ, Шелиховъ узналъ, что дикари ожидаютъ подкрѣпленія изъ другихъ мѣстъ, и потому, не медля, рѣшился согнать ихъ съ возвышенности. Подступивъ къ крутизнѣ, русскіе стрѣляли изъ ружей, но мало наносили вреда; дикіе съ своей стороны отбивались, пуская съ высоты стрѣлы. Видя, что ружейные выстрѣлы для дикихъ не страшны, Шелиховъ употребилъ въ дѣло пять двухъ-фунтовыхъ пушекъ, и старался разрушить ими ихъ жилища. Звукъ неизвѣстнаго оружія, и разрушеніе слабыхъ строеній навели сильный страхъ на островитянъ и они побѣжали изъ засады, оставивъ на мѣстѣ 5 человѣкъ раненыхъ. Шелиховъ взялъ въ плѣнъ до тысячи человѣкъ, но распустилъ большую половину, а только до 400 привезъ на судно въ гавань. Изъ этихъ плѣнныхъ, онъ избралъ одного старшиною, и, снабдивъ его нужными потребностями, обѣщалъ свою помощь, оставивъ изъ нихъ аманатами до 20-ти человѣкъ. Поселясь въ разстояніи 15-ти верстъ отъ судна, дикари были всегда вѣрными союзниками русскихъ. Жители, приглашенные на помощь изъ

окрестностей, видя бѣгущихъ отъ пораженія, разбѣжались по своимъ селеніямъ. Но страхъ дикарей скоро миновался. Увидѣвъ байдары русскихъ въ Игакской бухтѣ, въ ненастное время ночью, они напали на нихъ копьями и стрѣлами. Удачною стрѣльбою изъ ружей, русскіе дикихъ разогнали, но кожаныя байдары были сильно повреждены копьями, и 6 человѣкъ русскихъ были ранены.

Эти неоднократные опыты убѣдили Шелихова, что онъ долженъ былъ безпрестанно защищаться отъ нападенія островитянъ. Послѣдніе, какъ онъ зналъ отъ своихъ приверженцевъ, почитали возможнымъ не только изгнать русскихъ съ острова, но и ни одного человѣка не оставить въ живыхъ. Наши промышленики шли для пріобрѣтенія бобровъ, а не съ тѣмъ, чтобы подвергать жизнь свою ежедневной опасности. Они всѣ знали, что три судна, приходившія къ Кадьяку въ 1761, 1776 и 1784 годахъ, тщетно пытались промышлять звѣрями: дикари немедленно ихъ отразили, и принудили удалиться отъ острова. Промышленики не могли послѣ того оставаться равнодушными, и колебались въ своихъ мнѣніяхъ. Шелиховъ, твердый и рѣшительный въ предположеніяхъ, осторожный при опасностяхъ и ревностно стремившійся къ пріобрѣтенію отечеству области отдаленной и народа воинственнаго, пренебрегалъ угрозой дикарей, и ободрялъ своихъ подчиненныхъ надеждою на перемѣну обстоятельствъ.

Байдары, посланныя для развѣданія мѣстъ по окрестностямъ, постоянно должны были обороняться, но между тѣмъ Шелиховъ ближайшихъ къ себѣ жителей ласкалъ, угощалъ, привязывалъ подарками, и пріобрѣлъ отъ многихъ довѣренность и уваженіе. Чтобы дать имъ понятіе о силѣ огнестрѣльнаго оружія, онъ пробурилъ большой камень, наложилъ туда пороху, и утвердивъ замокъ отъ ружья, привязалъ къ нему длинную веревку. Пригласивъ на присутствіе при этомъ опытѣ многихъ смирныхъ островитянъ, Шелиховъ велѣлъ сдѣлать выстрѣлъ и огромный камень разлетѣлся по частямъ.

Слухи о дѣйствіи пороха поселили всеобщій страхъ между туземцами, и мало по малу они стали склоняться къ союзу съ русскими. Шелиховъ не жалѣлъ для того подарковъ, и пользовался всѣмъ, что могло удивить или прельстить дикихъ. Чрезъ толмачей онъ давалъ имъ понятіе объ истинахъ христіанской вѣры, о великолѣпіи церковнаго богослуженія, о силѣ, славѣ, кротости и милосердіи великой монархини, о могуществѣ и богатствѣ народа русскаго, объ одеждѣ, пищѣ, образѣ жизни и торговлѣ подвластныхъ Россіи народовъ.

Картины, зеркала, кулибинскій фонарь, чтеніе книгъ, письмена и другіе невиданные предметы для дикарей были поводомъ, что Шелихова почитали они выше всѣхъ обыкновенныхъ людей и сдѣлались къ нему почтительны и привязаны. Дикари приводили къ нему аманатами дѣтей своихъ, и просили учить ихъ говорить по-русски и читать книги. Онъ устроилъ школу для 25-ти мальчиковъ, и предписалъ правила для обращенія съ ними.

Исполнивъ великое дѣло пріобрѣтенія подъ державу Россіи народа многочисленнаго, Шелиховъ открылъ путь и къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ по сѣверному берегу Америки.

Въ 1785 г. между рабочими обнаружилась въ сильной степени цынготная болѣзнь. Это происшествіе, разнесшееся между дикарями, побудило ихъ къ новымъ заговорамъ для нападенія, но умыселъ вскорѣ былъ открытъ преданными русскимъ жителями, и главные зачинщики были представлены Шелихову.

2-го мая, онъ отправилъ въ четырехъ байдарахъ 52 человѣка русскихъ и 120 алеутовъ къ востоку до Кенайскаго залива, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и людьми, населяющими острова и берега Америки, на пути лежащіе. Посланные возвратились въ августѣ, послѣ того что имѣли свиданія съ островитянами, кенайцами и чугачами, нигдѣ не подвергаясь нападеніямъ и привезли съ собою 20 человѣкъ заложниковъ отъ разныхъ племенъ. Между тѣмъ по острову

Кадьяку производилась въ разныхъ мѣстахъ торговля и мѣна на мѣха. Въ декабрѣ того же года отправлены Шелиховымъ двое промышленниковъ въ Кенайскую губу, съ товарами для торговли. Увѣренные въ миролюбивомъ обращеніи кенайцевъ, они были сопровождаемы однимъ толмачемъ.

Въ февралѣ 1786 года, Шелиховъ получилъ увѣдомленіе отъ Деларова, съ Аляски, что разлучившійся, при вступленіи въ море, галіотъ «Михаилъ,» въ маѣ 1785, вышелъ изъ Уналашки, терпѣлъ крѣпкіе вѣтры, потерялъ мачту, снова пришелъ въ Уналашку, и тамъ зимовалъ.

Въ мартѣ Шелиховъ командировалъ большой отрядъ алеутовъ, подъ надзоромъ пяти русскихъ, къ мысу Св. Иліи, располагая построить тамъ крѣпость. На пути туда, отрядъ потерпѣлъ, на островѣ Шуяхѣ, непріятности отъ поколебавшихся въ вѣрности туземцевъ. По полученіи подкрѣпленія, эти непріятности уничтожились, и отрядомъ выстроены укрѣпленія на Афогнакѣ и при Кенайской губѣ.

Приготовясь оставить Кадьякъ, Шелиховъ поручилъ управленіе дѣлами достойному довѣрія енисейскому купцу Самойлову, и далъ ему полное наставленіе, какъ содержать своихъ людей, и какъ обращаться съ островитянами. Онъ взялъ съ собою изъ нихъ 15 человѣкъ, чтобы показать имъ Иркутскъ, и внушить въ нихъ понятіе о могуществѣ русскихъ и о пространствѣ предѣловъ Россіи. 22-го мая, на галіотѣ «Три Святители» вышелъ онъ въ море, въ сопровожденіи начальника островитянъ. Къ Курильскимъ островамъ подошли 30-го іюля, и, прошедши первымъ проливомъ, задержались дней шесть противными вѣтрами и склонились къ Большерѣцку. Тутъ корабль остановился на якорѣ. Шелиховъ съѣхалъ на берегъ. Между тѣмъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ, судно сорвало съ якоря, и отнесло въ море.

Пріѣхавши въ Большерѣцкъ, Шелиховъ узналъ, что въ Петропавловскую гавань пришло англійское судно съ товарами. Онъ немедленно туда отправился, и, прибывъ 23-го авгу-

ста, узналъ, что судно принадлежитъ Остъ-Индской Компаніи, и пришло изъ Кантона въ гавань подъ командою капитана Питерса. Англичане, желая сбыть свой грузъ, ласкали и угощали Шелихова. По пріѣздѣ въ гавань начальника Камчатки, барона Штейнгеля, условившись о покупкѣ, Шелиховъ купилъ у нихъ на 6,611 рублей, съ переводомъ платежа на Москву. Окончивъ свои дѣла, 5-го сентября, онъ оставилъ гавань и чрезъ три дни пріѣхалъ въ Большерѣцкъ. Здѣсь онъ сбылъ купленные товары, съ выгодою 50 процентовъ. Промыселъ, взятый имъ съ Кадьяка, состоялъ изъ 1,111 бобровъ и 1,060 лисицъ. Оставя Большерѣцкъ 12-го сентября, Шелиховъ рѣшился ѣхать кругомъ Камчатки на собакахъ. Путь этотъ есть самый труднѣйшій, какой можно только себѣ представить, именно состоитъ изъ переѣзда чрезъ ненаселенныя пустыни, и потомъ чрезъ селенія коряковъ, народа вовсе недружелюбнаго. Подвергая жизнь свою опасности, Шелиховъ достигъ Охотска 27-го января 1787 года. Жена его, остававшаяся на галіотѣ, прибыла въ Охотскъ благополучно. Взявъ ее съ собою, онъ выѣхалъ изъ Охотска, также на собакахъ, 8-го февраля. Въ продолженіе этого пути, онъ долженъ былъ мѣнять свои экипажи, и гдѣ только была возможность ѣхать на собакахъ, оленяхъ, и лошадяхъ. 12-го марта достигъ онъ Якутска, а 6-го апрѣля Иркутска.

Сколько препятствій и опасностей предстояло въ плаваніи, прожитіи на Кадьякѣ и обратномъ переѣздѣ! Для преодолѣнія ихъ, нужны были твердость характера и неуклонное намѣреніе слѣдовать предположенному плану. Шелиховъ достигъ своей цѣли, но сколько пожертвовалъ онъ для того!

Вмѣсто оставленнаго на Кадьякѣ временнаго правителя Самойлова, Шелиховъ условился съ грекомъ Е. И. Деларовымъ, бывшимъ на островахъ и свѣдущимъ по части промышлености. Лѣтомъ 1787 года, Деларовъ изъ Охотска отправился въ Кадьякъ. Въ слѣдующемъ году Деларовъ, по предписаніямъ Шелихова, посылалъ штурмановъ Измайлова

и Бочарова къ сѣверо-западному берегу Америки. Они выполнили съ успѣхомъ возложенное на нихъ порученіе, и описаннымъ мѣстамъ составили карты. Въ 1789 году, Деларовъ основалъ селеніе въ Кенайской губѣ и, на посланномъ въ Охотскъ суднѣ, отправилъ къ Шелихову 5,500 бобровъ морскихъ, 1,385 выдръ, 138 бобровъ рѣчныхъ и 4,788 лисицъ разныхъ сортовъ.

По возвращеніи въ Иркутскъ, Шелиховъ ѣздилъ въ Петербургъ, и представилъ высшему начальству донесенія о своихъ дѣйствіяхъ, во время пребыванія на Кадьякѣ, которыя были удостоены высочайшаго вниманія императрицы Екатерины. По повелѣнію Ея правительствующему сенату, въ 1788 году Шелиховъ пожалованъ золотою медалью, осыпанною алмазами, для ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, шпагою и похвальною граматою, дозволявшею продолжать начатые подвиги на пользу торговли. Послѣ того, находясь въ Иркутскѣ, какъ сборномъ мѣстѣ промысловыхъ товаровъ, Шелиховъ распоряжалъ оттуда дѣлами компаніи своей съ Голиковымъ, который, не присылая къ нему капиталовъ на подкрѣпленіе дѣйствій, нерѣдко приводилъ Шелихова въ затруднительное положеніе. Это было причиною ихъ взаимныхъ неудовольствій, доходившихъ до жалобъ по присутственнымъ мѣстамъ. Деларовъ, назначенный на опредѣленное время, требовалъ себѣ смѣны. Шелиховъ нашелъ достойнаго ему преемника въ лицѣ Александра Андреевича Баранова, съ которымъ условился окончательно въ Охотскѣ, и въ 1790 году отправилъ его на Кадьякъ.

Дѣла и подвиги Баранова таковы, что выборъ этого дѣятельнаго и умнаго правителя дѣлаетъ большую честь Шелихову.

Во время пребыванія на Кадьякѣ, Шелиховъ примѣтилъ, что нѣкоторые изъ островитянъ, убѣдясь въ высокихъ истинахъ православной вѣры, желали быть приняты въ нѣдра ея. Онъ зналъ, что ничто такъ не можетъ сильно двинуть

дикій народъ къ просвѣщенію, какъ дѣйствіе благодати Божіей, и вѣра, внушаемая служителями церкви. Убѣдясь въ необходимости озарить свѣтомъ евангелія дикарей, онъ представилъ о томъ иркутскому генералъ-губернатору Пилю. Послѣдній послалъ прошеніе Шелихова на воззрѣніе императрицы. Екатерина II, указомъ правительствующему сенату, даннымъ 30-го іюня 1793 г., повелѣла назначить для того духовную миссію, для чего избранъ былъ архимандритъ, съ приличнымъ числомъ монашествующихъ.

Для основанія ремеслъ и земледѣлія на Кадьякѣ, Шелиховъ просилъ генералъ-губернатора снабдить его, изъ ссыльныхъ, 20 человѣками мастеровыхъ, кузнецовъ, слесарей, мѣдниковъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, и 10-ю семейными хлѣбопашцами. Императрица повелѣла, указомъ сенату, отъ 31-го декабря 1793 года, всѣхъ тѣхъ людей отпустить Шелихову.

Духовная миссія прибыла въ Иркутскъ изъ С. Петербурга зимнимъ путемъ. Для удобнаго отправленія ея въ Америку, равно какъ и ремесленныхъ поселенцевъ, Шелиховъ самъ поѣхалъ въ Охотскъ, и на судахъ «Три Святителя» и «Св. Екатерина» отправилъ всѣхъ въ распоряженіе правителя Баранова.

Мысль снабдить ремесленниками новую колонію была прекрасна, но люди изъ преступниковъ не были къ тому способны. Изъ числа двадцати двое или трое съ пользою исправляли свое дѣло; остальные же, по дурному поведенію и худой нравственности, были отяготительны и вредны для мѣстнаго начальства.

Основавъ осѣдлость на Кадьякѣ, и подкрѣпляя ее новыми силами, Шелиховъ предписывалъ Баранову распространять владѣнія далѣе по берегу Америки, а между тѣмъ отправить часть русскихъ и алеутовъ на Курильскіе острова, для занятія 18-го острова. Барановъ рѣшительно отозвался на эти предписанія, что, обращая главное вниманіе на укрѣпленіе

заселеній по Америкѣ и на увеличеніе промысловъ, онъ не можетъ удѣлить судовъ и людей для Курильскихъ островъ.

Это извѣстіе Шелиховъ получилъ въ 1794 году. Не имѣя тогда въ Охотскѣ лишнихъ людей, онъ отложилъ эту экспедицію до слѣдующаго года. По дѣламъ своимъ, онъ не могъ самъ ѣхать въ Охотскъ, а потому управленіе охотскою конторою поручилъ брату своему, который и отправилъ на 18-й островъ отрядъ русскихъ, подъ начальствомъ Звѣздочетова, человѣка опытнаго, но, по характеру своему, лютаго, недостойнаго ни какой довѣренности въ управленіи людьми. Дѣла его съ начала и до конца были цѣпью злодѣяній.

Шелиховъ, какъ видно по нѣкоторымъ его отзывамъ, двадцать разъ посѣщалъ Охотскъ, и нѣсколько разъ Камчатку, не изъ любопытства, но по побужденію своего дѣятельнаго ума, а въ Америкѣ, сколько для чести себѣ, а болѣе для пользы государственной, трудился неутомимо, и слѣдовательно работалъ преимущественно умомъ. Люди, занятые физическимъ трудомъ, оставляя въ покоѣ умственныя способности, этими трудами ослабляютъ только свои тѣлесныя силы; человѣкъ же, дѣйствующій умомъ, встрѣчая на пути своемъ препоны, безпокойства, неудачи, преодолѣваетъ ихъ умомъ. Всѣ эти препятствія разслабляютъ духъ и тѣло, и людей съ свойствомъ пылкимъ скорѣе склоняютъ въ могилу.

Такъ и Шелиховъ оставилъ здѣшній міръ, еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не исполня всѣхъ своихъ предположеній. Въ главной цѣли, онъ и по смерти былъ счастливъ. Человѣкъ, избранный имъ для управленія дѣлами въ Америкѣ, былъ человѣкъ необыкновенный. Онъ усилилъ предначертанія Шелихова, и возвелъ компанію до возможной степени благосостоянія. Съ именемъ Г. И. Шелихова стоитъ на ряду имя А. А. Баранова.

Шелиховъ скончался 20-го іюля 1795 года, въ Иркутскѣ, на 48 году отъ роду, и погребенъ подлѣ алтаря соборной церкви въ тамошнемъ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Надъ могилою его, въ 1800 году, наслѣдниками поставленъ мраморный памятникъ, стоившій около 12,000 рублей асс., съ особеннымъ искусствомъ изготовленный въ Екатеринбургѣ. На мраморѣ иссѣчена надпись извѣстнаго поэта Дмитріева:

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины,
Россъ Шелиховъ, безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ,
Притекъ въ Америку сквозь бурныя пучины.
И нову область Ей и Богу покорилъ.

По смерти Шелихова, императрица Екатерина II наградила труды и подвиги его дарованіемъ женѣ его и потомству правъ россійскаго дворянства, съ предоставленіемъ производить и торговлю. Императоръ Павелъ 1-й, покровительствуя составившейся тогда Россійско-Американской компаніи, повелѣлъ, чтобы изъ семейства Шелихова назначенъ былъ первенствующій директоръ, и этого званія удостоенъ былъ тогда зять Шелихова, М. М. Булдаковъ.

ТЕРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ

ВОЛОСКОВЪ,

изобрѣтатель *волосковскаго кармина и бакана*, природный механикъ

(1729—1806).

Читая жизнеописанія различныхъ европейскихъ ученыхъ, мы видимъ, что большая часть ихъ получила образованіе или въ университетахъ, или въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Взорамъ и мыслямъ ихъ предстояло тамъ все то, что способствуетъ успѣхамъ разума, развиваетъ ихъ природныя склонности и что почти невольно влечетъ на стезю наукъ. Кабинеты физическіе, математическіе, механическіе, библіотеки, музеи, модели, образцы живописные и скульптурные, лабораторіи,—все это явственно представляетъ воспитанникамъ университетовъ и академій многоразличную область наукъ и искусствъ. Но бо̀льшая часть нашихъ русскихъ техническихъ людей не пользовались до послѣднихъ лѣтъ ни однимъ изъ этихъ пособій и достигали до всего сами, путемъ собственнаго труда, собственнаго неутомимаго наблюденія и изысканія. Къ числу такихъ замѣчательныхъ людей русскихъ принадлежалъ, между прочимъ, ржевскій купецъ Терентій Ивановичъ Волосковъ, который однако имѣлъ свѣдѣнія не ничтожныя въ химіи, физикѣ, меха-

пикѣ и даже богословіи. Какимъ же образомъ пріобрѣлъ онъ эти свѣдѣнія? Внимательное разсмотрѣніе постепенныхъ успѣховъ этого замѣчательнаго человѣка, можетъ быть, откроетъ путь къ равнымъ успѣхамъ и другимъ питомцамъ природы и терпѣнія.

Волосковъ выросъ подъ надзоромъ своего отца, который, понаучившись отъ нѣмцевъ, занимался дѣланіемъ часовъ. «Ремесла за плечами не носимъ, а съ нимъ добро». Въ этомъ добрѣ Волосковъ помогалъ отцу своему съ юныхъ лѣтъ. Онъ разбиралъ съ нимъ часовые снаряды, пристально разсматривалъ каждое колесо, каждую пружину, и вскорѣ началъ самъ дѣлать глиняные и деревянные часы. Примѣръ отцовскій, вниманіе и осмотрительность, были первыми уроками молодому Волоскову. Въ понятіи, не искаженномъ способами дурнаго ученія, малое возбуждаетъ мысль о великомъ: Волосковъ отъ лѣпленія глиняныхъ часовъ перешелъ къ составленію такихъ часовъ, которые справедливо возбуждали удивленіе въ знатокахъ художествъ и искусствъ.

Братъ нашего ржевскаго механика имѣлъ тѣ же склонности, но не имѣлъ той способности, которая отъ подражанія ведетъ къ изобрѣтенію; въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ много работалъ по части механики, но самъ ничего не произвелъ.

Терентій Ивановичъ Волосковъ, не имѣя передъ собою ни какихъ изящныхъ образцовъ художествъ и искусствъ, доискивался самъ собою чего-то превосходнѣйшаго. Бюффонъ весьма справедливо называлъ терпѣніе свойствомъ великихъ умовъ: они противоборствуютъ затрудненіямъ и неудачамъ, убѣждаясь, во внутренней силѣ, что достигнутъ когда нибудь своей цѣли. Слабоуміе нетерпѣливо и перемѣнчиво.

Нѣкоторые называютъ всѣ художества и искусства передразниваніемъ природы: выраженіе это не унижаетъ ни художествъ, ни искусствъ. Оно показываетъ, что наблюденіе природы животворитъ всѣ произведенія искусственныя. Волосковъ любилъ бесѣдовать съ природою; каждый весенній и

лѣтній день занимался онъ уединенными прогулками: подъ тѣнію лѣсовъ, на холмахъ, или въ долинахъ, встрѣчалъ онъ утреннюю зарю; разсматривалъ постепенное измѣненіе тѣни и свѣта; удивлялся восходящему солнцу, и нерѣдко наблюдалъ весь дневной его кругъ. Съ такимъ же вниманіемъ разсматривалъ онъ и луну, напечатлѣвалъ въ мысляхъ всѣ ея виды, и сообразжалъ въ понятіи своемъ всѣ другія небесныя явленія. Размышляя объ устройствѣ вселенной, онъ убѣждался, что всѣ наши предпріятія должны сопровождаться постепенностію. Наблюденіе природы замѣнило Волоскову образцы искусствъ и художествъ. Когда у него спрашивали: «гдѣ онъ учился?» Онъ обыкновенно отвѣчалъ: «въ лѣсахъ».

Повторимъ, что отецъ Волоскова, очень умный человѣкъ, о которомъ, къ сожалѣнію, не осталось ни какихъ письменныхъ свѣдѣній, примѣромъ и словами, доказывалъ дѣтямъ своимъ, что «хотя ремесла за плечами не носимъ, но съ нимъ добро». Замѣтимъ также, что Жанъ-Жакъ Руссо на знаніи ремесла основывалъ всѣ правила своего воспитанія, говоря, что науки полезны въ нѣкоторое только время, а ремесло во всѣхъ обстоятельствахъ доставляетъ пропитаніе. Предки наши также знали эту истину и передали намъ ее въ этомъ сильномъ и краткомъ выраженіи: ремесла за плечами не носимъ, но съ нимъ добро.

Братья Волосковы, по смерти трудолюбиваго отца, стали жить своими трудами; имъ осталось самое надежное наслѣдство: благонравіе и любовь къ труду. Раздѣлясь жильемъ, братья сохраняли прежнее единодушіе и дружество.

Въ это время, т. е. въ началѣ XVIII столѣтія, расколъ заражалъ умы многихъ ржевскихъ жителей.

Оба братья Волосковы прилѣплены были къ расколу: вскорѣ, однако, узнавъ заблужденіе свое, обратились въ православіе. Въ благодарность Богу, озарившему ихъ души лучами истины, они совокупнымъ иждивеніемъ выстроили церковь въ Ржевѣ и украсили ее со всевозможнымъ усердіемъ.

Не удовлетворяясь этою жертвою Богу, они старались сооружать ему нетлѣнные храмы въ сердцахъ своихъ сограждан.

Питая разумъ и душу поученіями Дмитрія Ростовскаго, Терентій Ивановичъ Волосковъ говорилъ согражданамъ своимъ: «Крестъ Господній должно уважать не по различнымъ видамъ и концамъ, но по знаменію страданія Сына Божія. Чего же требуетъ отъ насъ Богъ? Онъ велитъ, чтобы мы помогали бѣднымъ; чтобы любовью къ ближнимъ изъявляли ему любовь нашу! Онъ не требуетъ многословія, а малаго добраго дѣла. Перестанемъ спорить о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестѣ; будемъ служить Богу, вѣрѣ и ближнимъ любовью и дѣлами.»

Эти слова подтверждалъ Волосковъ примѣромъ своимъ. Нищелюбіе было первою его добродѣтелью, да и вообще онъ находилъ величайшее для себя наслажденіе въ томъ, чтобы помогать страждущимъ и нуждающимся, отъ небольшихъ избытковъ своихъ. Каждый день отъ тридцати до пятидесяти истинныхъ, достойныхъ уваженія, нищихъ приходили къ домамъ обоихъ братьевъ, которые надѣляли ихъ въ обыкновенные дни пищею, а въ праздничные деньгами. Изъ оконъ Волосковыхъ просящіе никогда не слыхали холодное: «Богъ дастъ». Во имя Бога, любви и милосердія, они дѣлились съ ближними тѣмъ, что посылалъ Богъ.

Обратимся къ художественнымъ произведствамъ Терентія Волоскова, и предъявимъ доказательство остроумія его и отличной памяти. По приверженности къ своей вѣрѣ, занимаясь часто святцами, онъ вознамѣрился всѣ церковныя исчисленія помѣстить на своихъ пальцахъ. Давно уже извѣстенъ способъ, посредствомъ сжатія пальцевъ, опредѣлять число дней каждаго мѣсяца. Селькиркъ, послужившій сюжетомъ для извѣстнаго всѣмъ романа: *Робинзонъ Крузе*, находясь на необитаемомъ островѣ, узнавалъ такимъ образомъ числа. Терентій Волосковъ изъ начальнаго опыта составилъ нѣчто цѣлое: онъ такъ искусно расположилъ святцы по суставамъ и чертамъ, находя-

щимся на рукахъ, что во всякое время, не запинаясь, могъ отвѣчать на всѣ вопросы, относящіеся къ святцамъ. Память, изощренная размышленіемъ, изобразила на поверхности рукъ его всѣ исчисленія церковнаго мѣсяцослова.

Дары природы и ума рѣдко сопровождаются дарами счастія. Волосковъ имѣлъ самый малый достатокъ; но въ замѣнъ того обладалъ тѣмъ, чего нельзя купить ни за какія сокровища. Терпѣніе, дѣятельность и надежда на провидѣніе подкрѣпляли его въ трудахъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ его жизни.

Вмѣстѣ съ механическою работою упражнялся Волосковъ и въ химическихъ опытахъ. Обративъ забаву въ пользу, онъ принялся составлять карминъ и баканъ, которыми отчасти торговалъ его отецъ.

Отличный умъ отъ малаго доходитъ до большаго и наблюдаетъ всѣ результаты. «Разумный видитъ что за чѣмъ идетъ». Старинное это изрѣченіе показываетъ, что всѣ основательныя и правильныя умозаключенія происходятъ отъ ясной и постепенной связи понятій, которымъ вниманіе и размышленіе доставляютъ зрѣлость и дѣятельность. Кто хорошо обдумывалъ каждую вещь, тотъ хорошо помнитъ: память, предводимая разсужденіемъ, видитъ что за чѣмъ идетъ. То, что мы называемъ изобрѣтательною силою, есть быстрое соображеніе предшествовавшихъ познаній, помощію которыхъ отыскиваемъ новыя.

Едва Волосковъ посвятилъ себя новому занятію, дѣятельный его умъ тотчасъ открылъ ему много новыхъ средствъ и способовъ къ успѣшнѣйшей работѣ.

Старикъ Иванъ Волосковъ умѣлъ только составлять самый посредственный карминъ и продавалъ его по низкимъ цѣнамъ; сынъ его, Терентій, новый природный ржевскій химикъ, прибавивъ въ прежніе растворы нѣсколько составовъ собственно своего изобрѣтенія, сдѣлалъ карминъ и баканъ превосходнѣйшей доброты. Румяна его также почитались лучшими.

Фунтъ кармина Волоскова продавался по 144 рубля асс.; бакана же по 75 руб. асс. Труды Волоскова одобрены были и въ иностранныхъ земляхъ. Карминъ, баканъ и румяны ржевскіе вывозимы были за границу.

Отъ чего такъ дороги эти краски?

Отъ того, что кошениль, которой болѣе всего употребляется въ нихъ, дорого продается: нынѣ цѣна ей отъ 50 р. с. до 58 р. с. за пудъ.

Извѣстно, что многія важныя открытія въ химіи сдѣланы нечаянно; фосфоръ, фарфоръ изобрѣтены неожиданно неутомимыми искателями философскаго камня. Такимъ образомъ и Волосковъ, упражняясь въ различныхъ химическихъ опытахъ, сдѣлалъ нечаянно прекрасное открытіе. Въ одинъ изъ своихъ растворовъ переложилъ онъ однажды излишнее количество какого-то состава, и получилъ карминъ темно-пурпуроваго цвѣта. Петербургская академія художествъ, принявъ этотъ карминъ и сдѣлавъ испытаніе, увидѣла, что онъ весьма пригоденъ къ изображенію виссоновъ и багряницъ, также малиноваго цвѣта бархатовъ съ отливами. Прежде смѣшивали, и часто неудачно, по нѣсколько различныхъ красокъ, для составленія одной подобной цвѣтомъ кармину Волоскова. Ржевскій химикъ получилъ благодарность отъ академіи и порученіе доставлять ей по временамъ нѣкоторое количество красокъ его. Къ чести Волоскова замѣтимъ, что онъ не присвоивалъ одному себѣ своихъ изобрѣтеній: работая вмѣстѣ съ братомъ, онъ дѣлилъ съ нимъ и славу и выгоды.

Торгъ карминомъ, баканомъ и другіе обороты умножили достатокъ Терентія Волоскова, и тѣмъ, освободивъ его отъ тягости боренія съ нуждою, дали ему способъ располагать свободнѣе своимъ временемъ. Онъ предался чтенію различныхъ полезныхъ и наиболѣе относящихся къ художествамъ книгъ, которыхъ впрочемъ въ то время было очень мало въ Россіи. Охота къ чтенію часъ отъ часу въ немъ усиливалась и, по словамъ его вдовы, онъ проводилъ въ чтеніи большую

часть ночи и засыпалъ съ книгою въ рукахъ, а днемъ, куда бы ни шелъ изъ дома, всегда бралъ съ собою книгу. Бесѣдуя непрестанно съ лучшими авторами, и внимательно созерцая природу, Волосковъ принялся опять за любимыя свои механическія упражненія. Онъ уже сдѣлалъ нѣсколько часовъ, изъ которыхъ одни показывали числа, другіе измѣненіе луны, ходъ солнца и прочее, но предпріимчивый духъ его, не довольствуясь этимъ, желалъ соединить все это въ одно цѣлое: онъ захотѣлъ сдѣлать такіе часы, которые могли бы почесться ближайшимъ сколкомъ огромнаго строенія природы. Это было его постоянною идеею.

Этимъ предпріятіемъ занимался онъ долгое время, будучи попеременно столяромъ, слесаремъ и механикомъ. Всѣ деревянныя, мѣдныя и стальныя вещи были имъ самимъ сдѣланы. Наконецъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Волосковъ соорудилъ памятникъ во славу себѣ и Россіи: онъ сдѣлалъ астрономическіе часы, какихъ дотолѣ въ отечествѣ нашемъ, кажется, еще не бывало.

Домъ въ Ржевѣ, Терентія Ивановича Волоскова, поражалъ не блескомъ пышности, но чрезвычайною простотою и опрятностію. У стѣны средней комнаты стояли большіе часы, самой простой наружности. Многіе совѣтовали художнику украсить ихъ; онъ отвѣчалъ: «по одеждѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ: я не хочу пускать пыль въ глаза; пусть часы мои заслужатъ почтеніе не великолѣпнымъ нарядомъ, а внутреннею добротою.» Часовая доска была вся испещрена кругами: это цѣлый мѣсяцословъ, или, въ уменьшенномъ видѣ, картина неба. Тамъ движется серебряная луна со всѣми ея измѣненіями; тамъ протекаетъ золотое солнце по голубому горизонту, который сжимается и распространяется по мѣрѣ прибавленія и умаленія дня. Захотите ли узнать о настоящемъ годѣ, мѣсяцѣ, числѣ? о томъ, въ какомъ положеніи луна, или въ какомъ знакѣ небеснаго пути находится солнце? Взгляните только на часы, и тотчасъ все это увидите. Сверхъ того най-

дете тамъ: *эпакту, кругъ луны, индикты, вруцѣлѣто* и прочія церковныя исчисленія.

Кто же все это такъ прекрасно, такъ замысловато и правильно устроилъ? Всякій русскій съ сердечнымъ удовольствіемъ, подъ среднимъ кругомъ, прочитаетъ слова: *ржевскій купецъ Терентій Волосковъ.*

Эти часы отъ всѣхъ прочихъ преимущественно отличались тѣмъ, что стрѣлка сама собою, безъ всякаго ручнаго пособія, переходила съ послѣдняго на первое число каждаго мѣсяца, и въ три обыкновенные годы, въ февралѣ по 28, а въ четвертый высокосный 29 дней означала сама собою. Это заставляетъ думать, что въ часахъ Волоскова было одно колесо, обращавшееся около своей оси въ теченіе четырехъ лѣтъ только одинъ разъ.

Изобразивъ Волоскова механикомъ, химикомъ и богословомъ, все ли мы о немъ сказали? Нѣтъ: онъ былъ еще искуснымъ оптикомъ и астрономомъ. «Мы сами, писалъ въ 1810 году Сергѣй Николаевичъ Глинка, издатель *Русскаго Вѣстника*, въ домѣ Волоскова, въ Ржевѣ, видѣли зрительныя трубы его работы, изъ которыхъ одна имѣла семифутовую длину.»

«Вотъ въ эту трубу, говорила добродушная вдова Волоскова, покойной мужъ мой смотрѣлъ на луну и разсказывалъ, что въ ней видны какія-то горы и моря, а въ эту трубу, изъ темныхъ погребовъ, глядѣлъ онъ на солнце, отъ чего подъ старость лишился одного глаза.»

Какъ трудно удержать разумъ въ настоящихъ предѣлахъ! Кто не гонялся за мечтами? Пламенное воображеніе нечувствительно завлекаетъ насъ въ лабиринтъ ихъ. Декартъ почти всю свою систему основалъ на мечтахъ. Лейбницъ и послѣдователи его долго обольщались монадами. Впрочемъ надобно признаться, что очень неглупые люди отыскивали четыре средства: первое, въ политикѣ установленіе всеобщаго мира; второе, въ математикѣ опредѣленіе квадратуры круга; третье, въ механикѣ произведеніе вѣчнаго движенія; наконецъ, искапіе

философскаго камня. И такъ будемъ снисходительны къ Волоскову, который съ жаромъ предпринималъ изобрѣсть вѣчное движеніе и не изобрѣлъ его.

Гора, на которой стоятъ домы двухъ братьевъ Волосковыхъ, названа *Волосковою горою.* Ржевскіе жители имѣютъ обычай назначать имена согражданамъ своимъ, дарованіямъ и свойствамъ ихъ приличныя. Племянникъ Терентія Волоскова прослылъ *хитрымъ*, потому что былъ искусенъ въ художествѣ дяди своего.

Многіе удивлялись часамъ ржевскаго художника; многіе предлагали за нихъ довольно значительныя суммы; но вдова Волоскова, какъ ихъ, такъ и всего, что мужу ея принадлежало, ни за что не хотѣла продать.

Библіотека Терентія Волоскова состояла по большей части изъ механическихъ, химическихъ, астрономическихъ и прочихъ книгъ. Духовныя творенія занимали въ домѣ его также нѣсколько полокъ. Изъ рукописныхъ его сочиненій примѣчательнѣйшими были: обличеніе на расколъ Михаила Калмыка, попа Стародубскихъ слободъ. Возраженія Волоскова и разсужденія предложены въ разговорахъ. Тутъ же находилась книга, заключавшая въ себѣ полную переписку его съ Андріаномъ Морозовымъ, новоторжскимъ головою.

Этотъ Андріанъ, по убѣжденію Волоскова, отринулъ расколъ и, въ первый разъ по причащеніи своемъ святымъ тайнамъ, писалъ къ нему письмо, начинавшееся этими словами: «въ треволненіи чувствъ моихъ не могу еще поднесь безъ благоговѣйнаго и сердечнаго содроганія воспомянуть о томъ, какимъ чудеснымъ образомъ вмѣстилъ я въ себя невмѣстимаго!»

Въ послѣдніе годы жизни своей ржевскій художникъ предавался иногда глубокой задумчивости. Особенно замѣтна въ немъ была грусть о томъ, что труды его остались безъ всякаго одобренія отъ тѣхъ, которыхъ мнѣніе было бы для него лестно и полезно. Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ не могъ равно-

душно видѣть лучшаго произведенія своего, часовъ, и, подходя къ нимъ, съ горестію часто говаривалъ: «Суета суетъ и всяческая суета!» Потомъ, оборотясь къ женѣ, прибавлялъ: «Завѣсь часы! мнѣ грустно на нихъ смотрѣть. Всѣ труды наши суеты!» Волосковъ умеръ 77 лѣтъ отъ роду.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ

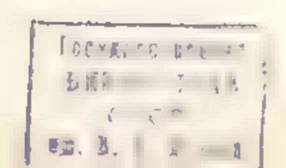
КРАШЕНИННИКОВЪ,

знаменитый своими благотвореніями.

(1775—1849).

Михаилъ Ивановичъ *Крашенинниковъ* родился въ городѣ Серпуховѣ въ 1775 году. Родители его принадлежали къ купеческому сословію, извѣстны были своею честностію, и жили долго въ совершенномъ довольствѣ. Къ семейной радости не доставало у нихъ сына, котораго они желали пламенно. Вдругъ Крашенинниковъ, занимавшійся поставками, понесъ значительные убытки. Подняться не было силъ. Дѣла пошли хуже и хуже: онъ разорился! Въ эту несчастную эпоху его жизни, Богъ послалъ ему желаннаго сына. Отецъ не могъ радоваться на него долго, и черезъ четыре года умеръ отъ огорченій, оставивъ вдову съ тремя малолѣтними дѣтями: двумя дочерями и сыномъ Михаиломъ.

Мальчикъ вскорѣ сдѣлался главнымъ утѣшеніемъ матери, а потомъ и помощникомъ ея въ трудахъ по хозяйству. Когда Михаилу минуло четырнадцать лѣтъ, то мать, хотя и съ трудомъ, рѣшилась однакоже съ нимъ разстаться и отпустила его въ Москву, чтобы онъ опредѣлился къ мѣсту, для обученія торговлѣ. Горько было ихъ разставаніе: она благословила своего сироту, подробно наставила, какъ вести себя и

жить въ чужихъ людяхъ, и дала ему на дорогу *семь копѣекъ*. Вотъ основаніе десятимилліоннаго капитала Крашенинникова!

Въ Москвѣ онъ поступилъ въ домъ купцовъ Кирьяковыхъ мальчикомъ — на посылкахъ: принести, отнести, стоять у лавки, звать покупателей, завертывать товаръ, провожать, отворять двери и тому под. Исправностію, расторопностію, честностію, онъ рано обратилъ на себя вниманіе хозяина, и жить ему стало хорошо: помогать бѣднымъ, удѣлять имъ отъ своего жалованія, которое увеличивалось по мѣрѣ возраста,— это его качество и тогда уже было замѣчено. Первую значительную сумму, имъ скопленную, онъ отдалъ любимой своей матери, для отдачи старшей сестры въ замужество.

Домъ Кирьяковыхъ палъ. Молодой Крашенинниковъ, пріобрѣтшій уже знакомство въ торговомъ сословіи, перешелъ къ купцу Сѣрикову, въ холщевый рядъ прямо прикащикомъ, не смотря на раннюю еще молодость свою. Трудами и заботами о пользахъ хозяина въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ достигъ наконецъ до значительнаго мѣста «прикащика на отчетѣ». Ежегодно къ святой недѣлѣ, приводя весь ему ввѣренный капиталъ въ наличныя деньги, и, при строгой отчетливости, сдавая ихъ своему хозяину, онъ вновь начиналъ свои обороты товарами, которые оставались въ его пользу. Въ продолженіе этого періода онъ лишился матери, и вторая сумма, имъ скопленная, была употреблена на ея погребеніе.

Когда совершилось ему 27 лѣтъ, М. И. Крашенинниковъ пріобрѣлъ столько уже денегъ своими неусыпными трудами, что могъ самъ сдѣлаться хозяиномъ. Пришла пора жениться. Многіе предлагали ему родство съ богатыми домами, но онъ отказывался, говоря, что у него нѣтъ въ виду богатства, и что онъ доволенъ собственнымъ своимъ состояніемъ. Онъ искалъ себѣ жены по сердцу, и наконецъ женился на дочери юрьевскаго купца Шевелкина. Тогда завелъ онъ ткацкую фабрику.

Занявшись этимъ дѣломъ, онъ имѣлъ случай пріобрѣсть

большія свѣдѣнія о достоинствѣ и цѣнности англійской пряжи. Это былъ рѣшительный шагъ на пути его къ богатству. Съ каждымъ годомъ онъ сталъ выписывать ее больше и больше, исправнымъ платежемъ успѣвъ пріобрѣсть себѣ неограниченное довѣріе со стороны иностранныхъ продавцевъ, а со стороны своихъ покупателей знаніемъ дѣла и вѣрностію, такъ что фабриканты начали преимущественно къ нему обращаться.

Торговые обороты его увеличивались съ усиленіемъ нашихъ ситцевыхъ и бумажныхъ фабрикъ. Въ вслѣдствіе тогдашнихъ событій, послѣдовало запрещеніе ввоза, а у него въ запасѣ и въ дорогѣ было заготовлено огромное количество. Бумага поднялась быстро въ цѣнѣ; капиталъ его внезапно удвоился, даже утроился, равно какъ и капиталъ Мазурина, и еще одного какого то знаменитаго торговца.

Въ 1817 году М. И. Крашенинниковъ лишился нѣжно любимой жены, и долго былъ въ отчаяніи. У него осталось пятеро малолѣтнихъ дѣтей; онъ долженъ былъ вступить во второй бракъ. При этомъ случаѣ онъ обратилъ еще менѣе вниманія на богатство, желая найти только мать для своихъ дѣтей и облегчительницу его хозяйственныхъ трудовъ: желаніе его исполнилось въ лицѣ дочери московскаго купца Даніила Семеновича Лапинскаго. Отъ этого брака онъ имѣлъ одну дочь.

Къ особенной чести Крашенинникова служило, въ торговомъ сословіи, его вниманіе къ постояннымъ своимъ покупателямъ. Часто случалось, что ему предлагали наличныя деньги за пряжу, а онъ удерживалъ товаръ для нихъ, зная, что такіе то сорты имъ понадобятся, и отдавалъ имъ, при первомъ ихъ спросѣ, въ кредитъ.

Такимъ порядкомъ шли дѣла его до 1842 года, и онъ, не смотря на многія потери, обогащался болѣе и болѣе. Въ этомъ году онъ однакоже прекратилъ свои дѣла, хотя и былъ еще въ совершенныхъ силахъ. «Довольно, сказалъ онъ, пора перестать и дать другимъ дорогу».

Послѣднее время онъ занимался только учетомъ, сокращая впрочемъ свои дѣла постепенно. Въ городъ почти не ѣздилъ. Тамъ, въ амбарѣ, оставался у него кассиръ, который принималъ и учитывалъ векселя, получалъ деньги, вносилъ въ опекунскій совѣтъ, донося ему, и получая отъ него наставленія, приказанія, съ утвержденіемъ или отрицаніемъ, ежедневно.

По векселямъ онъ никогда почти не подавалъ ко взысканію, и старался окончивать всѣ дѣла миролюбно, хотя бы то было и съ потерею для себя.

Тяжебъ и судебныхъ дѣлъ терпѣть не могъ, и одно появленіе на дворѣ какого нибудь служителя полиціи, съ напоминаніемъ о мостовой или за другимъ подобнымъ дѣломъ, причиняло ему безпокойство.

Образъ его жизни былъ слѣдующій: вставалъ въ 5 часовъ и оставался до 8-го часа въ своей молельной комнатѣ на молитвѣ, съѣдалъ потомъ кусокъ чернаго кислаго хлѣба; въ 9 часовъ пилъ чай среди семейства; потомъ занимался перепискою; въ 2 часа обѣдалъ; послѣ обѣда иногда по праздникамъ дремалъ нѣсколько; въ 3 часа отправлялся въ городъ, гдѣ оставался до 6 или 7 часовъ; дома занимался нѣсколько времени съ прикащиками, и садился играть въ карты, или выѣзжалъ въ купеческое собраніе, особенно въ молодости, гдѣ также проводилъ нѣсколько времени. Спать не ложился никогда позже одиннадцати часовъ. Отъ этого порядка онъ не отступалъ никогда.

По прекращеніи торговли, онъ по нѣскольку часовъ поутру и послѣ обѣда прогуливался, наполнивъ свои карманы гривнами, которыя и раздавалъ по дорогѣ, такъ что домой возвращался всегда уже совершенно облегченный. Иногда ему не доставало денегъ для раздачи; тогда онъ заходилъ въ сосѣднюю лавочку (его знали по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ), и бралъ въ заемъ. Любилъ онъ ходить особенно къ Серпуховской и Калужской заставамъ. Тамъ обыкновенно онъ оста-

навливался разговаривать съ рабочими, возвращавшимися, изъ Москвы, въ деревню, или шедшими оттуда, разспрашивалъ о хозяевахъ, ихъ дѣлахъ, разсчетахъ, занятіяхъ, и часто получалъ отъ нихъ вѣрныя извѣстія, полезныя для него по его оборотамъ.

Однажды вечеромъ, у Каменнаго моста, напали на него неизвѣстные люди и потребовали денегъ, называя его по имени. Онъ отдалъ все, что у него было, испугавшись только за свои любимые часы, которыхъ однакоже эти люди не тронули, можетъ быть, потому, что часы были самые простые,—мѣдные посеребряные; но они были дороги Михаилу Ивановичу, потому преимущественно, что это былъ подарокъ, и первый подарокъ бывшаго его хозяина Кирьякова, въ то время, когда ему было всего 15 лѣтъ и онъ былъ въ мальчикахъ.

На одной изъ этихъ прогулокъ, въ 1845 году января 3-го, извощикъ, ѣхавшій съ сѣдокомъ, сбилъ его съ ногъ, и онъ упалъ безъ памяти. Сѣдокъ привелъ его въ чувство и предложилъ ему ѣхать домой на той же лошади. Онъ сѣлъ на сани, пріѣхавъ, разсчелся съ извощикомъ, и не сказалъ дома ни слова о своемъ приключеніи. Послѣ обѣда съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ признался, что упалъ, и согласился послать за докторомъ. Кровопусканіе ему помогло, но чрезъ два года несчастный случай отозвался.

Любимое его чтеніе было *Московскія Вѣдомости*, и бѣда, бывало, молодому прикащику, если онъ забывалъ привезти изъ города газеты: въ трескучій морозъ ворочался онъ съ дороги, чтобъ взять оставленный нумеръ.

Послѣ вѣдомостей любилъ онъ читать историческія сочиненія: *Миллотову всеобщую исторію* прочелъ онъ нѣсколько разъ, также *исторію Фридриха Втораго*, *Наполеона*, *Петра Великаго.* Ничего вымышленнаго терпѣть не могъ читать. Если читать было нечего, то онъ садился прясть, для чего бралъ обыкновенно шерсть изъ сосѣдняго амбара, отъ купца Мазурина, которую, спрстивши, возвращалъ исправно.

По праздникамъ онъ ходилъ въ церковь, которой былъ очень преданъ, къ обѣдпѣ, къ заутренѣ, къ вечернѣ, и всегда становился па клиросѣ.

Лѣто любилъ проводить въ деревнѣ — или у своей дочери, или па дачѣ, въ Волынскомъ, и въ другихъ окрестностяхъ.

Роста онъ былъ средняго; походка была у него скорая; голосъ твердый и пріятный; цвѣтъ лица бѣлый, съ румянцемъ, волосы темпорусые; ходилъ обыкновенно въ сюртукѣ, а выѣзжалъ, впрочемъ рѣдко, во фракѣ; шейный платокъ и манишку носилъ всегда бѣлые. Вообще въ одеждѣ онъ любилъ чистоту и опрятность.

Говорить любилъ, и о всякомъ дѣлѣ разспрашивалъ съ удовольствіемъ, до подробностей.

Обходился съ дѣтями очень строго, съ родными и знакомыми ласково, къ подчиненнымъ былъ очень взыскателенъ, и угодить ему было не легко.

Возраженій сначала терпѣть не могъ, и любилъ дѣлать все по своему. Въ старости однакоже сдѣлался мягче. Однажды какъ то одна изъ близкихъ особъ сдѣлала ему какія-то замѣчанія объ его характерѣ. Онъ велѣлъ написать сіи ихъ подробно, съ тѣмъ, чтобъ имѣть при себѣ и заняться исправленіемъ этихъ недостатковъ. Мстительности въ немъ не было замѣтно, но помнилъ обиды, и правду сказать — прощать было для него тяжело. Характеръ былъ у него твердый; слова своего всегда держался крѣпко; во всѣхъ сношеніяхъ былъ точенъ и исправенъ. Ложь ненавидѣлъ даже до крайности. Въ высшей степени былъ бережливъ и утонченно разсчетливъ, не только для себя, но и для всѣхъ его окружающихъ, подчиненныхъ и знакомыхъ. Для него невыносимо было видѣть всякое излишество. Разумѣется онъ былъ врагомъ всякой роскоши и пышности. Зналъ отлично, въ какое время и какіе припасы можно покупать лучше и дешевле; любилъ торговаться, а, сторговавшись, разсчитывался съ

точностію. О домашнихъ расходахъ своихъ могъ дать отчетъ за нѣсколько лѣтъ, потому что всѣ записки этого рода у него сохранялись. Выражался всегда кратко, и употреблялъ въ торговыхъ разговорахъ особенныя, имъ выкованныя, выраженія, но только съ родными и близко знакомыми; съ незнакомыми же онъ говорилъ правильно, московскимъ нарѣчіемъ.

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ скончался 3-го января 1849 года. Поутру онъ былъ у обѣдни, куда звалъ и своихъ домашнихъ, выговаривая за лѣность, провелъ день очень пріятно, и уже легши спать, почувствовалъ себя дурно. Пріѣхалъ докторъ, но не могъ оказать ни какой помощи. Больной изъявилъ самъ желаніе причаститься святыхъ таинъ, принялъ дары съ благоговѣніемъ, въ полной памяти, велѣлъ призвать къ себѣ всѣхъ домашнихъ, просилъ прощенія, поцѣловалъ жену и дочь, и, обнявъ икону Спасителя, съ словами: «Господи, буди милостивъ мнѣ, грѣшному», — предалъ ему свою душу, на 73-мъ году отъ рожденія.

«Буди милостивъ ему, Господи»! скажутъ и будутъ повторять изъ глубины сердца бѣдные, имъ облагодѣтельствованные.

Замѣчательно, что въ семействѣ было какое-то темное предчувствіе о грозившемъ несчастіи. На обѣдѣ у одной изъ дочерей, за нѣсколько дней до кончины, всѣ присутствовавшіе родные чувствовали какое то грустное стѣсненіе: кто ни начиналъ рѣчь, она безпрестанно прерывалась, и водворялось молчаніе; многіе замѣтили это, и напрасно старались оживить бесѣду.

На погребеніи знаменитаго благотворителя народа было много, незнакомыхъ еще больше, чѣмъ знакомыхъ,—всѣ они принадлежали, разумѣется, къ числу лицъ, получившихъ отъ него тайныя вспомоществованія.

Похоронить себя Михаилъ Ивановичъ завѣщалъ въ Покровскомъ монастырѣ, безъ всякой пышности, рядомъ, и если

можно, въ одной могилѣ съ первою своею супругою, что и было исполнено.

Душеприкащиками назначилъ покойный трехъ своихъ зятьевъ. Чрезъ шесть недѣль по обычаю открыто было духовное завѣщаніе. При этомъ случаѣ обнаружилась вновь дѣловая житейская мудрость покойнаго: онъ устроилъ все дѣло такъ, что не оставалось никому ни какого затрудненія привести его въ исполненіе, и отстранялось малѣйшее подозрѣніе въ положеніи оставленныхъ капиталовъ. Все ясно, чисто, просто, безсомнѣнно, ни малѣйшаго повода къ спору, недоумѣнію, замѣшательству.

Принесена была шкатулка, гдѣ хранились его важнѣйшія бумаги, ломбардные билеты, заемныя письма и самые важные документы.

Молодой человѣкъ, бывшій при немъ въ продолженіе трехъ лѣтъ кассиромъ, и пользовавшійся его довѣренностію, объявилъ, что шкатулка не та, которую онъ зналъ въ рукахъ у покойнаго... Присутствующіе усомнились... Душеприкащики отперли, начали разбирать шкатулку, а между тѣмъ нашли въ конторкѣ собственноручную записку покойнаго: «всѣ эти бумаги переложилъ я такого-то числа изъ прежней моей шкатулки въ другую, обитую темною кожею»... И не только исчезло сомнѣніе, но напротивъ получилась полная увѣренность, что покойный одинъ распорядился всѣми своими дѣлами, исчислилъ самъ все свое имѣніе, и выразилъ въ точности свою волю.

Замѣчательно, что, одѣливъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ наслѣдниковъ, дочерей и внучатъ, по сту тысячъ рублей серебромъ, онъ назначилъ своей женѣ только семьдесятъ, считая домъ, ей предоставленный съ мебелью, въ 30 тысячъ рублей, какъ онъ и значился въ расходной его запискѣ. До такой степени покойный былъ точенъ въ распредѣленіи своихъ удѣловъ, и до такой степени онъ уравнялъ

всѣхъ своихъ наслѣдниковъ, чтобъ они не могли по человѣческой слабости ревновать одинъ къ другому!

Они получили сокровище неоцѣненнѣйшее отъ своего родителя; они получили себѣ въ наслѣдство любимое народомъ имя.

Проходя за Москвой рѣкою по широкой улицѣ, ведущей къ Калужскимъ воротамъ, вы увидите на правой рукѣ высокую ограду церкви, во имя Св. Іоанна Воина. Насупротивъ нея возвышается средней величины каменный домъ. Въ этомъ-то домѣ жилъ и скончался знаменитый благотворитель, московскій купецъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ. Остановитесь съ почтеніемъ предъ жилищемъ достойнаго гражданина, и вспомните съ признательностію объ его пожертвованіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ отеръ много, много слезъ на землѣ. — По справедливости, къ именамъ Голицына, Куракина, Шереметева, Демидова, Горихвостова, Набилкова, знаменитыхъ филантроповъ московскихъ, присоединилось еще достопочтенное имя Михаила Ивановича Крашенинникова. *Около пяти милліоновъ рублей асс.* внесъ онъ въ сохранную казну, и *бѣдные получаютъ ежегодно по двѣсти тысячъ рублей себѣ въ пособіе,* для удовлетворенія своихъ нуждъ!

Развернемъ длинную таблицу его благодѣяній. Здѣсь явится душа его предъ нами въ лучшемъ своемъ свѣтѣ; здѣсь огромныя цифры, въ послѣдовательномъ порядкѣ, будутъ говорить намъ яснѣе и убѣдительнѣе всякихъ разсужденій, и всякихъ усилій краснорѣчія.

		руб. асс.
1839,	мая 24. Пожертвовано въ Андреевскую богадѣльню 50,000 р. асс., и въ мѣщанское училище 50,000 руб. асс., всего 100,000, лажъ по 26%	126,000
1840,	въ сентябрѣ, въ Серпуховъ на бѣдныхъ гражданъ	25,200
»	въ ноябрѣ, тожъ на бѣдныхъ гражданъ . .	25,200

		руб. асс.
1841,	въ апрѣлѣ, тожъ на бѣдныхъ граждан. . .	25,200
»	въ декабрѣ, тожъ на бѣдныхъ граждан. . .	52,500
1842,	въ мартѣ, въ Серпуховъ на бѣдныхъ гражданъ	50,050
»	въ августѣ, тожъ на бѣдныхъ гражданъ . .	50,050
1843,	въ маѣ, бѣднымъ дѣвицамъ, на выходъ въ замужество	105,000
1844,	въ мартѣ, на бѣдныхъ гражданъ	49,000
»	въ сентябрѣ, бѣднымъ дѣвицамъ, на выходъ въ замужество	52,500
1845,	іюня 3-го, на сооруженіе церкви Преображенія, въ Наливкахъ	17,500
	(Да въ 1837, сентября 11-го, на сооруженіе трапезы у Спаса, въ Наливкахъ) . . .	10,000
1845,	декабря 10-го, въ Коломну на бѣдныхъ гражданъ	105,000
1846,	марта 11-го, въ дмитровскую градскую думу на бѣдныхъ гражданъ	105,000
»	мая 12-го, на сооруженіе храма Преображенія, въ Наливкахъ	17,500
»	декабря 10-го, въ дмитровскую градскую думу для бѣдныхъ гражданъ	105,900
1847,	марта 14-го, въ коломенскую градскую думу для бѣдныхъ гражданъ	105,000
»	октября 24-го, въ Коломну и Дмитровъ для дѣвицъ	105,000
»	декабря 9-го, тожъ на бѣдныхъ дѣвицъ . .	105,000
1848,	сентября 29-го, въ коломенскую думу на бѣдныхъ дѣвицъ	105,000
»	октября 16-го, въ Дмитровскую думу на бѣдныхъ дѣвицъ	105,000

Эти пожертвованія записаны собственной рукой покойнаго на сѣромъ, толстомъ листѣ, найденномъ въ его бумагахъ.

Послѣднее внесено за три только мѣсяца до его кончины, но рука доброхотнаго дателя не сжалася смертію.

По кончинѣ его оказалось наличнаго капитала въ банковыхъ билетахъ, около полутора милліона руб., и долговыхъ обязательствъ на разныхъ лицахъ около четырехъ милліоновъ. Вся эта сумма, по духовному завѣщанію, тутъ же найденному, за исключеніемъ двухъ съ половиною милліоновъ, имѣющихъ другое назначеніе, должна была быть обращена въ пользу бѣдныхъ.

Наконецъ къ этимъ числамъ должно присоединить частныя личныя благодѣянія покойнаго, которыя остались неизвѣстными. По соображеніямъ его ближнихъ и душеприкащиковъ, розданная сумма при жизни покойнаго должна простираться до 2 милліоновъ асс., а съ исполненіемъ его завѣщанія до пяти милл.

Однакоже пожертвованіе и жертвователь — двѣ вещи совершенно разныя. Надобно умѣть благодѣйствовать. Здравый умъ этого примѣчательнаго человѣка нашелъ, кажется, средство назначать своимъ милліонамъ самое цѣлесообразное употребленіе. Кто знакомъ съ бытомъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, тотъ можетъ оцѣнить вполнѣ эти простыя, благодѣтельныя распоряженія. Какъ тяжело бываетъ содержать многочисленное семейство! Съ какими затрудненіями для бѣдныхъ родителей сопряжено бываетъ намѣреніе выдать дочь замужъ! Какимъ опасностямъ подвергается бѣдная дѣвушка—мѣщанка, сирота! Пристроить ее къ мѣсту, обезпечить сколько-нибудь судьбу ея—это самое большое счастіе, о которомъ мечтаютъ родители. И это все исполняется завѣщаніемъ нашего благотворителя—въ Серпуховѣ и Коломнѣ ежегодно для 12 дѣвицъ, а во всѣхъ прочихъ городахъ для четырехъ. Пятисотъ рублей довольно, чтобъ завести хозяйство, — и вотъ сколько новыхъ семействъ является въ обществѣ со всѣми средствами существованія, по крайней мѣрѣ для начала, а продолженіе зависитъ уже отъ нихъ самихъ.

4*

Распоряженіе о пособіи бѣднымъ людямъ, за двѣ недѣли предъ Рождествомъ и Святою недѣлею, носитъ не менѣе признаковъ опытной мудрости. Это главные наши праздники, двѣ эпохи въ году простолюдина, къ которымъ онъ заранѣе приготовляется. Здѣсь соединяются всѣ его нужды и всѣ его удовольствія: разговѣться, купить обновку женѣ, потѣшить игрушкою ребенка, угостить пріятеля — все къ Рождеству или къ Святой; другой бѣднякъ проживетъ и весь годъ съ пятидесятью рублями отъ Рождества до Святой, и съ другими пятидесятью отъ Святой до Рождества.

Замѣтимъ еще одну черту: благотворитель, человѣкъ русскаго духа, не хотѣлъ стѣснить своихъ исполнителей ни какими формами: далъ имъ деньги, для раздачи безотчетной, на совѣсть, ибо совѣсть бываетъ лучшею ручательницею въ дѣлахъ такого рода, а безъ совѣсти ни какія формы не спасутъ отъ обмана и злоупотребленій; и какой русскій человѣкъ, градскій глава, посягнетъ, съ лицепріятіемъ или пристрастіемъ, на послѣднюю копѣйку изъ этихъ священныхъ суммъ, отдѣленныхъ отъ родныхъ дѣтей для неимущей братіи.

Распоряженіе о долгахъ не менѣе примѣчательно: покойный запретилъ своимъ душеприкащикамъ прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ, напротивъ доставлять всѣ облегчительныя средства, дѣлать уступки и даже прощать долги по усмотрѣнію: ибо, помогая однимъ, не должно затруднять, тѣмъ менѣе раззорять другихъ; пусть помощь останется за ними, какъ неимущими.

Весь планъ пожертвованій созрѣлъ въ умѣ или въ сердцѣ благотворителя очень давно, и съ 1840 года онъ началъ приводить его въ исполненіе.

Чертъ деликатной честности и чисто христіанской благотворительности не мало въ жизни Крашенинникова, который, между прочимъ, вынимая въ послѣднее время изъ сохранной казны какую-нибудь сумму для своихъ учетныхъ оборотовъ, всѣми силами старался воротить ее туда какъ можно ско-

рѣе; лишь только собиралась нѣкоторая часть, онъ спѣшилъ послать, говоря, что онъ не хочетъ остаться въ долгу у своихъ кредиторовъ. Слова эти были непонятны при его жизни: никто не зналъ, о какихъ кредиторахъ говорилъ онъ, не бывъ никогда долженъ никому; но когда открылось его завѣщаніе, когда стало извѣстно, куда дѣвалъ онъ деньги при жизни, тогда только догадались, что кредиторами своими онъ называлъ бѣдныхъ, которымъ назначилъ эти суммы. Богатство свое, слѣдовательно, считалъ онъ полученнымъ отъ Бога, въ ссуду для раздачи бѣднымъ.

Можно привести здѣсь еще одинъ его отзывъ, показывающій, что онъ, проведя всю свою жизнь, такъ сказать, въ области денегъ, не ослѣпился блескомъ золота, и зналъ ему настоящую цѣну: въ 1848 году случилось въ Москвѣ нѣсколько большихъ банкротствъ, отъ которыхъ нашъ благотворитель потерялъ болѣе полутора милліона рублей. Когда одинъ изъ эго близкихъ явился къ нему съ изъявленіемъ своего соболѣзнованія о такой огромной потерѣ, — «э, любезный,» — отвѣчалъ онъ, — «у меня осталось еще больше, а сначала-то было только *семь копѣекъ*!»

И этотъ человѣкъ, который сыпалъ тысячами, не безпокоился о милліонахъ, этотъ человѣкъ соблюдалъ во всемъ, что касалось до него, самую строгую бережливость, терпѣть не могъ передать ни за что копѣйки, пищу употреблялъ самую обыкновенную, одежду носилъ самую простую, словомъ проживалъ на себя крайне мало.

Но онъ прошелъ мимо насъ незамѣченный. Въ немъ не представлялось ничего особеннаго, и смерть только открыла сокровища его души!

ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАНЪ.

Если вамъ когда нибудь случится быть на Смоленскомъ петербургскомъ кладбищѣ,—то отыщите тамъ замѣчательный памятникъ, изъ каррарскаго мрамора, отдѣланный искуснымъ художникомъ Трескорни, въ изящномъ греческомъ стилѣ. Онъ изображаетъ прекрасную женщину, покоющуюся въ гробѣ, склонясь на лѣвую руку; гробъ увѣнчанъ листьями аканѳа, среди которыхъ видна роза, оторванная отъ стебля. По сторонамъ надписи на славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и на всѣхъ новѣйшихъ европейскихъ языкахъ. Изъ числа надписей есть одна на испанскомъ языкѣ, смыслъ которой слѣдующій:

«Богъ послалъ ее на землю не для того, чтобы оставить ее здѣсь, но чтобы показать людямъ свое твореніе.»

Памятникъ этотъ воздвигнутъ щедротами императрицы Александры Ѳеодоровны и великой княгини Елены Павловны. Подъ этимъ мраморомъ уже сорокъ лѣтъ покоится прахъ молоденькой дѣвицы, умершей въ 1825 году и знавшей всѣ тѣ языки, которыми выражены чувства скорби и печали о ея смерти на этомъ красивомъ памятникѣ, дѣвицы, знавшей почти всѣ науки, писавшей превосходные стихи. Она не прожила и семнадцати лѣтъ на этомъ свѣтѣ, отличалась добротою сердца,

религіозностію и терпѣніемъ ангельскимъ. Это рѣдкое явленіе была *Елисавета Кульманъ.*

Жизнь ея интересна, назидательна и трогательна.

Елисавета Кульманъ родилась въ С.-Петербургѣ, 5-го іюля 1808 года. Отецъ ея, Борисъ Ѳедоровичъ Кульманъ, служилъ сначала въ военной службѣ, сражался подъ начальствомъ Румянцова-Задунайскаго, и былъ въ числѣ храбрыхъ, даровавшихъ Россіи знаменитый кагульскій день. Украшенный ранами, онъ сошелъ съ военнаго поприща и, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, опредѣлился къ гражданскимъ дѣламъ. Стеченіе непріятныхъ обстоятельствъ и большое семейство совершенно разстроили его состояніе. Онъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія Елисаветы, оставивъ въ наслѣдіе дѣтямъ своимъ честное имя и глубокую нищету. Г-жа Кульманъ была лишена всѣхъ средствъ дать дѣтямъ приличное воспитаніе. Къ счастію, это была женщина также не совсѣмъ обыкновенная. Среди безпрерывныхъ тяжкихъ искушеній судьбы, она пріобрѣла тотъ сильный характеръ, который въ самомъ себѣ носитъ уврачеваніе неизбѣжныхъ золъ жизни, и, по крайней мѣрѣ, умѣетъ спастись отъ малодушнаго отчаянія. Среди такого бѣдствія, которое обыкновенно бываетъ самымъ опаснымъ врагомъ свободныхъ и смѣлыхъ порывовъ таланта, она съ благородною гордостію питала и поддерживала великіе порывы эти въ юной душѣ своей дочери. На Васильевскомъ острову, подъ кровомъ ветхаго дома, нанимаемаго за самую скудную плату, жило это дитя, имѣя только насущный хлѣбъ, купленный цѣною тяжкихъ материнскихъ трудовъ, и, незнаемое свѣтомъ, готовило ему примѣръ рѣдкихъ дарованій и необычайной воли. Елисавета Кульманъ, въ первые годы своего младенчества, была очень слаба здоровьемъ: мать опасалась даже за ея жизнь. На пятомъ году начали укрѣпляться ея физическія силы, и показались первые признаки ея необыкновенныхъ способностей. Ея младенческое воображеніе любило уже предаваться поэтическимъ играмъ; не было въ умѣ ея предмета, отвлечен-

наго или неодушевленнаго, котораго она не старалась бы представить, по своему, въ живомъ, чувственномъ образѣ. Притомъ всѣ соотношенія между вещами, на которыхъ она основывала свои небольшія превращенія, были находимы ею самою; часто приводила она въ удивленіе окружающихъ ее странностію, или новостію сближеній, которыхъ, кажется, ни что въ ней не пораждало, кромѣ самыхъ предметовъ. Къ домику, гдѣ жила она съ своею матерью, примыкалъ садикъ; въ немъ лѣтомъ проводила она большую часть своего времени, ухаживая за цвѣтами, которые она страстно любила. Здѣсь находился кустъ жасмина, полученный ею отъ хозяина дома, и составлявшій предметъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій. Онъ былъ для нея живымъ, очаровательнымъ существомъ; съ нимъ разговаривала она, какъ съ товарищемъ своего дѣтства, ввѣряя ему свои маленькія заботы, радости и печали. Это была для нее кукла, украшенная и подаренная ей природою. Встрепенутся ли листья кусточка, колеблемые вѣтромъ, онъ вѣрно хочетъ ей что нибудь сказать, и вотъ у ней цѣлый монологъ готовъ отъ имени любимаго цвѣтка. Къ рѣшетчатому забору ея садика, на грязную улицу, часто прилетали вороны искать себѣ пищи. Ихъ карканье очень занимало маленькую Кульманъ, и въ воображеніи ея тотчасъ родилась мысль, что эти птицы приносятъ Богу благодарственную молитву за ниспосланную имъ добычу. Вотъ нѣсколько словъ изъ этой молитвы, сочиненной ею отъ имени чернаго ворона: «Хотя я и черенъ, какъ уголь, говоритъ онъ, и люди меня гонятъ отъ себя, но Богъ, отецъ людей и птицъ, меня не покидаетъ; по его милости, у меня все таки есть пища на день, и дерево, гдѣ провести ночь.» Особенно любимицею ея была луна: часто, стоя у окошка, Елисавета Кульманъ слѣдила глазами за ея плавнымъ, величественнымъ теченіемъ, смотрѣла, какъ она пробиралась сквозь разбросанныя громады тучъ, то погружаясь въ нихъ, то снова выплывая на ясную лазурь неба. Здѣсь рождались въ ея воображеніи цѣлыя исторіи о лунѣ. Это также

было для нее живое существо, любезно взирающее съ нѣжнымъ участіемъ на землю и людей. Вотъ отрывокъ изъ ея поэтическихъ сказаній о лунѣ: «У одного крестьянина была собака, которая охраняла его домъ отъ воровъ, и которую онъ за то очень любилъ. Собака пропала. Бѣдный человѣкъ горько плакалъ, лишась вѣрнаго стража и друга. Луна, видя его горесть и слезы, улыбнулась, и сказала ему: «Перестань горевать, добрый человѣкъ, вѣдь собака твоя у меня; иди ко мнѣ, я дамъ тебѣ хижину и хлѣба; тебѣ будетъ у меня очень весело. «Крестьянинъ послушался, и теперь ему уже не о чемъ плакать: такъ ему хорошо у луны.»

Удивительно, какъ могла образоваться въ головѣ молоденькой дѣвочки эта странная басня! «Но грезы бодрствующей фантазіи,» говоритъ г-нъ Никитенко, въ своей статьѣ объ Елисаветѣ Кульманъ,—«не суть ли предвѣстники творческихъ ея созданій.»

Въ нѣкоторомъ отдаленіи, передъ окошкомъ ея маленькаго жилища, произрасталъ прекрасный тополь. Однажды, въ бурную погоду, стоя у окна, она примѣтила, что вѣтви его сильно наклоняются къ ней; вдругъ, съ обыкновенною своею живостію, она прибѣжала къ матери, съ просьбою, чтобы ей позволено было идти въ садъ. «Зачѣмъ душенька? теперь холодно и ты простудишься.»—«Нѣтъ, маменька, мнѣ непремѣнно надобно пойти вотъ къ этому тополю; онъ киваетъ мнѣ головою и что-то шепчетъ; но отсюда ничего не слышно. Вѣрно ему хочется что нибудь сказать мнѣ. Можетъ быть и мое жасминное деревцо, котораго я не видала уже весь день, просило его поговорить со мною, потому что онъ большой и ему легче меня увидать. Маменька, отпустите же меня; я въ минуту возвращусь къ вамъ.» Эта просьба была произнесена съ такимъ чувствомъ и рѣшимостію, что мать принуждена была согласиться на нее. Онѣ пошли вмѣстѣ. Тополь однакоже ничего не сказалъ маленькой выдумщицѣ. «Видишь, какая ты вѣтренная дѣвочка, сказала мать, тополь вовсе тобою не за-

нимается.» — «Ну что же, возразила малютка, ему хотѣлось пошутить со мною, — и все тутъ.»

Гуляя по двору, она увидѣла гдѣ то въ паутинѣ нѣсколько мухъ, задушенныхъ паукомъ. «Паукъ уложилъ ихъ спать,» сказала она своей матери. — «Какъ?» — «Да вѣдь паукъ няня мухъ. Я видѣла, какъ онъ сперва уложилъ муху, потомъ качаетъ ее въ сѣточкѣ своей паутины, пока она не успетъ, а тамъ сидитъ надъ ней долго, долго, чтобъ съ ней не случилось чего худаго.»

Елисавета Кульманъ очень любила хозяина дома, гдѣ жила, за то, что онъ дарилъ ей цвѣты. Несмотря на это, она часто спорила съ нимъ, никакъ не соглашаясь, что цвѣты выростаютъ изъ сѣмени сами собою. У ней была своя поэтическая ботаника. По ея мнѣнію, Богъ является ночью, и прикалываетъ къ стебелькамъ пучечки, которые отъ того такъ и и хороши. Покорное, кроткое, тихое дитя во всемъ, что касалось поступковъ, она дѣлалась упорною въ своихъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Не легко было отнять у ней любимую ея мысль или мечту. Замѣтно было, что она стремительно предавалась своимъ фантастическимъ грезамъ, и что онѣ были для нея источникомъ наслажденій. Живѣйшее удовольствіе блистало въ чертахъ ея милаго личика, когда она разсказывала дивныя исторіи про свой жасминъ, про луну и прочее. Не надобно было тревожить этихъ тихихъ, очаровательныхъ сновъ души, которыми природа, такъ сказать, убаюкивала ее подъ неясные звуки своей гармоніи. Ничѣмъ столько нельзя было огорчить малютки, какъ замѣтивъ ей, что во всѣхъ ея разсказахъ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, что ей стыдно заниматься такими пустыми вещами: тогда она уходила въ уголокъ своей комнаты, задумывалась, и тихо грустила по своимъ милымъ мечтамъ, столь безжалостно разрушаемымъ.

Маленькая Кульманъ имѣла удивительную память. Это видно уже и изъ тѣхъ необычайныхъ успѣховъ, какіе оказала она въ изученіи языковъ. Не довольно того, что она удержи-

вала навсегда въ душѣ своей все, что удавалось ей узнавать изъ книгъ или отъ людей, она могла изложить съ величайшею точностію малѣйшіе оттѣнки и подробности предметовъ, разъ ею замѣченныхъ. Въ одно время хозяинъ говорилъ при ней, съ ея матерью, о какой-то бумагѣ, которая была у него въ рукахъ: затѣмъ онъ вошелъ въ другую комнату, чтобы спрятать эту бумагу. Прошло три года; бумага эта понадобилась; ее стали искать всюду въ домѣ, но нигдѣ не находили: хозяинъ съ прискорбіемъ разсказывалъ г-жѣ Кульманъ свое горе. Елисавета, случившаяся при томъ, вдругъ остановила его и сказала: «Постойте! не о той ли вы бумагѣ говорите, которую сами отнесли въ вашу комнату, и положили въ маленькій ящикъ шкапа, который стоитъ вотъ тамъ, въ углу. Это было очень давно; тогда вы подарили мнѣ георгину, а я сказала вамъ, что у сюртука вашего скоро отпадетъ пуговица; вы тутъ же приказывали плотнику, который долго не понималъ вашихъ словъ.» Къ этому она прибавила еще нѣкоторыя подробности, и бумага дѣйствительно была найдена въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была ею указана.

Мать Елисаветы Кульманъ была женщина образованная. Она знала очень хорошо языки французскій, нѣмецкій и русскій, много читала, и много свѣдѣній пріобрѣла изъ опыта жизни. Но всего этого было недостаточно для полнаго образованія такой удивительной дѣвочки, какова была Елисавета, дѣятельная душа которой хотѣла или все знать, или все пересоздать по своему. Обстоятельства помогли госпожѣ Кульманъ совершить это важное дѣло. Съ мужемъ ея, отъ самой юности, былъ связанъ тѣсными дружескими узами одинъ иностранецъ, который въ то время во многихъ петербургскихъ знатныхъ домахъ занимался преподаваніемъ. То былъ — докторъ правъ, Гроссъ-Гейнрихъ: ему-то, издавшему біографію Елисаветы Кульманъ на нѣмецкомъ языкѣ, мы обязаны большею частію свѣдѣній о дѣвицѣ Кульманъ. Онъ былъ родомъ

баварецъ, и воспитывался въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, гдѣ преимущественно занимался филологіей. Ученость не сдѣлала этого человѣка рабомъ школы: онъ сохранилъ свѣжесть и юношескую силу души въ громадахъ мертвыхъ буквъ, какими засыпанъ путь школьнаго существованія. Онъ понялъ и образовалъ Елисавету Кульманъ. Будучи другомъ ея семейства, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ дарованій, столь блистательно возникавшихъ, и съ энтузіасмомъ, свойственнымъ душѣ пылкой и благородной, твердо рѣшился быть ея руководителемъ на пути науки и искусства. Безъ сомнѣнія она много обязана развитіемъ своимъ содѣйствію Гроссъ-Гейнриха, который съ тонкою разборчивостію умѣлъ пользоваться высокими ея способностями, для ея усовершенствованія. Половину своего труда онъ уступалъ ея свѣжей, счастливой природѣ, потому что она нуждалась только въ пособіи къ своему развитію, въ нѣжномъ участіи и покровительствѣ ея силъ и въ познаніяхъ, которыя не приходятъ сами собою. На *шестомъ году* Елисавета уже легко и правильно говорила по-русски и по-нѣмецки. Во французскомъ языкѣ она также оказала скорые и блистательные успѣхи; *десяти лѣтъ* начала учиться языку италіянскому. Она очень любила этотъ языкъ, и предпочитала его всѣмъ другимъ. Одинъ италіянецъ, петербургскій житель, весьма хорошо знавшій свой отечественный языкъ, не могъ надивиться чистотѣ и прелести ея произношенія. Вообще она съ чрезвычайною легкостію усвоивала себѣ не только формы изучаемыхъ ею языковъ, но и самые идіотисмы ихъ. Тотъ же италіянецъ училъ ее читать стихи, на подобіе импровизаторовъ своей отчизны, и она прекрасно декламировала творенія Тасса. Нельзя было смотрѣть безъ умиленія на одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, когда она, сидя въ маленькомъ своемъ садикѣ, проникнутая тайнымъ сочувствіемъ съ міровымъ поэтическимъ геніемъ, пѣвцомъ Іерусалима, повторяла своимъ серебрянымъ голосомъ прелестныя его октавы. Сердце ея, можно сказать, все переливалось въ звуки,

исчезало въ поэзіи, которая была доступна глубокому ея чувству прежде, чѣмъ она въ состояніи была отдать самой себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ. Эта душа предупреждала лѣта быстротою своего развитія; она жила уже тогда, когда другіе только приготовлялись къ жизни; она постигала вещи прежде, чѣмъ изучала ихъ.

Елисаветѣ наступалъ двѣнадцатый годъ. Въ это время престарѣлый священникъ горнаго корпуса, Абрамовъ, лишившійся жены и дочери, и давно знакомый съ семействомъ Кульманъ предложилъ матери ея убѣжище у себя. Обстоятельство это составляетъ эпоху въ жизни дѣвицы Кульманъ: здѣсь она сблизилась съ семействомъ тогдашняго директора горнаго корпуса, Медера, соединявшаго съ умомъ образованнымъ пламенную любовь къ добру и искусствамъ. Это сближеніе было для ней очень полезно. Она нашла себѣ достойныхъ подругъ, съ которыми могла дѣлиться своими богатыми чувствованіями, общество людей образованныхъ и сверхъ того средства учиться естественной исторіи, музыкѣ, танцованію, рисованію. Средства эти доставлены были ей г. Медеромъ. Между тѣмъ, подъ руководствомъ Гроссъ-Гейнриха, Елисавета Кульманъ постоянно занималась изученіемъ того, что всего ближе было къ ея сердцу, изученіемъ языковъ и ихъ литературъ. Исторія также была для нее однимъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ. Несмотря на это предпочтеніе, для ней не было ничего чуждаго въ области познаній. Нельзя безъ удивленія наблюдать ходъ и развитіе этой души въ ту эпоху, когда она уже начала съ сознаніемъ находить въ своей дѣятельности источникъ и силъ своихъ, и наслажденій. Ни въ природѣ, ни въ быту человѣческомъ не было предмета сколько-нибудь замѣчательнаго, который не остановилъ бы на себѣ ея вниманія: и все это говорило ей живымъ словомъ; всякое новое понятіе было, такъ сказать, новая свѣжая капля крови для пополненія ея умственныхъ силъ; новая искра свѣта и теплоты. Учась естественной исторіи, она часто посѣщала богатый минералогическій

кабинетъ въ горномъ корпусѣ. Кто бы могъ подумать, смотря тамъ на эту молоденькую, прекрасную дѣвочку, прилежно всматривающуюся въ каждый минералъ, что она дѣлаетъ это не для одной забавы? Между тѣмъ спустя долгое время, часто находили въ ея разговорахъ или какое нибудь счастливое примѣненіе къ этимъ предметамъ, или сравненіе, изъ нихъ извлеченное, и тому подобное. Послѣ, когда развернулся ея поэтическій талантъ, она говорила обыкновенно, что не понимаетъ, какъ можно дѣлать счастливыя описанія въ стихотвореніи, не изучивъ вполнѣ подробностей предмета, который хотятъ представить въ картинѣ, и что потому она почитаетъ столько же нужными для поэта глубокія познанія, сколько и творческое воображеніе. И собственная ея страсть къ познаніямъ равнялась только необыкновенной быстротѣ и легкости, съ какими она ихъ себѣ усвоивала. Едва успѣвали ей намекнуть о какой нибудь истинѣ, и эта истина уже была обнята сю съ разныхъ сторонъ; уже умъ ея извлекалъ изъ нея слѣдствія, дѣлалъ примѣненія. Здѣсь ни одна черта замѣчательная не была опущена, все схвачено на полетѣ ея стремительнымъ геніемъ, все поставлено на своемъ мѣстѣ. Ничто отвлеченное, сухое не могло оставаться въ ея духѣ, не облекшись въ живые образцы, не одушевясь теплотою ея богатаго сердца и воображенія.

Съ такими силами нравственными и съ такими стремленіями, она не могла уже довольствоваться матеріалами, какіе находила въ своихъ учебныхъ книгахъ и наставленіяхъ учителей. Каждая встрѣча съ новымъ предметомъ была для нея поводомъ къ наблюденію и размышленіямъ; она какъ будто предчувствовала, что ей данъ краткій срокъ на знакомство съ міромъ; не дожидаясь пока познанія пойдутъ на встрѣчу лѣтамъ ея, она заботливо преслѣдовала ихъ по всѣмъ направленіямъ умственнаго поприща. Нерѣдко случалось, что, бесѣдуя со своимъ наставникомъ, Гроссъ-Гейнрихомъ, о вещахъ обыкновенныхъ, она вдругъ прерывала нить разговора,

и внезапно устремлялась съ замѣчаніемъ или вопросомъ о какомъ нибудь важномъ и новомъ предметѣ. Такъ однажды она неожиданно спросила его: «знаетъ ли онъ рай?» Учитель, конечно, былъ поставленъ въ затрудненіе этимъ страннымъ вопросомъ; но, привыкши уже къ подобнымъ набѣгамъ этого необычайно дѣятельнаго ума, и притомъ зная, что отъ маленькой Елисаветы нельзя отдѣлаться какимъ нибудь общимъ мѣстомъ, онъ рѣшился, по возможности, удовлетворить ея любопытству. Онъ собралъ въ своей памяти все, что хранилось въ ней изъ тѣхъ превосходныхъ стихотвореній, латинскихъ, германскихъ и италіянскихъ, въ которыхъ поэты изображали рай, согласно съ понятіями о немъ, переданными намъ апостолами Господа, и такимъ образомъ нарисовалъ картину блистательную, судя по тѣмъ живописцамъ, у коихъ были заняты имъ краски. Это изображеніе произвело глубокое впечатлѣніе въ душѣ Елисаветы. Она долго погружена была въ задумчивость, и наконецъ съ сильнымъ движеніемъ воскликнула: «Хорошо! и я въ стихахъ напишу рай, если буду жива». И дѣйствительно, на *пятнадцатомъ году* своего возраста, она начала писать стихотвореніе подъ этимъ названіемъ. Къ сожалѣнію, она его не кончила, а начало его затерялось въ ея бумагахъ.

На *двѣнадцатомъ году* она начала учиться латинскому языку. Вотъ случай, подавшій къ тому поводъ. Священникъ, облагодѣтельствовавшій ее съ матерью, былъ постоянно предметомъ глубокой ея благодарности. Вообще, прекрасное сердце ея было исполнено нѣжнѣйшихъ чувствованій къ тѣмъ, которые, или словомъ, или дѣломъ, старались облегчить тягостную долю ея матери, и помогали ей самой въ образованіи. Она желала чѣмъ нибудь изъявить доброму священнику свою признательность. Зная любовь его къ древнимъ языкамъ, она рѣшилась выучиться по-латыни, чтобы сдѣлать ему привѣтствіе на этомъ мертвомъ языкѣ въ день его ангела. Съ жаромъ принялась она за изученіе латинскаго языка, и въ продолже-

ніе многихъ мѣсяцевъ, съ помощью методы Гроссъ-Гейнриха, могла уже читать Корнелія Непота и Цицероновы письма. Цѣль ея была достигнута; она была въ состояніи сказать своему благодѣтелю, въ день его семейнаго праздника, коротенькую привѣтственную рѣчь на любимомъ его языкѣ. Священникъ былъ глубоко тронутъ этимъ необыкновеннымъ родомъ поздравленія, и въ награду за это предложилъ ей уроки въ славянскомъ языкѣ, на что она съ радостію согласилась. Латинскій языкъ однако не былъ оставленъ ею. Она въ послѣдствіи перевела нѣсколько одъ Гарація, но вообще занималась латинскою словесностію не съ такою любовію, какъ греческою.

Замѣчательно также обстоятельство, возбудившее въ ней желаніе учиться греческому языку. Въ одномъ обществѣ, гдѣ она находилась вмѣстѣ съ своимъ другомъ-наставникомъ, Гроссъ-Гейнрихомъ, зашелъ разговоръ о древней словесности. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ утверждали, что изученія ея не приноситъ ни какой существенной пользы, и что гораздо нужнѣе знать литературы новѣйшія, родственныя намъ по ихъ духу. Гроссъ-Гейнрихъ возсталъ съ жаромъ противъ этого односторонняго мнѣнія, живо изобразилъ красоты греческой поэзіи, особенно красоты Гомера, доказывалъ, что нигдѣ нѣтъ такого богатства, такой свѣжести жизни и такого разнообразія и совершенства формъ, какъ въ этой словесности, и что намъ должно изучать ее уже по одному тому, чтобъ видѣть до какой степени высокаго совершенства можетъ достигать природная поэтичность, облеченная въ прекраснѣйшія формы. Мысль эта поразила дѣвицу Кульманъ. На другой день Гроссъ-Гейнрихъ нашелъ ее въ большомъ смущеніи. Зная ее очень хорошо, онъ легко отгадалъ причину этого: бѣдную дѣвушку сокрушала невозможность наслаждаться греческою литературою въ самомъ ея источникѣ, такъ какъ она не знала древне-греческаго языка. Гроссъ-Гейнрихъ, показывая ей принесенное имъ прекрасное изданіе Гомера, спро-

силъ, не хочетъ ли она читать этого писателя. — «Какъ мнѣ, слабой дѣвушкѣ, отвѣчала она, отважиться на такое предпріятіе?» — «Почему же? возразилъ Гроссъ-Гейнрихъ: развѣ не было женщинъ, которыя превосходно знали греческій языкъ? Г-жа Дасье, французская писательница, не только читала Гомера, но и перевела его на французскій языкъ. Вы знаете уже по-латыни; это также не есть вещь обыкновенная для дѣвицы вашего возраста». Слово согласія и просьбы готовы были сорваться съ языка Елисаветы, но она не смѣла произнести его; не смѣла обременить новымъ трудомъ своего друга, которому уже столь многимъ была обязана. Наконецъ Гроссъ-Гейнрихъ самъ назначилъ ей дни для занятія съ нею греческимъ языкомъ, и подарилъ экземпляръ Гомера. Восторгъ Елисаветы былъ не описанъ: она бросилась цѣловать руки своего благодѣтеля, и слезы, упавшія на нихъ, высказали безмолвно ея благодарныя чувствованія.

Такимъ образомъ открылось новое поприще для таланта дѣвицы Кульманъ. Казалось, изученіе греческаго языка было для ней легче, нежели изученіе другихъ. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ она могла уже читать евангеліе отъ Матѳея на греческомъ языкѣ. Это происходило *на тринадцатомъ году* ея возраста. Вскорѣ за тѣмъ она начала переводить Анакреона на русскій, италіянскій и нѣмецкій языки.

Не излишнимъ ознакомиться здѣсь читателямъ со способомъ, которому слѣдовала Елисавета въ изученіи языковъ. Сперва тщательно замѣчала она звуки новаго языка, исключительно ему свойственные, и старалась пріобрѣсти навыкъ въ правильномъ произношеніи: это считала она дѣломъ очень важнымъ. Здѣсь она обыкновенно слѣдовала за чтеніемъ своего учителя; послѣ того начинала сама читать какого нибудь писателя, и, при помощи словаря, переводить его слово въ слово, угадывая грамматическія формы, по аналогіи съ тѣми языками, которые ей были уже извѣстны, и удерживая въ своей необыкновенной памяти схваченныя, такъ сказать, на

лету измѣненія общихъ формъ. Все это происходило съ неизъяснимою быстротою; обыкновенно мѣсяца въ три она читала уже свободно на новомъ языкѣ, и могла переводить съ него. Почти всегда она переводила одно и то же произведеніе на нѣсколько языковъ, бо̀льшею частію на русскій, нѣмецкій, французскій и италіянскій. Болѣе всего удивлялъ въ ней даръ постигать нѣжнѣйшіе оттѣнки словъ и оборотовъ, выводить изъ извѣстныхъ формъ заключенія о неизвѣстныхъ, отличать въ языкѣ то, что принадлежитъ собственно духу его отъ того, что принадлежитъ только времени, обстоятельствамъ, или что заимствовано изъ другихъ языковъ. Можно было подумать, что, она, по какому-то чудесному инстинкту, разгадываетъ ихъ таинства; ни какія трудности ея не останавливали. Разбирая какого нибудь новаго писателя, она только въ крайности прибѣгала къ помощи своего наставника, которому и въ этихъ случаяхъ не много было заботъ: ему стоило только слегка коснуться идеи автора, и идея со всѣми ея оттѣнками уже становилась собственностію ученицы. Почти никогда не затрудняла ея сущность смысла: казалось, она была уже знакома съ сердцемъ и духомъ писателей, которыхъ изучила. По немногимъ выраженіямъ текста, она предугадывала направленіе его идей и господствующій характеръ слога. То, что надлежало ей изъяснять, относилось преимущественно къ историческимъ или мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ счастливая догадка должна была смириться передъ фактомъ. Не удивительно послѣ всего этого, что такой ученый человѣкъ, какимъ былъ Гроссъ-Гейнрихъ, сидѣлъ часто возлѣ нея, не говоря ни слова, смѣшанный, сбитый съ своего учительскаго пути могучимъ стремленіемъ этого необычайнаго ума, забывалъ о своемъ урокѣ, дѣлался простымъ наблюдателемъ, и вмѣсто того, чтобы учить, самъ учился таинствамъ природы, раскрывавшимся предъ нимъ въ лицѣ Елисаветы Кульманъ.

На *четырнадцатомъ году* она начала прилежно изучать Гомера. Это также составляетъ эпоху въ кратковременной ея

жизни. Она сперва не довѣряла своимъ силамъ; но, силою своего глубокаго поэтическаго чувства, она скоро сблизилась съ твореніями Гомера. Читая Гомера, она въ то же время, для полнаго его уразумѣнія, изучала духъ, нравы, исторію и географію древнихъ грековъ. Плодомъ этого были такія познанія о Греціи, которыхъ конечно никто не могъ бы предполагать въ молодой дѣвушкѣ, совершенно чуждой притязаній на школьную ученость. Во всю свою краткую жизнь она питала къ Гомеру глубокое благоговѣніе, удивлялась его гигантскому величію, въ объемѣ и созданіи цѣлаго, его неистощимому разнообразію въ подробностяхъ творенія, его строгой важности и вмѣстѣ любезному простодушію. Болѣе всего изумляло ее въ Иліадѣ соединеніе генія мужественнаго, окрѣпшаго, такъ сказать, въ битвахъ боговъ и героевъ, съ нѣжною, плѣнительною граціею. Она почитала творца ея величайшимъ художникомъ, и, въ порывѣ живыхъ своихъ чувствованій, старалась уловить и усвоить себѣ каждое движеніе его воображенія.

Съ такимъ богатымъ запасомъ знаній во многихъ языкахъ, какими обладала дѣвица Кульманъ, не трудно было уже изучать всѣ другіе языки. Она скоро ознакомилась съ литературами: англійскою, испанскою и португальскою. Съ англійскаго языка она перевела на нѣмецкій нѣсколько отрывковъ Мильтонова *Потеряннаго Рая*, съ испанскаго *Басни Иріарта*, а съ португальскаго *Тридцать одъ Маноэля*. Большая часть этихъ переводовъ была напечатана подъ наблюденіемъ Гроссъ-Гейнриха. Не довольствуясь этимъ, она намѣрена была приступить къ изученію восточныхъ языковъ, а въ новогреческомъ успѣла на столько, что одинъ изъ грековъ, искавшихъ въ Россіи убѣжища отъ кровавыхъ тревогъ, раздиравшихъ тогда враждующую Грецію, говоря съ нею на этомъ языкѣ, и не бывъ предувѣдомленъ объ ея родинѣ, совершенно былъ убѣжденъ, что она гречанка и, по произношенію ея, назначилъ даже мѣсто ея отчизны на одномъ изъ архипелажскихъ острововъ.

Мнѣніе это, конечно, много было подкрѣплено и физіономіею ея лица, совершенно греческаго.

Первый литературный трудъ дѣвицы Кульманъ былъ переводъ избраннѣйшихъ Анакреоновыхъ пѣсней на пять языковъ: на русскій, нѣмецкій, италіанскій, французскій и латинскій. Переводъ этотъ былъ въ послѣдствіи поднесенъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая, съ свойственною ей милостію, благосклонно приняла плодъ необыкновеннаго дарованія, и юная писательница имѣла счастіе получить, въ знакъ ея высокаго благоволенія, драгоцѣнный бриліантовый фермуаръ, при лестномъ письмѣ тогдашняго статсъ-секретаря Лонгинова. Сердце молодой Кульманъ не знало предѣловъ благодарности къ той, которая съ такою любовію обратила свой царственный взоръ на первые ея литературные труды.

Большая часть поэтическихъ опытовъ Елисаветы Кульманъ написаны совершенно въ греческомъ духѣ. Кромѣ Гомера, она очень любила и другихъ греческихъ стихотворцевъ: Гезіода, Пиндара и Софокла; но никто изъ классическихъ писателей не могъ оспаривать въ ея сердцѣ глубокаго уваженія къ творцу Иліады. Тонкая наблюдательность ея во всемъ проявлялась, и она невольно любила все одѣвать въ формы греческой поэзіи. Такъ однажды она читала съ большимъ вниманіемъ сочиненіе Бельцони о Египтѣ; здѣсь, между прочимъ, очень занялъ ее разсказъ объ островѣ Джерма, образовавшемся на рѣкѣ Нилѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда разбилось одно судно. Изъ этого случая тотчасъ была взята тема для стихотворенія, подъ названіемъ *Островъ Чолна*. Овладѣвъ этою добычею, она устремилась, по обыкновенію своему, въ Грецію, чтобы тамъ пріютить свое созданіе; ей хотѣлось непремѣнно помѣстить этотъ островъ въ устьѣ Беотійскихъ водъ. Но встрѣтилось важное географическое затрудненіе: островъ этотъ не существовалъ здѣсь, а она чрезвычайно много дорожила, историческою и географическою вѣроятностію, въ своихъ изображеніяхъ. Вотъ какъ она сама, въ

запискахъ своихъ, разсказала объ этомъ маленькомъ происшествіи. «Передо мной», говоритъ она, «лежала карта Греціи; я разсматривала ее съ величайшимъ вниманіемъ; но не находила нигдѣ острова въ устьѣ Беотійскихъ рѣкъ. У меня привычка, въ такихъ случаяхъ, всегда держать въ рукахъ карандашъ; онъ былъ, къ несчастію, изломанъ, а починить его было не чѣмъ, потому что братъ мой, котораго не было дома, взялъ съ собою мой перочинный ножикъ. Надобно было прибѣгнуть къ помощи пера. Я все гляжу на Кефизъ, падающій въ Копайское озеро; мнѣ никакъ не хотѣлось оставить этого озера, гдѣ я помѣстила уже моего рыцаря. Для поэтическихъ сценъ оно очень пространно: сколько хочешь размѣсти ихъ на его берегахъ; но мнѣ нуженъ былъ островъ. Погруженная въ мысли, я обмакнула перо въ чернила, которыя у насъ довольно жидки, ибо ихъ часто надобно дополнять водою. Я все-таки брожу на копайскихъ берегахъ; все хочется мнѣ, какъ нибудь, поселить вблизи ихъ новаго пришельца, дитя моего воображенія. Вдругъ падаетъ съ пера моего большая капля чернилъ на карту; я вздрогнула, мнѣ стало очень жаль моей карты, потому что, испортивши одну, другой не на что было купить. Но за то я неожиданно нашла то, чего мнѣ хотѣлось; капля чернилъ упала въ самомъ почти устьѣ Кефиза. О чемъ же тутъ думать еще, сказала я самой себѣ, вотъ и островъ! Создадимъ его здѣсь. Лишь только эта мысль утвердилась въ моемъ умѣ, я увидѣла на лѣвомъ берегу озера и развалины, которыхъ прежде не замѣчала. За этимъ явились и другія части моего сочиненія и планъ его въ нѣсколько минутъ былъ совершенно готовъ».

Императорская Россійская академія, зная о необыкновенныхъ дарованіяхъ дѣвицы Кульманъ, издала ея стихотворенія, подъ названіемъ: *Стихотворенія Коринны*. Вотъ, что подало поводъ къ этому сочиненію,. въ которомъ нѣтъ внутренняго единства, но которое однако же образовалось по одному побужденію. Гроссъ-Гейнрихъ часто читалъ съ нею Пиндара,

котораго, какъ мы сказали выше, она очень уважала, ставя его непосредственно послѣ Гомера. Обыкновенно она изучала всѣ обстоятельства жизни любимаго ею писателя. Изъ разныхъ повѣствованій о Пиндарѣ, она ознакомилась съ древне-греческою стихотворицею Кориппою, которая, по словамъ преданія, одержала надъ этимъ знаменитымъ лирикомъ пять разъ побѣду въ поэтическихъ состязаніяхъ. «Я этимъ побѣдамъ не очень вѣрю, замѣтила Елисавета: характеръ Пиндара столь возвышенъ, столь стремителенъ, что едва ли можно было кому либо превзойти его, особенно женщинѣ; или судьи, присудившіе вѣнецъ Кориппѣ, были слишкомъ пристрастны. Однакожъ все жаль, что изъ произведеній ея ничего не осталось намъ: въ Греціи не легко было пріобрѣсть славу поэта, а Коринна имѣла ее».— «Отъ васъ зависитъ, возразилъ Гроссъ-Гейнрихъ, воскресить Кориппу». — «Какъ отъ меня»? — «Да! Напишите нѣсколько стихотвореній, и выдайте въ свѣтъ подъ ея именемъ въ переводѣ. Вы можете сказать, что открыли ихъ случайно въ пыли какого нибудь книгохранилища. Прибавьте къ нимъ нѣсколько ученыхъ примѣчаній. Критики будутъ спорить, а свѣтъ вамъ будетъ благодаренъ. Макферсонъ развѣ иначе поступилъ съ своими *Оссіановыми поэмами?*» — Эта шутка разсмѣшила дѣвицу Кульманъ, однакоже не осталась безъ послѣдствій. Спустя немного времени она показала Гроссъ-Гейнриху небольшое стихотвореніе: *Къ Мирто,* въ которомъ Коринна благодаритъ свою воспитательницу за развитіе и усовершенствованіе своего таланта.

Не далеко отъ кущи,
Въ которой я родилась,
Ясминная есть роща.
Въ ея тѣни душистой
Скрывается обитель
Невидимая міру,
Царицы пѣсень сладкихъ.
Лишь первый гласъ пѣвицы
Раздастся по долинѣ,
Заря въ покровѣ аломъ
Является у дверей

Туманнаго разсвѣта;
Восточное полнебо
Одѣлось облаками
Янтарными, златыми;
Пары младой дубравы
Вздымаются столпами;

Какъ озеро стелются
Испарины подола;
Весь воздухъ разгараясь,
Амброзіею дышитъ.

Не такъ отъ взоровъ солнца,
Бросаемыхъ весною,
Отъ знойнаго полудня
Растаиваетъ быстро
Кристалловидна льдина,
Зимы суровой чадо;
Какъ быстро исчезаетъ
Отъ пѣсни ея дивной
Печаль, — дитя угрюмо
Утраты, сердцу горькой.

Когда-жъ ей пѣснь внушаетъ
Владычица и матерь
Всего, что только дышитъ,
Любовь — отряда жизни,
То слушателямъ мнится,
Что смертнаго жилище,
Вознесшися къ Олимпу,
Въ Олимпъ преобразилось
И люди стали боги.

Когда въ теченіе жизни
И мнѣ своимъ искусствомъ
Плѣнить другихъ удастся;
То я, Мирто — кумиръ мой!
Тебѣ за всѣ успѣхи
Обязанною буду.
Ты, лиры златострунной
И пѣнія царица,
Съ младенчества со тщаньемъ
Коринну пріучила
Къ радивому служенью,
Дающимъ славу музамъ.

«Прекрасно»! сказалъ Гроссъ-Гейнрихъ, прочитавъ эту піесу: «вотъ и предисловіе къ стихотвореніямъ Коринны. Продолжайте. Усвоивъ себѣ духъ греческой поэзіи, вы точно воскресите намъ Коринну».

Елисавета Кульманъ отличалась рѣдкою скромностію; слушая похвалы своимъ талантамъ, она стыдилась и робѣла, какъ будто уличали ее въ проступкѣ. Однакоже ей пріятно было думать, что цвѣты ея чувствъ и фантазіи будутъ еще благоухать на ея могилѣ. Она не обманулась. Стихотворенія ея не лирическіе отрывки, гдѣ, по минутному воодушевленію, выражается какое нибудь чувствованіе въ нѣсколькихъ наудачу брошенныхъ картинахъ. Нѣтъ! Каждая піеса ея есть небольшая поэма, стройное созданіе. Вотъ примѣръ, — изображеніе древней Эвдоры.

Горитъ чело; сверкаютъ
Недвижимые очи;
Какъ на поляхъ весеннихъ
Цвѣты произрастаютъ
Несмѣтными грядами,
Такъ, и она зритъ ясно;

Изъ бездны плодотворной
Таинственнаго сердца
Необозримы сонмы
Раждающихся мыслей,
То ясныхъ, то смятенныхъ,
То новыхъ, гордыхъ, смѣлыхъ,
Блистательныхъ, высокихъ;
То пасмурныхъ, унылыхъ
Задумчивыхъ и грустныхъ.
Тѣ изъ толпы проглянутъ,
И, въ ней вмигъ исчезаютъ;
Тѣ съ перваго явленья
Вниманіе плѣняютъ,
И, постепенно мѣстомъ
Сосѣднимъ овладѣвши,
Господствуютъ на время
Однѣ на всемъ пространствѣ.
Умъ, зодчему подобно,
По цѣли избираетъ,
Слагаетъ, съединяетъ;
Потомъ свое творенье,
Отвсюду разсмотрѣвши,
Смѣняетъ, украшаетъ;
И, наконецъ свершивши,
Онъ самъ произведенью
Столь чудному дивится.

Въ другомъ мѣстѣ она такимъ образомъ живописуетъ характеръ Пиндара:

Изъ всѣхъ пѣвцовъ пернатыхъ
Лишь соловей не знаетъ
Другому подражанья;
Онъ самъ собой доволенъ,
Въ себѣ одномъ находитъ
Разнообразны тоны
Для тихой, громкой, нѣжной,
Веселой, мрачной пѣсни.

Такъ Пиндаръ не имѣетъ
Ни съ кѣмъ въ напѣвѣ сходства.
Подобенъ онъ Азопу,
Царю беотскихъ токовъ,
На скатѣ Киѳерона
Между тремя дубами.
Сей бьетъ изъ камня съ ревомъ
Столпомъ алмазнымъ высясь;

И, радужной росою
На землю опускаясь,
Въ ручей соединенный,
Съ далеко-слышнымъ шумомъ
Съ утесовъ на утесы
Въ долъ падаетъ, гдѣ снѣжны
Потоки собирая,
Становится рѣкою.

Въ теченьи быстромъ скоро
Встрѣчается съ Эрсей *)
Харитъ пріютомъ милымъ;
Онъ бы хотѣлъ съ подругой
Отъ славы отрекаясь,
Здѣсь навсегда остаться;
Но строгій взоръ Юноны **)
Мечты любови рушитъ.

И тихимъ токомъ льется,
Чтобъ не прервать сонъ первый
Героевъ ополчившихъ,
Своей и персовъ кровью

*) Названіе острова
**) Храмъ Юноны былъ близь Платеи.

Платею напоившихъ,
Платею, въ коей скоро
Поднялся дубъ свободы,
Всю Гелу осѣняя.

Ужъ ждутъ его гласистый
Исменъ *) любимый Фебомъ,
И Ѳермодонъ**) біющій
Ключемъ у ногъ Зевеса;
И пышнымъ виноградомъ
Увѣнчанный Скамандеръ,
Чтобъ провожать владыку
Въ пути его къ Еврипу.

Огромными волнами
О берегъ ударяя,
Спѣшитъ онъ къ водянистымъ
Холмамъ Амфіарая.
Уже не рѣкѣ подобенъ,
А озеру текущу,
Не данникъ онъ къ Еврипу,
Но царь къ царю приходитъ.

Такъ ты, пѣвецъ единый,
И милъ, и гордъ, и пышенъ,
И величавъ, и дивенъ,
Къ твоей стремишься цѣли;
Земное исполинской
Къ себѣ вздымая дланью,
Не ослѣпленъ Олимпа
Тебѣ знакомымъ блескомъ.

Исчислимъ теперь важнѣйшіе литературные труды дѣвицы Кульманъ:

1) *Пiитическіе опыты*, изданные Императорскою Россійскою академіею 1833 г., три части. Здѣсь, сверхъ собственныхъ ея произведеній, помѣщенъ *переводъ Анакреона.*

2) *Восемнадцать сказокъ*, содержаніе которыхъ большею частію заимствовано изъ *Тысячи и Одной Ночи.* Происхожденіе ихъ замѣчательно: у ней не было перевода арабскихъ сказокъ ни на одномъ языкѣ. Гроссъ-Гейнрихъ разсказывалъ ей въ свободное время нѣкоторые отрывки изъ нихъ. Эти отрывки Елисавета Кульманъ собрала въ своемъ умѣ, многое въ нихъ переиначила по своему, и соединила въ одно цѣлое.

3) *Переводы:* а) на русскій языкъ, съ греческаго, кромѣ Анакреоновыхъ пѣсней, нѣсколько идилій Біона, многія статьи изъ Эліана, отрывки изъ Ксенофонта и Геродота; съ италіанскаго, трагедія Альфіери, Саулъ, и нѣкоторыя мѣста изъ Метастазія; б) на нѣмецкій, съ русскаго, всѣ четыре тра-

*) Рѣка, при которой находился храмъ Аполлона.

**) Рѣка, вытекающая изъ подошвы горы Гипата, гдѣ находился храмъ Зевеса.

гедіи Озерова стихами; нѣсколько духовныхъ и похвальныхъ одъ Ломоносова, нѣсколько одъ Державина, избранныя мѣста изъ Дмитріева, Батюшкова, и Карамзина; съ италіанскаго, четыре трагедіи Альфіери; съ англійскаго, отрывки изъ Мильтона; съ испанскаго, басни Иріарта; съ португальскаго, тридцать одъ Маноэля; в) на италіанскій многія оды Горація и нѣсколько отрывковъ изъ Иліады.

Здѣсь не упоминаются мелкіе отрывки, найденные въ ея бумагахъ по ея смерти: въ нихъ заключаются большею частію начала сочиненій или переводовъ. Замѣчательно то, что она почти ничего не переводила съ французскаго языка, хотя литературу Франціи знала не хуже всякой другой.

«Прекрасное зрѣлище, говоритъ Сенека, видѣть человѣка благороднаго, великодушно борющагося съ судьбою». Елисавета Кульманъ должна была испытать всю тяготу бѣдности въ такую эпоху жизни, когда сердце живѣе чувствуетъ прелести наслажденій и скорби лишеній. Часто не доставало ей съ матерью самаго необходимаго. Мы видѣли, съ какимъ трогательнымъ простодушіемъ говоритъ она, что у ней не было даже порядочныхъ чернилъ при ея ученыхъ упражненіяхъ. Попадались въ ея рукописяхъ лоскутки бумаги, писанные съ очевидною бережливостію. Ландкарты, книги, пособія для рисованія она получала отъ Гроссъ-Гейнриха, который помогалъ ей усердно и въ другихъ нуждахъ. Но благородная душа ея старалась скрывать ихъ даже и отъ этого испытаннаго друга, не изъ ложнаго стыда, — ибо она была выше пустыхъ предразсудковъ, но не желая отягощать человѣка, который изливалъ на нее столько благодѣяній и который самъ питался трудами рукъ своихъ. Она отъ карты Греціи переходила къ вязанкѣ дровъ, приносимой ею со двора, чтобъ затопить печку такъ какъ служанки у ней не было. Часто Иліада должна была уступить кухнѣ: стоя у очага и готовя себѣ и матери своей скудный обѣдъ, она нерѣдко на минуту подбѣгала къ своему столику, записывала какой нибудь счастливый стихъ,

внезапно мелькнувшій въ ея головѣ, и возвращалась снова къ покинутому мѣсту, чтобы посмотрѣть за супомъ. Мать ея была подвержена частымъ болѣзнямъ; здѣсь новыя заботы для Елисаветы: надобно было услуживать больной. Но не подумайте, что она съ небреженіемъ или ропотомъ исполняла всѣ эти мелкія житейскія обязанности, столь мало согласовавшіяся съ ея призваніемъ. Она вовсе была не похожа на тѣхъ людей съ полударованіями, которые, при обыкновенныхъ превратностяхъ жизни, готовы обвинять небо и землю въ жестокости противъ ихъ таланта; которые, при всякой встрѣчѣ съ какимъ нибудь препятствіемъ, кричатъ, что ихъ гонятъ, убиваютъ, — на этихъ людей, придирающихся ко всему, чтобы имѣть право отказаться отъ труда, которому обрекли себя въ порывѣ мгновеннаго одушевленія, и сбросить съ себя, или на судьбу, или на людей, отвѣтственность за свои полууспѣхи. Нѣтъ! любя поэзію и науки не по выбору, но по природному непреодолимому влеченію, она открывала въ нихъ источникъ чистѣйшихъ возвышенныхъ наслажденій, въ сравненіи съ которыми житейскія скорби казались ей ничтожными, Готовя себѣ обѣдъ или починяя свое платье, она часто, смѣясь, сравнивала себя съ дочерями древнихъ царей, которыя сами ходили съ сосудами черпать воду въ рѣкѣ. «О я высоко цѣню себя»! говорила она съ плѣнительною веселостію Гроссъ-Гейнриху, показывая ему въ одной рукѣ кухонную ложку, а въ другой перо. «Это символы моей верховной власти, — одинъ надъ домашнимъ хозяйствомъ, а другой надъ царствомъ мечты».

Вотъ какъ сама она изобразила въ одномъ стихотвореніи главную цѣль своей жизни:

Лишь два пути ко славѣ:
Иль принести на жертву
Младую жизнь защитѣ
Отечества драгаго;
Иль посвятить весь вѣкъ свой
Служенью чистымъ музамъ,
Подобно жрецамъ Весты,
Ниспосланное пламя
Таланта сохраняя,
Невинною душою
И тщаньемъ неусыпнымъ.

Руководствуясь записками ея наставника, справедливо, нѣжно любившаго это дивное созданіе, постараемся изобразить кратко ея наружность и ея нравственный характеръ. Въ этомъ существѣ творецъ, казалось, хотѣлъ соединить все, чѣмъ возноситъ онъ избранныхъ своихъ надъ толпою людей обыкновенныхъ. Дѣвица Кульманъ была отличной красоты. Стройный, довольно высокій ростъ, возвышенное чело, длинные каштановые волосы, алебастровая бѣлизна лица, оттѣняемая легкимъ румянцемъ и совершенно греческая профиль, глаза большіе, яркаго, лазореваго цвѣта,—все это ничего еще не значило въ сравненіи съ удивительною выразительностію ея физіономіи. Въ ней было что-то необыкновенное, поражавшее всякаго при первомъ взглядѣ на нее; что-то не отъ здѣшняго міра. Какое-то царственное величіе дышало въ чертахъ лица ея; взоръ ея былъ важенъ, бо́льшею частію задумчивъ. Но улыбка ея была исполнена невыразимой прелести, точно такъ, какъ и ея голосъ, которымъ, по словамъ знавшихъ ее, она особенно отличалась. Гибкій, серебряный, онъ принималъ на себя, казалось, всѣ напечатлѣнія, всѣ тоны ея богатыхъ чувствованій, и онъ доходилъ къ сердцу какъ очаровательная музыка, особенно когда она говорила что нибудь отъ полноты души. Она прекрасно пѣла и декламировала. Можно сказать, что геній древней Греціи, воодушевивъ ее своими изящными идеями, разлилъ во всей ея особѣ то очарованіе полной красоты, котораго памятники мы видимъ въ классическихъ изваяніяхъ. Въ обществѣ она невольно увлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ; одна знатная дама, увидѣвъ ее въ первый разъ, не могла скрыть своего восхищенія, и сказала окружавшимъ ее: «Кто эта дѣвица? она должна быть высокаго рода...» Обращеніе дѣвицы Кульманъ довершало очарованіе, которое она возбуждала своимъ лицемъ. Она въ высокой степени обладала даромъ слова, особенно въ часы одушевленія, или когда разговоръ обращался на какой-нибудь занимательный предметъ. И въ языкѣ ея было что-то осо-

бенное, ей одной свойственное. Она умѣла шутить съ аттическою игривостію и легкостію; но вообще рѣчи ея исполнены были силы и нѣкоторой ораторской плавности. Ея пламенное воображеніе безпрестанно рисовало картины такъ, что, слушая ее говорящую долго объ одномъ предметѣ, въ свѣтлые часы вдохновенія, можно было подумать, что она импровизируетъ на заданную тему. Столь свободно переходила она отъ одной мысли къ другой, и съ такою легкостію связывала нити разговора!

Говоря объ ея вдохновеніи, нельзя не привести здѣсь того, что передали люди, наблюдавшіе ее. Это была не ученая женщина, не педантка, — это было просто прекрасное созданіе, только поставленное на высшей ступени человѣчества. Она писала отъ избытка силъ душевныхъ; она хотѣла, чтобы ее нѣкогда прочли и поняли.

Елисавета Кульманъ судила о вещахъ съ удивительною проницательностію. Мѣткость взгляда, быстрота и многосторонность ея понятій составляли отличительное качество ея ума, всегда яснаго, и всегда стоявшаго на высотѣ, съ которой открывался обширный горизонтъ для соображеній. Мы видѣли это во всемъ ходѣ ея умственнаго развитія. Будучи одарена отъ природы нѣжнѣйшимъ чувствомъ изящнаго, она усовершенствовала его прилежнымъ изученіемъ образцовыхъ писателей почти всѣхъ народовъ, достигшихъ высшей степени образованія. Но, во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, она преимущественно отмѣчала то, что говорило сердцу и возвышало душу. Въ германской литературѣ она всего болѣе восхищалась твореніями Шиллера. Комедія не была по ея вкусу; одного Моліера только читала она съ удовольствіемъ. Шекспира, кажется, она не успѣла изучить; по крайней мѣрѣ, нѣтъ нигдѣ свидѣтельствъ въ томъ, чтобы она особенно имъ занималась. Изъ соотечественниковъ его, дѣвица Кульманъ преимущественно была знакома съ Мильтономъ. Любимымъ ея чтеніемъ, въ часы отдохновенія, были путеше-

ствія; она съ жадностію собирала въ нихъ любопытныя черты нравовъ, обычаевъ народныхъ, и часто эти черты переходили въ ея дружескіе разговоры съ людьми близкими.

Въ характерѣ дѣвицы Кульманъ было одно качество, которое неразлучно сопутствуетъ людямъ, предназначеннымъ совершить на землѣ что нибудь важное, — это постоянство усилій въ достиженіи предположенной цѣли. Ее нельзя было отклонить отъ какого-нибудь предпріятія словами: «оставьте, это трудно.» Напротивъ, подобный совѣтъ производилъ только то, что она сосредоточивала свою дѣятельность именно на этомъ трудномъ предметѣ. Не все легко было въ ея упражненіяхъ, въ нихъ существовали и механическія стороны, которыя, не смотря на необыкновенныя ея способности, также надлежало одолѣвать боемъ. Но тамъ, гдѣ утомлялся умъ ея, торжествовала воля. Никто лучше ея не умѣлъ распоряжаться своимъ временемъ: она никогда не спала болѣе семи часовъ въ сутки; вставала обыкновенно въ шесть часовъ утра; первымъ дѣломъ ея была молитва, которую она совершала съ знаками глубочайшаго христіанскаго благоговѣнія. Туалетъ ея продолжался нѣсколько минутъ; но она всегда была одѣта очень опрятно, и даже съ нѣкоторою изысканностію. За чаемъ немного проходило времени: иногда обстоятельства уменьшали и здѣсь его трату, потому что случалось, что у матери ея не было чая, и тогда завтракъ ея былъ очень не роскошенъ и непродолжителенъ. За тѣмъ она приступала къ тѣмъ умственнымъ трудамъ, которые требовали большихъ усилій и бодрости духа. Немного также надобно было времени на приготовленіе скуднаго обѣда и на другія домашнія распоряженія: хозяйство ея было не велико. Послѣобѣденное время она посвящала собственно литературѣ и чтенію сочиненій, какія нужны были для распространенія ея познаній, а иногда читала что нибудь просто для удовольствія. Вечера также она нерѣдко проводила или въ кругу почтеннаго семейства директора горнаго корпуса, или въ бесѣдѣ съ ма-

терью и старымъ своимъ другомъ-наставникомъ, Гроссъ-Гейнрихомъ. Строжайшій порядокъ былъ душою всѣхъ ея занятій: всякому труду было назначено время, всякой вещи мѣсто. Шутя, она хвалилась, что въ этомъ отношеніи превосходитъ Франклина, который признается въ одномъ своемъ сочиненіи, что ему трудно было привыкнуть въ образѣ жизни къ постоянному порядку.

Въ примѣръ нѣжнаго и утонченнаго чувства доброты ея, приведемъ два случая. На одной изъ выставокъ въ академіи художествъ находились три или четыре картины молодаго персіянина, посланнаго Аббасъ-Мирзою въ Европу, для изученія живописи. Картины его были довольно хороши; но никто не обращалъ вниманія ни на эти произведенія, ни на художника, который стоялъ тутъ же, въ толпѣ зрителей. Елисавета Кульманъ, находившаяся въ числѣ послѣднихъ, замѣтила это; ей стало жаль персіянина: «Этотъ иностранецъ, сказала она, увезетъ отъ насъ прискорбное чувство, почему не утѣшить его привѣтливымъ словомъ». Она подошла къ нему, и ласково попросила показать ей свои произведенія. Осмотрѣвъ ихъ и похваливъ съ тонкостію знатока, потому что и сама отлично рисовала, дѣвица Кульманъ обратилась къ художнику, съ плѣнительнымъ участіемъ разговаривала съ нимъ объ его путешествіи, о пребываніи въ Англіи, откуда онъ только что возвратился, и наконецъ спросила, гдѣ ему болѣе нравится: въ Англіи или въ Россіи? — «Въ Россіи», отвѣчалъ очень учтиво персіянинъ. — «Я понимаю это», замѣтила Елисавета: «здѣсь вы ближе къ своему отечеству.» Потомъ еще долго говорила она съ нимъ объ удовольствіяхъ, ожидающихъ его по возвращеніи на родину, о томъ, что онъ, вѣроятно, первый изъ персидскихъ художниковъ, путешествующій изъ любви къ искусствамъ, и т. п. Персіянинъ былъ очарованъ рѣчами прелестной дѣвушки и благодарилъ ее съ восхищеніемъ за ея привѣтливость. — Она оказала большіе успѣхи въ рисованіи фигуръ, подъ руководствомъ учителя,

очень искуснаго въ фигурной живописи, но не имѣвшаго того же таланта въ ландшафтной. Сколь ни любила она этотъ родъ живописи, никакъ нельзя было уговорить ее, брать уроки у одного изъ извѣстныхъ въ этомъ предметѣ художниковъ. «Мои успѣхи будутъ медленнѣе», отвѣчала она: «но этимъ я окажу мою благодарность учителю за труды, понесенные имъ въ преподаваніи мнѣ первоначальныхъ правилъ».

Четырнадцатый, *пятнадцатый* и *шестнадцатый* годы жизни, были самымъ цвѣтущимъ временемъ ея успѣховъ. Но судьба ея уже свершилась: ее ожидала ранняя могила. Въ тѣ торжественныя минуты, когда душа ея возвышалась надъ всѣмъ земнымъ, неизъяснимое печальное предчувствіе оттѣняло всегда ея отраднѣйшія ощущенія. Она становилась задумчивою; тихая грусть, смѣшанная съ какимъ то благоговѣйнымъ умиленіемъ, разливалась по ея прекрасному лицу. Съ матерью ея происходило то же: нерѣдко сердце ея стѣснялось тайною боязнію, что она вдругъ можетъ потерять дочь. Эти зловѣщія, таинственныя прорицанія души, къ несчастію, слишкомъ скоро сбылись: рука смерти держалась за стебель этого прелестнаго цвѣтка въ то самое мгновеніе, когда онъ развертывался во всей полнотѣ жизни и красоты. Вѣроятно, читатели подумаютъ, что дѣвица Кульманъ сдѣлалась жертвою напряженныхъ умственныхъ трудовъ? Нѣтъ! Нравственныхъ ея силъ стало бы на большее время. Притомъ трудъ былъ для нея наслажденіемъ, а природа человѣческая въ такихъ случаяхъ нѣсколько крѣпче, нежели какъ думаютъ. Судьба не столь изысканными путями привела дѣвицу Кульманъ ко гробу: она употребила для этого самое дѣйствительное средство — бѣдность. Одна родственница Елисаветы выходила замужъ; послѣдняя была приглашена на свадьбу. Это было въ половинѣ или концѣ октября, когда петербургскій климатъ горстію сыплетъ на бѣдныхъ жителей сѣмена осеннихъ болѣзней, и приготовляетъ богатую жатву для смерти. У Ели-

саветы не было теплаго салопа, потому что не было на то денегъ, и она принуждена была ѣхать въ церковь, одѣтая довольно легко, по-лѣтнему. По окончаніи вѣнчальнаго обряда, вышедъ изъ церкви, она долго ожидала на крыльцѣ кареты: здѣсь обхватилъ ее пронзительный вѣтеръ, и бросилъ въ грудь ея зародышъ тажкаго недуга. На другой же день, она почувствовала первые припадки, и, по обыкновенной довѣрчивости людей здоровыхъ къ своей крѣпости, пренебрегла ими. 7-го ноября произошло бѣдственное наводненіе, приведшее въ трепетъ жителей Петербурга. Васильевскій островъ, какъ извѣстно, потерпѣлъ отъ него болѣе другихъ частей города, и дѣвица Кульманъ, раздѣлявшая всеобщій ужасъ и тревоги плачевнаго дня, увидѣла послѣ него здоровье свое еще болѣе разстроеннымъ. Такъ образовалась въ ней та страшная болѣзнь чахотка, которая, съѣдая человѣка медленно и неприметно, какъ будто отнимаетъ у могилы ея добычу, и дѣлаетъ страдальца свидѣтелемъ собственнаго своего тлѣнія. Поздно было спасать жертву, на которую уже она наложила печать гибели; ни какія пособія медицины не были дѣйствительны. Императрицы Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна, равно какъ тогдашняя великая княгиня, императрица Александра Ѳеодоровна и великая княгиня Елена Павловна, узнавшія о талантахъ и положеніи дѣвицы Кульманъ, черезъ посредство статсъ-секретаря Лонгинова, спѣшили оказать ей всевозможную помощь; но воля промысла уже опредѣлила ея жребій.

Послѣдній годъ ея жизни представляетъ умилительную картину геройскаго терпѣнія и тихой христіанской покорности провидѣнію. Она скоро поняла свое положеніе и привыкла къ мысли о смерти, и о жизни за гробомъ. Вотъ что, въ первые мѣсяцы своей болѣзни, писала она къ одной изъ своихъ подругъ: «Мнѣ снилось», говоритъ она.

«Будто я давно ужъ
Въ горнихъ небесахъ живу,
И тамъ къ образу привыкла
Жизни новыя своей».

Она тщательно хранила отъ матери своей тайну, о которой сначала говорило ей темное предчувствіе, и которую теперь видѣла ясно въ благоговѣйныхъ помыслахъ и въ дѣтской довѣренности къ божественному милосердію. Она утѣшала ее надеждою близкаго выздоровленія, и тишиною чистой души своей, христіанскимъ спокойствіемъ, дѣйствительно успѣла удалить отъ ея сердца, по крайней мѣрѣ, горькое предвкушеніе грядущаго зла. Но съ другомъ своимъ, Гроссъ-Гейнрихомъ, она была откровеннѣе, хотя и послѣдній довѣрчиво еще предавался ласкающей надеждѣ. Однажды онъ утѣшалъ ее, что болѣзнь скоро кончится, и что она совершитъ всѣ свои прекрасныя начинанія. Елисавета Кульманъ печально улыбнулась, и произнесла слова изъ «Мессинской Невѣсты» Шиллера:

Ein mächtiger Vermittler ist der Tod.

Потомъ прибавила: «Два мои брата *) пали съ честію на полѣ битвы; они были также молоды; я не должна уступать имъ въ твердости». Духъ ея, среди такихъ тяжкихъ страданій, касаясь уже послѣдняго предѣла земнаго существованія, не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Въ тлѣющей груди ея билось еще свѣжее, юношеское сердце, и чувствованія его живыми струями изливались на бумагу. Нѣсколько стихотвореній были плодомъ этого предсмертнаго, меланхолическаго вдохновенія. Она диктовала свои мысли, когда не могла уже писать сама; поправляла свои прежнія сочиненія, переводила нѣкоторыя изъ нихъ на нѣмецкій и италіянскій языки; читала творенія любимыхъ своихъ писателей. Сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ эту прекрасную жизнь, уже былъ надломленъ; но свѣтильникъ, напитанный драгоцѣннымъ елеемъ, еще горѣлъ, разливая вокругъ себя лучезарное сіяніе. Послѣдніе дни ея замѣчательны для наблюдателя; физическія силы ея, казалось, вдругъ ожи-

*) У Г-жи Кульманъ было семеро сыновей, изъ которыхъ два убиты въ кампанію 1812 года.

вились, и душа ея была дѣятельнѣе, нежели когда либо во время болѣзни. Она представляла зрѣлище поучительное и вмѣстѣ возвышенное торжество нравственныхъ силъ надъ плотію. Онѣ двигались и жили, какъ-бы не вѣдая, что сопутникъ ихъ въ земномъ странствованіи, тѣло, готовъ разлучиться съ ними на вѣки.

19-го ноября 1825 года, въ самый тотъ день, когда на другомъ концѣ Россіи, въ Таганрогѣ кончалъ жизнь свою императоръ Александръ Благословенный, собралось у постели больной нѣсколько близкихъ ей людей. Ослабѣвъ вдругъ болѣе обыкновеннаго, она попросила мать свою выйти въ другую комнату съ гостями, и чрезъ нѣсколько минутъ потребовала священника. Онъ явился. Святое таинство причащенія и исповѣди было уже совершено надъ нею незадолго предъ тѣмъ; теперь она просила священника читать надъ ней отходную. Во время чтенія она оборотилась на лѣвый бокъ, склонилась на руку, вздохнула глубоко, — и на печальномъ одрѣ ничего уже не было отъ Елисаветы Кульманъ, кромѣ блѣднаго изсохшаго трупа *)!.....

*) Помнившіе и знавшіе въ Петербургѣ это дивное созданіе, говорятъ, что женская фигура, изваянная на гробницѣ Елисаветы Кульманъ, есть портретъ очаровательнаго ея лица.

КНЯГИНЯ НАТАЛІЯ БОРИСОВНА

ДОЛГОРУКОВА,

урожденная

ГРАФИНЯ ШЕРЕМЕТЕВА

(1714 — 1771).

Княгиня Наталія Борисовна Долгорукова, урожденная графиня Шереметева, дочь славнаго фельдмаршала, временъ Петра Великаго, графа Бориса Петровича Шереметева, родилась 17-го января 1714 года. Жизнь этой женщины была рядомъ горестей съ мгновеннымъ проблескомъ счастія и радостей, замѣненныхъ жизнію страдальческою, но поучительною и достойною вниманія и глубокаго уваженія. Красота ея соотвѣтствовала душевнымъ качествамъ, еще болѣе придававшимъ ей блеска; но несчастіе постоянно преслѣдовало ее, почти съ самой колыбели. На шестомъ году возраста, Наталія Борисовна лишилась своего родителя, на пятнадцатомъ нѣжной матери, когда попеченія и совѣты ея были столь необходимы. Она не осушала слезъ своихъ и при всемъ томъ казалось ей, что еще мало оплакивала невозвратную свою потерю. Дорожа добрымъ именемъ, молодая графиня рѣшилась вести жизнь уединенную въ домѣ брата своего, отказалась отъ всякихъ удовольствій и въ великолѣпныхъ чертогахъ пріучала себя къ скукѣ, безутѣшно проводя дни. Вскорѣ лучшій

жребій, по видимому, представился для нея: князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, любимецъ юнаго императора Петра II, родный братъ его невѣсты, оберъ-каммергеръ высочайшаго двора, маіоръ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, кавалеръ ордена св. Андрея первозваннаго, восемнадцатилѣтній юноша, красивый, обворожительной наружности, ума пылкаго, ловкій, вкрадчивый — сдѣлался нарѣченнымъ женихомъ графини Наталіи Борисовны. Императорская фамилія, иностранные министры, придворные чины, весь генералитетъ, присутствовали при обрученіи ихъ, которое совершилъ архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ декабрѣ 1729 года. Перстень жениха былъ въ двѣнадцать тысячъ рублей, невѣсты въ шесть тысячъ. Родственники Долгорукова осыпали графиню Наталію Борисовну богатыми дарами: брилліантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями, а графъ Петръ Борисовичъ Шереметьевъ, братъ невѣсты, подарилъ князю Ивану Алексѣевичу шесть пудовъ серебра, нѣсколько большихъ старинныхъ кубковъ и флягъ золоченныхъ. «Мнѣ казалось — пишетъ въ запискахъ своихъ Наталія Борисовна, — по моему младоумію, что это все прочно и на цѣлый вѣкъ мой будетъ, а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, что все на часъ». Протекло еще нѣсколько дней счастливыхъ для Наталіи Борисовны и жениха ея, какъ благополучіе, радостныя надежды, наполнявшія воображеніе ихъ, мгновенно исчезли: 18-го января 1730 года скончался отъ оспы императоръ Петръ II, въ цвѣтѣ лѣтъ, когда начиналъ жить для себя и для Россіи! Лишь только горестная вѣсть сдѣлалась извѣстною Наталіи Борисовнѣ, сердце ея замерло, она упала безъ чувствъ и, когда опомнилась, то повторяла слова: «Ахъ, пропала, пропала!» — какъ будто предвидя плачевную участь свою. Тщетно родственники старались утѣшить ее, и совѣтовали отказать жениху, если обстоятельства перемѣнятся и будетъ Долгоруковымъ худо при новомъ царствованіи. Съ негодованіемъ отвергла Наталія предложеніе это. «Могу ли, отвѣчала она

имъ, нарушить совѣсть свою, поступить такъ безчестно? Не я ли съ удовольствіемъ шла за него, когда онъ былъ великъ, а теперь, когда сталъ несчастливъ, должна отказать ему? Нѣтъ, отдавъ одному сердце, буду жить, умру вмѣстѣ съ нимъ». Вечеромъ, въ этотъ плачевный день, пріѣхалъ Долгоруковъ къ невѣстѣ своей и проливалъ съ нею слезы о кончинѣ благодѣтельствовавшаго ему юнаго монарха. Тогда женихъ и невѣста поклялись: быть неразлучными до смерти своей. Предчувствіе графини не обмануло ее: искатели, друзья, родственники оставили ихъ, старались даже не встрѣчаться съ ними. Въ это время совершилось погребеніе государя. Печальная церемонія случайно слѣдовала мимо дома Шереметева: князь Иванъ Долгоруковъ шелъ передъ гробомъ, блѣдный, съ распущенными волосами, въ длинной траурной епанчѣ, съ флеромъ на шляпѣ, висѣвшимъ до ногъ. Онъ несъ на подушкѣ орденъ св. апостола Андрея первозваннаго, поддерживаемый двумя ассистентами: проходя мимо окна, у котораго сидѣла Наталія, онъ бросилъ на нее плачевный взоръ, и какъ будто произнесъ: Кого погребаемъ? Кого провожаю въ послѣдній разъ? Наталія Борисовна поняла его и упала на окно, заливаясь слезами. Ей казалось, что и небо и стихіи принимали участіе въ горести двухъ сердецъ, соединенныхъ одинаковымъ чувствомъ. Вскорѣ императрица Анна Іоанновна имѣла торжественный въѣздъ въ Москву, при громѣ орудій и при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Наталія Борисовна желала взглянуть на преемницу Петра, въ рукахъ которой находилась участь ея, и когда монархиня шествовала въ соборъ, то дочь Шереметева, стоя у одного окна во дворцѣ, въ послѣдній разъ видѣла своего дорогаго жениха Долгорукова верхомъ на конѣ, въ полномъ воинскомъ парадѣ, передъ полкомъ преображенскимъ, отдававшаго честь государынѣ. Радостныя восклицанія народа, военная музыка, бѣглый огонь изъ ружей, напоминали графинѣ Наталіи Борисовнѣ о погребеніи императора, за нѣсколько дней передъ тѣмъ совершеннымъ, потому

что тогда также гремѣла музыка, также слышна была стрѣльба, также слышалось церковное пѣніе, также раздавался голосъ народной толпы. И хотя теперь все это носило въ себѣ печать радости и ликованія, а тогда выражало слезы и стенанія; но въ воображеніи горестной невѣсты показалось, что для нея эти веселые звуки — предвѣстники ужаснаго бѣдствія. Она почувствовала себя дурно и поспѣшила въ домъ свой; но дорогѣ, проѣзжая рядами солдатъ, стоявшихъ въ строю, слышала утѣшительные отголоски: «Матушка наша! лишились мы своего государя». Но другіе кричали: «Прошло, долгоруковщина, твое время, теперь не старая пора»! — Наталія Борисовна, какъ изъясняетъ сама, не взвидѣла тогда свѣта, не знала отъ стыда куда ее везли! Долгоруковы имѣли множество враговъ; какой же любимецъ счастія не имѣетъ ихъ? Но главный врагъ дома Долгоруковыхъ былъ Биронъ, любимецъ императрицы, котораго пріѣзду въ Россію сопротивлялись они; человѣкъ жестокій, мстительный. Съ прибытіемъ его изъ Митавы, возникли разнаго рода преслѣдованія: то старался онъ узнавать, ласками отъ бывшихъ друзей опальныхъ царедворцевъ, не причинили ли Долгоруковы кому обидъ, не брали ли взятокъ? то печатнымъ обнародываніемъ ободрялъ каждаго подавать, безъ опасенія, самой государынѣ челобитныя на Долгоруковыхъ. Разнеслась тогда молва, что ихъ сошлютъ въ ссылку, лишатъ чиновъ и орденовъ. Что сдѣлала въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ шестнадцатилѣтняя Наталія? Она поспѣшила соединить участь свою съ несчастнымъ женихомъ своимъ, не смотря на злобу, его преслѣдовавшую, и на гибельныя предвѣщанія. Братъ ея, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, былъ боленъ; изъ многочисленныхъ родственниковъ только двѣ свойственницы Наталіи, престарѣлыя вдовы, принявъ участіе въ горестномъ положеніи ея, согласились проводить дочь Шереметева въ подмосковную Долгоруковыхъ, гдѣ все семейство ихъ имѣло въ то время пребываніе. Она пріѣхала въ одной каретѣ, какъ бѣдная сирота,

между тѣмъ какъ вся родня жениховa присутствовала при бракосочетаніи. На третій день послѣ свадьбы, молодые намѣревались ѣхать въ городъ, къ родственникамъ, рекомендовать себя ихъ милости, какъ вдругъ объявляютъ, что прибылъ оберъ-секретарь сенатскій къ отцу князя Ивана, къ князю Алексѣю Григорьевичу. Сбылось горестное ожиданіе: высочайшимъ указомъ велѣно имъ, черезъ три дня, отправиться въ дальнія деревни. Между тѣмъ какъ свекоръ Наталіи и ея золовки зашивали въ карманы брилліанты и разныя дорогія вещи, неопытная Наталія, полагая, что она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, что скоро возвратится въ столицу, отослала, на сохраненіе къ брату своему, брилліанты, золото, серебро, кружева, бѣлье, дорогія шубы мужнины, оставивъ ему только тулупъ, а себѣ одну шубу и черное платье, которое носила по государѣ, также золотую табакерку, имъ подаренную. Графъ Шереметевъ препроводилъ къ сестрѣ тысячу рублей на дорогу; взявъ изъ нихъ четыреста, Наталія возвратила остальныя деньги брату. Она думала, что не будетъ имѣть въ нихъ надобности, что дорожныя издержки приметъ на себя свекоръ ея, не надѣлившій еще имѣніемъ своего сына. Они выѣхали изъ Москвы, на собственныхъ лошадяхъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во время распутицы, когда всѣ луга были потоплены водою и когда маленькіе разливы казались озерами. Никто изъ родственниковъ Наталіи не простился съ нею: «или не смѣли — пишетъ она — или не хотѣли; Богъ то разсудитъ». Только бывшая гувернантка ея доказала привязанность къ воспитанницѣ, вызвавшись сопутствовать ей въ мѣсто ссылки, удаленное отъ столицы на восемь сотъ верстъ. Тосковала несчастная о своей плачевной участи, но въ самой печали старалась казаться веселою, чтобы не увеличить горести мужа, страдавшаго за нее. Не успѣли они отъѣхать девяносто верстъ, какъ настигъ ихъ капитанъ гвардіи, имѣвшій приказаніе отобрать у Долгоруковыхъ ордена. Разставшись съ знаками почести, опальные царедворцы утѣшали себя мы-

слію, что наказаніе это будетъ уже послѣднимъ, и продолжали дорогою заниматься охотою, имѣя при себѣ нѣсколько гончихъ собакъ. Тогда только княгиня Наталія Борисовна, оставаясь одна, давала волю слезамъ своимъ; плакала, сколько хотѣла. Положеніе ея ежедневно становилось затруднительнѣе; во время ночлеговъ лучшія мѣста въ полѣ были занимаемы палатками князя Алексѣя Григорьевича, дочерей и сыновей его: князю Ивану всегда отводили худшее мѣсто, иногда въ болотѣ. Онъ долженъ былъ содержать себя и жену, на собственныя деньги, покупать кормъ для лошадей своихъ; даже въ деревнѣ отцовской, находившейся на половинѣ дороги, гдѣ остановились они у одного мужика, ночевали въ сараѣ, между тѣмъ, какъ тутъ былъ домъ господскій, въ которомъ расположилось собственное семейство князя Алексѣя. Три недѣли прожили они въ этомъ мѣстѣ послѣ трехъ недѣльнаго странствованія и уже готовились отправиться въ дальній путь, какъ прискакалъ къ нимъ вновь офицеръ гвардіи, сопровождаемый двадцатью четырьмя солдатами. Несчастные узнали тогда, что злоба Бирона продолжала преслѣдовать ихъ, не довольствуясь нанесенными ударами. Раздался вопль въ домѣ Долгорукова! Нѣжная Наталія, не вѣдая, что съ ними послѣдуетъ, опасалась одного, чтобы не разлучили ее съ супругомъ, ухватилась за него, не отпускала отъ себя. Въ тотъ же день выѣхали они въ своихъ экипажахъ изъ деревни, сопровождаемые офицерами и солдатами; въ дорогѣ узнала княгиня Наталія, отъ князя Ивана, «что велѣно ихъ отправить въ Березовъ и тамъ содержать подъ строжайшимъ карауломъ; не дозволено никуда ходить, исключая церкви; запрещено имѣть даже бумагу и чернилы». «Вотъ до чего довела меня искренняя любовь, какъ бы нѣжнѣйшей сестры» — упоминаетъ Наталія въ своихъ запискахъ — «все оставила я: и почести, и богатство, и сродниковъ; страдала съ нимъ и скиталась; но я не стыжусь непорочнаго чувства ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ; потому что онъ одинъ былъ въ моемъ сердцѣ.

Мнѣ казалось, что онъ родился для меня, я для него и намъ другъ безъ друга жить нельзя». Въ первомъ городѣ они остановились; имъ отвели одну квартиру для всѣхъ; у дверей поставили часовыхъ съ примкнутыми штыками. Тутъ Долгоруковы жили недѣлю, между тѣмъ какъ приготовляли судно, для отправленія ихъ водою. Добрая гувернантка, француженка, какъ чадолюбивая мать, заботилась о здоровьѣ своей воспитанницы: огородила особое помѣщеніе для Наталіи, обила войлокомъ стѣны его и чуланчикъ, долженствовавшій служить жилищемъ двухъ знаменитыхъ отраслей, отдала послѣднія деньги свои, шестьдесятъ рублей, дочери Шереметева, не имѣвшей ни полушки! Признательная Наталія лишилась чувствъ, при прощаніи съ этою добрѣйшею женщиною, которой не было дозволено слѣдовать далѣе за изгнанниками. При прощаніи, Наталія потеряла бывшую у ней драгоцѣнную жемчужину. «Знать я ее въ воду опустила, пишетъ она, да мнѣ уже и не жаль было: не до роскоши. Жизнь тратится. Я осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка!» — Вмѣсто горничной дѣвушки, къ ней привыкшей, золовки дали Наталіи другую, которая была помощницей у прачекъ, ничего не умѣла дѣлать, какъ только платья и бѣлье мыть. Путешествіе ихъ водою продолжалось три недѣли и было совершено съ большими непріятностями: то громъ, съ трескомъ раздававшійся на водѣ, приводилъ въ страхъ робкихъ женщинъ; то поднималась жестокая буря, вертѣла съ бока на бокъ судно, бросала его на мель, или въ самой глуби отрывала якорь и наполняла судно водою. Наконецъ достигли они города, откуда отправились сухимъ путемъ, большею частію, горами, въ повозкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь, по тѣсной дорогѣ, на краяхъ которой изъ глубокихъ рвовъ показывались верхушки столѣтнихъ дубовъ. «Эта каменная дорога — пишетъ Наталія — думала я, что у меня сердце оторветъ; сто разъ просилась: дайте одохнуть! Никто не имѣлъ жалости, а спѣшили, какъ можно, чтобы домой возвратиться: ѣхали

по цѣлому дню съ утра до ночи. Однажды шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что съ головы до ногъ нашихъ текла вода, какъ будто-бы мы изъ рѣки вышли! На квартирѣ обсушиться было негдѣ: хижина малая, фамилія наша велика; всѣ хотѣли покоя». Въ Тобольскѣ офицеръ гвардіи сдалъ ихъ гарнизонному капитану. Изъ этого города, отправились они снова водою до самаго Березова, подъ надзоромъ двадцати четырехъ солдатъ на худомъ суднѣ. Новый начальникъ ихъ былъ человѣкъ безъ всякаго образованія и обходился съ Долгоруковыми безъ состраданія. «Такому человѣку, пишетъ княгиня, были мы поручены! Ему ли смотрѣть за нами? Насъ не караулъ держалъ, а держала наша невинность. Думала, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ въ первое состояніе. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить». Здѣсь, къ сожалѣнію, прерываются записки княгини Наталіи Борисовны. Восемь лѣтъ жила она въ Березовѣ, вдали отъ родины, съ обожаемымъ ею несчастнымъ супругомъ, утѣшая себя невинными играми дѣтей, забывая славу міра, зыбкую, скоропреходящую. Семейство Долгоруковыхъ и съ ними дочь фельдмаршала Шереметева жили тутъ, какъ поселяне, въ совершенной простотѣ, сами работали въ отведенномъ имъ огородѣ, стрѣляли птицъ и дикихъ звѣрей, ловили рыбу неводами. Всѣ они въ восемь лѣтъ привыкли къ этой жизни и, казалось, не желали иной. Вдругъ неожиданный новый роковый ударъ поразилъ Наталію: въ 1739 году кровожадный Биронъ велѣлъ исполнителямъ самовластія своего разлучить несчастныхъ супруговъ, отнять у нихъ малютокъ и заключить Наталію въ темницу. Это уничтожило послѣднюю отраду, которую она, бѣдная, имѣла. Три года несчастная оплакивала мужа, не зная участи, его постигшей. Въ 1742 году, по воцареніи императрицы Елисаветы Петровны, Наталіи Борисовнѣ возвращена была свобода, прежнее званіе. Императрица не могла возвратить ей счастія: Ивана Долгорукова

не было уже на свѣтѣ! Наталія умоляла, чтобы ей возвратили ея двухъ малютокъ, отнятыхъ у нея злобою Бирона. Младенцы Михаилъ и Дмитрій были отысканы и императрица приняла ихъ на свое особенное попеченіе. Тогда всѣ мысли, всѣ желанія Наталіи сосредоточивались за предѣлами гроба и жизнь казалась ей бременемъ несноснымъ, разлукою слишкомъ продолжительною. Между тѣмъ молодая государыня, желая залечить глубокія раны сердца бѣдной Наталіи, приглашала ее къ своему двору, предлагая раздѣлять увеселенія его. Наталія, вѣрная супруга, казалась еще болѣе несчастною среди радостей и забавъ. Наконецъ Елисавета, понявъ невозможность исцѣлить разсѣяніями такую глубокою скорбь, которая способна только усилиться при шумѣ свѣта, сжалилась надъ достойною дочерью Шереметева и изъявила согласіе, чтобы она удалилась въ монастырь. Наталія ожила при одной мысли, что можетъ умереть для свѣта: она отправилась въ Кіевъ и постриглась въ монахини, 23-го сентября 1757 года, въ тамошнемъ Фроловскомъ монастырѣ; приняла тамъ же схиму черезъ десять лѣтъ, а 3-го іюня 1771 года соединилась съ своимъ супругомъ. Повѣствуютъ, что, на канунѣ постриженія, вышедъ на берегъ Днѣпра, она сняла съ руки обручальный перстень и бросила въ рѣку. Въ запискахъ своихъ, княгиня Наталія говоритъ: «что она за двадцать дней благополучныхъ или радостныхъ страдала сорокъ лѣтъ; за каждый день по два года».

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА

ДАШКОВА

(1744 — 1810).

Эта русская женщина, прославившаяся подвигами на поприщѣ наукъ и политики, при дворѣ и въ академіи, извѣстная не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, была дочь графа Романа Илларіоновича Воронцова. Она родилась въ С.-Петербургѣ, въ 1744 году. Императрица Елисавета Петровна и Петръ III были воспріемниками ея отъ купели. Съ блескомъ древняго происхожденія и природными дарами, Екатерина Романовна соединяла въ себѣ счастливыя расположенія ума; природа вложила въ сердце ея сильныя желанія, соединенныя съ стремленіемъ ко всему великому и изящному. Ея воспитаніе вполнѣ соотвѣтствовало богатымъ дарамъ природы, которая была къ ней щедра до чрезвычайности, потому что одѣлила ее умомъ тонкимъ, гибкимъ и проницательнымъ, соображеніемъ вѣрнымъ и быстрымъ, памятію необыкновенною и талантами блестящими. Но, увлекаясь разсѣянностію придворной жизни, она мало заботилась о совершенствованіи дарованій своихъ, почитая ученіе, при богатствѣ и величіи, маловажнымъ и для себя тягостнымъ; но при всемъ томъ, какъ ни лѣнилась она въ дѣтствѣ, успѣла все таки пріобрѣсти познанія во многихъ наукахъ и преиму-

щественно, благодаря своей необыкновенной памяти, въ языкахъ иностранныхъ, изъ которыхъ французскій, нѣмецкій, англійскій и италіянскій Екатерина Романовна знала прекрасно, и не только легко на нихъ объяснялась, при правильномъ произношеніи, но еще легко писала и даже сочиняла и переводила. При томъ юная графиня Воронцова прекрасно танцовала, пѣла, играла на клавесинѣ и даже нѣсколько рисовала. Тринадцати лѣтъ отъ роду, она считала свое воспитаніе совершенно конченнымъ и уже почти ни чѣмъ не занималась, тѣмъ болѣе, что въ это время была уже фрейлиною при дворѣ.

Неожиданное приключеніе перемѣнило мысли юной дочери графа Воронцова: Екатерина Романовна заболѣла корью и должна была съ огорченіемъ удалиться отъ двора, жить въ совершенномъ уединеніи, и ни съ кѣмъ не видаться, кромѣ своего врача. Такой переходъ, отъ шума и веселости двора, къ уединенію сильно подѣйствовалъ на ея сердце; она испытала, что для жизни не довольно одной знатности и что богатства не могутъ дополнить пустоты сердечной; почувствовала необходимость, важность наукъ, и въ первый разъ вкусила сладость размышленія. Этотъ случай въ жизни своей она сама любила разсказывать, называя его «первымъ урокомъ судьбы.»

Дашкова, пробужденная къ дѣятельности скучною болѣзнію, старалась образовать умъ свой и вкусъ чтеніемъ и размышленіемъ. Любя славу родины своей, она обратила особенное вниманіе на отечественную словесность и исторію. Знакомство съ учеными мужами составляло для нее величайшее удовольствіе. Еще четырнадцати лѣтъ она стала собирать себѣ библіотеку, которая содержала въ себѣ ученыя сокровища разныхъ странъ и вѣковъ. Знаніе иностранныхъ языковъ много ей способствовало въ образованіи себя. Знаменитѣйшіе иностранные писатели того времени: Бэль, Монтескіе, Буало и Вольтеръ стали ея любимыми писателями; чтеніе этихъ авторовъ вполнѣ заняло ее, наполнило въ то время ея жизнь, и помирило съ одино-

чествомъ. Всѣ свои деньги она употребляла на покупку книгъ; пріобрѣтеніе самыхъ глубокомысленныхъ сочиненій доставляло ей огромное удовольствіе, съ которымъ не могло сравниться удовольствіе, доставляемое ей самыми дорогими, блестящими нарядами. Она еще дитятей иногда перебирала важныя государственныя бумаги, лежавшія въ кабинетѣ ея дяди (вице-канцлера); еще тогда интересовала ее политика; теперь же она, выздоровѣвъ и явясь снова ко двору, не давала рѣшительно покоя иностраннымъ посланникамъ, художникамъ и ученымъ, посѣщавшимъ домъ вице-канцлера. Она у нихъ выспрашивала все, что только они могли сообщить ей, — и нерѣдко съ женскою хитростію, соединенною съ ребяческою проказливостію, узнавала такія подробности о дворахъ и странахъ иностранныхъ, какія съ трудомъ могли быть узнаны опытными дипломатами.

Слѣдуя волѣ родителей и влеченію собственнаго своего сердца, Екатерина Романовна вышла, на пятнадцатомъ году, замужъ за князя Михаила Ивановича Дашкова. Счастливыми плодами брака ихъ были сынъ и дочь, но, черезъ три года, Дашкова имѣла несчастіе лишиться нѣжнаго супруга своего, котораго она чрезвычайно любила. Потерю его она почитала для себя величайшимъ несчастіемъ. Печаль ее состарила, такъ что восемнадцати лѣтъ она казалась пожилою женщиною. Въ сердцѣ, ея, охлажденномъ печалію, любовь не возжигала прежняго пламени; но другія высокія чувствованія и склонности воспламенились въ душѣ ея и онѣ сдѣлались необходимостію и славою ея жизни. Она отвергла многія лестныя предложенія, для вступленія въ новый союзъ и, въ цвѣтѣ лѣтъ, не хотѣла нравиться и даже чуждалась этого искусства, неразлучнаго съ женскимъ сердцемъ и характеромъ.

Еще до вступленія на престолъ Екатерины II, Дашкова снискала ея довѣренность и дружество, что она высоко цѣнила. Императрица пожаловала ей орденъ св. Екатерины, а въ послѣдствіи сдѣлала ее статсъ-дамою.

Къ чести княгини Дашковой, нельзя не замѣтить, что она, при пользованіи властію своею и связями, старалась забывать свою личность; не искала почестей и богатствъ, имѣя въ виду пользу и славу своего отечества. «Ревностію своею ко благу отечества,» говорила она Дидероту, «я нажила себѣ много враговъ; но эти враги составляютъ истинную славу мою; я ими болѣе могу хвалиться, нежели иными друзьями.» Питая къ Екатеринѣ Великой неизмѣнную преданность, она не иначе объ ней говорила, какъ съ благоговѣніемъ — и это благородное чувство сохранила по самую смерть свою.

Для усовершенствованія воспитанія сына своего и дочери, равно и для распространенія свѣдѣній своихъ, Дашкова путешествовала, въ 1770 году, по разнымъ странамъ Европы, гдѣ болѣе надѣялась пріобрѣсти познаній. Она посѣщала ученыя заведенія, картинныя галереи, разсматривала съ особеннымъ вниманіемъ антики и художественныя произведенія, полезныя учрежденія, наблюдала нравы, обычаи и законы; что не возможно узнать въ кратковременное пребываніе, то старалась узнать отъ ученыхъ и опытныхъ мужей, съ которыми заводила знакомство. Многіе оказывали ей знаки своего почтенія, особенно знаменитый Фридрихъ Великій, который имѣлъ съ нею переписку. Во время пребыванія своего въ чужихъ краяхъ, Екатерина Романовна умножила богатыми пріобрѣтеніями свой кабинетъ рѣдкостей, который начала собирать еще съ 17 лѣтъ, и который, не задолго предъ кончиною своею, подарила она Московскому университету. Въ этомъ собраніи болѣе пятнадцати тысячъ предметовъ, и оно составлялось въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ. Римскій императоръ Іосифъ II, въ изъявленіе особеннаго уваженія своего къ русской путешественницѣ, подарилъ ей изъ медицейскаго кабинета, единственное въ своемъ родѣ собраніе яшмъ изъ Сициліи. Стокгольмская, Дублинская и Эрлангенская академіи, равно Филадельфійское и Берлинское ученыя общества, приняли княгиню Дашкову въ свои члены. Иностранные газеты и журналы наполнены были въ то время са-

мыми лестными похвалами знаменитой путешественницѣ изъ Россіи.

Вольтеръ, описывая свое свиданіе съ княгинею Дашковою, между прочимъ, въ письмѣ своемъ императрицѣ Екатеринѣ II, говоритъ объ ней слѣдующее.

«Прежде всего должно мнѣ васъ увѣдомить, что я имѣлъ честь видѣть у себя въ пустынѣ (въ Фернеѣ) княгиню Дашкову. Лишь только взошла она въ залу, тотчасъ узнала вашъ портретъ, по атласу вытканный и гирляндами вокругъ украшенный. Изображеніе ваше, конечно, имѣетъ особенную силу, потому что я видѣлъ, что когда княгиня Дашкова смотрѣла на это изображеніе, то глаза ея оросились слезами. Она говорила мнѣ четыре часа сряду о вашемъ императорскомъ величествѣ — и мнѣ время это показалось не болѣе, какъ четырьмя минутами.»

Княгиня Екатерина Романовна описала путешествіе свое, изъ котораго весьма занимательные и любопытные отрывки напечатаны въ старинной книгѣ: *Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія.* Книга эта нынѣ рѣдка, но въ подробной біографіи княгини Дашковой, помѣщенной въ №№ 2, 3 и 4, 1860 года, журнала для молодыхъ русскихъ дѣвицъ: *Разсвѣтъ*, находятся эти замѣчательные отрывки.

Обогативъ наблюдательный умъ свой новыми, обширными свѣдѣніями, Дашкова искала случая быть полезною своему отечеству. Почитая для себя славою быть въ числѣ орудій, дающихъ направленіе дѣятельности нравственнаго міра, она старалась способствовать образованію и просвѣщенію своего отечества. Видѣнныя ею въ чужихъ странахъ полезныя учрежденія, соотвѣтствующія истинной цѣли просвѣщенія, возбудили въ ней благородную ревность къ подражанію; но въ подражаніи она не ослѣплялась одною наружностію, однимъ пустымъ блескомъ: она мыслила, что всякое новое учрежденіе тогда хорошо, когда имѣетъ внутреннія достоинства, основанныя на благоразуміи и справедливости. Увѣренная, что усо-

вершенствованіе природнаго языка, господствующихъ мнѣній и обычаевъ можетъ сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовать пользѣ и славѣ отечества ея, она посвятила труды жизни своей къ достиженію этой великой цѣли. Она часто бесѣдовала объ этомъ важномъ предметѣ съ императрицею, которая находила удовольствіе бесѣдовать съ нею и совѣтоваться: въ отсутствіи она вела съ нею переписку. Дашкова сообщала государынѣ мысли свои съ благородною свободою и откровенностію.

Въ одномъ письмѣ своемъ къ императрицѣ, въ 1774 году, она между прочимъ пишетъ слѣдующее: «Я не сомнѣваюсь, чтобы число писателей въ нашемъ отечествѣ отъ времени не умножилось; почему и льщусь надеждою, что потомки наши будутъ имѣть то преимущество, что красоты слога будутъ безвредно присоединяемы къ сочиненіямъ философическимъ. Напротивъ того, теперь писатель, который пишетъ для того, чтобы умножить свѣдѣнія своихъ согражданъ, долженъ стараться только быть вразумительнымъ и не стремиться за славою краснорѣчиваго писателя.»

Императрица Екатерина II поручила ей, особеннымъ указомъ своимъ, 1785 года января 28, дирекцію надъ петербургскою академіею наукъ, которой президентомъ былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій. Женщина-директоръ академіи наукъ была тогда въ Россіи и даже въ Европѣ единственнымъ примѣромъ; она имѣла великое вліяніе на образованіе русскихъ женщинъ и вполнѣ соотвѣтствовала дальновиднымъ предначертаніямъ мудрой государыни, которая, по словамъ Дашковой, имѣла единственнымъ предметомъ своихъ мыслей, обѣтовъ и дѣяній благо ввѣреннаго ей Богомъ народа.

Княгиня Дашкова съ ревностію вступила на столь блистательное поприще, на которомъ открывались ей обширный кругъ дѣятельности и большое занятіе замѣчательному ея генію. Въ чрезвычайномъ засѣданіи академіи, она произнесла слѣдующую рѣчь:

«Увѣряю васъ, государи мои, что избраніе, которое ея императорскому величеству благоугодно было сдѣлать, и препоручить мнѣ предсѣдательство въ семъ мѣстѣ, дѣлаетъ мнѣ несказанную честь. Прошу васъ вѣрить, что произношу сіе, не обыкновенію слѣдуя, но чувствованію, которымъ я объята. Въ просвѣщеніи и способности охотно я отдамъ преимущество моимъ предшественникамъ, но ни единому изъ нихъ не уступлю въ праводушіи, которое побуждать меня всегда будетъ, поставлять должностію себѣ и удовольствіемъ отдавать справедливость вашимъ дарованіямъ. Чужда будучи отъ того, чтобы украшаться вашими произведеніями, мое первое попеченіе состоять будетъ въ томъ, чтобы каждаго изъ васъ достоинство представить ея императорскому величеству и пользу, которая отъ всего общества проистекать будетъ на ея имперію. Сія есть единая выгода, которую вамъ отъ наименованія моего обѣщать могу, и какъ она на васъ непосредственно относится; то надѣюсь, что поведеніе мое, основанное на семъ правилѣ, паки родитъ между вами соревнованіе, что каждый изъ васъ, трудясь для собственной своей славы, не будетъ жалѣть трудовъ своихъ и что совокупнымъ вашимъ раченіемъ науки уже не будутъ водворяться въ семъ единомъ обиталищѣ; но, присвоены будучи всему отечеству и вкоренившись, процвѣтать будутъ подъ кровомъ великія монархини, благоволенія своего ихъ удостоивающей. Позвольте мнѣ, государи мои, свидѣтельствуя вамъ свое почтеніе, увѣрить еще васъ о непремѣнномъ моемъ попеченіи о чести сего общества; поелику то въ моихъ будетъ силахъ.»

Надежды великой Екатерины и ожиданія членовъ академіи, не остались тщетными; стараніемъ и попеченіями Дашковой, академія наукъ была распространена и умножена отъ щедротъ монаршихъ, получила новыя преимущества и отличія и пріобрѣла важныя ученыя пособія.

Безъ помощи архитектора и садовника, она обратила (близъ Петербурга) дачу свою, Киръ и Аново, которая прежде была

смѣшанный болотный лѣсъ, въ садъ, окруженный красивыми зданіями. Ея попеченіями довершено, въ 1787 году, третіе зданіе академіи наукъ. Вниманіе Дашковой обращено было также на заслуги и достоинства членовъ академіи. Однажды, въ собраніи академіи, знаменитый математикъ Эйлеръ, по слабости зрѣнія своего, не находилъ своего мѣста; тогда Дашкова, подведя его къ кресламъ, сказала ему: «Господинъ Эйлеръ! пожалуйте садитесь, гдѣ вамъ угодно; мѣсто, которое вы займете, всегда будетъ первымъ.»

Для усовершенствованія русскаго языка, Екатерина II основала императорскую россійскую академію, въ 1783 году, по докладу и начертанію княгини Дашковой. Она пожаловала на покупку для этой академіи дома значительную сумму денегъ. Предсѣдателемъ этой академіи назначена была княгиня Дашкова, которая произнесла слѣдующую рѣчь при торжественномъ открытіи россійской академіи.

«Новый знакъ попечительнаго о нашемъ просвѣщеніи промысла всеавгустѣйшей нашей монархини, вина настоящаго нашего собранія. Содѣтельница толикихъ нашихъ благъ даетъ нынѣ новое отличное покровительство и россійскому слову, толь многихъ языковъ повелителю. Вы, государи мои, знаете цѣну сего монаршаго къ отечеству и сему собранію дара; вамъ извѣстны обширность и богатства языка нашего; на немъ сильное краснорѣчіе Цицероново, убѣдительная сладость Демосѳенова, великолѣпная Виргилія важность, Овидіево пріятное витійство и гремящая Пиндарова лира, не теряютъ своего достоинства; тончайшія философическія воображенія, многоразличныя семейственныя свойства и перемѣны, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи: однако, при всѣхъ преимуществахъ, не доставало языку нашему предписанныхъ правилъ постояннаго опредѣленія рѣченіямъ и непремѣннаго словамъ знаменованія. Отсюду происходили разнообразность въ сопряженіи словъ, несвойственныя, или иначе рещи, обезображивающія языкъ нашъ рѣченія, заимствуемыя отъ языковъ иностран-

ныхъ. Учрежденіемъ сей императорской россійской академіи, представлено усовершить и возвеличить слово наше препрославленному вѣку Екатерины II, ожидающей сего совершенія отъ нашего собранія, щедротою ея одобряемаго и покровительствомъ созидаемаго.

«Многоразличныя древности, разсѣянныя въ пространствахъ отечества нашего, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ, каковыми немногіе изъ существующихъ нынѣ европейскихъ народовъ поистинѣ хвалиться могутъ, представляютъ упражненіямъ нашимъ обширное поле, на коемъ въ самыя сокровенности, предводящу намъ лучезарному свѣту всеавгустѣйшей нашей покровительницы, проникнуть возможемъ; звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ произведеніямъ, достойнымъ громкаго нашего вѣка: сіе, равномѣрно, какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ; симъ, да принесемъ великой монархинѣ, матери отечества и нашей покровительницѣ, первую и почтеннѣйшую жертву благодаренія.

«Позвольте мнѣ, государи мои, быть благонадежной, что вы не сомнѣваетесь о истинномъ моемъ признаніи къ той чести, кою я, по благоволенію монаршему, имѣю съ вами въ семъ полезномъ для отечества учрежденіи сотовариществовать. Будьте увѣрены, что я всегда горѣть буду безпредѣльнымъ усердіемъ, истекающимъ изъ любви моей къ любезному отечеству, — ко всему тому, что сему нашему обществу полезно быть можетъ, и что неусыпною прилежностію буду стараться замѣнить недостатки моихъ способностей; за нужное считая прочесть въ первомъ нашемъ засѣданіи первоначальныя начертанія, кои я имѣла счастіе представить ея императорскому величеству съ тѣмъ, чтобы вы, государи мои, могли сдѣлать свои примѣчанія и дополнили основанія нашего установленія. Отъ вашей прозорливости конечно не скроется, что

докладъ мой былъ весьма несовершенъ. Я, въ извиненіе себя, вамъ представляю: 1) что привыкла съ толикою же довѣренностію, какъ и благоговѣніемъ къ безпримѣрной нашей монархинѣ, коея душа сколь отлична, столь и снисходительна, повергать хотя несовершенныя, но чистыя намѣренія свои; 2) что я не имѣла въ виду и не надѣялась на себя, не льстилась такое полезное и славное учрежденіе быть въ состояніи основать, въ помощи же вашей надежду свою полагаю, и тѣмъ самымъ желаю искреннее свое къ вамъ почтеніе засвидѣтельствовать».

По неусыпному своему старанію, предсѣдательствуя во всѣхъ собраніяхъ академіи, Дашкова была главною виновницею того, что академія, уже въ первый годъ, могла издать часть трудовъ своихъ. Она сама обработала три буквы, Ц. Ш. Щ., въ *Словарь*, по ея предложенію начатомъ и совершенномъ; сверхъ того, по просьбѣ членовъ, сдѣлала опредѣленіе всѣмъ словамъ, касающимся до нравственности и политики. Поощряя собственнымъ своимъ примѣромъ, она кончила и издала съ ними въ двѣнадцать лѣтъ *Словарь*. Дашкова также сдѣлала предначертаніе къ составленію полной русской грамматики; всячески содѣйствовала къ распространенію и изданію полезныхъ книгъ на русскомъ языкѣ и старалась, всѣми зависѣвшими отъ нея средствами, ободрять трудившихся въ сочиненіи и переводѣ такихъ книгъ, распространеніе которыхъ было бы полезно для отечественнаго просвѣщенія.

При наборѣ милиціи, въ посланіи своемъ къ императору Александру I, княгиня Дашкова изобразила, съ краснорѣчіемъ и благороднымъ жаромъ, любовь и усердіе московскаго дворянства къ престолу и отечеству; ея мысли были оправданы достопамятными событіями 1812 года.

Послѣдніе годы жизни своей княгиня, по большой части, проводила въ деревнѣ своей. Тамъ она жила въ постоянномъ занятіи науками и литературою. Обращая вниманіе на сель-

ское хозяйство, изучая природу и бесѣдуя съ поселянами, она вкушала истинныя удовольствія — видѣла предъ глазами своими плоды трудовъ своихъ и попеченій. Не любя принужденности, она предпочитала всему простоту; охотно вкушала грубую пищу и, подобно королевѣ шведской Христинѣ, любила носить полумужское платье и являлась въ немъ въ публичныхъ собраніяхъ, говоря въ шутку, что природа ошибкою вложила въ нее сердце мужчины. Продолжительная болѣзнь не лишила ее твердости душевной. Эта знаменитая женщина скончалась въ Москвѣ, въ 1810 году января 4-го.

Княгиня Дашкова много писала стихами и прозой, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Многія ея творенія остаются и нынѣ въ рукописяхъ. Первымъ произведеніемъ пера ея былъ переводъ Вольтерова опыта объ эпической поэзіи. Нѣкоторыя ея сочиненія помѣщены въ журналахъ *Собесѣдникъ*, *Невинное Упражненіе*, въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* и въ *Другѣ Просвѣщенія*, въ послѣднемъ уже по кончинѣ ея. Въ 1799 году, бывши въ деревнѣ своего брата, графа Александра Романовича Воронцова, она въ первый разъ увидѣла представленіе комедіи *Бѣдность и Благородство души*, сочиненія Коцебу, въ переводѣ Малиновскаго. Драма эта ее очень разстрогала; но ей показалось, что благородный духъ Цедештрейма и Фабіаново (имена двухъ дѣйствующихъ лицъ) корыстолюбіе не получили въ этой піесѣ достойнаго возмездія. Она рѣшилась написать продолженіе этой драмы и начала ее въ тотъ же самый вечеръ; на другой день кончила она эту піесу, подъ названіемъ: *Свадьба Фабіана, или алчность къ богатству наказанная.* По убѣжденію императрицы, она сочинила, для представленія въ Эрмитажѣ, комедію: *Той-Сюковъ*, (изъ китайскихъ нравовъ), въ пяти дѣйствіяхъ, которая нѣсколько разъ была представлена на московскомъ театрѣ и принята была тамошнею публикою съ удовольствіемъ; но на дворцовомъ театрѣ комедія не удержалась, потому что остроумный авторъ ея не утерпѣлъ, чтобы колкою сатирою не

задѣть здѣсь нѣкоторыхъ придворныхъ личностей, крайне за это разгнѣвавшихся, что отчасти и было причиною различныхъ на нее навѣтовъ и нападковъ.

Стихи писала Дашкова съ удивительною легкостію, часто безъ приготовленія и почти безъ поправокъ; доказательствомъ послужитъ слѣдующая надпись къ портрету Екатерины Алексѣевны, бывшей тогда еще великою княгинею:

Природа, въ свѣтъ Тебя стараясь произвесть,
Дары на Тя едину истощила,
Чтобы на верхъ Тебя величія возвесть—
И, награждая всѣмъ, она насъ наградила.

Знаменитый современникъ Дашковой, Дидеротъ, вотъ какой портретъ Дашковой оставилъ потомству:

«Княгиня Дашкова ростомъ мала, лицемъ не красива; толстыя надутыя щеки, глаза ни велики, ни малы, брови и волосы черные, носъ широкій, ротъ большой, губы толстыя, зубы испорченные, шея круглая и прямая, грудь выдавшаяся, станъ неправильный, нѣсколько сутуловатый; она въ движеніяхъ скора; не имѣя пріятности, весьма привѣтлива; характеръ ея важенъ; по-французски изъясняется легко; она не все обнаруживаетъ, что знаетъ и думаетъ, говоритъ просто, сильно, увѣрительно; ея мысли основательны, велики и возвышенны; она дѣйствуетъ съ отважностію и рѣшимостію: я замѣтилъ въ ней сильную склонность къ честности и постоянству. Она любитъ науки, знаетъ свойства людей и выгоды своего отечества; къ произволу чувствуетъ сильное отвращеніе. Когда какое дѣяніе велико, она не можетъ терпѣть, чтобы его унижали изъ какихъ нибудь политическихъ видовъ. Будучи одарена проницательностью, она почти всегда находитъ истинную причину вещей; по своей природной скромности, или по неуваженію занимаемой ею роли, не терпитъ похвалъ и лести».

АРТАМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

МАТВѢЕВЪ

(1625 — 1682).

За двѣсти лѣтъ предъ симъ, то есть до того времени, какъ безсмертный Петръ Великій преобразовалъ Россію, предки наши жили не такъ, какъ живутъ теперь наши современники. Знатный человѣкъ, или вельможа, семнадцатаго вѣка располагалъ обыкновенно средствами, въ то время значительными; жилъ роскошно, открыто, и не для одного себя, а для многихъ; не охотно измѣнялъ такой порядокъ жизни, разъ заведенный; не любилъ ограничивать ежедневныя потребности своего быта; находилъ удовольствіе въ жизни роскошной, но довольно грубой, по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ о житьѣ-бытьѣ пріятномъ, привольномъ, и основанномъ на уваженіи и любви къ просвѣщенію и изящнымъ искусствамъ, услаждающимъ дни каждаго образованнаго человѣка.

Въ тѣ времена, даже при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, знатный баринъ, усыпленный съ непоздняго вечера сказкою-самодѣльщиною домашняго слуги-балагура, покидалъ теплый пуховикъ свой, при первомъ звукѣ колокола, въ который пономарь ближайшей церкви начиналъ звонить къ заутрени. — Въ бархатномъ *бострогѣ* на одной подкладкѣ или, смотря по времени года, въ *терликѣ* на лисьихъ и собольихъ мѣхахъ,

украшеннымъ шнурами и кисточками, и камлотовомъ кафтанѣ, безъ капишона и рукавовъ, въ родѣ нынѣшней кучерской безрукавки, съ скуфіею или *тафіею*, на коротко остриженной головѣ, сплетенною изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ съ жемчугомъ, накрытый поверхъ этой скуфьи высокою шапкою изъ дорогихъ мѣховъ, знатный баринъ, стуча серебряными подковами короткихъ сапоговъ, преимущественно изъ краснаго, зеленаго, желтаго или голубаго сафіана, по швамъ,носкамъ и каблукамъ вышизанныхъ жемчугомъ, спѣшилъ въ церковь, нерѣдко содержимую имъ на собственномъ дворѣ, и тамъ отстаивалъ заутреню и раннюю обѣдню. Возвратясь домой, пилъ сбитень съ калачемъ, или приказывалъ подать себѣ взварецъ изъ наливокъ съ клюквою и малиною. Потомъ облачался въ бархатный или объяринный кафтанъ, узкій и длинный, съ пуговицами и стоячимъ воротникомъ, вышитымъ золотомъ, жемчугомъ, даже драгоцѣнными каменьями; опоясывался дорогимъ кушакомъ, изъ за котораго торчалъ ножъ или кинжалъ въ богатой оправѣ. Надѣвалъ длинный *охабень* или *одно-рядокъ*, богато отдѣланный жемчугомъ, набрасывалъ въ непогоду *корзнъ*, родъ плаща или епанчи, а въ морозы роскошную соболью шубу, и, въ той же мѣховой высокой шапкѣ, отправлялся на службу, чаще всего присутствовать въ приказахъ. Если же въ этотъ день собиралась въ Золотую палату царская дума, и знатный человѣкъ засѣдалъ въ ней, то онъ, въ предшествіи своихъ знакомцевъ, ближнихъ людей, или *дворянъ*, какъ назывались люди, составлявшіе домашнюю боярскую свиту, ѣхалъ верхомъ къ царскому двору на конѣ, великолѣпно убраннымъ позолоченною уздою, осѣдланнымъ бархатнымъ сѣдломъ съ шелковымъ или парчевымъ чапракомъ, покрывавшимъ лошадь съ спины до половины ногъ почти. У Краснаго крыльца бояринъ отдавалъ свою лошадь слѣдовавшимъ за нимъ дворскимъ людямъ, подпимался въ обширныя, свѣтлыя горницы Золотой палаты, и тамъ, во все время засѣданія, не снималъ шапки своей, даже въ присутствіи госу-

даревомъ. Къ одиннадцати часамъ дня оканчивались служебныя занятія того времени. Знатный человѣкъ, съ тѣми же знакомцами или дворскими людьми, возвращался домой, гдѣ ожидалъ его обѣдъ, состоявшій изъ множества перемѣнъ, и длившійся обыкновенно чрезвычайно долго.

Таковы были обычаи старины. Во времена царя Алексѣя Михаиловича начали являться нѣкоторыя заимствованія изъ образа жизни сосѣдей нашихъ. Такъ, въ Москвѣ, начали чаще появляться не только грубыя, тяжелыя колымаги, но даже довольно щеголеватыя кареты, съ позолоченнымъ и расписнымъ корпусомъ, запряженныя четвернями въ рядъ лихихъ коней, гремѣвшихъ бубенчиками и убранныхъ сафіанными хомутами. Вотъ въ такой то каретѣ ѣдетъ во дворецъ, на совѣтъ къ государю, сановитый вельможа, въ полурусской, полупольской одеждѣ изъ тонкаго сукна, безъ жемчуга и золота. Красивое и умное лицо его, при сѣдоватой бородѣ и усахъ, ласково, и не имѣетъ въ себѣ ни какого выраженія надменности, составлявшей отличительную черту русскаго боярина этого времени. По дорогѣ встрѣчаются прохожіе: всѣ они снимаютъ шапки, и съ видомъ удовольствія кланяются боярину, а когда карета подъѣхала къ Красному крыльцу, то столпившійся тутъ народъ весело воскликнулъ: «Добраго утра желаемъ!» — «Спасибо вамъ за ласковое слово, люди добрые», отвѣчаетъ сановитый бояринъ, съ добродушною улыбкою. Онъ вышелъ изъ кареты, безъ всякой посторонней помощи и, перекинувшись нѣсколькими словами съ тѣми изъ толпы, которые стояли ближе къ нему, сталъ подниматься по лѣстницѣ, гдѣ на широкихъ площадкахъ встрѣчали его разные царедворцы и люди думные, то есть высшіе чиновники, какъ бы сенаторы того времени. На послѣдней площадкѣ бояринъ вынулъ, изъ кармана своего длиннополаго кафтана, похожаго нѣсколько на подрясники нашихъ священниковъ, золотые карманные часы, взглянулъ на нихъ, и, обернувшись еще разъ къ толпѣ, оставшейся на площади, легкимъ движеніемъ руки привѣтствовалъ ее, и взошелъ въ

широко распахнутыя передъ нимъ двери, а толпа народная громко кричала: «Ура! кормилецъ и другъ нашъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ.»

Кто же это? кто этотъ вельможа царя Алексѣя Михайловича, столь любимый народомъ русскимъ?

Это знаменитый того времени вельможа и царскій любимецъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (1625—1682 г.), который съ пріятною наружностію соединялъ превосходныя качества сердца: онъ былъ добръ, кротокъ, сострадателенъ, защитникъ угнетенныхъ, другъ правды и нѣжный отецъ семейства. Въ обхожденіи Матвѣевъ былъ очень вѣжливъ и ласковъ. Супруга его, Евдокія, происхожденіемъ была шотландка; у нихъ былъ одинъ сынъ Андрей. Матвѣевъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ, находившемся между улицами Мясницкою и Покровскою, въ приходѣ Николая Чудотворца въ Столпахъ. Онъ любилъ изящныя искусства, что между прочимъ доказываетъ иконостасъ въ его домовой церкви, писанный италіянскими художниками.

Иностранцы того времени, любившіе и уважавшіе Артамона Сергѣевича, отзываются о немъ съ большою похвалою, и разсказываютъ, что комната его дома, въ которой принимались иностранные послы, убрана была не только картинами и разными изображеніями святыхъ, но и часами стѣнными, столовыми и даже карманными, что было тогда рѣдкостію, и принадлежало къ предметамъ особенной роскоши. Часы показывали время различнымъ образомъ: одни, какъ у нѣмцевъ, съ захожденія солнца; иные съ восхожденія, какъ считали вавилоняне и іудеи. Въ домахъ другихъ бояръ такихъ вещей тогда почти еще не видно было.

Вообще Матвѣевъ былъ ревностный покровитель всего полезнаго и не считалъ грѣхомъ хорошія нововведенія. Народъ, не безъ основанія, называлъ его *отцемъ своимъ*, что служитъ ему высшею похвалою. Будучи не въ примѣръ образованнѣе всѣхъ соотечественниковъ своихъ, онъ одинъ,

вопреки старинным обычаям, дозволил сыну своему отростить волосы, а не стричь их короткою скобкою, и учиться у иностранцев языкам и наукам, не опасаясь за то народнаго неудовольствія. — Можно быть увѣренным, что если бы до Петра было въ Россіи не один, а нѣсколько таких вельмож, каков был Артамон Сергѣевич Матвѣев, то, конечно, Великому Петру, для преобразованія подготовленной уже Россіи, не нужно бы было употреблять тѣх мѣр, какія, по необходимости, пришлось ему приводить въ исполненіе. Великій преобразователь нашего отечества часто съ благодарностію вспоминал о Матвѣевѣ и знал его біографію.

Матвѣев не гремѣл шумными пирами, какими славились другіе бояре, не терпѣл грубых потѣх охоты, бѣгов, травлей и кулачных боев; но отличался привѣтливостію и радушіем къ людям, всякаго званія, пола и возраста. Он не потчивал гостей своих водкою, но занимал полезными бесѣдами, въ которых, против обычая, всегда участвовал съ своими домашними. Супруга его, Евдокія, одушевляла собранія умом и любезностію. Она не скрывалась от мужчин въ свои покои, как дѣлали тогда боярыни и почти всѣ женщины; являлась сама къ гостям; занимала их, и своим обращеніем доказывала, что общество, без прекраснаго пола, однообразно, скучно и только, взаимным въ нем сближеніем обоих полов, смягчаются нравы, очищается вкус и совершенствуется свѣтская образованность.

Царь Алексѣй Михаилович, разставшись съ патріархом Никоном, съ которым нѣкогда дѣлил минуты, свободныя от государственных занятій, и лишась супруги и сына, скучал въ чертогах, гдѣ ему все напоминало о недавних утратах. Утомляясь иногда дворческою чинностію, он тайно оставлял кремлевскія палаты и спѣшил на Покровку, къ Матвѣеву. Съ молодых лѣт, сроднившись съ ним душою, он чувствовал потребность въ изліяніи своих чувств. Оставляя важность царскаго сана, царь посвящал многіе часы

единственно дружбѣ, которая возрастала при всякомъ ихъ свиданіи. Царь обладалъ такимъ рѣдкимъ сокровищемъ, какимъ немногіе изъ державныхъ могутъ похвалиться: Матвѣевъ былъ истинный его другъ и вѣрный блюститель народнаго благоденствія. Государь ходилъ запросто къ нему, во всякое время, отвѣдывать его хлѣба-соли. Разъ какъ то царь посѣтилъ своего друга вечеромъ, и, увидя столъ уже накрытымъ, привѣтливо сказалъ: «У тебя, Артамонъ, такая домовитая хозяйка, что, право, такъ твоего всегда и хочется отвѣдать хлѣба-соли. И такъ я ужинаю у тебя сегодня, чѣмъ Богъ послалъ.» Взошла хозяйка съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, и жившею у нея дѣвицею изъ рода Нарышкиныхъ, Наталіею, блиставшею красотою разцвѣтавшей жизни. Всѣ низко поклонились доброму царю и сѣли за столъ. Государь почти во весь ужинъ не сводилъ глазъ съ прекрасной Наталіи. Румянецъ стыдливости покрывалъ скромное лице ея. Высокій гость, обратясь къ хозяину, сказалъ: «Я думалъ, что у тебя только сынъ, а теперь вижу и дочь, — какъ же я до сихъ поръ не замѣтилъ ее?» Сердце Наталіи сильно забилось, но не отъ страха: она невольно опустила глаза. Царь замѣтилъ это смущеніе стыдливости. — Матвѣевъ отвѣчалъ: «Справедливо, государь, что у меня только сынъ; но дѣвица эта не дочь моя; жена моя взяла ее на свои руки: если будетъ воля Господня, выдадимъ ее замужъ.» — «Ты сдѣлаешь доброе и Богу угодное дѣло», сказалъ царь. Послѣ ужина, оставшись одинъ съ Матвѣевымъ: «Воспитанница твоя,» продолжалъ царь «дѣвица милая; у нея кажется доброе сердце; она же въ порѣ, чтобъ идти замужъ.» — «Правда ваша, царь, отвѣчалъ хозяинъ, она умна и скромна; всѣ наши домашніе любятъ ее, какъ родную. Она сострадательна къ бѣднымъ и готова бы раздѣлить съ ними все, но ничего сама не имѣетъ.» — «Богъ милостію богатъ», возразилъ царь, «статься можетъ, Богъ ей пошлетъ такого жениха, который не станетъ спрашивать что за нею приданаго, а о томъ: какова у нея душа?» — «Не все то

сбывается, государь, что желается.» — «Богъ не оставляетъ добрыхъ, подумай, мой другъ, на досугѣ, а я постараюсь, авось сыщется хорошій женихъ.» Послѣ того царь простился. Чрезъ нѣсколько дней, царь опять пріѣхалъ къ своему другу, и, поговоря съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, спросилъ его: «Надумался ли ты о нашемъ разговорѣ? Желаешь ли Наталіи жениха? Мнѣ удалось пріискать ей приличнаго человѣка: женихъ богатъ, а болѣе всего онъ боится Бога и старается быть добрымъ человѣкомъ» — «Государь!» отвѣчалъ Матвѣевъ, «я люблю Наталію, какъ дочь, и счастіе ея сочту моимъ собственнымъ. Желалъ бы знать имя этого жениха, чтобы сказать о немъ мнѣніе свое.» — Царь объявилъ, что онъ самъ женихъ Наталіи и что ожидаетъ только взаимнаго ея согласія. — «Царь!» произнесъ Матвѣевъ, «ты не можешь сомнѣваться въ ея согласіи; прошу только о томъ, чтобы все это устроилось стороною. У меня много завистниковъ, много враговъ; если ты явно возьмешь изъ дома моего мою питомицу, не знатную, бѣдную дѣвицу, всѣ закричатъ, что я склонилъ тебя. Зависть злорѣчива!» — Царь, успокоивая его, сказалъ, что онъ удалитъ отъ него всякое подозрѣніе, но намѣренія своего не оставитъ.

Убѣдясь словами Матвѣева и уступая обычаю, представлять невѣстъ ко двору, на выборъ, государь, объявивъ о намѣреніи своемъ вновь вступить въ законный бракъ, назначилъ съѣздъ во дворецъ шестидесяти благороднымъ дѣвицамъ, въ числѣ которыхъ была, разумѣется, и Наталія. Она была избрана, а прочія отпущены съ богатыми дарами.

Посаженнымъ отцемъ былъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, а Матвѣевъ на свадьбѣ не имѣлъ видной роли. Какъ ни скромно велось дѣло, но зоркіе царедворцы проникли въ обстоятельства этого супружества и все приписали проискамъ Матвѣева.

Другъ государя, посвятивъ себя всего службѣ царю и отечеству, не помышлялъ вовсе объ удобствахъ своего жилища.

Царь весьма часто убѣждалъ Матвѣева, чтобы онъ перестроилъ тѣсный домъ, гдѣ часто рѣшались государственныя дѣла, какъ и въ царскихъ палатахъ. «Государь!» отвѣчалъ онъ, «теперь я занятъ твоими дѣлами, о своихъ подумаю послѣ; притомъ, я не справился вполнѣ еще и съ деньгами.» Царь замолчалъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, монархъ опять напомнилъ ему о томъ и, слыша тотъ же отвѣтъ, хотѣлъ самъ перестроить ему домъ. Безкорыстный вельможа, удерживая царя отъ такого намѣренія, говорилъ, что онъ уже скоро начнетъ самъ строиться. И въ самомъ дѣлѣ Матвѣевъ сталъ заготовлять все нужное, но скоро остановился, не найдя во всей Москвѣ плиты на основаніе дома. Слухъ о томъ разнесся по городу и народная любовь тотчасъ подоспѣла на помощь: стрѣльцы и граждане послали къ нему выборныхъ, съ просьбою, принять отъ нихъ въ даръ камень. «Друзья мои!» сказалъ имъ Матвѣевъ, «я не имѣю нужды въ подаркахъ; я довольно богатъ и могу самъ купить.» Присланные возразили: «Ты не берешь отъ царя золотой казны, пріими же отъ насъ, честный бояринъ, плиты съ могилъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ! Имъ нѣтъ цѣны; мы ни за что никому не отдали бы ихъ, а тебѣ ими платимъ долгъ нашей къ тебѣ благодарности.» — «Я не знаю, что такое доброе я вамъ сдѣлалъ?» — «Какъ, нашъ отецъ, не знать тебѣ? Не ты ли врачевалъ больныхъ, отдавалъ неимущимъ боярскія свои одежды? Кормилъ вдовъ и несчастныхъ матерей съ сиротами ихъ; согрѣвалъ своимъ покровомъ; защищалъ гонимыхъ и на цѣлый вѣкъ сдѣлалъ ихъ и насъ счастливыми? Не погнѣвись на насъ, отецъ покровитель, отъ лица всѣхъ стрѣльцовъ благодаримъ тебя: пріими отъ насъ эти камни.» Это разстрогало Матвѣева до слезъ. — «Нѣтъ, я не смѣю принять,» сказалъ онъ дрожащимъ отъ умиленія голосомъ, «я не заслуживаю такой великой жертвы: пусть государь разсудитъ!»

Матвѣевъ, не принимая отъ стрѣльцовъ предлагаемыхъ

ими камней, поѣхалъ доложить объ этомъ царю. «Не отвергай, другъ мой,» сказалъ государь, «этого дара. Народная любовь обнажила для тебя родительскія могилы. Такое приношеніе и я принялъ бы охотно.» Монархъ достойно умѣлъ оцѣнить возвышенныя чувства приносителей и драгоцѣнность приношеній.

Не знаемъ, въ какой степени справедливъ этотъ разсказъ, сохраненный въ потомствѣ, хотя можетъ быть и украшенный отчасти вымысломъ современниковъ, признательныхъ къ Матвѣеву за его добродѣтельные поступки; но какъ бы то ни было, а разсказъ этотъ, въ наше время отвергаемый историческою критикою, строго разбирающею всѣ событія вѣковъ прошедшихъ, громко говоритъ въ пользу Матвѣева и въ честь признательнаго русскаго народа. Если случай этотъ даже и не произошелъ въ томъ видѣ, какъ перешелъ въ исторію, если былъ сдѣланъ стрѣльцами и жителями Москвы одинъ намекъ на возможность обнажить, для постройки фундамента его дома, могилы дѣдовъ и отцовъ, то все-таки пріятно быть предметомъ такого вымысла, полнаго сердечной нѣжности и искренней признательности, которой Матвѣевъ вполнѣ былъ достоинъ. Матвѣевъ былъ истинный защитникъ бѣдныхъ, добрый сердцемъ вельможа, не забывалъ, что у многихъ нѣтъ и насущнаго хлѣба; онъ не стыдился убогихъ принимать въ свой домъ, одѣвалъ нищихъ, питалъ ихъ, и самъ обѣдывалъ съ ними. Другъ царя не по одному названію, но и самымъ дѣломъ, былъ другомъ людей.

Царь такъ любилъ своего друга, что однажды, когда, по дѣламъ службы, находился тотъ подъ Смоленскомъ, писалъ къ нему: «Пріѣзжай къ намъ поскорѣе, дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли. За нами присмотрѣть некому, а мнѣ — посовѣтоватся безъ тебя не съ кѣмъ». Письма свои къ нему, онъ обыкновенно начиналъ словами: «Другъ мой, Сергѣевичъ!»

Матвѣевъ имѣлъ многихъ недоброжелателей. Изъ числа ихъ, Морозовъ, воспитатель царскій и ближній бояринъ, сильно

преслѣдовалъ дворянина Стражева, который обратился за покровительствомъ къ защитнику угнетённыхъ. Морозовъ, узнавъ о томъ, прибылъ самъ къ Матвѣеву для объясненія. Матвѣевъ, изъяснивъ ему справедливость жалобы Стражева, защитилъ утѣсненнаго Морозовымъ бѣдняка.

Матвѣевъ, для своего времени, былъ весьма образованный человѣкъ: онъ хорошо зналъ всеобщую и отечественную исторію, географическое положеніе европейскихъ и азіатскихъ государствъ, основанія физики, а иностранные лѣтописцы увѣряютъ, что ему извѣстны были языки: латинскій, польскій и нѣмецкій, такъ что съ нѣкоторыми послами иноземными онъ могъ объясняться безъ помощи переводчика. Мужъ неутомимый по службѣ государственной, онъ посвящалъ свободные часы для занятій словесностію. Онъ оставилъ послѣ себя сочиненія, о которыхъ, къ сожалѣнію, дошли къ намъ одни заглавія ихъ, а именно: *1) Всѣхъ великихъ князей московскихъ и всея Россіи самодержцевъ персоны, титлы и печати, какъ они, великіе государи, сами себя описывали; также и всѣхъ государей христіанскихъ и бусурманскихъ, которые имѣютъ ссылки съ вами, великимъ государемъ, персоны ихъ, титлы и печати; 2) Избраніе и посылки на Кострому, и о прошеніи и о приходѣ къ Москвѣ, и о вѣнчаніи на царство московское дѣда твоего государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича, всея Россіи самодержца; 3) Исторія въ лицахъ предковъ великихъ государей, царей и самодержцевъ, славныхъ въ разныхъ побѣдахъ.* Послѣднія двѣ книги поднесъ онъ при жизни царя Алексѣя, сыну его, Ѳедору. Матвѣеву же приписываютъ лѣтопись о многихъ мятежахъ, изданную въ XVIII вѣкѣ извѣстнымъ тогдашнимъ историкомъ, княземъ Щербатовымъ. Сверхъ того Матвѣевъ написалъ особенную меморію, подъ названіемъ: «*Письмо въ лицахъ старца Маркела тіунскаго*».

И по сочиненіямъ и сношеніямъ его съ иностранными дво-

рами, можно также думать, что онъ зналъ какой нибудь изъ европейскихъ языковъ. О любви его къ наукамъ свидѣтельствуютъ историческіе его труды. Онъ всегда бесѣдовалъ съ учеными иностранцами, и за то нѣкоторые изъ соотечественниковъ, наиболѣе невѣжественные и сильные, негодовали на него.

Первыя театральныя у насъ представленія начались въ Кіевѣ, не прежде XVII вѣка. Вкусъ къ увеселеніямъ этого рода перешелъ туда изъ Польши. Студенты кіевской академіи сперва разыгрывали, при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, на польскомъ языкѣ, священныя драмы или, лучше сказать, ораторскіе діалоги; потомъ ученые малороссіяне сочиняли ихъ на славянскомъ языкѣ. Въ числѣ такихъ сочинителей былъ и св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, — когда еще былъ на своей родинѣ, въ Кіевѣ. Въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича не было народнаго театра. Сначала играли въ потѣшномъ кремлевскомъ дворцѣ, а потомъ въ Преображенскомъ селѣ. Царь Алексѣй, пригласивъ изъ Германіи труппу актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ, сдѣлалъ начальникомъ надъ ними Матвѣева. Царевна Софія, съ благородными и знатными дѣвицами и молодыми людьми, принимала живѣйшее участіе въ этихъ театральныхъ представленіяхъ. Она даже играла, на театрѣ преображенскомъ, между прочими комедіями, переведенную ею самою съ французскаго: *«Врачъ противу воли»* (Médicin malgré lui) Моліера, и трагедію своего сочиненія: «Екатерина».

Матвѣевъ, принявъ подъ свое начальство нѣмецкую труппу, обратилъ вниманіе на образованіе русскихъ актеровъ, для чего училъ сценическому искусству бѣдныхъ молодыхъ людей, которые, разыгрывая по-русски такія комедіи, которыя нѣмцы играли по-нѣмецки, составили русскую труппу, славившуюся по всей Москвѣ. Музыка состояла изъ органовъ, скрипокъ и флейтъ. Дворъ забавлялся и представленіями пантомимными, напримѣръ такими, какъ Олоферну отсѣкаютъ голову; какъ царь Артаксерксъ приказываетъ повѣсить Аміана, и прочее.

Лѣтописцы того времени повѣствуютъ, что многочисленное собраніе посѣтителей, смотря на эти неслыханные ужасы, отъ жалости плакало, а хитрость и проворство дѣйствовавшихъ на сценѣ лицъ, заставляли многихъ думать, что тутъ была нечистая сила, и если кому изъ этихъ простодушныхъ людей приходилось, по обстоятельствамъ, брать что нибудь отъ актеровъ или касаться ихъ рукъ, то, увлекаемые увѣренностію, что актеры не люди такіе, какъ всѣ остальные, а нѣчто въ родѣ колдуновъ, знавшихся съ нечистою силою, эти простяки отплёвывались и творили крестное знаменіе.

Такимъ образомъ Матвѣевъ старался исподволь подвинуть народъ русскій къ европейскому просвѣщенію, чтобы сдѣлать его достойнымъ занять не послѣднее мѣсто въ общей европейской семьѣ цивилизованныхъ уже въ то время государствъ. Но всѣ эти благонамѣренныя старанія, равно какъ недоступная правдивость Матвѣева въ судахъ и совѣтахъ царскихъ, создали ему многихъ недоброжелателей, отъ дѣйствія которыхъ не нашелъ онъ справедливой защиты даже въ забывчивой признательности народной.

Жизнь Матвѣева столь же поучительна, сколько и занимательна. Отецъ Артамона Матвѣева, Сергій Матвѣевъ, еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, первомъ изъ дома Романовыхъ, былъ употребляемъ по посольскому приказу. Однажды, въ 1638 году, по возвращеніи въ Москву боярина Сергѣя Матвѣева, изъ какого-то важнаго посольства, царь, очень довольный исполнительностію своего сановника, повелѣлъ тринадцатилѣтняго сына его, Артамона, записать въ дѣйствительную службу, (1638 г.), или, какъ тогда говорили, въ житье. Необыкновенныя дарованія этого отрока рано сдѣлались извѣстными, а скромность, понятливость и наклонность къ ученію, служили примѣромъ для дѣтей прочихъ родителей, которые не стыдились ставить имъ маленькаго Артамона въ образецъ.

Громкія похвалы отличнымъ способностямъ Матвѣева, дошедши скоро до свѣдѣнія царя, возбудили въ немъ желаніе

все это лично повѣрить; удостовѣрясь же въ истинѣ молвы, онъ приказалъ причислить его ко двору (1642 г.), съ чиномъ стряпчаго и назначилъ состоять ему при царевичѣ Алексѣѣ. Юному стряпчему было тогда семнадцать лѣтъ. Отсюда начало дружбы его съ царевичемъ, который потомъ царствовалъ подъ именемъ Алексѣя Михаиловича. Чрезъ годъ потомъ, произведенъ онъ былъ въ стрѣлецкіе головы. Въ этомъ званіи началъ онъ дѣйствовать на поприщѣ военной службы. Особенно же отличился онъ съ царскими уполномоченными, при переговорахъ съ запорожскимъ гетманомъ Хмѣльницкимъ (1653 г.), по случаю сдѣланнаго тогда, королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ, отказа русскому двору въ должномъ удовлетвореніи запорожцевъ, по зборовскому договору.

Матвѣевъ нарочно отправленъ былъ царемъ въ Чигиринъ, главный городъ малороссійскихъ казаковъ, съ объявленіемъ Хмѣльницкому: что всю Малороссію съ казаками царь принимаетъ подъ свое покровительство и, для приведенія всѣхъ ихъ къ присягѣ, пришлетъ своихъ великихъ пословъ, съ вспомогательнымъ великороссійскимъ войскомъ, — что и дѣйствительно не замедлилъ исполнить. Не откладывая долѣе намѣренія, возвратить навсегда Малороссію Россіи, государь поспѣшилъ отправить въ Украину (декабря 13-го) полномочными послами: ближняго боярина и намѣстника тверскаго, Василія Васильевича Бутурлина, окольничаго и намѣстника муромскаго, Ивана Васильевича Алферьева и думнаго дьяка, Ларіона Лопухина, вмѣстѣ съ головою московскихъ стрѣльцовъ, Артамономъ Матвѣевымъ.

Они успѣшно совершили свое дѣло, возвративъ всю Малороссію царю, который одарилъ ихъ богатыми помѣстьями, а Матвѣева пожаловалъ (1654 г.) въ стольники (каммергеры) и, съ чиномъ полковника, въ петровскій полкъ. Ему тогда было всего 29 лѣтъ отъ роду.

Возвращеніе Малороссіи возбудило въ полякахъ сильнѣйшую къ намъ неприязнь. Они вдругъ начали войну. Но, между

тѣмъ, какъ бурный польскій сеймъ терялъ время въ преніяхъ, наши войска, дѣйствуя весьма удачно, взяли много непріятельскихъ городовъ. Крѣпкій Смоленскъ также не избѣгнулъ осады. Тамошній воевода Обуховичъ долго отражалъ нападеніе нашихъ; но, видя наконецъ невозможность сопротивляться долѣе, онъ вступилъ въ переговоры. Для этого отправленъ былъ Матвѣевъ съ бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ. Убѣжденіями своими, они склонили *рѣчь посполитую* покориться съ городомъ оружію царя, находившагося лично при осадѣ. Сидя на конѣ, въ ратной одеждѣ, и окруженный сонмомъ сподвижниковъ своихъ, царь торжественно принималъ покорность побѣжденныхъ. Воевода смоленскій, чиновники и воинство, вышедши изъ города съ знаменами, барабанами, оружіемъ и со всѣми воинскими доспѣхами, повергнули ихъ къ царскимъ ногамъ. Государь принялъ ихъ весьма милостиво, и они, исполненные благодарности, спѣшили въ храмъ Божій излить предъ алтаремъ свои чувствованія.

Изъ подъ Смоленска вновь отправили Матвѣева къ Хмѣльницкому, чтобы гетманъ, соединивъ подъ Луцкомъ войска свои съ войсками князя Трубецкаго, дѣйствовалъ противу поляковъ. Слѣдствіемъ этого распоряженія было сраженіе подъ Каменецъ-Подольскимъ (1656 г.), гдѣ предводительствовали казаками Матвѣевъ и воевода Василій Васильевичъ Бутурлинъ. Два дня продолжалась битва съ поляками. Отсюда войска наши пошли осаждать городъ Львовъ. Матвѣевъ, сражаясь подъ знаменами Хмѣльницкаго, оказалъ неустрашимость истиннаго воина и примѣрное благоразуміе. Когда русскія войска, по причинѣ ненастной и суровой зимы, сняли осаду Львова, то, на обратномъ пути, претерпѣвая голодъ и стужу, они самовольно разсѣялись, и въ этомъ общемъ безпорядкѣ брошено было въ степи 59 пушекъ со всѣми снарядами. Бояринъ Бутурлинъ, въ предупрежденіе общаго бѣгства, быстро двинулся впередъ, съ оставшимися при немъ полками, а Мат-

вѣеву поручилъ сбереженіе пушекъ и всѣхъ воинскихъ снарядовъ, — дѣло почти невозможное, по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Не смотря на то, что людей у Матвѣева было очень мало, и изъ нихъ многіе жалостно гибли, онъ, *ободряя оставшихся, въ примѣръ имъ самъ впрягался подъ пушки*, которыя доставлены были сначала въ Бѣлую Церковь, а потомъ въ Москву. Такимъ образомъ онъ спасъ честь русскихъ войскъ.

Матвѣевъ отличился съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ на приступѣ Чернигова. Онъ, соединяя храбрость съ пользою, склонилъ начальниковъ города, Петра Потоцкаго и Каменовскаго, добровольно положить оружіе, и по сдачѣ представилъ ихъ Ромодановскому.

Участвуя въ разбитіи войскъ гетмана Станислава Потоцкаго подъ г. Соленымъ (1657 г.), Матвѣевъ помогъ Ромодановскому взять въ плѣнъ брата гетмана и другихъ знатныхъ сановниковъ: Яна Потоцкаго, Балабана, Вроща, двухъ сотъ ратниковъ, весь обозъ и, вслѣдъ за тѣмъ, разорить два непріятельскіе города. Когда войска русскія, осаждавшія Львовъ, оставили его, въ то время вторгнулись въ Украйну крымскій ханъ и Андрей Потоцкій. Для отраженія ихъ посланъ былъ съ выборнымъ полкомъ Матвѣевъ: онъ совершилъ свое дѣло отлично, заставивъ непріятелей бѣжать при одномъ появленіи своемъ и гналъ ихъ далеко за предѣлы Россіи. Матвѣевъ былъ также, съ малороссійскимъ гетманомъ Хмѣльницкимъ и княземъ Ромодановскимъ, на съѣздѣ, съ уполномоченными отъ крымскаго хана, и участвовалъ въ установленіи обоюднаго мира.

Часть недовольныхъ, державшая сторону Польши, по наущенію злоумышленниковъ, побудила поляковъ и крымскихъ татаръ продолжать войну съ Россіею. Послѣ несчастной для русскихъ битвы подъ городомъ Конотопомъ (Черниг. губ.), Матвѣевъ, провожая воинскія тяжести до Путивля, храбро отражалъ нападенія крымцевъ и поляковъ, и сохра-

нилъ свой обозъ въ цѣлости. Нѣкоторые русскіе полки, въ преступномъ ослушаніи противъ своихъ начальниковъ, не хотѣли идти за рѣку Сеймъ, въ черкасскіе города. Мятежники даже схватили было повелѣвавшаго ими князя Алексѣя Ник. Трубецкаго, но Матвѣевъ, готовый жертвовать жизнію для сохраненія воинскаго порядка, воскликнулъ къ стрѣльцамъ своимъ: «Друзья! спасемъ жизнь царскаго воеводы», и съ этимъ словомъ первый, бросясь въ толпы бунтовщиковъ, вырвалъ изъ ихъ рукъ Трубецкаго.

Жители Малороссіи, послѣ смерти гетмана Богдана Хмѣльницкаго, ослѣплены были происками генеральнаго писаря Ивана Виговскаго, который хитрымъ образомъ уговорилъ Юрія Хмѣльницкаго, сына Богдана, отказаться торжественно отъ гетманскаго достоинства. Матвѣевъ, свѣдавъ о козняхъ Виговскаго, обнаружилъ ихъ предъ царемъ. До того русскій дворъ ничего не зналъ о происходившемъ въ землѣ казаковъ. Два года гетманства Виговскаго протекли въ кровопролитіяхъ (1657 — 1659 г.). Вѣрные казаки, гнушаясь его измѣною, принудили его возвратить гетманскіе клейноды (знаки гетманскаго достоинства) молодому Хмѣльницкому; но Юрій, въ свою очередь, нарушивъ клятву, данную имъ на вѣрность царю, забылъ и послѣднія сказанныя при смерти родителемъ его слова: «Сынъ мой! люби отечество болѣе самаго себя; служи вѣрно и усердно русскому царю, по своей присягѣ. Да падетъ проклятіе мое на голову твою, когда удалишься отъ правоты и чести!» Недостойный сынъ Богдана вскорѣ передался Польшѣ. Наконецъ, послѣ многихъ перемѣнъ и смятеній, вольными голосами избранъ былъ въ Глуховѣ, въ санъ гетмана, Демьянъ Игнатовичъ, или, какъ онъ самъ писался, *Многогрѣшный*. Князь Ромодановскій и Матвѣевъ, бывшій уже тогда намѣстникомъ серпуховскимъ, утвердили его въ новомъ званіи. Государь, зная съ какимъ усердіемъ Матвѣевъ всегда служилъ ему, и что, по долгому его пребыванію въ Малороссіи, онъ могъ лучше другихъ изучить мѣстности и нравы

этого края, поручилъ ему въ управленіе малороссійскій приказъ. Малороссія вновь поклялась въ вѣрности русскому престолу, а запорожцы, одушевленные преданностію къ нему, доказывали ее на самомъ дѣлѣ предъ любимымъ Матвѣевымъ: они посылали дѣтей своихъ въ Москву изучать русскіе нравы, для опредѣленія потомъ ихъ въ царскую службу. Малороссійскіе казаки, ненавидя вѣроломныхъ, не дозволили укрываться въ своихъ куреняхъ злонамѣренному атаману Делицу съ сообщниками, поймали его и, сковавъ съ мятежниками, отослали въ Москву на судъ.

Между тѣмъ въ Запорожьѣ появился самозванецъ (1670 г.), назвавшійся царевичемъ Симіономъ Александровичемъ. Имя этого бунтовщика произвело въ Запорожскомъ краѣ и Черкасской Украйнѣ смятеніе. Матвѣевъ, въ граматахъ своихъ, убѣждалъ запорожцевъ и черкассцевъ, то есть донцевъ, не вѣрить самозванцу, и тѣмъ оправдать преданность свою къ царю. Тогда нѣкоторые мятежники, письменно обѣщая Матвѣеву великія награды и почести, вздумали обольщать его золотомъ, и, въ надеждѣ на него, просили молчать о ихъ вѣроломствѣ. Но они худо его знали: онъ не скрылъ этого дѣла, и немедленно представилъ государю дерзкое ихъ письмо. Государь, зная, изъ всѣхъ поступковъ Матвѣева, непоколибимую приверженность его къ престолу, вышелъ самъ на Красное крыльцо и, въ присутствіи народа, велѣлъ прочесть письмо бунтовщиковъ. Народъ, восхищенный царскою довѣренностію, единодушно воскликнулъ: «Да здравствуетъ нашъ государь! да здравствуетъ нашъ отецъ»! Не сходя съ крыльца, царь запечаталъ грамату и, вручая ее Матвѣеву, сказалъ: «Вѣрность твоя побѣдитъ измѣну». Эти слова сбылись: Матвѣевъ, дѣйствуя на взволнованные умы, совѣтами и убѣжденіями, довелъ многихъ запорожцевъ до чистосердечнаго раскаянія. И они стали уже понимать, что Малороссія гибнетъ отъ внутреннихъ раздоровъ: ихъ атаманъ Орка, не долго думая, схватилъ самозванца и отправилъ его въ Москву. Однако

Малороссія и послѣ этого все еще не утихла: на мѣсто измѣнъ, явились въ ней жестокіе разбои. Матвѣевъ, заботясь о ея благѣ, прилагалъ неусыпныя старанія къ водворенію въ томъ краѣ тишины и порядка.

Уже малороссійскій край былъ успокоенъ, какъ вдругъ за Волгой загремѣлъ удальствомъ и разбоями Стенька Разинъ. Этотъ разбойникъ не боялся грабить самые храмы Господни. Безчеловѣчный самъ вскорѣ почувствовалъ гнусность своихъ злодѣяній. Искра совѣсти вспыхнула въ его грубомъ сердцѣ; онъ вознамѣрился повиниться и для того отправилъ къ царю челобитную, въ которой, сѣтуя о своихъ проступкахъ, просилъ великодушнаго помилованія. Добрый царь даровалъ прощеніе. Но Матвѣевъ, не довѣряя покорности такого человѣка, совѣтовалъ государю не вдаваться въ обманъ, не вѣрить Разину, потому что, до взятія имъ Астрахани, онъ хорошо проникъ въ коварный духъ его. Тогда еще Матвѣевъ письменно доносилъ государю, что Стенька буйною ватагою шатается по Каспійскому морю, единственно для грабежа, и не думаетъ о данномъ имъ обѣщаніи прекратить разбои. Предусмотрительность Матвѣева оправдалась. Разинъ опять возсталъ и началъ проливать кровь несчастныхъ жертвъ своихъ. Свирѣпство его удвоилось. Это испытала несчастная Астрахань, вторично имъ взятая и ограбленная. Онъ устремился на Москву: терзалъ внутреннія области и хладнокровно шелъ по трупамъ избитыхъ имъ. Схваченный донскими казаками (1671 года) и отданный въ руки князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, онъ былъ порученъ надзору Матвѣева, который и былъ свидѣтелемъ признаній самаго Разина, его брата и сообщниковъ ихъ. По окончаніи суда надъ нимъ, онъ получилъ достойную казнь, но соучастники его, менѣе виновные, предавшіе себя добровольно суду, заступленіемъ Матвѣева, почти всѣ прощены, потому что Матвѣевъ считалъ дѣломъ христіанскимъ щадить, по возможности, искренно каявшихся злодѣевъ.

Матвѣевъ, въ день праздника Знаменія (1671 г. ноября

27-го), пожалованъ былъ въ думные дворяне, а на другой день, послѣ бракосочетанія царя Алексѣя съ Наталіею, въ комнатные дворяне.

Вскорѣ потомъ указано ему вѣдать государственный посольскій приказъ (тоже что нынѣ министерство иностранныхъ дѣлъ), когда онъ былъ еще думнымъ дворяниномъ. Знаменитый тогдашній оберегатель государственныхъ посольскихъ дѣлъ, Ордынъ-Нащокинъ, изнуренный службою, отягощенный лѣтами, не правилъ уже болѣе посольскими дѣлами и жилъ въ тихомъ монастырскомъ уединеніи. Государь избралъ въ преемники ему Матвѣева, который удостоился этого сана не потому, что былъ другомъ царя, но что дѣйствительно заслуживалъ столь важную довѣренность и оправдалъ ее на самомъ дѣлѣ.

Запорожскій гетманъ Дорошенко, давно уже замышлял сдѣлаться независимымъ, предался подъ защиту султана Мухамеда, а король польскій, въ знакъ признательности своей, уступилъ ему всю заднѣпровскую сторону, хотя не имѣлъ на то ни какого права. Тогда, въ бѣдственную эту страну, посланъ былъ вновь Матвѣевъ, который, разсѣявъ приверженцевъ гетмана, занялъ столицу его, Чигиринъ, послѣ чего и самъ Дорошенко долженъ былъ покориться. Казаки, стекаясь къ Матвѣеву, добровольно клали предъ нимъ свое оружіе. Царь, за успѣшное исполненіе столь важнаго дѣла, повелѣлъ сказать Матвѣеву въ столовой государское милостивое слово, т. е., въ присутствіи бояръ и государской думы, объявить ему громкую похвалу, что въ тѣ времена почиталось высшею наградою.

Поляки, радуясь смятеніямъ Малороссіи, сами посѣвали въ ней сѣмена раздоровъ; увидѣвъ же, что Матвѣевъ, умнымъ направленіемъ дѣлъ, привлекъ къ себѣ сердца малоруссовъ, изъявили негодованіе свое на Россію, а что бы дать этой неприязни благовидный предлогъ, то объявили, что, по случаю истеченіе трехлѣтняго срока андрусовскому перемирію, слѣдуетъ возвратить имъ Кіевъ со многими округами. Домогаясь

разрушить столь славное для насъ дѣло, они желали начать войну, уже открытымъ образомъ, и для того отправили въ Россію посломъ хелминскаго воеводу Яна Гнинскаго съ товарищами. Матвѣевъ, посредствомъ случайно найденнаго у поляковъ сочиненія: *Пасквиль*, обнаруживъ предъ посломъ злоухищренія противъ андрусовскаго постановленія и, повѣривъ его статьи, записи и приписные листы, разительно доказалъ гнусную поддѣлку этихъ государственныхъ актовъ. Какъ не было трудно исправить и возобновить договорныя статьи на прежнемъ основаніи; но умъ и ревностная дѣятельность оберегателя посольскихъ дѣлъ превозмогли всѣ препоны: онъ принесъ въ даръ отечеству новый полезнѣйшій миръ съ Польшею, тогда какъ война съ нею уже готова была вновь возгорѣться. Столь важная услуга не осталась безъ награды: государь пожаловалъ его, въ день рожденія царевича Петра (1672 г.), окольничимъ.

Продолжая ревностныя дѣйствія на пользу отечества, Матвѣевъ постановилъ договоръ съ черкескимъ княземъ Кисбулатомъ Муцаловичемъ и обязалъ его охранять предѣлы Россіи отъ грабежей крымскихъ татаръ. По прошествіи нѣкотораго времени, этотъ князь приведенъ имъ къ присягѣ, на вѣрность русскому престолу. Обѣщаясь служить вѣрно, онъ сказалъ: «готовъ терпѣть всѣ бѣдствія, и, если нужно, перенесть самую смерть, только бы возблагодарить мнѣ за царскую милость!» Съ пріобрѣтеніемъ черкесскихъ земель, Россія уже стала имѣть ощутительное вліяніе на ихъ князей, которые, помня данный обѣтъ вѣрности, сами содѣйствовали къ ея усиленію. Этими новыми выгодами, мы обязаны умному правителю посольскихъ дѣлъ. До того времени, русскія войска никогда не достигали крымскихъ улусовъ, а, съ подчиненіемъ горскихъ владѣтелей, ходили до Перекопа.

Матвѣевъ, сверхъ исправленія многихъ другихъ обязанностей по службѣ, правилъ еще обширнѣйшимъ новгородскимъ приказомъ съ четвертями владимірскою и галицкою, то есть,

Новымъ-городомъ, Псковомъ, Архангельскомъ, Холмогорами, Олонецкомъ, Вяткою, Соликамскомъ, Вологдою, Нижнимъ, Арзамасомъ, Владиміромъ, Коломною и многими другими городами. Онъ возбудилъ во всѣхъ ихъ торговую дѣятельность, и далъ ей хорошое направленіе, для сбыта жизненныхъ произведеній и мѣховъ.

Швеція, занявшись внутреннимъ своимъ устройствомъ, изъявила желаніе, нѣкоторыя изъ договорныхъ съ Россіею статей возобновить, а другія измѣнить. Для того она отправила въ Москву полномочнымъ посломъ графа Густава Оксенстирна. Матвѣевъ, отклонивъ его предложеніе: постановить союзъ со Швеціею противу всѣхъ непріятелей, безъ означенія ихъ, замѣтилъ ему, что этимъ поступкомъ вооружитъ Россія противъ себя всѣ окрестныя христіанскія державы; опровергнулъ домогательства посла въ необходимости подобнаго договора и склонилъ его, послѣ многихъ споровъ, подписать запись (подтвержденную королевскою граматою 1675 года), чтобы послы и посланники шведскіе являлись впредь на аудіенціяхъ у государей русскихъ съ непокрытыми головами. Оксенстирнъ, огорченный своею безуспѣшностію, оставилъ нашу столицу.

Съ давнихъ временъ корона царства польскаго предлагаема была русскимъ государямъ; но не доставалась по разнымъ несогласіямъ и пронырствамъ нѣкоторыхъ европейскихъ дворовъ. Хотя и установлено было на сеймѣ, чтобы въ польскіе короли предлагаемы были исповѣдывающіе римско-католическую вѣру, однако же, по кончинѣ короля Михаила, благомыслящіе вельможи возобновили усилія свои: соединить польскій престолъ съ русскимъ. По этому поводу пріѣхалъ въ Москву (1674 г.) польскій посланникъ Погожево-Константиновичъ, писарь гродскій и мстиславскій, съ секретаремъ королевскимъ, Львомъ Зусмаловичемъ, и, отъ имени всей *рѣчи посполитой*, вручилъ ближнему боярину князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову и окольничьему Артамону Сергѣевичу Матвѣеву просительныя

граматы: о призрѣніи осиротѣвшей Польши и о возведеніи на польское королевство царевича Ѳедора.

Матвѣевъ, вѣроятно, отсовѣтовалъ царю согласиться на предложенія польскихъ вельможъ, какъ не соотвѣтствовавшія видамъ московскаго двора, преимущественно потому, что поляки не хотѣли престолонаслѣдія, а сохраняли за собой избирательное право.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ постановилъ, съ довѣренными торговой армянской компаніи, о возобновленіи прежней съ Россіею торговли шелкомъ-сырцомъ и другими персидскими товарами. Къ прежнимъ договорнымъ статьямъ прибавлены Матвѣевымъ (въ 1673 году) новыя условія, болѣе для Россіи выгодныя. Вообще эти торговыя условія доставили для русской торговли многія тысячи рублей.

Въ 1670 году, когда оружіе Людовика XIV гремѣло въ Голландіи и Фландріи, императоръ римскій и германскіе князья, страшась могущества Франціи, спѣшили на помощь Голландіи. Это побудило бранденбургскаго курфирста Вильгельма отправить Скультета (1675 г.) посломъ въ Москву, съ порученіемъ: вооружить Россію противу Турціи и Швеціи, которыя помогали Франціи. Посолъ, изложивъ Матвѣеву ходъ имперскихъ дѣлъ и вѣроломное вторженіе шведовъ въ курфирстскія земли, сказалъ: «Шведы доказали Россіи неуваженіе свое къ святости договоровъ. Теперь они въ крайности: казна ихъ истощена, войско въ Германіи, корабли ихъ безъ вооруженія; они оставлены своими союзниками. Не пропускайте благопріятнаго случая: пошлите воеводъ, и усмирите ихъ. Если не воспользуетесь, будете раскаяваться; увидите, что Швеція сама предпишетъ вамъ законы». Напрасно хитрый посланникъ думалъ такими доводами склонить боярскую думу на свою сторону; бояринъ Матвѣевъ отвѣчалъ ему: «Быть такъ! мы признаемъ справедливость дѣлъ; но можемъ ли царю присовѣтовать начать войну со Швеціею, когда нѣтъ единодушія между союзниками вашими? Войну начать не трудно, но кто поручится каковъ будетъ конецъ?

Царь хочетъ мира. Онъ врагъ кровопролитія и, въ доказательство этого, онъ написалъ къ королю шведскому просьбу, чтобы тотъ не начиналъ войны, а русскимъ войскамъ повелѣно собраться на границу, чтобы не позволять врагамъ вашимъ дѣйствовать противу васъ. Вотъ все, что можемъ сдѣлать. Дѣлаютъ ли такъ союзники ваши въ Германіи? Жертвуютъ ли изъ одной дружбы имуществомъ и жизнію подданныхъ? Болѣе же отъ насъ не требуйте».

Посолъ вновь усиливался было убѣдить Матвѣева, что для Россіи приспѣло золотое время отторгнуть Лифляндію; но и это было безуспѣшно. Напрасно также нѣкоторые бояре представительствовали за посла. Матвѣевъ видѣлъ однѣ опасности, и удержалъ дворъ русскій отъ пагубной войны. Какъ бы въ угодность послу, условлено только, что впредь русскіе приставы, встрѣчая бранденбургскихъ пословъ на границѣ, должны прежде ихъ сходить съ своихъ лошадей или изъ саней, и изъ почтенія держаться лѣвой стороны. Такую почесть оказывать имъ и въ Москвѣ.

Находя полезнымъ для отечества быть въ непосредственномъ сношеніи съ Китаемъ, по видамъ сухопутной съ нимъ торговли чрезъ Сибирь, Матвѣевъ отправилъ къ богдыхану, въ качествѣ посланника, переводчика посольскаго приказа Николая Спафари, съ порученіемъ: сочинить подробное описаніе пути отъ Тобольска до китайской границы; показать, какъ находящіяся на томъ пути рѣки, горы, татарскія и остяцкія селенія, такъ и взаимныя разстоянія мѣстъ одного отъ другаго. Спафари отправился въ дорогу (1675 г.), и чрезъ два года возвратился благополучно. Онъ первый совершилъ путь изъ Россіи въ Китай. При проѣздѣ его чрезъ Енисейскъ, пронесся слухъ, будто ему дана власть набирать войско и вести его на Амуръ. Многіе казаки и ссылочные, изъ опасенія быть взятыми въ службу, тотчасъ ушли изъ Красноярска и поселились у р. Амура, но слухъ былъ неоснователенъ. Спафари, проѣхавъ Нерчинскъ, вступилъ, на пути своемъ въ

Чичигаръ (при рѣкѣ Наунѣ), въ переговоры съ уполномоченными отъ китайскаго правительства и призналъ обитавшихъ по рѣкѣ Зеѣ тунгусовъ подвластными Китаю, а на возвратномъ пути изъ Чичигара посылалъ указныя памяти въ Албазинъ, чтобы живущихъ по Амуру и Зеѣ тунгусовъ не тревожить и не требовать съ нихъ ясака.

Матвѣевъ простиралъ свои виды и на расширеніе южныхъ предѣловъ своего отечества, присоединеніемъ къ нему Молдавскаго и Валахскаго княжествъ.

Вотъ рядъ замѣчательныхъ и полезныхъ дѣяній Матвѣева на поприщѣ государственной службы. Рѣдко кому изъ государственныхъ людей, поставленныхъ судьбою въ одни съ Матвѣевымъ обстоятельства, удалось бы точно также устроить всѣ эти важныя дѣла съ пользою государственною и благомъ народнымъ, такъ какъ онъ постоянно радѣлъ о томъ и другомъ, понимая, что государство тогда и сильно и могущественно, когда народъ богатъ и благоденствуетъ.

Управляя посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ имѣлъ вліяніе и на другія части: онъ первый устроилъ придворную аптеку; преобразовалъ кружечный дворъ (питейный домъ), который и привелъ въ такое состояніе, что изъ доходовъ его построилъ три каменныя зданія: посольскій приказъ, греческій дворъ и лавки. На расходы по содержанію приказовъ: тайныхъ дѣлъ, стрѣлецкаго, иноземскаго, хлѣбнаго, также дворца и мастерскихъ палатъ, Матвѣевъ нашелъ возможнымъ отпускать ежегодно по 60,000 рублей. До его управленія, вовсе не было источниковъ для такой огромной, по тогдашнему времени, суммы. Онъ умѣлъ изобрѣтать новые источники доходовъ, и дѣлать имъ полезнѣйшее распредѣленіе. Бывшее тогда въ употребленіи взиманіе податей, вмѣсто ходячей монеты, всякаго рода съѣстными припасами, напитками и вообще произведеніями всѣхъ трехъ царствъ природы, замѣнилъ онъ денежными взносами, и такимъ образомъ измѣнилъ столь невыгодный и неудобный для правительства порядокъ

податныхъ сборовъ; увеличилъ доходы новгородскаго приказа, такъ что, на покупку хлѣба и на жалованье ратнымъ людямъ городовъ: Кіева, Чернигова, Переяславля, Нѣжина и Остра, потребная сумма отпускалась уже изъ денежнаго приказа. До принятія Матвѣевымъ въ свое управленіе малороссійскаго приказа, всѣ продовольственные запасы для войскъ, расположенныхъ въ тѣхъ городахъ, по обыкновенію, были отправляемы изъ великороссійскихъ мѣстъ на судахъ, чрезъ что четверть хлѣба обходилась казнѣ въ семь рублей и болѣе, то есть по тогдашнему чрезвычайно дорого; но когда, въ отмѣну прежнихъ распоряженій, стали высылать, на заготовленіе продовольствія на мѣстѣ, деньги, то четверть того же хлѣба не обходилась болѣе рубля. Столь благоразумною мѣрою сберегъ онъ, въ пользу государства, 182,000 червонцевъ, — по нынѣшнему курсу составляющихъ 5,200,000 рублей серебромъ. Монетный, или, какъ въ старину называли, *денежный дворъ*, бывшій до него 15 лѣтъ въ совершенномъ запустѣніи, не имѣя для своего дѣйствія ни какихъ средствъ, попеченіями Матвѣева, устроенъ вновь, и производившееся на немъ чеканеніе всякой ходячей монеты, принесло большую прибыль государству.

Таковы были огромныя услуги, оказанныя Матвѣевымъ отечеству. Въ 1676 году скончался царь Алексѣй Михайловичъ, другъ и покровитель Матвѣева, хорошо знавшій и понимавшій этого истиннаго слугу отечества, посвятившаго всю жизнь свою служенію пользамъ родины и добраго царя, въ которомъ онъ видѣлъ и государя, и друга своего. Матвѣевъ пользовался милостію новаго вѣнценосца, Ѳедора, не болѣе полугода: негодованіе и клевета вооружились на него, даже въ царскихъ чертогахъ. Сначала обнесли его въ неправедномъ стяжаніи богатыхъ помѣстьевъ, — которыя онъ пріобрѣлъ посредствомъ капитала, наслѣдованнаго отъ своего отца и отъ разныхъ царскихъ милостей и законныхъ, обычныхъ посольскихъ подарковъ; потомъ уже прямо доносили на него, будто сокровища накоплены имъ взятками и притѣсненіями;

что всѣ вотчины купилъ онъ силою, за безцѣнокъ, во время управленія своего новгородскимъ приказомъ, и тѣмъ раззорилъ другихъ. Завистники его славы, распространяя вездѣ свое злоумышленіе и разнаго рода несправедливости, готовили ему погибель.

Ближніе бояре царскіе, Мстиславскій и Хитрый, съ окольничимъ Волынскимъ, тайнымъ врагомъ Матвѣева, питая къ нему величайшую ненависть, согласились его низвергнуть. Они видѣли, что Матвѣевъ, умомъ и знаніемъ науки государственнаго правленія, всѣхъ ихъ превосходитъ; что онъ, долговременною службою и дознанною вѣрностію къ государю, былъ всегда полезенъ отечеству, и что, какъ необходимый для царя Θедора, по прежнему доступенъ въ комнаты государевы, чего они весьма не желали и страшились. Въ послѣдствіи же, увидѣвъ, что царь Θедоръ принялъ Матвѣева въ свою милость и что подростаетъ царевичъ, Петръ, которому также онъ будетъ нуженъ, — они единодушно положили въ своемъ совѣтѣ ускорить низверженіе Матвѣева. Для этого пригласили они въ свой союзъ сродницу свою, Анну Петровну Хитрову, дерзкую и завистливую женщину, имѣвшую при Θедорѣ великую силу. Она, подъ личиною фарисейской набожности, таила въ груди своей ненависть къ вдовствующей царицѣ Наталіи, и весьма часто оскорбляла ее своимъ нравомъ. Какъ участница въ предположенномъ злодѣйскомъ заговорѣ, — погубить Матвѣева, Анна Петровна всемѣрно изыскивала удобный случай, чтобы, женскою хитростію и ложными наговорами, посѣять въ царскомъ домѣ родственную ссору и чрезъ то удалить боярина Матвѣева отъ двора. Окольничій Волынскій, неблагодарный къ благодѣяніямъ Матвѣева, который однажды освободилъ его отъ уголовнаго наказанія за лихоимство, по должности окольничаго, повсюду клеветалъ на него. Всѣ они домогались первенства при дворѣ, особенно Волынскій, рабски ползавшій предъ каждымъ временщикомъ. Но необходимо было прежде всего ослабить могущество царицы Наталіи, а

потомъ уже низвергнуть и ея воспитателя. Зная добродѣтели Матвѣева, приверженность къ нему народа и стрѣльцевъ, коварные заговорщики разнесли молву, легко принимаемую въ тѣ времена, будто онъ водится съ нечистыми духами и учитъ чародѣйству сына своего Андрея. «Онъ богоотступникъ! онъ чертовъ братъ!» кричали враги Матвѣева, основывая свои нелѣпые и вздорные толки на томъ, что Артамонъ Сергѣевичъ и сынъ его, Андрей Артамоновичъ, любили заниматься физическими науками и астрономическими наблюденiями. Для занятій физикою, съ различными опытами, у нихъ были иностранныя фантасмагоріи и электрическіе снаряды, которыми въ наше время потѣшаются дѣти, и ихъ простой народъ уже не считаетъ чародѣйствомъ; для астрономическихъ же наблюденій, Матвѣевъ выписалъ изъ Англіи хорошій телескопъ, и посредствомъ его разсматривалъ свѣтила небесныя, что, естественнымъ образомъ, въ тѣ времена страшнаго невѣжества, доставляло ему возможность понимать разныя явленія природы и объяснять ихъ по законамъ науки, а не по правиламъ существовавшихъ о нихъ предразсудковъ, къ сожалѣнію, тогда поддерживаемыхъ духовенствомъ, почти столь же малообразованнымъ, какъ и остальные классы народа русскаго. Какъ бы однако то ни было, но наконецъ злоумышленники оговорили его и предъ царемъ Өедоромъ, добродушнымъ, но слишкомъ довѣрчивымъ, будто бы Матвѣевъ съ докторами, Кастеріемъ и Симономъ, умышлялъ на жизнь царскую. Бояре и дядьки царя Өедора: князь Өедоръ Өедоровичъ Куракинъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово, объявили царю рѣшительно, что, когда онъ принималъ лекарство, то Матвѣевъ не берегъ царскаго здоровья, отъ того оно изрядно поумалилось; говорили вездѣ, что у Матвѣева хранится лечебникъ, писанный цифрами, и *черныя*, то есть чародѣйскія, книги; что по нимъ онъ сзываетъ къ себѣ несмѣтныя силы злыхъ духовъ, бесѣдуетъ съ ними и со своими докторами, и что онъ

великій чародѣй, читающій въ звѣздахъ по ночамъ и вызывающій мертвецовъ.

Такая глупая и низкая клевета не могла быть сама по себѣ достаточною для успѣховъ клеветниковъ; однако они достигали уже того, что постепенно отдаляли Матвѣева, сперва отъ недальновиднаго царя, а потомъ отъ двора. Въ совѣтѣ губителей, положено было отправить Матвѣева въ Верхотурье, будто бы воеводою, но, на самомъ дѣлѣ, это была ссылка.

Наступили дни горестей и страданій Матвѣева: солнце радостей закатилось для него навсегда. Вѣнценосный другъ его унесъ съ собою во гробъ все счастіе его жизни!

Матвѣевъ отправился въ Верхотурье (1676 г.) съ женою, десятилѣтнимъ сыномъ Андреемъ, племянниками, священникомъ Іоанномъ Лаврентьевымъ и домашнею прислугою. Онъ ѣхалъ, не зная того, что за нимъ уже высланы клеветники, думный дворянинъ Соковнинъ и думный дьякъ Семеновъ, которые, настигнувъ его въ городѣ Лаишевѣ, задержали, подъ предлогомъ ими же вымышленныхъ дѣлъ. По тѣмъ же проискамъ, отправленъ былъ и смертельный врагъ Матвѣева, дьякъ Иванъ Гороховъ, который, догнавъ его въ Казани, поступилъ съ нимъ вполнѣ по злобѣ своей: проморивъ его болѣе мѣсяца описью его имѣнія, искалъ у него *черной* книги, нахально требовалъ ея и наконецъ объявилъ ему царское повелѣніе о лишеніи его боярскаго сана. Когда же онъ спросилъ: «За что лишаютъ его заслуженнаго имъ званія?» Гороховъ, съ свойственною ему дерзостію, воскликнулъ: «Слушай! и не молви ни единаго слова!»

Въ Казани Матвѣевъ узналъ, отъ Горохова, что его отправляютъ на вѣчное заточеніе въ Пустоозерскъ; тутъ же объявленъ былъ Матвѣевъ государственнымъ преступникомъ и посаженъ подъ стражу. Несчастнаго водили въ сопровожденіи воинскаго караула пѣшкомъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, въ такъ называемую съѣзжую избу, гдѣ дѣлали ему допросы о мнимыхъ преступленіяхъ; уличали въ умышленіи

на жизнь царскую, требовали *черныхъ книгъ*, которыми, по показанію какихъ-то свидѣтелей, вызывалъ будто онъ нечистыхъ духовъ. Разумѣется, уличить его положительно, въ какомъ либо изъ объявленныхъ на него преступленій, они совершенно не могли, однако, не смотря на то, съ неслыханною наглостію и своевольствомъ, разлучили его съ женою, племянниками и прислугой, и, посадивъ потомъ съ сыномъ на дровни, повезли въ дикій Пустоозерскъ. Вмѣсто чистаго, свѣтлаго дома, въ какомъ онъ жилъ въ Москвѣ, отвели ему черную, холодную съ полуразвалившеюся печью избу, въ которой отъ угара Матвѣевъ нерѣдко съ сыномъ лишался чувствъ, а отъ нестерпимаго холода отмороживалъ ноги; караульные же обходились съ нимъ весьма жестоко. Его лишали пищи и одѣянія, и довели до того, что онъ, отъ нечистоты и сырости, заразился цынготною болѣзнію. Стужа и голодная смерть наперерывъ, такъ сказать, оспаривали въ немъ добычу свою. Простой нагольный изорванный тулупъ едва прикрывалъ изнеможеннаго и дряхлаго старца, который еще недавно носилъ великолѣпныя одежды съ плеча царскаго, что въ тѣ времена почиталось высокою милостію. Голодъ особенно довершилъ жестокость его участи: не имѣя у себя ни копѣйки денегъ и окруженный немилосердною стражею, радушный гостепріимецъ и кормилецъ бѣдныхъ самъ страдалъ отъ голода. Нигдѣ не могъ онъ, даже ради Христа, вымолить себѣ насущнаго хлѣба, потому что и сами жители Пустоозерска терпѣли въ хлѣбѣ большую нужду. Въ одно осеннее время снабжали ихъ нѣсколькими кулями ржаной муки, которую едва можно было отличить отъ отрубей и изъ которой, однако же, бѣдные обитатели, въ полномъ смыслѣ Пустоозерска, пекли просфоры. Въ такой бѣдственной нищетѣ страдалъ вѣрный слуга отечества, наравнѣ съ самыми вредными преступниками!

Ни просьбы пощадить его на старости лѣтъ, ни трогательныя моленія у царя, не перемѣнили судьбы его. Мат-

вѣевъ лилъ горькія слезы въ заточеніи и никто не соболѣзновалъ ему. Участникъ страданій его, юный сынъ, могъ лишь усиливать горесть несчастнаго отца; слезы и сердечныя терзанія разлученной съ нимъ жены и скорбь прочихъ родныхъ и друзей, не доходили до него. Онъ рѣшительно ничего не зналъ о нихъ, а они о немъ.

Такъ терпѣлъ Матвѣевъ; но провидѣніе, часто испытующее насъ въ злополучіи, невидимо укрѣпляетъ. Матвѣевъ не отчаявался въ милости Божіей. Находя себя во всемъ правымъ и по дѣламъ, и по совѣсти, онъ переносилъ всѣ крайности постигшихъ его бѣдствій, согрѣвая себя теплою молитвою.

Между многими, исполненными самыхъ горчайшихъ чувствъ, письмами его къ разнымъ особамъ, одно, къ ближнему боярину, князю Юрію Александровичу Долгорукову, проникнуто было истинно христіанскою твердостію. Матвѣевъ зналъ, что не одинъ онъ страдалъ за правое дѣло. «Лучше и знаменитѣе меня»,—писалъ онъ, «былъ въ Царѣградѣ военачальникъ Висарій (Велисарій), и тотъ, который вознесясь на верхъ славы и могущества; тотъ, который былъ щитомъ отечества, грозою враговъ, — не устоялъ противу ненависти и палъ подъ ея ударами! Быстро измѣнилось его счастіе! Таково постоянство земныхъ благъ! Чрезъ кого восточная имперія римская прогремѣла славою, ходилъ съ блюдечкомъ по міру просить убогой пищи. Слѣпецъ Висарій прохожимъ говорилъ: «подайте Висарію»! троньтесь несчастіемъ того, который поражалъ враговъ имперіи, — и самъ палъ отъ клевсты. — Каковъ свѣтъ! Ни земное счастіе, ни скорби, не вѣчны. Проглянетъ дневный свѣтъ, какъ идетъ уже къ вечеру, а потомъ и угасаетъ, и сколько въ одинъ день всего перемѣнится! Но предъ Богомъ ничто неизмѣнно! Козни и ухищренія всѣмъ угрожаютъ, какъ великимъ, такъ и обыкновеннымъ людямъ: никто изъ нихъ не осушаетъ чаши радостей безъ примѣси горя, и если этотъ непремѣнный законъ природы не всякому ощутителенъ, то конечно, отъ того, что

онъ постигаетъ одного ранѣе, а другаго позже. Я хотя лью слезы, однако не перестаю уповать на Бога, и со смиреніемъ надѣюсь.—И ты, князь Долгоруковъ, оставилъ меня, или, Богъ вѣсть, ты, быть можетъ, не оставилъ меня. Вижу великія неправды, но сердцевѣдецъ отретъ слезы боящихся его. Той повелитъ и душа возрадуется. Если здѣсь постигнетъ смерть меня, не оставь сироту моего, — бѣднаго Андрюшу, котораго такъ ты жаловалъ. По семъ работникъ твой, Артамошка Матвѣевъ, челомъ бью». Далѣе писалъ онъ къ нему же: «Ищу покровителя, и нѣтъ его. Ищу спасителя моего, и не нахожу его; жду отъ моихъ родственниковъ извѣстій, и той отрады не имѣю: имъ даже запретили упоминать имя мое! Побѣжденный страхомъ, я не думаю, кто бы утѣшилъ меня во дни горести и печали. Какъ это больно! — За какое зло я долженъ изнывать? И за что терзаютъ меня? Изъ одной ненависти, — ради ея мучатъ меня! Съ рыданіемъ, воздѣвъ руки къ небу, денно и нощно умоляю: Господи! я терплю голодъ и униженіе, нищету и болѣзни, не вижу веселаго дня, однако благодарю Тебя! Ты невиннымъ скорый помощникъ. — Пишу къ тебѣ по причинѣ великихъ горестей и кровавыхъ слезъ: ты уменъ и краснорѣчивъ, славенъ въ ратномъ дѣлѣ и могуществевъ. Я гибну безвинно, а милости нѣтъ въ правдѣ. Помни это, твоя рука сильна, выведи меня на свѣтъ, не дай погибнуть. У меня нѣтъ иного ходатая, кромѣ невинности, — заступись за нее! Давно не имѣю пристанища, гдѣ бы чаялъ главу склонить; не имѣю съ сыномъ своимъ чѣмъ обуть нагія ноги. Не знаю, въ чемъ я такъ провинился! Кто въ опалѣ, тому даютъ очныя ставки, а меня и этого лишили. Осудили меня какъ зловреднаго, а въ чемъ вина моя, и того не вѣдаю! Надѣюсь на Господа, сердце царево въ рунѣ Божіей».

Матвѣевъ, жалуясь прежнимъ пріятелямъ своимъ на оказанную ему несправедливость, писалъ о томъ же и къ самому царю Ѳедору; но этихъ челобитенъ не допускали до цар-

скаго слуха. Вотъ содержаніе одной изъ этихъ челобитенъ: «Настало шестое лѣто страданій моихъ, и ты, царь, доселѣ не внялъ къ вопіющему голосу холопа твоего. Болѣзни безпрестанныя, скорби неутѣшныя, горести и страхъ новыхъ опалъ, ежеминутно умаляютъ жизнь мою. Меня осудили на голодъ и наготу, — лучше бы мнѣ никогда не родиться! Въ третій разъ посылаю къ тебѣ челобитную, и все тщетно! Измѣнникъ ли я, или твой недоброхотъ?—Боже! ты вѣси человѣческія помышленія, исповѣдую тебѣ; если въ сердцѣ моемъ залегла неправда, накажи меня еще болѣе. Я отовсюду обнесенъ, поруганъ безчестіемъ, безъ вины виноватъ! Въ пожарахъ и въ огнѣ, въ бунтахъ и на ратномъ полѣ, повсюду я съ торжествомъ несъ жизнь свою на смерть! Мечи враговъ рубили меня, изсѣкали на мнѣ глубокія язвы; но нынѣшнія во стократъ глубже и больнѣе, — онѣ неисцѣлимы! Кровь свою источилъ, кости изсушилъ, и не знаю чѣмъ умилостивить тебя. Юность свою растерялъ на службѣ, а на старости лѣтъ не имѣю утѣшенія. Въ цвѣтущіе годы иные помышляютъ о будущемъ, чтобъ имъ безъ нужды провести остатокъ престарѣлыхъ дней, а мнѣ и этого не удалось. Сѣдина моя пожинаетъ горькіе плоды земнаго счастія. Еслибъ я, холопъ твой, предвидѣлъ будущее зло, давно бы избралъ себѣ не эту поносную, но славную смерть. Будь столько милостивъ, какъ императоръ Титъ, оплакивавшій тотъ день, въ который никому не сдѣлалъ добра. Или будь подобенъ тому изъ великихъ государей, который, возлюбивъ правду, велѣлъ предъ своимъ дворцомъ повѣсить колоколъ, чтобы всѣ челобитчики, изгоняемые царедворцами отъ очей истины, могли ударить въ звонъ.—Мы, холопи твои (здѣсь разумѣть должно и сына его), просимъ у вашего высокаго престола: услышь плачевную мольбу изъ той далекой страны, гдѣ безпрестанно вздыхаемъ и стенаемъ. Преклони ухо милосердія на сугубо горькослезную долю, нежели какъ пищу. Двоякій страхъ овладѣваетъ мною: голодъ грозитъ смертію,

а смерть страшитъ неоправданіемъ! Я заточенъ на послѣдней чертѣ къ морю; сижу подъ сильною и жестокою стражею; ни отъ кого нѣтъ помилованія, ни заступленія, кромѣ тебя, государь. Повели разсмотрѣть дѣло мое по правдѣ».

Всѣ вопли, изливавшіеся изъ растерзанной души Матвѣева, долго не доходили до царя Ѳедора. Казалось, Матвѣевъ былъ уже совершенно забытъ со всѣми его заслугами и добродѣтелями, но всевидящее око, непрестававшее блюсти благочестиваго старца въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ, услышало его жаркія моленія — и наконецъ ангелъ спаситель предсталъ ему въ лицѣ супруги Ѳедора. Великодушная царица Марѳа сдѣлалась ревностною защитницею изгнанника, и сильно возстала противъ невиннаго заточенія его. Она, первая, раскрывъ всѣ злобныя ухищренія Милославскихъ и Хитровыхъ, способствовала къ вызову изъ ссылки боярина Матвѣева. Царь Ѳедоръ, обязанный, достойной супругѣ своей, открытіемъ этой важной истины, повелѣлъ, до разсмотрѣнія дѣла, перевести Матвѣева изъ Пустоозерска въ городъ Мезень (1680 г.). Ему предоставили нѣкоторыя удобства въ жизни, позволили свободный выходъ и болѣе не содержали подъ стражей, а наконецъ, чрезъ два года, оправдали его (1682 г.), и тогда же повелѣно ему возвратиться въ Москву, гдѣ отдали ему домъ, подмосковныя и другія вотчины.

Пустоозерскій воевода, Тухичевскій, провожалъ Матвѣева съ большою почестію отъ Мезени до Холмогоръ; оттуда, до самой Москвы, вездѣ бояринъ принимаемъ былъ жителями съ искреннею радостію и съ хлѣбомъ-солью, а воеводы выѣзжали къ нему за городъ и провожали съ народомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ выходило къ нему на встрѣчу духовенство, со святыми крестами и хоругвями. Посреди кратковременныхъ, но сладостнѣйшихъ для Матвѣева этихъ торжествъ, служившихъ трогательнѣйшимъ доказательствомъ народной любви и уваженія, сердце его, едва только начавшее оживляться, внезапно сокрушено было новымъ, другаго рода,

ударомъ. Проѣздомъ чрезъ городъ Лухъ, (нынѣ Костромской губерніи), онъ получилъ горестное извѣстіе (1682 г., апрѣля 27) о кончинѣ царя Өедора Алексѣевича. Роковая вѣсть сильно потрясла его душу, и безъ того уже изнеможенную. Забывъ прошедшія свои бѣдствія, онъ, въ теченіе многихъ дней, неутѣшно оплакивалъ смерть царя, которому надѣялся лично объяснить козни своихъ злодѣевъ.

Въ первыхъ числахъ мая, царица Наталія послала къ боярину Матвѣеву, въ Лухъ, стольника Семена Алмазова, спросить о его здоровьѣ и изъявить ея желаніе, чтобы онъ безостановочно ѣхалъ въ Москву, потому что царевна Софія, дочь царя Алексѣя Михаиловича, составила въ то время заговоръ, съ цѣлію низвергнуть съ престола малолѣтняго брата своего Петра. Наталія, питая къ Матвѣеву дочернюю любовь и уваженіе, имѣла нужду въ совѣтахъ человѣка, столь умнаго и опытнаго. Окруженная злодѣями и посягателями на жизнь младенца Петра, ея самой и всего ея рода Нарышкиныхъ, она не могла никому лучше повѣрить важнѣйшихъ государственныхъ тайнъ, какъ своему воспитателю. Матвѣевъ, вѣрный сынъ отечества, готовый всегда пролить кровь за царскій домъ, спѣшилъ уничтожить заговоръ; но буря, долженствовавшая скоро разразиться надъ головою малолѣтняго Петра, медленно скоплялась и таилась еще въ хитромъ умѣ сестры его Софіи. Царица Наталія давно уже видѣла, что она не любима властолюбивою Софіею, и съ сыномъ своимъ совершенно удалена отъ вліянія на государственныя дѣла; видѣла все, и въ тиши терпѣла. По добродушію своему, она долго не вѣрила, чтобы истребленіе рода ея могло быть необходимымъ для спокойствія похитительницы престола.

Когда Матвѣевъ приближался къ Москвѣ, то семь человѣкъ, преданныхъ ему стрѣльцевъ, поспѣшили предварить его о страшномъ противъ него умыслѣ. Встрѣтясь съ нимъ, они объявили, что ему угрожаетъ смерть, и если дѣйствія заговора замедлены, то единственно потому, что заговорщики

ждутъ головы его. Только что вышедшій изъ заточенія, бояринъ, выслушавъ съ твердостію духа, безтрепетно отвѣчалъ: «или бунтъ уничтожу, или пожертвую собою за моего государя!» и поспѣшилъ въ Москву. Въ столицѣ между тѣмъ, въ то же время, сходились ночью къ Милославскому его сообщники. Вмѣстѣ съ нимъ и выборными стрѣльцами, они умышляли искорененіе приверженцевъ царицы Наталіи. Изступленные убійцы считали жертвы, какія должны пасть отъ рукъ ихъ; составляли списокъ имъ, и совѣтовались съ кого начать убійство. Въ этомъ спискѣ первымъ стояло имя Матвѣева. Всѣ, въ одинъ голосъ, одобрили такое назначеніе, и настаивали, чтобы исполнить, не теряя ни часа. До такой степени остервененія дошла мятежная дерзость!...

Матвѣевъ сначала прибылъ въ село Братовщину. Тамъ родной братъ царицы Наталіи, Аѳанасій Кирилловичъ Нарышкинъ, встрѣтилъ его съ восторгомъ. Народъ провожалъ своего любимца въ Москву до самаго дома его. Сюда онъ въѣхалъ вечеромъ, и вступилъ со слезами подъ родной кровъ свой, исполненный прежде жизни и изобилія, а теперь печали. Домъ его былъ въ развалинахъ, опустошенъ и заваленъ нечистотою; но что совершенно сразило его, это неожиданная вѣсть о смерти достойной супруги его Евдокіи, которая, отъ безпрестаннаго сѣтованія, преждевременно сошла въ гробъ. На другой день однако Матвѣевъ, съ сыномъ своимъ, представлялся ихъ величествамъ. Царскій домъ исполнился радостію. Всѣ присутствовавшіе не могли безъ скорби быть свидѣтелями сердечнаго изліянія чувствъ царицы къ своему воспитателю. Слезы радости, при свиданіи, смѣшивались со слезами горести о прошедшемъ. Это умилительное зрѣлище тронуло самыя безчувственныя души, и заклятые враги Матвѣева прослезились. Два дня Матвѣевъ жилъ во дворцѣ, изъ котораго не выпускала его дружба царицы. Ему представлялись первенствующіе бояре и палатные сановники, исключая самыхъ престарѣлыхъ. Многіе изъ московскихъ жи-

телей являлись къ нему съ хлѣбомъ-солью, и даже нѣкоторые изъ сообщниковъ въ заговорѣ. Отъявленные враги его, бояре Иванъ Михаиловичъ Милославскій, съ племянникомъ своимъ Александромъ, Петръ Толстой, Иванъ Цыклеръ и другіе клевреты, не были у него, сказавшись больными. Милославскій, чтобы прикрыть ложную свою болѣзнь, разнесъ въ народѣ молву, что у него распухли ноги и не можетъ ни на одну изъ нихъ ступить. «Онъ дѣлалъ припарки изъ отрубей и грѣлъ кирпичами свои ноги, но внутренно горѣлъ львиною яростію», какъ выражается современный лѣтописецъ. Сообщники его готовили кровавый пиръ: они возмущали стрѣльцовъ противъ малолѣтняго Петра и Матвѣева.

Стрѣльцы, по пріѣздѣ Матвѣева въ столицу, трое сутокъ собирались въ съѣзжихъ избахъ; по ночамъ били тревогу въ колокола, днемъ ходили вооруженною толпою, волновали народъ, грабили лавки, угрожая повсемѣстнымъ разбоемъ. На зарѣ этого кроваваго дня, стрѣлецкіе полки, въ полномъ вооруженіи, собирались у своихъ съѣзжихъ дворовъ, ожидая только приказанія. Мятежники, держа въ рукахъ списки, съ именами обреченныхъ на побіеніе, разъѣзжали по полкамъ и кричали: «Нарышкины удушили царевича Іоанна! отмстимъ за смерть царевича! умремъ за отечество!» Барабаны прогремѣли, раздался звонъ колоколовъ и стрѣльцы двинулись съ буйствомъ. Въ девятомъ часу утра подступили къ Кремлю волнующіяся громады, съ распущенными знаменами и неумолкаемымъ грохотомъ барабановъ, навели на дворецъ пушки, и ожидали знака. Во дворцѣ не предпринимали ни какой осторожности, потому что никто не видѣлъ основательныхъ причинъ къ мятежу; но когда онъ разлился бурнымъ потокомъ, знатныя палатныя особы и дворянство поспѣшили въ царскіе чертоги и тамъ поклялись умереть за царя Петра.

Матвѣевъ, въ роковой для него часъ, ничего не зная о происходящемъ въ городѣ, спокойно ѣхалъ домой. Князь Ѳе-

доръ Семеновичъ Урусовъ, догнавъ его, извѣстилъ обо всемъ, прибавивъ, что стрѣльцы уже входятъ въ Бѣлый городъ. Оба вельможи поспѣшили къ царицѣ Наталіи, донесли ей о волненіи; велѣли запереть въ Кремлѣ ворота, но поздно: стрѣльцы ворвались въ Кремль съ криками: «Нарышкины и Матвѣевъ убійцы Іоанна Алексѣевича!»

Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ, отецъ царицы Наталіи, сынъ его Иванъ и Матвѣевъ, услышавъ буйный крикъ, тотчасъ донесли царицѣ и убѣдили ее, появленіемъ своимъ къ народу, опровергнуть столь гнусную ложь. Малолѣтные царевичи, Іоаннъ, который былъ живъ и котораго никто не думалъ убивать, и малютка черноокій, кудрявый Петръ, въ красной шелковой рубашкѣ съ золотымъ шитьемъ, который какъ ни былъ малъ, а смѣло глядѣлъ на враговъ своей матери, были взяты царицею на руки и вынесены къ народу на Красное крыльцо. Мятежники, приставивъ къ нему лѣстницы, съ наглостію спрашивали: «Ты ли царевичъ Іоаннъ?» Маленькій царевичъ имъ отвѣчалъ: «вы видите его предъ собою.» Такой отвѣтъ не удовлетворилъ ихъ. Они требовали выдать имъ Нарышкиныхъ и Матвѣева, и кричали: «Нарышкинъ хочетъ извести царя! Подайте его намъ!» Матвѣевъ, не теряя времени, сошелъ съ крыльца и сказалъ: «Вы ли тѣ стрѣльцы, которые нѣкогда подвизались со мною на ратномъ полѣ, и во время коломенскаго бунта готовились умереть за отечество? Нынѣ я васъ не узнаю! Вы жаждете невинной крови многихъ, требуете меня, и я предъ вами! Источите кровь мою, вы, любимые братья мои, тѣ стрѣльцы, которые, въ ревностномъ порывѣ признательности, дарили мнѣ камни съ могилъ отцевъ вашихъ! А теперь? Первые кладете камень на погибель мою! Смерти я не боюсь, но знайте, она васъ запятнаетъ. Позоръ, безчестіе, огласятъ васъ навѣки! Этого ни время не изгладитъ, ни забвеніе не сотретъ.»

Стрѣльцы, вспомнивъ все минувшее, убѣжденные доводомъ истины, пришли въ раскаяніе и отвѣчали: «Все это мы по-

нимаемъ; защити же теперь насъ; исходатайствуй намъ прощеніе!» — Матвѣевъ обѣщалъ имъ и донесъ царямъ. Между тѣмъ князь Михаилъ Юрьевичъ Долгоруковъ, начальникъ стрѣлецкаго приказа, вышелъ къ стрѣльцамъ, сталъ укорять ихъ съ гнѣвомъ и угрозами, и велѣлъ имъ удалиться изъ Кремля. Жестокіе стрѣльцы въ ту же минуту, подхвативъ его, сбросили съ крыльца на устремленныя противъ него копья и бердышами изрубили его. Стрѣльцы, увлеченные первымъ убійствомъ, кинулись отъ дворцовой стороны, чрезъ сѣни, въ Грановитую палату, ворвались въ царицыны комнаты и требовали Матвѣева. Царица не хотѣла выдать и крѣпко защищала его, но они вырвали его изъ рукъ ея и съ звѣрскою лютостію потащили на площадь церкви Благовѣщенія; тамъ, принявъ его въ копья, растерзали на мелкіе куски. Князь Михаилъ Черкасскій спѣшилъ спасти Матвѣева, но руки злодѣевъ, мокрыя еще отъ крови несчастнаго Матвѣева, безтрепетно схвативъ его самаго, разодрали на немъ платье, свергнули съ Краснаго крыльца, повлекли на ту же площадь и изсѣкли бердышами. Незабвенный Черкасскій вполнѣ оправдалъ собою изреченіе; «нѣтъ болѣе добродѣтели, какъ за друга положить голову свою!»

Софія наконецъ велѣла прекратить мятежъ и бунтовщики, предъ ея словомъ, тотчасъ разсѣялись. Все успокоилось. — Цѣль ея была достигнута: она приняла бразды правленія.

Среди этихъ ужасовъ, слуга Матвѣева, Иванъ, перекрещенный негръ, явилъ примѣръ рѣдкаго самоотверженія. Любовь и вѣрность его къ своему господину изумили самихъ убійцъ: они не воспрепятствовали ему собрать на площади растерзанные останки Матвѣева. Иванъ, обернувъ ихъ въ простыню, принесъ домой, созвалъ родственниковъ страдальца и, вмѣстѣ съ ними, по христіанскому обряду, предалъ изуродованное тѣло землѣ при церкви св. Николая у Столпа, на Покровкѣ, сказавъ трогательныя слова: «И меня здѣсь погребите!»

Такъ жилъ, такъ страдалъ и такъ погибъ вѣрный слуга

отечества, защитникъ правды, на 57 году своей полезной и трудной жизни. Чрезъ полтораста лѣтъ по смерти этого русскаго сановника, — другой сановникъ русскій, царствованія Александра Благословеннаго, государственный канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, почтилъ память Матвѣева, соорудивъ надъ его могилою памятникъ, въ видѣ четвероугольнаго храма, съ слѣдующею надписью: «Въ 1682 году, мая 15-го, въ смутное время отъ бунтовщиковъ убитъ, шесть лѣтъ страдавшій, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; три дня пребылъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, освободясь изъ подъ стражи, изъ заточенія Пустоозерскаго острога». Собственное его изрѣченіе: «Одни только дѣла, а не слова, прославляютъ человѣка.»

КНЯЗЬ ЯКОВЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

ДОЛГОРУКОВЪ

(1639 — 1720).

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, старшій сынъ окольничаго, князя Ѳедора Ѳедоровича, родился въ 1639 году и получилъ въ домѣ отца своего наилучшее, по тогдашнему времени, воспитаніе; онъ былъ обученъ латинскому языку, математикѣ и богословію. Приверженность къ вѣрѣ предковъ, пламенная любовь къ отечеству и ненарушимая вѣрность къ престолу были плодами даннаго ему образованія. Онъ вступилъ въ службу въ 1669 году и вскорѣ пожалованъ стряпчимъ*); потомъ произведенъ въ стольники (1672 году) и въ этомъ званіи обратилъ на себя вниманіе царя Ѳедора Алексѣевича, который, замѣтя въ немъ особенныя способности, пожаловалъ его воеводою казеннаго разряда, съ титуломъ симбирскаго намѣстника. По кончинѣ государя (1682 г.), во время бурнаго правленія Софіи, ознаменованнаго стрѣлецкими бунтами, Долгоруковъ, отказавшись взять сторону мятежниковъ, презиралъ угрозы и преслѣдовалъ нарушителей покоя силою слова. Одинъ изъ временщиковъ въ то горестное время

---

*) Въ старину чинъ стряпчаго давался однимъ придворнымъ, и стряпчіе исправляли должность нынѣшнихъ пажей.

изъ угоды властолюбивой царевнѣ, осмѣлился, въ присутствіи Долгорукова, говорить противъ Петра, тогда еще ранняго юноши: вѣрный подданный, всегда пылкій, когда видѣлъ неправду, выгналъ изъ дворца недостойнаго и, улучивъ его передъ собравшимися, краснорѣчиво напомнилъ имъ долгъ ихъ: сохранять присягу помазанникамъ Божіимъ, гнушаясь измѣнниками, которые недостойны имени сыновъ Россіи.

Юный Петръ, не смотря на молодость свою, умѣлъ цѣнить заслуги, и давать вѣсъ каждому. Онъ полюбилъ Долгорукова, подарилъ его своею довѣренностію и возвелъ въ званіе комнатнаго стольника, что равнялось нынѣшнему званію дѣйствительнаго каммергера. Вскорѣ князь Яковъ Ѳедоровичъ отправленъ былъ посломъ во Францію и Испанію (1687 г.), для приглашенія этихъ дворовъ къ общему вооруженію противъ турокъ, какъ враговъ святаго креста. Товарищами Долгорукова, въ посольствѣ, были стольникъ князь Мышецкій и дьякъ Алексѣевъ. Когда посольство это прибыло во Францію, царствовавшій тамъ тогда король, знаменитый своими завоеваніями и ненасытимымъ славолюбіемъ, Лудовикъ XIV, поручилъ двумъ церемоніймейстерамъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, объявить посламъ, чтобы они, прежде королевской аудіенціи, вступили въ переговоры съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Кольбертомъ де Кроаси, братомъ славнаго Жанъ-Батиста, основателя торговли и покровителя наукъ во Франціи. Дорожа достоинствомъ своимъ и понимая высокость значенія представителя особы русскаго царя, Долгоруковъ, великій во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ, отвѣчалъ: что онъ не только не можетъ этого исполнить; но и помыслить не дозволяетъ себѣ, не бывъ на аудіенціи у короля, начать переговоры съ министромъ. Тщетно Лудовикъ ссылался на примѣръ пословъ цесарскихъ: Долгоруковъ на это сказалъ рѣшительно, что не считаетъ себя обязаннымъ принять этотъ примѣръ въ руководство при требованіи, никогда не бываломъ, и для чести русскихъ государей предосудительномъ. Увѣряли пословъ, что прежніе наши послан-

ники всегда являлись къ министру до приемной аудиенции королевской, и что Лудовикъ готовъ собственноручною подписью подвердить эту истину. На это предложение, Долгоруковъ отозвался очень положительно, что этого недостаточно, потому что не только самъ посланникъ, но даже гонецъ русскаго двора, прежде аудиенции у короля, къ министрамъ его не поѣдетъ; что письменнаго удостовѣрения въ томъ не приметъ, и чтобъ король изволилъ оставить напрасное затруднение. Угрожали ему отнятiемъ пристава и почетнаго караула. Долгоруковъ отвѣчалъ, что всетаки не сдѣлаетъ невозможнаго. Наконецъ гордый Лудовикъ принужденъ былъ отмѣнить данное приказание, и 30 iюля совершился торжественный въѣздъ посла въ Парижъ съ его свитою, частiю въ блестящихъ каретахъ, частiю верхами на придворныхъ лошадяхъ, богато убранныхъ и изукрашенныхъ. Пословъ угощали королевскимъ столомъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, объявили имъ, что король назначилъ имъ аудиенцiю, но требуетъ, чтобы съ ними не было ни трубъ, ни литавръ, и чтобъ свита ихъ не имѣла при себѣ сабель. У крыльца въ Версали послы были встрѣчены оберъ-церемонiймейстеромъ, а у дверей аудиенцъ-залы маршаломъ Люксенбургомъ. Король сидѣлъ на тронѣ; подлѣ него, съ правой стороны, стоялъ дофинъ, съ лѣвой братъ, герцогъ орлеанскiй, а за ними министры и придворные. Объявивъ о заключенномъ въ то время съ Польшею мирѣ и о союзѣ противъ невѣрныхъ, Долгоруковъ вручилъ королю грамату царскую, которую Лудовикъ принялъ, вставъ съ трона, и снявъ шляпу. Король спрашивалъ о здоровьѣ молодыхъ государей, Ивана и Петра; изъявилъ благодарность за присланное къ нему посольство; желалъ царскимъ величествамъ счастливыхъ побѣдъ надъ врагами святаго креста; радовался о заключенномъ мирѣ съ Польшею; допустилъ къ рукѣ своей пословъ и свиту ихъ; принялъ благосклонно дары, состоявшие изъ различныхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, собольихъ и черныхъ лисицъ, изъ превосходно обученныхъ для охоты кречетовъ и соколовъ, и, какъ рѣдкость, изъ живаго бобра

и живаго же барса. Король обнадежилъ посольство вполнѣ своимъ благоволеніемъ. По выходѣ изъ аудіенцъ-залы, пословъ угощали великолѣпнымъ столомъ и, подъ видомъ облегченія отъ затруднительныхъ переѣздовъ изъ Парижа въ Версаль, предложено имъ, послѣ заздравныхъ чашъ, тотчасъ идти на конференцію. Тогда послы, умѣренные въ употребленіи вина, не потерявъ ни мало свѣжести ума, чего добивались хитрые французскіе царедворцы, объявили Кольберту, что государи ихъ приглашаютъ короля приступить къ общему союзу христіанскихъ державъ противъ враговъ православія, и содѣйствовать святому соединенію, если не войсками, то хотя деньгами. Министръ французскій истощилъ все свое краспорѣчіе въ увѣреніяхъ, что король принимаетъ участіе въ дѣлѣ, столь великомъ и полезномъ всему христіанству; хвалилъ премудрое благоусмотрѣніе обладателей Россіи и обѣщалъ донести королю о предложеніи пословъ. Вслѣдъ за этимъ назначена была вторая конференція въ Парижѣ, въ посольскомъ домѣ.

Но въ то время, какъ видимый успѣхъ начиналъ радовать князя Долгорукова и его товарищей, пріѣхалъ турецкій посланникъ и былъ прямо препровожденъ въ Версаль. Политика Франціи обнаружилась: дворъ ея притворно доброжелательствовалъ Россіи, не страшась отдаленнаго государства; но имѣлъ надобность въ Турціи, для умаленія могущества вѣнскаго кабинета. Солиманъ III просилъ у Лудовика помощи противъ союзныхъ монарховъ, и тотъ самый министръ, который, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, увѣрялъ Долгорукова, именемъ Лудовика, что побѣда русскихъ надъ невѣрными пріятна его сердцу, объявилъ тогда русскимъ посламъ, черезъ церемоніймейстера, чтобъ они, по приказанію короля, готовились къ отъѣзду, безъ отпускной аудіенціи, и что отвѣтная граамта пришлется къ нимъ. Изумленный такимъ неожиданнымъ переворотомъ, Долгоруковъ отвѣчалъ, что ни подъ какимъ видомъ ни отъ кого не приметъ граматы, иначе какъ отъ самаго короля. Тогда велѣно было удвоить караулъ по-

сольскій, подъ предлогомъ безопасности, и были приставлены солдаты къ имуществу, которое хотѣли подвергнуть таможенному осмотру; также было запрещено русскимъ выходить изъ посольскаго двора. Долгоруковъ сказалъ: что тотъ караулъ приставленъ не для безопасности ихъ, а единственно для нанесенія имъ безчестія; что ему нѣтъ дѣла до того, осматриваютъ ли другихъ пословъ; но знаетъ онъ то, что у прежнихъ посланниковъ рускихъ никогда не дѣлали подобныхъ досмотровъ, и что послы не обязаны никому показывать своихъ пожитковъ, почему ни подъ какимъ видомъ до того не допустятъ. На другой день, присланный чиновникъ объявилъ посламъ, что король чрезвычайно гнѣвается, грозитъ имъ великимъ безчестіемъ и приказалъ выслать ихъ за границу. «Онъ всегда властенъ удалить насъ изъ Франціи», отвѣчалъ безстрашный Долгоруковъ, «но гнѣвъ его и самая смерть не принудятъ меня принять грамату на посольскомъ дворѣ». Церемоніймейстеры, спустя нѣсколько дней, привезли къ посламъ королевскіе дары, въ замѣнъ поднесенныхъ ими на аудіенціи. Долгоруковъ просилъ благодарить короля за оказанное вниманіе; но не принялъ даровъ. «Сначала мы обязаны совершить дѣла, порученныя намъ отъ государей нашихъ», сказалъ онъ, «потомъ слѣдуетъ мнѣ получить отвѣтную грамату изъ королевскихъ рукъ, а потомъ, если королю благоугодно передать намъ дары для нашихъ государей, то мы за счастіе почтемъ принять ихъ. Мы находимъ, что непостижимо обращается съ нами король: онъ держитъ насъ подъ карауломъ и въ то же время жалуетъ дарами своими. Караульте, если вамъ угодно, пожитки наши; только не нарушайте, господа, пристойности въ дѣлахъ, на насъ возложенныхъ; поступайте съ нами, какъ поступаютъ въ христіанскихъ просвѣщенныхъ государствахъ съ послами. Мы присланы во Францію утвердить любовь и согласіе, а не въ неволю». Долго уговаривали его церемоніймейстеры принять королевскіе дары и согласиться, хотя для одного вида, открыть свое имущество. Долгоруковъ

рѣшительно повторилъ: что даровъ не приметъ безъ надлежащаго отпуска, а пожитковъ своихъ, изъ принужденія, никакъ не покажетъ и ни одпаго сундука не откроетъ, хотя бы король велѣлъ все отнять. Церемоніймейстеры объявили посламъ, что прикажутъ уложить королевскіе подарки въ возы посольскіе. «Король», отвѣчалъ на это Долгоруковъ, «можетъ въ государствѣ своемъ сдѣлать надъ нами, что хочетъ; но если положатъ подарки насильно въ наши возы, въ такомъ случаѣ мы и отъ возовъ своихъ отступимся». Видя такую непреклонность, церемоніймейстеры принуждены были отправиться назадъ съ подарками. Черезъ день возобновились убѣжденія и угрозы; но твердость Долгокурова, въ поддержаніи значенія званія царскаго представителя, не поколебалась. «Доложите королю», сказалъ онъ, «что ни чей гнѣвъ для меня не страшенъ: страшусь только провиниться въ неисполненіи повелѣннаго моими царями». Церемоніймейстеры и въ другой разъ удалились съ дарами, безъ успѣха. Тогда князь Долгоруковъ узналъ отъ греческаго митрополита, пріѣхавшаго въ Парижъ съ турецкими посланниками, что король принялъ мухамеданъ съ великою любовію и велѣлъ помѣстить ихъ въ томъ домѣ, гдѣ жили русскіе послы, которымъ объявлена воля королевская, чтобъ они ѣхали въ Сенъ-Дени, и ожидали тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Послы, зная, для чего ихъ выживаютъ изъ занимаемаго ими дома въ Парижѣ, начали противорѣчить; но приставъ, не входя ни въ какія объясненія, промолвилъ только, что приказано отъ короля немедленно домъ, ими занимаемый, исправить, и началъ выбирать всю мебель, снимать обои и все укладывать. Въ то самое время въѣхали на дворъ десять каретъ, нѣсколько фуръ и верховыхъ лошадей для русскаго посольства, которое поневолѣ отправилось въ предмѣстіе Сенъ-Дени. Тамъ объявлено было имъ, что король освободилъ посольскіе пожитки изъ подъ-караула и не велѣлъ ихъ осматривать. Но Долгоруковъ явилъ и тутъ себя человѣкомъ необыковеннымъ: при-

казалъ тотчасъ раскрыть всѣ сундуки, въ присутствіи пристава, желая тѣмъ уничтожить всякое сомнѣніе и доказать, что одно принужденіе заставляло его противоборствовать волѣ королевской.

Лудовикъ, вытѣснивъ изъ столицы пословъ русскихъ, прекратилъ насилія, сдѣлался благосклоннѣе, и потомъ прислалъ въ Сенъ-Дени, для выслушанія предложеній ихъ, министра своего Кольберта де Кроаси. Представивъ ему списокъ съ заключеннаго договора съ королемъ польскимъ о вѣчномъ мирѣ и союзѣ противъ враговъ креста Господня, Долгоруковъ убѣждалъ, чтобъ король французскій, отложа временныя свои выгоды, пріобрѣтаемыя отъ пріязни съ турецкимъ султаномъ, поработалъ во славу имени Христа Спасителя, для блага прочнѣйшаго, для вѣчности. Но тщетно описывалъ онъ, со всею живостію, поруганіе храмовъ христіанскихъ, томленіе плѣнниковъ, впадшихъ въ руки невѣрныхъ, варварство отъ мухамеданства, всюду распространяющееся, безмѣрное высокомѣріе Порты, уничижающее всѣ прочія державы и ея насилія, не дающія мѣста справедливости; напрасно убѣждалъ Кольберта, словомъ Божіимъ и пользою всей Европы, приступить къ союзу и присоединить побѣдоносное оружіе французовъ къ ополченіямъ христіанскихъ государей, для низложенія надменнаго исполина. Французскій министръ, съ своей стороны, описавъ посламъ многія потери, которыя претерпѣло королевство въ прежніе годы отъ союзной войны съ цесаремъ и венеціанами, противъ турокъ, доказывалъ, что несовмѣстно мудро царствующему королю его вступиться за враждующаго императора Леопольда и разорвать миръ съ дружелюбною державою. Въ заключеніе, Кольбертъ прибавилъ: «что могущественный Лудовикъ ищетъ собственной своей славы и ни съ кѣмъ изъ союзниковъ дѣлиться ею не хочетъ; что дальнее разстояніе Россіи преграждаетъ возможность тѣснаго ея соединенія съ Франціею и открываетъ безполезность этого союза.» Тогда онъ возобновилъ прежнія свои

ласкательства и увѣренія въ благодарности короля, за оказанную ему честь предложеніемъ союза. Долгоруковъ желалъ знать: обнадежитъ ли, по крайней мѣрѣ, король французскій тѣмъ, что онъ не будетъ препятствовать союзникамъ, въ продолженіи ихъ войны съ турками? На этотъ вопросъ, Кольбертъ отвѣчалъ двусмысленно: «Не будетъ, если только сопредѣльные съ Франціею государи сами не подадутъ къ тому повода». И, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ объясненій, министръ вдругъ перемѣнилъ разговоръ, объявивъ посламъ желаніе Лудовика, чтобъ русскіе цари приказали, по братской ихъ дружбѣ и любви, пропускать чрезъ свои владѣнія іезуитовъ во всѣ земли, для проповѣдыванія слова Божія. Долгоруковъ отвѣчалъ: «французскіе послы, посланники и гонцы имѣютъ свободный проѣздъ чрезъ россійское государство; но духовнымъ особамъ не можно дать такого позволенія безъ особаго разрѣшенія царскаго». Послѣ этого русскій полномочный завелъ рѣчь о постановленіи торговаго договора съ Франціею; но и этотъ предметъ отклоненъ былъ Кольбертомъ, который отвѣчалъ: «что королю извѣстно это отъ прежнихъ посланниковъ и весьма пріятно желаніе русскаго двора распространить торговыя сношенія между обоими государствами и что французскимъ купцамъ будетъ дозволено ѣздить съ товарами къ пристани Архангелогородской». Тѣмъ кончились переговоры. Назначивъ, для отпускной аудіенціи, 24-ое августа, Кольбертъ поѣхалъ въ Версаль. Надлежало, по принятому издавна обыкновенію, прислать русскимъ посламъ, за день до этой аудіенціи, отвѣтную королевскую грамату, для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ ней пропусковъ или ошибокъ въ титулахъ царскихъ; но князю Долгорукову (не взирая на его убѣжденія, примѣрами прежнихъ посланниковъ) вручили копію съ граматы въ Версали, когда онъ пріѣхалъ къ королю. Послы увидѣли, что въ титулѣ недостаетъ словъ: «великіе государи»; протестовали противъ этого и объявили Кольберту, что не примутъ неисправной граматы и на аудіенцію не пойдутъ. Долго оста-

вались они безъ отвѣта королевскаго; наконецъ Лудовикъ прислалъ сказать, «что ожидаетъ ихъ въ аудіенцъ-залѣ и чтобы они не имѣли ни какого сомнѣнія въ принятіи граматы, вѣря, что она имъ самимъ подписана». Послы просили дозволить имъ разсмотрѣть, до аудіенціи, хотя списокъ. Король велѣлъ сказать имъ: «Развѣ они не вѣрятъ его слову, заставляя ждать себя?» Обнадеженные Лудовикомъ, послы вошли въ аудіенцъ-залу. Король принялъ ихъ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ и произнесъ: «что благодаренъ ихъ царскимъ величествамъ за присланное посольство; радуется союзу христіанскихъ государей и желаетъ, чтобъ это благое дѣло увѣнчалось благимъ окончаніемъ, на пользу христіанства». Потомъ, поручивъ кланятся отъ него царямъ, допустилъ пословъ и свиту ихъ къ своей рукѣ. Лишь только Долгоруковъ вышелъ изъ аудіенцъ-залы, тотчасъ замѣтилъ, что именованіе, въ титулѣ великихъ государей, было, какъ и прежде, пропущено. Онъ осыпалъ французскихъ чиновниковъ упреками въ несостоятельности обнадеживанія королевскаго, и отдалъ имъ грамату для представленія королю. Лудовикъ XIV выслалъ сказать посламъ, что прикажетъ переписать ее, а ихъ приглашаетъ отправиться изъ Версали обратно въ Сенъ-Дени. Черезъ два дня явился къ Долгорукову приставъ и, вынувъ изъ-за-пазухи ту же самую грамату, объявилъ: «что король не приказалъ ее переписывать, ибо никого изъ государей великимъ никогда не титуловалъ, да и самъ ни отъ кого не принималъ такого титула». Послы, въ доказательство противнаго, ссылались на грамату, привезенную отъ короля стольникомъ Алмазовымъ въ 1685 году; стыдили пристава, что онъ принесъ къ нимъ за пазухою, а не торжественно на блюдѣ или въ великолѣпномъ портфелѣ бумагу, подписанную королемъ, и отказались принять ее. Приставъ положилъ грамату на столъ, Долгоруковъ тотчасъ вышелъ изъ той комнаты съ своими товарищами, произнеся, «что онъ граматы не возьметъ и никто изъ нихъ не всту-

нитъ въ комнату, гдѣ она положена». Приставъ отправился въ Версаль и, возвратясь оттуда, объявилъ: «что король не именовалъ великими государями царей русскихъ, въ отвѣтѣ своемъ, отправленномъ съ Алмазовымъ, и утверждаетъ это клятвенно»; убѣждалъ пословъ принять грамату, врученную имъ на отпускной аудіенціи; но они рѣшительно отъ этого отказались. На другой день Лудовикъ прислалъ имъ съ церемоніймейстерами дары, въ числѣ которыхъ находились четыре портреты его, украшенные алмазами, для трехъ пословъ и племянника старшаго изъ нихъ, князя Василія Лукича Долгорукова. Послы благодарили короля за милость; но отказались отъ подарковъ, требуя прежде, чтобъ исправлены были титулы царскіе. Сдѣлавъ выговоръ Долгорукову за причиняемыя досады королю, какихъ онъ еще ни отъ кого не имѣлъ, церемоніймейстеры отправились снова съ дарами въ Версаль. Нѣсколько дней сряду продолжались настоянія о пріемѣ граматы и даровъ. Приставы, придворные служители и караульные удалены были отъ пословъ, Кольбертъ угрожалъ Долгорукову казнію за отсылку королевскихъ портретовъ и настоятельно требовалъ, чтобъ они были приняты, отложивъ прочіе дары. Послы, желая доказать Лудовику XIV, что отказъ ихъ былъ основанъ единственно на поддержаніи правъ россійскихъ самодержцевъ, согласились, во избѣжаніе вражды непримиримой, принять портреты; но не иначе, какъ безъ бриліантовыхъ украшеній, а просто въ золотыхъ рамкахъ. Грамату же отослали назадъ. Послѣ этого объявлено, что они отпускаются въ Гавръ-де-Грасъ на королевскихъ подводахъ съ двумя приставами; оттуда будутъ отправлены на военномъ караблѣ и высажены въ испанскомъ пограничномъ городѣ Себастіанѣ; сухимъ же путемъ, по причинѣ неспокойствія дорогъ въ то время, въ Испанію не совѣтовали имъ ѣхать. Поблагодаривъ за это, послы возобновили представленія о перемѣнѣ отвѣтной грамоты, но безъ успѣха, такъ какъ король запретилъ даже докладывать ему о томъ.

По видимому, по выѣздѣ пословъ изъ Сенъ-Дени, должны были прекратиться всѣ неудовольствія; но въ Гавръ-де-Грасѣ ожидали ихъ подарки королевскіе и угрозы, что, въ случаѣ отказа, велѣно задержать тутъ посольство. Долгоруковъ принужденъ былъ согласиться, послѣ чего послы отправились моремъ въ Испанію. И тамъ они не имѣли успѣха: король испанскій Карлъ II выхвалялъ благородное ихъ поведеніе при дворѣ мадридскомъ, ссылался на оказанное уже Испаніею пособіе противъ турковъ императору римскому, войсками и деньгами, и при этомъ отказалъ ссудить царей двумя милліонами ефимковъ.

Долгоруковъ возвратился въ Москву въ маѣ 1688 года. Въ это время любимецъ Софіи, Голицынъ, желая загладить стыдъ, нанесенный ему неудачнымъ походомъ въ Крымъ (1687 года), вооружалъ сильное войско; онъ пригласилъ князя Якова Ѳедоровича участвовать въ новомъ его походѣ противъ крымцевъ, и хотя походъ этотъ былъ совершенно неудаченъ, но Голицынъ, стараясь себя выгородить, а съ тѣмъ вмѣстѣ думая привлечь на свою сторону Долгорукова, устроилъ такъ, что, за отступленіе войска, Долгоруковъ награжденъ былъ кубкомъ золоченымъ, парчевымъ кафтаномъ на соболяхъ и увеличеніемъ жалованья. Это несправедливое и корыстное дѣйствіе обидѣло Долгорукова, и, не смотря на убѣжденія не только Голицына, но и самой правительницы Софіи, онъ отвергнулъ рѣшительно незаслуженныя награды. Этотъ поступокъ сдѣлался извѣстенъ юному Петру. Достигнувъ совершеннаго возраста, Петръ сдѣлался самодержцемъ Россіи и, зная правоту и безкорыстіе Долгорукова, возвелъ его, въ 1690 году, въ почетное достоинство судьи московскаго судного приказа. Здѣсь, наблюдая во всей строгости силу законовъ, Долгоруковъ явилъ себя благотворителемъ человѣчества: защищалъ слабыхъ, обнаруживалъ сокровенныя преступленія, охранялъ собственность каждаго; преслѣдовалъ и каралъ однихъ злодѣевъ, умѣя за неслишкомъ значительныя престу-

пленія, или въ особенности за проступки, происшедшіе отъ неосторожности, взыскивать съ виновныхъ съ бо́льшею мягкостію, собственно для исправленія ихъ и защищенія отъ впаденія ихъ въ новые проступки.

Среди полезныхъ занятій, Долгоруковъ подвергнулся однажды большой непріятности (1691 г.): онъ поссорился во дворцѣ съ бояриномъ, княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ и, увлекаемый горячимъ своимъ нравомъ, назвалъ его измѣнничьимъ правнукомъ, напоминая тѣмъ участіе дѣда его, Голицына, въ возведеніи Гришки Отрепьева на престолъ русскій. Голицынъ, любимый, уважаемый Петромъ, котораго былъ дядькою въ послѣднее время его младенчества, пожаловался государю: Долгоруковъ принужденъ былъ заплатить противнику за безчестіе и посланъ былъ въ темницу, но, не доходя до дверей ея, прощенъ, въ уваженіе отличныхъ заслугъ и испытанной вѣрности. Въ 1696 году, онъ сражался подъ знаменами Петра Великаго и доказалъ на опытѣ, что геній его способенъ былъ ко всѣмъ предназначеніямъ: онъ перешелъ съ семью стами гвардейцевъ чрезъ рѣку Донъ (14 іюля), находясь въ водѣ по плечи, и овладѣлъ каланчею города Азова, отчаянно защищаемою двумя тысячами турецкаго войска. Предводительствуя десятью тысячами пѣхоты и тремя тысячами запорожскихъ казаковъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ разбилъ на голову (18-го числа), близъ рѣки Кагальника, султана Нурадина, выступившаго противъ него съ тридцатитысячнымъ войскомъ. Онъ положилъ на мѣстѣ битвы значительное число непріятелей, разсѣялъ остальныхъ; былъ также главнымъ виновникомъ новаго пораженія, которое потерпѣли турки и татары въ окрестностяхъ Азова, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Нурадиновъ; мужественно напалъ съ четырьмя тысячами русскихъ на сильную армію мусульманъ, состоявшую изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, далъ время русскому генералу Шеину обойти ихъ, и преслѣдовалъ побѣжденныхъ за десять верстъ, усѣявъ поле битвы трупами противниковъ. Въ

этомъ славномъ сраженіи пало 13,900 мусульманъ, взято въ плѣнъ 12,000. Наше войско было втрое меньше непріятельскаго. Побѣды Долгорукова ускорили сдачу Азова въ 1697 году. Вслѣдъ за тѣмъ, князь Яковъ Ѳеодоровичъ предводительствовалъ тридцати-пяти-тысячнымъ наблюдательнымъ корпусомъ на бѣлгородской чертѣ. Онъ воевалъ съ такимъ же успѣхомъ и въ слѣдующихъ годахъ, вспомоществуемый гетманомъ Мазепою, который не обезславилъ еще тогда себя измѣною. Долгоруковъ снабдилъ свѣжимъ гарнизономъ крѣпости Кизикерменскою и Таванскую въ 1697 году; разбилъ подъ Очаковымъ турецкаго сераскира, обративъ его въ бѣгство; осадилъ Перекопъ; разсѣялъ подъ этимъ городомъ сильное войско татаръ, предводимое Кази-Гиреемъ, сыномъ хана крымскаго (1698 г.). Долгоруковъ награжденъ былъ за свои ратные подвиги достоинствомъ боярина. Благоволеніе Петра Великаго къ Долгорукову возрастало, по мѣрѣ заслугъ его: уничтоживъ (1700 г.) приказы рейтарскій и иноземческій, онъ замѣнилъ ихъ приказомъ военныхъ дѣлъ, что представляло собою какъ бы военное министерство, и ввѣрилъ управленіе послѣдняго князю Якову Ѳеодоровичу, съ званіемъ генералъ-кригсъ-коммиссара; пожаловалъ его вскорѣ чиномъ тайнаго совѣтника; назначилъ было въ Стокгольмъ чрезвычайнымъ посломъ, но послѣдовавшій разрывъ между Россіею и Швеціею заставилъ снова Долгорукова, вмѣсто дипломатическаго поприща, вступить на военное. Нарвское сраженіе, проиграпное русскими, по причинѣ измѣны главнокомандовавшаго, герцога де-Кроа, отсутствія Петра Великаго изъ арміи и неопытности воиновъ нашихъ, еще неокуренныхъ пороховымъ дымомъ, было однако знаменито храбростію, оказанною Долгоруковымъ среди неудачъ, въ виду бѣжавшихъ рекрутъ. «Что дѣлать намъ?» — спрашивали его другіе полководцы. — «Идти впередъ, друзья», отвѣчалъ онъ. «Съ нами Богъ, никто же на ны. Оставимъ робкихъ, и будемъ повелѣвать храбрыми». Съ этими словами, повелъ онъ полки гвардейскіе противъ непріятеля, остано-

вилъ стремленіе его, припудивъ шведовъ податься назадъ. Карлъ XII, удивленный мужествомъ русскихъ, согласился на свободное отступленіе ихъ, и лично обнадежилъ въ томъ Долгорукова; но когда лучшія войска наши переправились черезъ р. Серру, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; тогда шведы, забывъ свое обѣщаніе, бросились на остальные полки и, обезоруживъ ихъ, объявили военноплѣнными. Въ числѣ послѣднихъ находился Долгоруковъ: онъ отвезенъ былъ въ Стокгольмъ, гдѣ около десяти лѣтъ содержался подъ крѣпкимъ карауломъ, занимаясь во все это время изученіемъ шведскаго правовѣдѣнія; потомъ перемѣщенъ въ Якобштадтъ. Лишенный свободы вѣроломствомъ, храбрый полководецъ Петровъ вздыхалъ объ отчизнѣ, сѣтовалъ о своемъ бездѣйствіи, потерянномъ времени и, съ тѣмъ вмѣстѣ, помышлялъ о способахъ свергнуть съ себя тяжкія оковы.

Небо услышало, наконецъ, мольбы его: въ 1711 году, по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены были моремъ въ Умео. Въ числѣ ихъ находился Долгоруковъ. Русскихъ было сорокъ четыре человѣка; шведовъ менѣе. Это самое внушило князю Якову Ѳедоровичу мысль овладѣть непріятельскою шкуною и возвратиться въ отечество. Онъ сообщилъ намѣреніе свое товарищамъ, которые охотно согласились содѣйствовать ему. Исполненіе отложено до слѣдующей субботы; сигналомъ должны были служить, во время вечерняго пѣнія, слова: «Дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи». При первыхъ двухъ словахъ, положено было всѣмъ имъ бросить весла, такъ какъ они шли греблею; при послѣднихъ, каждому схватить одного шведа и, куда кто можетъ, его управить. Въ назначенную минуту, русскіе устремились на шведовъ, ни мало этого не ожидавшихъ: обезоружили всѣхъ, умертвили нѣкоторыхъ, столкнули въ море другихъ; остальныхъ, связавъ, заключили подъ палубу, кромѣ одного шкипера, которому Долгоруковъ, приставивъ выхваченный у него же пистолетъ къ груди, сказалъ: «если хочешь быть живъ, то вези

нас къ Кронштадту, или Ревелю; но горе тебѣ, если вздумаешь измѣнить!» Шкиперъ повиновался семидесятилѣтнему герою; но не зналъ пути черезъ Балтійское море. «Мы не имѣли картъ морскихъ», писалъ Долгоруковъ къ Меншикову, по своемъ освобожденіи, «и то море переѣхали, безъ всякаго вѣдѣнія, управляемые древнимъ кормщикомъ святымъ Николаемъ Чудотворцемъ». Достигнувъ благополучно острова Даго, завоеваннаго русскими, Долгоруковъ дозволилъ всѣмъ шведамъ, заключеннымъ въ трюмѣ, кромѣ одного шкипера, возвратиться въ отечество, и прибылъ въ Ревель 19-го іюня. Петръ I находился тогда за Днѣстромъ, и только въ сентябрѣ мѣсяцѣ узналъ о освобожденіи Долгорукова. Возвратясь въ С.-Петербургъ къ новому году (1712), Петръ съ восхищеніемъ обнялъ вѣрнаго подданнаго и, неоднократно цѣлуя, выхвалялъ мужественную его рѣшимость. Заслуженный старецъ не могъ удержаться отъ слезъ, при свиданіи съ любимымъ имъ монархомъ. Петръ, строгій во всѣхъ дѣлахъ, проявлялъ всегда чувствительность къ подвигамъ необычайнымъ, также проливалъ слезы радости и удивленія. Долгоруковъ получилъ тогда, за претерпѣнное страданіе, нѣсколько деревень, званіе сенатора, генералъ-пленипотенціалъ-кригсъ-коммиссара и президента ревизіонъ-коллегіи, повѣрявшей всѣ государственные приходы и расходы. Онъ повсюду оправдалъ лестную довѣренность царя, безкорыстіемъ, правотою; но, въ особенности, обезсмертилъ имя свое въ сенатѣ. Вступивъ въ это верховное судилище, Долгоруковъ разсматривалъ дѣла, не собирая предварительно справокъ о связяхъ прикосновенныхъ лицъ съ придворными; не зналъ пословицы: «съ сильнымъ бороться, съ богатымъ тягаться не должно»; не кривилъ вѣсами правосудія: преслѣдовалъ порокъ, защищалъ невинноутѣсненныхъ; безбоязненно суровымъ, но правдивымъ языкомъ, говорилъ истину монарху преобразователю, противорѣчилъ ему для славы его, или пользы народа, иногда даже дерзко, и все это

дѣлалъ Долгоруковъ, потому что не умѣлъ льстить и любилъ не себя, а царя и отечество.

Такъ, въ бытность Долгорукова первоприсутствующимъ въ сенатѣ, оказался въ С. Петербургѣ недостатокъ въ хлѣбѣ; ожидая подвоза провіанта посредствомъ водянаго сообщенія, государь повелѣлъ сенату изыскать способъ отвратить угрожавшій голодъ. Долго разсуждали сенаторы и наконецъ единогласно опредѣлили: собрать по четверику съ каждаго крестьянина въ Новгородской губерніи, какъ ближайшей къ столицѣ. Петръ Великій, озабоченный множествомъ дѣлъ, одобрилъ это мнѣніе. Оно было утверждено подписью всѣхъ сенаторовъ, кромѣ Долгорукова, который тогда по нездоровію не присутствовалъ. На другой день явился онъ въ сенатъ, прочелъ опредѣленіе, потребовалъ сургуча, и, не говоря ни слова, запечаталъ это опредѣленіе и всѣ изготовленные указы по этому дѣлу, вышелъ и отправился въ своей одноколкѣ къ обѣднѣ. Изумленные и обиженные сенаторы немедленно донесли объ этомъ дѣйствіи государю, со многими однако вымышленными прибавленіями. Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и послалъ за Долгоруковымъ. Послѣдній находился еще въ церкви: ему объявили волю царя. «Слышу», отвѣчалъ онъ, и остался на своемъ мѣстѣ, до окончанія обѣдни. Когда онъ наконецъ предсталъ предъ монархомъ, Петръ встрѣтилъ его вопросомъ: «Какъ ты осмѣлился остановить мое повелѣніе?» — «Ты самъ» — продолжалъ князь — «приказываешь представлять тебѣ истину, и стараться о пользѣ, а не о вредѣ твоего народа». — Смягченный этимъ отвѣтомъ, Петръ спросилъ: «Но гдѣ же возьмемъ мы хлѣба? Развѣ ты хочешь видѣть печальное слѣдствіе голода?» — «Нѣтъ, государь, Боже насъ отъ того сохрани! Но не для чего тебѣ и господамъ сенаторамъ такъ безпокоиться. Отъ насъ самихъ зависитъ отвращеніе мнимой опасности: стоитъ только хотя немного усерднѣе подумать, и Новгородская губернія, которая болѣе другихъ испытала тягость войны, не будетъ обременена по-

вымъ налогомъ». — «Какое же средство должно употребить для того?» — спросилъ Петръ, совершенно успокоившійся. — «Изволь-ка сѣсть, государь. Я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ». Монархъ и всѣ сенаторы сѣли. Долгоруковъ продолжалъ, стоя: «Провіантъ твой будетъ сюда, по крайней мѣрѣ, не прежде какъ чрезъ два мѣсяца; до того времени есть у меня въ домѣ столько кулей муки, что хватитъ на годовую пропорцію, а, правду сказать, мнѣ на продовольствіе дома моего довольно половины, или немного побольше; у князя Меншикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, останется гораздо еще болѣе половины; у генералъ-адмирала тожъ; у другихъ господъ сенаторовъ будутъ также остатки. Возьми всѣ эти избытки у насъ: войско и бѣдные граждане не потерпятъ нужды въ продовольствіи, а когда прибудетъ ожидаемый хлѣбъ, то ты можешь, взятый у насъ, возвратить намъ новою мукою. Такимъ образомъ мы, вмѣсто лежалой муки, получимъ свѣжую, а бѣдные крестьяне новгородскіе не потерпятъ излишней тягости. Потому что не думай, государь», — прибавилъ Долгоруковъ, «чтобы крестьянинъ могъ раздѣлаться однимъ четверикомъ, съ него назначеннымъ. Ему мало на раздѣлку и двухъ: коммиссары сыщутъ къ тому средства; они, подъ предлогомъ, что мука дурна, прогоркла и проч., не станутъ ее принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобы, хотя вдвое, да взяли, только бы его не мучили. Разсуди же, какая бы это была для нихъ тягость, когда они съ нуждою едва прокармливаютъ семейства свои?» Внимательно слушалъ Петръ мнѣніе Долгорукова; потомъ, оборотясь къ сенаторамъ, произнесъ: «Что же вы молчите и не противорѣчите? Правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ?» Сенаторы принуждены были признаться, что князь говорилъ дѣльно и справедливо и изъявили готовность отдать всѣ свои избытки хлѣба. «Вижу», продолжалъ государь, смотря на нихъ, «что не обидно вамъ сносить его упорство и противорѣчіе». — Послѣ этого въ самыхъ друже-

скихъ выраженіяхъ благодарилъ Долгорукова за его прозорливость и просилъ у него прощенія за несправедливый гнѣвъ свой.

Въ другое время Петръ Великій прислалъ въ сенатъ указъ, ранѣе обыкновеннаго, о наборѣ рекрутъ. Долгоруковъ при свиданіи сказалъ Петру: «можно бы сыскать средство, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ обойтись, и безъ рекрутскаго набора». — «О какомъ средствѣ говоришь ты»? —спросилъ его Петръ,—«рекруты необходимы къ пополненію полковъ». — «А вотъ о какомъ,»—продолжалъ Долгоруковъ: — «ты знаешь, государь, сколько доселѣ находится рекрутовъ въ бѣгахъ; изъ нихъ нѣкоторые, страшась наказанія, скрываются въ лѣсахъ; многіе даже вдались въ воровство и разбои. Отвѣдай простить всѣхъ ихъ за побѣги; увѣрь, что если они добровольно явятся отъ публикованія указа черезъ полгода, или какъ изволишь назначить, то никакого имъ и укрывателямъ не будетъ наказанія. Я увѣренъ, что ихъ соберется столько, сколько тебѣ теперь надобно.» — «Добро, дядя!» — произнесъ монархъ,—«отвѣдаю поступить по твоему; и увидимъ, будетъ ли такъ, какъ ты предлагаешь». Въ самомъ дѣлѣ, милостивый указъ о бѣглыхъ оправдалъ надежду Долгорукова: они явились во множествѣ, и рекрутскій наборъ былъ отмѣненъ.

Однажды Петръ Великій, имѣя надобность для флота въ значительномъ количествѣ хлѣба, велѣлъ сенату распорядиться доставкою его къ веснѣ изъ низовыхъ мѣстъ. «Спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину не ходятъ», сказалъ Долгоруковъ, качая головою: «Ну какъ управиться къ веснѣ поставкою сюда изъ такой дали хлѣба, упустя время? А хотя бы и положить, что съ нуждою поставить можно, въ такомъ случаѣ станетъ онъ вдвое дороже; а самъ же государь имѣетъ нужду въ деньгахъ». Сказавъ это, Долгоруковъ, по обыкновенію своему, положилъ указъ подъ сукно. Не замедлили враги его донести государю о новой дерзости Долгорукова. Петръ явился въ сенатъ и спросилъ гнѣвно: «Исполнено ли по послѣднему его

указу»?—«Не исполнено», отвѣчалъ Долгоруковъ, «потому, что исполнить не можно».—«Отъ тебя всегда я слышу противорѣчія», прервалъ его съ сердцемъ монархъ: «съ чѣмъ же мнѣ флотъ мой выпроводить»?—«Не гнѣвайся, государь, а выслушай сперва: время упущено; изъ столь дальнихъ мѣстъ поставить въ Петербургъ хлѣба къ веснѣ никакъ не можно; а хотя бы и можно было, то обойдется онъ цѣною почти вдвое; такъ за чѣмъ же такая напрасная трата въ деньгахъ, въ которыхъ ты еще и нужду имѣешь? А если хлѣбъ къ тому времени не будетъ привезенъ, какъ и думать должно, то не станешь ли ты болѣе еще тогда на насъ гнѣваться? Можно и безъ того исправиться и флоту твоему въ свое время выйти въ море».—«Да какъ же?»—спросилъ государь.— «А вотъ какъ», продолжалъ Долгоруковъ: «у меня скоро будетъ сюда хлѣба больше, нежели сколько его на употребленіе дома моего надобно; у Меньшикова, я слышу, идетъ его и гораздо еще больше; да, полагаю, и у всей нашей братіи тожъ. Такъ ты, государь, и можешь у всѣхъ насъ излишки тѣ отобрать; а я навѣрно надѣюсь, что ихъ будетъ столько, сколько тебѣ надобно; въ противномъ случаѣ, можно для твоей нужды и изъ настоящей пропорціи намъ по нѣскольку ущербить; но до того, чаю, не дойдетъ; а между тѣмъ, не торопясь, въ свое время и безъ передачи въ цѣнѣ, хлѣбъ сюда доставится. Тогда ты, государь, какъ и прежде это было, взятое у насъ количество отдашь; такимъ образомъ и ты и мы всѣ будемъ безъ убытка; а хлопотъ-то никакихъ не будетъ. Вотъ почему исполнить указа-то твоего было не возможно». Признательный монархъ поцѣловалъ Долгорукова въ голову и произнесъ: «Спасибо, дядя! ты, право, умнѣе меня, и не напрасно тебя называютъ *умникомъ*».—«Нѣтъ, государь»,— отвѣчалъ Долгоруковъ,—«не умнѣе; но у меня меньше дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать, а и тутъ иногда я ошибаюсь; у тебя же дѣлъ безъ числа, такъ и не дивно, что ты

много и не обдумаешь». Послѣ сего, Петръ, взявъ свой указъ, при всѣхъ его разодралъ на части.

Незадолго до заключенія мира съ Швеціею, государь, присутствуя въ сенатѣ, повелѣлъ для работъ, производимыхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, сдѣлать, по прежнему, нарядъ работниковъ изъ губерній. «Пора бы уже тебѣ губерніи-то отъ этого и освободить» — сказалъ ему Долгоруковъ съ обыкновенною своею смѣлостію и чистосердечіемъ. — «Такъ по твоему» — возразилъ монархъ, — «надобно оставить работы»? Вмѣсто отвѣта, Долгоруковъ продолжалъ: «Время уже обѣдать, а за хлѣбъ-соль не бранятся; пожалуй ко мнѣ, государь, откушать, чѣмъ Богъ послалъ, такъ я тебѣ скажу, что и наряда работниковъ изъ губерній не надобно, и работы твои не остановятся». — Хорошо» сказалъ Петръ, «поѣдемъ, и что-то я отъ тебя услышу?» — «Теперь у тебя война, слава Богу, приходитъ къ окончанію» — сказалъ Долгоруковъ, выпивъ у себя чарку водки съ августѣйшимъ посѣтителемъ — «и, если ты свободныхъ отъ службы солдатъ употребишь на эти работы, давая имъ сверхъ жалованья деньги, какія платятся работникамъ, тогда и они, и губерніи, весьма будутъ тѣмъ довольны. Петръ воспользовался совѣтомъ Долгорукова.

Монархъ, какъ выше упомянуто, нуждался въ деньгахъ, а доходы государственные въ то время были весьма умѣренные, простирались (съ 1711 по 1723 годъ) только до пяти милліоновъ рублей, и не могли удовлетворять необходимыхъ расходовъ. Въ этихъ тѣсныхъ для Россіи обстоятельствахъ, корыстолюбивые купцы голландскіе предложили вносить въ казну ежегодно до милліона и болѣе рублей, безъ всякаго, по словамъ ихъ, отягощенія народа, если отданъ имъ будетъ на десять лѣтъ откупъ внутренней пошлины, съ правомъ покупать изъ первыхъ рукъ во всей Россіи всякіе продукты, произрастенія и издѣлія, и привозимые ими товары продавать вольною цѣною гуртомъ и врозь. Они представили въ проектѣ своемъ, что произойдетъ много существенныхъ выгодъ для

государства отъ утвержденія этого проекта. Петръ хотя проницательнымъ умомъ своимъ и проникнулъ хитрость иноземцевъ, но внесъ проектъ ихъ на разсмотрѣніе сената, причемъ объявилъ, что «имѣетъ нужду въ деньгахъ, и что милліонъ рублей прибыли можетъ удовлетворить недостатки». Начались сужденія, которыя были кончены, какъ должно было ожидать, одобреніемъ проекта. «А ты дядя»—спросилъ государь Долгорукова, который одинъ только не говорилъ ни слова—«зачѣмъ молчишь»?—«Для того», отвѣчалъ онъ, «что я размышлялъ о коварствѣ голландцевъ: они дадутъ и по пятидесяти копѣекъ на рубль пошлины, вмѣсто предлагаемыхъ тридцати, только бы имъ прибрать въ свои руки всю внутреннюю торговлю. Вели пригласить ихъ въ сенатъ, и дай мнѣ волю поговорить съ ними: ты увидишь, правду ли я сказалъ». Долгоруковъ не ошибся: голландцы согласились на прибавку, увѣряя, будто бы останутся въ убыткѣ. «Государь», сказалъ Долгоруковъ, пріѣхавъ во дворецъ, «они дадутъ и болѣе; но помысли, не отяготительно ли это будетъ твоимъ купцамъ и всему народу? Призови первыхъ: яснѣе узнаешь тогда, сколько торговля отъ того потерпитъ и какое раззореніе угрожаетъ крестьянамъ». Петръ изъявилъ благодарность свою Долгорукову, и, дѣйствительно, удостовѣрился, изъ разговора съ почетнѣйшимъ петербургскимъ купечествомъ, что предложеніе голландцевъ клонилось къ обогащенію ихъ, со вредомъ государству.

Нѣкто полковникъ Блеклый имѣлъ тяжебное дѣло съ Зотовымъ въ сенатѣ. Долгоруковъ, почитая его правымъ, увѣрилъ, что оно рѣшено будетъ въ его пользу; но, въ противность обѣщаннаго, подписалъ опредѣленіе, вмѣстѣ съ прочими сенаторами, въ пользу Зотова. Удивленный проситель явился къ Долгорукову для личнаго объясненія. «Ты правъ, сказалъ ему безпристрастный сенаторъ, но я долженъ былъ обвинить тебя: подай непремѣнно апелляціонную жалобу государю на сенатъ и на меня самаго.» — «Что это за бумага?» спросилъ

Петръ Великій Блеклаго, не принимая ея. — «Челобитная на сенатъ» — отвѣчалъ полковникъ. — «Но подписалъ ли определеніе Долгоруковъ?» — «Подписалъ.» — Тогда государь взялъ просьбу, прочелъ ее, вытребовалъ дѣло къ себѣ, разсмотрѣлъ и, удостовѣрясь въ правѣ Блеклаго, послалъ за Долгоруковымъ. «Кто правъ, спросилъ его Петръ: «Блеклый или Зотовъ?» — «Первый, отвѣчалъ Долгоруковъ. — «Но зачѣмъ же ты подписалъ за его соперника?»—Сильная рука превозмогла, продолжалъ Долгоруковъ: нынѣ наступили святки, а онъ моего брата, по злобѣ на него, уже оползъ. Еслибъ я обвинилъ его, и мнѣ была бы, можетъ быть, такая же участь; а какъ ты, государь, передѣлаешь по своему и насъ обвинишь, то не на кого бубудетъ ему и сердиться.» — Государь принялъ съ неудовольствіемъ оправданіе Долгорукова, рѣшилъ дѣло въ пользу Блеклаго, наложилъ чувствительный штрафъ на сенаторовъ, а на князя Якова Ѳедоровича вдвое, потому, прибавилъ собственноручно Петръ, что онъ всѣхъ ихъ всегда казался безпристрастнѣе.

Въ бытность государя въ сенатѣ, подписалъ онъ указъ о посылкѣ, для рытія Ладожскаго канала крестьянъ Новгородской и Петербургской губерній. Долгоруковъ въ тотъ день не присутствовалъ: на другой день прибывъ въ верховное судилище, спросилъ: «О чемъ вчера разсуждали?» Ему подали подписанный сенаторами протоколъ, въ которомъ включено было монаршее повелѣніе. Долгоруковъ началъ съ жаромъ говорить, что оно противно государственной пользѣ, что о томъ должно государю непремѣнно и какъ можно скорѣе доложить, чтобы не подвергнуть раззоренію истощенныя губерніи. Тогда, для большаго убѣжденія Долгорукова, подали ему опредѣленіе, подписанное самимъ монархомъ: усердный сынъ отечества, увлекаемый ревностію, схватилъ бумагу съ подписью и разорвалъ ее. Всѣ сенаторы съ ужасомъ вскочили съ мѣстъ своихъ: «Знаешь ли что сдѣлалъ»—вопросили они его—«и чему за то подвергаешься?»—«Знаю, »отвѣчалъ Долгоруковъ съ сердцемъ, и буду отвѣ-

чать передъ Богомъ, государемъ и отечествомъ.» Въ это самое время Петръ вошелъ въ присутствіе сената, удивился смятенію членовъ и спросилъ: «отъ чего происходитъ необыкновенный этотъ шумъ?» Генералъ-прокуроръ съ трепетомъ подалъ ему опредѣленіе, разорванное Долгоруковымъ. «Что понудило тебя къ такому неслыханному преступленію противъ верховной власти?» — спросилъ Петръ виновнаго съ сильнымъ негодованіемъ. «Не иное что,» отвѣтствовалъ Долгоруковъ, «какъ ревность моя къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ. Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичъ: я надѣюсь на твое благоразуміе; ты не захочешь раззорять свою землю, какъ Карлъ XII раззоряетъ свою. Ты поторопился дать это повелѣніе и не размыслилъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ эти губерніи, потерпѣвшія въ настоящую войну болѣе, нежели всѣ провинціи русскія. Сколько въ нихъ людей вымерло, какъ великъ въ нихъ нынѣ недостатокъ въ народѣ! Что препятствуетъ тебѣ, къ рытію необходимо нужнаго для твоего Петербурга канала, взять рабочихъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой понемногу? Онѣ несравненно болѣе могутъ дать людей, нежели эти двѣ безлюдныя почти губерніи и не много потерпятъ. Сверхъ того, есть у тебя довольно военныхъ шведовъ, которыхъ ты можешь употребить къ этой работѣ.» — «Все это хорошо» — произнесъ монархъ, благосклонно выслушавшій объясненіе Долгорукова: — «но на чтожъ драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть терпима?» — «Въ этомъ то только я виноватъ, государь, что не утерпѣлъ,» отвѣтствовалъ вѣрный подданный. Подумавъ немного, монархъ сказалъ, обратясь къ сенаторамъ: «Хотя и дано мною повелѣніе о высылкѣ крестьянъ для рытія Ладожскаго канала; но я дѣло сіе еще разсмотрю и, потомъ, объявлю послѣднюю мою волю.» Принятыя государемъ мѣры вполнѣ соглосовались съ совѣтомъ Долгорукова.

Всѣмъ извѣстна печаль, которой предавался Петръ, по случаю кончины любимаго сына своего, царевича Петра Пет-

ревича, рожденнаго отъ императрицы Екатерины. Нѣжность родительская преодолѣла тогда мужество его и твердость духа, ему свойственныя. Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, легъ въ постель, орошалъ портретъ скончавшагося младенца горькими слезами, и, около трехъ сутокъ, не только не допускалъ къ себѣ никого; но даже и не принималъ ни какой пищи. Тщетно государыня, желавшая облегчить скорбь его, старалась войти къ нему въ кабинетъ: какъ она ни стучала въ двери, ни какого не слышала отвѣта. Екатерина изнемогла отъ слезъ и горести. Она оплакивала потерю сына и вмѣстѣ страшилась лишиться супруга. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи, пришла ей счастливая мысль, послать ночью за сенаторомъ княземъ Долгоруковымъ. Описавъ ему отчаяніе Петра, опасность угрожавшую всему государству, Екатерина умоляла его извлечь государя изъ уединенія. Подумавъ нѣсколько, Долгоруковъ успокоилъ государыню, увѣривъ ее, что дѣло въ слѣдующій день приметъ совсѣмъ другой оборотъ, и что государь выйдетъ изъ своего добровольнаго уединенія. Онъ немедленно пригласилъ всѣхъ сенаторовъ явиться поутру во дворецъ, для чрезвычайнаго собранія, краснорѣчиво представилъ имъ послѣдствія необычайной горести царя, обязанность, на нихъ лежащую, и отвѣтъ, который должны они дать Богу и отечеству, за то что остаются покойными зрителями въ столь рѣшительныя минуты, когда каждая угрожаетъ имъ невозвратною потерею мудраго преобразователя. Всѣ одушевились однимъ чувствомъ: восьмидесятилѣтній старецъ смѣлыми шагами пошелъ къ кабинету государя, сопровождаемый сенатомъ, и началъ стучаться. Внутри комнаты царствовало глубокое молчаніе. Удвоивъ стукъ, Долгоруковъ громкимъ голосомъ кричалъ монарху, чтобы отперъ дверь: Долгоруковъ и весь сенатъ пришли предложить его величеству дѣло чрезвычайной важности. Государь приблизился къ дверямъ, ничего не отвѣчая, и Долгоруковъ еще болѣе возвысилъ голосъ: «Дѣло это не терпитъ ни какой отсрочки;

отопри дверь,» кричалъ онъ, «и подай рѣшеніе; или мы принуждены будемъ дверь выломить и взять тебя насильно, если не хочешь лишиться престола и государства». Услышавъ слова эти, государь вышелъ изъ комнаты, изумился сначала, увидѣвъ передъ собою весь сенатъ; но, пришедъ въ себя, сказалъ: «Ну, за чѣмъ вы?» — «Отъ удивительнаго твоего отлученія,» отвѣчалъ Долгоруковъ, «и отъ твоей весьма продолжительной и ничему неполезной печали, предаваться которой ты, какъ государь, и права не имѣешь, все государство приходитъ въ замѣшательство; всѣ важныя дѣла остановились, успѣхи морской и сухопутной войны пресѣклись; побѣжденные столь часто враги получаютъ опять бодрость, и угрожаютъ государству паденіемъ, и еслибъ ты, уклоняясь отъ правленія, находился бы еще долѣе въ заключеніи, то твои государственные чины принуждены бы были разсуждать объ избраніи на твое мѣсто другаго государя». — Убѣжденный столь справедливымъ представленіемъ, Петръ далъ слово сенаторамъ разсѣять печаль свою, безропотно покорился волѣ Божіей и на другой день занялся дѣлами по прежнему.

За однимъ шумнымъ обѣдомъ, государь завелъ рѣчь о дѣлахъ царя родителя своего. Каждый изъ сидѣвшихъ за столомъ сообщалъ свои замѣчанія; наконецъ придворные нечувствительно склонили разговоръ къ сравненію дѣлъ Петра Великаго съ дѣяніями Алексѣя Михайловича и одинъ изъ нихъ, чтобъ польстить царствующему государю, началъ хвалить его, осуждая правленіе Алексѣя; даже самые знаменитые подвиги усопшаго монарха приписалъ Морозову и другимъ искуснымъ министрамъ того времени. Съ негодованіемъ Петръ внималъ словамъ царедворца: «Ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою» — сказалъ онъ ему — «болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу». И, вставъ съ своего мѣста, царь подошелъ къ Долгорукову, остановился за его стуломъ, и произнесъ: «Дядя, я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что

часто едва могу стерпѣть; но, какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно и благодарю. Нынѣ же тебя спрошу, и увѣренъ, что о дѣлахъ отца моего и моихъ скажешь правду нелицемѣрную».—«Изволь сѣсть», отвѣчалъ Долгоруковъ, «а я подумаю». Всѣ хранили молчаніе, которое, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, прервалъ Долгоруковъ, поглаживая длинные усы свои: «Государь! вопросъ твой нельзя кратко изъяснить, для того, что дѣла разныя: въ иномъ твой отецъ, а въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія нашего достоинъ. Главныя дѣла государей, по коимъ они отличаются, суть три: первое, внутренняя расправа, важнѣйшее занятіе ваше, ибо отъ него проистекаетъ правосудіе. Въ этомъ отецъ твой больше сдѣлалъ, нежели ты: онъ далъ намъ уложеніе, по коему и нынѣ мы судимся; но когда и ты о семъ прилежать будешь: то, можетъ быть, и превзойдешь его, и пора уже тебѣ о томъ и думать. Второе, военныя дѣла: отецъ твой много чрезъ нихъ хвалы удостоился, и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устроеніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ; но по немъ несмысленные почти всѣ его учрежденія такъ раззорили, что ты, почитай, все вновь дѣлалъ, и въ лучшее состояніе привелъ; однакожъ, я, много думая о томъ, еще не знаю, кого болѣе хвалить? По конецъ войны твоея прямо намъ то покажетъ. Третье: въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными, ты далеко большую пользу государству, и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ, и все сіе самъ, надѣюсь, за правду примешь. Чтожъ разсуждаютъ, будто бы государи каковыхъ министровъ, умныхъ или глупыхъ имѣютъ, таковы ихъ и дѣла; но я противно разумѣю: мудрый государь умѣетъ мудрыхъ и совѣтниковъ избирать и вѣрность ихъ наблюдать. И такъ у мудраго государя не могутъ быть глупые министры; понеже онъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отъ неправыхъ и вредныхъ различить можетъ». — «Благій рабе и вѣр-

ный!» произнесъ тогда Петръ Великій, обнимая Долгорукова; «въ малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю».

Завистники и враги Долгорукова, а онъ за правоту свою имѣлъ ихъ не мало, старались очернить его въ глазахъ государя: но онъ терпѣливо сносилъ ихъ гоненія, и отомщалъ имъ самымъ чувствительнымъ образомъ—своими дѣлами. Тотъ не былъ великъ, кто не вооружалъ противъ себя зависти! Однакожъ, отдавая всю должную справедливость Долгорукову, нельзя умолчать о томъ, что онъ, незадолго до кончины своей, отягченный старостью, (онъ умеръ 81-го года отъ рожденія), и болѣзнями, которыя за годъ до смерти начали удручать его, имѣлъ неосторожность подписывать иногда дѣла, не читая ихъ, лежа въ постелѣ, и полагаясь на своихъ товарищей. Такимъ образомъ утвердилъ онъ и неправильное опредѣленіе сената по тяжбѣ корабельнаго мастера Гурьева съ однимъ вельможею. Петръ Великій, вникнувъ въ существо дѣла, взялъ сторону праваго и написалъ на просьбѣ его: «Поелику по законамъ положена смерть тому, кто неправо бить челомъ будетъ на сенатъ; то разумѣется, что и сенаторы подвергаются той же казни за неправое рѣшеніе, отъ которой и я не могу ихъ избавить, если не проститъ ихъ Гуръ Гурьевъ». Тяжко было Долгорукову чувствовать себя въ первый разъ въ жизни виноватымъ: сильно выговаривалъ онъ товарищамъ за неосмотрительность, пристрастіе ихъ, хулилъ свое легкомысліе и принужденъ былъ, со всѣми сенаторами, униженно просить прощенія у корабельнаго мастера. «Счастливы вы»—сказалъ имъ Петръ—«что попали на добраго человѣка, а то я показалъ бы вамъ, какъ должно поступать съ тѣми, которые, вмѣсто того, чтобы быть примѣромъ правосудія, сами его нарушаютъ».

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ скончался въ С.-Петербургѣ, 24-го іюня 1720 года, на восемьдесятъ второмъ году, отъ рожденія.

Онъ былъ роста высокаго; имѣлъ лице полное и нѣсколько

продолговатое; глаза черные, огненные; волосы, въ молодыхъ лѣтахъ, темнорусые, а въ старости значительно побѣлѣвшіе; носилъ большіе, густые усы, придававшіе ему видъ грозный и мужественный; имѣлъ станъ стройный, величественный; сложеніе тѣла крѣпкое. Отъ природы чрезвычайно вспыльчивый, Долгоруковъ говорилъ о Петрѣ Великомъ: «Онъ горячъ, а я горячѣе его». Съ храбростію соединялъ необыкновенное присутствіе духа; обращался съ подчиненными, какъ съ друзьями; не зналъ низкой лести; забывалъ обиды и твердилъ безпрестанно: «Любить царя, любить отечество; царю правда лучшій слуга; служить, такъ не картавить; картавить, такъ не служить».

У князя Якова Ѳедоровича былъ меньшій братъ, князь *Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ*, который родился около 1656 года. Посвятивъ себя, въ молодыхъ лѣтахъ, придворной службѣ, онъ, въ званіи комнатнаго стольника царя Ѳедора Алексѣевича (1682 году), подписалъ важный актъ объ уничтоженіи мѣстничества. Юный Петръ полюбилъ его за расторопность и природный умъ, и прямо пожаловалъ капитаномъ гвардіи преображенскаго полка, при самомъ учрежденіи этого полка. Въ этомъ чинѣ, Долгоруковъ участвовалъ (1695 году) въ первомъ азовскомъ походѣ; но потомъ, съ бо́льшимъ блескомъ, выступилъ на дипломатическое поприще, будучи уже генералъ-адъютантомъ мудраго преобразователя Россіи. Поприще это Григорій Долгоруковъ проходилъ съ большою пользою для отечества.

Князь Григорій Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ Варшавы (въ апрѣлѣ 1721 года), оставивъ свою должность посланника сыну своему, князю Сергѣю Григорьевичу. Императоръ повелѣлъ заслуженному старцу присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, какъ будто желая замѣнить имъ славнаго брата его, похищеннаго за годъ предъ тѣмъ смертію. Но князь Григорій Ѳедоровичъ, вѣрный исполнитель велѣній монарха, неусыпный стражъ въ сопредѣльномъ государствѣ, волнуемомъ внутренними

раздорами, дѣлами своими возстановившій противъ себя многихъ вельможъ польскихъ и самого короля, не снискалъ однако въ сенатѣ славы, увѣнчавшей его долговременное служеніе внѣ отечества. Онъ скончался скоропостижно въ С.-Петербургѣ, 15-го августа 1723 года, на шестьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія. Петръ Великій почтилъ присутствіемъ своимъ погребеніе вѣрнаго подданнаго, съ слезами на глазахъ поцѣловалъ оледенѣвшій трупъ его, и своими руками наложилъ крышку на гробницу, опущенную потомъ въ землю въ Александро-невскомъ монастырѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СУВОРОВЪ,

князь италійскій, графъ рымникскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ

(1729 — 1800).

Суворовъ родился въ 1729 году, 15-го ноября. Отецъ его, Василій Ивановичъ, былъ крестникомъ Петра Великаго, служилъ при немъ въ гвардіи и дослужился до капитанскаго чина; потомъ занималъ различныя должности по гражданской части и по военному вѣдомству, и, въ чинѣ бригадира, удалился въ свое помѣстье, находившееся въ Новгородской губерніи, въ Боровицкомъ уѣздѣ. Василій Ивановичъ, поступивъ вторично на службу, умеръ въ чинѣ генералъ-аншефа, при императрицѣ Екатеринѣ II, когда сынъ его, Александръ, проявилъ уже себя замѣчательнымъ военнымъ человѣкомъ.

Однажды, когда Василій Ивановичъ сидѣлъ на балконѣ своего деревенскаго дома, въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестерикомъ. Въ коляскѣ, болѣе похожей на нынѣшнюю ревельскую фуру или на уродливый тарантасъ, сидѣлъ господинъ особенной наружности: лице его, все черное какъ у негровъ, съ широкимъ носомъ и алыми губами, выказывав-

шими рядъ поразительнобѣлыхъ зубовъ, дышало умомъ, твердостiю и веселостiю. На курчавой, слегка напудренной, головѣ его былъ красный генеральскiй картузъ съ золотымъ галуномъ и витушкою. На этомъ генералѣ былъ длинный зеленый сюртукъ, очень широкiй, подбитый весь краснымъ сукномъ и красныя полы котораго были загнуты съ обѣихъ сторонъ, застегнутыя мѣдными пуговками; на ногахъ у него были кожанные штиблеты съ высокими крагами, и застегнуты также рядомъ мелкихъ мѣдныхъ пуговицъ. Въ этомъ прiѣзжемъ, Василiй Ивановичъ узналъ друга своего и товарища юности, генерала Ганнибала*), который кричалъ ему: «Радуйся, любезный другъ, радуйся! Я привезъ тебѣ такую вѣсть, отъ которой ты помолодѣешь тридцатью годами.»

Василiй Ивановичъ Суворовъ пустился бѣжать по лѣстницѣ, а Ганнибалъ, словно молодой мальчикъ, выскочилъ изъ коляски. Они забыли о своихъ лѣтахъ! Въ сѣняхъ Ганнибалъ бросился въ объятiя стараго товарища, и сказалъ: «Поздравляю! На престолѣ дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна»!

Тутъ Ганнибалъ сообщилъ новость о возшествiи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. «Я никогда не видалъ такого восторга, какой былъ въ Петербургѣ, когда въ городѣ узнали объ этомъ великомъ событiи, и когда государыня показалась на балконѣ, передъ войскомъ и народомъ. Молодые ожили надеждою на новую славу Россiи; старики плакали. Я самъ зарыдалъ, когда государыня допустила меня къ рукѣ и сказала: «Служи же мнѣ, какъ служилъ отцу моему!»

---

*) Генералъ Ганнибалъ былъ предокъ знаменитаго поэта Пушкина. Этотъ Ганнибалъ былъ негръ, который ребенкомъ былъ подаренъ Петру Великому, полюбившему его за умъ и способности. Негритенокъ получилъ блестящее для тогдашняго времени образованiе и въ послѣдствiи, отличаясь по службѣ, дослужился до генеральскаго чина. Онъ былъ женатъ на русской дворянкѣ, и отъ него-то произошла, по прямой линiи, родительница Пушкина, въ физiономiи котораго сохранились слѣды негритянскаго происхожденiя: курчавые волосы, смуглость кожи, широкiя, алыя губы, а въ правѣ необычайная живость и пылъ африканской крови.

— «Я столько же радъ, какъ и ты, воцаренію дочери Петра Великаго: но у меня, братецъ, на сердцѣ тяжкое горе, а на душѣ великая обязанность! Я старѣю и хочу приготовить для моего отечества вѣрнаго и покорнаго слугу.... хочу воспитать моего сына, какъ завѣщалъ намъ Великій Петръ....»

— «Хорошо, но гдѣ же тутъ горе?... Воспитывать ты можешь и на службѣ—вѣдь твоему Сашѣ только одиннадцатый годъ!» сказалъ Ганнибалъ.

— «Нѣтъ, братецъ, этого мальчика я не могу отдать въ чужія руки!» продолжалъ Василій Ивановичъ. «Я долженъ передѣлать его натуру — а за это, кромѣ отца, никто ни возьмется, да хотя бы кто и взялся—не успѣетъ. Онъ такого слабаго сложенія, что не могу пустить его въ военную службу, а онъ себѣ только этимъ и бредитъ! Въ дождь, въ слякоть, бѣжитъ ночью изъ дому, чтобъ промокнуть—и когда я начинаю его журить — онъ въ отвѣтъ: «солдатъ долженъ привыкать ко всему!» Другой игры и забавы нѣтъ у него, какъ только купаться, хотя бы въ заморозки, лазить по деревьямъ, по рвамъ, по ямамъ. «Когда поймаетъ хоть мужичью лошадь — скачетъ безъ сѣдла, пока и онъ и лошадь не выбьются изъ силъ. Всѣ въ домѣ и въ сосѣдствѣ прозвали его нелюдимомъ. Пріѣдутъ ко мнѣ гости—ни за что не заставишь его быть въ комнатахъ, а на другихъ дѣтей и смотрѣть не хочетъ, не только играть съ ними. Когда нельзя бѣгать, скакать на лошади, стрѣлять въ цѣль, плавать—онъ запрется въ комнатѣ, и, какъ червь, зароется въ свои книги. Оттуда ничѣмъ его не выманишь. Сидя за книгами, онъ ни думаетъ ни о снѣ, ни о ѣдѣ. Признаюсь этотъ мальчикъ мнѣ непостижимъ; онъ меня съ ума сводитъ!... Я боюсь за жизнь его, а еслибъ онъ и вынесъ эти добровольныя муки, то чего ждать въ свѣтѣ такому нелюдиму....»

— «Полно, полно, Василій Ивановичъ! Все, что ты мнѣ теперь говорилъ, право, мнѣ по сердцу. Еслибъ былъ теперь живъ нашъ батюшка, Петръ Алексѣевичъ, онъ бы за тебя

порадовался.... дай-ка я пойду къ Сашѣ, въ его свѣтелку, а ты останься здѣсь. Поговорю съ парнемъ — да и скажу тебѣ что думаю.»

Въ вышкѣ дома были четыре комнаты; двѣ занималъ малолѣтній Суворовъ съ дядькой своимъ, а двѣ учитель. Двери были не затворены, и Ганнибалъ вошелъ прямо въ комнаты. Одиннадцатилѣтній Суворовъ, мальчикъ худенькій, маленькій, тоненькій, что называется «субтильный», по нынѣшнему, одѣтый въ простую сѣрую куртку и, противъ обычая времени, когда всѣ носили длинные завитые волосы, довольно коротко остриженный, лежалъ на полу, на географическихъ картахъ, и, заглядывая въ книгу, отмѣчалъ карандашемъ на картѣ движенія войска въ кампанію знаменитаго Монтекукули, въ 1646 году, противъ шведовъ.

Ребенокъ до такой степени погруженъ былъ въ свои занятія, что не слыхалъ, какъ вошелъ Ганнибалъ. «Здравствуй, Саша!» сказалъ генералъ. Суворовъ поднялъ голову, и хотя не могъ не узнать Ганнибала, но только взглянулъ на него, и снова устремилъ глаза на карту. Ганнибалъ подошелъ ближе, наклонился, взглянулъ на карту, и, увидѣвъ отмѣтки карандашемъ, едва вѣрилъ глазамъ своимъ. «Чтожъ ты не здороваешься съ старымъ пріятелемъ, Александръ?» спросилъ Ганнибалъ. «Вижу, братъ, что мы съ тобою товарищи по ремеслу», примолвилъ онъ, улыбаясь. Мальчикъ всталъ, поцѣловалъ, по тогдашнему обычаю, черную руку, у друга своего отца, и стоялъ передъ нимъ въ замѣшательствѣ. — «Покажи, какія это у тебя книги, и что за бумаги на этомъ столѣ?» — Суворовъ сталъ показывать ему всѣ свои сокровища. — «Прекрасно!» сказалъ Ганнибалъ. «Жизни великихъ мужей — жизнь Александра Великаго, записки Цезаря, римская исторія.... Помилуй, братъ, Александръ, неужели ты это читаешь?» — «Все уже перечиталъ, дядюшка», отвѣчалъ Суворовъ. — «Этого я еще не видывалъ!» сказалъ Ганнибалъ: «въ твои лѣта, ваша братья-дворянчики сидятъ еще за буки-азъ-

ба, или, развѣся уши, слушаютъ сказки о Бовѣ—королевичѣ и Миликтрисѣ Кирбитьевнѣ! А кто для тебя чертилъ эти планы — аттаку крѣпости, сраженіе при Нарвѣ, полтавскую битву?» — «Я самъ, дядюшка,» отвѣчалъ маленькій Суворовъ, потупивъ глаза. Ганнибалъ положилъ руку на плечо необыкновеннаго ребенка, поцѣловалъ его въ лобъ, и сказалъ: «Еслибъ нашъ Великій Петръ Алексѣевичъ увидѣлъ твои работы и занятія, то, по своему обычаю, поцѣловалъ бы тебя въ голову, какъ я теперь цѣлую! Продолжай, другъ мой, не обращая вниманія на чужія рѣчи!...»

—»Но батюшка не любитъ моихъ занятій», сказалъ Суворовъ, сквозь слезы, «и не хочетъ, чтобъ я былъ военнымъ!»—«Съ батюшкой мы кое-какъ сладимъ», сказалъ Ганнибалъ, «я буду твоимъ заступникомъ». — Суворовъ въ восторгѣ бросился на шею старому генералу, сталъ цѣловать его руки, приговаривая: «Во всю жизнь не забуду.... вѣчно буду благодаренъ!....»

Возвратясь къ Василію Ивановичу, генералъ Ганнибалъ придвинулъ стулъ къ дивану, на которомъ сидѣлъ его пріятель, присѣлъ, и безмолвно смотрѣлъ ему въ глаза. «Ну что?»—сказалъ Василій Ивановичъ: «не говорилъ ли я тебѣ, что съ нимъ не справишься?» — «Любезный другъ, Василій Ивановичъ», отвѣчалъ наконецъ Ганнибалъ: «какъ отецъ — ты имѣешь полное право распоряжаться судьбою твоего сына, но, какъ умный человѣкъ, ты не долженъ стѣснять природныхъ его наклонностей, а, какъ вѣрный сынъ отечества и вѣрный слуга царскій, даже обязанъ способствовать развитію способностей своего сына, хотя бы ихъ направленіе было противно твоимъ видамъ и желаніямъ. Твой сынъ рожденъ.... великимъ полководцемъ!...»

— «Шутишь надо мною, что ли?» возразилъ Василій Ивановичъ, съ насильственною улыбкою, скрывая свою досаду.

— «Нѣтъ не шучу и не умѣю шутить тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ участи сына моего стараго друга и о спокойствіи

самаго отца! Сынъ твой въ одиннадцать лѣтъ отъ роду знаетъ болѣе, нежели многіе изъ нашихъ генераловъ. На твоемъ Александрѣ покоится благословеніе крестнаго твоего отца, великаго, безсмертнаго Петра, котораго Господь Богъ сотворилъ для пересозданія Россіи! Такимъ же образомъ открылся геній въ младенцѣ Петрѣ.... Умоляю тебя, любезный другъ, уступи безпрекословно судьбѣ, и позволь сыну твоему идти путемъ, начертаннымъ ему самимъ Создателемъ! Быть можетъ, твой сынъ назначенъ Богомъ исполнить то, что задумано Петромъ Великимъ, а именно утвердить Россію побѣдами, и укрѣпить необходимыми для ея спокойствія завоеваніями.... Поди и удостовѣрься, что твой Саша, просто.... чудо!....»

Василій Ивановичъ не отвѣчалъ ни слова, но захлопалъ въ ладоши. Явился слуга... «Позови Сашу,» сказалъ Василій Ивановичъ; всталъ съ своего мѣста, перешелъ въ залу и началъ расхаживать по ней изъ угла въ уголъ. Онъ былъ въ сильномъ волненіи духа, и отиралъ потъ съ лица. Ганнибалъ также перешелъ въ залу, и сѣлъ у окна.

Василій Ивановичъ остановился, увидѣвъ сына въ дверяхъ, и взглянулъ на него строго. «Ты одинъ сынъ у меня, Александръ», сказалъ отецъ почти дрожащимъ голосомъ; «на тебѣ основалъ я всю надежду мою къ поддержанію моего рода и имени....»

—«И не ошибаетесь, батюшка,» возразилъ ребенокъ. Старикъ горько взглянулъ на Ганнибала. Тотъ улыбался и качалъ головою.

— «Я представлялъ тебѣ всѣ опасности военной жизни, противной твоему слабому здоровью, но ты не слушаешь совѣтовъ отца, и упорствуешь.... Съ моимъ состояніемъ и при помощи моихъ пріятелей, я доставилъ бы тебѣ видное мѣсто въ гражданской службѣ, гдѣ ты могъ бы скоро отличиться....»

— «Я не могу нигдѣ служить, батюшка, какъ въ военной службѣ,» отвѣчалъ ребенокъ рѣшительно.

— «Ты не обдумалъ дѣла. Хотя ты еще очень молодъ, но весьма много теряешь въ военной службѣ. Еслибъ я назначалъ тебя для этого, то записалъ бы въ полкъ при рожденіи, и на семнадцатомъ году, явившись въ полкъ, ты былъ бы уже офицеромъ гвардіи и могъ бы выйти въ армію капитаномъ или секундъ-маіоромъ! Теперь тебѣ должно будетъ начинать съ солдата....»

— «Да я иначе и не хотѣлъ бы начинать службы, папенька! Я долженъ начать съ солдата, потому что хочу быть... фельдмаршаломъ!»

Старикъ всплеснулъ руками и отступилъ назадъ, а Ганнибалъ сказалъ: «Славно! Покойный государь, Петръ Алексѣевичъ, всегда говорилъ: худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ!»

— «Понимаешь ли ты, что говоришь, Александръ?» спросилъ отецъ.

— «Очень понимаю, батюшка! И первый въ свѣтѣ государь, Петръ Великій — началъ съ солдата.... Не согласитесь, батюшка, чтобъ я былъ фельдмаршаломъ — такъ зароете въ землю какимъ нибудь писцомъ!»

— «Василій Ивановичъ — благослови!» вскричалъ Ганнибалъ, вскочивъ съ мѣста.

— «Благословляю!» сказалъ старикъ, заливаясь слезами.

Ребенокъ бросился къ ногамъ отца.

Съ той минуты, какъ отецъ Суворова позволилъ мальчику вступить въ военную службу, онъ не мѣшалъ ему заниматься военными науками, и укрѣплять тѣло упражненіями, приличными воину. На тринадцатомъ году, Александръ Суворовъ, выдержавъ дома экзаменъ, въ присутствіи искусныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, которые удивлялись познаніямъ юноши, записался солдатомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ (въ 1742 году), и на слѣдующій годъ вступилъ въ дѣйствительную службу, не желая пользоваться позволеніемъ продолжать науки въ родительскомъ

домѣ. «У меня останется довольно времени», сказалъ юноша отцу: «пора учиться на практикѣ военному ремеслу!» Василій Ивановичъ также не хотѣлъ оставаться дома, и, по восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, вступилъ въ службу, въ чинѣ генералъ-маіора. Когда онъ находился по дѣламъ службы на польской границѣ, къ войску, собиравшемуся въ походъ, прибылъ куріеромъ капитанъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, командиръ той самой роты, въ которой Александръ Васильевичъ Суворовъ былъ уже фельдфебелемъ, послѣ двѣнадцати лѣтъ службы въ нижнихъ чинахъ. Разумѣется, что капитанъ навѣстилъ Василія Ивановича Суворова, бывшаго тогда уже генералъ-лейтенантомъ.

Капитанъ былъ человѣкъ извѣстный, по службѣ и по необыкновенному своему характеру. Истину онъ предпочиталъ всему и на его слова полагались начальники, товарищи и подчиненные. Василій Ивановичъ Суворовъ просилъ капитана, чтобъ онъ высказалъ чистосердечно свое мнѣніе о фельдфебелѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ. «Еслибъ мнѣ угрожали величайшія бѣдствія», сказалъ капитанъ, «то и въ такомъ случаѣ не солгалъ бы я ни предъ кѣмъ, потому что спасеніе души моей и честь мою поставляю выше всѣхъ благъ земныхъ. Вашему превосходительству честь имѣю доложить, что сынъ вашъ, по усердію къ службѣ, по знанію ея и по поведенію — былъ первымъ солдатомъ во всей гвардіи, первымъ капраломъ, первымъ сержантомъ и теперь считается первымъ фельдфебелемъ. Всегда ставили мы его въ примѣръ, и молодымъ дворянамъ, и сдаточнымъ, потому что сынъ вашъ не только не хочетъ отличаться отъ прочихъ солдатъ, но напрашивается на самыя трудныя обязанности службы. Большую часть времени проводитъ онъ съ солдатами въ казармахъ, и для того только имѣетъ свою вольную квартиру, чтобъ свободно и безпрепятственно занимается въ ней науками. Деньги, которые вы присылаете, издерживаетъ онъ только на помощь солдатамъ, на книги и на учителей, и съ усердіемъ посѣщаетъ

классы сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, въ часы преподаванія военныхъ наукъ. Никогда, подобно другимъ дворянамъ, не нанималъ онъ за себя, другихъ солдатъ или унтеръ-офицеровъ, на службу, а, напротивъ, охотно ходитъ въ караулъ за другихъ. Для него забава стоять на часахъ въ ненастье или въ жестокую стужу. Простую солдатскую пищу предпочитаетъ онъ всѣмъ лакомствамъ. Никогда не позволяетъ онъ солдатамъ, которые преданы ему душою, чистить своего ружья и аммуницію, называя ружье своею женою. Когда солдаты, которымъ онъ благодѣтельствуетъ, просятъ его позволить имъ сдѣлать, что нибудь для него угодное—онъ принимаетъ отъ нихъ одну жертву, а именно, чтобъ они для его забавы поучились фронту и военнымъ эволюціямъ—подъ его командой. Нѣсколько разъ заставалъ я его на такомъ ученьѣ, когда онъ, будучи еще рядовымъ, командовалъ нѣсколькими сотнями. Хотя это ученье было только родъ игры, но онъ занимался имъ съ такою важностію, какъ будто былъ полковымъ командиромъ, и требовалъ отъ солдатъ даже болѣе, нежели мы требуемъ на настоящемъ ученьѣ. У него одна страсть — служба, и одно наслажденіе—начальствовать надъ солдатами! Не было исправнѣе солдата, за то и не бывало взыскательнѣе унтеръ-офицера, какъ вашъ сынъ. Внѣ службѣ онъ съ солдатами какъ братъ, а по службѣ неумолимъ. У него всегда на языкѣ: дружба дружбой, а служба службой! При этомъ я долженъ доложить вашему превосходительству, что не только товарищи его, но и мы, начальники, почитаемъ его чудакомъ. Когда я спросилъ однажды у него, отчего онъ не водится ни съ однимъ изъ своихъ товарищей, но даже избѣгаетъ ихъ общества; онъ отвѣчалъ: «У меня много старыхъ друзей (тутъ онъ перечелъ имена знаменитыхъ писателей о военномъ искусствѣ). Старымъ друзьямъ грѣшно измѣнять для новыхъ....» Товарищи его, которыхъ онъ любитъ болѣе другихъ, сказывали мнѣ, что отъ него никакъ нельзя добиться толку, когда спрашиваютъ его мнѣнія о важныхъ лицахъ или

происшествіяхъ. Онъ отвѣчаетъ всегда шуткою, загадкою, и сказавъ: «учись»—прекращаетъ разговоръ.... Когда по просьбѣ вашего брата, я приказывалъ ему навѣщать родныхъ, которые жалуются, что никогда его не видятъ, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ нечего у нихъ научиться — а время дорого!»

— «Но, какъ вы думаете, что изъ него будетъ?» спросилъ отецъ.

— «По совѣсти, скажу, что, по моему мнѣнію, онъ будетъ отличнымъ офицеромъ.... если не убьютъ на войнѣ, потому что, судя по его характеру, онъ будетъ искать случая отличится, не смотря ни на какія опасности. Когда въ прошломъ году, онъ посланъ былъ куріеромъ въ Польшу и Германію, то, возвратясь, рѣшительно объявилъ, что не хочетъ ждать очереди къ производству по гвардіи, и что чины его на непріятельскихъ пушкахъ. Теперь, какъ вамъ извѣстно, онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ армію....» — «Да противу моего желанія, но онъ довелъ меня до того, что я не смѣю стѣснять его воли», сказалъ печально отецъ.

— «Признаюсь,» промолвилъ капитанъ, «что такого молодаго человѣка, или какъ мы называемъ его въ полку — чудака — мнѣ не случалось видѣть въ жизни!...»

— «И мнѣ также!» отвѣчалъ отецъ.

— «Не знаю, извѣстно-ли вамъ, какимъ образомъ государыня узнала его?...»

— «Нѣтъ, онъ никогда не пишетъ о себѣ,» отвѣчалъ отецъ, «и большая часть его писемъ въ такомъ родѣ». Онъ подалъ письмо, въ которомъ было только: «Здоровъ, служу и учусь. Александръ Суворовъ».

— «Однажды, когда онъ стоялъ на часахъ въ Монплезирѣ (въ Петергофѣ),» сказалъ капитанъ, «государыня Елисавета Петровна подошла къ морскому берегу. Вашъ сынъ отдалъ ей честь. Государыня спросила: какъ его зовутъ? и узнавъ, кто онъ, пожаловала ему рубль серебромъ. «Всемилостивѣйшая государыня!» сказалъ вашъ сынъ: «законъ запрещаетъ сол-

дату принимать деньги, стоя на часахъ». — «Ай, молодецъ!» сказала государыня, потрепавъ его по щекѣ и давъ ему поцѣловать свою руку: «ты знаешь службу. Я положу деньги на землю — возьми, когда смѣнишься.» На другой день приказано было произвести вашего сына въ капралы, не въ очередь, и съ тѣхъ поръ государыня всегда съ нимъ здоровается, когда встрѣтитъ на службѣ.»

— «Что онъ знаетъ службу, и не отступитъ ни за что отъ ея правилъ, въ этомъ я увѣренъ», отвѣчалъ отецъ. — «Да будетъ воля Господня!» промолвилъ онъ уныло, «а ужъ мой Александръ вѣрно сдѣлаетъ въ жизни своей что нибудь необыкновенное. Теперь и я вѣрю, что онъ не изъ простаго десятка....»

— «Въ этомъ никто у насъ не сомнѣвается», сказалъ капитанъ, «что изъ этого чудака выйдетъ что нибудь чудное!»

Суворовъ былъ назначенъ, въ 1761 году, въ передовой отрядъ. Тутъ уже онъ является подполковникомъ, командующимъ кавалерійскими полками.

Въ юныхъ лѣтахъ и, въ незначительныхъ чинахъ, маіора и подполковника арміи *), онъ совершалъ чудные подвиги необыкновенной храбрости и истинной воинской распорядительности. Но при этомъ онъ отличался необыкновенною любовью къ человѣчеству, и, благодаря этому высокому чувству, солдаты его обожали.

Въ 1762 году, когда взошла на престолъ императрица Екатерина II, подполковникъ Александръ Суворовъ посланъ былъ въ Петербургъ, отъ тогдашняго генералъ-губернатора кёнигсбергскаго, Панина, съ донесеніемъ императрицѣ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Пруссіи. Суворовъ зналъ Екатерину, украшавшую дворъ русскій своимъ необыкновеннымъ умомъ, величественною красотою, плѣнительнымъ об-

*) Въ то время сержантъ гвардіи, какимъ былъ Суворовъ въ семеновскомъ полку, равнялся капитану арміи.

хожденіемъ, уже пріобрѣтшую любовь народа и привязанность войска, но въ первый разъ онъ увидѣлъ ее императрицею Россіи. Можетъ быть, когда онъ почтительно предсталъ съ донесеніемъ, мудрая царица увидѣла въ немъ будущаго героя и полководца, слушая отчеты его о событіяхъ въ Пруссіи. Она тотчасъ пожаловала его чиномъ полковника арміи, назначила командиромъ астраханскаго пѣхотнаго полка, и оставила въ Петербургѣ съ особыми порученіями, когда отправилась въ Москву на коронацію. Ему тогда было 33 года отъ роду.

Тихо и мирно началось царствованіе Екатерины. Казалось, она обдумывала обширныя предпріятія, таившіяся въ душѣ ея. Но когда Румянцевы, Орловы, Рѣпнины, Потемкины являлись въ числѣ царедворцевъ блестящаго двора Екатерины, Суворовъ скрывался въ рядахъ простыхъ воиновъ. Шесть лѣтъ протекло послѣ окончанія прусской войны, и тогда только наступилъ новый періодъ въ жизни его.

Въ эти шесть лѣтъ Суворовъ начальствовалъ суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Полкъ этотъ, надъ которымъ онъ получилъ начальство, по возвращеніи императрицы изъ Москвы, состоялъ изъ тысячи слишкомъ человѣкъ. Онъ былъ расположенъ на квартирахъ въ городѣ Новой-Ладогѣ; тамъ жилъ и Суворовъ. Онъ явился въ Петербургъ, съ полкомъ своимъ на смотръ, осенью 1762 года. Екатерина сама смотрѣла полкъ Суворова, допустила офицеровъ къ рукѣ, пожаловала рядовымъ по рублю, и благодарила начальника за образцовую, примѣрную выправку солдатъ. Лѣтомъ 1765 года, передъ царскосельскимъ дворцомъ, стояло на бивакахъ и маневрировало 30,000 войска. Императрица командовала одною изъ дивизій, являясь передъ войсками на лихомъ конѣ, въ преображенскомъ, особенно шитомъ, щегольскомъ мундирѣ. Полкъ Суворова составлялъ прикрытіе императорской квартиры въ лагерѣ. Суворову поручены были на маневрахъ легкія войска.

Въ то время, когда Суворовъ былъ въ теченіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ полковымъ командиромъ, вотъ какое письмо послалъ одинъ изъ подчиненныхъ его офицеровъ къ прежнимъ товарищамъ по службѣ. Въ письмѣ этомъ заключается вся исторія первоначальной службы Суворова.

«Давно не писалъ я къ вамъ, и вы гнѣваетесь на меня, любезные товарищи и сослуживцы, что я оставилъ васъ и нашихъ храбрыхъ гренадеръ, и перешелъ въ пѣхотный полкъ, къ полковнику, котораго вы прозвали *чудакомъ!* Не удивляйтесь. Этотъ полковникъ таковъ, что какъ взглянетъ на человѣка съ солдатскимъ сердцемъ, то и покоритъ навѣкъ. Онъ и говоритъ, и ходитъ, и смотритъ, и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ не такъ, какъ другіе люди. Послѣдняя рубаха, послѣдній кусокъ хлѣба пополамъ съ нами! Ему ничего не надобно, говоритъ онъ, былъ бы солдатъ доволенъ. Лѣтомъ чуть свѣтъ ужъ на ногахъ. Вскочилъ съ соломы, которую онъ называетъ солдатскимъ пухомъ, помолился Богу, окатился холодною водою, что дѣлаетъ онъ и въ трескучіе морозы, и тотчасъ сборъ. — «На вахтпарадъ, братцы, на вахтпарадъ!» кричитъ онъ на встрѣчу солдатамъ.... «Смотрите, ужъ птички божьи поднялись, а намъ грѣшно не встрѣтить солнышка въ чистомъ полѣ!» Вы думаете, что нашъ вахтпарадъ то самое, что было у насъ? Какъ бы не такъ! Нашъ вахтпарадъ настоящая баталія! Полкъ и полковую артиллерію раздѣлитъ на двѣ части и давай сражаться. Сперва стрѣлки, потомъ аттака на пушки — карре противу кавалеріи, — а конецъ всему дѣлу вѣнецъ — въ штыки! Тутъ нашъ полковникъ самъ не свой. Шпага наголо — кричитъ: штыкъ въ полчеловѣка, ура, бей, коли, впередъ, бѣгомъ, наблюдай интервалы! и пустится во весь духъ, а мы за нимъ, и цѣлымъ фронтомъ — ура! ура! Наконецъ: «стой — спасибо братцы — побѣда — ступай домой!»

«Въ жилахъ нашего полковника течетъ не кровь, а пламя, и онъ такъ умѣетъ воспламенять всѣхъ, что самъ часто забываюсь, что я на ученьѣ и воображаю, что нахожусь въ дѣйствительномъ сраженіи. Громъ барабановъ, стрѣльба, крикъ,

бѣготня, пыль столбомъ, дымъ клубомъ — это нашъ вахтпарадъ!! и вообразите, что солдаты не только не скучаютъ этимъ ученьемъ, а рады ему. За быстрый натискъ и вѣрность въ движеніяхъ по чаркѣ водки, а когда недоволенъ ученьемъ, въ наказаніе не командуетъ въ штыки, и церемоніальнымъ маршомъ велитъ идти съ поля. Повѣрите ли, что мы боимся этого наказанія. Послѣ ученья, часовъ въ семь или въ восемь, а много въ девять, полковникъ нашъ обѣдаетъ. Кто приглашенъ изъ офицеровъ обѣдать — милость! Вы подумаете, вотъ тутъ-то пируха? Передъ обѣдомъ рюмка водки и солдатскій сухарь на закуску, солдатскія щи и каша, жаркое, какое случится, и баста. Питье — квасъ и вода, а для охотниковъ по рюмкѣ мадеры. Пожалуйста не воображайте, что это отъ скупости. Денегъ нашъ полковникъ не любитъ, и всегда отдаетъ на полкъ, но говоритъ: «если кто посвятилъ себя военному ремеслу, тотъ долженъ привыкать къ солдатской жизни, а роскошь мертвитъ мужество.» Послѣ обѣда, онъ отдыхаетъ, а тамъ, исправивъ полковыя дѣла, занимается книгами и планами, и такъ работаетъ до вечера. Тогда, вскочитъ на донскаго скакуна и пошелъ скакать во весь опоръ по полямъ и по оврагамъ. Передъ вечерней зарей ужинъ; при зарѣ вечерняя молитва и на боковую, на солому! Вотъ какую жизнь ведетъ нашъ полковникъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, сынъ богатаго отца, генералъ-лейтенанта! Нѣтъ у насъ ни баловъ, ни пирушекъ, ни попоекъ, а о картежной игрѣ, ни гугу! Сохрани Богъ! Да онъ, кажется, проглотилъ бы игрока и съ картами! Не можетъ слышать о нихъ!... Дай Богъ дождаться войны: ручаюсь, что нашъ полковникъ покажетъ себя. Я рѣшился служить при немъ, пока пуля или штыкъ непріятельскій насъ не разлучатъ. Онъ самъ выбралъ меня, и я командую его ротою. Когда вспоминаю о книгѣ: *Великіе полководцы*, которую я переводилъ въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, то мнѣ кажется, что мой полковникъ прибавитъ, современемъ, новую главу въ

этой книгѣ. Была бы война и умѣли бы только постигнуть его! Но у насъ царствуетъ Екатерина II, а взоръ ея проникаетъ въ сердца.

«Онъ привязалъ меня къ себѣ благородствомъ своего характера, великимъ умомъ, удивительнымъ добродушіемъ и чудными воинскими дарованіями. О храбрости и говорить нечего! Любя страстно военное ремесло, только у него могу и научиться, потому что убѣжденъ, что онъ созданъ для того, чтобы перевернуть вверхъ дномъ всю прежнюю теорію, и поставить тактику на степень, которая сродна русскому солдату. Суворовъ отлично меня жалуетъ и откровенно объясняетъ мнѣ свои виды, насчетъ воинскаго искусства. Все у него ново, все иначе какъ у другихъ....

«Въ послѣднюю кампанію, въ Пруссіи, изъ всѣхъ генераловъ и отрядныхъ начальниковъ, одинъ Суворовъ отличился до такой степени, что обратилъ на себя вниманіе не только нашей, но и непріятельской арміи. Всѣ признали его человѣкомъ необыкновеннымъ, и по храбрости, и по распорядительности, и по характеру.

«Суворовъ прибылъ въ армію вскорѣ послѣ взятія нами Кроссена (въ 1759 году), и былъ опредѣленъ въ главный штабъ старшимъ дежуръ-маіоромъ. Впервые познакомился онъ со смертью, какъ онъ говоритъ, въ сраженіи подъ Куннерсдорфомъ. Это было не сраженіе, а рѣзня. Король прусскій напалъ на насъ съ тѣмъ, чтобъ отмстить намъ за опустошеніе своихъ областей, и пруссаки поклялись, или умереть, или побѣдить, не давая намъ пардона. Признаюсь, плохо намъ было нѣсколько разъ! Пруссаки лезли, какъ слѣпые, на штыки и на пушки, и чудная ихъ конница нѣсколько разъ врубалась въ нашъ фронтъ и опрокидывала нашу конницу. Суворовъ, не имѣя ни какого отряда, появлялся вездѣ, гдѣ только была крайняя опасность. Не спрашивая, кто командуетъ полкомъ, что приказано дѣлать, онъ становился передъ фронтомъ, и велъ полки въ аттаку. Не могу распространяться о

всѣхъ подробностяхъ, хотя каждая отдѣльная стычка любопытна по своей особенности.

«Суворовъ, принявъ начальство надъ авангардомъ, объявилъ своимъ солдатамъ, что онъ не знаетъ что такое ретирада, усталость, голодъ и холодъ, и что для русскаго солдата нѣтъ средины между побѣдой и смертію. Въ нѣсколько недѣль Суворовъ превратилъ своихъ гусаръ, легкоконцевъ и казаковъ въ стаи орловъ и ястребовъ. Авангардъ не ходилъ, а леталъ. Тутъ Суворовъ сталъ учить офицеровъ своей тактикѣ въ трехъ словахъ: «господа, помните, что весь успѣхъ въ войнѣ составляетъ глазомѣръ, быстрота и натискъ!» И точно онъ лишь взглянетъ и знаетъ мѣсто, какъ будто тутъ родился; никогда не ждетъ нападенія непріятельскаго и когда столкнулъ съ поля, то ужъ насѣлъ такъ, что или умирай или сдавайся! Платенъ былъ нѣсколькими маршами впереди, когда фельдмаршалъ Бутурлинъ схватился и выслалъ за нимъ корпусъ генерала Берга. «Положитесь на меня, я одинъ все сдѣлаю,» сказалъ Суворовъ генералу Бергу, и, съ сотней казаковъ полка Туровѣрова, поскакалъ стороною, пробѣжалъ въ одну ночь шесть миль (42 версты) и къ разсвѣту очутился у стѣнъ Ландсберга, на Вартѣ, гдѣ Платенъ долженъ былъ перейти въ Польшу. Суворову доносятъ, что въ городѣ прусскіе гусары. «Тѣмъ лучше», отвѣчалъ онъ, «вѣдь мы ихъ ищемъ!» — «Не прикажите ли узнать, сколько ихъ здѣсь?» спросилъ адъютантъ генерала Берга. — «Не нужно», возразилъ Суворовъ, «мы пришли бить ихъ, а не считать,» — и тотчасъ во весь опоръ помчался къ воротамъ. Они заперты. «Ребята — ломай ворота». Ихъ тотчасъ выломили бревномъ, и Суворовъ ворвался, съ своими казаками, въ городъ, съ крикомъ и пальбою. Прусскіе гусары, не ожидая непріятеля, не приготовились къ защитѣ. Будучи впятеро сильнѣе, они сдались. Суворовъ разломалъ часть моста, другую часть сжегъ, и ускакалъ. Весь планъ Платена разстроился, и онъ повернулъ къ Кольбергу. Теперь уже узнали

Суворова, и ему дали отрядъ не по чину, а по достоинству. Съ тремя гусарскими и семью казачьими полками, отрядили Суворова безпокоить Платена на походѣ. Тутъ Платенъ узналъ настоящее значеніе слова: «безпокойства!» Днемъ и ночью суворовскіе казаки налетали на пруссаковъ со всѣхъ сторонъ, снимали пикеты, забирали разъѣзды и тревожили въ лагерѣ. Въ 35-ти верстахъ отъ Штаргарда, гдѣ была главная квартира генерала Берга, поручено было Суворову, съ кавалеріею, аттаковать пруссаковъ, у которыхъ, сверхъ отличной конницы, была пѣхота и артиллерія. Суворовъ, по обыкновенію, явился передъ непріятелемъ прежде, нежели онъ могъ узнать о его движеніи. Нашъ герой обошелъ лѣсомъ, по непроходимымъ тропинкамъ, и когда казаки вломились въ деревню, а полковникъ Медемъ, съ тверскими драгунами, врубился въ прусскую пѣхоту, Суворовъ изъ лѣсу ударилъ на лѣвый флангъ, смялъ его и погналъ въ болото. Тутъ онъ самъ едва не лишился жизни. Гонясь за бѣгущими, Суворовъ увязъ съ лошадью въ топкомъ мѣстѣ, и казаки насилу спасли его....

«Прусскій резервъ подоспѣлъ на помощь, но Суворовъ съ конницею удерживался на полѣ сраженія, пока не пришелъ Бергъ, который, видя невозможность сбить съ мѣста пруссаковъ, возвратился съ своимъ отрядомъ въ Штаргардъ, оставивъ Суворова въ аріергардѣ. Пруссаки вздумали принудить его отступить безъ боя, и выслали нѣсколько отрядовъ на высоты. Лишь только Суворовъ завидѣлъ непріятеля, тотчасъ бросился на него, смялъ, отнялъ двѣ пушки, и взялъ до сто человѣкъ въ плѣнъ. Удивляясь такой необыкновенной дерзости, пруссаки, будучи вдевятеро сильнѣе Суворова, окружили его, и требовали, чтобъ онъ сдался. Суворовъ приказалъ сказать прусскому генералу, что онъ этого слова не понимаетъ и, поставивъ плѣнныхъ между рядами, крикнулъ ура, и бросился на удивленнаго непріятеля, очищая путь саблею. По счастію подоспѣлъ къ Суворову, на помощь, храбрый полковникъ Текели, съ своимъ отрядомъ, и Суворовъ, вмѣ-

сто того, чтобъ воспользоваться этимъ, и отступить, уговорилъ Текели возобновить сраженіе. День этотъ стоилъ пруссакамъ 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными и 40 офицеровъ! Особенно любилъ Суворова генералъ Ферморъ. Суворовъ поѣхалъ къ нему, чтобъ уговорить его помочь генералу Бергу противу Платена, потому что у Берга не было ни пѣхоты, ни пушекъ. На пути Суворова застигла гроза, въ дремучемъ лѣсу, и на бѣду еще проводникъ бѣжалъ. Суворовъ остался въ неизвѣстномъ ему мѣстѣ, съ двумя казаками. Перекрестясь, онъ поскакалъ наудалую, и къ утру очутился въ виду прусскаго лагеря. Другой пустился бы бѣжать во всю прыть, а Суворовъ обрадовался этому случаю, высмотрѣлъ мѣстоположеніе, вычислилъ силы непріятеля, и спокойно поѣхалъ назадъ, прежнимъ путемъ. По счастію, онъ попалъ въ нашъ лагерь, бывшій только въ четырехъ верстахъ отъ прусскаго лагеря. Въ эту минуту русскіе готовились къ нападенію, и извѣстія, сообщенныя Суворовымъ, о позиціи непріятеля, были весьма кстати. Едва Суворовъ переодѣлся и пересѣлъ на другаго коня, войска двинулись съ мѣста. У непріятеля было, кромѣ отличной пѣхоты и артиллеріи, десять эскадроновъ лучшихъ прусскихъ гусаръ. Они отчаянно бросились на нашихъ гусаръ, смяли ихъ и обратили въ бѣгство. Русскіе конные гренадеры также не устояли. Все пришло въ замѣшательство, и весь нашъ отрядъ уже начиналъ отступать, какъ вдругъ появился Суворовъ. — «Стой, стой, куда вы, я здѣсь!» закричалъ онъ бѣгущимъ — и они остановились. — «Стройтесь!» — Всѣ послушны, какъ на ученьѣ. Суворовъ ведетъ ихъ самъ въ аттаку, врубается въ прусскую конницу, гонитъ ее, бьетъ, рубитъ безъ пощады, не взирая на картечный огонь и пули непріятельскаго карре — и, прогнавъ конницу съ поля, окружаетъ карре, угрожаетъ всѣхъ перерубить, и принуждаетъ къ сдачѣ.... Мало этого, завидѣвъ, что прусская кавалерія снова строится, онъ налетаетъ на нее, разбиваетъ, беретъ въ плѣнъ 800 человѣкъ нижнихъ

чиновъ и 40 офицеровъ, и освобождаетъ нашего полковника Фукера, взятаго въ плѣнъ при первой атакѣ. Ферморъ и всѣ генералы признали, что побѣда принадлежитъ одному Суворову....

«Графъ Платенъ не успѣлъ даже помочь своему авангарду, потому что Суворовъ разбилъ его прежде, чѣмъ онъ могъ подняться изъ лагеря. Приблизившись къ городу, наши начали стрѣльбу по городу, чтобъ выломать ворота. «Зачѣмъ напрасно терять время!» сказалъ Суворовъ, и повелъ, прямо къ стѣнамъ города, семь баталіоновъ гренадеръ и два баталіона мушкетеровъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ передъ фронтомъ, и шутилъ съ солдатами, подъ градомъ пуль, ядеръ и картечей: подъ нимъ убили лошадь; онъ сталъ передъ фронтомъ и пошелъ рядомъ со мною. Въ ста шагахъ отъ воротъ, Суворовъ скомандовалъ: «Бѣгомъ!» — И солдаты, и офицеры побѣжали за нимъ. При всѣхъ нашихъ усиліяхъ, мы, однакожъ, не могли выломить воротъ, а со стѣнъ осыпали насъ пулями.

«Пруссаки бросились на насъ со штыками, но наши уже отперли ворота и подоспѣли къ намъ на помощь. Тутъ начался рукопашный бой! Храбро защищались пруссаки, но не устояли. Большую часть ихъ мы перекололи; остальные пустились бѣжать за городъ, въ свой лагерь. Мы за ними. Суворовъ былъ впереди насъ всѣхъ, съ саблей. Мы бѣжали впередъ не оглядываясь, и не слышали, что съ тылу бьютъ отбой, а адъютанты кричатъ, чтобы воротились. Вдругъ раздались выстрѣлы съ непріятельской баттареи: Суворовъ упалъ передо мною! Я къ нему: картечь попала ему въ ногу. Многіе хотѣли нести Суворова на плечахъ; но онъ всталъ и пошелъ, опираясь на одного изъ адъютантовъ. Потомъ Суворовъ сѣлъ на камень и сталъ примачивать рану виномъ изъ солдатской фляжки. Генералы упрашивали Суворова ѣхать въ главную квартиру и вылечиться. — «На конѣ лучше, чѣмъ въ госпиталѣ», отвѣчалъ Суворовъ, и остался при своемъ отрядѣ.

«Почти каждый день въ то время происходили стычки, въ которыхъ Суворовъ всегда отличался какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ. Такъ, напримѣръ, напавъ съ конницею на прусскій отрядъ, занимавшій деревню Нейгартенъ, онъ прорубился сквозь фронтъ прусскихъ драгунъ, напалъ на пѣхоту, смѣшалъ ее, перебилъ и взялъ въ плѣнъ множество людей, и чуть самъ не заплатилъ жизнію за свою пылкость. Подъ нимъ убили лошадь и въ лежащаго начали стрѣлять изъ оконъ и съ кровель. Съ трудомъ вытащили его изъ подъ лошади, посадили на другую, и насильно увлекли за деревню.

«Въ арміи тогда было только и рѣчей, что о Суворовѣ. Солдаты полюбили его, какъ отца, а начальники сознались, что онъ оказалъ необыкновенныя дарованія. Не было въ арміи человѣка, который не зналъ бы подполковника Суворова, когда большая часть не знала даже старыхъ генераловъ. Особенно отличали Суворова графъ Румянцевъ, графъ Панинъ и генералъ Ферморъ. По заключеніи мира, въ маѣ, графъ Панинъ, въ награду, за отличіе, послалъ Суворова къ императрицѣ, съ донесеніемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Пруссіи, а графъ Румянцевъ далъ ему еще отдѣльную рекомендацію. Государыня приняла Суворова чрезвычайно милостиво, и тотчасъ произвела въ полковники».

Разсказывать жизнь Суворова, значитъ разсказывать исторію значительнѣйшихъ войнъ, какими прославилась Россія. Пройдемъ молчаніемъ всѣ ходы Суворова по службѣ, всѣ его блистательныя военныя дѣйствія; будемъ искать въ немъ не столько полководца, сколько человѣка; представимъ, преимущественно, рядъ дѣйствій Суворова-человѣка и гражданина, потому что, какъ примѣромъ своимъ доказывалъ Суворовъ, можно и должно быть гражданиномъ не только среди мирныхъ занятій, но и на поприщѣ военномъ, среди боевой жизни, при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, при оглушительныхъ крикахъ, при страшномъ погромѣ. Да, и

тутъ истинный герой, другъ солдата и другъ человѣчества, проникнутый чувствомъ святой любви къ человѣчеству, будетъ умѣть проявить свои чисто гражданскія доблести, какими и отличался Суворовъ, почему и сообщимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ такого рода черты изъ жизни знаменитаго соотечественника.

Императрица Екатерина II, при личномъ ознакомленіи съ Суворовымъ, тотчасъ отличила его среди другихъ. Замѣшанный среди офицеровъ, Суворовъ томился мыслію о чести, о славѣ, провидѣлъ отдаленную цѣль своего бытія, но какъ онъ могъ разрушить очарованную преграду, отдѣлявшую его отъ высокихъ почестей, не отличенный ни знатнымъ родомъ, ни внѣшнимъ видомъ? Умомъ гибкимъ и обширнымъ, Суворовъ понялъ, что прежде всего надо было дать замѣтить себя. Онъ зналъ сердце человѣческое, зналъ, что странности Діогена замѣтили всѣ, когда о мудрости Сократа мало кто подумалъ. Храбрыхъ и умныхъ полковниковъ было много; оригиналовъ по характеру не было. Игра была опасная, но Суворовъ надѣялся поддержать ее. И, мало по малу, развилъ онъ принятый имъ на себя характеръ, отличавшій его чудною оригинальностію среди всѣхъ его товарищей.

Строгій, исполнительный по дѣламъ службы, онъ усилилъ свое нелюдимство, и прибавилъ къ нему много странностей. Въ разговорѣ, на письмѣ, въ движеніяхъ, въ самой походкѣ, отвергъ онъ условныя приличія, не нарушая только законовъ вѣжливости, показывая въ то же время необыкновенный умъ и высокое образованіе, своими оригинальными выходками. Онъ ходилъ, припрыгивая, говорилъ отрывисто, вмѣшивалъ въ рѣчи свои поговорки и пословицы, высказывалъ правду въ глаза; притворялся, что не терпитъ зеркалъ, боясь въ нихъ увидѣть себя; иногда странно кривлялся и посмѣивался, слушая другихъ; молчалъ, когда всѣ ожидали его рѣчей; начиналъ говорить умно, краснорѣчиво, вдругъ останавливался, смѣялся и убѣгалъ, прыгая на одной ногѣ. Онъ повелъ осо-

бедный родъ жизни; отказался отъ всякихъ предметовъ роскоши, спалъ на сѣнѣ, ходилъ зимою безъ шубы, ѣлъ простую, грубую пищу, отрекся отъ свѣтскихъ обществъ, проводилъ время съ своими солдатами и офицерами. Жители Ладоги показываютъ церковь, гдѣ онъ читалъ апостола за обѣднею и пѣлъ на крылосѣ. Иногда онъ принималъ на себя должность школьнаго учителя, собиралъ солдатскихъ дѣтей, самъ училъ ихъ, сочинилъ для нихъ молитвенникъ, катихизисъ, руководство къ ариометикѣ, шумѣлъ, спорилъ, игралъ съ ними. Обращеніе его съ солдатами, самый образъ ученія солдатскаго были у него особенные. Первое требованіе его отъ подчиненнаго было немедленный отвѣтъ на всякій, даже самый странный, нелѣпый вопросъ. Слово: «не знаю», возбуждало гнѣвъ Суворова. Онъ притворялся разсерженнымъ, кричалъ, бранился, топалъ ногами. Сверхъ обыкновеннаго воинскаго ученія изобрѣталъ онъ свои особенныя упражненія, гдѣ можно было показать силу, ловкость, отвагу. Такъ, идя съ полкомъ изъ Ладоги въ Петербургъ, мимо какого-то монастыря, онъ неожиданно скомандовалъ: «на штурмъ!» и полкъ его бросился на монастырскія стѣны. Солдаты взобрались на стѣны съ крикомъ: «ура!» — Суворовъ извинился передъ испуганнымъ настоятелемъ, объяснивъ, что онъ учитъ солдатъ своихъ. Императрицѣ донесли о поступкѣ Суворова. Она улыбнулась и сказала: — «Не трогьте его; я знаю». Иногда Суворовъ проводилъ цѣлые дни съ солдатами на полѣ, въ маршахъ, въ переходахъ. Училъ ихъ ружью среди морозовъ и жаровъ, тревожилъ и внезапно выводилъ ночью, переправляясь съ ними вплавь черезъ рѣки. Если прежде замѣчали въ немъ странности, то роль, принятая Суворовымъ, скоро доставила ему имя *чудака.* Начальники и товарищи не понимали его. Иные говорили даже, что онъ дурачится. Но за странности характера и обращеніе взыскивать было нельзя, если чудакъ былъ образцомъ по службѣ, а клеветы Суворовъ не боялся. Онъ видѣлъ, что Екатерина улыбается, и понялъ,

что онъ достигъ своей цѣли, если она поняла его, а другіе не боялись, и оставляли его въ покоѣ. «Тотъ еще не уменъ, о комъ разсказываютъ, что онъ уменъ», говаривалъ Суворовъ.

Въ 1768 году генералъ Нумерсъ былъ посланъ въ Польшу, на помощь находившемуся тамъ съ войскомъ генералу Веймарну. Въ числѣ пѣхотныхъ полковъ этого отряда былъ и суздальскій пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ Суворовъ, произведенный тогда въ бригадиры, т. е. въ командиры двухъ полковъ. Походъ Суворова, изъ Ладоги до Смоленска, совершенъ былъ глубокою осенію 1768 года. Въ мѣсяцъ прошелъ онъ болѣе тысячи верстъ. Весною 1769 года Нумерсъ перешелъ къ Оршѣ. Суворовъ былъ у него въ авангардѣ. Оробѣвшій Веймарнъ звалъ къ себѣ Суворова, столь извѣстнаго наѣздами въ прусскую войну, и первый шагъ Суворова показалъ, что молва о его смѣлости и отвагѣ была справедлива: онъ посадилъ пѣхоту и конницу на телѣги, ведя лошадей свободными, и въ двѣнадцать дней достигъ Праги, проскакавъ 700 верстъ безъ отдыха, мимоходомъ усмиривъ подъ Брестомъ конфедератовъ, единственно быстротою движенія. Они собрали два полка, и вовсе не ожидали русскихъ, когда Суворовъ явился, окружилъ квартиры ихъ, и заставилъ распустить набранное войско. Захваченные въ расплохъ, конфедераты поневолѣ повиновались. Но Веймарнъ со страхомъ извѣстилъ Суворова, что Варшава готова возстать, что заговорщики ждутъ корпуса Котелуповскаго, состоящаго изъ 8,000 человѣкъ, и идущаго къ Варшавѣ. Суворовъ не вѣрилъ преувеличеннымъ слухамъ, и просилъ позволенія идти немедленно съ легкимъ отрядомъ. Въ семи верстахъ отъ Варшавы, увидѣлъ онъ на правомъ берегу польскихъ всадниковъ, переправился въ бродъ черезъ рѣку, напалъ на нихъ, разогналъ ихъ и доказалъ справедливость своей недовѣрчивости. Весь отрядъ Котелуповскаго состоялъ изъ 400 человѣкъ и немедленно разсѣялся. Уничтоживъ предпріятіе Котелуповскаго, Суворовъ узналъ о сборѣ въ Литвѣ Пулавскихъ, соединившихся около Бреста. Поспѣш-

нымъ набѣгомъ налетѣлъ онъ на конфедератовъ, пробрался по болоту въ лѣсъ, гдѣ они находились, бросился на двѣ пушки, которыми защищали себя конфедераты, сбилъ ихъ и сталъ карреемъ, не боясь, что конница окружила его со всѣхъ сторонъ. «Мы отрѣзаны!» вскричалъ дежурный маіоръ. Суворовъ велѣлъ арестовать его, и картечью охолодилъ жаркое нападеніе поляковъ. Четыре аттаки были безуспѣшны. Францъ Пулавскій былъ убитъ. Поляки смѣшались. Тогда ударъ въ штыки рѣшилъ дѣло. Поляки держались еще въ ближней деревнѣ. Русскіе зажгли ее, очистили штыками, и конфедераты бѣжали, преслѣдуемые драгунами. Одобряя смѣлыя дѣйствія Суворова, Екатерина пожаловала его въ генералъ-маіоры, января 1-го 1770 года.

Суворовъ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ войнѣ конфедератской. Онъ составилъ планъ своихъ дѣйствій, и три года слѣдовалъ ему. Онъ понималъ, что всего важнѣе было не допускать соединенія конфедератовъ: надобно было предупреждать ихъ, падая на нихъ, «какъ снѣгъ на голову», по русской пословицѣ. Всѣ правила этой войны заключались въ словахъ: взглядъ, быстрота, натискъ. Суворовъ занялъ Люблинъ, городъ между Вислою и Бугомъ, почти въ равномъ разстояніи отъ Варшавы, Бреста и Кракова, и учредилъ въ немъ свою главную квартиру. Отсюда могъ онъ наблюдать движенія въ Польшѣ, за Вислою и въ Литвѣ. Онъ старался имѣть вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ движеніяхъ конфедератовъ. Города занимали русскіе гарнизоны. При первомъ сборѣ поляковъ, Суворовъ летѣлъ съ своимъ отрядомъ, и неожиданнымъ ударомъ разсѣевалъ сборище, удаляясь, по возможности, отъ кровопролитія, захватывая только оружіе и распуская набранныя конфедератами дружины.

Конфедераты не могли предпринять ничего важнаго при неутомимой дѣятельности Суворова. Въ апрѣлѣ онъ разбилъ отрядъ Мошинскаго при Клементовѣ, обыкновеннымъ маневромъ своимъ, быстрымъ походомъ и ударомъ въ штыки на

баттарею изъ шести пушекъ, которыя были у конфедератовъ. Мошинскій успѣлъ снова собраться близъ Опатова. Суворовъ неусыпно преслѣдовалъ его и разбилъ вторично. Несчастный случай едва не погубилъ Суворова послѣ этой битвы: спѣша вскочить на паромъ, при переправѣ черезъ Вислу, онъ упалъ, ударился грудью о паромъ, лишился чувствъ, и свалился въ воду. Одинъ изъ гренадеровъ бросился въ рѣку и спасъ его. Три мѣсяца Суворовъ былъ болѣнъ. Екатерина прислала ему орденъ св. Анны, съ 1762 года причисленный къ орденамъ россійскимъ, и имѣвшій тогда только одну степень, красную ленту со звѣздою.

Едва оправившись отъ болѣзни, Суворовъ перешелъ, подъ Сандомиромъ, Вислу, съ 4 ротами пѣхоты, 3 эскадронами карабинеровъ, сотнею козаковъ и нѣсколькими пушками. Исчисляемъ количество войска, дабы показать, съ какими малыми силами дѣйствовалъ Суворовъ. Онъ немедленно разбилъ отрядъ Шуца. Пользуясь отступленіемъ Суворова, непріятель напалъ на Люблинъ. Суворовъ обратился туда. Дорогою захватилъ онъ конфедератовъ въ Казимиржѣ. Здѣсь, когда русскіе очищали улицы отъ бѣгущихъ конфедератовъ, Суворовъ увидѣлъ отрядъ, передавшихся полякамъ, казаковъ мятежника Саввы, укрывшійся въ обширномъ сараѣ Онъ подъѣхалъ одинъ къ сараю, и предложилъ имъ сдаться. Непріятели не смѣли противиться и сдались. Люблинъ былъ освобожденъ, но Пулавскій и Савва осадили Красникъ. Когда появленіе Суворова заставило ихъ отступать, генералъ Веймарнъ былъ отрѣзанъ и окруженъ въ Краковѣ. Суворовъ спѣшилъ на выручку. Конфедераты остановили его на рѣкѣ Дунайцѣ. Онъ велѣлъ очистить переправу пушками; первый бросился черезъ рѣку въ бродъ: гренадеры шли за нимъ, по поясъ въ водѣ. Непріятель бѣжалъ. Суворовъ разбилъ отрядъ поляковъ у Велички и взялъ приступомъ редутъ непріятельскій подъ Тенецомъ. Подъ Ландскроною ждали его соединенныя силы конфедератовъ, числомъ болѣе пяти тысячъ. Дюмурье былъ тутъ

съ своимъ отрядомъ французовъ. Быстрое нападеніе Суворова смяло непріятеля. Русскіе отняли двѣ пушки, гнали конфедератовъ до силезской границы и разрушили главное убѣжище ихъ въ Бялой. Сапѣга и Оржевскій пали въ битвѣ. Мошинскій и Лассоцкій, другъ генерала Дюмурье, попались въ плѣнъ. Дюмурье потерялъ надежду поддержать возстаніе, оставилъ Польшу и отправился во Францію. Краковъ былъ освобожденъ. Пулавскій, не успѣвши соединиться съ товарищами подъ Ландскроною, бросился въ Замосць и овладѣлъ этою крѣпостью. Суворовъ шелъ по слѣдамъ его. Съ 2,000 человѣкъ Пулавскій хотѣлъ удержать русскихъ, но не успѣлъ даже построить рядовъ своихъ, —такъ быстро напалъ на него Суворовъ. Пока Пулавскій бѣжалъ разбитый, Суворовъ обратился къ Краснику и уничтожилъ отрядъ Новицкаго. Вся Польша завислянская была очищена. Часть конфедератовъ ушла за границу, другая укрылась въ Литву, подкрѣпляя Огинскаго, усиленнаго приходомъ Коссаковскаго, съ полкомъ черныхъ гусаровъ, отборною дружиною, названною «вольными братьями». Войско Огинскаго возросло до 5,000 человѣкъ, у него было двѣнадцать пушекъ. Онъ обнародовалъ въ Пинскѣ манифестъ, захватилъ въ плѣнъ русскій баталіонъ и не боялся посланныхъ противъ него русскихъ войскъ. Отвсюду сходились сюда конфедераты. Суворовъ не медлилъ. Съ тысячью человѣкъ войска поскакалъ онъ въ Литву изъ Люблина, и черезъ четыре дня былъ въ Слонимѣ, проѣхавши болѣе 200 верстъ. Тамъ собралъ онъ до 700 человѣкъ изъ разныхъ отрядовъ, потому что у него оставалось не болѣе 200 изъ собственнаго отряда; всѣ другіе оставлены были на пути, изнеможенные усталостію. Суворовъ не зналъ утомленія. Слыша, что Огинскій укрѣпился подъ мѣстечкомъ Сталовичами, ночью прошелъ Суворовъ по лѣсамъ и болотамъ, зашелъ въ тылъ Огинскому, ударилъ внезапно, съ крикомъ: «ура!» и разсѣялъ нежда́вшаго нападенія, изумленнаго непріятеля. Въ безпорядкѣ бросились конфедераты къ Сталовичамъ. Русскіе ворвались туда

вслѣдъ за ними. Здѣсь вновь едва не погибъ Суворовъ. Было такъ темно, что, не разглядѣвъ хорошо, онъ обратился съ приказомъ къ арнауту, изъ свиты Огинскаго, скакавшему по улицѣ. Почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него арнаутъ, но не попалъ. Въ Сталовичахъ нашли захваченный Огинскимъ русскій баталіонъ, вооружили его отнятымъ у поляковъ оружіемъ, и Суворовъ спѣшилъ догнать непріятеля. Пробѣжавъ черезъ мѣстечко, поляки выстроились на открытомъ полѣ. Началась битва. Никогда прежде не дрались конфедераты столь упорно и отчаянно. Натискъ штыками заставилъ ихъ отступать, и наконецъ бѣжать въ безпорядкѣ къ Слониму. Положеніе Суворова было весьма опасное, даже и послѣ побѣды. Число плѣнныхъ почти равнялось числу побѣдителей, изъ коихъ убито было до 100 человѣкъ и до 400 ранено. Огромный обозъ и всѣ пушки польскія были взяты русскими. Если бы непріятель умѣлъ тогда собраться и напасть на Суворова, успѣхъ русскихъ былъ бы на этотъ разъ сомнителенъ. Но Суворовъ, поступая, по видимому, съ безразсудною отважностію, зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Отразивъ нападеніе Бѣляка, не подоспѣвшаго къ битвѣ съ своими уланами, и думавшаго смять русскихъ отчаянною аттакою, Суворовъ спѣшилъ къ Слониму. За нимъ тянулся обозъ на три версты. Едва явились русскіе въ Слонимѣ, конфедераты бѣжали въ Пинскъ, главное гнѣздо заговора въ Литвѣ. Быстро преслѣдовалъ ихъ Суворовъ, и разрушилъ литовскую конфедерацію. Огинскій удалился въ Пруссію. Его примѣру послѣдовали прочіе, оставшіеся въ живыхъ. Суворовъ возвратился въ Люблинъ, гдѣ ожидала его награда орденомъ св. Георгія 3-й степени за побѣду подъ Тенецомъ и за разбитіе Пулавскаго у Замосцья. Имя Суворова сдѣлалось страхомъ конфедератовъ. Наши солдаты считали его непобѣдимымъ. За побѣду подъ Сталовичами, Екатерина прислала Суворову орденъ св. Александра Невскаго. «Поблагодарите за прекращеніе имъ фарсовъ Огинскаго», писала императрица. Успѣхи войны и милости Екатерины не могли

однакоже утѣшить Суворова. Онъ скорбѣлъ объ участи конфедератовъ. Исполня долгъ свой, сражаясь съ ними, онъ не желалъ губить храбрыхъ, но несчастныхъ защитниковъ Польши, а жаждалъ устремиться туда, гдѣ тогда гремѣли громы Кагула и Бендеръ. Тамъ хотѣлось ему быть, а не тратить годы въ войнѣ мелкой, утомительной, гдѣ подвергался онъ безпрерывной опасности, безъ пользы для успѣха дѣла, гдѣ сражался, не щадя себя въ битвахъ, и пуля конфедерата, или пика улана могли положить конецъ жизни его, безъ славы, въ какомъ нибудь безвѣстномъ болотѣ. Огорченіе Суворова умножили несогласія съ товарищами и съ Веймарномъ. Суворовъ старался облегчить участь мирныхъ жителей Польши, щадилъ самыхъ конфедератовъ, уважалъ ихъ безполезную, но непреклонную храбрость, и вольное обреченіе на гибель. Онъ послалъ даже однажды къ Пулавскому табакерку, на память своего уваженія къ его мужеству. Ласковость и кротость Суворова привлекали къ нему сердца враговъ. Не такъ поступали другіе, завидовавшіе подвигамъ Суворова, не умѣя подражать имъ. Суворовъ безпрерывно видѣлъ препятствія, встрѣчалъ неудовольствія, и ощущалъ недостатки во всемъ, въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ кочевой жизни. Веймарнъ, слушавшій навѣты другихъ, не соглашался съ Суворовомъ, затруднялъ его предписаніями. Нѣкоторые упрекали его незнаніемъ правилъ тактики. Суворовъ отвѣчалъ съ улыбкой на этотъ упрекъ: «Да, что дѣлать, мы ужъ такіе: безъ тактики и практики, а непріятеля бьемъ!»

Когда ему говорили, что онъ изнуряетъ солдатъ быстротою походовъ, — «Римляне еще скорѣе нашего ходили: читайте Цезаря!» сказалъ онъ. Неудовольствія превращались въ явную ссору. Когда Суворовъ представилъ, о необходимости идти въ Литву, на Огинскаго, Веймарнъ строго запретилъ ему этотъ походъ, увѣдомляя, что два генерала уже отправлены туда. «Скажите генералу,» отвѣчалъ Суворовъ, «что когда выпалили изъ пушки, Суворову не сидится на мѣ-

стѣ!» Онъ велѣлъ немедленно выступить. Ему представили о запрещеніи главнаго начальника.—«Я отвѣчаю за мою вину головою, а вы исполняйте свое дѣло!» вскричалъ онъ. Веймарнъ оскорбился. Въ одно время съ донесеніемъ Суворова о побѣдѣ, Екатерина получила жалобу Веймарна, на его ослушаніе и нарушеніе воинской подчиненности. Веймарна подкрѣплялъ генералъ Салдернъ, бывшій русскимъ повѣреннымъ при королѣ Станиславѣ. Екатерина отвѣчала смѣною Веймарна и Салдерна. Мѣсто обоихъ заступилъ А. И. Бибиковъ, другъ Суворова, но интриги не прекращались. Суворовъ просилъ увольненія. «Я исполнилъ долгъ свой,» писалъ онъ Бибикову, «и не желая при томъ зла странѣ, гдѣ находился. Никогда самолюбіе не управляло мною, и я забывалъ себя при дѣлѣ общемъ. Не привыкнувъ къ свѣтскому обращенію, я сохранилъ простоту моей природы и свободу чувства. Мизантропія овладѣваетъ мною. Не предвижу далѣе ничего, кромѣ досадъ и горестей.» Дѣло конфедератовъ казалось потеряннымъ. Они увѣрились, что съ такимъ соперникомъ, какъ Суворовъ, плохо, да и къ тому же между ними распространились распри и несогласія, такъ что скоро всѣ оставили конфедерацію. Только Пулавскій не уступалъ. Въ это время полякамъ удалось занять Краковъ. Суворову донесли шпіоны о предпріятіи конфедератовъ. Онъ спѣшилъ къ Кракову, но явился уже поздно: замокъ былъ занятъ. Кромѣ оскорбительной вѣсти о взятіи Кракова конфедератами, облетѣвшей всю Польшу, положеніе Суворова было затруднительно. Пулавскій и Коссаковскій, пользуясь смятеніемъ, заняли Тенецъ и Ландскрону, сильно укрѣпились въ Ченстоховѣ, и многочисленные отряды ихъ окружили Суворова въ Краковѣ.

Краковскій замокъ находился на высокомъ мѣстѣ близъ городской стѣны, и приступъ къ нему, а равно и осада, были невозможны, при малочисленности войска и недостаткѣ средствъ. У Суворова было не болѣе тысячи человѣкъ, а пушекъ всего четыре. Принужденный отбивать отважныя вылазки изъ замка

и набѣги конфедератовъ, не довѣряя при томъ полякамъ, Суворовъ вооружилъ евреевъ и велѣлъ имъ занимать въ городѣ караулы. Безъ смѣха нельзя было смотрѣть на іудейскихъ воиновъ, дрожавшихъ, когда ставили ихъ на часы. Увѣряютъ даже, что они просили для охраненія прибавлять къ каждому отряду ихъ хотя одного русскаго солдата. Суворовъ рѣшился штурмовать замокъ, но былъ отбитъ, и принужденъ былъ удовольствоваться блокадою. «Что дѣлать? Штурмъ нашъ былъ неудаченъ и доказалъ храбрость, а не искусство наше,» писалъ онъ послѣ своего приступа къ краковскому замку.

Полученная помощь дала Суворову средства разбить отряды Коссаковскаго подъ Тенецомъ. Здѣсь Суворовъ опять подвергался лично большой опасности: польскій уланскій офицеръ, поклявшись умертвить его, пробился къ нему, выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ и кинулся на него съ саблею. Суворовъ ловко отбилъ ударъ наѣздника, а пуля подскакавшаго русскаго кирасира повергла улана съ лошади. Конфедератовъ гнали до силезской границы. Апрѣля 15-го сдался Краковъ. Суворовъ возвратилъ шпаги французскимъ офицерамъ, сказавъ имъ: «Моя императрица не воюетъ съ вашимъ королемъ, вы не плѣнники мои, а гости!» Онъ обнялъ ихъ и велѣлъ угостить.

Занятіемъ Кракова заключилась конфедератская война. Тогда начались непріятныя отношенія австрійцевъ къ Россіи, такъ какъ Австрія объявила неумѣренныя требованія на участокъ въ Польшѣ, желая чужими руками жаръ загребать. Бибиковъ былъ оскорбляемъ своевольными поступками австрійскихъ генераловъ. Суворовъ раздѣлялъ его негодованіе, и столь горячо, что не однажды доходило почти до явнаго разрыва. Бибиковъ принужденъ былъ напомнить ему объ осторожности, «Виноватъ,» отвѣчалъ Суворовъ, «да дайте же мнѣ такое философское мѣсто, гдѣ я ни кому не помѣшаю. Мнѣ пора на покой! Я со срѣтеньева дня не разувался, и что я за политикъ такой у тебя, батюшка, сталъ? пришли кого нибудь

другаго — чортъ ли съ ними сговоритъ! Вѣдь я политики не знаю...»

Радостно услышалъ Суворовъ, что онъ прикомандированъ къ корпусу Эльмпта, которому велѣно идти въ Финляндію. «Теперь я въ своей тарелкѣ,» писалъ Суворовъ Бибикову, «слѣдую моему жребію, приближаюсь къ отчизнѣ, удаляюсь изъ земли, гдѣ хотѣлъ я добра, дѣлая то, чему сердце мое не противорѣчило и долгъ не препятствовалъ. Радуюсь, что жители свидѣтельствуютъ мнѣ благодарность. Я любилъ ихъ и оставляю съ сожалѣніемъ, оканчивая дѣло мое, какъ честный человѣкъ; завистниковъ моихъ не хочу ни ненавидить, ни презирать, а перемѣны въ нихъ не ожидаю, зная ихъ свойства.»

Внезапный приказъ Эльмпту: «остановиться,» встревожилъ Суворова. «Что же новаго обо мнѣ?» писалъ Бибикову Суворовъ — «куда идти впередъ или назадъ?... Или Двина будетъ для меня рѣкою забвенія?... Тянемся къ Дерпту.... Если съ шведами нечему не бывать, что мнѣ въ Финляндіи дѣлать: зайцовъ гонять или жениться?»

По, что казалось ему забвеніемъ, было свидѣтельствомъ надежды на него и благоволенія къ нему императрицы. Она не посылала его къ Румянцеву, потому что онъ былъ ей надобенъ, пока Швеція тревожила ее сомнѣніемъ, и въ Польшѣ дѣло не было рѣшено. Споры продолжались до августа 1773 года, когда сеймъ утвердилъ первый раздѣлъ Польши.

Суворовъ былъ, призванъ зимою 1772 года, въ Петербургъ. Изъявляя ему лестные знаки милостей, Екатерина приказала ему осмотрѣть крѣпости по шведской границѣ. Въ февралѣ 1773 года, Суворовъ объѣхалъ Выборгъ, Кексгольмъ, Нейшлотъ, и собралъ свѣдѣнія, на случай войны, о расположеніи умовъ въ пограничной Финляндіи. Марта 21 кончился срокъ перемирія съ турками. Екатерина предписала Румянцеву немедленно начать наступательную войну, не думая ни о какихъ переговорахъ. По возвращеніи изъ Финляндіи въ Петербургъ, Суво-

ровъ просилъ отправиться въ молдавскую армію. Получивъ разрѣшеніе на отъѣздъ, онъ спѣшилъ на Дунай. Не мелкая война, не стычки съ конфедератами, но битвы съ сильнымъ непріятелемъ, подъ предводительствомъ Румянцева, героя, обратившаго на себя вниманіе Европы, ожидали его.

Молва предшедствовала Суворову. Всѣ въ молдавской арміи знали Суворова по слухамъ. Тогда только одинъ русскій генералъ былъ ему равенъ, извѣстностію между солдатами, — Вейсманъ, имя котораго было кликомъ побѣдъ, не смотря на чинъ генералъ маіора, младшаго передъ другими товарищами. Съ именемъ Суворова соединилась слава трехъ-лѣтней войны конфедератской. Извѣстно было особенное вниманіе къ нему императрицы, и вездѣ носились слухи объ его оригинальностяхъ и странностяхъ. Румянцевъ не опасался окружавшихъ его генераловъ, какъ бы знамениты они ни были; но ему страшенъ показался этотъ прославившійся уже въ Пруссіи и Польшѣ генералъ Суворовъ, напросившійся на службу въ дѣйствующую армію. Вотъ почему Суворовъ встрѣченъ былъ главнокомандующимъ холодно. Румянцевъ не оказалъ ему ни какого отличія, и назначилъ его въ корпусъ Салтыкова, охранявшій лѣвый берегъ Дуная. Замѣчательно, что подъ начальствомъ Салтыкова находились тогда Потемкинъ и Суворовъ, столь достопамятные въ послѣдствіи. Потемкинъ, уже отличенный императрицею, извѣстенъ былъ личною храбростію, но притомъ былъ безпеченъ, неосторожепъ, лѣнивъ. Суворова мы уже знаемъ; его послали съ небольшимъ отрядомъ войскъ наблюдать турокъ, бывшихъ въ Туртукаѣ. Суворовъ, въ бездѣйствіи, стоялъ въ монастырѣ Нигоешти, насупротивъ Туртукая, небольшой крѣпости, находящійся выше Силистріи, на Дунаѣ. При первомъ взглядѣ, увидѣлъ Суворовъ возможность взять Туртукай, и переправится здѣсь черезъ рѣку. — Весь отрядъ его составляли два пѣхотные полка, но одинъ изъ нихъ былъ знакомый ему астраханскій пѣхотный полкъ. Артиллерія состояла изъ четырехъ пушекъ. 100 донцовъ были

при отрядѣ. Суворовъ извѣстилъ Салтыкова о намѣреніи сдѣлать поискъ на Туртукай и получилъ его позволеніе. Онъ приступилъ къ дѣлу немедленно. Сначала хотѣлъ онъ переправиться черезъ Дунай скрытно, въ семи верстахъ отъ Туртукая. Лодки повезли туда на телѣгахъ, всевозможно утаивая движеніе войскъ. Но турки замѣтили приготовленія русскихъ и рѣшились воспрепятствовать имъ. Приведя войско свое къ мѣсту переправы, Суворовъ велѣлъ солдатамъ отдыхать, и самъ спокойно легъ на землѣ на берегу, завернувшись въ свой плащъ. Онъ заснулъ такъ крѣпко, что только ужасный крикъ: «алла!» разбудилъ его. Турецкіе всадники, незамѣтно переплывшіе черезъ Дунай, срѣзали казацкіе караулы и неслись прямо на него. Суворовъ съ трудомъ успѣлъ броситься на лошадь и ускакать къ карабинерамъ, поспѣшно строившимся въ боевой порядокъ. Казаки не выдержали натиска и были сбиты турецкими спагами. Карабинеры встрѣтили толпу непріятелей, смяли ихъ и гнали до лодокъ. Восемьдесятъ человѣкъ убитыхъ и нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ старый бимъ-паша, предводитель турецкаго отряда, состоявшаго изъ 400 человѣкъ, были платою туркамъ за первую встрѣчу съ Суворовымъ. Видя, что движенія его открыты непріятелемъ, Суворовъ возвратился въ Нигоешти, и рѣшился напасть прямо съ устья рѣки, впадающей въ Дунай насупротивъ Туртукая, увѣренный, что турки не ожидаютъ здѣсь нападенія. Онъ послалъ къ Потемкину просить помощи; Потемкинъ обѣщалъ ему прислать 2000 запорожцевъ, но помощь не шла, а Суворовъ боялся неожиданныхъ препятствій. Дѣйствительно, препятствія не замедлили: Салтыковъ объявилъ Суворову приказъ главнокомандующаго оставить поискъ на Туртукай и не подвергать войска напрасной гибели. Но Суворовъ, былъ увѣренъ въ легкомъ успѣхѣ. Онъ распорядился нападеніемъ. Ночью на 10 мая, пѣхота поплыла черезъ Дунай въ лодкахъ; конница пустилась вплавь (всего было ея семьсотъ человѣкъ). Непріятель открылъ пальбу съ прибрежной баттареи, но войска успѣли пристать

къ берегу благополучно. Часть ихъ бросилась на турецкія лодки; другая напала на самый городъ. Суворовъ самъ повелъ одинъ отрядъ на крѣпостные ретраншаменты. На дорогѣ нашли заряженную пушку, и выстрѣлъ изъ нея едва не погубилъ Суворова; пушку разорвало. Онъ упалъ жестоко оконтуженный, но тотчасъ поднялся, схватилъ ружье, первый вскочилъ на турецкій редутъ, оттолкнулъ бородатаго янычара, приставилъ къ груди его ружье и закричалъ солдатамъ: «Бери его!» Турки бѣжали изъ редута, почти безъ боя. Городъ и флотилія были въ рукахъ русскихъ, также послѣ слабаго сопротивленія. Суворовъ отдалъ опустѣлый Туртукай на грабежъ. Шесть легкихъ орудій турецкихъ были увезены на лодкахъ; восемь тяжелыхъ пушекъ бросили въ Дунай; 10 знаменъ, 50 лодокъ и другихъ судовъ, въ числѣ ихъ многія съ товарами, были трофеями первой побѣды Суворова надъ турками. Русскіе потеряли 60 человѣкъ убитыми и 150 было ранено. Пока войско отдыхало, Туртукай зажгли. Взрывъ пороховаго магазина въ крѣпости былъ слышенъ на 60 верстъ въ окружности. Турокъ находилось въ Туртукаѣ около 4000. Полагали, что до 600 человѣкъ изъ нихъ были убиты, наиболѣе при преслѣдованіи казаками и карабинерами. Солдатамъ досталась столь богатая добыча, что, послѣ благодарственнаго молебна, они горстями сыпали въ церковную кружку червонцы и серебряныя деньги. Уже на другой день по возвращеніи Суворова въ Негоешти, явились отъ Потемкина запорожцы. Они были уже безполезны.

Смѣлый поступокъ Суворова, когда дѣла въ главной арміи шли столь неудачно, тянулись столь медленно, возбудилъ всеобщій восторгъ. Но, одобряемый всѣми, покоритель Туртукая могъ опасаться, что своевольный поступокъ его не заслужитъ похвалы главнокомандующаго. Суворовъ думалъ отдѣлаться шуткою. Донесеніе его фельдмаршалу состояло изъ двухъ стиховъ:

Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ.

И безъ того не любившій шутить, Румянцевъ, раздраженный другими событіями въ арміи, вызвалъ Суворова въ главную квартиру. Послѣ строгаго выговора, Суворовъ былъ лишенъ командованія, отданъ подъ военный судъ, и осужденъ на смерть за ослушаніе. Больной лихорадкою, страдая отъ полученной при Туртукаѣ контузіи, Суворовъ жилъ въ Бухарестѣ, когда неожиданно узналъ, что рѣшеніе военнаго суда отправлено къ императрицѣ, а ему велѣно вновь явиться подъ команду Салтыкова, получившаго приказаніе отвлекать непріятеля отъ подачи помощи Силистріи. Салтыковъ явно враждовалъ съ Румянцевымъ, отговаривался, затруднялся, кончилъ тѣмъ, что не двинулся изъ своего лагеря, отправивъ только Суворова на прежнее мѣсто его въ Нигошити, и приказавъ, «если найдетъ возможность», снова выбить турокъ изъ Туртукая. У Суворова не было невозможнаго. Къ прежнимъ отрядамъ придали ему 200 пѣхотинцевъ, казачій полкъ Леонова, 300 рекрутовъ, въ пополненіе некомплектныхъ полковъ, и 200 арнаутовъ. Отъ душевнаго огорченія и болѣзни, Суворовъ былъ такъ слабъ, что едва могъ двигаться и говорить, но отправился, по назначенію, немедленно, и, на другой день по прибытіи, приготовился къ экспедиціи. Конныхъ карабинеровъ, по его приказанію, учили драться спѣшившись и штыками.

Турки снова укрѣплялись въ раззоренномъ Туртукаѣ, спѣша исправить прежніе шанцы и соорудить нѣсколько новыхъ. Число турокъ простиралось уже до 8,000. Суворовъ выбралъ бурную ночь на 17-е іюня. Шестипушечная баттарея защищала переправу русскихъ. Прикрываемый ея выстрѣлами, первый отрядъ, подъ начальствомъ полковника Батурина, состоявшій изъ 500 человѣкъ, достигъ берега, легко овладѣлъ однимъ шанцомъ, и остановился, вопреки повелѣнія Суворова, немедленно занимать оба шанца, пользуясь смятеніемъ, испугомъ турокъ и темнотою ночи. Суворова водили подъ руки два человѣка, и адъютантъ передавалъ его приказа-

нія. Онъ хотѣлъ отправиться при третьемъ отрядѣ, но, замѣтивъ остановку Батурина, и опасаясь, что непріятель ободрится, забылъ болѣзнь, бросился въ лодку и самъ вывелъ второй отрядъ на берегъ, поспѣшая занять второй шанецъ. Турки стояли отдѣльнымъ лагеремъ, въ лощинѣ за Туртукаемъ. Они бились храбро и были многочисленнѣе русскихъ; но русскіе имѣли начальникомъ Суворова и жестоко разбили туровъ, отняли у нихъ множество трофеевъ и убили ихъ главнаго начальника. Тогда Суворовъ, побѣдитель, находившійся подъ военнымъ судомъ, получилъ награду, состоявшую въ рѣшеніи императрицы.

Препровождая къ государынѣ приговоръ суда, Румянцевъ препроводилъ и стихи Суворова, прибавляя, что «посылаетъ безпримѣрный лаконисмъ безпримѣрнаго Суворова». Екатерина узнала въ остроумной шуткѣ своего генерала, подписала на приговорѣ: «Побѣдителя не судятъ», и прислала Суворову крестъ св. Георгія 2-й степени; «за храбрость и мужественное дѣло».

Новое дѣло Суворова подтвердило слова Екатерины. Видя благоволеніе къ нему императрицы, Румянцевъ измѣнилъ обхожденіе съ нимъ, изъявилъ ему свою благосклонность, перевелъ его въ главный корпусъ и поручилъ самое опасное дѣло: велѣлъ охранять Гирсово, занимаемое русскими за Дунаемъ. Войска дано было Суворову менѣе 2,500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько сотъ казаковъ. Опасность была очевидная, хотя пользы ни какой предвидѣть было невозможно. Суворовъ незадолго передъ тѣмъ ушибся, упавъ съ лѣстницы, и нѣсколько дней едва могъ дышать. Онъ ожилъ, слыша о милостяхъ императрицы, радовался своему новому назначенію, не думалъ о трудности дѣла, и въ половинѣ августа прибылъ въ Гирсово. Видя слабость своего отряда, и невыгодность мѣстоположенія, онъ укрѣпилъ Гирсово двумя новыми шанцами, съ глубокимъ рвомъ. Непріятель не заставилъ себя ждать. Визирь хотѣлъ отнять единственное, оставав-

шееся, въ рукахъ русскихъ, мѣсто за Дунаемъ. Сентября 3-го явилось къ Гирсову 11,000 турковъ. Приготовляясь отразить турковъ, Суворовъ не спалъ всю ночь, и на разсвѣтѣ самъ обозрѣвалъ положеніе непріятеля, простоявшаго ночь на мѣстѣ. Онъ засмѣялся, когда турки, предводимые французскими офицерами, вздумали показать здѣсь первый примѣръ правильнаго боя, строились на полѣ, имѣя янычаровъ и артиллерію въ срединѣ, а спаговъ по бокамъ. «Варвары хотятъ биться строемъ! за то имъ худо будетъ!» сказалъ Суворовъ. Строй оттоманскій недолго продержался. Всадники турецкіе кинулись впередъ, столь быстро, что Суворовъ и бывшіе при немъ едва успѣли вскочить въ русскій шанецъ черезъ рогатки. Приказано было допустить турокъ ближе, слабо отбиваясь, даже бѣжать изъ перваго шанца во второй. Хитрость удалась. Думая, что русскіе робѣютъ, турки бросились въ бѣшеной ярости, были встрѣчены картечами скрытой батареи, смѣшались, ударили снова и были снова смѣшаны. Тогда двѣ скрытыя колонны пѣхоты ударили на нихъ въ штыки съ фланговъ; конница врубилась въ средину. Бѣгство турковъ было столь поспѣшно, что вся артиллерія ихъ (девять пушекъ) осталась на мѣстѣ. Русскіе преслѣдовали бѣгущихъ верстъ на тридцать. Янычары сбрасывали съ себя одежду, чтобы легче было бѣжать, и спасались полунагіе. Весь корпусъ непріятельскій разсѣялся. Болѣе тысячи человѣкъ было убито.

Не взирая на эти подвиги, интриги противъ Суворова продолжались. Суворову приказано было находиться при князѣ Долгоруковомъ; но, онъ, по болѣзни, просилъ увольненія. Может быть, онъ осмѣлился замѣтить о безполезности предпріятія, начинаемаго безъ всякой цѣли, глубокою осенью. Румянцевъ, мнимо или дѣйствительно больной, находился тогда въ Браиловѣ. Онъ прислалъ увольненіе Суворову. Суворовъ уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи и всю зиму прожилъ въ Кіевѣ.

Вопреки немилости фельдмаршала, въ началѣ 1774 года, Суворовъ, пожалованный въ генералъ-поручики, снова явился

въ армію, по волѣ императрицы. Это назначеніе Суворова показало явное къ нему нерасположеніе Румянцева. Сначала оставили его въ резервахъ, и поручили ему наблюденіе за дунайскимъ берегомъ отъ Гирсова до Силистріи. Онъ осмѣлился подать фельдмаршалу свое мнѣніе о походѣ за Дунай. Отвѣтомъ былъ приказъ присоединиться къ корпусу Каменскаго, и состоять въ его распоряженіяхъ, какъ у генерала старшаго по чину (Каменскій былъ произведенъ въ генералъ-поручики однимъ годомъ прежде Суворова). Суворовъ, предвидя, что съ Каменскимъ, упрямымъ, своенравнымъ, вспыльчивымъ, ему невозможно будетъ поладить, двинулся столь медленно, что соединился съ Каменскимъ лишь 8-го іюня. Едва соединились эти войска, какъ получено было извѣстіе, что за густымъ лѣсомъ, при селеніи Козлуджи, находилось 40,000 турковъ, посланныхъ на Гирсово. Суворовъ еще не успѣлъ стать лагеремъ и отдохнуть, когда изъ лѣса показались толпы арнаутовъ. Каменскій отправилъ на нихъ свою конницу. Арнауты опрокинули ее; Суворовъ удержалъ ихъ пѣхотою; но натискъ былъ такъ силенъ, что и здѣсь русскіе уступили. Суворовъ ускакалъ къ слѣдовавшимъ, за первымъ отрядомъ его, двумъ гренадерскимъ и одному егерскому баталіонамъ. Всадники турецкіе гнались за нимъ, и только быстрота лошади спасла его. Одинъ изъ баталіоновъ не успѣлъ даже построиться въ карре и сталъ треугольникомъ. Картечь охолодила горячку нападавшихъ; они были опрокинуты и бѣжали въ лѣсъ. Каменскій не двигался съ мѣста, полагая достаточнымъ, если нападеніе турковъ отбито. Суворовъ осмотрѣлъ лѣсъ и повелъ свой корпусъ впередъ, не ожидая приказа своего начальника. Жаръ былъ нестерпимый. Солдаты падали, полумертвые отъ усталости. Дорога въ лѣсу была такъ узка, что только четверо могли идти рядомъ. Послѣ семи верстъ перехода черезъ лѣсъ, войско выступило на долину. Вдали видно было на возвышеніи, верстахъ въ шести отъ лѣса, мѣстечко Козлуджи, а за нимъ въ долинѣ скрывался обширный турецкій лагерь. Турки устро-

или баттареи. Подъ выстрѣлами ихъ, войско, выходя изъ лѣсу, строилось въ четыре карре, имѣя конницу по бокамъ. Быстро пошли русскіе на баттареи, овладѣли ими и двинулись къ лагерю. Янычары и спаги встрѣтили ихъ, нападали отчаянно, даже врѣзывались въ карре съ кинжалами, и гибли, отбиваемые штыками и преслѣдуемые конницею. Русскіе стройно дошли до турецкаго лагеря. Съ высоты загремѣли русскія пушки. Тщетно турецкій предводитель ободрялъ своихъ, желая остановить, удержать: все въ безпорядкѣ предалось бѣгству. Солнце заходило, когда Суворовъ вошелъ въ богатый турецкій лагерь, и отдалъ его на грабежъ солдатамъ. Гусары преслѣдовали бѣгущихъ; 3,000 турковъ было убитыхъ; нѣсколько сотъ взято въ плѣнъ; въ лагерѣ досталось побѣдителямъ 40 пушекъ и 80 знаменъ. Къ ночи подошли остальныя войска изъ корпуса Суворова. На другой день явился Каменскій. Онъ не думалъ упрекать Суворова въ непослушаніи, но поступилъ гораздо хуже: приписалъ успѣхъ битвы себѣ, увѣдомляя Румянцева о своей славной козлуджской побѣдѣ. Румянцевъ усердно поздравлялъ, благодарилъ его. Оскорбленный до глубины сердца, Суворовъ объявилъ, что по болѣзни служить болѣе не можетъ. Онъ явился, въ Фокшанахъ, къ Румянцеву, снова получилъ увольненіе, и отправился въ Яссы, рѣшась не возвращаться болѣе подъ знамена кагульскаго побѣдителя, хотя и знаменитаго военачальника, но не всегда справедливаго начальника.

Туртукай, Гирсово и Козлуджи показали въ новомъ блескѣ воинскія дарованія Суворова. Все войско русское видѣло въ немъ героя. Умѣя мирить раздоры страстей, Екатерина не показала ни какого неудовольствія Румянцеву, за непріязнь его къ Суворову, но она и не выдала *«своего генерала»*, какъ называла Суворова, врагамъ его. И когда Каменскій былъ такъ щедро награжденъ за Козлуджи, Суворовъ на почтовой телѣжкѣ скакалъ въ Москву, по повелѣнію императрицы. Екатерина указала ему на новый подвигъ. Довѣренность къ нему

императрицы была его наградою. Подвигъ этотъ состоялъ въ участіи противъ дѣйствій самозванца Емельки Пугачева.

По первому требованію, Суворовъ явился въ Москву. Здѣсь главнокомандующій Москвы, князь Волконскій, вручилъ ему тайное собственноручное повелѣніе императрицы. Восхищенный ея довѣренностію, Суворовъ, не медля ни минуты, поскакалъ къ Панину, по болѣзни, еще не выѣзжавшему изъ своей деревни. Получивъ его приказаніе и полномочіе, Суворовъ пустился по слѣдамъ Пугачева, черезъ Арзамасъ, Пензу и Саратовъ. Путь изъ Молдавіи въ Москву и изъ Москвы на Волгу, Суворовъ совершилъ въ почтовой телѣжкѣ, не смотря на осеннее время. Панинъ, успокоенный пріѣздомъ своего дѣятельнаго помощника, донесъ императрицѣ, какъ усердно исполняетъ ея повелѣнія Суворовъ. Императрица спѣшила благодарить его и въ Саратовѣ получилъ онъ другое собственноручное письмо императрицы. «Видя изъ письма графа Панина,» писала она, «что вы пріѣхали къ нему такъ скоро и налегкѣ, что, кромѣ испытаннаго усердія вашего къ службѣ, инаго экипажа при себѣ не имѣете, и что тотчасъ отправились вы на пораженіе враговъ, за такую, хвалы достойную, проворную ѣзду весьма васъ благодарю. Знаю, что ревность ваша проводникомъ вамъ служила, и ни малѣйшаго сомнѣнія не полагаю, что, призвавъ Бога въ помощь, предуспѣете истребить злодѣевъ славы отечества вашего и общаго покоя, судя по природной вашей храбрости и предпріимчивости, но, дабы вы скорѣе нужнымъ экипажемъ снабдиться могли, посылаю вамъ 2,000 червонцевъ».

Въ Саратовѣ узналъ Суворовъ, что генералъ Михельсонъ еще разъ разбилъ Пугачева подъ Царицынымъ, и что Пугачевъ бѣжалъ за Волгу и скитается, съ нѣсколькими сотнями казаковъ и бѣглецовъ, по степямъ между Яикомъ и (Ураломъ) Волгою. Извѣстіе это могло порадовать его, но должно было воспользоваться обстоятельствами и не дать снова усилиться возмущенію. Суворовъ рѣшился преслѣдовать

его самъ, не думая о трудахъ и опасности. Поспѣшно явясь въ Царицынъ, онъ составилъ легкій отрядъ и принялъ надъ нимъ начальство, увѣренный, что пока не будетъ захваченъ Пугачевъ, зло не искоренится. Походъ былъ трудный, поспѣшный, при нестерпимыхъ жарахъ, среди обнаженныхъ степей, безъ обоза. Черезъ рѣку Еруслапъ, Суворовъ достигъ до рѣкъ Большаго и Малаго Узеней, гдѣ жили раскольники въ скитахъ. Здѣсь узнали, что Пугачевъ уже пойманъ. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, онъ хотѣлъ бѣжать къ киргизамъ, но товарищи его, надѣясь испросить помилованіе, и видя невозможность сопротивленія, рѣшились предать его. Въ одной изъ крестьянскихъ избъ, въ Узеняхъ, задумчиво сидѣлъ Пугачевъ. Оружіе лежало подлѣ него на столѣ. Три казака бросились на него, осилили, не смотря на отчаянную борьбу, связали злодѣя, и повезли въ Уральскъ. Суворовъ спѣшилъ туда. На пути подвергся онъ неожиданной опасности. Ночью отрядъ его сбился съ дороги. Завидя вдали разложенный на степи огонь, они отправились туда и наѣхали на толпу киргизовъ. Хищники, пользуясь смятеніями, грабили на Волгѣ, и возвращались во свояси. Встревоженные появленіемъ русскихъ, киргизы схватились за свои винтовки, выстрѣлили въ отрядъ, ранили многихъ, въ числѣ прочихъ адъютанта Суворова, который ѣхалъ рядомъ съ своимъ генераломъ, бывшимъ впереди. Принуждены были оружіемъ разсѣять толпу хищниковъ. Они разбѣжались отъ первыхъ выстрѣловъ. Суворовъ не думалъ преслѣдовать ихъ. Въ Уральскѣ комендантъ Симоновъ сдалъ Суворову Пугачева. Приказавши готовиться въ обратный путь, онъ хотѣлъ самъ проводить злодѣя. Сдѣлана была желѣзная клѣтка; ее поставили на двухколесную телѣгу и въ нее посадили Пугачева, скованнаго кандалами по рукамъ и по ногамъ. Три роты солдатъ, двѣсти казаковъ и двѣ пушки взялъ съ собой Суворовъ, и неусыпно надзиралъ самъ во все время пути. Въ деревнѣ Мостахъ, на Иргизѣ, ночью сдѣлался пожаръ. Опасаясь злоумышленій, Суворовъ не спалъ всю ночь,

и сидѣлъ подлѣ клѣтки Пугачева. Въ Самарѣ, послѣ четырехъсотнаго верстнаго перехода по степямъ, переправились черезъ Волгу, не смотря на бурную погоду, а въ Симбирскѣ Суворовъ представилъ своего плѣнника Панину. Подъ сильнымъ прикрытіемъ, повезли Пугачева въ Москву, гдѣ судили его, и казнили 10-го января 1775 года.

Поимкою Пугачева не прекратилось смятеніе. Вся страна, отъ Казани до Оренбурга, была раззорена, терпѣла отъ безначалія, была угрожаема голодомъ и болѣзнями. Суворову поручено было усмиреніе мятежниковъ, равно какъ успокоеніе и продовольствіе жителей. Ему ввѣрили начальство надъ 80,000 человѣкъ войска, расположеннаго по Волгѣ. Умъ и дѣятельность Суворова, правосудіе, снисхожденіе къ заблудшимъ, долго потомъ оставались въ памяти жителей и заслужили ему признательность народа и благоволеніе Екатерины, умѣвшей примирять благосердіе съ строгостію закона, и говорившей, что не всегда наказаніе должно быть предметомъ правосудія, но гораздо чаще милосердіе къ виновному.

Въ числѣ знаменитыхъ русскихъ вождей, явился и Суворовъ, вызванный императрицею, въ Москву; ему пожалована была шпага, осыпанная бриліантами. Такъ умѣла оцѣнить заслуги Екатерина. За пять лѣтъ предъ тѣмъ бригадиръ, въ 1775 году онъ былъ уже генералъ-поручикомъ, и, кромѣ другихъ наградъ, кавалеромъ орденовъ: св. Анны, св. Александра Невскаго, св. Георгія 2-й степени. Императрица назначила его начальникомъ войскъ въ Петербургѣ. Суворовъ просилъ позволенія остаться въ Москвѣ, по домашнимъ дѣламъ, и прожилъ тамъ, и въ деревняхъ своихъ, болѣе года.

Посвятивъ жизнь свою военному званію, уже двадцать лѣтъ кочуя на поляхъ битвъ и забывая о свѣтскихъ обществахъ, среди солдатъ, Суворовъ не думалъ объ управленіи имѣніемъ, а еще менѣе о семейной жизни, оставаясь холостякомъ до сорока лѣтъ. Странный въ обществѣ, онъ не могъ нравиться женщинамъ, но престарѣлый отецъ его уговорилъ

сына вступить въ супружество, и въ 1775 году Суворовъ женился на дочери сослуживца своего, князя И. А. Прозоровскаго, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, внукѣ, по матери, достопамятнаго фельдмаршала, князя М. М. Голицына. На слѣдующій годъ скончался родитель Суворова, который былъ тогда въ Симбирскѣ. Онъ пріѣхалъ въ Москву, можетъ быть, думая усладить скорбь и горесть свою въ семейной жизни. Но привычка къ дѣятельной жизни, а можетъ быть и опасеніе, что если онъ не будетъ на военной сценѣ, то его забудутъ, заставили Суворова обратиться снова къ своей обычной боевой жизни. Если и не было войны, то онъ желалъ быть среди своихъ ратныхъ товарищей.

«Долгъ императорской службы», писалъ Суворовъ изъ Москвы, «столь обширенъ, что всякій долгъ собственности въ немъ исчезаетъ: присяга, честность, и благонравіе то съ собою приносятъ. Препроводивши почти годъ довольно спокойно, при новыхъ движеніяхъ войскъ, живо чувствую возросшую къ службѣ привязанность и жаждаю объ употребленіи меня въ службѣ, которой себя посвятилъ. Нынѣшній мой постъ того въ себѣ не замыкаетъ и я просился на него временно».

Зимою 1776 года снова началась кочевая жизнь Суворова, и онъ навсегда отказался отъ мирной и семейной жизни. Когда покоились другіе, онъ не отдыхалъ. Двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ до второй турецкой войны, ознаменованы были его разнообразною дѣятельностію.

Русскія войска двинулись на Крымскій полуостровъ, въ 1776 году, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго. Суворову велѣно было находиться при немъ. Русскіе вступили въ Крымъ, и безъ битвы разсѣяли приверженцевъ Девлетъ-Гирея. Ханъ бѣжалъ въ Константинополь. Шагинъ-Гирей былъ возведенъ на ханскій престолъ. Суворовъ охранялъ Перекопъ. Гибельный климатъ такъ разстроилъ его здоровье,

что онъ принужденъ былъ ѣхать въ Полтаву, гдѣ открылась у него горячка и онъ былъ долго болѣнъ.

Едва оправился онъ, какъ получилъ повелѣніе, зимою 1777 года, принять начальство надъ кубанскою линіею. Желая отдѣлить кавказскихъ горцевъ отъ Крыма, предположили устроить рядъ укрѣпленій по новой русской границѣ, и защитить ихъ войскомъ, подъ предлогомъ, что набѣги кавказскихъ горцевъ нарушаютъ спокойствіе русскихъ подданныхъ. Суворовъ осмотрѣлъ всѣ мѣста, отъ Азова до Тамани, и распорядился сооруженіемъ небольшихъ редутовъ между Еникале и Азовомъ, на каждыхъ семидесяти верстахъ, съ прибавленіемъ между ними малыхъ укрѣпленій. Каждый редутъ охранялся ротою солдатъ съ двумя пушками. Три тысячи работниковъ выслано было съ Дона, и работа всю зиму производилась дѣятельно. Суво́ровъ самъ былъ инженеромъ, принужденный между тѣмъ отбивать безпрерывные набѣги горцевъ. Нерѣдко отправлялся онъ, съ легкими отрядами, на встрѣчу хищникамъ, или, какъ удалый наѣздникъ, пускался въ погоню за ними.

Весною 1778 года, князь Прозоровскій былъ отозванъ въ Петербургъ. Суворову поручили войска, стоявшія въ Крыму и въ низовьяхъ Днѣпра. Ему предстояло дѣло затруднительное. Но всего хуже было то, что крымская лихорадка страшно терзала русскую армію, а сверхъ того надобно было вновь населять Крымъ. Всѣ эти дѣла требовали дѣятельности необыкновенной и утомили Суворова, жестоко страдавшаго отъ крымскаго климата.

Суворовъ зимовалъ въ Козловѣ (Евпаторіи), и весною 1779 года собралъ сильный корпусъ войска близъ Карасу-Базара, подъ предлогомъ смотра, дабы продолжить еще по какой нибудь причинѣ пребываніе русскихъ въ Крыму. Видя невозможность устранить Крымъ отъ владычества русскаго, султанъ призналъ ханомъ Шагинъ-Гирея. Онъ хотѣлъ сохранить еще надъ нимъ тѣнь власти, приславши ему, какъ духовный повелитель всѣхъ мусульманъ, почетный кафтанъ и саблю. Суво-

ровъ не дозволилъ присланнымъ одѣть хана въ султанскій кафтанъ и препоясать саблею. Они принуждены были поднести кафтанъ и саблю просто, какъ подарки султанскіе, а не какъ почетные знаки достоинства. Лѣтомъ 1779 года русскія войска выступили изъ Крыма, но сильные отряды русскихъ остались въ Керчи, Еникале, Кинбурнѣ, сверхъ находившихся на Кубани.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не имѣя средствъ сопротивляться, лишенные предводителей, привыкшіе къ власти русской, крымцы уже не буйствовали. Суворовъ умѣлъ привлекать сердца дружескимъ обращеніемъ, шуткою, подарками; бесѣдовалъ съ мурзами на ихъ языкѣ; весьма хорошо объясняясь по-турецки, и не щадилъ угощеній и подарковъ. Заслуги его были награждены, отъ императрицы, драгоцѣнною золотою табакеркою, съ ея портретомъ, осыпаннымъ брилліантами. Ему ввѣрено было начальство надъ войсками, стоявшими въ южной Малороссіи. Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ онъ въ Полтавѣ. Зимою императрица приказала ему явиться въ Петербургъ. При первой встрѣчѣ съ Суворовымъ, она сняла съ себя брилліантовую александровскую звѣзду и вручила ему, прося принять въ знакъ памяти объ ея дружбѣ, какъ выражалась она. Суворову поручено было новое предпріятіе, для котораго надлежало ему отправиться въ Астрахань, и принять начальство надъ войсками по Волгѣ и надъ каспійскимъ флотомъ.

Екатерина помышляла о завоеваніяхъ за Кавказомъ, и имѣла даже далекіе виды на Индію. Суворовъ отправился изъ Петербурга, прожилъ лѣто и осень въ Астрахани, собралъ подробныя свѣдѣнія о мѣстности и о средствахъ. Донесенія его показали невозможность приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, когда столь многое ближе надлежало оканчивать. Зимою получилъ онъ начальство надъ войсками въ Казани, съ порученіемъ надзирать за устройствомъ областей приволжскихъ, гдѣ таились еще слѣды пугачевщины.

Не видя рѣшенія императрицы, по донесеніямъ своимъ, боясь

козней враговъ, вредившихъ ему во всѣхъ дѣлахъ, обращавшихъ въ упрекъ подвиги и службу его въ Крыму, опасаясь, чтобы пребываніе его въ Астрахани не было почетнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ, Суворовъ грустилъ и унывалъ. «Сверстники мои поступаютъ въ управленіе генералъ-губернаторскими мѣстами», писалъ онъ Потемкину. «Велика была бы милость, если бы и мнѣ таковую должность поручили, и если бы она притомъ и отъ военной службы не отвлекала: сей службѣ посвятилъ я себя и милостію монархини буду ободренъ къ ежечасному употребленію себя въ ней». Не получая отвѣта, и видя, что распоряженія каспійскимъ флотомъ производятся безъ сношеній съ нимъ. «Воззрите милостиво», писалъ Суворовъ, «на двухлѣтнее пребываніе здѣсь меня, оставленнаго безъ команды, безславнаго и презрѣннаго». Отвѣтъ Потемкина, полагавшаго пребываніе его въ Астрахани необходимымъ, успокоилъ его. Онъ прожилъ тамъ до конца 1781 года, когда императрица повелѣла ему вести казанскую дивизію войскъ къ устьямъ Днѣпра: наступалъ рѣшительный часъ покоренія Крыма, приготовленный его прежнею дѣятельностію.

Порученія, которыми занятъ былъ Суворовъ, принадлежали къ обширной системѣ дѣйствій, душою которыхъ былъ Потемкинъ. Съ этихъ поръ Суворовъ пользовался особеннымъ покровительствомъ Потемкина, прибѣгалъ къ защитѣ его отъ всякихъ преслѣдованій, и, состоя подъ начальствомъ Румянцева, относился во всѣхъ случаяхъ къ Потемкину. Есть преданіе, что, почитая Суворова храбрымъ и искуснымъ генераломъ, Потемкинъ долго однакожъ считалъ его страннымъ и чудакомъ, кромѣ войны ни къ чему негоднымъ. Екатерина хотѣла разувѣрить Потемкина, призвала къ себѣ однажды Суворова и начала разсуждать съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ. Потемкинъ слушалъ, стоя скрытно за ширмами. Восхищенный умомъ Суворова, Потемкинъ не вытерпѣлъ, выбѣжалъ изъ-за ширмъ, обнялъ Суворова и поклялся ему въ дружбѣ.

По занятіи Крыма войсками, и когда флотъ русскій, изъ

Азова, Керчи, Ахтіара и Николаева, окружилъ крымскіе берега, всякое сопротивленіе крымцевъ сдѣлалось невозможнымъ. Но можно было опасаться, что ногайцы, подкрѣпляемые турками изъ Анапы, надѣясь на пособіе кавказскихъ горцевъ, усиленные бѣглецами изъ Крыма и кочующіе на привольныхъ степяхъ, воспротивятся распоряженіямъ русскаго правительства. За движеніями ногайцевъ долженъ былъ наблюдать Суворовъ, поступать съ ними дружелюбно, но быть готовымъ предупредить враждебные ихъ замыслы.

Укрѣпивъ войсками пограничные редуты и крѣпости, отъ Тамани до Азова, Суворовъ назначилъ, для собранія ногайцевъ, городокъ Ейскъ, на юго-восточномъ берегу Азовскаго моря. Туда съѣхались три тысячи ногайцевъ. Суворовъ представилъ имъ условія, на которыхъ Шагинъ-Гирей слагаетъ съ себя званіе хана и передаетъ русской императрицѣ владычество надъ всѣми татарскими ордами. Въ числѣ ногайцевъ были Муса-бей, султанъ Чамбурлукской орды, и Галисъ-Эффенди, султанъ орды Гедисанской, оба приверженные Россіи и друзья Суворова. Они умѣли убѣдить своихъ подвластныхъ товарищей не противиться судьбѣ Божіей и воли ханской. Пиръ на степи заключилъ переговоры. Суворовъ успѣлъ уговорить ногайцевъ не только покориться, но даже убѣдилъ многихъ султановъ переселиться съ кубанской степи на раздольныя кочевья за Волгою. Положено было съѣхаться всѣмъ ногайцамъ въ Ейскъ къ 28-му іюня, дню вступленія на престолъ императрицы, выслушать отреченіе Шагинъ-Гирея и присягнуть въ вѣрности русской царицѣ. Въ назначенный день степь вокругъ Ейска покрылась татарскими телѣгами. Суворовъ придалъ сколько можно болѣе торжественности празднику. Русское войско стояло подъ ружьемъ. Послѣ обѣдни въ полковой церкви, Суворовъ съ своимъ штабомъ явился въ кругъ ногайскихъ предводителей. Торжественно читанъ былъ манифестъ Шагинъ-Гирея, гдѣ отрекался онъ отъ своего ханства и передавалъ власть русской императрицѣ. Всѣ высшіе

ногайцы присягнули на коранѣ, въ вѣрности новой власти и привели къ присягѣ своихъ подвластныхъ. Многимъ мурзамъ пожалованы были чины штабъ и оберъ-офицеровъ русской службы. Начался пиръ. Сто воловъ и восемьсотъ барановъ было сварено и изжарено; при пушечной пальбѣ и звукахъ полковой музыки, съ которыми сливались восклицанія татаръ, ура русскихъ и заунывные звуки татарскихъ пѣсенъ и волынокъ, болѣе шести тысячъ ногайцевъ засѣли на разостланныхъ коврахъ. Суворовъ и русскіе офицеры и солдаты угощали своихъ гостей. Забывая заповѣди корана, гости дружно осушали бокалы и кружки съ виномъ и пивомъ. Пиръ заключили конскія скачки. На другой день, въ имянины наслѣдника престола, угощеніе возобновилось. Ногайцы отправились восвояси, повторяя клятвы вѣрности.

Такъ совершено было покореніе областей черноморскихъ. Крымъ былъ переименованъ Тавридою и подчиненъ Потемкину. Труды Суворова императрица наградила орденомъ св. Владиміра первой степени, учрежденнаго за годъ передъ тѣмъ. «Усердная и ревностная служба ваша, доказанная искусствомъ въ части, вамъ порученной», писала императрица въ рескриптѣ, «особливо радѣніе въ дѣлахъ, вамъ ввѣренныхъ, а паипаче исполненіе предлежавшаго вамъ, по случаю присоединенія кубанскихъ народовъ къ имперіи Россійской, обращаютъ на васъ наше вниманіе и милость».

Все казалось тихо и покойно въ Крыму; но опасенія касательно ногайцевъ оправдались. Среди горскихъ народовъ явился изувѣръ Шихъ-Мансуръ и сталъ возбуждать ихъ къ возстанію, именемъ Бога и Мухаммеда. Отважный наѣздникъ, султанъ Тавъ, провозгласилъ ханомъ ногайскимъ племянника Шагинъ-Гирея. Наконецъ самъ Шагинъ-Гирей бѣжалъ изъ Крыма и явился среди мятежниковъ.

Но, пируя съ ногайцами, Суворовъ предварительно принялъ охранительныя мѣры противъ своихъ новыхъ друзей. Когда ногайцы поворотили обратно отъ Дона, ихъ встрѣ-

тило русское войско и разсѣяло полчища ихъ, такъ что болѣе 500 ногайцевъ легло на мѣстѣ; остальные ушли за Кубань, оставя русскимъ семейства свои, женъ, дѣтей, имущество и стада; болѣе 30,000 лошадей, 40,000 штукъ рогатаго скота и 200,000 овецъ достались въ добычу русскимъ. Султанъ Тавъ бросился на Ейскъ, съ 10,000 ногайцевъ. Три дня осаждалъ онъ этотъ городокъ, но былъ отбитъ и бѣжалъ за Кубань.

Суворовъ вѣрно разсчелъ, что быстрый ударъ мгновенно уничтожитъ волненія. Онъ рѣшился самъ идти за Кубань, назначилъ сборное мѣсто въ Копылѣ, неподалеку отъ впаденія Кубани въ Черное море, и собралъ тамъ нужное войско съ артиллеріею и казаками. Отрядъ этотъ отправился прямо изъ Черкасска къ устью Лабы, впадающій въ Кубань, гдѣ, какъ слышно было, закочевали главныя скопища ногайскихъ мятежниковъ. Русскіе шли болѣе 200 верстъ, идя по ночамъ, отдыхая и укрываясь отъ непріятелей днемъ. Въ началѣ похода явился изъ Анапы турокъ, съ вопросомъ анапскаго паши о томъ, какія собрались войска на Кубани, и куда они идутъ? Ему отвѣчали, что идетъ небольшая команда на кавказскую линію. Близъ селенія Аттукайскихъ черкесовъ высыпали въ поле черкескіе всадники и хотѣли вступить въ бой. Суворовъ взъѣхалъ на крутой берегъ и повелительно приказалъ беку, предводившему всадниками, не стрѣлять, если онъ не хочетъ погибнуть. Черкесы не смѣли ослушаться этого приказа. Близъ впаденія Лабы въ Кубань, съ высокой горы, Суворовъ завидѣлъ признаки обширнаго кочевья. Здѣсь соединился съ нимъ казацкій атаманъ Иловайскій, пройдя прямо изъ Черкасска 500 верстъ. Кубань, по сліяніи съ Лабою, разливается почти на двѣ версты въ ширину, но весьма мелка. Войско переправилось въ бродъ. Патронные и пороховые ящики солдаты несли на плечахъ; пушки перекатили по дну рѣки. Затруднительнѣе была переправа черезъ болота, находящіяся въ шести верстахъ за Кубанью. Пройдя семь верстъ

далѣе, захватили ногайскій отрядъ, и рано утромъ, близъ развалинъ старинной крѣпости Керлеенчука, напали на кочевья ногайцевъ. Битва была непродолжительна, но ногайцы, гонимые русскими, дрались въ разсыпную. Суворовъ преслѣдовалъ бѣгущихъ неутомимо. Въ четырнадцати верстахъ отъ мѣста битвы, близъ Сараскаго лѣса, находилось главное ногайское кочевье. Здѣсь съѣхались и союзники ногайцевъ, темиргойцы и наврузы. Они стали сражаться, но не выдержали огня артиллеріи, хотя отчаянно бросались съ своими шашками на русскихъ. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось и на другой день. Пораженіе было ужасное! Болѣе 4,000 ногайцевъ и черкесовъ захвачено было въ плѣнъ; мѣста битвы и всѣ окрестности были покрыты трупами. Ногайцы были разсѣяны совершенно; остатки ихъ погибли въ бѣгствѣ; множество бѣглецовъ были перерѣзаны и полонены черкесами враждебныхъ племенъ. Когда русскіе отдыхали послѣ трудцаго похода и битвъ, явились многіе изъ ногайцевъ съ покорностію, обѣщая возвратиться на прежнее кочевье. Отправивъ войско обратно черезъ Копылъ, а Иловайскаго на Донъ, Суворовъ рѣшился идти прямо на Ейскъ. Походъ былъ чрезвычайно затруднителенъ по степямъ на протяженіи около 300 верстъ. Черезъ рѣчки и болота настилали мостики изъ камышей и дерна. Въ продовольствіи былъ такой недостатокъ, что въ послѣдній день перехода припасовъ вовсе не было.

Страшный урокъ, данный мятежнымъ ногайцамъ, былъ такъ поучителенъ, что остальные ногайцы, уцѣлѣвшіе отъ побоища, смиренно покорились России. Султанъ Тавъ погибъ за Кубанью. Его сообщники явились въ Ейскъ. Суворовъ объявилъ имъ прощеніе и шумное пированіе слѣдовало за примиреніемъ.

По водвореніи спокойствія между кубанцами, Суворовъ жилъ въ крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго, гдѣ находилась главная квартира кубанскаго корпуса.

Не предвидя войны и желая устроить свое имѣніе, онъ просилъ Потемкина о временномъ отпускѣ. Потемкинъ пору-

чилъ ему владимірскую дивизію. Суворовъ избралъ для пребыванія свое помѣстье, село Ундолы, находящееся недалеко отъ Владиміра, по сибирской дорогѣ. Здѣсь пробылъ онъ болѣе года. Лѣтъ тридцать тому, жители еще показывали аллею, насажденную тогда Суворовымъ. Живы еще были не такъ давно старики, разсказывавшіе множество подробностей о житьѣ-бытьѣ своего помѣщика и его постоянныхъ проказахъ. Одѣтый въ холщевую куртку, онъ бѣгалъ по селу, бесѣдовалъ съ крестьянами, пѣлъ и читалъ въ церкви, и самъ звонилъ въ колокола. Но жизнь деревенская, когда все начинало готовиться къ битвѣ, была не по душѣ Суворову. Боясь, что его забудутъ въ деревнѣ, онъ просилъ о переводѣ въ дѣйствующую армію, желая хотя умереть на полѣ битвы. «Смерть на постелѣ — не солдатская смерть»! говаривалъ онъ. «Ѣду въ свою деревню», писалъ онъ Потемкину, «но пріятность праздности не долго меня утѣшить можетъ. Исторгните меня изъ оной, поданіемъ случая по службѣ, гдѣ могу я окончить съ честью мой животъ!» Черезъ полгода просьба Суворова была еще убѣдительнѣе. «Истекающій годъ прожилъ я въ деревнѣ (писалъ онъ изъ Ундолъ), въ ожиданіи команды, гдѣ бы ни получилъ ее, все равно, хотя бы въ Камчаткѣ. Служу больше сорока лѣтъ и мнѣ почти шестьдесятъ лѣтъ, но одно мое желаніе — кончить службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное бытіе мое въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ, при чистѣйшемъ сердцѣ, и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ свѣту привыкать. Наука осѣнила меня къ добродѣтели: я лгу — какъ Эпаминондъ, бѣгаю — какъ Цезарь, постояненъ — какъ Тюреннъ, праводушенъ — какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто бываю неугоденъ, но никогда не измѣнялъ я моего слова, даже ни одному изъ непріятелей. Былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастіемъ. Исторгните изъ праздности, въ роскоши жить не могу....»

Въ началѣ 1785 года, Суворова назначили командиромъ петербургской дивизіи. Императрица встрѣтила его милостиво, призывала къ себѣ и совѣтовалась съ нимъ. Въ сентябрѣ 1786 года онъ былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы. Ему велѣно было принять начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ, около Кременчуга, на Днѣпрѣ.

Въ числѣ приближенныхъ лицъ, окружавшихъ императрицу, во время ея знаменитаго путешествія по Россіи, находился и Суворовъ. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ Потемкинымъ, и шутилъ среди царедворцевъ, не боясь угрюмаго Румянцева. Король польскій Станиславъ встрѣтилъ его какъ стараго знакомаго. Въ Кременчугѣ Екатерина любовалась маневрами войскъ, предводимыхъ Суворовымъ. Онъ сопровождалъ императрицу въ Херсонъ. Здѣсь нечаянно подошелъ къ нему какой-то австрійскій офицеръ, безъ всякихъ знаковъ отличія — то былъ императоръ Іосифъ. Суворовъ говорилъ съ нимъ, притворяясь будто вовсе не знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, и съ улыбкой отвѣчалъ на вопросъ его: «Знаете-ли вы меня?» — «Не смѣю сказать, что знаю,» и прибавилъ шопотомъ: «говорятъ, будто вы императоръ римскій!» — «Я довѣрчивѣе васъ», отвѣчалъ Іосифъ, «и вѣрю, что говорю съ русскимъ фельдмаршаломъ, какъ мнѣ сказали.»

Пока продолжалось путешествіе императрицы по Крыму, Суворовъ готовилъ войско, для встрѣчи ея въ Блакитной, въ семидесяти верстахъ отъ Херсона. Послѣ маневровъ здѣсь, онъ присоединился къ свитѣ ея, и въ Полтавѣ, на прощанье, получилъ отъ нея на память драгоцѣнную табакерку, осыпанную бриллiантами. Изъ Полтавы сопровождалъ онъ Потемкина въ Кременчугъ и польскія его деревни, и съ важными порученіями поспѣшилъ въ Херсонъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, началась вторая турецкая война, далеко затмившая первую, румянцевскую. Званіе главнокомандующаго принадлежало тогда Потемкину, но героемъ этой войны былъ Суворовъ. Въ

первый разъ вполнѣ показалъ онъ тогда свой военный генiй, утвердилъ молву о своей непобѣдимости, развилъ свою тактику, и сталъ въ ряду первыхъ полководцевъ своего времени.

Въ 1787 году Суворову совершилось пятьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ былъ уже въ лѣтахъ довольно преклонныхъ, казался хилымъ, съ его сѣдою, прикрытою рѣдкими волосами, головою и морщиноватымъ лицомъ,—сгорбленнымъ, при маленькомъ ростѣ. Но онъ былъ крѣпокъ, здоровъ, проворенъ, неутомимъ, ловко ѣздилъ верхомъ, легко переносилъ труды, безсонницу, голодъ, жажду. Голубые глаза его сверкали умомъ. Странности его никого не удивляли, потому что уже нечего было прикрывать ими: офицеръ на двацать пятомъ году, бригадиръ на сороковомъ, въ восемнадцать лѣтъ затѣмъ перегналъ онъ многихъ товарищей, былъ генералъ-поручикомъ съ 1774 г., генералъ-аншефомъ съ 1786 г. Если оставались еще немногiе старше его чинами, то безспорно первымъ былъ онъ въ мнѣнiи какъ императрицы, такъ всесильнаго Потемкина, и, главнѣе, всего войска, даже народа, видѣвшаго Суворова всюду — въ Пруссiи, Польшѣ, Крыму, на Волгѣ, Кубани. Непобѣдимость его и тогда уже сдѣлалась повѣрьемъ солдатскимъ и народнымъ. Странности его разсказывали, какъ диковинку, преувеличивая ихъ, говоря, какъ онъ бѣгаетъ, прыгаетъ, поетъ пѣтухомъ, говоритъ правду всякому, ходитъ зимою безъ шубы, ѣздитъ передъ войскомъ въ дѣдушкиной шинели. Причуды эти, конечно, никого не могли обмануть, но Суворовъ уже такъ привыкъ къ нимъ, что не могъ отъ нихъ отказаться. «Вотъ человѣкъ, который хочетъ всѣхъ увѣрить, что онъ глупъ, и никто не вѣритъ ему!» говорилъ, угрюмо улыбаясь, Румянцевъ. Среди великолѣпной свиты императорской, Суворовъ проказничалъ, какъ вездѣ, и изумлялъ чужестранцевъ своею оригинальностiю, умомъ и начитанностiю. Умный Сегюръ писалъ объ немъ, какъ о генiи, по его достоинствамъ и о философѣ, по его странностямъ; принцъ де-Линь, искусникъ въ шуткѣ остроумной, называлъ его *Александромъ Дiогеновичемъ*. Встрѣтившись въ Кiевѣ съ

Ламетомъ, Суворовъ остановился, уставилъ на него глаза и началъ поспѣшно спрашивать: «Кто вы? какого званія? какъ ваше имя?» Ламетъ также поспѣшно отвѣчалъ ему: «Французъ, полковникъ, Александръ Ламетъ». — «Хорошо!» сказалъ Суворовъ. Немного оскорбленный допросомъ, Ламетъ также быстро переспросилъ: «Кто вы? какого званія? какъ ваше имя?» Послѣ отвѣтовъ: «Русскій, генералъ, Суворовъ,» Ламетъ прибавилъ въ свою очередь: «Хорошо!» Суворовъ захохоталъ, обнялъ Ламета и сдѣлался другомъ его. Завистники разнесли слухъ, что Суворова, дряхлаго и больнаго, предполагаютъ уволить отъ службы. При первой прогулкѣ съ императрицею по водѣ, когда лодка приставала къ берегу, Суворовъ прыгнулъ на берегъ. «Ахъ! Александръ Васильевичъ! какой вы молодецъ!» сказала ему, смѣясь, Екатерина.—«Какой молодецъ, матушка! Вѣдь говорятъ, будто я инвалидъ!»—«Едва-ли тотъ инвалидъ, кто дѣлаетъ такіе сальтомортале!» возразила Екатерина. — «Погоди, матушка, еще не такъ прыгнемъ въ Турціи»! отвѣчалъ ей Суворовъ. Ему сказали, что императрица за что-то изъявила на него досаду. Онъ бросился передъ нею и легъ у ногъ ея. — «Что вы? Что вы, Александръ Васильевичъ?» спрашивала Екатерина, поднимая его. Суворовъ вскочилъ бодро и сказалъ, смѣясь: «Вотъ, врутъ, будто я упалъ; видите: сама матушка царица подняла меня!» Эпиграммы его были безпощадны. Когда въ Полтавѣ императрица, довольная маневрами войскъ, спросила: «Чѣмъ мнѣ наградить васъ?» — «Ничего не надобно, матушка,» отвѣчалъ Суворовъ, давай тѣмъ, кто проситъ, вѣдь у тебя такихъ попрошаекъ много чай, много?» Императрица настояла:—«Если такъ, матушка, спаси и помилуй: прикажи отдать за квартиру моему хозяину, покою не даетъ, а заплатить нечѣмъ»! — «А развѣ много?» сказала Екатерина. — «Много, матушка, три рубля съ половиной!» важно произнесъ Суворовъ. Деньги были выданы, и Суворовъ разсказывалъ «объ уплатѣ за него долговъ»

императрицею. «Промотался!» говорилъ онъ, «хорошо, что матушка за меня платитъ, а то бѣда бы....»

Въ августѣ 1787 года, поспѣшно прискакалъ Суворовъ въ Херсонъ и принялъ начальство надъ тридцати тысячнымъ корпусомъ войскъ и черноморскимъ флотомъ. Заслонивъ войскомъ устье Буга и устроивъ пловучія баттареи. передъ Херсономъ и Глубокою, Суворовъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Кинбурнъ, потому что отсюда могъ наблюдать всѣ дѣйствія непріятеля. Первое извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій, и о скоромъ приходѣ турецкаго флота, получено было изъ Очакова. Августа 19-го турецкіе корабли напали на стоявшіе у Кинбурна фрегатъ и ботъ; они успѣли отбиться и уйти. Тогда явился флотъ турецкій, состоявшій изъ 18-ти линейныхъ кораблей и фрегатовъ и 38-ми мелкихъ судовъ. Онъ расположился въ Очаковѣ и закрылъ входъ въ лиманъ Днѣпровскій. Русскому флоту велѣно было выступить изъ Севастополя. «Хотя бы всѣмъ погибнуть, но только покажите неустрашимость вашу, нападите и истребите непріятеля», писалъ Потемкинъ. Къ несчастію, жестокая буря разсѣяла русскій флотъ и повредила корабли, такъ, что начальникъ флота, графъ Войновичъ, съ трудомъ возвратился въ Севастополь: одинъ русскій корабль былъ занесенъ въ Цареградскій проливъ и достался туркамъ.

Положеніе Суворова было затруднительно. Ободренные успѣхомъ, турки рѣшились употребить всѣ силы противъ Кинбурна.

Корабли турецкіе приблизились къ Кинбурну и стали бомбардировать его. Имъ удачно отвѣчали. Одинъ корабль турецкій взлетѣлъ на воздухъ, другіе отошли поврежденными. Тогда турки рѣшились взять Кинбурнъ приступомъ. Сентября 30-го бомбардировка началась снова съ кораблей и еще сильнѣе возобновилась октября 1-го.

Турецкіе корабли подошли къ крѣпости и открыли страшную пальбу. Мужественно стояла русская пѣхота, но тщетны

были ея усилія. Генералъ, предводившій ею, былъ раненъ и вынесенъ за фронтъ. Турки принялись за сабли и кинжалы, и съ дикимъ воплемъ гнали русскихъ, когда самъ Суворовъ бросился впередъ, крича: «Ребята! за мной!» Ядромъ оторвало морду у его лошади. Онъ упалъ. Турки кинулись къ нему. Русскіе солдаты бросились защищать его, съ крикомъ: «Братцы! спасайте генерала!» Мушкетеръ Новиковъ повергъ штыкомъ турка, уже занесшаго саблю на Суворова. Турки были сбиты вторично, но они воротились еще разъ, и третье нападеніе ихъ было страшнѣе двухъ прежнихъ. Всѣ окружавшіе Суворова были убиты или ранены. Пуля пробила ему лѣвую руку, онъ принужденъ былъ удалиться за крѣпость, истекая кровью. При немъ находились только ординарецъ и казачій урядникъ. Суворовъ велѣлъ наскоро обмыть рану свою морскою водою и завязать; потомъ перевернулъ онъ рубашку, надѣлъ ее сухимъ рукавомъ на рану, и говоря: «Помогло, помилуй Богъ, помогло!» поспѣшилъ снова въ битву. Она представляла безпорядочное смѣшеніе. Бой былъ рукопашный. Русскіе перемѣшались съ турками, такъ, что съ крѣпости не возможно было стрѣлять, и хотя выстрѣлами успѣли взорвать двѣ турецкія лодки, но, казалось, дѣло было проиграно. Многолюдство наконецъ должно было одолѣть храбрость. Турки тѣснили, гнали русскихъ — но счастье не забыло своего любимца: десять эскадроновъ конницы уже приблизились къ Кинбурну и немедленно были введены въ дѣло. Ужасное пораженіе слѣдовало за ихъ ударомъ. Турковъ гнали, били, топили въ морѣ, не смотря на отчаянную оборону. Едва 700 человѣкъ спаслось изъ 6,000, вышедшихъ на Кинбурнскую косу. Лучшая половина очаковскаго гарнизона погибла въ этой высадкѣ. Изъ 600 взятыхъ въ плѣнъ турковъ умерло отъ ранъ 500. Труповъ дервишей насчитали до пятидесяти. Паша, предводившій турками, былъ убитъ. Русскихъ убито до 200 и ранено до 800. Въ десять часовъ вечера кончилось сраженіе, и когда только вопли раненныхъ и уто-

павшихъ турокъ оглашали воздухъ, Суворовъ, чувствуя совершенное изнеможеніе силъ, отправился въ крѣпость. Едва перевязали вновь ему рану, какъ онъ упалъ безъ чувствъ, но, услышавъ тревогу при нападеніи запорожцевъ, послѣдовавшемъ уже ночью, на ботахъ, забылъ свою рану и явился на валу. Нападеніе отбили нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Весь слѣдующій день хоронили убитыхъ. Трупы непріятелей бросали въ море. Октября 3-го русское войско выстроилось по Кинбурнской косѣ, и «Тебе, Бога, хвалимъ!» было воспѣто, при громѣ пушекъ съ крѣпости.

Сколь несчастны могли быть слѣдствія утраты Кинбурна, потому что тогда подвергался гибели Херсонъ, и туркамъ открытъ былъ свободный путь въ Крымъ, столь важны оказались послѣдствія побѣды. Флотъ турецкій немедленно удалился въ Царьградъ. Повергая въ уныніе турковъ, побѣда ободрила русскихъ. «Не нахожу словъ благодарить тебя, сердечный другъ!» писалъ Суворову Потемкинъ, «да возстановитъ Богъ твое здоровье для общихъ трудовъ!» Октября 17-го праздновали побѣду Суворова въ Петербургѣ. «Старикъ поставилъ насъ на колѣни; жаль только, что его ранили», говорила Екатерина, и собственноручнымъ письмомъ изъявила Суворову благодарность. «Въ первый разъ по началѣ войны», писала она, «благодарили мы Бога за побѣду и одолѣніе надъ врагомъ, и читали въ церкви дѣянія ревности, усердія и храбрости вашей. Объявите всѣмъ наше усердіе и благодарность. Молимъ Бога, да исцѣлитъ раны ваши и возставитъ васъ къ новымъ успѣхамъ». Подвигъ Суворова былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. «Вы заслужили его вѣрою и вѣрностью», писала Екатерина. «Умноживъ услуги свои, вы подтвердили мнѣніе Россіи о вашихъ достоинствахъ, и ваше бдѣніе и неустрашимость доставили намъ побѣду,» прибавилъ къ тому Потемкинъ. Солдатская пѣсня прославила подвигъ Суворова, и вся армія русская пѣла:

Наша Кинбурнская коса
Вскрыла первы чудеса!

Суворовъ былъ въ восхищеніи отъ писемъ императрицы и, по этому случаю, такъ писалъ къ Потемкину: «Такого писанія, какое получилъ я, никогда и ни у кого отъ высочайшаго престола я не видывалъ. Судите мое простонравіе — ключъ таинствъ души моей въ рукахъ вашихъ!» — «У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете», писалъ Суворовъ дочери, бывшей тогда въ Смольномъ монастырѣ. «И такъ мы танцовали: въ боку картеча, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади оторвало мордочку! То-то была комедія — насилу черезъ восемь часовъ съ театра отпустили. Я только, что возвратился — проѣздилъ 500 верстъ верхомъ. А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики, на поляхъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, да осетры — пропасть! Прости, мой другъ, Наташа! Знаешь-ли, что матушка императрица пожаловала мнѣ андреевскую ленту за вѣру и вѣрность?»

Въ 1788 году война съ Турціею усилилась и велась въ огромныхъ размѣрахъ. Суворовъ снова дѣйствовалъ подъ главнымъ начальствомъ князя Потемкина, который съ 40,000 войска два мѣсяца шелъ къ Очакову, только 20-го іюля обложилъ его, и еще прошелъ мѣсяцъ, пока началась осада. Суворовъ призванъ былъ подъ Очаковъ; ему поручено было отъ Потемкина лѣвое крыло войска, осаждавшаго крѣпость. Лагерь его примыкалъ къ морскому берегу. Въ бездѣйствіи ожидало русское войско приказовъ главнокомандующаго и не могло дождаться ихъ. Суворовъ еще весною представилъ Потемкину планъ свой, состоявшій въ томъ, что, послѣ страха, наведеннаго на турковъ истребленіемъ флота, всего легче взять Очаковъ поспѣшною осадою и рѣшительнымъ приступомъ. Когда началась медленная осада Очакова, Суворовъ заговорилъ, громко и смѣло: «Не такъ бивали мы поляковъ, не такъ бивали и турковъ; тѣмъ крѣпости не возьмешь, что станешь стоять передъ нею; послушались бы меня, и давно бы Очаковъ былъ нашъ: штурмъ всего лучше и дешевле станетъ!»

Нетерпѣніе Суворова умножалось: онъ предвидѣлъ пагубныя слѣдствія медленности, и рѣшился, подвергаясь гнѣву Потемкина, показать ему что должно было дѣлать.

Турки сдѣлали сильную вылазку на прибрежныя укрѣпленія, гдѣ былъ Суворовъ. Ударъ въ штыки заставилъ ихъ бѣжать. Гренадеры, разгоряченные преслѣдованіемъ непріятеля, достигли крѣпостнаго ретраншамента. Изъ крѣпости явились на помощь своимъ. Суворовъ долженъ былъ подкрѣпить гренадеровъ. Битва завязалась упорная. Турки выходили тысячами. Суворовъ усиливалъ подкрѣпленія, наконецъ самъ бросился въ огонь, ведя нѣсколько полковъ. Тревога распространилась въ крѣпости и по всему лагерю. Турки уступали — побѣда одушевляла русскихъ. Легко можно было ворваться въ Очаковъ. Суворовъ послалъ просить Потемкина двинуться на крѣпость со всѣхъ сторонъ. Принцъ де-Линь прибѣжалъ къ Потемкину и умолялъ его о томъ. Минута была рѣшительная. Потемкинъ, внѣ себя отъ гнѣва, плакалъ съ досады. Можетъ быть, и безъ него рѣшилось бы дѣло, и Очаковъ палъ бы, ибо ретраншаментъ былъ уже въ рукахъ русскихъ, но, къ несчастію, Суворова жестоко ранили: пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Онъ чувствовалъ, что рана была опасна, захватилъ ее рукою и поскакалъ въ свою палатку, сдавъ команду генералъ-поручику Бибикову. Не зная, что дѣлать и не видя подкрѣпленія, Бибиковъ смѣшался и поспѣшно велѣлъ отступать. Турки ободрились, ударили на отступавшихъ, и обратили ихъ въ бѣгство. Нѣсколько сотъ человѣкъ русскихъ погибло подъ саблями янычаръ. Въ извѣстіяхъ изъ арміи, упомянуто было объ этомъ дѣлѣ, какъ о небольшой ошибкѣ, и сказано, что русскіе потеряли убитыми 3 офицеровъ, 150 рядовыхъ, да ранено было 6 офицеровъ, 204 рядовыхъ, а генералъ-аншефъ Суворовъ раненъ легко въ шею. Но рана была не легкая. Когда вырѣзали пулю, Суворовъ лишился чувствъ; обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ; рана воспалилась; онъ едва дышалъ, призвалъ священника, исповѣдался и готовился къ

смерти. Лошадь, бывшая подъ нимъ, пала мертвая отъ ранъ, какъ только разсѣдлали ее. Жестокая горячка терзала Суворова. Къ страданію тѣлесному прибавилась скорбь душевная. Потемкинъ не хотѣлъ его видѣть, но написалъ ему письмо, и жестоко упрекалъ его за безполезную погибель солдатъ и за своевольничество. «Солдаты такая драгоцѣнность, что ими нельзя безполезно жертвовать», писалъ Потемкинъ. «Ни за-что ни про-что погублено столько драгоцѣннаго народа, что весь Очаковъ того не стоитъ! Странно, что при мнѣ мои подчиненные распоряжаются движеніями войскъ, даже не увѣдомляя меня!»

Письмо было писано въ такомъ волненіи, что едва можно было разобрать его. Потемкинъ не слушалъ оправданій и увѣреній, что Суворовъ старался воспользоваться счастливымъ случаемъ. Опасно больной, Суворовъ отправился въ Кинбурнъ. Тамъ операцію ему сдѣлали снова. Сонъ укрѣпилъ силы старика. Отъ огорченія, онъ занемогъ желтухою. Боялись, что шея у него искривится, но, наблюдая строгую діету, Суворовъ начиналъ чувствовать себя лучше, когда одно новое несчастное событіе едва не погубило его. Онъ лежалъ въ своей комнатѣ, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, какъ вдругъ услышалъ трескъ: съ ужаснымъ громомъ бомба упала въ его комнату сквозь потолокъ и лопнула, изломавши кровать, гдѣ лежалъ онъ, и повредивъ стѣну. Едва успѣлъ выскочить Суворовъ въ сѣни, какъ былъ осыпанъ обломками и израненъ ими; кровь хлынула у него изъ рта. Ясный день превратился въ ночь. Съ трудомъ могъ добраться Суворовъ до лагеря за крѣпостію: тамъ только узналъ, что взорвало артиллерійскую мастерскую, гдѣ начиняли бомбы и гранаты. Подъ Очаковомъ думали, что весь Очаковъ взлетѣлъ на воздухъ. Заживавшая рана раскрылась. «Благодарю васъ за участіе, пріемлемое въ случаѣ здѣшняго несчастнаго трясенія,» писалъ Суворовъ въ Петербургъ, «но, слава Богу, большаго вреда не было: знаки на лицѣ, да ударъ въ грудь, въ колѣно

и въ локоть; писать не могу.» И, среди этихъ страданій Суворова, разгнѣванный Потемкинъ не переставалъ Суворова терзать, то за ничтожную ошибку какого то офицера, то за то, что Суворовъ потребовалъ къ себѣ племянника и удержалъ его при себѣ. Потемкинъ причелъ въ вину Суворову всѣ прежніе донесенія и совѣты, переданные въ письмахъ къ нему и къ другимъ, и не хотѣлъ даже вѣрить, что онъ жестоко раненъ.

Неудовольствія не прекращались, и Суворовъ рѣшился объясниться съ Потемкинымъ. Больной, еле двигаясь, явился онъ въ ставку его, безмолвно слушалъ его упреки, видѣлъ, что оправдаться невозможно, вымаливать же помилованія онъ не хотѣлъ, да и не было основанія къ тому: оставалось просить объ увольненіи.

На рѣшительное письмо, Потемкинъ, какъ нѣкогда Румянцевъ, отвѣчалъ увольненіемъ. Кажется, это быстрое рѣшеніе испугало Суворова. Грустно помышлялъ онъ, что долженъ оставить поле битвъ и чахнуть въ деревнѣ, когда думалъ, что судьба поведетъ его къ побѣдамъ, къ славной смерти, которой онъ такъ жаждалъ. Суворовъ смирился и написалъ Потемкину другое письмо. Потемкинъ былъ неумолимъ. Онъ хотѣлъ доказать, что если гнѣвъ его постигъ кого либо, то для такого опальнаго нѣтъ службы нигдѣ. Всѣ заслуги Суворова были мгновенно забыты. Суворовъ оставилъ армію, прожилъ еще нѣсколько времени въ Херсонѣ, вѣроятно, ожидая милости, но ничего не могъ дождаться и уѣхалъ въ Кременчугъ.

Казалось, поприще Суворова навсегда кончилось. Немилость Потемкина продолжалась. Прежде, когда угрожалъ Суворову гнѣвъ Веймарна, или Румянцева, была надежда, что его не выдадутъ. Кто теперь могъ заступиться? Возвысить голосъ къ престолу, къ матушкѣ императрицѣ, онъ не смѣлъ и какъ возвысить его, когда Потемкинъ сталъ тогда на высочайшую степень почестей, власти и могущества? — Послѣ четырехъ-мѣсячнаго медленія, которое выводило изъ терпѣнія

все войско, Потемкинъ рѣшился на приступъ, да и надобно было на что нибудь рѣшиться: наступила жестокая зима, оставшаяся въ памяти народной, подъ именемъ очаковской; — русскіе гибли, и декабря 6-го, въ Николинъ день, Очаковъ палъ передъ штыками раздраженныхъ воиновъ, пока Потемкинъ молился на главной баттареѣ, восклицая: «Господи, помилуй!»

Взятіе Очакова не только загладило всѣ ошибки Потемкина, его медленность и нерѣшительность, но ни какая славная побѣда не могла быть награждена такъ, какъ наградили Потемкина за взятіе крѣпости, которую столь легко могъ бы покорить Суворовъ, если бы ему не помѣшали. Потемкинъ побѣдителемъ ѣхалъ въ Петербургъ, отдыхать послѣ своихъ подвиговъ. Въ темныя зимнія ночи для него освѣщали дорогу кострами. По городамъ встрѣчали его генералъ-губернаторы. Толпы народа кричали ему ура! Едва пріѣхалъ онъ въ столицу, какъ Екатерина сама посѣтила его и привѣтствовала съ побѣдою. Похвальная грамота, медаль на память потомству, фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брилліантами, орденъ св. Александра Невскаго, прикрѣпленный къ брилліанту, въ 100,000 рублей цѣною, шпага съ брилліантами, сто тысячь рублей на достройку Таврическаго Дворца, были его наградами по пріѣздѣ въ Петербургъ. Георгій первой степени присланъ былъ ему подъ Очаковымъ. Едва онъ потребовалъ смѣны Румянцева, воля его исполнилась. Обѣ арміи на слѣдующій годъ поступили подъ начальство Потемкина. Чей голосъ смѣлъ тогда возвыситься противъ него?

Только любовь родительская могла въ то время утѣшить Суворова. Милая ему дочь, его обожаемая Суворочка, перешла въ тотъ годъ въ старшій возрастъ Смольнаго монастыря. Среди кровавыхъ битвъ и ужасовъ смерти, Суворовъ писалъ къ ней шутливыя письма. «Ты меня такъ утѣшила письмомъ, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слогу учитъ? Боюсь — меня перещеголяешь! Ай! *Суворочка!* Сколько у насъ салата, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, цвѣтовъ! Волны бьютъ въ

берега, какъ изъ пушекъ, и слышно, какъ въ Очаковѣ собаки лаютъ и пѣтухи поютъ. Посмотрѣлъ бы я на тебя въ бѣломъ платьицѣ! При свиданіи, не забудь разсказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности. Голубушка *Суворочка!* Цѣлую тебя! Радъ говорить съ тобой о героахъ—научи имъ послѣдовать. А какой по ночамъ въ Очаковѣ вой: собаки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блѣютъ, козы ревутъ! Я сплю на косѣ — она далеко въ море ушла. Гуляю по ней и слушаю, какъ турки говорятъ на своихъ лодкахъ, и вижу, какъ они курятъ трубки. А лодки у нихъ такія большія — иная съ вашъ Смольный, паруса съ версту, и на иной лодкѣ ихъ больше солдатиковъ, чѣмъ у васъ въ Смольномъ мухъ, и желтенькіе, и синенькіе, и красненькіе, и сѣренькіе и зелененькіе, да и ружья то у нихъ величиною съ ту комнату, въ которой ты спишь съ сестрами!»

Страдая отъ ранъ и душевной скорби, добрый отецъ все еще шутилъ съ своею Суворочкою. «Мы были съ турками въ рекреатуарѣ. Ай, да охъ! какъ подчивались — бросались свинцовымъ горохомъ, желѣзными кеглями, съ твою голову величиною. Такія у насъ были длинныя булавки, да ножницы кривыя и прямыя — рука не попадайся, тотчасъ отхватятъ, да и голову отрѣжутъ! Кончилось иллюминаціей и фейерверкомъ, и съ пира турки ушли — ой! далеко — Богу по своему молиться! Только — больше ничего нѣтъ, да и то забрались мы съ тобой! Прости, душа моя!» Живя въ деревнѣ, совершенно неожиданно, Суворовъ вдругъ увидѣлъ удивительную перемѣну въ письменныхъ отношеніяхъ Потемкина. Требуя только безусловной покорности, Потемкинъ готовъ былъ примириться, и забыть прежнее. Императрица звала Суворова въ Петербургъ. Онъ поскакалъ зимою, на почтовыхъ, и упалъ въ ноги матушкѣ императрицѣ, предварительно написавши Потемкину: «Скромность, притворность, благонравіе, своенравіе, твердость, упрямство равновластны — что изволите разумѣть? Общій порокъ человѣчества? На него пятая заповѣдь (чти

отца твоего и матерь твою). По естеству, или случаю, одинъ способенъ къ первой роли, другой ко второй; не въ своей оба испортятъ, хотя обоимъ воинскіе законы руководство и счастье отъ ихъ правилъ. Кто у васъ отнимаетъ, свѣтлѣйшій князь? Вы великій человѣкъ, вы начальникъ начальниковъ, вы вѣчны, вы кратки; вамъ себя поручаю!» Умъ Екатерины примирилъ всѣ затрудненія. Надобно было наградить Суворова за безвинное терпѣніе; нельзя было дать ему награды за Очаковъ; придумали еще награду за Кинбурнъ: брилліантовое перо на каску, съ изображеніемъ буквы К. (Кинбурнъ). Но лучшею наградою ему были неограниченная довѣренность Потемкина и немедленное отправленіе въ армію, гдѣ возложили на него главную обязанность. Суворовъ былъ вполнѣ въ своей сферѣ!

Въ началѣ іюля услышали о движеніи турецкихъ силъ: 40,000 оттоманскій корпусъ передвинулся черезъ Дунай и шелъ на австрійцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Онъ спѣшилъ увѣдомить Суворова. Немедленно выступилъ Суворовъ. Принцъ Кобургскій безпокоился, не получая отвѣта, когда его извѣстили, что русскіе уже пришли. Въ полторы сутки Суворовъ прошелъ восемьдесятъ верстъ. Принцъ Кобургскій хотѣлъ видѣться съ другомъ своимъ. Суворовъ отдыхалъ въ солдатской палаткѣ, не велѣлъ сказывать, что онъ пришелъ съ войскомъ, и объявить напротивъ, что онъ остался назади. Принцъ Кобургскій пріѣзжалъ три раза; ему повторяли одно: «Суворова нѣтъ!» Рано утромъ Суворовъ ударилъ сборъ, и безъ объясненій прислалъ приказъ: выступить немедленно. Онъ сказалъ принцу Кобургскому, что надобно идти на непріятеля, стоявшаго въ 80 верстахъ, подъ Фокшанами, и не слушалъ возраженій его о малочисленности войскъ. Надлежало повиноваться. Поспѣшно отправились съ мѣста, скрывая соединеніе русскихъ съ принцомъ Кобургскимъ. Суворовъ пустилъ передовыми австрійскіе отряды, хотя самъ былъ при нихъ, и такъ отважно выѣзжалъ впередъ, что едва не попался въ

плѣнъ турецкому отряду. Двое сутокъ продолжался походъ. Бой кончился извѣстною фокшанскою побѣдою.

Суворовъ и принцъ Кобургскій обнялись на полѣ битвы, выигранной летучею быстротою Суворова. Потеря людей была ничтожна. Спрашивали у Суворова: почему не хотѣлъ онъ видѣться съ принцомъ Кобургскимъ по приходѣ въ Аджудъ? «Нельзя было», отвѣчалъ Суворовъ, «онъ умный, онъ храбрый, да онъ тактикъ, а у меня былъ планъ не тактическій. Мы заспорили бы, и онъ загонялъ бы меня, дипломатически, тактически, энигматически, а непріятель рѣшилъ бы споръ тѣмъ, что разбилъ бы насъ! Вмѣсто того — ура! съ нами Богъ! и спорить было некогда!»

Императоръ австрійскій наградилъ принца Кобургскаго крестомъ Маріи-Терезіи. Суворовъ получилъ отъ него табакерку съ бриліантовымъ вензелемъ. Изъ Петербурга ничего не было прислано. Фокшанская битва оживила на время войну, но послѣ нея обѣ арміи, русская и австрійская, опять бездѣйствовали. На Суворова обращалось общее вниманіе. Отъ него ждали вѣстей, и онъ не замедлилъ исполненіемъ ожиданій. Сентября 11-го произошла памятная въ военной исторіи битва, имя которой соединилось въ потомствѣ съ именемъ Суворова, битва на рѣкѣ *Рымникъ*.

Съ огромными турецкими силами явился тогдашній турецкій визирь, который удивлялся разсказамъ и не вѣрилъ, что русскими предводилъ Суворовъ. «Суворовъ убитъ въ Кинбурнѣ», говорилъ онъ. Но его увѣрили въ истинѣ, что Суворовъ живъ, и что онъ страшный *топалъ-паша* (хромой паша, такъ называли тогда турки Суворова, потому что онъ накололь нечаянно ногу и хромалъ). Слыша о малочисленномъ корпусѣ Суворова, визирь хотѣлъ отмстить за Фокшаны, уничтоженіемъ русскихъ и австрійцевъ. Суворовъ между тѣмъ сдѣлалъ самыя превосходныя военныя распоряженія. Принцъ Кобургскій извѣстилъ Суворова, что вся армія визиря, числомъ около 100,000 человѣкъ, шла на него. «Спасите насъ!»

писалъ принцъ Кобургскій. Суворовъ отвѣчалъ однимъ словомъ на лоскуткѣ бумаги: «Иду!» Въ полночь выступилъ онъ. Къ досадѣ его, гроза и дождь, отъ чего развело большія грязи и разрушило мостъ на Серетѣ, затруднили переходъ. Несмотря на то, принцъ Кобургскій изумился быстрому приходу Суворова, выбѣжалъ на встрѣчу ему, и называлъ его спасителемъ своимъ.

Переходъ Суворова былъ совершенъ такъ тихо и быстро, нападеніе было сдѣлано такъ внезапно, что когда услышанная вдали канонада распространила тревогу въ турецкомъ лагерѣ, никто не вѣрилъ, что *топалъ-паша* русскій (хромой паша) былъ тутъ и осмѣлился сразиться. Визирь спокойно пилъ кофей. Чашка выпала у него изъ рукъ при извѣстіи — «Суворовъ здѣсь и уже сражается»! Немедленно велѣлъ онъ идти на помощь авангарду. Шпіонъ, извѣстившій его, что за два дня русскіе стояли спокойно въ Пучини, былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, хотя несчастный говорилъ правду, которую превратила въ ложь предусмотрительность и необычайная быстрота Суворова.

Помощь, отправленная визиремъ къ авнгаарду, состоявшая изъ 5,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Османа-паши, бывшаго подъ Фокшанами, прискакала на мѣсто битвы поздно. Захваченные въ расплохъ, турки выслали отрядъ изъ лагеря, но онъ былъ сбитъ, смятъ, и, не боясь пальбы турковъ, Суворовъ устремился на высоты. Турки бѣжали! Самая великолѣпная побѣда была послѣдствіемъ этого сраженія!

Визирь, въ отчаяніи, бѣжалъ за рѣку, въ многихъ мѣстахъ запруженную трупами людей, лошадьми, пушками, обозомъ. Картечные выстрѣлы и конница довершили пораженіе. Вечерѣло, когда союзники вступили въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу *Рымника.* Принцъ Кобургскій явился къ Суворову, съ своими генералами и офицерами, и не зналъ, какъ благодарить его. На другой день рано утромъ, завладѣли визирскимъ лагеремъ, взяли даже шатеръ его, богато вышитый

золотомъ. Турки бѣжали къ Браилову и, не останавливаясь, переправлялись за Дунай. Визирь не перенесъ позора пораженія: онъ умеръ въ какой-то румелійской деревнѣ, терзаемый горестью. Число погибшихъ турокъ полагали болѣе 10,000; весь обозъ, 100 знаменъ, 80 пушекъ и мортиръ достались побѣдителямъ, сверхъ богатой добычи и запасовъ. Въ числѣ пушекъ много было австрійскихъ, отбитыхъ у нихъ прежде турками.

При дѣлежѣ этихъ пушекъ, произошелъ споръ: австрійцы требовали обратно своихъ пушекъ, ими отданныхъ туркамъ, но не ими взятыхъ отъ турокъ. «Отдайте имъ», сказалъ Суворовъ, «вѣдь они свое берутъ. Мы еще себѣ достанемъ, а имъ гдѣ взять?» Уронъ союзниковъ былъ ничтожный. Такъ совершилась знаменитая побѣда, которую австрійцы назвали битвою подъ Мартинешти, а русскіе *рымникскою*. Она произвела всеобщій восторгъ въ Австріи и Россіи. Императоръ спѣшилъ наградить побѣдителей. Суворовъ возведенъ былъ въ графы римской имперіи; принцъ Кобургскій пожалованъ былъ фельдмаршаломъ. Екатерина наградила «своего генерала» по-царски: орденъ св. Георгія 1-й степени, графское достоинство, съ названіемъ Рымникскаго, брилліантовые знаки андреевскаго ордена, и золотыя шпаги, ему и принцу Кобургскому, осыпанныя брилліантами, съ надписью: *Побѣдителю визиря*, свидѣтельствовали о признательности императрицы. «Всегда и у всякаго равно пріобрѣли бы вы побѣды и награды», писалъ Суворову Потемкинъ, «но не всякій съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, препроводилъ бы вамъ награду. Увѣрься, графъ Александръ Васильевичъ, что я добрый человѣкъ и буду такимъ».

Суворовъ писалъ къ дочери: «Графиня двухъ имперій!— И у меня горячка въ мозгу, да и кто выдержитъ? Слышала ли ты, сестрица, душа моя: еще какой получилъ я рескриптъ, на полулистѣ, какъ будто Александру Македонскому; знаки св. Андрея тысячь въ пятьдесятъ, да выше всего, голубочка,

первый классъ св. Георгія! Вотъ каково награждается твой папенька за доброе сердце! Чуть было, право, отъ радости не умеръ!» Восхищенный принцъ де-Линь писалъ Суворову: «Любезный братъ Александръ Филипповичъ, зять Карла XII, племянникъ Баярда, потомокъ де-Блуаза и Монтлюка! Ты заставилъ меня плакать отъ радости и удивленія! Надѣюсь вмѣстѣ съ тобою проливать кровь невѣрныхъ—хочу быть твоимъ подражателемъ! Удостой меня немногою дружбою, въ замѣнъ моего жаркаго къ тебѣ почтенія!» — «Дядюшка! потомокъ Юлія Цесаря, внукъ Александра Македонскаго, правнукъ Іисуса Навина», отвѣчалъ ему Суворовъ, «уваженіе, почтеніе, дружба мои къ тебѣ не измѣнны; я хочу тебѣ подражать. Мы такъ зальемъ кровью невѣрныхъ поля, что на нихъ ничто уже не выроститъ. Сила рѣшитъ, а счастіе пособитъ. Мы поразимъ толпы враговъ, какъ стѣнобитное орудіе поражаетъ крѣпости, и я обниму тебя въ тѣхъ вратахъ, гдѣ палъ послѣдній Палеологъ, и скажу; видишь—я сдержалъ слово: побѣда или смерть! И громъ славы нашей наполнитъ вселенную, вельможа съ чистымъ сердцемъ Іосифа, Сюлли, осторожный Улиссъ!»

Но къ чему вели подвиги изумительные? Потемкинъ велъ переговоры о мирѣ съ Гассаномъ, возведеннымъ въ санъ великаго визиря, и, мечтая прежде о завоеваніяхъ Царяграда, съ досадою видѣлъ, что турки спорятъ объ утвержденіи за Россіею даже тѣхъ земель, которыми она уже нѣсколько лѣтъ обладала!

Не такихъ слѣдствій ожидалъ, да не такъ хотѣлъ и поступать Суворовъ. «Для чего не идемъ мы къ Царюграду, когда флотъ нашъ въ то же время осадилъ бы султанскую столицу съ моря?» говорилъ онъ другу своему, Дерфельдену. «Надобно пользоваться побѣдою—впередъ, впередъ! Время всего дороже. Отвѣчаю за успѣхъ, если мѣры будутъ наступательныя. Для чего мѣры оборонительныя?.. Чего еще ждать визиря и стоять на мѣстѣ, бить тупымъ концомъ, когда можемъ колоть острымъ». Слова Суворова не были хвастовствомъ: онъ доказы-

валъ ихъ на дѣлѣ; но не въ его волѣ было исполнить то, что казалось ему такъ легко для исполненія.......

Наконецъ опять начались военныя дѣйствія. Іюля 10-го, Суворовъ былъ уже въ Килліенахъ, и простоялъ здѣсь двѣ недѣли; двинулся до Гишешти, и стоялъ мѣсяцъ; въ два дня перешелъ 70 верстъ до Пизонешт, и снова мѣсяцъ бездѣйствовалъ. Наконецъ велѣно было сражаться. Въ три дня пролетѣлъ Суворовъ 126 верстъ, до Афумача, близь Бухареста, увидѣлся съ другомъ своимъ, принцомъ Кобургскимъ, расположилъ планъ битвы... еще нѣсколько часовъ и битва огласила бы берега Дуная. Но вмѣсто того принцъ Кобургскій получилъ извѣстіе о мирѣ Австріи съ Турціею и приказъ о немедленномъ очищеніи Валахіи. Потемкинъ ужаснулся, видя, что Суворовъ останется съ малымъ корпусомъ противъ визиря, и спѣшилъ возвратить его. «Австрійцы кончили, мой милостивый другъ!» писалъ онъ, «только что куріеръ пріѣдетъ къ вамъ, вы въ свое мѣсто». — «Если и не кончили еще австрійцы», писалъ онъ вторично, «идите обратно. Для чего драться и терять людей за землю, которую уже рѣшено отдать?»

Потемкинъ думалъ угрозами взять Измаилъ, но Измаилъ былъ крѣпость трудная. Грозныя стѣны его защищалъ сорока-тысячный гарнизонъ, подъ начальствомъ сераскира, поклявшагося умереть, но не сдаться.

Потемкинъ, 25-го ноября, послалъ приказъ Суворову взять Измаилъ. Отвѣтъ Суворова состоялъ въ слѣдующихъ словахъ: «Получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ Измаилу. Боже! дай помощь свою!» Надобно знать, что въ то время Измаилъ былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей, извѣстныхъ въ Европѣ, превосходно защищенною искусствомъ, и природою. Къ тому же гарнизонъ этой крѣпости состоялъ изъ цѣлой арміи, подъ начальствомъ самыхъ искусныхъ и храбрыхъ начальниковъ. И Суворовъ рѣшился на великій подвигъ взять Измаилъ, хотя у него было только 28,000 войска, унылаго,

ослабленнаго недостатками, на половину состоявшаго изъ казаковъ. Время было ужасное: грязь и холодъ отнимали средства дѣйствовать.

Послѣ перваго отвѣта Потемкину, посланнаго изъ Галаца, Суворовъ сѣлъ на казацкую лошадь, и на другой день, съ отрядомъ казаковъ, былъ уже подъ Измаиломъ (2-го декабря). «Къ Измаилу я прибылъ», написалъ онъ Потемкину. Войска уже отступали отъ крѣпости. Суворовъ приказалъ воротиться. Двумысленное повелѣніе Потемкина растолковалъ онъ по своему: «Воля отступать и не отступать, слѣдовательно, отступать не приказано. Безъ особаго повелѣнія вашего безвременно отступить было бы постыдно», писалъ онъ Потемкину, отъ 3-го декабря.

Суворовъ не обманывалъ. Одно волшебное имя его уже переродило всѣхъ. На военномъ совѣтѣ, тѣ самые люди, которые приходили въ отчаяніе за два дня, положили единодушно: «штурмовать Измаилъ — блокада безполезна; спрашивать повелѣній не нужно; отступать предосудительно». Платовъ, казацкій начальникъ, еще очень молодой человѣкъ, прославившійся въ войну 1812 г., какъ младшій, первый подписалъ рѣшеніе совѣта и первый подалъ голосъ: штурмовать! «Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» вскрикнулъ Суворовъ, обнимая его, «сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра — побѣда или смерть!» вскричалъ онъ, когда утверждено было общее рѣшеніе. Къ сераскиру послали декабря 2-го требованіе о сдачѣ. Онъ совѣтывалъ русскимъ «убраться поскорѣе, если не хотятъ погибнуть отъ холода и голода». Послали еще разъ. «Скажи Суворову», былъ отвѣтъ сераскира, «что прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ къ верху, нежели я сдамъ Измаилъ»! Между тѣмъ русскіе дѣятельно готовили фашины и лѣстницы. Суворовъ самъ училъ солдатъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны и сражаться на валахъ. Утромъ 10-го декабря, желая занять вниманіе турокъ, открыли пальбу съ флота и съ двухъ баттарей. Вечеромъ

она смолкла. Сильнымъ морозомъ скрѣпило грязь. Войско было готово. Пала темная ночь — послѣдняя для столькихъ храбрыхъ!

Нельзя не удивляться, читая подробности диспозиціи штурма — каждому предписывалось въ точности назначеніе его. Ни въ городѣ, ни въ лагерѣ русскихъ никто не спалъ; полки двигались. Осажденные готовились, увѣдомленные отъ перебѣжчиковъ о наступающей грозной минутѣ. Суворовъ объѣзжалъ войско; говорилъ съ офицерами и солдатами; являлся всюду. Радостно привѣтствовали его солдаты. Въ три часа утра взлетѣла ракета—всѣ взялись за оружіе; въ четыре другая — построились: въ пять третья — и въ одно мгновеніе колонны двинулись къ Измаилу. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, и скоро крики: ура! алла! показали начало рѣдкаго воинскаго подвига...

Не будемъ разсказывать подробностей, довольствуясь немногими чертами. «Въ Измаилѣ не крѣпость была взята, но истреблена была сорока-тысячная армія, защищенная укрѣпленіями», говорилъ Потемкинъ, въ донесеніи своемъ императрицѣ. Побѣдители сами изумлялись, когда днемъ осматривали рвы и валы, по которымъ перешли ночью подъ губительнымъ огнемъ непріятелей. Первый взошедшій на стѣны Измаила былъ маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся идти съ охотниками. Прежде всѣхъ достигла на валъ колонна Ласси. Бросивъ лѣстницы, солдаты лѣзли безъ нихъ, втыкая штыки въ валъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе дрогнули — среди нихъ явился священникъ, и, именемъ Бога побѣдодавца, держа въ рукѣ крестъ, повелъ ихъ впередъ. Колонна Кутузова остановилась. Онъ извѣстилъ Суворова о невозможности идти далѣе. «Скажите Кутузову, что я жалую его командиромъ Измаила!» отвѣчалъ Суворовъ. «Мы другъ друга знаемъ», говорилъ Суворовъ послѣ взятія Измаила, «ни онъ, ни я не пережили бы неудачи». Въ 8 часовъ утра русскіе овладѣли всѣми внѣшними укрѣпленіями, но имъ предстояла битва не менѣе страш-

ная. Каждая улица, каждый домъ были оспориваемы съ оружіемъ въ рукахъ. Каплапъ-Гирей сражался, окруженный своими сыновьями; пятеро изъ нихъ пали на его глазахъ, и на трупы ихъ, послѣдній — палъ отецъ! Сераскиръ убитъ былъ въ свалкѣ. Сражались даже женщины, ибо пощады не было; только одинъ человѣкъ ушелъ изъ Измаила и принесъ визирю вѣсть о взятіи русскими непобѣдимой крѣпости. До 23,000 турковъ было убито, и только до 5,000, и то большею частію раненныхъ, взято въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ было около шестидесяти пашей. Въ 4 часа пополудни, Измаилъ лежалъ безмолвною могилою, опаленный пожаромъ, залитый кровью, заваленный трупами, и Суворовъ писалъ императрицѣ: «Гордый Измаилъ у ногъ вашего императорскаго величества», а къ Потемкину: «Не бывало крѣпости, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ — поздравляю вашу свѣтлость!» Шесть дней очищали городъ. Трупы турковъ бросали въ Дунай. Два дни были посвящены пированьямъ, а черезъ недѣлю войско пошло на зимнія квартиры. Суворовъ отправился въ Галацъ, по прежнему, верхомъ, на казацкой лошади, въ старой шинели.

Взятіе Измаила поставило имя Суворова выше всѣхъ его современниковъ. Онъ не скрывалъ, что гордится своимъ подвигомъ, не скрылъ и своего негодованія, когда, при первомъ личномъ свиданіи, Потемкинъ встрѣтилъ его словами: «Чѣмъ я могу наградить тебя, Александръ Васильевичъ?» — «Кромѣ Бога и императрицы никто наградить меня не можетъ, я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ!» отвѣчалъ ему Суворовъ. Пора было высказать истину Суворовъ уже не боялся Потемкина, и не думалъ о томъ, что онъ оскорбится. Они разстались холодно. Императрица звала Суворова въ Петербургъ, въ январѣ. Онъ отправился въ столицу и былъ пожалованъ въ подполковники лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Награда была не щедрая за подвигъ неслыханный, ибо подполковниковъ гвардейскихъ считалось тогда одиннадцать: фельдмаршалы Ра-

зумовскій, Румянцевъ, Потемкинъ; генералъ-аншефы, двое Салтыковыхъ, Брюсъ, Рѣпнинъ, Прозоровскій, Мусинъ-Пушкинъ, Долгоруковъ, — Суворовъ былъ младшій изъ всѣхъ. Ожидали, что Суворова наградятъ чиномъ фельдмаршала, но Потемкинъ не хотѣлъ того, изъявилъ Суворову немилость свою и уже не прощалъ его. Въ февралѣ 1791 года пріѣхалъ Потемкинъ, въ послѣдній разъ, въ Петербургъ. Императрица казалась по прежнему внимательною къ Потемкину: приписывала ему всѣ успѣхи войны, велѣла сенату заготовить особенную грамату, воздвигнуть дворецъ, и передъ нимъ поставить памятникъ Потемкину; пожаловала ему фельдмаршальскій мундиръ, обшитый бриліантами. О Суворовѣ не было сказано ни слова. Потемкинъ приготовилъ великолѣпный пиръ въ Таврическомъ дворцѣ и удивилъ столицу роскошью этого пира. При звукахъ музыки пѣли тогда: *«Звукъ Измаила раздается!»* (извѣстный польскій: «Громъ побѣды раздавайся!» слова Державина, музыка Козловскаго), а истиннаго покорителя измаильскаго даже не было на пирѣ! За три дня, Екатерина призвала его къ себѣ, говорила съ нимъ, и какъ будто невзначай сказала: «Я пошлю васъ, Александръ Васильевичъ, въ Финляндію». Суворовъ понялъ, бросился къ ногамъ ея, поклонился ей въ землю, а возвратясь домой, сѣлъ въ почтовую телѣжку, и уже изъ Выборга написалъ императрицѣ: «Жду повелѣній твоихъ, матушка!» Суворовъ надѣялся, однакожъ, что его обратятъ въ дѣйствующую армію, и съ огорченіемъ увидѣлъ, что ему поручили только укрѣпленіе шведскихъ границъ, когда Потемкинъ снова отправился воевать. Впрочемъ Потемкинъ послѣ того жилъ не долго; онъ умеръ въ 1791 году.

Суворовъ могъ почитать свое назначеніе въ Финляндію почетнымъ удаленіемъ по волѣ Потемкина. Императрица смягчила такую неожиданную немилость къ покорителю Измаила, предлогомъ важнаго порученія, приказывая Суворову осмотрѣть всю шведскую границу и представить планъ о средствахъ ея

укрѣпленія. Недавно конченная война показывала надобность подобнаго распоряженія, но побѣдителю при Рымникѣ и покорителю Измаила грустно было заниматься строеніемъ пограничныхъ укрѣпленій, когда новыми побѣдами надлежало исторгнуть выгодный миръ у непріятеля, трепетавшаго при его имени? За мачинскую побѣду Рѣпнинъ получилъ Георгія первой степени, и имя Рѣпнина славили, какъ довершителя войны, а что была мачинская побѣда въ сравненіи съ побѣдами Суворова? Черезъ мѣсяцъ возвратился Суворовъ изъ Финляндіи и представилъ отчеты и планы. Ему велѣно было исполнить по представленнымъ планамъ и заняться устройствомъ границъ, состоя подъ начальствомъ графа Н. И. Салтыкова, тогдашняго начальника военнаго департамента. Суворовъ повиновался, и съ грустью видѣлъ, что, по кончинѣ Потемкина, начальство надъ арміею предложили Румянцеву. «Я ближе къ смерти, нежели къ животу,» отвѣчалъ Румянцевъ. «Бури жизни и слабость души не позволяютъ мнѣ принять меча. У васъ, государыня, въ изобиліи герои. Гробъ, а не украшенія мнѣ приличны!» Не такъ думалъ Суворовъ. Старецъ шестидесяти лѣтъ одушевлялся жаждою славы. Общее вниманіе народа было обращено тогда на дѣла съ Польшею и Пруссіею. Тамъ началась война, а Суворова не было! Онъ не вытерпѣлъ; осмѣлился просить себѣ мѣста въ дѣйствующей арміи. Къ удивленію его, императрица подписала на его письмѣ: «Польскія дѣла не требуютъ графа Суворова.» Ему велѣно командовать флотомъ и войскомъ въ Финляндіи: весь флотъ состоялъ изъ сотни мелкихъ судовъ, а войско изъ 25,000 человѣкъ. Къ войнѣ съ Швеціею не было ни какого повода. «Томлюсь въ бездѣйствіи», писалъ Суворовъ своему племяннику, «смотрю на Турцію, на Польшу, мечтаю — по почтѣ могу быть всюду обращенъ.» — «Что затѣяли со мною дѣлать?» писалъ онъ въ 1792 году, «въ прошломъ году я считалъ у себя попятамъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича, а теперь кто меня преслѣдуетъ? поле битвы моя стихія, а меня заставляютъ

глядѣть на тріумфъ другихъ. Неужели преслѣдуютъ меня къ бабушкину старшинству! Но за мной старшинство: лѣтъ, вступленія въ службу и служба моя».

Такъ грустилъ Суворовъ въ бездѣйствіи, преслѣдуемый ничтожною интригою, которая въ то время, при дворѣ устарѣвшей императрицы, была, къ несчастію, всемогуща. Но между тѣмъ, свято исполняя долгъ свой, онъ неусыпно заботился о ввѣренномъ ему дѣлѣ. Въ Финляндіи нашелъ онъ все запущеннымъ: войско въ неустройствѣ; злоупотребленія во всѣхъ частяхъ. Два года провелъ онъ тамъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ. Подъ его надзоромъ, устроены были бастіоны Нейшлота, на Кюмени воздвигнулъ онъ крѣпости Озерную, Утти, Ликолу, и защитилъ Роченсальмъ крѣпостью Кюменгардскою, такъ что, съ другими укрѣпленіями, Роченсальмъ сдѣлался оплотомъ русской Финляндіи. Строжайшая дисциплина и безпрерывное ученье солдатъ занимали его. Суворовъ показалъ и здѣсь познанія свои въ инженерномъ искусствѣ. Бывъ однажды на флотѣ, онъ просилъ моряковъ сдѣлать ему экзаменъ, и получилъ аттестатъ на званіе мичмана. «Если Рибасъ попалъ съ суши на море,» говорилъ онъ послѣ того, «видите, что я могу, если бы захотѣлъ, служить Нептуну!» Простивши вѣроломство Рибаса, Суворовъ не любилъ его и называлъ «умникомъ». Говоря однажды о Михаилѣ Илларіоновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, онъ сказалъ: «Кутузовъ уменъ, его и Рибасъ не обманетъ!»

Слова и отзывы Суворова не могли нравиться лицамъ, послѣ смерти Потемкина, управлявшими интригою. Донесенія Суворова о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ Финляндіи, причемъ не щадилъ онъ сильныхъ того времени, возбудили жестокое гоненіе. На Суворова взводили клеветы, старались осуждать всѣ его распоряженія, ставили ему въ вину изнуреніе ученіемъ худо дисциплинированныхъ солдатъ. Приказъ его: «Отмѣнить госпитали», перетолковали своевольствомъ, утверждая, что госпитали необходимы при нездоровомъ климатѣ, гдѣ люди

безпрерывно страдаютъ скорбутомъ. Суворовъ оправдывался, опровергалъ клевету, и не щадилъ никого, даже любимцовъ Зубова. «Ученье необходимо», писалъ онъ, «но только было бы съ толкомъ и кратко. Солдаты любятъ его». «Говоря: «отмѣнить», я разумѣлъ: «опорожнить» госпитали выздоровленіемъ. Не терплю госпиталей! Тотъ ихъ любитъ, кто не радѣетъ о здоровьѣ солдата. Микстуры и ингредіенціи не по солдатскому воспитанію. И что сдѣлаетъ одинъ медикъ при сотнѣ больныхъ? По вступленіи моемъ въ управленіе Финляндіею, я нашелъ тысячу человѣкъ въ двухъ госпиталяхъ, теперь ихъ остается только сорокъ. Въ госпиталь слѣдуютъ у меня чахотка, водяная, камень, да...., а остальное должно лечить въ артеляхъ. Кислая капуста, табакъ, хрѣнъ, — и нѣтъ скорбута! Изъ больныхъ переводить въ слабые, изъ тѣхъ въ хворые, изъ сихъ въ прохладные, а тамъ въ роту — и солдатъ здоровъ! У меня правило: въ полку отъ 8-ми до 20-ти больныхъ, а если больше свидѣтельство и командиръ виноватъ!» — «Къ чему ваши безтолковыя вѣдомости, которыми доказываете свое недоумѣніе? За чѣмъ просится вамъ въ роту? спросилъ я у капитана З***. Развѣ у меня вамъ худо? Скажите по совѣсти». — «Мнѣ тамъ тысяча рублей дохода», отвѣчалъ онъ. «Отъ чего?» «Отъ мертвыхъ солдатъ! Въ Херсонѣ капитанамъ приходилось по 2,000 р. такого дохода. Прикажите хоть рубашки отпускать повѣрнѣе, вотъ отъ неисполненія этого скорѣе разведутся больные, а не отъ отмѣны лазаретовъ!» — «За клеветы на меня я требую разбирательства, если моихъ объясненій не довольно противъ клеветъ, недоумѣній и ложной молвы. Честь службы мнѣ священна!»

Видя, что невозможно сладить съ неугомоннымъ старикомъ, когда императрица, терпя мелкую интригу, не выдавала его на погибель врагамъ, нашли лучшимъ средствомъ удалить его въ какое нибудь почетное мѣсто. Въ 1792 году Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и получилъ повелѣніе императрицы «принять подъ начальство войска, расположенныя

въ Екатеринославской губерніи, Тавридѣ и новопріобрѣтенныхъ областяхъ, приводя къ исполненію всѣ предположенныя о безопасности границъ укрѣпленія». Онъ поѣхалъ по назначенію. Безъ него торжествовали второй раздѣлъ Польши и миръ съ Турціею въ 1793 году. Рѣпнинъ и Салтыковъ были представителями побѣдителей Турціи и Швеціи. Повелѣно было воздвигнуть памятникъ Потемкину.

Среди великихъ наградъ другимъ не забыли Румянцева и Суворова. Румянцеву была пожалована шпага съ брилліантами. Суворову присланы были брилліантовые эполеты и перстень, и на выборъ его предоставленъ былъ крестъ св. Георгія 3-й степени: «да возложитъ на отличившагося наиболѣе храбростью». Къ сожалѣнію, неизвѣстно кому крестъ этотъ отдалъ Суворовъ.

Дѣятельно занимался между тѣмъ Суворовъ устройствомъ крѣпостей и ученіемъ войскъ. Онъ ждалъ событій, когда мечъ его потребуется для рѣшенія запутанныхъ вопросовъ современной политики и дипломатики. Учредивъ главную квартиру свою въ Херсонѣ, объѣзжалъ онъ границы и осматривалъ крѣпости, такъ усердно, какъ будто вѣкъ свой былъ инспекторомъ гарнизоновъ. Число войскъ, ввѣренныхъ ему, простиралось до ста тысячъ. Они расположены были по турецкимъ границамъ и въ Новороссійскомъ краѣ. Рибасъ строилъ тогда Одессу подъ надзоромъ Суворова. Къ этому времени относится любопытный разсказъ нашего поэта-партизана Давыдова. Онъ былъ ребенкомъ лѣтъ девяти. Отецъ его командовалъ полтавскимъ легкоконнымъ полкомъ. Суворовъ неожиданно примчался въ курьерской тележкѣ, осматривалъ войска, и между прочимъ смотрѣлъ полкъ Давыдова. Маневрируя съ полками, онъ скакалъ по полю во весь опоръ, безъ мундира, въ бѣлой рубашкѣ, въ ботфортахъ и въ солдатской кожанной каскѣ. Ему указали на маленькаго Дениса и брата его. «Любишь солдатъ?» спросилъ Дениса Суворовъ. «Люблю Суворова — съ нимъ и солдаты, и побѣда и слава!» отвѣчалъ восторжен-

ный Денисъ.—«О, помилуй Богъ! Удалый, удалый! Онъ будетъ военный — я не умру, а онъ уже выиграетъ три сраженія!» вскричалъ Суворовъ. Послѣ маневровъ былъ обѣдъ, въ 8 часовъ утра. Суворовъ скатился холодною водою, надѣлъ свой аншефскій мундиръ и ордена, шутилъ за обѣдомъ, а вечеромъ помчался въ Херсонъ. Телѣжку, въ которой пріѣзжалъ онъ, отецъ Давыдова хранилъ, какъ драгоцѣнность. Она пропала въ Бородинѣ, бывшемъ помѣстьѣ Давыдовыхъ, въ 1812 году, во время нашествія французовъ.

Суворовъ ждалъ, когда онъ понадобится, и дождался. Онъ мгновенно разорвалъ тогда путы ничтожныхъ интригъ. Отечество возлагало на него надежды, Екатерина звала его, и— новый подвигъ его напомнилъ Измаилъ. Подвигъ этотъ былъ покореніе снова возмутившейся Польши, которая поднялась противъ своего короля, подъ предводительствомъ смѣлаго и знаменитаго польскаго военно-начальника Тадеуша Косцюшки, имя котораго съ благоговѣніемъ произносила тогда вся Польша.

Косцюшко соединилъ многія тысячи, изобрѣлъ новое вооруженіе пѣхотѣ, устроилъ сильную конницу, собралъ многочисленную артиллерію, одушевилъ мужество товарищей. Поляки знали, что идутъ на послѣднюю битву. Нельзя было медлить. Сильною рукою надобно было задушить начало опасной борьбы. Потребно было противупоставить Косцюшкѣ полководца съ довѣренностію отечества, съ любовью солдатъ, съ честью побѣдъ, и Екатерина велѣла Суворову поспѣшить въ знакомую ему Польшу.

Быстротою похода, занятіемъ мѣстъ, искуснымъ разъединеніемъ поляковъ, Суворовъ успѣлъ тихо и счастливо кончить трудное порученіе: въ двѣ недѣли, 8,000 поляковъ, готовыхъ, подобно другимъ товарищамъ, усилить войско Косцюшки, были обезоружены безъ всякаго кровопролитія. Въ бездѣйствіи оставался Суворовъ въ Немировѣ, училъ солдатъ, негодовалъ, слыша объ удачахъ Косцюшки и о неловкихъ распоряженіяхъ военными дѣйствіями въ Польшѣ. Казалось,

безъ Суворова старались обойдтись, пока могли: отступленіе короля прусскаго отъ Варшавы и призывъ Суворова на полѣ брани разрушили всѣ ничтожныя интриги враговъ его. «Слава Богу!» воскликнулъ онъ, «пойдемъ и покажемъ, какъ бьютъ поляковъ!» Онъ посѣтилъ Румянцева, жившаго тогда въ деревнѣ своей, близъ Кіева. Румянцеву ввѣрено было главное начальство надъ резервными войсками, расположенными на Волыни и Подоліи. Екатерина предлагала ему принять начальство надъ дѣйствующею арміею въ Польшѣ. Семидесятилѣтній старецъ, изнуренный болѣзнями, отрекся, и прямо указалъ императрицѣ на Суворова. Суворовъ не старѣлся. Ему было тогда 64 года, но, какъ живой и бодрый юноша, онъ изумлялъ своею неутомимостью. Такъ во все время польскаго похода онъ ѣздилъ верхомъ передъ войскомъ и съ нимъ не было экипажа. Слава его между своими солдатами и непріятелями была такова, что одно извѣстіе о назначеніи его уже ободрило русское войско, и произвело робость между поляками. Одушевляя надеждою своихъ подчиненныхъ, начальники польскіе увѣряли, что новый полководецъ русскихъ былъ не тотъ Суворовъ, который нѣкогда воевалъ въ Польшѣ и потомъ взялъ Измаилъ у турковъ, но другой молодой генералъ, соименникъ его. Суворовъ скоро показалъ, что онъ тотъ же прежній.

Суворовъ совершалъ переходы, быстроты изумительной. Захваченный въ расплохъ, видя невозможность уйдти, польскій генералъ Сѣраковскій рѣшился на битву, но нестройное войско его не выдержало смѣлаго удара въ штыки и кавалерійской аттаки. Брестъ и Тирасполь были заняты.

Весь корпусъ Сѣраковскаго, состоявшій еще послѣ пораженія подъ Крупчицами изъ 10,000 пѣхоты, 3,000 конницы и 4,000 пѣшихъ ратниковъ, вооруженныхъ косами (*косарей*, какъ называли поселянъ, которымъ, вмѣсто всякаго другаго оружія, Косцюшко далъ косы, утвердивши ихъ на длинныхъ древкахъ), разсѣялся. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было

неописанное; пощады не давали. Едва 3,000 поляковъ спаслись бѣгствомъ и не болѣе 500 были взяты въ плѣнъ; 28 пушекъ и 2 знамя достались русскимъ. Потеря русскихъ простиралась убитыми до 300, ранеными до 400. Сѣраковскій бѣжалъ въ Варшаву. Пораженіемъ его съ перваго шага уничтожилъ Суворовъ возстаніе въ Литвѣ. «Корпусъ Сѣраковскаго конченъ,» писалъ онъ Румянцеву. Екатерина, обрадованная успѣхомъ, прислала Суворову брилліантовую петлицу на шляпу и подарила ему три пушки изъ взятыхъ у непріятеля. Ждала новыхъ успѣховъ, и—ждала недолго!

Главное затрудненіе состояло въ соображеніи, гдѣ и въ какихъ силахъ находился непріятель, потому что всѣ сообщенія были прерваны; въ затрудненіи переходовъ, потому что всѣ дороги, и безъ того непроходимыя въ Польшѣ весною, были испорчены; наконецъ, въ недостаткѣ средствъ продовольствовать войско. Не будемъ утомлять читателя исчисленіемъ подробностей чисто военныхъ и политическихъ, скажемъ только, что храбрый польскій полководецъ Косцюшко рѣшился на неравный бой: хотѣлъ умереть, если мужество не подаритъ ему побѣды. Подъ Мацеёвицами окопался онъ шанцами. Сентября 28-го русское войско окружило со всѣхъ сторонъ Косцюшку. Долго, хладнокровно, отчаянно оспаривалъ онъ побѣду, и потомъ искалъ смерти: побѣда не внимала ему — смерть забыла его... Finis Poloniæ! воскликнулъ Косцюшко, видя совершенное пораженіе поляковъ, бросился на лошадь и думалъ спастись бѣгствомъ. Преслѣдуемый казаками и гусарами, онъ попалъ въ болото и завязъ въ немъ. Казаки налетѣли и кололи всѣхъ безъ пощады. Косцюшко, пораженный пикою, лишился чувствъ. Уже сабли засверкали надъ его головою, но одинъ изъ бывшихъ при немъ, умирая, собралъ послѣднія силы и закричалъ: «это Косцюшко!» Имя Косцюшки было такъ извѣстно, что остановило сабли и пики. Косцюшко опомнился въ плѣну. Изъ 10,000 войска его, 6,000 легли на мѣстѣ, 1,600 раненыхъ было взято въ плѣнъ. Въ числѣ плѣн-

ныхъ находились почти всѣ генералы. Русскихъ было убито 800, ранено 1,500. «Слава Богу, и Польша наша!» воскликнулъ Суворовъ, когда донесли ему о разбитіи и плѣнѣ Косцюшки. Мгновенно измѣнилъ онъ планъ дѣйствія. Какъ прежде медлилъ и соображалъ, такъ теперь привелъ онъ все въ поспѣшное движеніе. Велѣно было оставить безъ преслѣдованія всѣ остальные польскіе корпуса; приказано было идти прямо къ Варшавѣ, и октября 7-го Суворовъ выступилъ изъ Бреста къ польской столицѣ. Онъ зналъ, что плѣнъ Косцюшки произведетъ ужасъ и уныніе, и, пользуясь тѣмъ, рѣшился уничтожить главное гнѣздо возстанія. Суворовъ зналъ искусство воевать; онъ зналъ и сердце человѣческое, и страсти человѣческія. Услышавъ, что при Кобылкѣ остановился польскій корпусъ въ 5,000 человѣкъ, Суворовъ бросился самъ на него и успѣлъ отрѣзать его. Отчаянное защищеніе и крѣпкая позиція не спасли непріятеля. Некому даже было подать вѣсть въ Варшаву объ истребленіи этого корпуса, хотя Кобылка отстоитъ только въ 14-ти верстахъ отъ Праги, предмѣстія варшавскаго: тамъ слышали пальбу, не зная, гдѣ она происходитъ.

Все, что предвидѣлъ Суворовъ, сбылось вполнѣ. Погибель Косцюшки казалась гибелью Польши. Народъ бѣгалъ по улицамъ варшавскимъ, вопія со слезами: «Нѣтъ Косцюшки! Погибло отечество!» Выборъ преемника Косцюшки довершилъ растройство. На мѣсто его избранъ былъ генералиссимусомъ генералъ Вавржевскій, не любимый народомъ, не уважаемый никѣмъ. Среди шума, волненія и безпорядковъ, не знали, что дѣлать: одни хотѣли сражаться, защищать Варшаву; другіе—договариваться и предлагать условія. Многіе думали подѣйствовать ужасомъ: перерѣзать русскихъ плѣнниковъ, и всѣхъ, кто былъ подозрителенъ, вооружиться поголовно, идти, биться на смерть, зажечь Варшаву и умереть на ея развалинахъ, если отчаяніе не дастъ побѣды. Между тѣмъ отвсюду приходили войска, уже безполезныя въ другихъ мѣстахъ, потому что Су-

воровъ стоялъ подъ стѣнами Варшавы. Поляки послали узнать о намѣреніяхъ Суворова. Онъ не допустилъ къ себѣ посланныхъ, отвѣчая, что съ бунтовщиками, нарушителями договоровъ, людьми, измѣннически погубившими русскихъ въ Варшавѣ, говорить не станетъ; что если они хотятъ пощады, то должны обезоружить войско, выдать оружіе, покориться королю и безусловно ждать приговора русской императрицы, а между тѣмъ, не дожидаясь рѣшенія ихъ, онъ идетъ къ Варшавѣ.

Отвѣтъ Суворова воспламенилъ угасавшее мужество конфедератовъ. И такъ не было пощады — не было условія ни на честь, ни на жизнь. «Смерть легче безчестія!» кричали въ совѣтѣ правительства. Положено было ввести войско въ Прагу, оставивъ въ самой Варшавѣ небольшой гарнизонъ для охраненія города; защищаться, сколько будетъ возможно — умереть, если защита будетъ безполезна! Множество молодыхъ людей, даже старики, женщины, вооружились и шли въ Прагу. Заіончекъ принялъ начальство надъ Прагою. Къ нему присоединились многіе другіе генералы. Прощаясь съ друзьями, Ясинскій, зачинщикъ возстанія въ Литвѣ, поклялся, что не останется живъ.

Прага, предмѣстіе Варшавы, отдѣляемое отъ столицы Вислою, соединялась съ Варшавою мостомъ. Укрѣпленіе Праги состояло изъ вала и было собственно мостовымъ прикрытіемъ. Но, готовясь къ осадѣ, поляки окружили Прагу обширнымъ ретраншаментомъ, между которымъ и прежнимъ внутреннимъ укрѣпленіемъ находилось войско. Тридцать тысячъ засѣли въ Прагѣ на жизнь и смерть. Октября 15-го происходила битва при Кобылкѣ; 18-го въ виду Праги явилась русская легкая конница; казаки схватывались уже съ непріятельскими разъѣздами. Суворовъ рекогносцировалъ Прагу и возвратился въ Кобылку. Онъ еще ожидалъ покорности. Явился посланный отъ короля, съ просьбою отпустить въ Варшаву раненаго королевскаго адъютанта Бишевскаго. Суворовъ исполнилъ просьбу, но не упомянулъ ни о какихъ переговорахъ. Тогда явился

маіоръ Миллеръ, съ просьбою позволить отправить къ Косцюшкѣ доктора и карету. Зайончекъ писалъ къ Суворову, какъ предводитель польскихъ войскъ. Миллеръ осмѣлился упомянуть о переговорахъ. «Скажите пославшимъ васъ», отвѣчалъ Суворовъ, «что я не вхожу въ сношенія съ возмутителями, кромѣ одного случая, если они безусловно потребуютъ пощады. Осмотрите мой лагерь, и передайте имъ извѣстіе, что я готовъ идти на Варшаву, и никого щадить не буду.» На письмѣ Зайончека онъ велѣлъ написать: «Свирѣпые возмутители хотятъ мириться съ Россіею. Бунтовщикъ противъ своего короля, Зайончекъ считаетъ себя генераломъ карманіоловъ и осмѣливается писать къ Суворову. Письмо якобинца отсылается безъ отвѣта. Здѣсь нѣтъ уравненія, нѣтъ и пощады изступленію своевольныхъ. Только покорностію купятъ забвеніе прошедшаго». Въ тотъ же день объявлено строжайшее запрещеніе имѣть какія либо сношенія съ Варшавою.

Прошло три дня. Русскіе не показывались передъ Прагою. Защитники начинали думать, что Суворовъ колеблется, не рѣшается на битву. Вдругъ неожиданно грохотъ барабановъ и звуки музыки, 22-го октября, возвѣстили приближеніе русскихъ. Войско русское шло, раздѣленное на три колонны. Защитники Праги взволновались. Все бросилось къ оружію. Со стѣнъ Праги загремѣли пушки. Со страхомъ и любопытствомъ поляки видѣли, что русскіе располагаются лагеремъ. Русскіе гусары и казаки выѣзжали гарцовать съ польскими наѣздниками, выскакивавшими изъ Праги. Къ ночи все смолкло. Ночью неутомимо работали въ русскомъ лагерѣ, и съ разсвѣтомъ 80 пушекъ пробудили защитниковъ Праги, если только кто нибудь спалъ въ эту страшную ночь. Русскія пушки заставили замолчать пушки на стѣнахъ ретраншамента. Канонада безпрерывно гремѣла весь день. Суворовъ, безъ того хорошо знавшій расположеніе Варшавы и Праги, еще разъ осмотрѣлъ мѣстоположеніе. Устройство русскихъ баттарей заставляло думать, что Прага будетъ осаждена. Но Суворовъ уже

рѣшилъ судьбу ея: войску велѣно было готовиться на приступъ: защитники Праги были обречены на смерть!

Войско русское, предводимое непобѣдимымъ Суворовымъ, пошло на приступъ. Въ приказѣ этого дня, даннымъ Суворовымъ, было сказано: «Противъ вооруженнаго непріятеля дѣйствовать съ крайнимъ напряженіемъ и силою, а не вооруженныхъ и помилованія просящихъ щадить непремѣнно».

Пораженіе конфедератовъ было ужасное: тринадцать тысячъ человѣкъ погибло въ Прагѣ; болѣе 2,000 потонуло въ Вислѣ; 1,500 взято было въ плѣнъ, не болѣе 800 успѣли убраться въ Варшаву. Въ числѣ плѣнныхъ находились генералы, 5 полковниковъ, 438 офицеровъ. Число пушекъ, гаубицъ и мортиръ, взятыхъ въ Прагѣ, простиралось до 204.

Суворовъ въѣхалъ въ Прагу, когда стихли ужасы приступа. Разставили караулы и пушки по берегу Вислы. Остальное войско расположилось бивакaми внутри ретраншамента и около него. Близъ кавальера раскинули солдатскую палатку Суворову. Сюда явились къ нему съ поздравленіемъ генералы и полковники. Привели плѣнныхъ. Суворовъ возвратилъ имъ шпаги. На землѣ разостлали скатерть и Суворовъ угощалъ гостей. На ночь поставили калмыцкую кибитку, и Суворовъ уснулъ въ ней, въ первый разъ послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

Рано утромъ на другой день явились депутаты изъ Варшавы. Они привезли Суворову письмо короля Станислава. «Правленіе Варшавы просило моего посредничества», писалъ онъ, «жители хотятъ защищаться, если не будутъ обнадежены въ безопасности жизни и имѣнія». Депутаты требовали перемирія на недѣлю для окончанія переговоровъ. Дежурный генералъ передалъ имъ отвѣтъ Суворова: «Договоры не нужны. Войско обезоруживается и всякое оружіе отдается русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русскіе вступаютъ немедленно въ Варшаву. Жизнь и имѣнія жителей безопасны. Отвѣта жду черезъ 24 часа».—Депутатовъ ввели

въ палатку Суворова. Онъ сидѣлъ на обрубкѣ бревна; другой обрубокъ замѣнялъ ему столъ.

«Pókoj!» (миръ) воскликнулъ онъ, бросая саблю свою и съ распростертыми руками идя на встрѣчу депутатовъ. Изумленные неожиданною встрѣчею, они заплакали. Суворовъ ласково говорилъ съ ними, шутилъ, и, отпустивъ ихъ, приказалъ очищать Прагу и погребать убитыхъ. Плѣнныхъ солдатъ и жителей Праги велѣно было переписывать и отпускать, кромѣ генераловъ и офицеровъ, взявши реверсы, что они не поднимутъ оружія противъ русскихъ. Въ тотъ же день 8,000 человѣкъ было распущено. На другой день явились снова депутаты и опять требовали перемирія. Суворовъ отказалъ рѣшительно, объявивъ послѣднія условія, а именно: «Обезоруженіе или высылка войскъ изъ Варшавы, если они не хотятъ положить оружія; сдача оружія и арсеналовъ русскимъ; освобожденіе русскихъ плѣнныхъ; день срока на отвѣтъ и немедленное начало военныхъ дѣйствій въ случаѣ несогласія».

Октября 27-го утромъ явились графы Потоцкій и Мостовскій. Они извѣстили Суворова, что для очищенія Варшавы отъ войска потребна недѣля срока. «Ни одного часа!» вскричалъ гнѣвно Суворовъ. «Мы не воюемъ съ Польшею и королемъ ея! О какихъ войскахъ мнѣ говорите? Толпа бунтовщиковъ не войско, я посланъ истребить ихъ, я не дипломатъ, и переговоры прекращаются!» Въ тотъ же день посланы были отряды русскіе въ Варшаву, заняли всѣ караулы, приняли арсеналъ и запасы пороха. Плѣнные русскіе были освобождены, русскіе генералы и офицеры поѣхали въ Варшаву и изъ Варшавы пріѣхали въ Прагу поляки. Мостъ черезъ Вислу наскоро возобновили. Ферзенъ приблизился къ Варшавѣ, откуда нестройными толпами выходило войско и бѣжали многіе зачинщики возстанія, члены правительства, всѣ опасавшіеся преслѣдованій. Суворовъ не велѣлъ никого останавливать. Игнатій Потоцкій присланъ былъ отъ короля въ лагерь.

Суворову предложили задержать его, какъ одного изъ главныхъ возмутителей. «Постыдно употреблять во зло довѣренность человѣка, добровольно ко мнѣ пришедшаго!» отвѣчалъ Суворовъ. «Пусть бѣгутъ», сказалъ онъ, когда донесли ему о бѣгствѣ членовъ бывшаго правительства — «это не мое дѣло».

Между тѣмъ всѣ плѣнники и захваченные въ Прагѣ были отпущены. Старикъ генералъ Геслеръ также получилъ дозволеніе ѣхать въ свои помѣстья. Октября 29-го начался торжественный входъ русскихъ въ Варшаву, при звукахъ музыки и громѣ барабановъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ, окруженный своими генералами. Онъ былъ на казацкой лошади въ вицъмундирѣ, безъ орденовъ, кромѣ георгіевской звѣзды. У моста встрѣтили его городовые правители и поднесли ему хлѣбъ-соль, и ключи города, серебряные позолоченые, которые и донынѣ хранятся въ петербургскомъ петропавловскомъ соборѣ. Суворовъ взялъ ихъ, перекрестился, поцѣловалъ и сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ».... Онъ обратился къ Прагѣ и утеръ слезы. Толпы народа наполняли улицы, восклицая: «Да здравствуетъ Суворовъ! Да здравствуетъ Екатерина!» Суворовъ остановился въ трактирѣ, въ предмѣстьѣ города, гдѣ на полѣ остановились лагеремъ пришедшія въ Варшаву русскія войска.

«Всемилостивѣйшая государыня! Ура! Варшава наша!» Въ этихъ словахъ состояло донесеніе Суворова императрицѣ.

На другой день Суворовъ, въ полномъ мундирѣ, украшенномъ бриллiантовыми эполетами и бриллiантовою петлицею на шляпѣ, во всѣхъ орденахъ своихъ, при шпагѣ, осыпанной бриллiантами, сопровождаемый своими генералами и чиновниками русскаго посольства, отправился посѣтить короля Станислава. Карета, въ которой ѣхалъ Суворовъ, принадлежала одному изъ русскихъ генераловъ, большому говоруну. Приказъ Суворова о взятіи у него кареты былъ въ слѣдующихъ словахъ: «Карету позлащенную взять у генерала **. Хозяинъ

кареты поѣдетъ со мною вмѣстѣ, но долженъ сидѣть и молчать, ибо мнѣ надобно думать дорогою». Станиславъ встрѣтилъ Суворова низкимъ поклономъ. Какая превратность судьбы! Они видѣлись за семь лѣтъ, въ Каневѣ, среди великолѣпнаго двора Екатерины, гдѣ Станиславъ являлся еще въ величіи двора своего; теперь онъ былъ плѣнникъ русскій, и зналъ, что корона уже не долго продержится на головѣ его! Суворовъ изъявилъ ему глубокое почтеніе, какъ королю. Станиславъ просилъ освободить одного плѣннаго офицера. «Если угодно, я освобожу ихъ сотню», отвѣчалъ Суворовъ, «двѣсти», продолжалъ онъ подумавши, «триста, четыреста, такъ и быть пять-сотъ!» прибавилъ онъ, смѣясь. Въ тотъ же день 500 офицеровъ и другихъ плѣнниковъ были освобождены.

Король Станиславъ добровольно отказался отъ польской короны и такимъ образомъ Курляндія, Литва, Волынь и Подолія присоединились къ русской имперіи.

Дѣла Суворова считались справедливо какимъ-то чудомъ. «Шагнулъ и царство покорилъ!» восклицалъ Державинъ. Въ два мѣсяца кончена была польская война. Народъ польскій славилъ его. Въ Россіи все народонаселеніе, отъ мала до велика, только и говорило, что о Суворовѣ; имя его было на всѣхъ устахъ, во всѣхъ сердцахъ. Войско боготворило Суворова. Народы и цари свидѣтельствовали ему ихъ признательность. На донесеніе Суворова о покореніи Варшавы, Екатерина отвѣчала тремя словами: *«Ура! фельдмаршалъ Суворовъ!»* Препровождая къ нему фельдмаршальскій жезлъ, она писала собственноручно:

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Александръ Васильевичъ! Поздравляю васъ съ побѣдами; со взятіемъ Праги и Варшавы».

Января 1-го 1795 года предписано изготовить сенату патентъ на новый чинъ Суворова. Августа 18-го пожаловано Суворову кобринское имѣніе, гдѣ считалось крестьянъ 6,922 души. Декабря 25-го императоръ австрійскій прислалъ Суворову

свой портретъ, осыпанный бриліантами. Еще въ декабрѣ 1794 года получилъ онъ отъ короля прусскаго ордена краснаго и чернаго орла. Но ни одна изъ наградъ не порадовала Суворова такъ, какъ порадовалъ его чинъ фельдмаршала. Тогда въ Россіи были только два сановника въ этомъ высшемъ санѣ: графы К. Г. Разумовскій и Румянцевъ. Девять генералъ-аншефовъ были старше Суворова.

«Мое правило не производить никого не въ очередь», писала Суворову Екатерина, «но вы завоевали чинъ фельдмаршала въ Польшѣ».

— «А! таки перескочилъ!» воскликнулъ Суворовъ, прыгая черезъ стулья, и высчитывая по пальцамъ генералъ-аншефовъ старше себя: «Салтыковъ позади, Долгоруковъ назади, Каменскій назади, а мы впереди»! Онъ перекрестился и примолвилъ: «Помилуй Богъ матушку императрицу! милостива она ко мнѣ старику!»

Суворовъ пробылъ въ Польшѣ до ноября 1795 года. Никогда прежде еще не являлся онъ въ такой славѣ. Фельдмаршалъ русскій, герой, на котораго обращались взоры всего отечества, правитель Польши, съ которымъ сносились императоръ австрійскій, король прусскій, король польскій, сановникъ, облеченный полною властью отъ императрицы, онъ видѣлъ окрестъ себя пословъ, министровъ, генераловъ, дворянство польское, знатныхъ чужестранцевъ. Восемьдесятъ тысячъ русскаго войска, занимавшаго Польшу, находились подъ его начальствомъ. Множество заботъ обременяло его въ то время: содержаніе войскъ, споры союзниковъ, дѣленіе областей, воинская дисциплина, облегченіе жителей, раззоренныхъ четырехъ-лѣтнею войною и пребываніемъ войскъ многочисленныхъ, разборъ преступленій, совершенныхъ во время безначалія. Ласковость, кротость, милосердіе Суворова, грознаго только въ дни брани, остались въ благодарномъ воспоминаніи поляковъ. Среди величія, онъ не измѣнялъ образа жизни, удалялся отъ блеска, не переставалъ шутить по прежнему,

и нерѣдко изумлялъ странностями иностранцевъ, желавшихъ видѣть покорителя Измаила и Варшавы. Среди важныхъ дѣлъ, онъ отвѣчалъ стихами Державину.

Едва кончился раздѣлъ Польши, Екатерина звала его въ Петербургъ. Проѣздъ Суворова изъ Варшавы въ Петербургъ былъ торжественнымъ шествіемъ. Какъ ни старался онъ скрываться, его встрѣчали губернаторы, чиновники, войско, граждане съ хлѣбомъ-солью; народъ стерегъ его по дорогѣ и оглашалъ воздухъ кликами: «Ура! Суворовъ!» — «Помилуй Богъ, помилуй Богъ! они уморятъ меня!» говорилъ онъ и плакалъ отъ радости. Придворныя кареты были высланы ему навстрѣчу. Суворовъ пріѣхалъ прямо въ Зимній дворецъ и повергся передъ Екатериною. Для житья отведено было ему прежнее жилище Потемкина, Таврическій дворецъ. Разговаривая на другой день съ Суворовымъ, Екатерина вручила ему богатую табакерку съ изображеніемъ Александра Македонскаго. «Никому не приличенъ болѣе васъ портретъ вашего тёски — вы велики, какъ онъ!» сказала Екатерина. Въ февралѣ 1796 года, торжествовали въ Петербургѣ бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича. Суворовъ былъ почетнымъ гостемъ на царскихъ праздникахъ. Въ Петербургѣ пировалъ онъ тогда и на свадьбѣ своей Наташи, своей *Суворочки*, всегда имъ любимой дочери, которую помнилъ подъ громами Измаила и при разгромѣ Праги.

Но и среди придворнаго величія и почестей, Суворовъ не измѣнялъ своего обхожденія, своихъ странностей и образа жизни. Въ Таврическомъ дворцѣ занималъ онъ маленькую комнату, спалъ на сѣнѣ, рѣдко являлся на великолѣпныхъ обѣдахъ, и только мелькомъ въ высшихъ обществахъ, гдѣ всѣ искали его, почитая счастіемъ, если Суворовъ удостоивалъ чей нибудь пиръ и праздникъ минутнымъ присутствіемъ. Императрица снисходила къ странностямъ великаго человѣка, которыя казались теперь всѣмъ чѣмъ-то особеннымъ и геніальнымъ, а вовсе не смѣшнымъ. Анекдоты о Суворовѣ ходили

въ народѣ и были предметомъ общаго удивленія. Разсказывали, что на балѣ во дворцѣ, когда императрица спросила: «Чѣмъ подчивать васъ, Александръ Васильевичъ?» — «Матушка!» отвѣчалъ онъ, «будь милостива: вели дать водочки!» — «Но что скажутъ красавицы, если отъ васъ будетъ пахнуть водкой?» сказала смѣясь императрица. — «Ничего матушка: онѣ увидятъ что Суворовъ солдатъ». Замѣтивъ, что Суворовъ ѣздитъ зимою безъ шубы, императрица упрекала его, почему онъ не бережетъ здоровья, и подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ, и, ѣздя во дворецъ, садилъ съ собою слугу, который держалъ шубу на рукахъ и надѣвалъ на него при выходѣ изъ кареты. «Не смѣю ослушаться императрицы», говорилъ Суворовъ, «шуба со мной, а нѣжиться солдату не хорошо!»

Но, среди увеселеній и праздниковъ, Екатерина уклонялась съ Суворовымъ въ свой кабинетъ, и тамъ нерѣдко цѣлые вечера были посвѣщаемы важнымъ разсужденіямъ. Планы и предположенія Екатерины были обширны. Чего не могла предпринять владычица Россіи, имѣя многочисленное, превосходное и опытное войско, и такого полководца, каковъ былъ Суворовъ? Въ совѣщаніяхъ съ нимъ рѣшенъ былъ походъ на Кавказъ. Войско, туда отправленное, ввѣрено было графу В. А. Зубову. Непріязненныя отношенія Турціи заставляли помышлять о новой войнѣ противъ оттомановъ. Неожиданный разрывъ дружескихъ отношеній съ Швеціею требовалъ предосторожностей.

Но другія событія готовились для военной славы Суворова. Республика французская была признана государствомъ среди другихъ государствъ Европы. Она являлась могущественною и грозною. Опасность достигла крайняго предѣла. Мечты Суворова, желаніе его сразиться съ революціонерами, явиться защитникомъ царей и законовъ, осуществлялись. Положено было русскимъ войскамъ соединиться съ австрійцами.

Суворовъ долженъ былъ принять надъ ними начальство. Восемьдесятъ тысячъ русскихъ назначились въ походъ.

Въ 1796 году Суворовъ оставилъ Петербургъ и принялъ начальство надъ арміею, первый корпусъ которой вступилъ въ Галицію, но вдругъ, новымъ повелѣніемъ императрицы, походъ былъ остановленъ. Военныя и политическія дѣла мгновенно измѣнились. Появленіе въ Италіи новаго полководца французскихъ войскъ, Наполеона Бонапарте, ознаменовалось побѣдами надъ сардинцами и австрійцами, и заставило Екатерину перемѣнить свои намѣренія. Екатерина остановила походъ русскихъ войскъ. Суворовъ получилъ приказъ расположить войска на зимнія квартиры. И когда, съ грустною думою о современныхъ событіяхъ, исполнялъ онъ повелѣнія, горестная вѣсть неожиданно поразила его, измѣнила всѣ политическія отношенія и разрушила всѣ надежды Суворова: ноября 6-го 1796 года скончалась Екатерина. Суворовъ плакалъ неутѣшно. «Матушка царица!» говорилъ Суворовъ, «безъ нея мнѣ не видать бы, ни Кинбурна, ни Рымника, ни Измаила, ни Варшавы!»

Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, при дворѣ, въ политическихъ дѣлахъ, въ войскѣ, въ гражданскомъ управленіи Россіи, явились новые сановники. Быстро смѣняли они прежнихъ подвижниковъ. Въ войскѣ измѣнены были одежда, вооруженіе, чиноначаліе, ученіе, команда, раздѣленіе полковъ.

Непоколебимый поборникъ истины, увѣренный, что, на высотѣ его славы и почестей, и на чредѣ, имъ занимаемой, ему уже недоступны ни злоба, ни зависть людская, Суворовъ рѣшился говорить истину. Съ благоговѣніемъ вѣрноподданнаго, изъявилъ онъ императору свои мнѣнія, касательно различныхъ нововведеній въ войскѣ. Враги Суворова успѣли представить императору въ превратномъ видѣ, любовь войска къ Суворову, его противорѣчіе новымъ правиламъ, самыя странности его. «Мнѣ поздно перемѣниться!» отвѣчалъ

огорченный старецъ, когда ему замѣтили, что его проказы неумѣстны и что тѣмъ нарушается военная дисциплина. «Матушка Екатерина тридцать лѣтъ терпѣла мои причуды, сказалъ онъ, и я шалилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавою.» Еще нѣсколько времени недоброжелатели щадили упрямаго старика, но не любимцевъ и друзей Суворова: одни были отставлены, другіе удалены. Суворовъ не унимался. Января 19-го 1797 года, онъ получилъ строгій выговоръ «за самовольный отпускъ подполковника Батурина, ибо власти на то не имѣетъ никто кромѣ государя». Суворовъ отправилъ куда-то куріеромъ капитана Мерлина. Посланный имъ былъ отосланъ въ рижскій гарнизонъ, а Суворову сдѣланъ выговоръ: «За посылку куріеромъ военнослужащаго, безъ всякаго дѣла». Января 27-го командованіе передано было генералъ-лейтенанту Беклешову, а «Суворову повелѣно быть въ Петербургѣ и остаться безъ команды». Такое распоряженіе показывало явную немилость императора. Съ глубокою горестію Суворовъ осмѣлился представить, что если у него взято начальство надъ войскомъ, то ему не только въ Петербургѣ, но и въ службѣ дѣлать нечего. Отвѣтомъ на представленіе его былъ приказъ февраля 6-го: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнеслясь его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Повинуясь волѣ монарха, трогательно разстался съ товарищами своими Суворовъ. Его любимый фанагорійскій гренадерскій полкъ былъ выстроенъ на площади тульчинской. Суворовъ явился передъ полкомъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, обратилъ рѣчь къ солдатамъ, прощался съ ними, увѣщевалъ ихъ быть вѣрными государю, послушными начальникамъ. Потомъ снялъ онъ съ себя ордена, положилъ ихъ на барабанъ и воскликнулъ: «Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри, оставляю здѣсь все, что я заслужилъ съ вами. Молитесь Богу! Не пропадетъ молитва за

Богомъ и служба за царемъ! Мы еще увидимся! — мы еще увидимся — мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!» Солдаты плакали. Суворовъ подозвалъ одного изъ нихъ къ себѣ, обнялъ, зарыдалъ и побѣжалъ на свою квартиру. Почтовая телѣжка стояла уже готовая. Суворовъ сѣлъ въ нее и тройка помчалась...

Онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ у него небольшой домикъ. Здѣсь, на родинѣ своей, укрываясь отъ свѣта, хотѣлъ жить и умереть Суворовъ среди семейства дочери своей. Но враги не думали оставить его въ покоѣ. Прощаніе съ солдатами и уединенная жизнь въ Москвѣ возбудили новыя клеветы на него. Страшились встрѣчи съ нимъ императора — пылкаго въ гнѣвѣ, но великодушнаго и по-царски умѣвшаго сознаваться въ ошибкахъ. Нѣсколько словъ его съ Суворовымъ въ одно мгновеніе могли разрушить всѣ коварные умыслы враговъ. Надобно было удалить Суворова, лишить всѣхъ средствъ оправдаться передъ императоромъ. Когда Москва нетерпѣливо ждала царя, и въ древней столицѣ все готовилось для священнаго коронованія государя, полицейскій чиновникъ явился въ уединеніе Суворова и объявилъ ему высочайшій приказъ ѣхать изъ Москвы въ деревню. «Сколько времени мнѣ дастся на сборы?» спросилъ Суворовъ. — «Четыре часа,» отвѣчалъ присланный. — «Слишкомъ много! Не только въ деревню, но бить турокъ и поляковъ сбирался я въ часъ!» сказалъ Суворовъ, взялъ подъ мышку небольшой ящикъ съ бумагами, накинулъ на себя старый плащъ свой, простился съ домашними, и сказалъ присланному чиновнику, что онъ готовъ. У крыльца стояла дорожная карета. Суворовъ отказался сѣсть въ нее. «Для чего мнѣ карета?» говорилъ онъ. «И во дворецъ царскій ѣзжалъ я въ почтовой телѣжкѣ!» Принуждены были исполнить его требованія. Въ послѣдній разъ Суворовъ взглянулъ на древнюю Москву, колыбель свою, мѣсто, гдѣ столько разъ являлся онъ въ величіи и славѣ, и гдѣ оставлялъ милыхъ сердцу людей. Телѣга помчалась по петербургской до-

рогѣ, но не въ Петербургъ: съ Вышняго Волочка повернули въ право — мѣстомъ пребыванія Суворова назначилось родовое сельцо его Кончанское, гдѣ былъ еще цѣлъ старый отцовскій домъ и гдѣ нерѣдко Суворовъ живалъ въ дѣтствѣ. Полицейскій чиновникъ, сопровождавшій его, остался при немъ съ нѣсколькими полицейскими служителями.

Кончанское находится въ глуши лѣсовъ, далеко отъ большой дороги, на сѣверовостокъ отъ уѣзднаго города Новгородской губерніи, Боровичей, среди дикихъ болотъ и озеръ. Оно населено карелами. Господскій домъ и садъ расположены въ немъ на высокой горѣ. За садомъ находилась тогда старинная деревянская церковь. Видъ мѣста вообще мрачный и унылый. Сѣверная природа является здѣсь въ своемъ дикомъ величіи. Здѣсь поселился Суворовъ, одинокій, и, казалось, забытый всѣми людьми и славою, дотолѣ влачившеюся всюду по слѣдамъ его.

Суворовъ расположился житьемъ своимъ. Ни жалобъ, ни сѣтованій не слыхали изъ устъ его. Онъ былъ веселъ, спокоенъ и заботливо занялся постройкою двухъ небольшихъ домиковъ. Эти домики еще донынѣ цѣлы, сохраненные его потомками. Въ одномъ изъ нихъ три небольшіе покоя, спальня и комната для служителя, находившагося при Суворовѣ. Стѣны были обиты простыми, пестрыми обоями. Другой домикъ въ саду. Въ немъ одна комната. Тамъ уединялся Суворовъ для своихъ вечернихъ занятій. Онъ велъ прежній образъ жизни: вставалъ рано и отправлялся на сельскую колокольню звонить, слушалъ въ церкви заутреню и обѣдню, въ продолженіе которыхъ исправлялъ должность пономаря и дьячка, пѣлъ на крылосѣ, читалъ апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ заходилъ онъ послѣ обѣдни на водку къ священнику. Обѣдалъ всегда у себя одинъ, и послѣ отдыха отправлялся гулять по деревнѣ. Здѣсь онъ прыгалъ съ крестьянскими дѣтьми, слушалъ сельскія и городскія новости и сплетни, мирилъ ссоры и споры благотворилъ крестьянамъ, вмѣши-

вался въ ихъ игры, и по вечерамъ удалялся въ свой садовый пріютъ. Тамъ иногда утренняя заря заставала его за картами, планами и книгами. Суворовъ былъ здѣсь не одинъ: онъ бесѣдовалъ съ великими всѣхъ вѣковъ, вспоминалъ прошедшее и вопрошалъ будущее, прилѣжно слѣдя за современными событіями, какъ будто предчувствуя, что ему не суждено умереть въ забвеніи, въ уединенной деревнѣ. Онъ переселялся мыслію на поля Италіи, на Рейнъ, гдѣ тогда шумѣли битвы, куда уже готовъ былъ и онъ полетѣть, когда судьба вырвала изъ рукъ его побѣдоносный мечъ. Читая извѣстія о побѣдахъ Бонапарте, Суворовъ восклицалъ иногда: «О пора, пора унять мальчика — далеко шагаетъ!» и отправлялся въ сельскую церковь свою молиться Богу, и въ село играть съ дѣтьми, либо слушать разсказы о томъ, какъ славно пляшетъ боровицкая капитанша-исправница Аксинья Степановна, и какой важный человѣкъ тамошній городничій....

Помышляя о дѣлахъ важныхъ, гдѣ жребіи царствъ должны были рѣшаться оружіемъ, могъ ли императоръ Павелъ не вспомнить о героѣ, который, подобно Цинциннату, смѣнилъ мечъ на плугъ? Несмотря на безпрерывныя козни враговъ Суворова, императоръ нѣсколько разъ хотѣлъ видѣть его, говорить съ нимъ.

Однажды, когда безсмертный Суворовъ, въ своемъ невольномъ уединеніи, среди господскаго двора, заросшаго травою, окруженный деревенскими ребятишками, обожавшими *добраго старичка-барина*, игралъ съ ними въ бабки, — вдругъ къ воротамъ, настежъ отворенным, прискакала фельдъегерская телѣжка, изъ которой поспѣшно выскочилъ гвардейскій курьеръ, стремительно бросившійся къ дому, спрашивая: «гдѣ графъ?» Полицейскій чиновникъ указалъ ему на плѣшиваго старичка, въ нарусинной курткѣ, игравшаго въ бабки съ ребятишками. Изумленный офицеръ, держа лѣвую руку у козырька фуражки, правою подалъ ему пакетъ изъ Петербурга съ надписью: «Фельдмаршалу графу Суворову.» — «Письмо не ко мнѣ;» ска-

залъ онъ куріеру, «со мною запрещено переписываться». Куріеръ утверждалъ, что письмо писано по волѣ государя. «Не вѣрю», говорилъ Суворовъ, «я названъ фельдмаршаломъ, но если я фельмаршалъ мнѣ надобно быть при арміи, а не подъ стражею въ деревнѣ!» Такимъ образомъ куріеръ возвратился въ Петербургъ съ нераспечатаннымъ пакетомъ и съ этимъ словеснымъ отзывомъ чудодѣйнаго Суворова. Слѣдствіемъ этого отзыва, было требованіе его въ Петербургъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ, «я не поѣду, и если уже не могу быть полезнымъ чѣмъ нибудь другимъ, позвольте мнѣ удалиться въ монастырь и посвятить остатокъ дней моихъ молитвѣ за государя и отечество!» Немедленно написалъ онъ императору:

«Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій монархъ!

«Ваше императорское величество всеподданнѣйше прошу позволить отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ намѣренъ я окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердный государь! Повергаю себя къ стопамъ вашего императорскаго величества.

«Всеподданнѣйшій богомолецъ, божій рабъ, графъ Суворовъ-Рымникскій.»

Суворова пока оставили въ покоѣ. Но когда быстро смѣнялись одно другимъ событія въ Европѣ, когда уже все готово было вспыхнуть кровавою бранью, императоръ Павелъ почелъ нужнымъ узнать образъ мыслей Суворова о тогдашней политикѣ Европы. Поручено было генералъ-маіору Прево-де-Люміану ѣхать къ Суворову и поговорить съ нимъ. Суворовъ зналъ де-Люміана въ Финляндіи, гдѣ онъ находился при строеніи крѣпостей. Суворовъ любилъ его и шутя называлъ Иваномъ Ивановичемъ, хотя ни отецъ, ни самъ онъ Иванами не назывались. Какъ стараго друга, встрѣтилъ Суворовъ присланнаго къ нему, и, въ бесѣдѣ съ нимъ въ хижинѣ коншанской, показалъ и то, что онъ не старѣется, и то, какъ вѣренъ и обширенъ былъ опытный взглядъ его, обнимавшій всю

политику Европы и сущность современныхъ дѣлъ. Суворовъ изложилъ мысли свои въ краткой запискѣ.

Уже русскія войска шли въ Германію, и появленіе ихъ въ Австріи возбудило протестъ французскаго правительства на раштадтскомъ конгресѣ (2 января 1797 г.); уже война начиналась въ Италіи и австрійскія войска двигались на Рейнъ, а Суворовъ все еще былъ въ своей новгородской хижинѣ, когда ударилъ часъ его торжества.

Новый курьеръ, поспѣшно прискакавшій въ Кончанское, вручилъ Суворову уже собственноручное письмо императора:

«Графъ Александръ Васильевичь!

«Теперь намъ не время разсчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи, и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшайте пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть».

Ни какіе разсчеты, ни какая крамола не могли отклонить избранія Суворова военоначальникомъ союзныхъ армій. Добровольное, или, лучше сказать, невольное сознаніе чужеземцевъ призывало Суворова въ битвы. Говорили, что, получивъ письмо императора Франца, императоръ Павелъ усмѣхнулся и сказалъ Растопчину: «Вотъ каковы русскіе — вездѣ пригождаются!»

Слезы радости потекли изъ глазъ Суворова. Онъ поцѣловалъ письмо императора, побѣжалъ въ свою сельскую церковь, велѣлъ служить молебенъ, стоя на колѣняхъ пѣлъ, молился и плакалъ. Между тѣмъ запрягали лошадей въ повозку и открытыя сани, а камердинеръ Суворова распоряжался, по слѣдующему письменному приказу его:

«Часъ собираться, другой отправляться. Ѣду съ четырьмя товарищами. Приготовить 18 лошадей. Денегъ взять на дорогу 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку, да

вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ».

Въ первыхъ числахъ февраля по Петербургу мчалась почтовая кибитка, а въ ней сидѣлъ сѣдой старичекъ. Кибитка остановилась у Зимняго дворца. Старичекъ выскочилъ бодро и побѣжалъ по дворцовой лѣстницѣ. Черезъ часъ весь Петербургъ шумно говорилъ: Суворовъ пріѣхалъ!

Современники разсказываютъ, что невозможно представить себѣ всеобщаго восторга народа и войска, при извѣстіи о пріѣздѣ Суворова. Поздравляли, привѣтствовали взаимно другъ друга, благословляли добраго государя. Казалось, пріѣздъ Суворова уже ручался за побѣду. Суворовъ со слезами повергся къ ногамъ государя. Императоръ спѣшилъ поднять его, поцѣловалъ, самъ заплакалъ, и крѣпко обнялъ престарѣлаго героя. Милостью и ласкою, императоръ встрѣтилъ Суворова. Онъ самъ надѣлъ на него цѣпь ордена св. Іоанна іерусалимскаго большаго креста. «Боже! Спаси царя!» воскликнулъ Суворовъ. —«Тебѣ спасать царей!» сказалъ императоръ. — «Съ тобою, государь, можно!» отвѣчалъ Суворовъ. Радостно сознавалъ Суворовъ знаки вниманія къ нему всего семейства царскаго. Порадовавшись на двухъ старшихъ царевичей, Александра и Константина, и прекрасныхъ супругъ ихъ, Суворовъ хотѣлъ видѣть и двухъ младшихъ царскихъ сыновей, родившихся послѣ отъѣзда его изъ Петербурга. Одному изъ великихъ князей, Николаю Павловичу, было тогда около трехъ лѣтъ. Увидѣвъ его, Суворовъ, восхищенный внукомъ Екатерины, со слезами преклонилъ передъ нимъ колѣно. Въ ту минуту вошелъ въ комнату императоръ. «Что вы дѣлаете, графъ?» сказалъ онъ ему съ улыбкою.—«Преклоняюсь передъ сыномъ боготворимаго мною монарха», отвѣчалъ герой. «Пусть скажутъ ему нѣкогда, что его почтилъ поклоненіемъ старый вѣрноподданный его родителя!»

Видя милости государя, кто не льстилъ тогда Суворову? Народъ бѣгалъ за его каретою по улицамъ; толпы собирались

на парады, желая посмотрѣть на его. Проказы, странности, шутки Суворова пересказывали, какъ черты генія, удивлялись имъ, восхищались ими. Сановники съ ранняго утра тѣснились въ его передней. Изъявляя уваженіе немногимъ, Суворовъ не щадилъ многихъ. Онъ увѣрялъ, что всѣ старики похорошѣли и помолодѣли въ его отсутствіе. «Всѣ вы стали красавцы», говорилъ онъ, «да вѣдь и я старая кокетка — смѣюсь и не боюсь!» — Иныхъ Суворовъ приводилъ въ смущеніе, расспрашивая за что данъ имъ тотъ или другой орденъ, качая съ удивленіемъ головою и восклицая: «Не слыхивалъ! Не слыхивалъ!» — Шутки его были не истощимы. Онъ выбѣжалъ на встрѣчу къ одному изъ гостей своихъ, кланялся ему чуть не въ ноги и бѣгалъ по комнатѣ, крича: «Куда мнѣ посадить такого великаго, такого знатнаго человѣка! Прошка! стулъ, другой, третій!» И при помощи Прошки, Суворовъ становилъ стулья одинъ на другой, кланяясь и прося садиться выше другихъ — «туда, туда, батюшка, а ужъ свалишься, не моя вина!» говорилъ Суворовъ, улыбаясь. Сердечно полюбилъ онъ тогда умнаго графа Ѳ. В. Растопчина, русскаго сердцемъ, горячаго на добро, который былъ душею политики русскаго двора. Въ бесѣдахъ съ Растопчинымъ открывалъ Суворовъ всѣ тайны души своей, все величіе своего генія, но съ нимъ шутилъ онъ не менѣе другихъ. Однажды, среди важныхъ разговоровъ, когда Растопчинъ «обратился весь въ слухъ и вниманіе» (какъ самъ онъ разсказывалъ), Суворовъ вдругъ остановился и запѣлъ пѣтухомъ. «Какъ это можно!» съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ. «Поживи съ мое — запоешь курицей!» отвѣчалъ Суворовъ, смѣясь. Въ другой разъ увѣрялъ онъ Растопчина, что былъ раненъ тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять дома, двадцать три раза при дворѣ. Растопчинъ былъ въ восторгѣ отъ Суворова. Любимецъ императора, Обольяниновъ, засталъ Суворова прыгающимъ черезъ чемоданы и разныя дорожныя вещи, которыя въ нихъ укладывали. «Учусь прыгать», ска-

залъ ему Суворовъ. «Вѣдь въ Италію-то прыгнуть — ой, ой! великъ прыжокъ, поучиться надобно!»

Отвсюду являлись желавшіе служить съ Суворовымъ. Друзья и любимцы его, всѣ были вновь въ службу приняты. Въ числѣ ихъ находились: вѣрный адъютантъ Суворова, капитанъ Ставраковъ, другъ и спутникъ его въ Польшѣ и въ Турціи Дерфельденъ, Горчаковъ, Штренгпортенъ и другіе.

Первою просьбою Суворова императору была просьба о наградѣ полицейскаго чиновника, приставленнаго для надзора за нимъ въ деревнѣ. Императоръ наградилъ чиновника, и перевелъ въ гвардію сына его армейскаго офицера. Второю просьбою было прощеніе капитана Синицкаго, сосланнаго въ Сибирь, за котораго умоляла вступиться несчастная мать. Императоръ простилъ его. Суворовъ просилъ не объявлять въ приказахъ о вступленіи его въ службу. «Видите, государь! я не переставалъ служить тебѣ!» сказалъ онъ, послѣ изложенія плановъ, обдуманныхъ имъ въ уединеніи. «Вижу!» отвѣчалъ императоръ, пожимая ему руку.

При объясненіяхъ съ императоромъ о планахъ войны, Суворовъ съ досадою видѣлъ, что надежды его далеко не осуществляются: русскіе только были помощниками Австріи, и не могли дѣйствовать отдѣльно. Договоры о союзѣ и планы предположенной кампаніи были уже утверждены. Вопреки мнѣнію Суворова, главныя военныя дѣйствія назначались въ Италіи. Войска на Рейнѣ и въ Швейцаріи должны были только помогать главной италіанской арміи, когда англичане и русскіе предпримутъ особыя высадки на югѣ Италіи и въ Голландіи. Не такъ располагалъ Суворовъ. Но императоръ Павелъ не могъ измѣнить плана, уже подтвержденнаго общимъ согласіемъ, хотя и убѣждался словами Суворова въ недостаточности первыхъ предположеній. Онъ далъ только Суворову полную власть надъ русскими войсками, велѣлъ относиться прямо къ нему, и даже вручилъ ему бланкетъ за своею подписью. Суворовъ надѣялся, что дѣла его заставятъ союзниковъ согласиться на

совершенную къ нему довѣренность, и что ему дана будетъ свобода дѣйствій. Между тѣмъ ему оставалось дѣлать что было можно, и недостаточный планъ преобразовать силою генія своего.

Помолясь Богу, преклонясь передъ императоромъ, Суворовъ отправился въ Вѣну. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ, безъ отдыха, день и ночь. Въ Дерптѣ явился къ нему какой-то старый сослуживецъ его. Суворовъ обрадовался, разговорился съ нимъ, и вдругъ спросилъ: «Какія будутъ станціи отъ Дерпта до Риги?» Не зная названій ихъ, но зная, что немогузнайство разсердитъ старика, сослуживецъ важно отвѣчалъ: «Первая Туртукай, вторая Кинбурнъ, третья Измаилъ».— «Помилуй Богъ!» важно отвѣчалъ Суворовъ, «видно прежнія названія перемѣнили. А за Ригой что?» — «Тамъ первая Миланъ, вторая Туринъ, третья Парижъ!» — «Охъ! да какъ ты географію знаешь! хорошо, хорошо!» сказалъ Суворовъ, потрепавъ по плечу стараго знакомаго. Въ Митавѣ посѣтилъ Суворовъ графа Прованскаго, жившаго тамъ съ братомъ, графомъ д'Артуа, и семействомъ его. По кончинѣ племянника, несчастнаго Лудовика XVII, гр. Прованскій принялъ уже тогда титулъ королевскій, подъ именемъ Людовика XVIII. Суворовъ явился къ нему и изъявилъ радость свою, что идетъ положить за него голову, или возвести его на престолъ предковъ. «Я забываю мои бѣдствія, и вѣрю, что буду счастливъ, если Богъ вручитъ судьбу Франціи и короля ея мечу Суворова», отвѣчалъ разстроганный Лудовикъ.

Марта 15-го прибылъ Суворовъ въ Вѣну. Въ Сенъ-Пелтенѣ встрѣтилъ онъ корпусъ русскихъ войскъ, выскочилъ изъ экипажа и закричалъ: «Здорово, ребята, чудо-богатыри! Вотъ — видите ли? Я опять съ вами!» Крики — ура, и слезы солдатъ привѣтствовали великаго вождя къ побѣдамъ. Въ Вѣну пріѣхалъ Суворовъ ночью, остановился у русскаго посла, графа А. К. Разумовскаго, и легъ спать, какъ всегда, на соломѣ.

Утромъ вся Вѣна поднялась — хотѣла видѣть, привѣтствовать Суворова. Улицы наполнились народомъ. Едва показался Суворовъ въ каретѣ съ русскимъ посломъ, раздались крики: «Да здравствуетъ Суворовъ!» Окна домовъ, мимо которыхъ проѣзжалъ герой, были наполнены зрителями. Даже на крышахъ былъ народъ. У дворцоваго подъѣзда не было прохода отъ тѣсноты. Выйдя изъ кареты, Суворовъ остановился и закричалъ по-нѣмецки: «Австрійцы храбры — русскіе непобѣдимы! Мы будемъ бить французовъ. Ура! Да здравствуетъ императоръ Францъ!» Онъ побѣжалъ по лѣстницѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Императоръ Францъ встрѣтилъ Суворова съ великими почестями. Суворовъ не измѣнилъ своихъ поступковъ и своего обхожденія. При первомъ свиданіи, онъ сказалъ императору: «Съ французами обходились слишкомъ вѣжливо, какъ съ дамами, но я строгъ для учтивостей и поступлю съ ними грубѣе!» Императоръ объявилъ Суворову чинъ австрійскаго фельдмаршала, съ жалованьемъ по 24,000 флориновъ, сверхъ 8,000 флориновъ на путевыя издержки. Въ древней церкви св. Стефана, при великолѣпномъ собраніи двора, подлѣ гробницы принца Евгенія, произнесъ Суворовъ присягу на новый чинъ. Пиры и увеселенія готовились въ Вѣнѣ. Суворовъ отъ нихъ отказался, и не явился даже къ императорскому столу подъ предлогомъ великаго поста.

Когда проходили черезъ Вѣну русскія войска, императоръ, дворъ его и Суворовъ отправились встрѣчать ихъ. Восторгомъ привѣтствовали солдаты своего стараго полководца, явившагося торжественно съ императоромъ, семействомъ его, дворомъ, генералитетомъ, при безсчетной толпѣ народа. Русское «ура» въ первый разъ огласило тогда столицу Австріи. Получены были извѣстія объ успѣхахъ австрійцевъ противъ французовъ на Рейнѣ. «Славно», воскликнулъ Суворовъ, «посмотрите, что и мы будемъ бить ихъ!» — Онъ хотѣлъ видѣть

старыхъ друзей своихъ, принца Кобургскаго и принца де-Линя. Старики плакали, обнимаясь.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Вѣнѣ, Суворовъ спѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ ѣхалъ день и ночь, несмотря на дурныя дороги и темныя ночи. Въ Штирійскихъ горахъ, ночью дормезъ его упалъ въ рѣку. Суворовъ больно ушибся. «Ничего», отвѣчалъ онъ, когда ему изъявили сожалѣніе. «Жаль только, что церковныя ноты подмокли — боюсь, что не почемъ будетъ пѣть: «Тебе, Бога, хвалимъ!»

Италіанскій походъ Суворова чрезвычайно интересенъ въ военномъ отношеніи и по множеству своихъ знаменательныхъ эпизодовъ. Но передадимъ его здѣсь какъ можно кратче, чтобы не слишкомъ распространять и безъ того уже весьма обширную біографію Суворова.

Въ Веронѣ народъ отпрягъ лошадей отъ кареты его и повезъ ее на себѣ до приготовленнаго для Суворова дворца. Австрійскіе генералы Меласъ и Край явились къ нему съ рапортами. Ночью городъ былъ торжественно освѣщенъ: вездѣ горѣлъ щитъ или вензель фельдмаршала, вездѣ воспѣвали ему похвальныя пѣсни.

Суворовъ сдѣлалъ смотръ австрійскимъ полкамъ, и сказалъ окружавшимъ его генераламъ: «Шагъ ихъ хорошъ: побѣда!» Французскою арміею предводительствовалъ въ то время генералъ Моро. «И здѣсь вижу я» — сказалъ Суворовъ — «перстъ провидѣнія. Мало славы было-бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть».

Упорное сраженіе при Лоди продолжалось двѣнадцать часовъ: французы потеряли убитыми до двухъ тысячъ человѣкъ и плѣнными столько же. Фельдмаршалъ Суворовъ отпустилъ ихъ въ Парижъ, сказавъ: «Идите въ Парижъ домой и объявите землякамъ вашимъ, что Суворовъ здѣсь».

Среди этихъ обстоятельствъ одержана была новая побѣда надъ французами. Генералы Серюрье и Фрезье были взяты въ

плѣнъ съ 3,000 войска. Офицерамъ позволено было возвратиться во Францію, по размѣнѣ, съ условіемъ не служить противъ союзныхъ государей. Чтя превратность счастія въ плѣнномъ, Суворовъ вручилъ шпагу генералу Серюрье, сказавъ: «Кто ею такъ владѣетъ, какъ вы, у того она не отъемлема». Серюрье просилъ освободить его войска. «Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами». Потомъ, обнадеживъ, что французамъ не будетъ причинено ни какихъ обидъ, Суворовъ произнесъ стихи Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ;
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

«Переведите эти стихи французскому генералу», продолжалъ фельдмаршалъ, обратясь къ своему секретарю. «Я читалъ ихъ наизустъ, по взятіи Варшавы, и депутатамъ польскимъ». Съ этими словами Суворовъ вышелъ изъ комнаты. «Quel homme!....» воскликнулъ Серюрье.

Императоръ Павелъ препроводилъ къ фельдмаршалу портретъ свой, въ перстнѣ, осыпанномъ бриліантами. «Примите его» — упомянулъ государь въ рескриптѣ — «въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго».—Сынъ Суворова пожалованъ былъ въ генералъ-адъютанты и получилъ приказаніе находиться при отцѣ. — «Поѣзжай и учись у него», сказалъ ему государь. «Лучшаго примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу».

Союзныя войска вступили въ Миланъ въ день св. Пасхи. Суворовъ въѣхалъ въ городъ верхомъ, позади свиты своей, въ австрійскомъ бѣломъ мундирѣ и остановился въ домѣ, прежде занимаемомъ генераломъ Моро. На другой день фельдмаршалъ, надѣвъ парадный русскій мундиръ и всѣ ордена, украшенные бриліантами, отправился въ великолѣпной каретѣ,

между рядовъ выстроеннаго войска, въ соборную церковь Милана. Громкія восклицанія войска «ура!» и жителей: «Да здравствуетъ Суворовъ!» привѣтствовали его на улицахъ. Католическое духовенство встрѣтило Суворова, при входѣ въ храмъ, въ полномъ облаченіи. «Господь да благословитъ шествіе твое, добродѣтельный полководецъ!» произнесъ архіепископъ. — «Молитесь», — отвѣчалъ выразительно и важнымъ голосомъ, на италіанскомъ языкѣ, фельдмаршалъ — «да поможетъ мнѣ Богъ спасти ваши храмы и престолы государей!» и, войдя въ соборную церковь, преклонилъ съ благоговѣніемъ колѣна предъ священнымъ жертвенникомъ.

Въ Миланѣ нѣкоторые австрійскіе генералы просили Суворова дать отдохнуть войску; но онъ отвѣчалъ имъ: «впередъ!» и, пробывъ въ этомъ городѣ не болѣе четырехъ дней, обнародывалъ воззваніе къ французамъ, которое не имѣло однако успѣха, и составилъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ непріятеля.

Передъ Туриномъ нѣкоторые генералы осмѣлились представить Суворову затрудненія, препятствующія взять этотъ городъ. Онъ разсердился и вскрикнулъ: «Пустое! Аннибалъ, прошедъ Испанію, переправясь черезъ Рону, поразивъ галловъ, перешедъ чрезъ Альпы, взялъ въ три дня Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ. Хочу быть преемникомъ его генія».

Изъ цитадели трехъ-тысячный французскій гарнизонъ безпрестанно сыпалъ градомъ бомбы, картечи и каленыя ядра. Суворовъ велѣлъ объявить коменданту Фіореллѣ: что если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣлы будутъ выведены французскіе плѣнные. Тишина водворилась. Духовенство католическое, при входѣ Суворова въ каѳедральный храмъ, въ угодность ему, благословило его по обряду греческой церкви.

Городъ Туринъ поднесъ побѣдителю шпагу, украшенную брилліантами. По прошествіи нѣкотораго времени, главнокомандующій удостоился получить слѣдующій замѣчательный рескриптъ отъ императора:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Въ первый разъ увѣдомили насъ вы объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистовыхъ раззорителей, а у меня за сіе воздаяніе для васъ готово. Простите. Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ».

Наконецъ и твердая Мантуя покорилась. Десятитысячный гарнизонъ ея, на половину больной и израненный, сдался, 17-го іюля, на капитуляцію генералъ-фельдцейхмейстеру Краю, съ тѣмъ чтобы оставаться военноплѣнными въ Германіи. Въ крѣпости найдено болѣе 300 пушекъ.

Суворовъ продолжалъ испытывать разныя неудовольствія отъ гофкригсрата, то есть отъ военнаго австрійскаго совѣта, который, останавливая полетъ непобѣдимаго полководца, вязалъ его, какъ изъяснялся онъ, по рукамъ и ногамъ. «Робость гофкригсрата», писалъ къ императору Павлу фельдмаршалъ, «зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ; безвластіе мое въ производствѣ операцій, прежде доклада, на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о моемъ отзывѣ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу кости положить въ моемъ отечествѣ и молить Бога за моего государя».

Въ это время король сардинскій прислалъ Суворову ордена Аннонсіады, св. Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ фельдмаршала королевскихъ сардинскихъ войскъ, также на достоинство князя, съ титуломъ его двоюроднаго брата (cousin) и съ предоставленіемъ права этого изъ рода въ родъ перворожденнымъ; сверхъ того изъявилъ желаніе служить подъ его начальствомъ въ арміи италійской. Императоръ Павелъ согласился на принятіе Суворовымъ лестныхъ отличій и, увѣдомляя его о томъ, изъяснилъ: «что чрезъ это онъ и

ему войдетъ въ родство, бывъ единожды принятъ въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею».

За пораженіе французскаго маршала Макдональда, фельдмаршалъ былъ награжденъ портретомъ государя, осыпаннымъ бриліантами, для ношенія на груди, а за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, пожалованъ (8-го августа) княземъ Россійской имперіи, съ титуломъ *Италійскаго*, который распространенъ и на его потомковъ мужскаго и женскаго рода. Въ Англіи на всѣхъ праздникахъ пили здоровье: 1) короля англійскаго, 2) императора россійскаго и 3) избавителя Италіи (т. е. Суворова); сочинили въ похвалу Суворова пѣсни. Императоръ повелѣлъ фельдмаршалу, въ случаѣ продолженія дѣлаемыхъ ему непріятностей отъ вѣнскаго кабинета, собрать въ одно мѣсто ввѣренныя ему русскія войска и дѣйствовать по обстоятельствамъ, независимо; но притомъ совѣтовалъ остерегаться союзниковъ, продолжая сношенія съ англійскимъ министерствомъ. Суворовъ просилъ государя наградить генералъ-фельдцейхмейстера Края и получилъ въ отвѣтъ: «я ничего ему не дамъ; потому что императоръ Францъ трудно признаетъ услуги и недостаточно воздастъ, за спасеніе своихъ земель, учителю и предводителю его войскъ».

Побѣда при Нови заставила непріятеля заключить капитуляцію о сдачѣ Тортоны, крѣпости неприступной, стоящей на высотѣ скалы, которую ни гаубица, ни бомба не достаетъ, и которая стоила королю сардинскому пятнадцать милліоновъ.

Императоръ Павелъ повелѣлъ гвардіи и всѣмъ русскимъ войскамъ, даже въ присутствіи своемъ, отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому всѣ воинскія почести, подобно отдаваемыхъ особѣ его императорскаго величества. «Князь Александръ Васильевичъ!» писалъ государь фельдмаршалу: «Я получилъ извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ упокоеннымъ вами генераломъ Жубертомъ. Радъ весьма, а тѣмъ болѣе, что убитыхъ немного и что вы здо-

ровы. Не знаю, что пріятнѣе? Вамъ ли побѣждать или мнѣ награждать за побѣды? Но мы оба исполняемъ должное: я, какъ государь, а вы, какъ первый полководецъ въ Европѣ. Посылаю награжденія за взятіе Серавали, а вамъ, не зная, что уже давать, потому что вы поставили себя свыше награжденій, я опредѣлилъ почесть военную, какъ увидите изъ приказа, вчера отданнаго. Достойному достойное! прощайте, князь, живите, побѣждайте французовъ, и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго».

Наконецъ медлительности и интриги вѣнскаго гофкригсрата заставили императора Павла отдѣлить армію русскую отъ австрійской.

Такъ кончился знаменитый походъ 1799 года, въ которомъ союзники, подъ главнымъ предводительствомъ Суворова, выиграли десять сраженій, пріобрѣли около трехъ тысячъ огнестрѣльныхъ оружій, двѣсти тысячъ ружей, восемьдесятъ тысячъ плѣнныхъ и покорили двадцать пять крѣпостей, лишась убитыми и ранеными только восемь тысячъ человѣкъ.

Оставляя Италію, Суворовъ простился съ австрійцами, приказомъ, исполненнымъ признательности. «Никогда» — упомянулъ Суворовъ — «не забуду я храбрыхъ австрійцевъ, которые почтили меня довѣренностію и любовію. Не забуду воиновъ побѣдоносныхъ, содѣлавшихъ меня побѣдителемъ». Непріятная вѣсть объ удаленіи русскихъ привела въ уныніе жителей Піемонта и Ломбардіи.

Наконецъ показались грозные утесы и скалы Сентъ-Готарда, котораго вершина возносится выше облаковъ. Осенняя ненастная погода придавала еще болѣе мрачности дикой громадѣ. Между солдатами, утомленными дальнимъ походомъ, возникли толки о трудности перехода. Услышавъ о томъ, Суворовъ предоставилъ имъ избрать любое: безпрекословно повиноваться ему или предать его землѣ у подошвы Сентъ-Готарда и велѣлъ рыть для себя могилу. «Здѣсь по-

хороните меня», произнес герой, «вы более не дети мои, я более не отец ваш, мне нечего не остается кроме смерти!»

Изумленные, растроганные солдаты, зная решительность вождя своего, бросились к нему с громкими восклицаниями «веди, веди нас!» и подняли его на руки. «Вот», — говорит очевидец Фукс, — «первый шаг Суворова к победам на горах Альпийских!»

В донесении своем государю, от 3-го октября (1799 г.), Суворов описал так знаменитый переход свой: «На каждом шагу в этом царстве ужаса, зияющия пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіе дожди и густой туман облаков, при шумных водопадах, с камнями, с вершин низвергавшихся, увеличивали трепет. Там явилась зрѣнію нашему гора Сент-Готард, этот величающійся колос гор, ниже которых громоносныя тучи и облака плавают, и другая уподобляющаяся ей, Фогельсберг. Все опасности, все трудности были преодолены, и, при такой борьбе, со всеми стихіями, непріятель, согнездившійся в ущелинах и в неприступных, выгоднейших местоположеніях, не мог противустоять храбрости воинов, явившихся неожиданно на этом новом театре; он всюду прогнан. Войска вашего императорскаго величества прошли через горную пещеру Урзерн-Лох, заняли мост, удивительною игрой природы из двух гор сооруженный и прозванный Тейфельсбрюке *). Оный разрушен непріятелем: они связывают доски шарфами офицеров; бегут по этим доскам, спускаются с вершины в бездны, и, достигая врага, поражают его всюду. Напоследок надлежало восходить на снежную гору Биннер - Берг, скалистою крутизною все прочія превышающую; утопая в скользкой грязи, должно было подниматься против и посреди

*) Чертов мост.

водопада, низвергавшагося съ ревомъ, и низвергавшаго съ яростію страшные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, на которыхъ много людей съ лошадьми съ величайшемъ стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучины, гдѣ многіе убивались, а многіе спасались. Всякое выраженіе недостаточно къ изображенію этой картины во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преисполняетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарственнымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невидимая, всесильная десница видимо охраняла воинство вашего императорскаго величества, подвизавшееся святою Его вѣрою».

Суворовъ совершилъ неимовѣрный походъ среди своего войска на лошади, едва влачившей ноги, въ синемъ обветшаломъ плащѣ, который достался ему послѣ отца и былъ извѣстенъ подъ названіемъ родительскаго, въ круглой, большой шляпѣ, взятой у одного капуцина. Ропотъ воиновъ, исторгаемый отчаяніемъ, доходилъ до него: — «Старикъ нашъ, — говорили они вслухъ, Богъ вѣсть, куда насъ завелъ!» — Суворовъ спрашивалъ: «что они говорятъ?» Ему отвѣчали: «вы слышите сами». — «Да!» кричалъ онъ: «Помилуй Богъ! они меня хвалятъ; такъ хвалили они меня въ Турецинѣ и Польшѣ». — И утомленные солдаты хохотали, забывали свою усталость, радостно повторяли слова предводителя: «Впередъ! съ нами Богъ! Русское войско побѣдоносно. Ура!» — «Здѣсь нѣтъ des belles rétirades, — говорилъ Суворовъ, улыбаясь приближеннымъ: «развѣ въ пропастяхъ». — Одно слово *ретирада* приводило его въ гнѣвъ и изступленіе. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и оставленный союзниками, онъ повторялъ: «не дамъ костей своихъ врагамъ, умру здѣсь, и изсѣките на камнѣ: Суворовъ — жертва измѣны, но не трусости». Великій князь Константинъ Павловичъ проводилъ ночи съ фельдмаршаломъ подъ открытымъ небомъ; иногда, въ равнинахъ только, имѣли они пристанище въ сараяхъ, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды пасущіяся стада.

Находившійся въ Швейцаріи корпусъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Римскаго - Корсакова, былъ разбитъ французами. Войска, приведенныя Суворовымъ, были утомлены до нельзя. Но и съ этимъ войскомъ Суворовъ дѣлалъ чудеса. Оставшіяся войска Римскаго - Корсакова разбили три французскія дивизіи. Войска французскія были преслѣдуемы повсюду; но они ждали сильныхъ подкрѣпленій, а австрійцы не хотѣли помочь Суворову, интриговали, медлили, такъ что наконецъ императоръ Павелъ прекратилъ общее дѣло.

Суворовъ получилъ высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію и, читая въ будущемъ, произнесъ: «Я билъ французовъ; но не добилъ. Парижъ мой пунктъ—бѣда Европѣ». Признательный къ заслугамъ, государь возвелъ героя въ почетное достоинство русскаго генералиссимуса, 29 октября 1799 г. «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества»,— писалъ къ нему Павелъ I, «недоставало вамъ еще одного рода славы: преодолѣть самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ, награждая васъ, по мѣрѣ признательности моей, и ставя на вышній степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ». — «Это много для другаго», произнесъ тогда императоръ графу Растопчину, «а Суворову мало: ему быть ангеломъ»—и царь велѣлъ вылить бронзовую статую его для украшенія столицы, въ память знаменитыхъ подвиговъ. Этотъ красивый памятникъ и нынѣ возвышается на площади, насупротивъ Троицкаго моста. Императоръ Францъ препроводилъ Суворову орденъ Маріи Терезіи первой степени большаго креста, предоставилъ ему по жизнь званіе фельдмаршала и сопряженное съ этимъ чиномъ жалованье. Великій князь Константинъ Павловичъ, за храбрость и примѣрное мужество, получилъ отъ своего августѣйшаго родителя титулъ цесаревича.

Въ Прагѣ генералиссимусъ провелъ время очень весело (въ декабрѣ); завелъ у себя на банкетахъ святочныя игры: фанты, жмурки, жгуты и проч.; бѣгалъ, мѣшался въ толпѣ подчиненныхъ, съ точностію исполнялъ, что ему назначалось дѣлать, когда вынимали фантъ; пустился въ танцы: люди вправо, а онъ влѣво; такую, какъ изъясняется очевидецъ Фуксъ, причинилъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда.

Знатнѣйшія богемскія дамы, австрійскій генералъ графъ Беллегардъ, англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ лордъ Минто и множество иностранцевъ путались въ нашихъ простонародныхъ играхъ. Кто бы подумалъ тогда, что Суворовъ находился на краю могилы? «Князь!» — писалъ собственноручно императоръ къ Суворову 29-го декабря, «поздравляю васъ съ новымъ годомъ, и желаю его вамъ благополучно, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать. Ты выше мѣръ моихъ; но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное. Благосклонный Павелъ».

Сдавъ команду генералу Розенбергу, генералиссимусъ простился въ Прагѣ съ войсками, горестно и трогательно: солдаты предчувствовали, что не увидятъ болѣе своего водителя къ побѣдамъ.

Въ городѣ Нейтитшенѣ (въ Моравіи), Суворовъ желалъ поклониться праху фельдмаршала Лаудона. Приблизившись къ надгробному памятнику, онъ прочелъ со вниманіемъ латинскую надпись, въ которой описаны титулъ и заслуги знаменитаго полководца и сказалъ сопровождавшему его Фуксу: «Нѣтъ! Когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи похвальной надписи; но скажите просто: здѣсь лежитъ Суворовъ».

Начало болѣзни генералиссимуса, оказалось въ Краковѣ: сыпь и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ поспѣшилъ въ имѣніе свое Кобрино*) и тамъ слегъ въ постель,

*) Нынѣ уѣздный городъ Гродненской губерніи.

можетъ быть въ первый разъ въ жизни. Онъ велѣлъ отыскать аптечку блаженной памяти Екатерины. «Она надобна мнѣ на память», говорилъ Суворовъ, не любившій лекарствъ. Тотчасъ отправлена была съ печальнымъ извѣстіемъ эстафета. Императоръ прислалъ лейбъ-медика Вейкарта къ больному. «Молю Бога» — писалъ онъ къ нему, — «да возвратитъ мнѣ героя Суворова. По пріѣздѣ вашемъ въ столицу, узнаете вы признательность къ вамъ государя, которая, однакожъ, не сравняется съ вашими великими заслугами, оказанными мнѣ и государству». Суворовъ получилъ облегченіе, началъ выздоравливать и бо̀льшую часть времени, по случаю наступившаго тогда поста, проводилъ въ молитвахъ, заставляя доктора Вейкарта участвовать въ томъ три раза въ день, класть земные поклоны и употреблять самую строгую пищу, не смотря на отговорки нѣмца; велѣлъ ему говорить по-руски, хотя онъ съ трудомъ изъяснялся на нашемъ языкѣ; продолжалъ съ пѣвчими пѣть въ церкви, сердился, когда они не согласовались съ нимъ, читалъ апостолъ съ большимъ напряженіемъ голоса, безпрестанно перебѣгалъ съ одного клироса на другой или въ алтарь и молился мѣстнымъ образамъ. Иногда герой предавался мечтаніямъ о новой кампаніи, диктовалъ отвѣты на письма знаменитыхъ особъ Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ торжественному въѣзду его въ С.-Петербургъ.

Наконецъ врачъ позволилъ ему отправиться въ дорогу съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ сутки не болѣе двадцати пяти верстъ, о чемъ донесено государю. Передъ отъѣздомъ генералиссимусъ спросилъ: «Не забылъ ли я кого наградить?» Онъ не могъ уже путешествовать по своему обыкновенію, ѣхалъ не въ кибиткѣ, а въ дормезѣ, лежа на перинѣ и въ сопровожденіи врачей. На пути получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь изъявлялъ величайшую радость, что вскорѣ обниметъ героя всѣхъ вѣковъ, Суворова. При выѣздѣ изъ Вильно, болѣзнь Суворова вдругъ усилилась: великій полково-

децъ остановился въ бѣдной хижинѣ, легъ на лавку и, прикрытый полотномъ, съ тяжелыми вздохами произносилъ: «За что страдаю?» — Въ Ригѣ, собравшись съ силами, онъ надѣлъ въ первый день Пасхи свой фельдмаршальскій мундиръ, всѣ знаки почестей, слушалъ божественную литургію и разговѣлся у губернатора. «Ахъ! старъ я сталъ!» повторялъ Суворовъ во время двухъ-недѣльнаго путешествія своего отъ Риги до С.-Петербурга. Народъ вездѣ толпился, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ дормезъ его былъ окруженъ многими жителями столицы, выѣхавшими къ нему на встрѣчу; дамы и дѣти подносили фрукты и цвѣты: слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ благодарилъ онъ ихъ, и съ умиленіемъ благословлялъ дѣтей..

Избѣгая уже всѣхъ почестей, генералиссимусъ желалъ въѣхать въ Петербургъ вечеромъ безъ всякихъ встрѣчъ и почестей. Въ Зимнемъ дворцѣ были приготовлены для него комнаты, но Суворовъ остановился въ домѣ своего племянника, графа Хвостова*), гдѣ отъ увеличившейся болѣзни слегъ въ постель.

На другой день явился къ нему вице-канцлеръ графъ Растопчинъ, съ собственноручнымъ рескриптомъ короля французскаго Лудовика XVIII, при которомъ король препровождалъ герою орденъ св. Лазаря. Суворовъ лежалъ въ совершенномъ разслабленіи: долго не могъ понять, за чѣмъ Растопчинъ пріѣхалъ; наконецъ велѣлъ прочитать письмо, взялъ орденъ, заплакалъ, спросилъ о мѣстѣ, изъ котораго онъ присланъ, и съ ироническою улыбкой сказалъ: «Такъ ли прочитали? король французскій долженъ быть въ Парижѣ, а не въ Митавѣ».

Онъ уже обѣдалъ не въ семь часовъ утра, а во второмъ пополудни; спалъ не на сѣнѣ; часто вставалъ съ постели, садился въ большія кресла, въ которыхъ возили его по ком-

*) На Екатерининскомъ каналѣ, близь церкви св. Николая. Этотъ домъ принадлежалъ потомъ г. Болотникову.

натѣ; продолжалъ, для препровожденія времени, заниматься турецкимъ языкомъ; сохранилъ въ памяти всѣ подробности о походахъ противъ поляковъ и турковъ и забывалъ названія покоренныхъ имъ городовъ и крѣпостей въ послѣднюю кампанію, также имена генераловъ, надъ которыми одержалъ свѣжія, блистательныя побѣды. «Для чего», говорилъ Суворовъ, «не умеръ я на поляхъ Италіи.»

Тщетны были старанія искуснѣйшихъ врачей; болѣзнь день ото дня усиливалась и смерть быстро приближалась.

Набожный Суворовъ съ наслажденіемъ исповѣдался и причастился св. таинъ. Онъ исполнилъ послѣдній долгъ, какъ истинный христіанинъ, простился съ окружавшими одръ его. Наступила ночь: въ безпамятствѣ, умиравшій произносилъ слабымъ голосомъ разныя приказанія, какъ бы находясь съ военноначальниками въ главной квартирѣ, твердилъ о Генуѣ, о новыхъ своихъ планахъ. Бредъ продолжался и наконецъ Суворовъ умолкъ — и навсегда, 6-го мая 1800 года, во второмъ часу пополудни, на 72 году своей жизни.

Огорченной смертію генералиссимуса, императоръ послалъ своего генералъ-адъютанта утѣшить родственниковъ и объявить имъ, что онъ, наравнѣ съ Россіею и съ ними, раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человѣка. Великолѣпный гробъ былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ въ продолженіе семи дней жители столицы орошали слезами признательности бренные останки безсмертнаго.

Въ назначенный день, вельможи, чиновники и всѣ сословія двинулись къ Александроневской лаврѣ. Императоръ, окруженный блистательною свитой, ожидалъ печальное шествіе у публичной библіотеки, и, по приближеніи гроба, снявъ шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитаго мужа, который прославилъ его царствованіе. У монастырскихъ воротъ высокій балдахинъ повидимому затруднилъ входъ дрогамъ; уже хотѣли снимать его, какъ одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся во всѣхъ походахъ съ Суворовымъ, вскрикнулъ:

«Оставьте! Онъ пройдетъ, какъ и вездѣ проходилъ». — Двинулись — и гробъ проѣхалъ благополучно.

Прахъ Суворова покоится въ церкви св. Благовѣщенія въ невской лаврѣ. Долго простая, но красорѣчивая надпись: «*Здѣсь лежитъ Суворовъ*» украшала мѣсто его погребенія. Въ 1826 году императоръ Николай Павловичъ, въ честь непобѣдимому полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ, повелѣлъ именоваться впредь фанагорійскому гренадерскому полку (съ которымъ Суворовъ взялъ Измаилъ и разбилъ при Рымникѣ визиря) гренадерскимъ генералиссимуса князя Суворова италійскаго полкомъ.

Другъ человѣчества долженъ конечно желать, чтобы не было войны, чтобы всѣ люди жили какъ добрые семьяне, чтобы искусства и науки процвѣтали, чтобы повсюду былъ порядокъ гражданственности; но, къ сожалѣнію, желаніе это должно остаться желаніемъ; въ дѣйствительности же люди никакъ не могутъ всѣ и всегда жить въ совершенномъ мирѣ и согласіи. По этому война часто бываетъ неизбѣжна, и есть зло необходимое. Такимъ образомъ военное ремесло, если оно исполняется съ чувствомъ долга, чести и любви къ отечеству, столь же почтенно, какъ и всякое другое, служа мирному жителю защитою отъ нападеній всякаго рода. Но, среди пыла самой отчаянной битвы, воинъ не долженъ забывать, что онъ не звѣрь и не разбойникъ, что онъ человѣкъ, и въ этомъ случаѣ орудіе Божіе. Таковы были нѣкоторые знаменитые историческіе воины, оставившіе по себѣ не память ужаса, а любовь народную. Таковъ былъ нашъ безсмертный Суворовъ, которымъ Россія справедливо гордится. Безспорно, Суворовъ былъ геній; но къ генію Суворовъ присовокупилъ трудъ и науку. Подчинивъ труду тѣло свое, слабый, безсильный отъ природы, онъ сдѣлался желѣзнымъ человѣкомъ, переносилъ зной, холодъ, голодъ, жажду, какъ простой солдатъ. Умъ свой обратилъ онъ на пріобрѣтеніе науки. Въ дѣтскихъ лѣтахъ

изучалъ онъ исторію военную, избирая творенія и дѣла великихъ людей. Онъ не терпѣлъ и презиралъ педантовъ, уставщиковъ пустыхъ правилъ военнаго дѣла; постигнувъ, что читать надобно многое, изучать все полезное, Суворовъ читалъ всѣ лучшія произведенія своего времени и любилъ искренно литературу и науки историческія и математическія. Онъ присоединилъ къ исторіи обширное знаніе географіи, и изучалъ мѣста всѣхъ знаменитыхъ войнъ и походовъ, древнихъ и новыхъ. Воюя въ Италіи, онъ помнилъ топографію походовъ Аннибала и принца Евгенія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водилъ свои войска. Должно ли говорить о дополнительныхъ свѣдѣніяхъ его въ математикѣ, инженерномъ искусствѣ, языкознаніи? Низлагая крѣпости, онъ и сооружалъ ихъ; говорилъ съ туркомъ, нѣмцомъ, французомъ, на ихъ языкахъ, а изъ богатаго нашего русскаго языка создалъ себѣ свой особенный языкъ. Важный, ясный въ донесеніи и диспозиціи, языкъ Суворова былъ лаконически геніаленъ въ его письмѣ и бесѣдѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ необыкновенно доступенъ былъ солдату особенный, созданный Суворовомъ, солдатскій языкъ.

Суворовъ узналъ по опыту жизнь и всѣ нужды солдата, офицера и генерала. Онъ живалъ среди солдатъ, въ ихъ казармахъ, спживалъ за ихъ кашицей, бесѣдовалъ за ихъ бивачнымъ огнемъ, и даже нерѣдко, вмѣшиваясь въ ихъ толпу, казался ихъ товарищемъ. Онъ изучилъ военные уставы и воинскіе законы, весь бытъ, все что окружаетъ солдата, все, отъ его ружья и его шага, до образованія и идей, какія ему необходимы. Приведемъ здѣсь одинъ изъ приказовъ Суворова, въ которомъ видна вся его система и гдѣ впереди всего является человѣколюбіе: «Не обижай обывателя: онъ тебя поитъ и кормитъ. Умирай за церковь и царя: останешься честь и слава, умрешъ церковь Бога молитъ! Возьмешъ крѣпость и лагерь, твоя добыча, но безъ приказа на добычу не ходи. Непріятель сдался—пощада. Бойся больницы. Нѣмецкія лекарства тухлыя, вредныя; у насъ свои порошки, травка муравка. Бе-

реги здоровье, а не бережеть,—палочки! Будь здоровъ, храбръ, твердъ, рѣшителенъ, справедливъ, благочестивъ. Молись Богу: у него побѣда, онъ твой генералъ. Ученье свѣтъ, не ученье тма. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ—мало: давай намъ шесть, давай десять! Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ, но есть, врагъ хуже непріятеля, больницы — *немогузнайка*, лживка, красномолвка, безтолковка, двуличка, бѣда съ ними! Слушай, слушай: субординація, экзерциція, послушаніе, обученіе, дисциплина, ордеръ воинскій, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда, слава, слава, слава!»

Суворовъ дорожилъ воинскимъ ученьемъ. Но у него было свое ученье. Его ученье требовало силы, смѣлости, оно какъ бы пахло порохомъ войны, а не одной пылью плацъ-парада.

И отъ солдата, и отъ офицера, равно Суворовъ требовалъ быстроты, отваги, готовности, присутствія духа. Отсюда происходили его требованія немедленнаго отвѣта на всякій вопросъ, его странные вопросы, затруднявшіе вопрошаемаго, его ненависть къ немогузнайкѣ. «Сколько отсюда до мѣсяца? Сколько звѣздъ на небѣ?» спрашивалъ Суворовъ, и цѣнилъ умъ въ отвѣтѣ, когда ему говорили на первый вопросъ: «два солдатскіе перехода», — а на второй: «постойте, сосчитаю!»

Но для офицера и генерала были у него высшія требованія, высказываемыя языкомъ Плутарха и Цезаря: «Добродѣтели военныя суть: храбрость солдату, мужество офицеру, безстрашіе генералу. Любите истинную славу, различайте честолюбіе отъ тщеславія и гордости. Храните въ памяти имена великихъ людей и слѣдуйте имъ въ вашихъ походахъ и войнахъ, но осторожно».

Простаго солдата, онъ умѣлъ возвысить до себя, одушевить и вдохновить офицера и генерала. У него не было людей ничтожныхъ.

Приготовляя себя и войско, Суворовъ никогда и ничѣмъ не пренебрегалъ. Не довѣряя никому, онъ самъ входилъ во всѣ малѣйшія подробности; не оставлялъ ничего на чьемъ ни-

будь отчетѣ, все было на отчетѣ его. «Никогда, писалъ Суворовъ, не презирайте вашего непріятеля, каковъ онъ ни былъ бы, и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать имъ и сражаться, свои силы и его слабости». Онъ самъ училъ подъ Измаиломъ ставить лѣстницы на валъ. При каждой малой ошибкѣ, онъ самъ осматривалъ мѣстоположеніе. Дѣятельности и предусмотрительности Суворова нельзя найти ничего ровнаго. «*Кажется, предполагаю, можетъ быть*, не должны быть въ военномъ планѣ. Гипотезѣ не должно жертвовать войсками. Читай десять заповѣдей: видишь ли, какъ онѣ ясны и точны,» такъ говорилъ Суворовъ, и вездѣ, всюду былъ онъ самъ, надзиралъ, ѣхалъ, шелъ впереди и сзади; всегда и вездѣ онъ глубоко уважалъ свои обязанности начальника, понимая, что начальникъ отвѣчаетъ за все; всегда и вездѣ онъ служилъ примѣромъ подчиненнымъ, — и подчиненные, благодаря этому примѣру, находили всегда въ себѣ новыя силы слѣдовать за нимъ.

Суворовъ, свято чтившій обычаи предковъ, видѣвшій въ нихъ основаніе добродѣтелей, любилъ нарочно усиливать, увеличивать въ глазахъ другихъ все, что въ то время начинало казаться устарѣлымъ и обветшалымъ. Такъ, изъявлялъ онъ знаки почтительности, при встрѣчѣ съ сѣдыми и дряхлыми стариками, какого бы званія они ни были, и съ женщинами; исполнялъ всѣ обряды религіозные, молился, проѣзжая мимо церкви, клалъ земные поклоны передъ образами, строго держалъ посты, крестился, входя въ комнату, садясь за столъ, и даже зѣвая. Во всемъ житьѣ своемъ, хранилъ патріархальную простоту старины, даже нѣкоторые предразсудки и суевѣрныя повѣрья, хотя очень хорошо зналъ всю тонкость обращенія и былъ чуждъ суевѣрія. Онъ любилъ и требовалъ образованности и просвѣщенія, и въ обращеніи съ собою даже подчиненныхъ своихъ позволялъ свободу. Строгій на службѣ, неукоснительно соблюдавшій требованія дисциплины, онъ не только казался, но и былъ другомъ и товарищемъ не только

офицеровъ, но и солдатъ, не допуская лишь нарушенія приличій. Въ обращеніи не отставалъ онъ отъ своихъ привычныхъ странностей, но никогда и нигдѣ не оскорблялъ законовъ благопристойности и вѣжливости. «Будь открытъ съ друзьями, умѣренъ въ необходимомъ, безкорыстенъ въ поведеніи, заранѣе учись прощать ошибки другихъ и никогда не прощай своихъ ошибокъ».

Великій Суворовъ былъ не большаго роста, худощавъ, немного сгорбленъ, сложенія слабаго по природѣ; здоровье его было ослаблено, сверхъ того, трудами, увѣчьемъ, ранами. Но такова была сила души его, такъ пріучено было къ труду и лишеніямъ тѣло его, что ни какія перемѣны климата, времени года, походы, безсонныя ночи, изнурительная ѣзда верхомъ, по нѣсколько сутокъ сряду, не истощали его, и онъ изумлялъ бодростью людей мощныхъ и сильныхъ. Голова его рано посѣдѣла и на ней оставалось немного волосъ, собранныхъ локономъ напереди. Лицо его было покрыто морщинами, небольшое, сухощавое, но оживлялось голубыми глазами, всегда живыми, свѣтлыми. Зрѣніе до самой смерти сохранилось у него необыкновенное. Каждый день начиналъ онъ тѣмъ, что его окачивали холодною водою со льдомъ, даже зимою. Онъ всегда спалъ на сѣнѣ или на соломѣ, даже и тогда, когда живалъ въ царскихъ дворцахъ и великолѣпныхъ чертогахъ. Онъ не терпѣлъ около себя пышности и великолѣпія. Пища его была самая простая, русская: щи, каша, рѣдька, по праздникамъ пирогъ, а питье квасъ. Передъ обѣдомъ онъ всегда выпивалъ рюмку водки. Въ походѣ иногда довольствовался онъ солдатскимъ сухаремъ и водою. Рѣдко выѣзжая въ гости, за самымъ роскошнымъ обѣдомъ ѣлъ онъ немного, и не любилъ ни пировъ, ни баловъ, являясь на минуту и убѣгалъ съ бала, сдѣлавъ какую-нибудь шутку. Проигравъ однажды въ молодости значительную сумму денегъ, онъ далъ себѣ слово не играть никогда въ карты, держалъ его, и даже терпѣть не могъ картъ. Онъ не курилъ табаку, но нюхалъ простой русскій

табакъ. Изящныя художества казались ему забавою. На музыку смотрѣлъ онъ, какъ на средство возбуждать бодрость воина, считалъ ее необходимостію въ битвѣ и походѣ, водилъ полки въ сраженія съ музыкой и пѣснями, и особенно любилъ русскія пѣсни. Преданный одной мысли, Суворовъ всегда велъ жизнь уединенную. Прислугу его составляли двое, трое служителей, въ числѣ которыхъ много лѣтъ находился при немъ знаменитый историческій *Прошка*, нѣкогда спасшій ему жизнь въ битвѣ, пьяница и грубіянъ, камердинеръ его. Суворовъ вставалъ часа въ два пополуночи, окачивался холодною водою, одѣвалъ куртку, надѣвалъ на шею какой-нибудь орденъ изъ множества орденовъ, русскихъ и иностранныхъ, какіе имѣлъ, молился и пилъ чай. Тогда являлся его поваръ, и ему заказывались спартанская похлебка, вавилонскій сыръ, ассирійская каша, финикійскій пирогъ. Послѣ уроковъ въ турецкомъ языкѣ, для изощренія памяти, являлись чиновники съ бумагами, и въ шесть часовъ утра Суворовъ выходилъ на ученье, или на разводъ, въ мундирѣ. Въ 9 часовъ онъ обѣдалъ, приглашая къ себѣ офицеровъ и генераловъ. Адъютантъ его читалъ: «Отче нашъ». Каждый изъ гостей долженъ былъ отвѣчать: аминь! Кто забывалъ сказать аминь, тому не давали водки. Обѣдъ шелъ скоро, причемъ всѣ блюда подаваемы были съ пыла; но за столомъ сидѣли долго; это было время отдыха, время шутки и проказъ. Суворовъ говорилъ тогда безъ умолка, мѣшалъ изрѣченія мудреца съ шалостями ребенка, кувыркался, кривлялся, прыгалъ, умилялъ трогательнымъ разсказомъ, возвышалъ душу воспоминаніемъ, и вдругъ пѣлъ кукуреку, прыгалъ на одной ногѣ, несмотря ни на чье присутствіе; вдругъ вставалъ, громко молился, убѣгалъ изъ комнаты, ложился спать, и иногда спалъ три, четыре часа. Вставши, онъ долго умывался и начиналъ дѣла. Здѣсь являлся другой Суворовъ. Не оставляя шутокъ и проказъ даже во дворцѣ, вездѣ, гдѣ онъ бывалъ, прыгая, бѣгая, кланяясь страннымъ образомъ, Суво-

воровъ измѣнялся, принимаясь въ кабинетѣ своемъ за дѣло. Онъ былъ тогда важенъ, задумчивъ, краснорѣчивъ, удивлялъ быстротою соображеній и не допускалъ ни малѣйшей шутки. Такъ, въ торжественныхъ случаяхъ, при пріемѣ иностранцовъ, на парадѣ, въ праздничные дни въ церкви, являясь въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, обвѣшанный орденами, лентами, своимъ быстрымъ взглядомъ, сѣдою, какъ лунь, головою, онъ внушалъ невольное почтеніе. «Здѣсь я не Суворовъ,» говорилъ онъ, «а фельдмаршалъ русскій!» По окончаніи дѣлъ, Суворовъ оставался одинъ и посвящалъ время чтенію и ученью. До самой смерти чтеніе было его отдыхомъ. Поэзію онъ называлъ наслажденіемъ сердца. «Гдѣ есть Ахиллесы, тамъ должны быть Гомеры; они ведутъ къ славѣ героя!» говаривалъ Суворовъ. Любя и уважая Державина, Суворовъ любилъ и стихотворца Кострова, переводчика Иліады и Оссіана. Державину и Кострову иногда отвѣчалъ онъ стихами, которые самъ называлъ, смѣясь, «коснозычными.»

Суворовъ былъ не только благочестивъ, но даже набоженъ, и поставлялъ религію обязанностію воина. Часто онъ самъ пѣвалъ и читывалъ въ церкви. Молитвою начиналъ онъ каждую битву и каждый походъ. Молебствія послѣ побѣдъ отправлялись съ важною торжественностью, а раздача орденовъ и наградъ производилась всегда въ церквахъ послѣ молебна. Суворовъ бралъ крестъ, звѣзду, шпагу, крестился, цѣловалъ знакъ отличія, и, вручая его, благословлялъ награждаемаго. Милосердіе, благотворительность, правдолюбіе, цѣломудріе, были добродѣтелями, украшавшими Суворова. Страшный въ дни брани, неотступный требователь исполненія должности, онъ миловалъ, щадилъ враговъ, строго наказывалъ за обиду мирныхъ жителей, и благодѣяніями означалъ слѣды свои всюду, гдѣ протекалъ съ громами битвъ, въ Турціи, Польшѣ, Италіи. Никогда не подвергалъ онъ суду и несчастію, если видѣлъ искреннее раскаяніе, и не рѣдко платилъ отъ себя деньги, растраченныя, или потерянныя, по неосторожности, его под-

чиненными. Бѣдные офицеры получали отъ него помощь, но только глубокая тайна должна была храниться между ними. Онъ не щадилъ благотвореній убогимъ, давалъ, что могъ, и скрывалъ благодѣянія. Только послѣ смерти Суворова, узнали имя благотворителя, ежегодно присылавшаго въ петербургскую городскую тюрьму, передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, по нѣсколько тысячъ рублей на искупленіе неимущихъ должниковъ. Никогда не отказывалъ Суворовъ въ ходатайствѣ за угнѣтеннаго и несчастнаго. Суворовъ не терпѣлъ лжи, клеветы, наушничества. Смѣло говорилъ онъ, что никогда и никому, даже врагамъ своимъ, не нарушалъ даннаго слова и обѣщанія. Строгая нравственность считалась Суворовымъ обязанностію христіанина и воина, и если онъ прощалъ слабости другимъ, то не только грязные какіе нибудь разсказы, но и двусмысленныя слова, запрещались въ его присутствіи.

Суворовъ былъ вѣрный другъ и добрый родственникъ. Онъ помнилъ добро, говоря, что не только благодѣянія, но и хлѣбъ-соль забывать грѣшно.. Суворовъ нѣжно любилъ дѣтей своихъ, свою *Суворочку*, какъ онъ называлъ дочь свою. Однажды, посланный на службу, онъ свернулъ съ дороги и вечеромъ прискакалъ въ деревню, гдѣ жили дѣти его. Запретивши тревожить дѣтей, потому что они уже спали, добрый отецъ тихо вошелъ въ спальню ихъ, полюбовался ими, благословилъ ихъ, и немедленно уѣхалъ, вознаграждая скоростью ѣзды время, отданное чувству любви родительской.

Таковъ былъ нашъ великій Суворовъ, загадка современникамъ, герой, имя котораго отзывалось въ цѣлой Европѣ, и чудакъ для тѣхъ, кто приближался къ нему, оживленная доброта и нѣжность сердца, о которомъ однако клевета говорила, какъ о кровожадномъ чудовищѣ, и умъ необыкновенный, изумлявшій шутовскою рѣчью. Люди издалека пріѣзжали взглянуть на Суворова: видѣли худенькаго, слабаго старичка, смѣшившаго шутками, но старичекъ превращался въ исполина, въ генія, если узнавали его ближе. Тогда понимали и

его, и великія дѣла его, и любовь, какою привязывалъ онъ къ себѣ знавшихъ его.

Суворовъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, имя котораго пройдетъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и всегда будетъ произносимо съ любовію и благоговѣніемъ, а нами, русскими, и съ справедливою гордостію.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ

РУМЯНЦЕВЪ,

(1753 — 1826).

Предокъ Румянцевыхъ, нижегородской бояринъ Василій Румянцевъ, оказалъ большія услуги великому князю Василію въ завоеваніи Нижняго Новагорода (1381 года). Потомки его служили въ значительныхъ чинахъ, и постоянно жалованы были отъ государей вотчинами. Правнукъ боярина Василія, Александръ Ивановичъ Румянцевъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ, внукѣ ближняго боярина и оберегателя государственныхъ посольскихъ дѣлъ А. С. Матвѣева. Александръ Ивановичъ началъ службу въ гвардіи, съ нижняго чина; и былъ всегда вѣрнымъ исполнителемъ порученій Петра Великаго. Въ царствованіе Елисаветы, заключилъ онъ въ Або миръ со Швеціею; за этотъ успѣхъ, императрица возвела его, съ потомствомъ, въ графское достоинство россійской имперіи. Сынъ его, генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, прославилъ себя знаменитыми военными дѣлами: кагульская битва, вѣнецъ славы его, кучукъ-кайнарджійскій миръ, и постоянное торжество его оружія, превзошли дѣянія многихъ знаменитѣйшихъ военачальниковъ. Румянцевъ-Задунайскій, имѣлъ трехъ сыновей: Николая, Сергѣя и Михаила. Знаменитость рода и богатство отца, доставили

имъ всѣ средства къ умственному образованію. Попечительный отецъ самъ часто, въ свободныя минуты отъ военныхъ и вообще государственныхъ занятій, надзиралъ за ихъ ученіемъ. Письма генералъ-фельдмаршала къ императрицѣ Екатеринѣ II и къ искреннему другу его, первенствующему министру графу Панину, показываютъ, что каждый изъ его сыновей, опредѣляемъ былъ, заблаговременно, къ службѣ особаго рода. О старшемъ сынѣ, Николаѣ Петровичѣ, обнаружившемъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ благородную душу и сильное желаніе пріобрѣтать познанія и дѣйствовать съ пользою для отечества, особенно онъ писалъ къ императрицѣ, и просилъ употребить молодаго человѣка по дипломатической части.

Графъ Николай Румянцевъ родился въ 1753 г. На девятилѣтнемъ возрастѣ, онъ былъ записанъ въ артиллерійскій корпусъ, потомъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ конный, а наконецъ въ семеновскій полкъ, въ которомъ произведенъ (1770 г.) въ прапорщики, а потомъ въ адъютанты. Черезъ два года, 19 лѣтъ отъ роду, пожалованъ (1772 г.) въ каммеръ-юнкеры. Спустя два года, онъ уѣхалъ за границу, не для одного препровожденія времени, въ видѣ путешествія, но для образованія себя. Возвратясь въ отечество, графъ Николай Петровичъ поступилъ въ дѣйствительную придворную службу (1779 г. мая 5) и пожалованъ былъ въ каммергеры. Ему было тогда около 26 лѣтъ.

Екатерина II, не изъ одного уже уваженія къ дѣламъ отца его, но во вниманіе къ способностямъ молодаго Румянцева, отправила его во Франкфуртъ-на-Майнъ, съ званіемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Знаменитый Безбородко, имѣвшій тогда сильное вліяніе на политическія дѣла, содѣйствовалъ ему въ полученіи этого важнаго мѣста. За ревностное исполненіе посольскихъ дѣлъ, Румянцевъ произведенъ былъ, въ 1791 году, въ тайныя совѣтники.

Петербургскій кабинетъ, увѣнчанный успѣхами по турецкимъ и польскимъ событіямъ, обратился къ дѣламъ западной Европы, смущенной французскою революціею. Въ это время

Румянцеву открылось блистательное поприще. Екатерина II уполномочила его быть посланникомъ при несчастныхъ французскихъ принцахъ: графѣ Провансконъ (въ послѣдствіи Лудовикъ XVIII) и графѣ д'Артуа (въ послѣдствіи Карлъ X). Румянцевъ пріобрѣлъ себѣ лестное имя *оберегателя Бурбоновъ*. Объявляя всенародно собравшимся въ Кобленцѣ французскимъ дворянамъ, подъ предводительствомъ маршала Броліо, великодушныя расположенія своей монархини, онъ настаивалъ на водвореніи гражданскаго порядка. Французы благодарили его отъ всего сердца, и подобныя чувства признательности излили въ письмѣ къ государынѣ: «Елисавета англійская», писали они къ императрицѣ Екатеринѣ II, «героиня своего вѣка, помогла Генриху IV, боровшемуся съ своими возмутителями. — Безсмертная Екатерина принимаетъ участіе въ судьбѣ его потомковъ, знамена которыхъ открыли французамъ путь къ чести. Монархиня! Вы предлагаете въ нашемъ несчастіи убѣжище—это великодушное пожертвованіе. Мы стали бы гордиться тѣмъ, когда приняли бы ваши законы и сдѣлались бы участниками благоденствія вашихъ народовъ; но намъ не позволено помышлять о другомъ отечествѣ. Когда ниспровергается французская монархія, то дворянство, такъ велитъ честь, должно вмѣстѣ погребстись подъ ея развалинами. Но къ чему предрекать несчастіе, когда все обѣщаетъ желаемый успѣхъ? Дворянство французское будетъ обязано вашему величеству новымъ своимъ блескомъ, религія алтарями, Лудовикъ своею свободою, королевское достоинство своими правами, Франція возстановленіемъ порядка и благоденствія, и свѣтъ, угрожаемый всеобщимъ переворотомъ, обязанъ будетъ вамъ и миромъ и спокойствіемъ». — Императрица присоединила къ своимъ обѣщаніямъ и дѣятельное вспомоществованіе: она отправила къ французскимъ принцамъ 2 мил. руб., а къ своимъ посланникамъ, находившимся при всѣхъ европейскихъ дворахъ, писала, чтобы они старались освободить короля французскаго, со всемъ его семействомъ, и по прежнему призна-

вать его королемъ. Всѣ усилія петербургскаго кабинета были тщетны: Лудовикъ XVI умеръ въ 1793 году. Старшій братъ его, графъ Прованскій, за малолѣтствомъ юнаго короля, объявилъ себя регентомъ королевства. Многіе европейскіе дворы признали его въ этомъ званіи. Между тѣмъ графъ д'Артуа, спасенный королемъ прусскимъ отъ убійства, прибылъ въ Петербургъ. Екатерина II назначила вновь уполномоченнымъ графа Румянцева, на котораго возложила обязанность успокоить взволнованные умы революціонеровъ, но такое желаніе превышало человѣческія силы.

Румянцевъ не долго оставался въ высокомъ званіи уполномоченнаго: неудовольствія и козни завистниковъ, по причинѣ его вліянія на кабинетныя дѣла, принудили его оставить посольское мѣсто. Испросивъ увольненіе, онъ удалился въ отечество (1795 г.).

Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, осыпалъ его милостями: призвавъ его ко двору, пожаловалъ сначала въ гофмейстеры, потомъ въ оберъ-гофмейстеры и наконецъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Въ царствованіе императора Павла, онъ занималъ разныя должности: генералъ-прокурора, то есть министра юстиціи, и главнаго попечителя вспомогательнаго банка, и назначенъ былъ сенаторомъ.

Вездѣ, гдѣ только графъ Николай Петровичъ имѣлъ служебное вліяніе, онъ приносилъ истинную пользу усерднымъ трудомъ своимъ, постоянно направляемымъ къ добру, къ благотворенію, при стараніи искоренить зло, повсюду, гдѣ оно представлялось. Такъ, по управленію банкомъ, онъ облегчилъ заемщиковъ въ выкупѣ имѣній и прежде срока, безъ всякаго добавленія въ пользу казны, заплатя должную сумму и при выдачѣ билетовъ два процента. По прежнимъ же правиламъ, на обращеніе билетовъ 25 лѣтняго срока, вносили не только сполна капиталъ; но и уплачивали все то, что отъ разности процентовъ получилъ бы банкъ въ свою прибыль, которая на одну тысячу доставляла ему выгоды 167 р. Такіе чрезмѣрные

проценты отнимали у заемщиковъ возможность къ выкупу имѣній и тѣмъ разоряли ихъ. Потомъ, по просьбѣ войсковаго управленія донскихъ казаковъ, прекратилъ онъ частнымъ людямъ возможность закладыванія въ казну имѣній, принадлежащихъ всему вообще войску.

Для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ и постановленій, давно существовалъ при дворѣ государственный совѣтъ. Императоръ Александръ I, желая учредить его на особыхъ и постоянныхъ правилахъ, составилъ его первоначально, въ 1801 году, изъ одиннадцати лицъ, почтенныхъ общею довѣренностію, а потомъ присоединилъ къ нимъ и Румянцева, который вскорѣ потомъ назначенъ былъ главнымъ директоромъ департамента водяныхъ коммуникацій и экспедиціи объ устроеніи дорогъ. По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, возложена была на него должность министра коммерціи. По званію главнаго директора водяныхъ коммуникацій, Румянцевъ заботился объ очищеніи Лиговскаго канала, находящагося въ С.-Петербургѣ, и принималъ мѣры, въ 1802 году, къ улучшенію судоходства по рѣкѣ Цнѣ. Заботясь объ открытіи водянаго сообщенія по разнымъ направленіямъ рѣкъ, графъ Николай Петровичъ способствовалъ усовершенствованію тѣхъ каналовъ, которые были до него и при немъ открыты. Такимъ образомъ, между прочимъ, при немъ соединены: Нѣманъ съ Западною Двиною; Шексна съ Сѣверною Двиною; Тихвинъ съ Соминою; улучшено судоходство по рѣкамъ Цнѣ и Сурѣ. Всѣ эти работы, произведенныя подъ главнымъ наблюденіемъ графа Николая Петровича, имѣли цѣлію улучшеніе нашихъ торговыхъ путей, посредствомъ правильной ихъ канализаціи.

Во время его управленія министерствомъ коммерціи, внутри Россіи выдѣлывалось ситца, ежегодно, слишкомъ на одинъ милліонъ руб. асс., а близъ портовыхъ городовъ слишкомъ на 500 т. р., между тѣмъ какъ иностранныхъ ситцевъ, полуситцевъ и выбойки, по соображенію трехъ лѣтъ, привозилось въ каждомъ году не болѣе какъ, по цѣнѣ, на 300,000 руб. асс. Министръ

коммерціи, принявъ въ соображеніе, что изготовленіе полотенъ усилилось по причинѣ ограниченія привоза ихъ изъ-за границы, положилъ возвысить пошлину, въ пользу миткальныхъ фабрикъ, вмѣсто прежнихъ 10 коп. съ аршина, по 20 коп., чрезъ что русскія фабрики стали болѣе и лучше выдѣлывать ситцевъ. Зная важность свѣдѣній для купцевъ о ходѣ торговли, Румянцевъ завелъ (декабря 24), подъ своимъ собственнымъ надзоромъ, изданіе петербургскихъ коммерческихъ вѣдомостей. Еще за годъ предъ тѣмъ дозволенъ былъ выпускъ за границу, изъ черноморскихъ портовъ, сырыхъ воловьихъ и коровьихъ кожъ, съ пошлиною за каждую по 25 коп. Министръ коммерціи, по представленію таганрогскаго градоначальника, генералъ отъ инфантеріи Дашкова, распространилъ (1803) такое же право и на порты южной Россіи, и тѣмъ оживилъ мѣстную торговлю. Усматривая пользу отъ сельдяной ловли на Бѣломъ морѣ, Румянцевъ начертилъ правила бѣломорской торговой компаніи на акціяхъ. При новомъ разграниченіи земель, между Россіею и Пруссіею, по рѣкѣ Нѣману, главный директоръ водяныхъ коммуникацій приступилъ къ расчисткѣ Мемеля, на общій счетъ двухъ государствъ, раздѣливъ выдачу денегъ, по ровной части, на пять лѣтъ. Заботясь о пользѣ американской компаніи, успѣшно промышлявшей камчатскими и другими пушными товарами, Румянцевъ усилилъ, въ 1804 г., кругъ ея оборотовъ, посредствомъ ссуды денегъ изъ учетныхъ конторъ, подъ товары и векселя. По представленному Румянцевымъ плану, объ устроеніи около Петербурга Обводнаго канала, поручено (въ 1804 г.) произвесть эту важную работу подъ личнымъ его надзоромъ, а для успѣшнѣйшаго хода дозволено ему самому утверждать контракты, не представляя въ сенатъ. Исчисленную на то сумму, 1,230,238 р., предписано было министру финансовъ отпустить ему, въ теченіе шести мѣсяцевъ. Желая сколько нибудь ограничить вредный для государства промыселъ запрещенными товарами, онъ хотѣлъ, примѣромъ высочайшаго двора, обезсилить

его, и объявилъ, что нашъ дворъ будетъ довольствоваться отнынѣ отечественными произведеніями. Ввелъ также новое взиманіе пошлинъ съ шелковыхъ и шерстяныхъ товаровъ, съ сахара и красокъ. По возникнувшимъ жалобамъ разныхъ промышлениковъ на помѣщиковъ, владѣющихъ берегами рѣкъ, что они воспрещаютъ ихъ рабочимъ людямъ ходить по берегу, при сплавкѣ бревенъ, и притѣсняютъ неумѣренными поборами, Румянцевъ, какъ главный директоръ водяныхъ коммуникацій, отклонилъ это препятствіе, позволивъ свободный причалъ промышленикамъ безъ всякаго платежа денегъ. Помѣщикамъ же, утверждавшимъ, что такимъ распоряженіемъ стѣсняется право собственности, напомнилъ законъ, назначающій тамъ предѣлы помѣщичьему праву, гдѣ требуется польза государства. Впредь же по рѣкамъ, гдѣ назначенъ будетъ бичевникъ, постановлено, сдѣлавъ рѣкамъ этимъ описаніе и карты, не производить владѣльцамъ новыхъ строеній, не заводить ни огородовъ, ни садовъ. Для охраненія обывателей Петербурга, внутри самаго города отъ наводненій, начата, по плану Румянцева, обдѣлка гранитомъ береговъ Адмиралтейскаго канала, отъ Исаакіевской площади до Крюкова канала и отъ него, вдоль берега провіантскихъ магазиновъ, до рѣки Мойки. Министръ коммерціи, увѣренный, что присвоеніе купеческому сословію новыхъ выгодъ, отличій, преимуществъ и новыхъ способовъ къ усиленію торговыхъ предпріятій, облагородитъ ихъ занятія, поднесъ, въ 1807 г., императору Александру «Купеческій уставъ», изложенный въ четырехъ отдѣленіяхъ. Императоръ утвердилъ этотъ уставъ. Также, по представленію Румянцева, устроена таможня въ Баку и утверждены проекты двухъ новыхъ каналовъ при Несытицкомъ порогѣ на Днѣпрѣ, и изъ озеръ Глубокаго въ Копенское, а изъ Копенскаго въ Финскій заливъ. По его начертанію утверждено, въ 1808 г., въ Петербургѣ, судостроительное училище для корабельныхъ учениковъ.

Въ 1809 г., по случаю увольненія тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Румянцевъ занялъ его мѣсто. При обширной

и многосложной части государственнаго управленія, онъ былъ неутомимъ, а потому ему ввѣрялись совершенно отдѣльныя части отъ его вѣдомства, напримѣръ: 1) Изысканіе мѣръ къ обезпеченію края, отъ недостатка продовольствія въ Петербугской и Финляндской губерніяхъ. Принявъ въ соображеніе, бывшее тогда число жителей въ Петербургѣ (278,689 душъ обоего пола) онъ постановилъ количество 450 т. кулей муки дѣлить на три части, чтобы двѣ шли въ продажу для столицы, а одна для обывателей Петербургской и Финляндской губерній. Крестьянамъ, какъ Петербургской такъ Финляндской губерній, пріѣзжавшимъ въ столицу съ продуктами на торгъ, дозволенъ былъ свободный провозъ хлѣба сухопутно. 2) Румянцевъ, находя выгоднѣе, по предположенію главнокомандующаго Грузіею, графа Гудовича, чтобы пошлинный сборъ въ Карталиніи отдать на откупъ, призналъ эту мѣру правильною. Но какъ Грузія тогда еще не было окончательно образована, то, для облегченія грузинскаго управленія, онъ уничтожилъ внутреннюю пошлину съ лезгинскихъ произведеній, привозимыхъ изъ Дагестана и со всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, винограднаго вина, съ соли, привозимой изъ Эривани и Карса, по причинѣ недостатка ея въ Грузіи, и съ товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи. Многія начальства, о пожалованіи въ званіе коммерціи совѣтниковъ, принадлежавшее отличившемуся купечеству, представляли такихъ людей, которые не занимались торговлею, а гражданскою службою. Графъ Румянцевъ испросилъ у императора, чтобы разсмотрѣніе заслугъ такихъ лицъ принадлежало министру коммерціи. По затрудненіямъ, встрѣтившимся отъ недостатка воды, въ судоходствѣ, ближайшемъ къ столицѣ, должно было принять скорыя и дѣйствительнѣйшія мѣры къ лучшему устройству водяныхъ сообщеній, по тремъ системамъ: вышневолоцкой, маріинской и тихвинской. Съ принятіемъ мѣръ устранены были неудобства и на будущее время. Тогда же, по представленному плану Румянцева, продолжено обложеніе гранитомъ невскаго берега и части адмиралтейскаго канала. Говорятъ,

что онъ испрашивалъ соизволенія у императора Александра одѣть камнемъ на свой счетъ правый берегъ Невы, на томъ протяженіи, которое окончено только, въ 1834 г., на Васильевскомъ острову, отъ Исаакіевскаго моста до академіи художествъ, съ тѣмъ, чтобы эта набережная называлась Румянцевскою.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, почти непрерывныя войны потрясали спокойствіе Россіи и Швеціи. Рѣдко проходило двадцать лѣтъ сряду, и никогда почти не протекало полвѣка, чтобы война между ними не возгоралась. Финляндія, поле этихъ событій, страдала, разоряемая мечемъ и огнемъ. Успѣхами оружія, часто присоединяемы были къ Россіи разныя пограничныя шведскія владѣнія; часто писали мирные договоры, но ихъ разрывали возникавшіе споры о границахъ, и отечество наше, среди мира, не пріобрѣтало совершеннаго спокойствія. Война, въ 1808 году, между Даніею и Англіею, была слѣдствіемъ наполеоновской континентальной системы. Англичане раззорили Копенгагенъ, сдѣлавшійся жертвою дружбы съ Россіею. Европа хладнокровно взирала на пожаръ этой столицы. Александръ I предложилъ стокгольмскому двору: поддержать права вооруженнаго нейтралитета, но шведскій король, Густавъ IV, заключилъ союзъ съ Англіею: это значило, что онъ самъ объявилъ Россіи войну. Русскія войска тогда вступили въ Финляндію. Нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ, графъ Алопеусъ, былъ взятъ подъ стражу. Петербургскій кабинетъ издалъ декларацію, что такой поступокъ шведскаго короля не иначе можетъ быть заглажденъ, какъ только присоединеніемъ къ Россіи всей Финляндіи. Буксгевденъ, Кноррингъ, Багратіонъ, Барклай-де-Толли и другіе полководцы, поражая шведовъ, преодолѣвали самую природу. Многіе города, порты, укрѣпленія и даже твердыни Свеаборга, покорились русскому оружію. Во время военныхъ дѣйствій, вспыхнулъ въ Стокгольмѣ мятежъ, и Густавъ IV принужденъ былъ сложить съ себя корону. Преемникъ его, герцогъ Зюйдерманландскій, провозглашенный королемъ, подъ име-

немъ Карла XIII, предложилъ миръ. Александръ I предпочелъ его всѣмъ выгодамъ побѣдъ. Начались переговоры въ Фридрихсгамѣ. Переговоры эти со стороны Россіи поручены были графу Румянцеву, который, принявъ за основаніе: оградить наше отечество твердыми предѣлами, пресѣчь однажды навсегда предлогъ браней со Швеціею и утвердить единообразіе политической системы, заключилъ миръ (1809 года, 5-го (17-го) сентября) на тѣхъ между прочимъ условіяхъ, что Карлъ XIII, какъ за себя, такъ и за преемниковъ своихъ, отказывается, навсегда въ пользу Россіи, отъ Финляндіи, съ островами Оландскими до рѣки Торнео, и что предѣлами между Россіею и Швеціею назначены: Ботническій заливъ и рѣка Торнео.

За заключеніе выгоднаго мира, Румянцевъ былъ возведенъ въ государственные канцлеры (сентября 17) и оставленъ по прежнему въ должности министра коммерціи, съ освобожденіемъ отъ управленія путями воднаго сообщенія.

При содѣйствіи графа Румянцева, первостатейный купецъ Анфилатовъ получилъ дозволеніе отъ правительства, на учрежденіе, въ Вятской губерніи, въ городѣ Слободскомъ общественнаго городоваго банка, на правилахъ заемнаго, и въ честь своего учредителя наименованъ Анфилатовымъ. Банкъ этотъ существуетъ донынѣ.

Графъ Румянцевъ, пользуясь особенною довѣренностію государя, облеченъ былъ, въ 1810 г., по учрежденіи государственнаго совѣта, въ званіе его председателя.

Въ теченіе одиннадцатилѣтняго управленія Румянцевымъ министерствомъ коммерціи, торговля, развитая имъ, сравнялась съ торговлею первыхъ европейскихъ державъ. Петербургскій портъ, привлекавшій къ себѣ почти половину торга всей имперіи, оправдалъ попеченія графа: отпускъ отечественныхъ произведеній всегда превышалъ привозъ иностранныхъ. Всѣ порты морей Балтійскаго, Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго съ успѣхомъ совершали свои торговые обороты.

Самая сухопутная торговля приносила выгоды. Уничтоженіе же сбора пошлинъ, иностранною золотою и серебряною монетою, обратилось въ пользу нашего купечества, потому что, по возвысившемуся курсу, металы эти приходились дешевле. Хотя политическія потрясенія Европы въ 1804 году, когда Наполеонъ громилъ Европу, и разрывъ многихъ торговыхъ связей, затруднили коммерческія сношенія; однако обстоятельства эти послужили къ пользѣ нашего отечества: народная потребность замѣнилась собственною промышленостію, прекратился привозъ иностранныхъ вещей, служившихъ къ умноженію одной роскоши и остановился излишній переводъ денегъ за границу. Разрывъ люневильскаго мира и война между Англіею и Франціею (въ 1805 г.), не сократили торговли Россіи, но возвысили ея дѣятельность; она получила одной выгоды, въ это время, на 23½ мил. руб. Хлѣбъ, одна изъ важнѣйшихъ статей отпуска, выдержалъ соперничество всѣхъ державъ. Ополченіе Франціи противу Пруссіи (въ 1806 году), блокада нѣмецкихъ вольныхъ городовъ англійскимъ флотомъ, наконецъ разрывъ Россіи съ Англіею, сокративъ движеніе коммерціи на морѣ и на сушѣ, не принесли Россіи тѣхъ выгодъ, какими примѣтно пользовалась она въ мирное время, но она увеличила свою дѣятельность, въ распространеніи мануфактуръ и фабрикъ. Китайская граница и пристани Каспійскаго моря, куда военныя дѣйствія не простирались, увеличили привозъ товаровъ. Послѣдовавшіе годы до 1811 г., обуревавшіе всю Европу, казалось, должны были убить торговлю; но они расширили кругъ ея дѣйствій, и государство наше стало отпускать своихъ произведеній гораздо болѣе прежняго. Перевозная торговля, особенно такъ называемая *транзитная* или *посредническая*, приносила тогда многіе милліоны нашему отечеству.

Но надъ нашимъ отечествомъ скоплялись грозныя тучи политическихъ переворотовъ. Наполеонъ простеръ свое владычество до средоточія прусской монархіи и до предѣловъ Да-

ніи. Съ учрежденіемъ варшавскаго герцогства, Наполеонъ открылъ свободный путь своимъ военнымъ силамъ до Гродно. Провозглашеніе французскаго полководца, Бернадота, наслѣдникомъ шведскаго престола, обѣщало для него важную помощь противу Россіи. Весь материкъ западной Европы находился подъ его непосредственнымъ вліяніемъ; только Англія и Россія были независимы отъ его распоряженій. Извѣстіе объ аустерлицкомъ сраженіи низвело въ гробъ знаменитаго англійскаго министра Питта. Послѣ этой битвы, нельзя было остановить честолюбія Наполеона: онъ началъ самовластно, и въ противность народному праву, располагать судьбою царствъ. Предположивъ завоевать Европу, онъ видѣлъ въ своемъ обширномъ начертаніи сильное препятствіе: Россію. Мысль, сокрушить ее, сдѣлалась его цѣлію. Петербургскій кабинетъ помышлялъ о средствахъ отвратить грозившую опасность. Едва было положено основаніе условіямъ союза съ Швеціею, какъ стокгольмскій дворъ получилъ предложеніе Наполеона: приступить къ союзу, съ Австріею и Франціею, противъ Россіи. Наступившій 1812 годъ долженствовалъ рѣшить судьбу государствъ. Миръ съ Англіею, котораго главнымъ основаніемъ было возстановленіе дружбы и торговля ея съ Россіею, раздражилъ Наполеона. Увлеченный мщеніемъ, онъ началъ его быстрымъ своимъ вторженіемъ въ предѣлы нашего отечества. Чтобы противупоставить ему другую державу и развлечь его силы, заключенъ былъ въ Великихъ Лукахъ союзный договоръ съ испанскимъ верховнымъ правительствомъ, при посредствѣ государственнаго канцлера графа Румянцева, и одного изъ первѣйшихъ тогдашнихъ вельможъ Испаніи. Обѣ договаривавшіяся стороны положили: вести мужественно войну противъ французскаго императора, обѣщаясь искренно содѣйствовать взаимнымъ своимъ пользамъ; возобновить отнынѣ взаимныя торговыя сношенія и изыскать средства къ большему ихъ распространенію. Между тѣмъ война между Россіею и Франціею началась. Событія были необыкно-

венны; они изумили всю Европу и произвели важную перемѣну въ политикѣ. Въ стѣнахъ Кремля погребена слава Наполеона! Европейскіе народы соединились для своего освобожденія; русскіе первые воскресили ихъ бодрость, и быстрота, переходовъ, отъ торжества къ торжеству, привела союзниковъ въ Парижъ. Возникъ новый порядокъ вещей. Во всѣхъ этихъ политическихъ переворотахъ, графъ Румянцевъ постоянно проявлялъ необычайную дѣятельность, входя самъ во всѣ подробности переписки министерства съ иностранными послами. Впрочемъ, въ отечественную войну, Румянцевъ занимался и особыми порученіями отъ государя. Вступленіе непріятеля въ предѣлы нашего государства такъ его тронуло, что онъ заболѣлъ, и отъ душевнаго огорченія получилъ апоплексическій ударъ, который, причинивъ ему глухоту, увеличилъ ее со временемъ до такой степени, что, въ послѣдніе годы жизни своей, онъ ничего не могъ слышать, и разговаривавшіе съ нимъ объяснялись посредствомъ аспидной доски, излагая на ней свои вопросы и отвѣты. Чувствуя крайнее изнуреніе силъ своихъ, онъ испросилъ увольненіе отъ всѣхъ должностей (1814 года, августа 1). Императоръ, уважая долголѣтнее его служеніе и тягость понесенныхъ имъ трудовъ, по многообразнымъ вѣтвямъ государственнаго управленія, изъявилъ согласіе на его прошеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ сохранялъ званіе государственнаго канцлера по смерть свою, и не переставалъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать пользамъ отечества. При немъ оставлены были всѣ получаемые имъ оклады, которые онъ тогда же предоставилъ въ пользу инвалидовъ, и сверхъ того многія драгоцѣнныя вещи.

Двѣнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ уединеніи графомъ Румянцевымъ, весьма блистательны въ жизни его: многія общественныя заведенія въ нашемъ отечествѣ и ученыя сословія имѣли въ немъ сильнаго помощника, но сверхъ того въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ графъ Румянцевъ успѣлъ оказать огромныя услуги отечественному просвѣщенію.

Причина, ускорившая кончину его была довольно маловажная: вышедъ однажды, въ концѣ 1825 года, изъ кабинета безъ провожатаго, который, по причинѣ слабости его, всегда его поддерживалъ, онъ упалъ отъ чрезмѣрной слабости и нанесъ ушибъ бедренной кости лѣвой ноги. Это произвело горячку, превратившуюся въ изнурительную старческую лихорадку, которая разразилась общимъ потрясеніемъ организма, и онъ скончался въ Петербургѣ, 3 января 1826 года, на 73 году своей жизни. Прахъ графа Николая Петровича покоится въ любимомъ его мѣстечкѣ Гомелѣ, нынѣ принадлежащемъ князю Варшавскому, графу Паскевичу Эриванскому.

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, давно усматривая ощутительный недостатокъ въ поясненіи русскихъ древностей, первый предпринялъ пояснить ихъ, изданіемъ государственныхъ актовъ и лѣтописей. Такое намѣреніе его обрадовало ученыхъ, которые, соревнуя своими совѣтами, указали богатое поле жатвы въ области знаній. Румянцевъ обратилъ вниманіе на архивы и монастыри, — гдѣ хранились историческіе памятники, немногимъ извѣстные и доступные. Любители изысканій древностей явились его сотрудниками и предложили ему свои услуги, которые онъ достойно вознаграждалъ, будучи единственнымъ ихъ покровителемъ. Забывая высокій свой санъ, онъ обходился совсѣми дружески и не хотѣлъ даже, чтобы въ немъ видѣли знаменитаго вельможу.

Отечественныя хартіи, сохраняя въ себѣ дѣянія минувшихъ вѣковъ, составляютъ священные памятники народовъ, ихъ сужденій, жизни, нравовъ, управленія, законовъ, благосостоянія и служатъ единственнымъ пособіемъ къ поясненію исторіи каждаго государства; но онѣ тлѣли у насъ, между тѣмъ какъ другія державы давно сообщили свѣту свои сокровища этого рода. Сначала XVIII столѣтія, появились у насъ собранія ихъ договоровъ. Знаменитый историкъ Шлецеръ прекрасно сказалъ: «кому-то предоставлена завидная честь, быть творцемъ собранія русской дипломатики?» И эту честь стяжалъ

Румянцевъ! Хотя до него нѣкоторое число древнихъ грамотъ и было дважды издано Новиковымъ, подъ названіемъ: *«Древней россійской вивліоѳики»*; однако это не составляло еще особеннаго дипломатическаго собранія актовъ. Румянцевъ первый началъ изыскивать памятники не только въ Россіи, но во всѣхъ европейскихъ библіотекахъ и архивахъ, для чего отправилъ за границу двухъ молодыхъ людей, на своемъ иждивеніи. Получивъ матеріалы, поясняющіе политическое бытіе нашего отечеста, онъ приступилъ къ изданію ихъ, испросивъ у государя соизволеніе учредить на своемъ иждивеніи особую комисію, которая съ 1813 г. по 1828 г. издала «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ» въ четырехъ книгахъ, въ листъ большаго размѣра, съ наблюденіемъ въ спискахъ строгой точности письма подлинника и съ изображеніемъ сохранившихся печатей. На это изданіе употреблено болѣе 66,000 р. Румянцевъ, страшась справедливо, чтобы всепожирающее время не истребило драгоцѣнныхъ остатковъ лѣтописей, поручилъ издать ихъ извѣстному ученому Строеву. Первая часть Софійскаго временника, заключаетъ въ себѣ Несторову лѣтопись съ ея продолжателями.

Кромѣ изданія лѣтописей историческихъ и различныхъ актовъ русской исторіи, — графъ Румянцевъ дѣйствовалъ также на важномъ поприщѣ географіи и морскихъ открытіи. Такимъ образомъ знаменитое путешествіе въ Южный океанъ и Беринговъ проливъ, для отысканія сѣверо-восточнаго морскаго прохода, совершенное на кораблѣ «Рюрикъ», подъ начальствомъ лейтенанта Коцебу; въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ, и напечатанное въ трехъ большихъ томахъ съ рисунками и географическими картами, было совершено по идеѣ и на счетъ графа Н. Н. Румянцева. Цѣль этого путешествія была: отыскать материкъ въ странахъ южнаго полюса и открыть на сѣверѣ проходъ изъ Атлантическаго моря въ Южный океанъ, и изъ Южнаго океана въ Атлан-

тическое море. Уже нѣсколько столѣтій географы и преимущественно мореплаватели занимались этимъ вопросомъ и доказали невозможность такого пути. Графъ Румянцевъ рѣшился повторить попытку прежнихъ мореходцевъ и, снарядивъ корабль «Рюрикъ», на своемъ иждивеніи, ввѣрилъ его Коцебу, который получилъ, по этому предмету, предварительныя свѣдѣнія отъ искуснаго морехода Крузенштерна. Хотя Коцебу и не достигнулъ назначенной цѣли, однако доставилъ значительную пользу естественной исторіи, физикѣ и географіи. Виновникъ предпріятія, графъ Румянцевъ, именемъ котораго названы нѣкоторые вновь открытые острова, стяжалъ этимъ дѣломъ новую потомственную славу. Но зависть хотѣла и въ этомъ случаѣ повредить какъ нибудь памяти полезныхъ дѣяній русскаго вельможи, и вотъ возникли несправедливыя замѣчанія, по поводу новыхъ открытій, которыя неблагонамѣренность хотѣла представить извѣстными уже прежде. Эти мнѣнія опровергнуты были Крузенштерномъ. Румянцевъ, принимая постоянное участіе въ полезныхъ предпріятіяхъ, поручилъ отправлявшемуся въ 1818 г. въ Камчатку, начальникомъ ея, капитану Рикорду, значительную сумму денегъ, чтобы купить разныя вещи, чукчами любимыя, и раздать ихъ въ награду тѣмъ изъ нихъ, которые предпримутъ путешествіе по льду до той земли, которая, по мнѣнію гидрографовъ, окружаетъ Беринговъ проливъ съ сѣвера. Вызвалось нѣсколько охотниковъ, но они, совершивъ, въ 1820 г., около 100 верстъ, почти въ прямомъ направленіи къ сѣверу, не открыли ни какого признака земли. Подобное порученіе дано было и капитану Гагемейстеру, состоявшему въ 1817 году правителемъ поселеній на сѣверо-западномъ берегу Америки. Имѣя также въ своемъ распоряженіи суммы графа Румянцева, онъ награждалъ тѣхъ, которые предпринимали поѣздки внутрь сѣверной Америки. Первое путешествіе этого рода совершено въ 1819 году подъ начальствомъ Корсаковскаго, и доставило точную съемку береговъ

Бристольскаго залива и другихъ мѣстъ. Во второе путешествіе Устюгова заключены были, съ неизвѣстными дотолѣ народами, торговыя сношенія, продолжающіяся и донынѣ съ успѣхомъ. Американская компанія, при содѣйствіи графа Румянцева, посылая свои корабли, съ 1819—1823 г., для съемки береговъ, сдѣлала много знаменательныхъ открытій, именно нѣсколько рѣкъ и острововъ, а экспедиціи, снаряженныя компаніею на иждивеніи графа Николая Петровича, опредѣлили весь берегъ между мысомъ Ньюгамомъ и Нортоновою губою, куда не отваживался приблизиться знаменитый Кукъ. Кромѣ того были опредѣлены по этому берегу мѣстоположенія мысовъ: Румянцова, Ванкувера, Овинова и острова Нунивака. Открытіе острововъ, между устьями рѣкъ Яны и Колымы, есть также плодъ полезнаго усердія графа Румянцева, который поручилъ (1807 г.) Геденштрому искать въ Ледовитомъ морѣ и изслѣдовать нѣтъ ли тамъ другихъ острововъ, кромѣ Ляховыхъ. Геденштромъ нашелъ группу неизвѣстныхъ дотолѣ острововъ, и назвалъ этотъ архипелагъ *Новою Сибирью.*

Также на иждивеніи графа Румянцева путешествовалъ извѣстный собиратель древностей Павелъ Строевъ, по Московской и Калужской губерніяхъ, въ 1817, 1818 и 1820 г., для отысканія древностей.

Другія предпріятія графъ Николая Петровича, по части наукъ, не совершились. Такъ, въ 1813 г. онъ пожертвовалъ 25,000 р. ассиг., предоставивъ эту сумму въ распоряженіе Императорской академіи наукъ съ тѣмъ, чтобы она: 1) издала рукопись Несторовой лѣтописи, подъ названіемъ Кенигсбергскаго или Радзивиловскаго списка, хранящагося въ той же академіи, издавшей этотъ списокъ въ 1767 г. in 4^0, со многими пропусками; 2) сводъ той же Несторовой лѣтописи, по тремъ спискамъ: Ипатьевскому, Хлѣбниковскому (Полторацкаго) и Ермолаевскому, въ которыхъ заключается «Волынская лѣтопись». *«Акты, собранные въ архивахъ россійской имперіи*

археографическою экспедиціею» и великолѣпно изданные, въ 4-хъ томахъ въ С.-Петербургѣ, въ 1836 году, напечатаны на счетъ суммы, имѣвшейся при той академіи, около 40,000 р. ассиг., пожертвованной графомъ Румянцевымъ на подобный предметъ.

Ученые гордились посвященіемъ своихъ трудовъ русскому меценату, не только при его жизни, но и по смерти. Баронъ Розенкампфъ принесъ, въ даръ памяти его, свое сочиненіе, подъ названіемъ: «Обозрѣніе кормчей книги, въ историческомъ видѣ». Уважая просвѣщенный умъ Румянцева, нѣкоторые ученые почтили имя его въ царствѣ ископаемомъ и растительномъ. Минералогическое санктпетербургское общество назвало *румянцовитомъ* минералъ (венису), открытый на островѣ Паргасѣ, въ Финляндіи; ботаникъ Ледебуръ далъ названіе одному растенію, въ Хилѣ, Oenesteria Rumanzovii. Многія ученыя общества поставляли себѣ за честь имѣть его своимъ сочленомъ.

Переписка государственнаго канцлера съ учеными была весьма обширная. Всѣ тѣ, которые могли сообщить ему что либо касающееся до наукъ, особенно до отечественной исторіи, имѣли съ нимъ или непосредственныя, или письменныя сношенія. Не одни русскіе, но иностранцы, соревновавшіе его патріотическому рвенію, подносили ему свои изслѣдованія. Употребляя другихъ для розысканія любопытныхъ мѣстъ, онъ самъ ѣздилъ въ Оршу (Могилевской губерніи), въ 1818 г., и въ 24 верстахъ отъ этого города, по дорогѣ къ Толчину, открылъ надгробный камень Рогвольда, внука Мономаха, скончавшагося въ 1171 году. Этотъ камень, именуемый оршанскимъ, изъ сѣраго гранита (шир. 3 арш. и 6 верш.; длиною 4 арш. и 4 верш.), имѣетъ слѣдующую надпись: «въ лѣто 6679 мѣс. мая въ 7 день успе.—Господи помози рабу своему, Василію въ крещеніи, именемъ Рохвольду, сыну Борисову.» Должно удивляться неутомимости графа Николая Петровича, при его многообразныхъ государственныхъ должностяхъ и ученыхъ за-

пятіяхъ: личныя его сношенія и собственноручныя письма, записки и объясненія, при новыхъ отечественныхъ открытіяхъ, служатъ доказательствомъ, какое наслажденіе доставляли ему всѣ случаи пользы и славы его отечества. Изъ ученыхъ былъ другомъ его А. Х. Лерберхъ, котораго уважалъ онъ за обширныя свѣдѣнія въ древней исторіи Россіи; проливалъ слезы у гроба его, и бюстъ, изваянный Мартосомъ, хранилъ въ своемъ кабинетѣ по смерть. Оказывая необыкновенную дѣятельность въ розысканіи древностей, онъ щедро награждалъ занимавшихся ими, и тѣмъ ободрялъ многихъ содѣйствовать полезнымъ его предпріятіямъ. Такимъ возвышеннымъ стремленіемъ ко всему хорошему, онъ представлялъ въ лицѣ своемъ истинную жизнь вельможи, и доказывалъ, что государственный мужъ преимущественно долженъ быть непосредственнымъ ревнителемъ просвѣщенія.

Кругъ дѣйствія Румянцева, въ области наукъ, былъ самый блистательный. Если полководцы пріобрѣтаютъ военными подвигами неувядаемые лавры, то сынъ героя Задунайскаго стяжалъ себѣ въ лѣтописяхъ наукъ драгоцѣнное имя *мецената*, и время, которое онъ ознаменовалъ просвѣщеніемъ своихъ соотечественниковъ, безпристрастно можно назвать *румянцовскою эпохою*. Заслуживъ при жизни своей названіе покровителя наукъ, онъ самъ себѣ создалъ памятникъ безсмертія.

Въ преклонныхъ лѣтахъ жизни, онъ готовился совершить еще многое. Знаменитый покровитель наукъ имѣлъ намѣреніе издать «Древнія путешествія русскихъ». Къ прискорбію ученаго свѣта, смерть пресѣкла благія его начинанія, изъ которыхъ одно, исполненное по кончинѣ, достаточно сохранитъ имя его. Не успѣвъ совершить акта, онъ завѣщалъ словесно, *чтобы все богатое его собраніе книгъ и другихъ рѣдкостей осталось для общей пользы*, вмѣстѣ съ тѣмъ домомъ на набережной Невы, который заключалъ въ себѣ всѣ эти драгоцѣнности.

Императоръ Николай I, уважая приношеніе русскаго ме-

цената, вполнѣ одобрилъ его желаніе, и повелѣлъ исполнить его, открытіемъ такого собранія, подъ названіемъ: *Румянцевскаго музеума* (1831 г., мая 28). Музей этотъ, извѣстный своими богатствами, помѣщался въ пожертвованномъ графомъ домѣ, на Англійской набережной, но нынѣ переведенъ въ Москву, а самый домъ проданъ въ частныя руки.

Капитанъ перваго ранга Лисянскій, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, питая высокое уваженіе къ графу Н. П. Румянцеву, завѣщалъ, по смерти своей (въ февралѣ 1837 года), собранныя имъ вещи, во время морскаго путешествія, Румянцевскому музеуму. Собраніе его вещей состояло изъ трехъ царствъ природы.

Частную жизнь свою графъ Николай Петровичъ проводилъ очень скромно: свободное время онъ проводилъ въ кругу ученыхъ, и, находя удовольствіе въ ихъ бесѣдахъ, часто приглашалъ къ своему столу. Богатство его заключалось въ 30,000 душъ крестьянъ. Около 20,000 душъ, принадлежавшихъ мѣстечку Гомелю (Могилевской губерніи, на границѣ Черниговской), составляли главное его имѣніе. Тамъ были три богатые его дворца: одинъ въ два этажа, называемый лѣтній, другой въ четыре, зимній, а третій, надъ самою Сожью,— Муро. Всѣ они были убраны съ роскошію. Ихъ великолѣпіе составляли богатая мебель, рѣдкія картины и библіотека. Въ Гомелѣ канцлеръ построилъ каменную богатую церковь, во имя чудотворца Николая, богадѣльню, училища ланкастерское и уѣздное. Въ двадцати верстахъ отъ Гомеля, устроены имъ были разныя фабрики: бумажная, суконная и для дѣланія сыра, на образецъ англійскаго. Заведено было также овцеводство. По смерти канцлера, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій пріобрѣлъ покупкою гомельское имѣніе.

Уважая предковъ своихъ, Румянцевъ воздвигъ надгробный памятникъ прапрадѣду своему, ближнему боярину А. С. Матвѣеву, въ Москвѣ. Память же родителя своего почтилъ онъ осо-

беннымъ образомъ. Онъ учредилъ (марта 17, 1804 г.), чтобы при гробѣ Задунайскаго, покоющагося въ церкви Кіевопечерской лавры, въ которую отдалъ для вѣчнаго храненія и фельдмаршальскій жезлъ, пожалованный Екатериною II, находились шесть изувѣченныхъ, изъ отставныхъ офицеровъ, съ обязанностію присутствовать во время церковнаго соборнаго служенія, отправляемаго, въ память кагульскаго героя, у его надгробнаго мѣста. На содержаніе этихъ шести лицъ, канцлеръ опредѣлилъ по 6,000 руб. ежегодно, съ тѣмъ, чтобы, по смерти его, за исполненіемъ такой обязанности, наблюдалъ братъ его, а по кончинѣ брата право это перешло бы въ думу военнаго ордена св. Георгія. Графъ Румянцевъ благотворилъ и втайнѣ. Многимъ семействамъ назначалъ пожизненный отъ себя пенсіонъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены и нынѣ такихъ пособій. Впадавшіе, по какимъ нибудь заблужденіямъ, въ преступленіе, имѣли въ немъ своего защитника. Онъ лично испрашивалъ имъ прощеніе у императора Александра I. Разоренные и сироты находили также въ Румянцевѣ своего покровителя.

Обладая прекрасными качествами души, добротою, кротостію, расположеніемъ дѣлать добро, Румянцевъ былъ въ самомъ обхожденіи привѣтливъ и ласковъ. Разговоры его дышали особою пріятностію и занимательностію: съ учеными былъ ученъ, съ обыкновенными ограниченными въ познаніяхъ людьми, — снисходителенъ и отличительная черта его была: никогда не блистать своими свѣдѣніями.

Хотя первоначальное образованіе Румянцева было домашнее, однако въ послѣдствіи времени онъ самъ старался обогатить себя познаніями. Находясь многіе годы внѣ отечества, онъ имѣлъ случай еще большее изучить. Въ долговременное пребываніе во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ званіи чрезвычайнаго посланника, онъ разсмотрѣлъ всю франкфуртскую библіотеку; весьма хорошо зналъ языки французскій, нѣмецкій и англійскій, особенно первый, на которомъ изъяснялся и пи-

салъ очень свободно. Наука торговли и дипломатики преимущественно была имъ изучиваема. Исторія, преимущественно отечественная, была любимѣйшимъ его занятіемъ. Императоръ Наполеонъ, говоря однажды объ обширныхъ его познаніяхъ, сказалъ, что онъ не видѣлъ еще никого изъ русскихъ, съ такими глубокими свѣдѣніями въ исторіи и дипломатикѣ.

КНЯЗЬ ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

ДОЛГОРУКОВЪ

(1740 — 1830).

Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, сынъ генералъ-поручика князя Владиміра Петровича, бывшаго, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, рижскимъ и ревельскимъ губернаторомъ, родился 2-го ноября 1740 года. На девятомъ году возраста, онъ былъ записанъ въ унтеръ-офицеры, получивъ дома, какъ самъ изъясняется въ своихъ *«Запискахъ»*, только начальное образованіе, безполезное отъ частныхъ перемѣнъ учителей. Ему надлежало воспитать самаго себя: соединяя съ природнымъ умомъ, правъ пылкій, обширную память, благородное самолюбіе, Долгоруковъ посвящалъ все свободное время отъ службы ученію, занимаясь предпочтительно военными науками и языками отечественнымъ, французскимъ и нѣмецкимъ. Въ 1752 году пожалованъ онъ былъ въ прапорщики армейскіе и опредѣленъ въ рижскую инженеръ-чертежную; въ 1756 г. былъ уже капитаномъ и получилъ позволеніе, отъ родителя своего, участвовать въ прусскомъ походѣ. Въ егерсдорфскомъ сраженіи, князь Долгоруковъ раненъ былъ въ голову (въ 1757 г.); за оказанную храбрость пожалованъ въ секундъ-маіоры (1758 года); командовалъ кіев-

скимъ полкомъ при цорндорфской битвѣ; находился при осадѣ Кольберга; овладѣлъ прежними укрѣпленіями русскихъ, отбилъ вылазку прусаковъ, захватилъ въ плѣнъ обратившихся въ бѣгство, раненъ, и награжденъ чиномъ преміеръ-маіора. Князь Долгоруковъ сражался, подъ начальствомъ графа Салтыкова, при деревнѣ Пальцигѣ и при Франкфуртѣ-на-Одерѣ (въ 1759 г.) и, за оказанное мужество, произведенъ былъ въ подполковники; потомъ служилъ онъ въ отдѣльномъ корпусѣ графа Чернышева, участвовалъ въ занятіи Берлина (1760 г.), и, обративъ на себя особенное вниманіе своего начальника, пріобрѣлъ полную его довѣренность. Въ то время Долгоруковъ, командовавшій гренадерами, прикрывалъ главную квартиру и подкрѣплялъ передовыя легкія войска. Онъ содѣйствовалъ взятію Швейдница (въ 1761 году). Съ кончиною Елисаветы, корпусъ графа Чернышева поступилъ подъ начальство Фридриха Великаго, къ которому Долгоруковъ отправленъ былъ съ рапортомъ о числѣ войскъ (1762 г.). Король принялъ его весьма милостиво, пригласилъ къ обѣденному столу, пилъ за здоровье Долгорукова и увѣрялъ, что отличная служба его и пріятное извѣстіе, имъ привезенное, не останутся безъ награды. Вслѣдъ затѣмъ Фридрихъ осматривалъ корпусъ Чернышева, выводилъ русскихъ противъ австрійцевъ, но не посылалъ въ дѣло; наконецъ, русскіе подошли къ непріятелю на три пушечные выстрѣла, и король сдѣлалъ диспозицію аттаковать австрійцевъ соединенными силами; но, наканунѣ того дня, графъ Чернышевъ получилъ извѣстіе о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, и о постановленномъ мирѣ со всѣми державами. Огорченный Фридрихъ, надѣявшійся совершенно разбить непріятеля, довольствовался только тѣмъ, что русскіе были зрителями его отличной храбрости и содѣйствовали пораженію враговъ, выставившихъ противъ нихъ часть лучшихъ войскъ. Въ Данцигѣ представился Долгоруковъ фельдмаршалу графу Салтыкову, который назначилъ его начальникомъ перваго гренадерскаго полка; но Чернышевъ, не желая разстаться съ Долгоруко-

вымъ, предложилъ ему любимый имъ петербургскій полкъ. «Ни за что не соглашусь вытѣснить полковника князя Прозоровскаго», отвѣчалъ Долгоруковъ, «онъ соединенъ со мною узами родства и дружбы». — «Прозоровскій любитъ гренадеровъ», возразилъ Чернышевъ, «я ему подчиню твои три баталіона, для сформированія четвертаго гренадерскаго полка».

Въ 1763 году, князь Долгоруковъ выступилъ, съ петербургскимъ полкомъ, въ Польшу, куда Екатерина II двинула войска свои, для избранія въ короли польскіе Понятовскаго: одиннадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ тѣхъ мѣстахъ, почиталъ онъ пріятнѣйшимъ временемъ своей жизни, и неудивительно, судя по молодымъ лѣтамъ его и пріобрѣтенному имъ значенію. Въ 1767 году, императрица осматривала въ Казани полкъ Долгорукова, осталась чрезвычайно довольна имъ, повелѣла молодому полковнику находиться въ ея свитѣ и произвела его въ маіоры лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Князь Долгоруковъ долго отказывался отъ этого лестнаго званія, не желая разстаться съ своимъ полкомъ; но графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ объявилъ ему, что онъ безъ него не хочетъ быть подполковникомъ гвардіи, и Долгоруковъ принужденъ былъ согласиться ѣхать въ столицу, получивъ позволеніе взять съ собою полутораста рядовыхъ петербургскаго полка и выбрать столько же человѣкъ изъ всей арміи для преображенскаго полка.

Въ 1769 году, Россія ополчилась противъ Порты оттоманской, которая заключила въ крѣпость посла нашего Обрескова. Князь Долгоруковъ желалъ служить подъ знаменами графа Румянцева, но императрица велѣла объявить ему, что пребываніе его при ней необходимо. Въ то время графъ Орловъ, находившійся въ Италіи, удостовѣрился, что славяне, подданные Венеціи, черногорцы, носившіе иго турецкое и вообще всѣ греки въ Архипелагѣ, преданы Россіи. Донося объ этомъ государынѣ, Орловъ совѣтовалъ обратить вниманіе на эти народы, воспользоваться обстоятельствами, предлагалъ услуги

свои, просилъ выслать флотъ, десантныя войска; но не иначе соглашался принять начальство, какъ если дадутъ ему будетъ въ помощники князь Юрій Долгоруковъ. Не желая оставаться въ бездѣйствіи, послѣдній согласился на сдѣланное предложеніе и приготовился къ отъѣзду, подъ именемъ купца Барышникова. Въ тотъ самый день, когда онъ имѣлъ счастіе откланиваться императрицѣ, ему прислана была анненская лента, съ тѣмъ, чтобы онъ возложилъ ее, когда заблагоразсудитъ; также объявлено, что ему велѣно выдать двадцать тысячъ рублей; но князь Долгоруковъ отказался отъ обѣихъ милостей, прося донести императрицѣ, что онъ затрудняется *получить награду безъ заслугъ*. Первое порученіе, возложенное графомъ Орловымъ на князя Долгорукова, состояло въ склоненіи черногорцевъ къ подданству Россіи. Свита его состояла изъ трехъ штабъ-офицеровъ, одного капитана, секретаря, графа Войновича, двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ, камердинера, слуги и изъ двадцати шести славянъ, набранныхъ въ Италіи. Съ этою свитою пробрался онъ водою, между границъ Турціи и Венеціи, и вступилъ на берегъ. Карабкаясь по крутымъ утесамъ, онъ несъ, съ подчиненными наравнѣ, тяжелую ношу денегъ, сукна, оружія, пороха, свинца, хватаясь за терновые кусты, чтобы не упасть въ пропасть. Прибывъ въ селеніе Черницу, князь Долгоруковъ отправилъ нарочнаго въ Цетинье, мѣстопребываніе черногорскаго владыки, съ объявленіемъ, чтобы черногорцы собрались туда, для выслушанія манифеста императрицы.

Девять мѣсяцевъ мнимый Петръ III избѣгалъ заслуженной казни. Въ это время прибылъ въ Цетинье князь Долгоруковъ, обнародовалъ манифестъ Екатерины II и принялъ присягу въ вѣрности черногорцевъ. Когда послѣдніе, послѣ пышнаго угощенія, возвращались уже въ дома свои, самозванецъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, упрекалъ въ невѣрности, возбудилъ къ мятежу шаткіе умы ихъ, и повелъ на цетинское поле. Долгоруковъ велѣлъ своимъ двадцати

шести славянамъ готовиться къ бою. Монахи, окруживъ его, изъявляли опасеніе свое за послѣдствія битвы, и выражали участіе въ судьбѣ мнимаго императора. «Одна только опасность предстояла мнѣ» — отвѣчалъ имъ князь Долгоруковъ, съ сердцемъ — «пріѣхать къ разбойникамъ; но когда я совершилъ это, ничто меня не осрамитъ. Теперь обязанность моя привести въ повиновеніе самозванца и, въ присутствіи народа, сорвать съ него личину». — Крикъ и неистовства продолжались еще за городомъ; потомъ всѣ умолкли: Степанъ самозванецъ сошелъ съ лошади, и, въ сопровожденіи черногорцевъ, направился къ монастырю. Князь Долгоруковъ, окруженный мятежными воинами, напоминалъ имъ, черезъ переводчика, о ихъ присягѣ, о тяжкомъ грѣхѣ, который они взяли на свои души; осуждалъ легковѣріе, называлъ вождя ихъ бродягою. — «Развѣ онъ не императоръ россійскій?» — спросили они. — «Самозванецъ, дерзнувшій взять освященное имя» — возразилъ съ жаромъ Долгоруковъ и, обратясь къ Степану Малому, сказалъ: «Объяви при всѣхъ: русскій ли ты, и былъ ли когда въ Россіи?» — Приведенный въ робость неустрашимостію и грознымъ видомъ Долгорукова, мятежникъ отвѣчалъ, что онъ никогда не выдавалъ себя за императора. Народъ взволновался, со всѣхъ сторонъ раздались крики: «онъ повѣсилъ брата моего; онъ убилъ отца; онъ раззорилъ меня; повѣсить! повѣсить его!» — «Храбрые молодцы,» — спросилъ ихъ графъ Войновичъ, — «кто изъ васъ согласится быть палачемъ?» — «Мы его изрубимъ», закричали черногорцы въ одинъ голосъ. Но Долгоруковъ, достигнувъ цѣли своей, принялъ Степана подъ свою защиту, объявивъ недовольнымъ, «что онъ одинъ только имѣетъ право наказывать», и велѣлъ славянамъ своимъ взять преступника подъ караулъ и заключить его въ келью, смежную съ тою, въ которой самъ жилъ. Послѣ этого черногорцы, угощенные Долгоруковымъ, разошлись по домамъ.

Не долго продолжалась тишина между ними: венеціане, въ

угодность турецкому правительству, пытались отравить Долгорукова, но подкупленный поваръ, изъ италіанцевъ, честный плутъ, какъ называетъ его самъ князь, въ своихъ «Запискахъ», желая имѣть награду вдвойнѣ, представилъ порошокъ своему господину. Въ другой разъ венеціане давали большія деньги черногорцамъ, чтобы они взорвали русскихъ на воздухъ, зажегши порохъ, хранившійся подъ ихъ жилищами. И это покушеніе было заблаговременно открыто. Наконецъ, турки обѣщали пять тысячъ червонныхъ тому, кто доставитъ имъ русскаго начальника, живаго или мертваго. Краснорѣчивое воззваніе произвело желаемое дѣйствіе надъ черногорцами: они начали изъявлять неудовольствіе свое, что славяне состоятъ тѣлохранителями Долгорукова, обижались этимъ предпочтеніемъ, требовали, чтобы непремѣнно дозволено было природнымъ жителямъ охранять его. Тщетно князь Долгоруковъ ожидалъ прибытія флота нашего, по обѣщанію, данному графомъ Орловымъ. Разные непріязненные слухи и наступившая зима принудили его наконецъ помышлять объ отъѣздѣ. Онъ поручилъ графу Войновичу, переодѣвшись въ платье славянина, купить въ ближайшемъ турецкомъ городѣ какое либо судно или лодку, съ тѣмъ, чтобы оно было причалено къ берегу и, удаливъ подъ благовиднымъ предлогомъ черногорцевъ, освободилъ изъ заключенія Степана Малаго, причемъ далъ ему патентъ на чинъ офицера, соотвѣтственный этому званію мундиръ, и письменное предписаніе, чтобы онъ, во время отсутствія его, управлялъ Черною горою. Наступила ночь. Долгоруковъ, въ сопровожденіи своей малой дружины, отправился въ путь: спускаясь съ крутизны, прыгая съ камня на камень, держась за тернъ, онъ навѣрное (какъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ») свалился бы въ пропасть, еслибъ Степанъ Малый, привычный къ тѣмъ мѣстамъ, не вынесъ бы его, такъ сказать, на рукахъ своихъ. Такимъ образомъ князь Долгоруковъ избавился угрожавшей ему опасности со стороны черногорцевъ, венеціанъ и турковъ, и совершилъ главную цѣль своей поѣздки, удержаніемъ сосѣдствен-

ныхъ пашей и босняковъ отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Послѣ труднаго плаванія, нуждаясь въ провизіи и претерпѣвъ сильную бурю, прибылъ онъ въ Анкону, откуда отправился въ Пизу, гдѣ находился графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, и вскорѣ удостоенъ былъ ордена св. Анны (въ 1770 г.). Князь Долгоруковъ участвовалъ затѣмъ въ плаваніи нашего флота къ Мореѣ; вызывался овладѣть крѣпостью Короною, у которой русскіе сдѣлали высадку, но не допущенъ былъ къ тому графомъ Өедоромъ Григорьевичемъ Орловымъ; осаждалъ крѣпость Модонъ, гдѣ былъ раненъ въ руку и ногу и, вмѣстѣ съ Грейгомъ, настоялъ, въ военномъ совѣтѣ, чтобы флотъ нашъ искалъ турецкаго и атаковалъ его. По увѣренію Долгорукова, вся диспозиція къ наступленію, подъ Чесмою, на непріятеля, была начертана Грейгомъ. Послѣдній, наканунѣ чесменскаго сраженія, убѣдилъ князя Юрія Владиміровича принять начальство надъ кораблемъ «Ростиславъ», хотя князь долго отговаривался своею неспособностію къ морской службѣ. Въ день битвы, Долгоруковъ производилъ съ своего корабля, вмѣстѣ съ прочими, сильную пальбу противъ турецкаго флота, въ чрезвычайно близкомъ отъ него разстояніи; настоялъ, потомъ, на военномъ совѣтѣ, вмѣстѣ съ Грейгомъ, чтобы непріятельскіе корабли были истреблены и разъѣзжалъ съ нимъ на шлюпкѣ, по совершеніи Клокачовымъ и Ильинымъ знаменитаго подвига. Послѣ этой блистательной побѣды, князь Долгоруковъ, все таки желавшій продолжать службу подъ знаменами Румянцева, испросилъ у графа Орлова позволеніе возвратиться въ Россію и отправленъ былъ отъ него съ подробнымъ донесеніемъ къ императрицѣ. Въ Ливорнѣ принужденъ онъ былъ выдержать сорокадневный карантинъ. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, 22-го сентября вечеромъ, онъ остановился у дворца и поспѣшилъ вручить, привезенныя имъ, депеши государынѣ. Екатерина играла тогда въ карты; подлѣ нее сидѣлъ принцъ Генрихъ прусскій. Лишь только увидѣла она Долгорукова, тотчасъ встала съ своихъ кресelъ,

пошла къ нему на встрѣчу, поцѣловала его въ щеку, въ то время какъ онъ подошелъ къ рукѣ, разговаривала весьма милостиво, и потомъ, занявъ прежнее мѣсто, извинилась передъ принцемъ, что, отъ радости, прервала игру. По окончаніи игры, императрицѣ принесли военный орденъ св. Георгія третьей степени, который она сама надѣла на Долгорукова, преклонившаго колѣна, сказавъ ему: «Я отправила къ вамъ этотъ крестъ; но довольна, что вы его не получили, потому что теперь имѣю удовольствіе сама возложить на васъ». Черезъ нѣсколько дней потомъ, князь Юрій Владиміровичъ удостоенъ былъ ордена св. Александра Невскаго, въ чинѣ генералъ-маіора. Эта двойная награда свидѣтельствуетъ, сколько государыня цѣнила заслуги его. Желая служить въ первой арміи, Долгоруковъ неотступно просилъ, чтобы его отправили туда; но, по несчастію (какъ князь Долгоруковъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ»), пріѣхалъ въ столицу графъ Орловъ, и склонилъ его ѣхать въ Архипелагъ. Они возвратились на флотъ, чрезъ Вѣну и Италію, и тамъ праздновали, 24-го іюня 1771 г., воспоминаніе чесменской битвы. На этомъ праздникѣ произошла размолвка князя Долгорукова съ братомъ главнокомандовавшаго. Турки въ это время оканчивали постройку двухъ кораблей и фрегата на островѣ Митиленѣ. Адмиралъ Спиридовъ, разговаривая однажды съ Долгоруковымъ, сказалъ, «что корабли эти могутъ причинить большой вредъ нашимъ крейсерамъ». — «Ихъ можно сжечь», — отвѣчалъ ему князь. — «Вы весьма облегчили бы флотъ», — продолжалъ Спиридовъ, — «еслибъ исполнили это на самомъ дѣлѣ». — «Въ настоящемъ году я ничего не предлагаю», — возразилъ Долгоруковъ, — «но если поручатъ, надѣюсь, съ Божіею помощью, оправдать слова мои». Адмиралъ передалъ этотъ разговоръ графу А. Г. Орлову, который, при первой встрѣчѣ съ Долгоруковымъ, спросилъ его: «Вы беретесь турецкіе корабли сжечь?» — «Я ни за что не берусь», — отвѣчалъ ему князь, — «а всегда исполняю, что мнѣ поручатъ, не разбирая невозможности». Графъ Орловъ

тотчасъ уполномочилъ его дѣйствовать противъ непріятеля. Долгоруковъ, личною храбростію, одушевляя сражавшихся подъ начальствомъ его русскихъ, албанцевъ и славянъ, проложилъ себѣ штыками дорогу къ крѣпости митиленской; разбилъ на голову Янычаръ-Агу; овладѣлъ тамошнимъ адмиралтействомъ; сжегъ строившіеся корабли и, по свойственной ему скромности, донесъ главнокомандовавшему, что полковникъ Кутузовъ первый вышелъ на берегъ, въ то время, какъ слава эта ему самому принадлежала. Представленіе его о наградахъ осталось безъ вниманія: онъ заговорилъ о возвращеніи въ отечество, и немедленно получилъ фрегатъ, на которомъ прибылъ благополучно въ Италію. Наконецъ, исполнилось желаніе Долгорукова сблизиться съ Задунайскимъ. Онъ участвовалъ (въ 1773 г.) въ переправѣ нашей арміи за Дунай, служа въ корпусѣ Потемкина, который, хотя и былъ старѣе Долгорукова въ чинѣ генералъ-поручика, но принималъ совѣты его, какъ приказы. Потомъ Долгоруковъ находился при неудачной аттакѣ на Силистрію, далѣе разбилъ, вмѣстѣ съ барономъ Унгерномъ, отдѣльный турецкій отрядъ, и занялъ Базарджикъ. Въ слѣдующемъ году подписанъ былъ славный кайнарджійскій договоръ. Князь Долгоруковъ, при общемъ производствѣ, пожалованъ былъ въ генералъ-аншефы.

Онъ командовалъ въ Малороссіи легкоконными полками. Императрица Екатерина II, во время путешествія своего въ Тавриду, въ 1787 году, осматривала эти полки и осталась чрезвычайно ими довольна. Въ бытность государыни въ Полтавѣ, князь Долгоруковъ объяснялъ ей на поляхъ, прославленныхъ Петромъ Великимъ, достопамятную битву того времени, отыскалъ редуты и представилъ начертанный имъ планъ. Долгоруковъ воскресилъ этотъ знаменитый день маневрами, произведенными легкоконными полками, егерскимъ корпусомъ и тремя баталіонами гренадеръ. Государыня, въ знакъ особеннаго своего благоволенія, пожаловала тогда князя Юрія Владиміровича подполковникомъ лейбъ-гвардіи преображен-

скаго полка, подарила супругѣ его бриліантовый букетъ, а малолѣтнюю дочь ихъ пожаловала въ фрейлины. Вскорѣ возобновилась война съ Турціею: князь Долгоруковъ, назначенный въ австрійскую армію на мѣсто принца де Линь, изъявившаго желаніе служить въ нашихъ войскахъ, приглашенъ былъ Потемкинымъ подъ Очаковъ и, скучая бездѣйствіемъ фельдмаршала, выѣзжалъ тамъ на перестрѣлку, и ходилъ въ траншеи. Лихорадка воспрепятствовала ему участвовать во взятіи крѣпости въ 1788 г. Онъ остался въ нашей арміи и, получивъ облегченіе отъ болѣзни, повелъ войска къ Дубосарамъ въ 1789 г. Тамъ, палатка главнокомандовавшаго, великолѣпіемъ своимъ, превосходила визирскую: англійскій садъ, разведеный полковникомъ Бауромъ, окружалъ эту палатку; два хора музыкантовъ, управляемые капельмейстеромъ Сарти, каждый день увеселяли воиновъ. Казалось, свѣтлѣйшій намѣренъ былъ остаться тутъ навсегда; но полученныя непріятныя извѣстія, изъ за-Днѣстра, заставили его идти къ Кишиневу. Около этого города князь Долгоруковъ, предводительствуя авангардомъ, обратилъ въ бѣгство непріятельскую конницу, и захватилъ ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ пашею. Оттуда армія наша двинулась къ Аккерману. Разставивъ всю артиллерію на высотахъ, въ виду крѣпости, князь Долгоруковъ, снабженный полномочіемъ отъ Потемкина, вступилъ въ переговоры съ пашею, и на другой день занялъ Аккерманъ на слѣдующихъ условіяхъ: гарнизону дозволено выйти, взявъ съ собою имущество; русскимъ, вмѣстѣ съ крѣпостію, предоставлены въ добычу пушки, провіантъ, порохъ и прочіе воинскіе снаряды. Вслѣдъ затѣмъ, Долгоруковъ обложилъ Бендеры, имѣя подъ ружьемъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, и, не взирая на пушечные выстрѣлы, занялъ казаками предмѣстье, и послалъ къ пашамъ парламентера, отъ имени главнокомандовавшаго, съ объявленіемъ, что судьба Бендеръ должна рѣшиться въ одни сутки. Трое пашей сами прибыли къ нему для переговоровъ: онъ возился съ ними, чрезъ переводчика, до полуночи, какъ

упоминает въ своихъ «Запискахъ», и заставилъ ихъ согласиться на одинаковыя условія съ Аккерманомъ. Поутру, русскія знамена развѣвались на стѣнахъ Бендеръ. Князь Долгоруковъ поздравилъ Потемкина съ покореніемъ крѣпости: тотъ лежалъ тогда на постелѣ въ калмыцкой кибиткѣ, благодарилъ его за содѣйствіе, и велѣлъ принести бутылку венгерскаго вина, привезеннаго къ нему, въ тотъ день, маіоромъ Шкиперомъ изъ Кракова. Императрица наградила князя Юрія Владиміровича орденомъ св. апостола Андрея первозваннаго въ 1789 г. Съ окончаніемъ непріязненыхъ дѣйствій въ Турціи, князь Долгоруковъ, какъ подполковникъ гвардіи, пожелалъ участвовать, съ ввѣренными ему войсками, въ шведской войнѣ; но императрица не изъявила на то согласія, и вскорѣ, въ 1790 г., подчинила его графу Салтыкову. Долгоруковъ вышелъ въ отставку.

Въ 1793 году скончался генералъ-аншефъ Кречетниковъ, начальствовавшій нашими войсками въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши; мѣсто его было предложено императрицею князю Долгорукову. Послѣдній не могъ отказаться отъ монаршей довѣренности; но неблагонамѣренные люди вскорѣ лишили его средствъ быть полезнымъ престолу и отечеству. Прибывъ въ ввѣренный ему корпусъ, князь Долгоруковъ узналъ, что подрядчики доставляли для него муку по семи рублей серебромъ четверть. Чуждый постыднаго корыстолюбія, князь немедленно предложилъ помѣщикамъ снабжать войско провіантомъ, по полтора рубля съ гривною серебромъ, съ полученіемъ денегъ впередъ и съ храненіемъ муки въ своихъ собственныхъ магазинахъ: они съ радостію согласились и, такимъ образомъ, казна была обезпечена хлѣбомъ на цѣлый годъ. Въ это самое время князь Юрій Владиміровичъ получилъ отъ императрицы орденъ св. Владиміра первой степени и двадцать тысячъ червонцевъ, для заготовленія провіанта, съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ затѣмъ выслано будетъ къ нему еще восемьдесятъ тысячъ. Въ тотъ же самый день одинъ отставный маіоръ явился къ Долгорукову, съ письмомъ отъ правителя

канцеляріи графа Зубова, Грибовскаго: послѣдній просилъ князя, именемъ своего начальника, поручить подрядъ этому маіору. Долгоруковъ отвѣчалъ Грибовскому: «что у него личныхъ подрядовъ нѣтъ, а ставятъ провіантъ для войска дворяне по цѣнѣ, невыгодной для подрядчиковъ», велѣлъ выдать прогоны маіору и отправилъ его обратно въ С.-Петербургъ. Поступокъ этотъ вооружилъ противъ князя сильнаго царедворца: всѣ представленія Долгорукова покоились затѣмъ въ канцеляріи министерской. Отъ огорченія онъ опасно занемогъ и принужденъ былъ снова оставить службу.

Не долго однако же князь Юрій Владиміровичъ оставался въ бездѣйствіи: ему поручено было осмотрѣть Финляндію, а потомъ ввѣрены были войска, расположенныя въ Москвѣ. Вступивъ въ новую должность, князь Долгоруковъ, во время отсутствія главнокомандовавшаго Москвою, М. М. Измайлова, снесясь предварительно съ гражданскимъ губернаторомъ, занялся поимкою бѣглыхъ солдатъ, укрывавшихся въ домахъ. Недоброжелатели его воспользовались этимъ случаемъ, чтобы представить все въ превратномъ видѣ императрицѣ и Долгорукову былъ сдѣланъ выговоръ, за нарушеніе въ Москвѣ спокойствія жителей. Онъ на другой же день отправилъ прошеніе объ увольненіи отъ службы, и получилъ его. Въ 1796 году взошелъ на престолъ императоръ Павелъ I, къ которому Долгоруковъ былъ душевно привязанъ. Императоръ пригласилъ его въ С.-Петербургъ, пожаловалъ военнымъ губернаторомъ московскимъ и шефомъ астраханскаго гренадерскаго полка. По пріѣздѣ въ Москву, императоръ остался доволенъ войскомъ, обмундированнымъ Долгоруковымъ въ шесть, недѣль по новой формѣ; но тогда же сдѣланъ былъ на князя доносъ, будто онъ запретилъ народу выходить на встрѣчу государю. Императоръ изъявилъ за это Долгорокову свое неудовольствіе. Послѣ священнаго обряда коронованія, переѣхавъ изъ кремлевскаго дворца въ слободскій, государь пригласилъ князя Долгорукова въ свой кабинетъ, поцѣловалъ его, благодарилъ за хорошее

устройство войска (которое было въ тотъ день разставлено по обѣимъ сторонамъ улицъ), и, вслѣдъ за тѣмъ, ввѣрилъ ему въ Москвѣ управленіе и гражданскою частію, несмотря на отзывъ Долгорукова, что онъ къ ней не приготовленъ. Новые доносы, оставленные безъ строгаго изслѣдованія, снова отдалили Долгорукова отъ службы; но, въ непродолжительномъ времени, онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ, и императоръ, объявивъ ему, что онъ будетъ, подъ его особою, командовать войскомъ, спросилъ «чего онъ желаетъ?» — «Угодить вашему императорскому величеству», — отвѣчалъ Долгоруковъ. Тогда же Павелъ I возложилъ на него командорственный крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. «Въ сіе время» (въ 1798 году),—пишетъ князь Юрій Владиміровичъ — «всѣ наслаждались тишиною въ С.-Петербургѣ: мѣсяцы проходили, что не только никто не былъ наказанъ, даже арестованъ; самъ государь приговаривалъ, что никогда не былъ онъ такъ спокоенъ; но окружающіе его недоброжелатели мои вздумали на меня неслыханную небылицу, будто-бы я интригую въ такомъ дѣлѣ, которое, ни съ моею откровенностію, ни съ душевною привязанностію къ государю, ни съ моимъ характеромъ, ни съ здравымъ даже разсудкомъ, не согласно: въ тотъ же день я былъ удаленъ изъ службы, съ лишеніемъ мундира». — Черезъ три мѣсяца потомъ, состоялось именное повелѣніе, о позволеніи князю Долгорукову носить военный мундиръ.

Въ царствованіе Александра I, заслуженный воинъ отдыхалъ отъ многочисленныхъ своихъ трудовъ, пользуясь общимъ уваженіемъ жителей первопрестольнаго града; но, когда возгорѣлась война съ Франціею и ополчилась Россія, онъ принялъ, въ 1806 г., начальство надъ земскимъ войскомъ VII области, и получилъ отъ государя табакерку, съ портретомъ, за труды, на пользу общую понесенные. Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ скончался, 8-го ноября 1830 года, на девяносто первомъ году отъ рожденія; но и въ маститой старости сохранилъ онъ свѣжую память и хорошее зрѣніе: доказательство

строгихъ правилъ къ самому себѣ. Служа съ младенчества престолу и отечеству чистою и непорочною душею, жертвуя жизнію на бранномъ полѣ, онъ стремился къ одному, чтобы быть полезнымъ, и ни въ чемъ совѣстью не мучиться. Гостепріимство и любовь къ изящному были отличительными чертами его характера, пылкаго и вмѣстѣ добродѣтельнаго.

ВАСИЛІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

ГОЛОВНИНЪ

(1776 — 1831).

Василій Михайловичъ Головнинъ родился, въ 1776 году, Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи своемъ, селѣ Гулынкахъ, и происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи этой губерніи. Девять поколѣній его предковъ постоянно служили дворянами въ дружинахъ великихъ князей, и въ войскахъ царей московскихъ, и за походы противъ литовцевъ, поляковъ, крымскихъ татаръ, турковъ и ливонскихъ рыцарей, жалованы были помѣстьями и вотчинами. Два брата Головнины, Василій и Осипъ, были убиты подъ Смоленскомъ, во время знаменитой, мужественной защиты этого города бояриномъ Шеинымъ. Отецъ Василія Михайловича Головнина и дѣдъ служили въ преображенскомъ полку. На шестомъ году отъ роду, былъ онъ, по тогдашнему обычаю, записанъ въ гвардію, сержантомъ, въ тотъ же полкъ. Девяти лѣтъ лишился своихъ родителей. Родственники опредѣлили его, въ 1788 году, на тринадцатомъ году отъ рожденія, въ морской кадетскій корпусъ. Бѣдный сирота очутился на чужбинѣ, одинъ, безъ родныхъ, безъ покровителей, безъ наставниковъ, не зная никого во флотѣ, не имѣя даже, какого бы то ни

было мичмана, своимъ покровителемъ. Съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ началъ онъ размышлять о жизни, о цѣнѣ ея, о назначеніи человѣка, о величіи и прелести науки, о святости долга и службы, о славѣ, пріобрѣтаемой подвигами чести, особенно на томъ бурномъ поприщѣ, которое ему представлялось въ будущемъ. Товарищи его, въ праздничные и вакаціонные дни, разъѣзжались по домамъ, бросались въ веселый и беззаботный кругъ друзей и родственниковъ, и, по истеченіи праздниковъ, возвращаясь въ корпусъ, неохотно принимались за работу. Головнинъ не зналъ этихъ развлеченій; трудъ, ученіе, размышленіе были его забавою и отрадою. Это одиночество дѣтскихъ лѣтъ, устранивъ его отъ свѣтскихъ удовольствій и суетъ, придало характеру его твердость, самостоятельность и какое то отчужденіе отъ обществъ свѣтскихъ, которыя онъ во всю свою жизнь посѣщалъ только по долгу и необходимости. Въ 1790 году, чрезъ два года по вступленіи въ корпусъ, произведенъ онъ былъ, за успѣхи въ наукахъ и благонравное поведеніе, въ гардемарины, и отправленъ въ море, на караблѣ «Не тронь-меня», подъ начальствомъ капитана Тревенина. 23-го и 24-го мая онъ находился на этомъ караблѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Круза, въ сраженіи русскаго флота съ герцогомъ Зюйдерманландскимъ, при островѣ Сескарѣ. Пораженные шведы удалились въ Выборгскій заливъ, гдѣ были заперты Чичаговымъ. Король шведскій Густавъ рѣшился пробиться, и 22-го іюня самъ повелъ свои корабли изъ залива, подъ непрерывнымъ огнемъ русскаго флота. Головнинъ находился, во время этого сраженія, на томъ же караблѣ «Нетронь-меня», который стоялъ тогда между мысомъ Крюсерортомъ и банкою Сальворомъ. Четырнадцатилѣтній гардемаринъ, за оказанную имъ въ трехъ сраженіяхъ храбрость, былъ награжденъ медалью. Въ 1791 году онъ былъ произведенъ въ капралы, а въ 1792 въ сержанты. Въ этихъ годахъ онъ ходилъ въ море на корабляхъ: «Три Святителя», «Изяславъ», и «Прохоръ». Въ 1792 году слѣдо-

вало ему быть выпущенымъ изъ корпуса въ офицеры, но тому встрѣтилось препятствіе: онъ кончилъ на семнадцатомъ году курсъ наукъ, который положено оканчивать на осьмнадцатомъ, и потому оставленъ былъ въ корпусѣ по малолѣтству. Сверстники, не имѣвшіе равнаго съ нимъ числа баловъ (онъ на экзаменѣ занялъ второе мѣсто изъ всѣхъ), надѣли офицерскіе мундиры, а онъ оставался въ кадетскомъ. Горькая участь для молодаго, честолюбиваго человѣка! Но это непріятное происшествіе послужило ему въ существенную пользу. До того времени, онъ занимался исключительно изученіемъ главныхъ предметовъ знанія, необходимыхъ для морской службы — науками математическими. Теперь обратилъ онъ вниманіе свое на предметы словесности и на исторію, изучалъ собственнымъ трудомъ физику и естественную исторію; съ жаднымъ любопытствомъ читалъ книги о морскихъ походахъ и битвахъ, о путешествіяхъ въ дальнія, неизвѣстныя страны, о великихъ географическихъ открытіяхъ. Чтеніе англійскихъ моралистовъ укрѣпило его нравственныя силы, познакомило съ достоинствомъ человѣка, научило познавать себя, владѣть собою, отличать истинную честь и славу отъ тщеславія и наружнаго блеска, а описанія морскихъ путешествій поселили въ немъ непреодолимую страсть путешествовать. Наступило вожделѣнное время выпуска. Это было въ январѣ 1793 года. Головнинъ, сдѣлавшись господиномъ своего времени, не тратилъ его на забавы и развлеченія: онъ воспользовался имъ, для довершенія своего образованія; продолжалъ учиться англійскому и французскому языкамъ, читалъ книги, самъ задавалъ себѣ вопросы. Но вскорѣ обязанности службы отвлекли его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій. Родственники совѣтовали ему заняться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и для того посѣтить родовое свое имѣніе, которое было въ чужихъ рукахъ, и приходило, съ году на годъ, въ большее разстройство. Онъ не рѣшился на это, и хотѣлъ лучше потерять свое имущество, нежели упустить случай къ трудамъ, подвигамъ и отличію. Про-

долзкая службу, онъ надѣялся имѣть возможность путешествовать.

Дѣйствительно, съ самаго начатія службы, онъ почти безпрерывно находился въ походахъ и за границею. Въ 1793 и 1794 годахъ, на военномъ транспортѣ «Анна-Маргарита», ходилъ онъ въ Стокгольмъ съ посломъ нашимъ, графомъ Н. П. Румянцевымъ. Въ маѣ 1795 г., Головнинъ отправился, на кораблѣ «Рафаилъ», въ вспомогательной эскадрѣ вице-адмирала Ханыкова, посланной въ Англію въ то время, когда императрица Екатерина, прекративъ сношенія съ Франціею, и желая сблизиться съ Великобританніею, одобрила предложеніе англійскаго кабинета, о заключеніи тройнаго союза, противъ Франціи, изъ Россіи, Англіи и Австріи. На «Рафаилѣ» и на фрегатѣ «Нарва», В. М. Головнинъ ходилъ нѣсколько разъ въ Англію и Норвегію, и въ октябрѣ 1796 года возвратился въ Кронштадтъ. Въ 1797 году онъ былъ назначенъ на корабль «Константинъ», а затѣмъ флагъ-офицеромъ къ адмиралу Крузу, на корабль «Св. Николай» и находился въ эскадрѣ, состоявшей подъ личнымъ начальствомъ императора Павла. Въ 1797 и 1798 годахъ ходилъ онъ въ Сѣверное море и въ Англію, на корабляхъ, «Ретвизанъ», «Елисавета» и «Сѣверный Орелъ». Въ 1798 году онъ опять отправился въ Англію, на кораблѣ «Елисавета», въ должности флагъ-офицера и переводчика при главнокомандовавшемъ русскою вспомогательною эскадрою, вице-адмиралѣ Макаровѣ, и въ августѣ 1799 года участвовалъ въ высадкѣ десанта на берега Голландіи и въ нѣсколькихъ бывшихъ при томъ сраженіяхъ, которыя, не взирая на упорное сопротивленіе голландцевъ, кончились въ пользу русскихъ и англичанъ. Макаровъ, замѣтивъ необыкновенныя дарованія и отличную службу Головнина, возлагалъ на него важнѣйшія порученія. Въ 1799 году, Головнинъ произведенъ былъ, по представленію Макарова, за отличіе, въ лейтенанты, а въ 1800 г. воротился въ Россію. Въ этомъ году и въ слѣдующемъ, Головнинъ ходилъ

въ море на корабляхъ «Ростиславъ» и «Всеволодъ. Одно исчисленіе судовъ, на которыхъ онъ находился въ морѣ, доказываетъ, что онъ постоянно искалъ настоящей морской службы и старался проводить большую часть года подъ парусами, а не на берегу.

По вступленіи на престолъ императора Александра I, водворился общій миръ въ Европѣ, и нашей морской силѣ не предвидѣлось никакихъ новыхъ подвиговъ. Головнинъ много пріобрѣлъ знанія и опытности въ предшествовавшихъ походахъ; но чувствовалъ, что этого еще мало, особенно когда сравнивалъ себя въ образованіи съ англійскими офицерами, которыхъ ему случалось видѣть. Вскорѣ представилась ему возможность дополнить свое морское образованіе. Въ 1801 году былъ онъ отправленъ на три года въ Англію, въ числѣ нѣсколькихъ волонтеровъ, избранныхъ изъ лучшихъ морскихъ офицеровъ, для служенія на англійскомъ флотѣ. Бывшій тогда морской министръ, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, отправляя ихъ въ Англію, сказалъ имъ: «Вы должны знать, что васъ государь посылаетъ служить въ англійскомъ флотѣ не на одинъ только тотъ конецъ, чтобы вы тамъ учились корабельнымъ маневрамъ, но вы обязаны входить и узнавать внутреннее устройство и хозяйство всего морскаго департамента, и, сверхъ того, при случаѣ, замѣчать и узнавать состояніе земледѣлія, мануфактуръ, торговли и пр., дабы быть въ состояніи употребить ваши свѣдѣнія на пользу отечества, въ служеніи коему вы можете занять современемъ значительныя мѣста». Головнинъ всегда помнилъ это наставленіе, и въ полной мѣрѣ воспользовался случаемъ, для обогащенія себя полезными свѣдѣніями. По прибытіи въ Англію, занимался онъ неутомимо высшими науками по своей части, жилъ тихо, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобъ только пользоваться уроками первостепенныхъ профессоровъ. Обогатившись теоретическими свѣдѣніями, поступилъ онъ на дѣйствительную службу на британскомъ флотѣ. Головнинъ служилъ, на разныхъ кораб-

ляхъ и въ разныхъ частяхъ свѣта, подъ начальствомъ знаменитыхъ англійскихъ адмираловъ Корнуалиса, Нельсона, Колингвуда, обратилъ на себя ихъ вниманіе, и пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Онъ находился при блокадѣ Тулона, въ августѣ 1804 г., а ночью, съ 19-го на 20-е января 1805 г., участвовалъ въ весьма опасномъ сраженіи, въ заливѣ Сервера, у береговъ Испаніи. При абордажѣ греческаго пирата гребными судами, посланными съ англійскаго фрегата «Фисгардъ,» Головнинъ вызвался добровольно участвовать въ этомъ абордажѣ. Англичане потеряли въ этомъ дѣлѣ четвертую часть своихъ людей. Командиръ «Фисгарда», лордъ Маркерръ, съ величайшею похвалою отзывался о неустрашимости, оказанной въ этомъ дѣлѣ лейтенантомъ Головнинымъ.

Въ 1805 году кончился срокъ службы Головнина въ Англіи, но, желая побывать въ Вестъ-Индіи, испросилъ онъ позволеніе на то посла нашего, графа Семена Романовича Воронцова, и прослужилъ еще годъ въ англійскомъ флотѣ, на своемъ иждивеніи. Передъ отправленіемъ въ Вестъ-Индію, онъ послалъ морскому министру Чичагову сравнительныя замѣчанія свои о состояніи русскаго и англійскаго флотовъ—плодъ основательнаго изученія службы и устройства того и другаго. Возвратясь изъ Вестъ-Индіи, Головнинъ находился при блокадѣ Кадикса, Колингвудомъ, въ мартѣ 1806 года, а въ августѣ того же года прибылъ въ Петербургъ, чрезъ Стокгольмъ и Финляндію, съ депешами отъ посланника нашего въ Лондонѣ, графа Строганова. Въ томъ же году, вскорѣ по прибытіи въ Россію, назначенъ онъ былъ командиромъ шлюпа «Діана», отправлявшагося въ кругосвѣтное путешествіе. Шлюпъ долженъ былъ отправиться въ путь лѣтомъ 1807 года. Время, остававшееся отъ заботъ о вооруженіи шлюпа, Головнинъ употребилъ на составленіе, по новой системѣ, введенной тогда въ Англіи, книги: «*Военные морскіе сигналы для дневнаго и ночнаго времени*». Эти сигналы были потомъ въ употребленіи на русскомъ флотѣ въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ. Глав-

нымъ предметомъ экспедиціи шлюпа «Діана» были географическія открытія и описи въ сѣверной части Великаго океана, преимущественно въ предѣлахъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвезеніе въ Охотскій портъ разныхъ морскихъ снарядовъ. 25-го іюля «Діана» снялась съ якоря. Головнинъ пустился въ путешествіе, которое долженствовало быть для него славно и ужасно.

Экипажъ «Діаны» составленъ былъ изъ отборныхъ людей, и снабженъ всѣмъ нужнымъ, для долговременнаго путешествія и для произведенія ученыхъ наблюденій. Первымъ помощникомъ испросилъ онъ себѣ перваго своего друга, П. И. Рикорда. В. М. Головнинъ умѣлъ сочетать искренность дружества со всею строгостью, какой требуетъ служба, и именно служба флотская. Онъ былъ готовъ, при помощи усердныхъ и неустрашимыхъ товарищей своихъ, бороться со всѣми препятствіями, какія только природа противопоставитъ его плаванію, готовъ былъ, въ случаѣ нужды, выдержать и неровный бой, но съ нимъ встрѣтились обстоятельства, которыхъ ни онъ и никто другой не могъ предвидѣть. За мѣсяцъ до отбытія его изъ Кронштадта, заключенъ былъ миръ Россіи съ Франціею, въ Тильзитѣ, разумѣется безъ согласія и противъ желанія Англіи; но отъ этого было еще далеко до дѣйствительнаго разрыва долговременной дружбы и союза Англіи съ Россіею. Между тѣмъ, по прибытіи къ берегамъ Даніи, Головнинъ узналъ о нападеніи англичанъ на нейтральную Данію: Копенгагенъ былъ въ осадѣ съ моря и съ суши. Онъ хотѣлъ освѣдомиться о положеніи дѣлъ у нашей миссіи, но посланникъ, со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, былъ въ Роскильдѣ. Нашъ мореплаватель, бывъ свидѣтелемъ бомбардированія Копенгагена англійскимъ флотомъ, рѣшился продолжать предписанный ему путь, пришелъ въ Портсмутъ 6-го сентября, и принужденъ былъ пробыть тамъ два мѣсяца, чтобъ запастись многими необходимыми инструментами и другими вещами. Между тѣмъ слухи о войнѣ Англіи съ Россіею ста-

новились громче и повсемѣстнѣе. Въ этихъ обстоятельствахъ Головнинъ обратился къ нашему посольству, съ просьбою исходатайствовать ему у англійскаго правительства паспортъ, какіе даютъ судамъ, плавающимъ для открытій и съ ученою цѣлью. Правительство согласилось и выдало паспортъ на свободное и безопасное плаваніе шлюпа «Діана». «Діана» отправилась въ путь 1-го ноября, и останавливалась только у острова св. Екатерины, при берегахъ Бразиліи, чтобъ запастись нужною провизіею. Головнинъ намѣренъ былъ достигнуть Камчатки Тихимъ океаномъ, обогнувъ мысъ Горнъ. Встрѣченныя жестокія бури заставили его спуститься къ мысу Доброй Надежды, съ тѣмъ, чтобъ, исправясь и освѣжась тамъ, плыть въ Камчатку уже вокругъ Новой Голландіи. На мысѣ, вмѣсто отдыха, ожидалъ его плѣнъ. Выше было сказано, что ожиданіе разрыва между Россіею и Англіею, еще до отправленія «Діаны» изъ Европы, побудило Головнина взять на этотъ случай паспортъ отъ англійскаго правительства. Но этотъ документъ, подписанный въ тотъ самый день, когда объявлена была между обѣими державами война, послужилъ къ тому только, что шлюпъ не былъ въ то же время осужденъ, какъ законный призъ, но что его задержали подъ сомнѣніемъ, до полученія разрѣшенія изъ Англіи. Въ ожиданіи того, Головнинъ приготовлялъ свое судно къ походу. Но чрезъ восемь мѣсяцевъ, по прибытіи изъ Англіи нѣкоторыхъ депешъ, въ которыхъ будто бы о «Діанѣ» не упоминалось, начальствовавшій Капскою станціею адмиралъ вынудилъ у Головнина письменное обязательство не уходить изъ залива безъ разрѣшенія, грозя, въ случаѣ несогласія его на это предложеніе, свезти экипажъ на берегъ какъ плѣнный, и держать шлюпъ подъ англійскимъ карауломъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякихъ будто бы извѣстій изъ Англіи. Молчаніе это могло быть изъяснено только разсчетомъ, что Головнинъ, не находя наконецъ средствъ содержать и продовольствовать свою команду, долженъ будетъ согласиться на все. Съ этою же цѣлію, ко-

нечно, англійскій адмиралъ не только не оказывалъ ему ни въ чемъ ни малѣйшаго пособія, но еще дѣлалъ разныя притѣсненія, напримѣръ, требуя, чтобы русскіе матросы были посылаемы работать на англійскія суда, въ чемъ однако Головнинъ прямо отказалъ ему. «Увѣрившись», говоритъ Головнинъ, «что, въ этомъ дѣлѣ, между англичанами и мною справедливость на моей сторонѣ, я рѣшился, не теряя перваго удобнаго случая, извлечь порученную мнѣ команду изъ угрожавшей намъ крайности — уйти изъ залива и плыть прямо въ Камчатку».

«Чтобъ оцѣнить всю смѣлость этой мысли», говоритъ вице-адмиралъ Врангель, въ своей біографіи В. М. Головнина, «нужно замѣтить, что «Діана» была поставлена въ дальнѣйшемъ углу залива, возлѣ адмиральскаго корабля и окружена многими другими кораблями и фрегатами, мимо которыхъ непремѣнно должно было проходить, что всѣ паруса были на ней отвязаны, что, сверхъ того, ни офицеры, ни команда не имѣли ни куска свѣжей провизіи, а сухарей было очень мало. Для успѣшнаго преодолѣнія всѣхъ этихъ препятствій, требовалось большой рѣшимости, и столько же благоразумія и предусмотрительности».

Долго не было случая, благопріятствовавшаго исполненію намѣренія Головнина: когда вѣтеръ способствовалъ тому, тогда на рейдѣ стояли фрегаты, совсѣмъ готовые идти въ морѣ, а когда съ этой стороны было безопасно, удерживалъ его вѣтеръ. Нѣсколько разъ днемъ, свѣжій вѣтеръ, попутный ему отъ сѣверозапада или отъ запада, начиналъ дуть, и Головнинъ всегда приготовлялся въ такихъ случаяхъ къ походу, но къ ночи вѣтеръ или стихалъ или совсѣмъ перемѣнялся и дѣлался противнымъ.

«Я зналъ,» говоритъ Головнинъ въ своихъ «Запискахъ,» «что во всѣхъ гаваняхъ и рейдахъ, лежащихъ при высокихъ гористыхъ берегахъ, вѣтры очень часто дуютъ не тѣ, какіе въ то же время бываютъ въ открытомъ морѣ, а потому хотѣлъ

точно узнать, какое здѣсь имѣютъ отношеніе прибрежные вѣтры къ морскимъ; на сей конецъ я часто ѣзжалъ на шлюпкѣ въ Фалсъ-бай, бралъ съ собою компасъ, и замѣчалъ силу и направленіе вѣтра; на шлюпѣ дѣлалось въ тѣ же часы тоже. Послѣ многихъ опытовъ я удостовѣрился, что когда въ Симанскомъ заливѣ вѣтеръ дуетъ сѣверозападный или западный, при ясной или при облачной, но сухой погодѣ, то въ морѣ будетъ онъ отъ югозапада или отъ юга, а иногда и отъ юговостока; всегда, когда въ такія погоды я ѣзжалъ въ Фалсъбай, свѣжій порывистый вѣтеръ, отъ сѣверозапада или запада, мигомъ проносилъ шлюпку заливомъ, а, на предѣлахъ Симанскаго залива и Фалсъ-бая, она входила въ штилевую полосу, сажень на пятьдесятъ или на сто, которую надобно было пройти на веслахъ; потомъ, лишь откроется море, тишина минуетъ и подхватитъ южный вѣтеръ, болѣе или менѣе уклонившійся къ востоку или къ западу, между тѣмъ какъ на шлюпѣ въ Симанскомъ заливѣ, по прежнему, продолжаетъ дуть, свѣжо и безпрестанно, до самой ночи, тотъ же сѣверозападный или западный вѣтеръ; но когда эти вѣтры начнутъ дуть крѣпкими шквалами, принесутъ облачную мокрую погоду и дождливыя тучи, быстро по воздуху несущіяся къ юговостоку, тогда можно смѣло быть увѣреннымъ, что и въ открытомъ морѣ тотъ же вѣтеръ дуетъ. Сѣверозападные вѣтры господствуютъ здѣсь въ зимніе мѣсяцы, лѣтомъ же они бываютъ чрезвычайно рѣдки, а потому мы ихъ ожидали очень долго; напослѣдокъ, 15-го мая, сдѣлался крѣпкій вѣтеръ отъ сѣверозапада; на вице-адмиральскомъ кораблѣ парусы не были привязаны, а другія военныя суда, превосходившія силою «Діану», не были готовы идти въ морѣ; и хотя, по сигналамъ съ горъ, мы знали, что къ юговостоку видны были два судна, лавировавшія въ заливъ, которыя могли быть военныя, а можетъ быть и фрегаты, однако такъ какъ имъ невозможно было приблизиться къ выходу прежде ночи, а положеніе наше оправдывало всякій рискъ, то, приготовясь къ походу, и, въ

сумеркахъ привязавъ штормовые стаксели, въ половинѣ седьмаго часа вечера, при нашедшемъ тогда сильномъ шквалѣ съ дождемъ и пасмурностью, я велѣлъ отрубить канаты, и, поворотясь на шпрингѣ, пошелъ подъ штормовыми стакселями въ путь. Едва успѣли мы перемѣнить мѣсто, какъ, со стоявшаго недалеко отъ насъ судна, тотчасъ въ рупоръ дали знать на вице-адмиральскій корабль, о нашемъ вступленіи подъ паруса. Какія мѣры были приняты, чтобъ остановить насъ, мнѣ неизвѣстно. На шлюпѣ во все время была сохраняема глубокая тишина. Миновавъ всѣ суда, мы, спустясь въ проходъ, въ ту же минуту начали поднимать брамстеньги и привязывать паруса. Офицеры, гардемарины, унтеръ-офицеры и рядовые, всѣ работали до одного на марсахъ и реяхъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю, что въ два часа они успѣли, не взирая на крѣпкій вѣтеръ, дождь и на темноту ночи, привязать фокъ, гротъ-марсели и поставить ихъ; выставить брамъстеньги на мѣста, поднять брамъ-реи, и брамсели поставить; поднять на свои мѣста лисель-спирты, продѣть всѣ лисельныя снасти и изготовить лисели такъ, что еслибъ вѣтеръ позволилъ, то мы могли бы вдругъ поставить всѣ паруса. Въ десять часовъ вечера мы были въ открытомъ океанѣ. Такимъ образомъ кончилось наше задержаніе, или, лучше сказать, нашъ арестъ на мысѣ Доброй Надежды, продолжавшійся одинъ годъ и двадцать пять дней».

Намѣреніе Головнина было скорѣе удалиться къ югу, плыть въ большихъ широтахъ прямо къ востоку, и, обогнувъ Новую Голландію, не приходя на виду ея береговъ, пройти между ею и Новою Зеландіею; идти по восточную сторону Ново-Гебридскаго архипелага и, пройдя между Ново-Филиппинскими, или Каролинскими островами, править прямо къ Камчаткѣ. Разстояніе было велико, время коротко, а главнаго провіанта, сухарей, не много, такъ что онъ принужденъ былъ производить командѣ менѣе двухъ третей регламентной порціи. Но планъ его удался во всемъ, по его желанію. День и

ночь «Діана» несла всевозможные паруса. Офицеры и нижніе чины были неутомимы. Головнинъ заходилъ только на островъ Тану, одинъ изъ ново-гебридскихъ, на которомъ, со времени Кука, не бывалъ никто изъ мореплавателей, и 23-го сентября благополучно прибылъ въ Камчатку.

«Камчатка», говоритъ Головнинъ въ описаніи своего путешествія, «представляла намъ картину, какой мы еще никогда не видали, множество сопокъ и превысокихъ горъ, съ соединяющими ихъ хребтами, были покрыты снѣгомъ, и подъ ними чернѣлись вдали лѣса и равнины. Нѣкоторыя изъ вершинъ горъ походили на башни, а другія имѣли видъ ужасныхъ шатровъ, что подало поводъ острякамъ, изъ нашихъ матросовъ, сказать, что тутъ чортъ лагеремъ расположился. Мысль эта была удачна, и въ самомъ дѣлѣ я думаю, что Мильтонъ, въ своей поэмѣ: «Потерянный рай», не могъ бы лучше уподобить военный станъ сатаны, когда онъ велъ войну противъ ангеловъ, какъ еслибъ сравнилъ его съ камчатскими горами въ осеннее время».

За благополучное совершеніе многотруднаго путешествія, Головнинъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., получивъ уже прежде того, 26-го ноября 1807 года (на тридцать первомъ году отъ рожденія), орденъ св. Георгія за осьмнадцать морскихъ кампаній.

Путешествіе на «Діанѣ» описано самимъ В. М. Головнинымъ. Оно содержитъ въ себѣ разныя полезныя наставленія для мореходовъ и, сверхъ того, въ немъ заключается весьма лыбопытное описаніе мыса Доброй Надежды, въ 1808 и 1809 годахъ, описаніе острова Тану, замѣчанія объ островѣ св. Екатерины и пр.

Двѣ зимы, 1809—10 и 1810—11 годовъ, В. М. Головнинъ провелъ въ Камчаткѣ. Въ это время онъ объѣхалъ весь полуостровъ, и собралъ много любопытныхъ замѣчаній объ этомъ отдаленномъ краѣ. Замѣчанія эти заключаются въ сочиненіи его: «Двукратное зимованіе въ Камчаткѣ и плаваніе

къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки». Въ маѣ 1810 года, онъ вышелъ изъ Авачинской губы и отправился къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки, для описи, и чтобъ отвезти значительное количество хлѣба въ колоніи россійско-американской компаніи, которыя, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, должны были терпѣть большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Голодъ, свирѣпствовавшій за нѣсколько времени передъ тѣмъ, имѣлъ даже слѣдствіемъ заговоръ нѣсколькихъ промышлениковъ, которые условились убить главнаго правителя, Баранова, и, овладѣвъ однимъ изъ судовъ компаніи, отправиться на Сандвичевы острова. Къ счастью, Барановъ открылъ заговоръ и схватилъ виновныхъ. Головнинъ прибылъ въ Ново-Архангельскъ, когда еще этотъ замѣчательный человѣкъ (Барановъ) управлялъ колоніями россійско-американской компаніи. Описывая бѣдственное положеніе колоній въ то время, В. М. Головнинъ отдаетъ полную справедливость необыкновенному уму, твердости и дѣятельности Баранова. Барановъ, получивъ отъ русскаго генеральнаго консула въ Соединенныхъ Штатахъ, Дашкова, извѣстіе, что колоніямъ угрожаетъ нападеніе корсаровъ, просилъ В. М. Головнина остаться съ шлюпомъ въ Ново-Архангельскѣ до сентября, а потому «Діана» возвратилась въ Камчатку только осенью. Въ этомъ году В. М. Головнинъ произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты.

Въ 1811 году возложено было на Головнина описать южные Курильскіе острова, Шантарскіе острова и Татарскій берегъ. Въ теченіе лѣта 1811 года, онъ занимался этимъ дѣломъ, пока не постигло его несчастье — плѣнъ въ Японіи, который продолжался слишкомъ два года. Результаты помянутыхъ трудовъ онъ напечаталъ, въ 1819 году, подъ заглавіемъ: *«Сокращенныя записки флота капитанъ-лейтенанта Головнина о плаваніи его на шлюпѣ «Діана», для описи Курильскихъ островоовъ въ 1811 году»*.

Во время этой описи, остановился онъ у острова Кунашира, въ заливѣ, населенномъ японцами, и намѣревался налить

себѣ свѣжей воды и запастись дровами. Японцы были тогда озлоблены противъ русскихъ за нападенія на ихъ берега, сдѣланныя за нѣсколько лѣтъ до того командирами двухъ судовъ россійско-американской компаніи, Хвостовымъ и Давыдовымъ, безъ вѣдома нашего правительства. Они сначала опасались подобныхъ поступковъ и отъ Головнина; но въ послѣдствіи, по видимому, успокоились и обходились съ нимъ привѣтливо, пока не удалось имъ заманить Головнина въ самую крѣпость, гдѣ захватили его и бывшихъ съ нимъ на берегу мичмана Мура, штурмана Хлѣбникова и четырехъ матросовъ, связали ихъ по рукамъ и по ногамъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, и, подъ сильнымъ карауломъ, влекли несчастныхъ плѣнниковъ четыре недѣли, черезъ города и селенія, до города Хакодаде. Тамъ посадили ихъ въ небольшія клѣтки, поставленныя въ темномъ сараѣ, каждаго особо, и, черезъ семь недѣль мучительнаго заключенія, привели въ городъ Матсмай. Здѣсь положеніе ихъ нѣсколько улучшилось. Имъ оказывали состраданіе и заботились о ихъ здоровьѣ. Близость моря внушила плѣнникамъ мысль спастись бѣгствомъ. Зная трусость японцевъ, они надѣялись овладѣть однимъ изъ стоявшихъ близъ берега или лежавшихъ на берегу судовъ, и на немъ достигнуть Камчатки. Всѣ, кромѣ Мура, согласились на это отчаянное предпріятіе, которое однако не увѣнчалось успѣхомъ; на девятый день скитанія по верхамъ горъ и въ глубинахъ овраговъ, японцы ихъ окружили, и привели обратно въ тюрьму. Послѣ этого неудачнаго покушенія, японцы не отягчили однакоже участи плѣнниковъ, и не переставали оказывать имъ состраданіе и заботливость, при усиленныхъ мѣрахъ осторожности. Между тѣмъ лейтенантъ Рикордъ, вступивъ въ командованіе шлюпомъ, принялъ самыя благоразумныя мѣры, для освобожденія русскихъ, вѣроломно захваченныхъ японцами. Онъ поспѣшилъ опять въ Охотскъ, ѣздилъ въ Иркутскъ и возвратился съ новыми полномочіями; въ слѣдующемъ 1812 г., онъ пришелъ къ японскимъ берегамъ на двухъ судахъ, но не могъ вступить ни въ какіе

переговоры; наконецъ, захвативъ въ плѣнъ знаменитаго купца Такатая-Кахи, возобновилъ, въ 1813 году, при содѣйствіи этого умнаго и благороднаго японца, дѣло освобожденія, и на этотъ разъ съ желаннымъ успѣхомъ: чрезъ двадцать шесть мѣсяцевъ и двадцать шесть дней заточенія, возвращенъ былъ Головнинъ съ товарищами на «Діану», въ заливѣ Хакодаде, 1-го октября 1813 года.

Во время заключенія своего въ японской тюрьмѣ, В. М. Головнинъ выказалъ всю твердость духа своего и благородство образа мыслей. Изъ тюрьмы писалъ онъ, 12-го апрѣля 1813 года, П. И. Рикорду: «Знайте, гдѣ честь государя и польза отечества требуютъ, я тамъ жизнь мою въ копѣйку не ставлю, а потому и вы не должны щадить въ такихъ случахъ». Далѣе, ужасаясь представившейся ему мысли, что сослуживцы его, которые стараются о его освобожденіи, могутъ быть сами взяты японцами, онъ пишетъ: «Желалъ бы васъ увидѣть и обнять на «Діанѣ», или въ Европѣ, но здѣсь—Боже оборони! хочу лучше умереть самою мучительною смертью, нежели видѣть кого нибудь изъ моихъ соотечественниковъ въ подобномъ несчастіи, а не только друзей своихъ».

Описаніе японскаго плѣна, составленное Головнинымъ, было напечатано имъ въ 1816 г. Оно переведено на многіе европейскіе языки, и обратило на себя особенное вниманіе въ Англіи, гдѣ, равно какъ и во Франціи и въ Германіи, имѣло нѣсколько изданій, и, въ сокращеніи, вошло въ библіотеки для юношества, на ряду съ нѣкоторыми классическими сочиненіями.

22-го іюля 1814 года, ровно чрезъ семь лѣтъ по отбытіи своемъ, Головнинъ возвратился въ С.-Петербургъ. Въ воздаяніе за труды свои и страданія, онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга (27-го іюля 1814 г.), и получилъ пожизненный пенсіонъ, по 1,500 рублей ассигнаціями въ годъ. Въ 1816 году В. М. Головнинъ избранъ былъ въ почетные члены государственнаго адмиралтейскаго департамента, а въ

1817 году, назначенъ начальникомъ новой кругосвѣтной экспедиціи. Цѣлью этого путешествія было: 1) доставить въ Камчатку разные морскіе и военные снаряды и другія нужныя вещи, которыя, по отдаленности, невозможно или крайне затруднительно перевезти сухимъ путемъ; 2) обозрѣть колоніи россійско-американской компаніи, и изслѣдовать поступки ея служителей, въ отношеніи къ природнымъ жителямъ, и 3) опредѣлить географическое положеніе тѣхъ острововъ и мѣстъ русскихъ владѣній, которые не были доселѣ опредѣлены астрономически, и описать сѣверо-западный берегъ Америки, отъ широты 60° до широты 63°, къ которому, по причинѣ мелководія, Кукъ не могъ приблизиться. В. М. Головнинъ былъ тогда обрученъ съ дочерью тверскаго помѣщика, служившаго въ царствованіе императрицы Екатерины поручикомъ въ преображенскомъ полку, С. В. Лутковскаго, дѣвицею Евдокіею Степановною. Предпочитая исполненіе долга службы собственному счастію, онъ рѣшился отложить совершеніе брака до возвращенія, и только черезъ два года, а именно 15-го октября 1819 года, вступилъ въ союзъ, въ которомъ нашелъ отраду и утѣшеніе. «Положеніе, въ какомъ я находился во время разлуки съ невѣстой», говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», «можно легче себѣ представить, нежели описать».

26-го августа 1817 года, онъ отправился въ путь, на шлюпѣ «Камчатка»; заходилъ въ Портсмутъ, Ріо-Жанейро и обошелъ, въ январѣ 1818 года, мысъ Горнъ, гдѣ терпѣлъ сильныя бури, заходилъ въ Лиму, и въ маѣ прибылъ въ Камчатку. Здѣсь онъ нашелъ начальникомъ области — друга своего, П. И. Рикорда. Онъ говоритъ объ этомъ, въ описаніи своего путешествія: «Не могу умолчать о счастливой перемѣнѣ, послѣдовавшей въ Камчаткѣ отъ новаго преобразованія правленія ея, и отъ опредѣленія, въ начальники ея, одного изъ самыхъ справедливѣйшихъ людей, который, живя здѣсь нѣсколько лѣтъ, имѣлъ случай и способность вникнуть въ дѣла этой страны».

Изъ Камчатки Головнинъ отправился къ Беринговымъ и Алеутскимъ островамъ, приставалъ къ Кадьяку, заходилъ въ портъ Ново-Архангельскъ, къ крѣпости Россъ, въ порты Монтерей и Румянцева, къ Сандвичевымъ островамъ, Маріанскимъ и въ Манилью. Въ 1819 г. онъ заходилъ на островъ св. Елены, который служилъ въ то время мѣстомъ заточенія знаменитому узнику, на острова Азорскіе, въ Англію, и 5-го сентября прибылъ въ Кронштадтъ, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта въ 2 года и 10 дней, притомъ такъ благополучно, что въ продолженіе этого времени «Камчатка» не потеряла ни одного каната, ни якоря, ни верпа, ни мачты, ни стеньги, и даже никогда не изорвало на ней ни одного значительнаго паруса.

Описаніе путешествія на «Камчаткѣ» издано В. М. Головнинымъ въ 1822 году, въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ вторая посвящена преимущественно мореходамъ, и содержитъ въ себѣ замѣчанія, до морскаго дѣла относящіяся. Въ первой части особенно любопытны замѣчанія его о Ріо-Жанейро, Лимѣ, Кадьякѣ и Калифорніи, также описаніе Сандвичевыхъ острововъ и Манильи и очеркъ острова св. Елены, съ подробнымъ описаніемъ предосторожностей, которыя принимались тогда англичанами, чтобъ сдѣлать невозможнымъ освобожденіе ихъ плѣнника. Въ примѣчаніяхъ къ путешествію любопытно опроверженіе донесенія комитета, составленнаго американскимъ конгрессомъ, относительно русскихъ сѣверо-американскихъ колоній.

Въ 1819 году, Головнинъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1821 году, съ производствомъ въ капитанъ-командоры, былъ назначенъ помощникомъ директора морскаго кадетскаго корпуса. Вникая въ средства къ образованію морскихъ офицеровъ, онъ перевелъ съ англійскаго и напечаталъ: «*Исторію кораблекрушеній Дункена*», въ трехъ томахъ, съ разными поясненіями и замѣчаніями, и съ прибавленіемъ четвертаго тома о замѣчательныхъ кораблекрушеніяхъ, случившихся

въ русскомъ флотѣ. Въ то же время, на основаніи разныхъ иностранныхъ сочиненій и собственной долговременной опытности, онъ написалъ два сочиненія: *«Тактика военныхъ флотовъ, составленная по новой системѣ и примѣрамъ лучшихъ европейскихъ флотовъ»* и *«Искусство описывать приморскіе берега и моря, съ изъясненіемъ употребленія всѣхъ новѣйшихъ способовъ и инструментовъ»*. Сверхъ того привелъ онъ тогда же въ порядокъ замѣчанія, составленныя имъ въ продолженіе всей своей службы, которыя намѣренъ былъ издать, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о моихъ путешествіяхъ». Рукопись эта утратилась: по смерти автора, нигдѣ не могли отыскать ее. Онъ готовился приступить къ печатанію этихъ твореній, но вдругъ перенесенъ былъ на другое поприще дѣятельности, занявшее все его время и силы.

25-го апрѣля 1823 года, онъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ. Чтобъ понять важность и затруднительность этой должности, надо знать, что въ вѣдѣніи генералъ-интенданта находились тогда всѣ корабельныя постройки и береговыя зданія адмиралтейскаго вѣдомства — отъ Риги до Камчатки, за исключеніемъ только черноморскихъ портовъ. Черезъ полтора года, по вступленіи его въ эту должность, случилось ужасное наводненіе (7-го ноября 1824 г.), причинившее страшный вредъ въ С.-Петербургѣ, и вообще по берегамъ Финскаго залива. Генералъ-интенданту предстояло много трудовъ и заботъ, чтобъ исправить поврежденія, причиненныя наводненіемъ въ мѣстахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. За успѣшныя дѣйствія свои, онъ былъ пожалованъ, въ сентябрѣ 1825 года, орденомъ св. Владиміра 2-й степени.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая, началась для русскаго флота новая эпоха. Во всѣхъ адмиралтействахъ Россіи появилась невиданная дотолѣ дѣятельность. Линѣйные корабли строились въ Петербургѣ по три въ годъ, въ Архангельскѣ по два, не говоря уже о фрегатахъ и другихъ судахъ. Сверхъ постройки, надлежало заботиться о воо-

руженіи ихъ и снабженіи припасами. Головнинъ неусыпно и усердно отправлялъ многотрудную свою должность, сопряженную со строгою отвѣтственностію. Зная морскую службу во всѣхъ ея подробностяхъ, генералъ-интендантъ могъ слѣдить за всѣми исполнителями его предписаній: замѣчалъ, исправлялъ всякую ошибку, взыскивалъ за неисправность, неумолимо преслѣдовалъ злоупотребленія. Строгій къ самому себѣ, недоступный корыстолюбію, гнушавшійся пользоваться случаемъ, онъ шелъ прямою дорогою, не оглядываясь въ стороны: долгъ службы, честь и правда были его закономъ и щитомъ. На печати его вырѣзанъ былъ стихъ Жуковскаго: «за правыхъ провидѣніе»..

Въ 1826 году былъ онъ переименованъ изъ капитанъ-командоровъ въ генералъ-маіоры, а въ 1827 году, при новомъ образованіи морскаго министерства, поступили подъ его начальство, по званію генералъ-интенданта, департаменты корабластроительный, коммиссаріатскій и артиллерійскій. Съ новою должностію увеличились до чрезвычайности труды и отвѣтственность. Съ упованіемъ на Бога и государя, онъ не робѣлъ и не унывалъ, но продолжалъ службу по прежнему, по присягѣ, по совѣсти и по крайнему разумѣнію. Въ 1827 году былъ онъ назначенъ членомъ комитетовъ образованія флота и устройства управленія корабельныхъ лѣсовъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, и получилъ орденъ св. Анны первой степени; въ 1830 году тотъ же орденъ съ императорскою короною, и въ томъ же году былъ произведенъ въ вице-адмиралы.

Головнинъ былъ тогда въ полной силѣ мужества, въ той порѣ, въ которой человѣкъ, искушенный и укрѣпленный опытомъ и разсудкомъ, но еще не обезсиленный недугами и дряхлостію, можетъ быть истинно полезенъ государю и отечеству своею службою, семейству своему примѣромъ и подпорою. Еще долгіе годы благородныхъ подвиговъ обѣщала эта жизнь, и вдругъ она прекратилась. Въ іюнѣ 1831 года разразилась

въ С.-Петербургѣ холера. Почувствовавъ первые приступы, Головнинъ счелъ ихъ обыкновеннымъ припадкомъ разстройства въ желудкѣ, и принялъ домашнія средства, но болѣзнь вдругъ усилилась. Послали за врачемъ, но медицинскія пособія оказались тщетными. Болѣзнь дѣйствовала съ ужасающею силою, и чрезъ нѣсколько часовъ его не стало (30-го іюня). Тѣло его предано было землѣ на холерномъ кладбищѣ (нынѣшнемъ митрофаніевскомъ).

Кромѣ званій по флоту, Головнинъ былъ членомъ совѣта россійско-американской компаніи, учрежденнаго при правленіи этой компаніи, корреспондентомъ академіи наукъ, членомъ вольнаго экономическаго общества, вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, и почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. Именемъ его названы слѣдующія мѣста: заливъ Головнина, въ Беринговомъ проливѣ, на американскомъ берегу, по юго-западную сторону мыса Дерби, открытъ капитаномъ Хромченко въ 1821 году; проливъ Головнина, между Курильскими островами Райкоке и Матуа, гдѣ капитанъ Рикордъ проходилъ въ 1812 году; мысъ Головнина, близь мыса Лихбурна, оконечности русской Америки, и горы Головнина, на Новой Землѣ, къ востоку отъ Маточкина шара, подъ 71° широты.

В. М. Головнинъ былъ роста средняго; глаза его блистали умомъ и добродушіемъ; на устахъ играла улыбка, насмѣшливая, когда онъ говорилъ о дурачествахъ, слабостяхъ и порокахъ людей, но вообще выраженіе лица его было серіозное и строгое. Въ обращеніи былъ онъ до крайности скроменъ, избѣгалъ споровъ, никогда не возглашалъ своего мнѣнія исключительно; никогда не говорилъ о своей службѣ и подвигахъ. За то и уваженіе къ нему было искреннее и глубокое. Добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, неутомимая дѣятельность, дивная неустрашимость среди опасностей, присутствіе духа при самыхъ ужасныхъ и непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ, твердость и терпѣніе въ перенесеніи страданій, быстрота

въ соображеніи средствъ и рѣшительность въ исполненіи ихъ, и сверхъ всего этого строжайшая справедливость къ подчиненнымъ, честность и благородство души, самоотверженіе въ пользу ближняго,—все это внушало искреннее къ нему почтеніе и безпредѣльную довѣренность. На судвѣ военномъ, одно слово его, одинъ взглядъ — приводили всѣхъ въ движеніе. Ему повиновались безропотно и безпрекословно. Въ бытность его флагъ-офицеромъ вице-адмирала Макарова, на 22 году отъ рожденія, онъ уже пользовался уваженіемъ старыхъ заслуженныхъ капитановъ. Упомянемъ о двухъ случаяхъ твердости его характера. Въ плаваніи вдоль льдовъ Южнаго океана, одинъ унтеръ-офицеръ, посланный на шлюпкѣ съ какимъ-то порученіемъ, видя, что шлюпъ идетъ слишкомъ быстро, вообразилъ, что онъ погибнетъ, и началъ кричать жалобнымъ голосомъ, прося о помощи. Когда его вытащили на палубу, капитанъ Головнинъ приказалъ тутъ же наказать его, сказавъ: «Какъ ты осмѣлился думать, что я дамъ тебѣ утонуть!» Когда онъ, съ товарищами плѣна своего, ушедши изъ японской тюрьмы, нѣсколько времени блуждалъ по лѣсамъ и дебрямъ, питаясь травою; когда они видѣли предъ собою мучительную голодную смерть, или гибель отъ руки непріятельской, возникъ между ними ропотъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ убить Головнина, какъ единственнаго виновника ихъ несчастія, а потомъ сдаться японцамъ. Головнинъ догадался о ихъ замыслѣ, и когда они готовились привести его въ исполненіе, твердо сталъ предъ ними, съ единственною своею защитою, ржавымъ гвоздемъ, и, раскрывъ грудь свою, сказалъ спокойно: «Я вашъ капитанъ, а вы покушаетесь на мою жизнь. Мнѣ не совладать съ вами: убейте меня, если хотите согрѣшить предъ Богомъ и государемъ». Несчастные вмигъ опомнились и бросились къ его ногамъ, заливаясь слезами, съ восклицаніемъ: «Ваше высокоблагородіе! батюшка, Василій Михайловичъ, виноваты! прости насъ, умремъ съ тобою!»

По возвращеніи изъ японскаго плѣна, В. М. Головнинъ

назначилъ, изъ собственнаго незначительнаго состоянія, единовременныя пособія всѣмъ бывшимъ съ нимъ въ плѣну матросамъ, а одному изъ нихъ производилъ пенсію до конца жизни.

И этотъ человѣкъ, твердый и строгій въ исполненіи своего долга, неустрашимый среди величайшихъ опасностей — былъ въ обыкновенной жизни кротокъ и скроменъ, вѣрный другъ, добрый мужъ, нѣжный отецъ. Имя Головнина, конечно, не умретъ въ русскомъ флотѣ.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ

БИСТРОМЪ

(1770—1838).

Есть имена, сдѣлавшіяся народными, заставляющія вспоминать рядъ поступковъ и дѣлъ доблестныхъ, оставляющихъ по себѣ пріятное впечатлѣніе. Такія имена принадлежатъ людямъ, память которыхъ живетъ въ сердцѣ народа. Къ числу такихъ именъ надобно отнести, безспорно, имя безстрашнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣжно любимаго русскимъ солдатомъ, генерала *Бистрома*, котораго русское воинство перекрестило *Быстровымъ*. Подъ этимъ именемъ, преимущественно, извѣстенъ онъ былъ въ гвардіи и въ арміи, въ задушевныхъ казарменныхъ бесѣдахъ. Солдатъ-писатель И. Н. Скобелевъ справедливо сказалъ о немъ, что онъ былъ *полный генералъ и полный русскій солдатъ*.

Карлъ Ивановичъ Бистромъ родился 1-го мая 1770 года. Онъ происходилъ отъ одной изъ древнихъ остзейскихъ дворянскихъ фамилій, ведущей свое начало отъ рыцарей Тевтонскаго ордена. Отецъ Карла Ивановича былъ полковникомъ русской службы, и долго находился комендантомъ въ городѣ Могилевѣ, гдѣ пользовался общею къ нему любовію. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, Карлъ Ивановичъ Бистромъ, по

обычаю того времени, записанъ былъ на службу, въ 1784 году, въ гвардейскій измайловскій полкъ капраломъ. Тягостна была первоначальная его служба, и нельзя сравнивать ее съ сержантскою службою и жизнію большей части русскихъ дворянъ того времени, которые, считаясь въ гвардіи сержантами, спокойно и весело жили въ своихъ помѣстьяхъ. Молодой Бистромъ, не имѣвшій ни богатства, ни протекціи, проходилъ всѣ низшія званія: сначала былъ капраломъ, потомъ былъ фуріеромъ, каптенармусомъ и наконецъ, въ 1787 году, произведенъ былъ въ сержанты. Изъ сержантовъ гвардіи, по желанію своему, переведенъ онъ былъ капитаномъ въ армію, въ невскій мушкатерскій полкъ, квартировавшій тогда въ Финляндіи. Въ войнѣ противъ шведовъ, открывшейся въ 1788 году, Карлъ Ивановичъ находился во всѣхъ дѣйствительныхъ сраженіяхъ. Финляндія была первоначальнымъ поприщемъ его службы, которую онъ тамъ долго ревностно и усердно несъ. Въ 1796 году переведенъ былъ въ 1-й егерскій полкъ, также въ Финляндіи расположенный, а въ 1798 году произведенъ былъ въ маіоры. Въ это время императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ прислать въ С.-Петербургъ, отъ всѣхъ войскъ, по одному отъ полка штабъ и оберъ-офицеру, для построенія на нихъ, по новому образцу, мундировъ, столь извѣстныхъ подъ названіемъ *павловской формы*. Въ эту командировку отъ своего полка назначенъ былъ Бистромъ, только-что произведенный тогда въ маіоры. Представленный императору Павлу I, онъ имѣлъ счастіе обратить на себя его вниманіе, и съ того времени пользовался милостивымъ расположеніемъ императора, который назначилъ Карла Ивановича, въ чинѣ маіора, командиромъ 1-го егерскаго полка, что было доказательствомъ особеннаго вниманія къ его службѣ, потому что командирами полковъ назначали не ранѣе какъ въ полковничьемъ чинѣ. Въ 1800 году, Бистромъ получилъ чинъ подполковника, а при сформированіи, въ 1803 году, 20-го егерскаго полка, назначенъ былъ командиромъ его.

Съ этимъ полкомъ Карлъ Ивановичъ, въ чинѣ полковника (въ который произведенъ былъ въ 1805 году), участвовалъ въ кампаніяхъ въ 1805, 1806 и 1807 годовъ, и находился во всѣхъ сраженіяхъ. Эти сраженія онъ могъ считать числомъ ранъ своихъ: «Вражескія пули обратили Карла Ивановича заживо въ рѣшето, но это не мѣшало ему быть молодцомъ, въ полномъ смыслѣ слова» *). Особенно отличился онъ въ кампаніяхъ 1806 и 1807 годовъ, и былъ удостоенъ, за дѣло при деревнѣ Черновой, награды орденомъ св. Георгія 4-го класса. Этотъ знакъ отличія, храбраго изъ храбрыхъ, былъ первымъ его орденомъ. Съ тѣхъ поръ Бистромъ пріобрѣлъ извѣстность и сталъ на ряду храбрѣйшихъ полковыхъ командировъ. Въ сраженіи подъ Пултускомъ, вслѣдъ за тѣмъ происходившимъ, Бистромъ раненъ былъ въ лѣвую ногу пулею навылетъ, и на самомъ полѣ сраженія получилъ, изъ рукъ прусскаго короля, орденъ за заслуги (pour le mérite) Въ 1807 году Бистромъ отличился въ кровопролитномъ, генеральномъ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ былъ раненъ въ лѣвое плечо пулею навылетъ, и награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «за храбрость», а за дѣла, бывшія при деревняхъ Цехерѣ, Петерсвальдѣ, Альткирхенѣ и при рѣкѣ Пассаржѣ, пожалованъ былъ ему орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ сраженіи при Гутштатѣ, 28-го мая того же года, Карлъ Ивановичъ, съ ввѣреннымъ ему полкомъ, находясь въ аррьергардѣ арміи, прикрывалъ отступленіе русскихъ войскъ въ продолженіе четырнадцати часовъ, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ. Когда французы, на правомъ нашемъ флангѣ, переправили черезъ рѣку Алле значительную часть пѣхоты, Бистромъ, съ командуемымъ имъ 20-мъ егерскимъ полкомъ, ударилъ на нее, такъ что непріятель, не будучи въ состояніи выдержать его нападенія, отступилъ, а за нимъ послѣдовали и всѣ его стрѣлки, бывшіе на этой сто-

*) Смотри «Бесѣды Русскаго Инвалида», соч. И. Н. Скобелева.

ронѣ рѣки; послѣ чего непріятель уже не безпокоилъ нашего арріергарда. Въ этомъ дѣлѣ Бистромъ былъ раненъ въ правую щеку пулею навылетъ, съ поврежденіемъ челюсти. Слѣдствія этой раны, кромѣ наружнаго знака, остались на всю жизнь замѣтны въ его выговорѣ, который придавалъ разговору Карла Ивановича какую-то особенную оригинальность. Императоръ Александръ I неоднократно навѣщалъ раненаго Бистрома и часто кормилъ его буліономъ изъ собственныхъ рукъ своихъ *). О такомъ нѣжномъ участіи императора Александра I, Карлъ Ивановичъ вспоминалъ всегда со слезами. Въ 1807 году Бистромъ былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ, а въ 1809 году назначенъ былъ командиромъ этого удалаго полка, съ славою котораго тѣсно связано имя Карла Ивановича Бистрома.

Насталъ достопамятный 1812 годъ, и Бистрому открылось поприще къ новымъ подвигамъ. Въ продолженіе отечественной войны, Карлъ Ивановичъ находился, съ ввѣреннымъ ему полкомъ, въ жаркихъ сраженіяхъ 5-го и 6-го августа, подъ Смоленскомъ, а 26-го августа онъ первый началъ съ полкомъ своимъ знаменитое бородинское побоище. Французы открыли сраженіе нападеніемъ на село Бородино, занятое лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ. Храбрые егеря, воспламененные геройскимъ духомъ своего начальника, мужественно выдержали сильный натискъ превосходнѣйшаго числомъ непріятеля. Въ этомъ дѣлѣ подъ Карломъ Ивановичемъ была убита лошадь; онъ пересѣлъ на другую, предложенную ему баталіоннымъ лекаремъ, и продолжалъ упорную защиту. Натиски французской пѣхоты заставили наконецъ Бистрома отступить за р. Колочу. Ободренный непріятель бросился преслѣдовать гвардейскихъ егерей и перешелъ мостъ

*) Отверстіе, сдѣланное пулею въ щекѣ Карла Ивановича, было такъ велико, и рана столь мучительна, что Карлъ Ивановичъ, лишенный при этомъ случаѣ большей части зубовъ, не могъ употреблять другой пищи, кромѣ буліона, да и то вливаемаго въ ротъ сквозь тонкую серебряную трубочку, пока не закрылась рана.

на Колочѣ; но Бистромъ, замѣтивъ, что французы дѣйствуютъ слишкомъ отважно, бросился на нихъ съ своими лейбъ-егерями, и, при помощи 19-го и 40-го егерскихъ полковъ, присоединившихся къ нимъ, совершенно разбилъ французовъ на этомъ пунктѣ. «Кто видѣлъ Бистрома, съ храбрымъ лейбъ-гвардейскимъ егерскимъ полкомъ, оборонявшаго мостъ въ бородинской битвѣ (говоритъ П. Н. Скобелевъ), тотъ, при желаніи воспламенить душу и приподнять духъ солдатъ, не будетъ прибѣгать къ рыцарскимъ временамъ и не станетъ искать въ сѣдой старинѣ для личной храбрости лучшаго примѣра. Напрасный трудъ! Бывали равные; но лучшимъ быть нельзя. Бистромъ показалъ въ себѣ все, что можетъ кисть генія выискать, нарисовать и представить, въ похвалу высокой души вѣрнаго царю воина, съ рѣшительнымъ презрѣніемъ собственной жизни, но съ нѣжною любовію сына, защищающаго каждый шагъ родной ему земли, и вмѣстѣ съ лютостію тигра, мстящаго за оскорбленную честь милаго отечества».

Много пало храбрыхъ на поляхъ бородинскихъ; значителенъ былъ уронъ, понесенный войсками русскими; но провидѣніе и въ этой кровопролитной битвѣ хранило Бистрома для дальнѣйшихъ подвиговъ. За отличіе, оказанное имъ въ бородинскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Знаменитыя битвы подъ Малоярославцемъ, подъ Краснымъ, ознаменовались геройскими подвигами Бистрома, который завладѣлъ маршальскимъ жезломъ и взялъ въ плѣнъ много плѣнныхъ, съ пушками и знаменами. Въ послѣдствіи Бистромъ отличился подъ Люценомъ, Бауценомъ, и въ знаменитомъ кульмскомъ бою, командуя своимъ славнымъ полкомъ. Подъ Лейпцигомъ, Бистромъ начальствовалъ цѣлымъ отрядомъ столь блистательно, что императоръ Александръ I, пригласивъ его послѣ сраженія къ своему столу, провозгласилъ тостъ за здоровье *храбраго генерала Бистрома.*

Въ 1814 году, переправясь вмѣстѣ съ войсками черезъ

Рейнъ, генералъ Бистромъ участвовалъ въ сраженіи при взятіи Парижа, и въ томъ же году, по заключеніи всеобщаго мира, возвратился съ ввѣреннымъ ему полкомъ въ С.-Петербургъ.

Старожилы петербургскіе помнятъ торжественное вшествіе въ сѣверную столицу побѣдоносной русской гвардіи: празднества въ честь побѣдителей смѣнялись одно другимъ. Вся Россія ликовала въ это время, прославляя имя обожаемаго ею монарха и храбрыхъ его сподвижниковъ. Слава Россіи наполняла предѣлы міра! Послѣ военныхъ треволненій, отрадно было воинамъ отдохнуть въ умиренной Россіи. Объ этой славной эпохѣ нашего отечества, Карлъ Ивановичъ часто вспоминалъ съ восторгомъ героя, игравшаго не послѣднюю роль въ спасеніи отечества.

Въ 1821 году генералъ Бистромъ назначенъ былъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а въ 1825 году сдѣланъ командующимъ всею пѣхотою отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Ему первому присвоено было это званіе. Эта милость замѣчательна особенно по тому лестному вниманію, которымъ императоръ Александръ I, при настоящемъ случаѣ, почтилъ заслуги воина.

Въ одинъ день Карлъ Ивановичъ извѣщенъ былъ о пріѣздѣ къ нему великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, бывшихъ въ то время бригадными командирами. Не успѣлъ Карлъ Ивановичъ выдти на встрѣчу имъ, какъ квартира его наполнилась съѣхавшимися къ нему генералами и офицерами всей гвардейской пѣхоты. Великіе князья подали Бистрому почетные рапорты, и вручили высочайшій приказъ, о назначеніи его командующимъ гвардейскою пѣхотою. Когда Карлъ Ивановичъ, со слезами на глазахъ, благодарилъ императора Александра Павловича за такую милость, государь, взявъ его за руку, сказалъ: «Карлъ Ивановичъ! Я долго испытывалъ тебя, и убѣдился наконецъ, что смѣло могу поручить подъ твое начальство моихъ братьевъ!» Великіе князья, находясь подъ начальствомъ Бистрома, имѣли случай ближе

узнать его, и достойнымъ образомъ оцѣнить заслуги и возвышенный характеръ души его. Привязанность и лестное вниманіе августѣйшихъ подчиненныхъ, къ бывшему ихъ начальнику, продолжались до его кончины.

Въ томъ же 1825 году, 20-го декабря, Бистромъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ къ императору Николаю Павловичу.

Въ 1828 году открылась война противъ Турціи. Гвардія выступила въ походъ къ берегамъ Дуная, и въ исходѣ августа того же года прибыла къ осажденной крѣпости Варнѣ. Гвардейскому корпусу предоставлена была слава участвовать въ осадѣ этой крѣпости, которую защищали около 22,000 человѣкъ гарнизона и вооруженныхъ жителей. И здѣсь Бистромъ, съ своими гвардейцами, явилъ примѣры необыкновеннаго мужества, которые вошли на страницы исторіи нашего отечества.

По возвращеніи, въ 1829 году, гвардіи въ С.-Петербургъ, здоровье Карла Ивановича, разстроенное отъ полученныхъ имъ ранъ и походовъ, требовало постояннаго леченія въ благопріятнѣйшемъ климатѣ. Просьба его была уважена, и ветеранъ былъ уволенъ за границу, куда и отправился въ началѣ весны 1830 года.

Пользуясь въ Германіи цѣлебными водами, генералъ Бистромъ получилъ извѣстіе о возмущеніи поляковъ и о выступленіи гвардіи въ походъ. Могъ ли посѣдѣлый въ бранихъ герой оставаться празднымъ зрителемъ въ то время, когда всѣ шли на войну? Карлъ Ивановичъ, забывъ раны и недуги свои, снова явился на полѣ брани. Польская кампанія увѣнчала блистательнымъ образомъ его военное поприще. Въ продолженіе этой кампаніи, начальствуя, по большой части, отдѣльными значительными отрядами, генералъ Бистромъ имѣлъ частые случаи показать свои воинскія познанія, пріобрѣтенныя долговременною опытностію. Въ то время, когда генералъ Бистромъ находился съ отрядомъ своимъ въ мѣстечкѣ Пурѣ, въ

войскахъ оказались признаки холеры—болѣзни, по тогдашнему общему мнѣнію, заразительной. Генералъ Бистромъ показалъ и при этомъ случаѣ примѣрное самоотверженіе. Въ первый день Пасхи, часу въ пятомъ утра, по возвращеніи Карла Ивановича отъ заутрени, весь штабъ генерала христосовался съ нимъ и разговлялся у него. Въ тотъ же день, изъ числа присутствовавшихъ на завтракѣ, подполковникъ Колпаковъ заболѣлъ холерой, и въ семь часовъ вечера того же дня сдѣлался первою жертвою этой ужасной болѣзни. Вмѣстѣ съ Колпаковымъ, въ одной комнатѣ, жили старшій адъютантъ штаба гвардейской пѣхоты Степановъ и врачъ Слонецкій-Михайловскій, который и пользовалъ больнаго. Имѣя втроемъ общее хозяйство, Степановъ и Михайловскій ходили за больнымъ и давали ему лекарства. По тогдашнему общему мнѣнію о неизбѣжной заразительности холеры, Степановъ, тотчасъ по смерти Колпакова, не рѣшаясь самъ явиться къ Бистрому, послалъ доложить ему о смерти товарища и съ тѣмъ вмѣстѣ испросить разрѣшеніе, какъ поступить ему съ бумагами, приготовленными къ докладу. Бистромъ, всегда презирая опасностями, приказалъ ему придти немедленно съ докладомъ самому. Вотъ и другой случай. Когда холера усилилась въ гвардейскихъ войскахъ, Карлъ Ивановичъ поручилъ медику Михайловскому устроить въ Остроленкѣ особое холерное отдѣленіе и имъ завѣдывать. Врачъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, исполнилъ порученіе, и когда, по прибытіи генерала Бистрома въ Остроленку, явился къ нему съ нѣкоторыми предосторожностями, то Карлъ Ивановичъ, не думая ни о какихъ предосторожностяхъ, обнялъ его, благодарилъ за исполненіе опаснаго порученія и вслѣдъ затѣмъ лично посѣтилъ холерное отдѣленіе.

Карлъ Ивановичъ Бистромъ, во время остроленскаго боя, съ своимъ штабомъ, стоялъ насупротивъ самаго моста, на углу улицы, ведущей къ нему съ площади, подъ сильными непріятельскими выстрѣлами. Не думая о личной безопасности, онъ съ примѣрнымъ хладнокровіемъ дѣлалъ распоря-

женія, и, какъ будто на маневрахъ, свободно двигалъ войсками.

Между тѣмъ поляки, дѣйствуя изъ орудій по нашимъ войскамъ, не переставали стрѣлять ядрами и гранатами по городу, стараясь наносить вредъ войскамъ, находившимся на площади и переходившимъ по мосту. Осколкомъ одной изъ гранатъ генералъ Бистромъ контуженъ былъ въ бедро правой ноги. На лицѣ его промелькнуло, какъ разсказываетъ очевидецъ, чувство боли, но мгновенно, и онъ принялъ снова спокойный видъ. Знавшіе коротко Карла Ивановича не довѣряли этому легкому движенію лица и бросились за врачемъ, который тотчасъ поспѣшилъ на помощь Карлу Ивановичу; но въ это время черепица, сорванная съ крыши, раздробила стклянку съ примочкою, въ рукахъ медика, ранивъ слегка руку его стекломъ. Видно сама судьба, спасавшая въ этотъ день дивнымъ образомъ жизнь Бистрома, не хотѣла развлекать его мыслей. Не взирая на контузію, Бистромъ, не сходя съ лошади, продолжалъ командовать войсками до совершеннаго окончанія боя. Когда медикъ просилъ позволенія осмотрѣть контуженное мѣсто, Карлъ Ивановичъ сказалъ ему: «Убирайся отсюда, чтобъ тебя почище моего не оконтузило! Лучше пособи вотъ этому раненому старику», прибавилъ Карлъ Ивановичъ, указывая на лежавшаго вблизи солдата съ окровавленною правою рукою. Забывая свои страданія, неустрашимый *отецъ-командиръ*, какъ звали его солдаты, заботился о поданіи помощи послѣднему изъ подчиненныхъ. Когда врачъ, по приказанію Бистрома, сдѣлалъ нужную операцію надъ этимъ раненымъ, то послѣдній спросилъ у него: «Ваше высокоблагородіе! Буду ли я владѣть рукою?» — «Будешь, любезный другъ», отвѣчалъ врачъ. — «Слава тебѣ, Господи!» воскликнулъ радостно солдатъ, — «у меня останется цѣла правая рука, чтобъ ею креститься за батюшку-царя и за нашего генерала *Быстрова*, и ею же бить непріятелей!»

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1832 года, гвардія возвратилась въ С.-Петербургъ. Провидѣніе какъ бы нарочно поддерживало въ военное время разстроенное здоровье Карла Ивановича; съ возвращеніемъ же его къ мирной жизни, болѣзненные припадки возобновились съ новою силою. Это побудило Карла Ивановича проситься снова за границу, для излеченія болѣзни. Въ маѣ мѣсяцѣ того же 1832 года, онъ отправился въ дозволенный ему отпускъ.

Этотъ незабвенный начальникъ, по своимъ воинскимъ дарованіямъ, быстротѣ соображеній, предпріимчивости, храбрости и другимъ доблестямъ, имѣетъ полное право стоять на ряду съ лучшими нашими авангардными генералами. Бистромъ вполнѣ постигнулъ характеръ русскаго солдата, и, владѣя этимъ талисманомъ, совершалъ блистательные подвиги съ своими чудо-богатырями. «При грозномъ имени Бистрома», говоритъ И. Н. Скобелевъ своимъ солдатскимъ языкомъ, «мурашки ползали по кожѣ бусурмана, и какъ листъ на деревѣ трепеталъ врагъ заморскій. Обожая искренно все, что душѣ христіанина свято и сердцу вѣрноподданнаго мило, онъ пламенно любилъ мать нашу — Русь святую; болѣе 50-ти лѣтъ украшалъ собою ряды наши; зналъ языкъ солдатскій, умѣлъ оцѣнить, одобрить, и гранитною, молодецкою грудью двинуть насъ къ славѣ, къ побѣдамъ и къ смерти!»

Дѣйствительно, Бистромъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, изучилъ характеръ русскій, разгадалъ сердце солдатское; умѣлъ заслужить безпредѣльную къ себѣ довѣренность подчиненныхъ и пользоваться общею любовью. Въ обращеніи съ солдатами, онъ, не подражая никому, имѣлъ свою собственную методу. Можно сказать, что Карлъ Ивановичъ былъ кумиромъ солдатъ. Впрочемъ, надобно отдать справедливость и русскимъ солдатамъ: въ искусствѣ вѣрно оцѣнивать своихъ начальниковъ, съ ними никто не можетъ сравниться. Въ этомъ отношеніи ихъ мнѣніе — приговоръ потомства.

Бистромъ понынѣ служитъ предметомъ разговора русскихъ

солдатъ; они разсказываютъ о немъ разные анекдоты, изъ которыхъ многіе ими же самими выдуманы, и поютъ пѣсни про любимаго своего героя *Быстрова.*

Вотъ какъ изображаетъ Бистрома русскій инвалидъ Кремневъ, описывая бородинское сраженіе, въ письмѣ къ старому товарищу своему: «Въ гвардейскомъ корпусѣ», говоритъ онъ, «есть полковникъ *Быстрый,* дѣтина какъ будто на заказъ сдѣланъ; онъ съ егерями у Бородина защищалъ мостъ; я нарочно ходилъ взглянуть на него; ну, сущій, братъ, орелъ! А натура-то у него, кажись, львиная; въ сраженіи, говорятъ, ужасъ какъ страшенъ; землю, слышь, такъ дёромъ и деретъ, лишь завидитъ нехриста; волосы всклочены, какъ овинъ; нарочно не стрижется и не чешется; глаза, какъ казацкая пика, и у кого, знать, душонка-то пуховая, насквозь такъ и лѣзутъ; грудь широкая — а въ плечахъ! ни дать, ни взять — Илья Муромецъ! — «Въ штыки!» — заревѣлъ вишь онъ, какъ французы вскочили на мостъ, и пошла потѣха. Одинъ егерь немного пріотсталъ; *Быстрый* тотчасъ хватилъ его на руки и какъ молнія бросился впередъ. — «Вотъ твое мѣсто! Бей и коли встрѣчнаго и поперечнаго», сказалъ онъ, поставя егеря къ французскому носу. Егерь пріосанился, пріободрился, и французскій носъ на семъ свѣтѣ табаку уже болѣе не нюхалъ!»

Бистромъ имѣлъ рѣдкій даръ воспламенять солдатъ къ геройскимъ подвигамъ. Во время послѣдней турецкой войны, отрядъ, расположенный на южной сторонѣ Варны, послѣ понесеннаго лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ пораженія, упалъ духомъ, и потерялъ надежду устоять противу многочисленныхъ полчищъ турковъ. Генералъ Бистромъ, прибывъ къ этому отряду, успѣлъ, въ теченіе пяти сутокъ, передать ему свою непоколебимую твердость и мужество, которыя одни могли выдержать столь неровный бой съ многочисленнымъ и ободреннымъ успѣхомъ непріятелемъ. Воины малочисленнаго русскаго отряда, расположеннаго на южной сторонѣ Варны, окружен-

ные со всѣхъ сторонъ турками, сидѣли, вечеромъ 15-го сентября, вокругъ бивачныхъ огней, съ унылымъ духомъ. «Плохо, братцы, будетъ намъ», сказалъ одинъ изъ солдатъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, «подмоги не даютъ намъ, а басурманы вчетверо насъ сильнѣе и крѣпко хорохорятся: того и гляди, карачуна намъ дадутъ и искрошатъ словно артельную капусту». — «Съ умомъ ли ты», — возразилъ одинъ старый усатый гренадеръ, — «а *Быстровъ*-то на что? Да съ нимъ, братъ, и на днѣ моря не сгибнешь; и хотя-бъ ихъ было по десятку на всякаго нашего — все трынъ трава! Гляди, вишь какимъ богатыремъ расхаживаетъ!» — продолжалъ ветеранъ, указывая на Бистрома, — «стало быть, намъ не о чемъ сомнѣваться». — «Оно такъ», — отвѣчалъ первый изъ нихъ, почесывая затылокъ, — «а все-таки было бы покуражнѣе, когда на подмогу прислали бы хоть еще одинъ полкъ». — «Экой ты безтолковый!» — сказалъ стоявшій вблизи гренадеръ, — «заладилъ одно: давай ему подмогу; а зачѣмъ тебѣ подмога? Да въ *Быстровѣ* то одномъ сидитъ пять тысячъ войска — вотъ тебѣ и подмога». Въ это время генералъ Бистромъ, прохаживаясь по бивакамъ и какъ бы предугадывая предметъ разговора солдатъ, подошелъ къ той самой кучкѣ, среди которой происходилъ описанный разговоръ... «Здорово молодцы, храбрые гренадеры!» — «Здравія желаемъ, ваше превосходительство!» съ восторгомъ гаркнули солдаты, на привѣтъ любимаго начальника. «Ужинали ли вы сегодня?» — спросилъ Карлъ Ивановичъ. — «Никакъ нѣтъ-съ», — отвѣчали солдаты. — «Такъ ступайте же, выпейте по крышкѣ водки *); закусите сухарями, чтобъ за ушами затрещало, и поѣшьте каши. А тамъ, съ Божіей помощію, примемся и за работу; зададимъ басурманамъ славнаго трезвона, чтобъ они своихъ не узнали. Гдѣ имъ бѣлосухарникамъ устоять противъ русскаго православнаго солдата, вскормленнаго ржанымъ артельнымъ хлѣ-

*) Во время похода, винная порція отпускается солдатамъ манерною крышкою.

бомъ и вспоеннаго ротнымъ квасомъ!» — сказалъ Карлъ Ивановичъ. — «Точно такъ, ваше превосходительство. Ради стараться!» — отвѣчали единогласно солдаты, готовые уже, по одному слову *отца-молодца*, броситься на враговъ, не думая болѣе о числѣ ихъ. — «Ты такъ и глядишь, чтобъ заколоть трехъ турковъ», молвилъ Карлъ Ивановичъ, обращаясь, какъ бы нарочно, къ тому самому солдату, который предсказывалъ бѣду своимъ товарищамъ. — «Больше заколю, ваше превосходительство, и не пикнутъ», — отвѣчалъ солдатъ, вытянувшись въ струнку. — «Молодецъ!» — сказалъ Карлъ Ивановичъ, потрепавъ его по плечу. — «Русскому солдату стыдно идти на одного турка. Давай ему полдюжины на брата, такъ есть надъ чѣмъ поработать съ штыкомъ. Впрочемъ, мы должны, ребята, оправдать довѣренность, сдѣланную намъ государемъ, и развѣ по мертвымъ тѣламъ нашимъ пройдутъ турки въ Варну. Я просилъ государя», — продолжалъ Карлъ Ивановичъ, — «дать мнѣ первый баталіонъ лейбъ-гренадеровъ, а съ ними я отстою Варну. Слышите ли, ребята? не ударьте же лицомъ въ грязь!» — «Благодаримъ покорно! Ради стараться!» — отвѣчали солдаты, восхищенные словами героя. Бистромъ, одушевивъ воиновъ, немедленно возвратился въ свой редутъ. Солдаты пошли ужинать, выпили отъ души за здоровье своего *отца-командира* и возвратились на свои бивaки. Скоро все смолкло. Костры погасли, и всѣ уснули глубокимъ сномъ.

На другой день, Омеръ-Вріоне сдѣлалъ нападеніе на отрядъ генерала Бистрома, и первый баталіонъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка оказалъ чудеса храбрости, а рядовой Синюгинъ (о которомъ сказано выше) оправдалъ на дѣлѣ слова свои, дѣйствительно заколовъ пять турковъ. Подвигъ этотъ былъ тогда же описанъ, въ донесеніи генерала Бистрома великому князю Михаилу Павловичу. Синюгинъ въ бою закололъ трехъ человѣкъ; потомъ, когда непріятель былъ опрокинутъ и обратился въ бѣгство, Синюгинъ, преслѣдуя его съ баталіономъ, догналъ и положилъ на мѣстѣ еще двухъ, при

взводномъ командирѣ, подпоручикѣ баронѣ Врангелѣ, а затѣмъ, получивъ рану въ ногу, принужденъ былъ отстать отъ баталіона, имѣя на себѣ прострѣленную въ осьми мѣстахъ шинель. Знакъ отличія военнаго ордена былъ наградою Синюгину за его храбрость. Когда генералъ Бистромъ, подойдя, послѣ сраженія 16-го сентября, къ бивaку перваго баталіона лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка и, поблагодаривъ солдатъ за оказанный ими храбрый подвигъ, вступилъ съ нижними чинами въ разговоръ, то между прочимъ сказалъ: «Я вамъ говорилъ, ребята, вчера, что туркамъ не устоять противъ такихъ молодцевъ, какъ вы; вы такъ давича сцѣпились съ ними, что я хотѣлъ водой васъ разливать: только наша взяла; гдѣ имъ озорникамъ драться съ вами?» — «Ей богу озорники, ваше превосходительство!» — воскликнулъ одинъ изъ солдатъ, высунувшись изъ толпы. — «Подойди сюда, молодецъ», сказалъ Карлъ Ивановичъ, и поцѣловалъ этого солдата. «Смотри же проучи ихъ хорошенько въ первомъ дѣлѣ», продолжалъ Бистромъ. — «Не положу охулку на руку, ваше превосходительство, полдюжины уберу». — 18-го сентября, этотъ самый рядовой Иванъ Гавриловъ, во время аттаки непріятельскаго редута, закололъ двухъ человѣкъ, но и самъ получилъ двѣ тяжелыя раны. Когда его понесли къ перевязочному мѣсту, онъ былъ не утѣшенъ. «Это непочемъ, братцы», говорилъ онъ несшимъ его товарищамъ, «до свадьбы заживетъ; а вотъ горе: обѣщалъ *Быстрову* заколоть шестерыхъ турковъ, а угомонилъ только двухъ».

Если Бистромъ, въ сраженіи подъ Бородиномъ, по словамъ И. Н. Скобелева, служилъ примѣромъ личной храбрости; то подъ Остроленкою, гдѣ былъ ввѣренъ ему не одинъ полкъ, но авангардъ цѣлой арміи, и гдѣ отъ успѣха дѣла зависѣла участь кампаніи и оправданіе довѣренности, сдѣланной ему этимъ важнымъ порученіемъ, — его хладнокровіе, распорядительность и неустрашимость не уступали его мужеству. «Армейскіе гренадеры», говоритъ очевидецъ остроленскаго сра-

женія, «невидавшіе прежде Бистрома, при первомъ взглядѣ на прославленнаго героя, одушевились и забыли усталость послѣ изнурительнаго перехода. Напрасно надъ ихъ головами летали гранаты, напрасно съ оглушающимъ трескомъ рвали онѣ черепицу на кровляхъ домовъ и засыпали осколками площадь, занятую войсками,—гренадеры какъ будто ничего не слышали и не видѣли: они хладнокровно равнялись какъ на ученьѣ,—четвертый впередъ! пятый назадъ! Ряды взять вѣрнѣе въ косу! командовали офицеры, и все шло своимъ порядкомъ, безъ упущенія и послѣдней мелочи. Пріятно было видѣть на лицѣ каждаго солдата слѣпую довѣренность къ мужеству начальника; цѣлый строй, казалось, говорилъ глазами: «съ нимъ пойдемъ, куда угодно».

Бистромъ, во время остроленскаго сраженія, осыпаемый ядрами и осколками гранатъ, распоряжался съ рѣдкимъ хладнокровіемъ, не думая о личной опасности. Онъ разсылалъ адъютантовъ, направлялъ войска въ тѣ мѣста, куда они предназначены, предупреждалъ малѣйшіе замыслы непріятеля; словомъ, походилъ болѣе на человѣка, спокойно сидящаго въ креслахъ, надъ планомъ давно минувшаго сраженія, нежели на полководца, двигавшаго по своему мановенію тысячами жизней, ввѣренныхъ его мужеству и опытности. Исчислять примѣры храбрости, хладнокровія и неустрашимости Карла Ивановича, значило бы описывать вновь всѣ сраженія, въ которыхъ онъ участвовалъ. Приведемъ здѣсь случай, изъ жизни Карла Ивановича, доказывающій необыкновенное присутствіе его духа. Во время командованія въ Финляндіи полкомъ, Карлъ Ивановичъ узналъ, что одна изъ ротъ ввѣреннаго ему полка, оставивъ своихъ офицеровъ, выступила въ полной амуниціи съ ружьями къ Швеціи, близъ границъ которой квартировала, въ намѣреніи передаться шведамъ. Онъ сѣлъ на лошадь и, обскакавъ роту стороной близъ границы, нагрянулъ на нее, какъ снѣгъ на голову. Это было въ началѣ царствованія императора Павла I. Дѣло важное, неслыханное въ рус-

ской арміи! Кто бы на мѣстѣ Карла Ивановича, при столь затруднительномъ случаѣ, не былъ приведенъ въ смятеніе? Но неустрашимый Бистромъ, забывъ опасность своего положенія, смѣло подъѣхалъ къ ротѣ и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «стой!» Рота остановилась. «Во фронтъ!» скомандовалъ Карлъ Ивановичъ и рота исполнила приказаніе. «Заряжай ружье боевымъ патрономъ!» продолжаетъ командовать неустрашимый Бистромъ—и рота повинуется его приказанію. «Ребята!» сказалъ Карлъ Ивановичъ, ставъ передъ ротою и, такъ сказать, заградивъ собою дорогу въ Швецію,— «вы хотѣли уйти къ шведамъ, измѣнить присягѣ; вы хотѣли посрамить имя русскаго солдата, постыднымъ бѣгствомъ къ непріятелю; хотѣли оставить вашихъ начальниковъ. Я даю вамъ случай избавиться отъ меня. Стрѣляйте!» закричалъ Карлъ Ивановичъ, указывая на обнаженную грудь свою, «и тогда дѣлайте, что хотите; живой же не допущу васъ до такого срама!» Неустрашимость Карла Ивановича поразила сердца солдатъ, вовлеченныхъ въ безумное предпріятіе обманомъ нѣсколькихъ негодяевъ, хотѣвшихъ избѣгнуть справедливаго съ нихъ взысканія, по службѣ, отъ ихъ ротнаго командира. Слова Карла Ивановича пробудили совѣсть въ преступныхъ. «Отецъ! прости насъ!» закричали единогласно солдаты, «вотъ кто попуталъ насъ уйти къ шведу», воскликнула рота, указывая на нѣсколькихъ товарищей, извѣстныхъ своимъ дурнымъ поведеніемъ. Карлъ Ивановичъ, наказавъ на мѣстѣ же виновныхъ, простилъ роту и привелъ ее обратно на прежнія квартиры. Рота эта, въ послѣдствіи времени, загладила свой проступокъ, привязанностью къ любимому ею начальнику и готовностью принесть въ жертву жизнь за своего отца командира.

Командуя гвардейскимъ егерскимъ полкомъ, Бистромъ былъ обожаемъ всѣми чинами этого полка. Трогательно было, въ 1821 году, прощаніе Бистрома съ лейбъ-егерями, по назначеніи его дивизіоннымъ начальникомъ. Подъѣхавъ

къ полку и поздоровавшись съ нимъ, Карлъ Ивановичъ попросилъ всѣхъ офицеровъ подойти къ нему: «и вы старики! сюда! ко мнѣ! окружите стараго вашего командира», сказалъ Карлъ Ивановичъ, обратясь къ ветеранамъ, стоявшимъ во фронтѣ! Тутъ Карлъ Ивановичъ, объявивъ о новомъ своемъ назначеніи, сказалъ, что всѣми этими милостями государя онъ обязанъ храбрости полка; послѣ чего вычислилъ сраженія, въ которыхъ находился съ полкомъ, благодарилъ солдатъ за службу, просилъ продолжать ее и при его преемникѣ, съ такою же ревностью, какою отличались при немъ. «Если же я виноватъ въ чемъ нибудь предъ вами, господа», присовокупилъ Карлъ Ивановичъ, обращаясь къ офицерамъ, «или оскорбилъ кого, по горячности моего характера, то простите меня, какъ человѣка».—«Карлъ Ивановичъ!» отвѣчали всѣ офицеры единогласно, устремясь цѣловать добраго командира,—«кто дѣлилъ съ вами опасности, кто служилъ такъ долго подъ начальствомъ вашимъ, можетъ ли тотъ вспоминать въ эту минуту объ обидахъ, еслибы вы кому нибудь и причинили ихъ? Вы были для насъ начальникомъ и отцомъ!» Тронутый общею любовію и привязанностію подчиненныхъ, Карлъ Ивановичъ плакалъ, какъ младенецъ.

При этомъ случаѣ, во вниманіе къ отличному и долговременному командованію генерала Бистрома лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ, дозволено было ему носить мундиръ этого полка. Бистромъ вполнѣ пользовался дозволеніемъ этимъ, потому что почти никогда въ другомъ мундирѣ его и не видали.

Чтобы дать понятіе, до какой степени лейбъ-егеря были привязаны къ Бистрому, приведемъ изъ многихъ случаевъ одинъ примѣръ. Во время кульмскаго сраженія, два молодые офицеры означеннаго полка, братья Пенскіе, были ранены. Старшій изъ нихъ, получивъ смертельную рану и узнавъ отъ медика, что ему остается жить только полчаса, просилъ объ одномъ,—чтобы донесли его до Карла Ивановича Бистрома. То-

варищи, окружавшіе раненаго, исполнили его желаніе. «Карлъ Ивановичъ», сказалъ умирающій Пенскій Бистрому, «мнѣ остается жить нѣсколько минутъ и я хочу умереть подлѣ васъ». Черезъ нѣсколько минутъ храбрый офицеръ испустилъ духъ на груди добраго своего начальника. «Много потерь перенесъ я», говаривалъ Карлъ Ивановичъ, «многіе умирали въ глазахъ моихъ; но ни одна потеря не произвела во мнѣ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ смерть Пенскаго».

Не менѣе трогательно было зрѣлище и при свиданіи Карла Ивановича съ этимъ полкомъ, послѣ неудачной рекогносцировки 10-го сентября, въ турецкую кампанію 1828 года, когда, по несчастному случаю, основанному на измѣнѣ, значительная часть полка была изрублена турками, а другая бѣжала отъ непріятеля, превосходнаго числомъ. Командиръ полка, съ многими офицерами и съ бо́льшею частію солдатъ, пали жертвою неровнаго боя.

На другой день послѣ этого происшествія, подъѣхавъ къ остаткамъ полка, Карлъ Ивановичъ спросилъ у нижнихъ чиновъ съ грознымъ видомъ: «Гдѣ полковой командиръ вашъ? Гдѣ баталіонные командиры? Гдѣ храбрые офицеры ваши? Они всѣ пали на полѣ битвы. Гдѣ тѣ знамена, которыя кровью заслужилъ я съ вами? Ихъ нѣтъ! Развѣ такъ дрались вы при Бородинѣ, Красномъ, Кульмѣ, Лейпцигѣ? Для того ли»,—присовокупилъ онъ, бросивъ на землю шляпу свою,— «дожилъ я до этихъ сѣдинъ, чтобы видѣть егерскій полкъ, разбитый турками?» — «Ваше превосходительство! позвольте слово вымолвить»,—сказалъ, выступивъ изъ фронта, старый егерь, имѣвшій георгіевскій крестъ на груди. — «Говори!» закричалъ Карлъ Ивановичъ, подойдя къ нему. — «Мы дрались тогда храбро потому, что вы нами командовали!» — Карлъ Ивановичъ отвернулся отъ ветерана, заплакалъ, и молча удалился.

Вслѣдъ затѣмъ, оставшіяся роты лейбъ-гвардіи егерскаго полка, по высочайшей волѣ, были перевезены на сѣверную сторону Варны и получили приказаніе взять укрѣпленный ла-

герь близъ крѣпости, который почитали минированнымъ. Дѣло это предоставлено было егерямъ, какъ случай омыть кровью потерю офицеровъ и знаменъ — и они взяли лагерь въ нѣсколько минутъ.

Слова Карла Ивановича и даже одно его имя производили дивное дѣйствіе въ русскихъ солдатахъ! Вотъ новое тому доказательство. Въ польскую кампанію 1831 года, во время стычки съ поляками, при отступленіи гвардейскаго корпуса отъ мѣстечка Замброва къ рѣкѣ Нареву, одинъ офицеръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, замѣтивъ, что стрѣлки его цѣпи, тѣснимые многочисленнымъ непріятелемъ, начали колебаться, рѣшился употребить хитрость и закричалъ: «Ребята! Карлъ Ивановичъ ѣдетъ къ намъ». Егеря, при одномъ имени обожаемаго ими начальника, бросились на мятежниковъ, выгнали ихъ изъ лѣса и отстояли занятую ими позицію. Во время той же ретирады, нижніе чины авангарда, утомленные долговременными — суворовскими переходами и безпрерывными сшибками съ непріятелемъ, едва не падали. Бистромъ однимъ своимъ присутствіемъ, при объѣздѣ ввѣреннаго ему отряда, придавалъ бодрость солдатамъ. Ему стоило только поздороваться молодецкимъ голосомъ, сказать нѣсколько привѣтныхъ словъ, прибаутокъ солдатскихъ — и воины, забывъ усталость, какъ бы съ обновленными силами, шли, припѣваючи. Но заботливый начальникъ, несмотря на усердіе воиновъ, зналъ, сколько именно солдатъ можетъ вынести, и, желая облегчить пѣхоту, приказывалъ иногда спѣшиваться кавалеріи и сажалъ на лошадей пѣхотныхъ солдатъ. Часто при такихъ объѣздахъ отряда, замѣтивъ вытяжку воиновъ, ровненіе и веселый видъ ихъ, при встрѣчѣ начальника, Карлъ Ивановичъ говаривалъ: «Славно ребята! Если солдатъ бодръ и веселъ въ походѣ, такъ непремѣнно храбръ и въ дѣлѣ. Кто хорошо ровняется на маршѣ, тотъ не отстанетъ и въ бою».

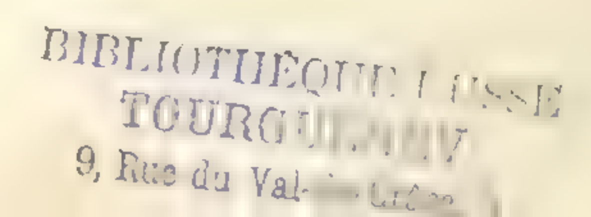
Русскій солдатъ не много требуетъ: дайте ему все, что

положено закономъ; будьте къ нему строги, но справедливы, входите въ его положеніе—и онъ всей душею будетъ любить такого командира. Карлъ Ивановичъ обладалъ всѣми свойствами, для того нужными. Солдатъ знаетъ каждую принадлежащую ему копѣйку, и никогда не забудетъ, если ея лишится. Не даромъ говоритъ русская пословица, что *солдатское ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ!* При возвращеніи изъ турецкаго похода, 1828 г., въ Петербургъ, Карлъ Ивановичъ посѣтилъ въ одномъ губернскомъ городѣ инвалидный домъ. Увидя тамъ посѣдѣвшаго въ браняхъ воина, спросилъ его: «всѣмъ ли ты доволенъ, и хорошо ли васъ содержатъ?»—«Слава Богу! Благодаримъ государя и начальство: кормятъ и поятъ насъ стариковъ хорошо—грѣхъ пожаловаться, одну только просьбу осмѣлюсь доложить вашему превосходительству», прибавилъ ветеранъ, ожидая отъ Карла Ивановича позволенія объяснить ее.—«Говори, старикъ»!—отвѣчалъ Бистромъ,—«радъ сдѣлать все, что могу, для такого заслуженнаго солдата!»—«Ваше превосходительство! когда пріѣдете въ Петербургъ, прикажите отыскать писаря военной коллегіи — такого-то, присовокупилъ ветеранъ, и велите ему возвратить мнѣ два алтына, которые онъ удержалъ у меня, изъ моего жалованья, при выдачѣ указа о моей отставкѣ въ 1802 году». Карлъ Ивановичъ, желая успокоить ветерана, вынулъ изъ бумажника 25 рублей и, отдавая солдату, сказалъ: — «вотъ тебѣ, старикъ, 25 рублей за два твои пропавшіе алтына. Доволенъ ли ты?»—«Благодаримъ покорно, ваше превосходительство, а все таки прикажите отыскать этого писаря, и заслуженные мною два алтына раздѣлить хотя на нищую братію». Таковъ русскій солдатъ! За милость спасибо, а законное, что слѣдуетъ — подавай ему сполна!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1832 года, Карлъ Ивановичъ жилъ насупротивъ спасо-преображенскаго собора. Онъ ожидалъ благопріятной погоды, для отъѣзда за границу. Въ это время подъ его непосредственное и ближайшее начальство поступилъ пре-

ображенскій офицеръ, Лукьяновичъ. Вотъ какъ онъ описываетъ первое свое представленіе къ нему, въ адъютантскомъ мундирѣ. Генералъ, слабый и больной, принялъ г. Лукьяновича въ кабинетѣ. «Здравствуй, мой любезный», сказалъ онъ когда я вошелъ къ нему, и велѣлъ мнѣ сѣсть подлѣ себя. »Вотъ въ какомъ видѣ находишь ты меня, при первомъ знакомствѣ нашемъ», присовокупилъ онъ; «но я надѣюсь, что нѣмецкая вода очистить мою русскую кровь, и я скоро явлюсь къ вамъ молодцемъ; тогда мы познакомимся поближе другъ съ другомъ, и будемъ служить вмѣстѣ царю вѣрою и правдою. Пока я здѣсь, навѣщай меня — старика, въ свободное отъ службы время; у меня нѣтъ семейства; адъютанты мои составляютъ мою семью и замѣняютъ мнѣ дѣтей. Прощай, братъ!» сказалъ Карлъ Ивановичъ, протянувъ мнѣ свою руку, «весьма радъ, что съ тобою познакомился». Съ чувствами восторга и умиленія вышелъ я отъ добраго моего начальника.»

«Карлъ Ивановичъ,» продолжаетъ г. Лукьяновичъ, составившій въ послѣдствіи полную біографію генерала Бистрома, «уѣхалъ за границу, и, въ исходѣ августа 1834 года, возвратился въ Петербургъ съ обновленными силами. Съ этого времени я былъ очевидцемъ описываемой мною жизни русскаго героя. Прежде Карлъ Ивановичъ принималъ у себя гостей и самъ посѣщалъ знакомыхъ; но, съ 1832 года, лѣта и разстроенное здоровье не позволяли ему являться въ свѣтѣ и отступать отъ припятаго имъ образа жизни. Ведя жизнь уединенную, Карлъ Ивановичъ большую часть времени проводилъ въ кругу своихъ подчиненныхъ, къ нему близкихъ, и племянниковъ, часто у него гостившихъ. Нѣкоторые изъ подчиненныхъ жили въ одномъ съ нимъ домѣ. Добрый начальникъ находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы имѣть всегда подлѣ себя людей, которые, по выраженію его, замѣняли ему семейство. Карлъ Ивановичъ заботился о нихъ, какъ чадолюбивый отецъ печется о дѣтяхъ своихъ, и часто навѣщалъ ихъ.

Въ доказательство его вниманія и попечительности о подчиненныхъ, приведу одинъ случай: посѣтивъ мою квартиру зимою, онъ приказалъ мнѣ отставить письменный столикъ мой отъ окошка, дабы я, занимаясь дѣлами по службѣ, не простудился. Могъ ли я ожидать отъ начальника бо́льшаго вниманія? Онъ требовалъ отъ подчиненныхъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ, чтобы они обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ. Все утро Карлъ Ивановичъ посвящалъ обязанностямъ службы; въ третьемъ часу пополудни обѣдалъ, а въ десять часовъ вечера ужиналъ. Будучи въ душѣ русскимъ, онъ любилъ и русскія кушанья: щи и кашу предпочиталъ супамъ и французскимъ соусамъ; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, по русскому заведенію, сверхъ обыкновенныхъ блюдъ, подавались у него кулебяка, или пироги. Карлъ Ивановичъ любилъ сидѣть долго за столомъ. Во время обѣдовъ и ужиновъ, господствовала свобода и непринужденность. Карлъ Ивановичъ часто разсказывалъ любопытные анекдоты, современныя событія и случаи изъ собственной жизни. Желая болѣе познакомиться съ характеромъ и образомъ мыслей своихъ подчиненныхъ, онъ во время обѣда нерѣдко заводилъ пренія о предметахъ, касавшихся литературы, военныхъ наукъ, даже— житейскаго быта, выслушивалъ мнѣнія собесѣдниковъ, принимая сторону того, либо другаго; терпѣливо внималъ возраженіямъ и кратко опровергалъ ошибочныя сужденія. Словомъ, Карлъ Ивановичъ, въ домашнемъ быту, являлъ болѣе видъ патріарха семейства, окруженнаго многочисленными домочадцами, *нежели военачальника*, готоваго разить враговъ отечества.

«Послѣ кратковременнаго отдыха, вечеръ Карлъ Ивановичъ посвящалъ чтенію книгъ. Онъ любилъ русскую литературу, и кто нибудь изъ окружавшихъ его читалъ ему все достойное вниманія по части современной русской словесности. Особенное вниманіе Карлъ Ивановичъ обращалъ на сочиненія, писанныя въ духѣ народномъ. Любимыми авторами его были: Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Крыловъ,

Грибоѣдовъ, Марлинскій, Загоскинъ, Лажечниковъ, Гоголь, и другіе; но, съ особеннымъ, необыкновеннымъ удовольствіемъ, слушалъ онъ военно-народные солдатскіе залихвацкіе разсказы Ивана Никитича Скобелева и отъ души смѣялся надъ собственнымъ своимъ портретомъ, столь оригинально изображеннымъ въ *Перепискѣ русскихъ солдатъ*. Онъ восхищался характерами малороссійскихъ героевъ, Полуботка и Палѣя, какъ людей, которыхъ поступки сообразны были съ чувствованіями его собственнаго сердца, не страшившагося говорить правду передъ лицемъ монарха; наконецъ удивлялся стоической твердости Тараса Бульбы, который, изъ любви къ отечеству, собственною рукою умертвилъ любимаго сына, измѣнившаго родинѣ. Вообще Карлъ Ивановичъ любилъ малороссіянъ, за ихъ оригинальный характеръ, преданность къ отечеству и рыцарскую удаль. Онъ съ удовольствіемъ слушалъ разсказы про Хмѣльницкаго, Сагайдачнаго, Дорошенку, Полуботка, Палѣя, изъ коихъ послѣдній, по собственнымъ словамъ его, «любилъ ѣсть кашу съ казаками, а биться съ поляками».

«Все высокое было доступно сердцу Бистрома. Во время послѣдней польской войны, малороссійскіе вновь набранные казаки доказали ему свое усердіе, и онъ, полюбивъ въ лицѣ ихъ сыновъ Малороссіи, припоминалъ часто объ этомъ. Когда гвардія возвращалась изъ Варшавы въ Ригу, на зимнія квартиры, осенью 1831 года, Карлъ Ивановичъ пріѣхалъ на ночлегъ въ городъ Шавли. Отъ квартировавшаго тамъ малороссійскаго казачьяго полка, присланы были къ квартирѣ Карла Ивановича, въ почетный караулъ, ординарецъ и вѣстовой. Восхищенный воинскою выправкою новобранцевъ, большею частью добровольно поступившихъ на службу, и пламеннымъ желаніемъ этихъ казаковъ сразиться съ врагами, Карлъ Ивановичъ обласкалъ ихъ, велѣлъ имъ дать по чаркѣ вина и отпустить на квартиры. На другой день, рано утромъ, Бистромъ, отправясь далѣе въ путь, проѣхавъ верстъ семь отъ города, выглянулъ изъ кареты, и увидѣлъ скачущій за нимъ конвой

малороссійскихъ казаковъ, съ унтеръ-офицеромъ. Карлъ Ивановичъ останавился и спросилъ, зачѣмъ они ѣдутъ за нимъ, тогда какъ онъ вчера приказалъ отпустить ихъ по квартирамъ? — «Та—ни, ваше превосходительство, мы не пустимъ васъ одного», отвѣчаютъ казаки, «бо тутычки не спокойно; кажутъ, полякъ ходе по лѣсу!» Тронутый простосердечнымъ усердіемъ добрыхъ украинцевъ, Карлъ Ивановичъ позволилъ имъ проводить себя до станціи, и наградилъ ихъ за преданность.

«Бистромъ находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ солдатами. Онъ часто вступалъ въ разговоръ съ вѣстовыми, присылавшимися къ нему ежедневно отъ войскъ гвардейской пѣхоты, дѣлая имъ иногда замысловатые суворовскіе вопросы. Однажды, спросивъ у вѣстоваго отъ преображенскаго полка, которой онъ губерніи и, узнавъ, что Ярославской, Карлъ Ивановичъ спросилъ: «какой гербъ Ярославской губерніи?» Вопросъ трудный и не для солдата. Однакожъ вѣстовой, вѣроятно, ученый и смышленый, отвѣчалъ, не запинаясь: «русской левъ, ваше высокопревосходительство». Извѣстно, что гербъ Ярославской губерніи изображаетъ медвѣдя. «Молодецъ!» — сказалъ Карлъ Ивановичъ, довольный отвѣтомъ вѣстоваго. Въ другое время, онъ позвалъ въ кабинетъ свой вѣстоваго финляндскаго полка и, указывая на картину, изображавшую остроленскую битву, Карлъ Ивановичъ спросилъ, что представляетъ эта картина? «Баталію, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ солдатъ. «Хорошо»,—продолжалъ Карлъ Ивановичъ,—«да какую баталію?» — «Взятіе Аршавы, ваше высокопревосходительство».— «Нѣтъ, братецъ!» возразилъ Бистромъ—«это остроленское сраженіе».—«Точно такъ, ваше высокопревосходительство»,—сказалъ солдатъ, вѣроятно большой знатокъ въ живописи.—«Покажи-ка мнѣ, гдѣ я нарисованъ тутъ»—спросилъ Карлъ Ивановичъ. Солдатъ долго всматривался въ картину и указалъ на одного всадника, бывшаго впереди всѣхъ. «Ты, братецъ, слишкомъ впередъ ушелъ; вѣдь это польская армія». — «Ваше вы-

сокопревосходительство всегда были впереди всѣхъ, такъ надо быть, что это вы».

«Отъ подобныхъ собесѣдниковъ, Карлъ Ивановичъ получалъ нерѣдко и очень забавные отвѣты. Возвратясь однажды съ развода, Карлъ Ивановичъ проходитъ мимо вѣстоваго, стоявшаго въ передней его, и начинаетъ спрашивать у него: «Ты, кажется, служилъ при мнѣ въ гвардейскомъ егерскомъ полку, и дрался съ французами?» — «Дрался, ваше высокопревосходительство»,—отвѣчалъ солдатъ.—«А гдѣ ты дрался съ французами?» — «Подъ Варною, ваше высокопревосходительство.»

«Бистромъ родясь въ исповѣданіи лютеранскомъ, въ душѣ благоговѣлъ къ русской православной вѣрѣ, и питалъ особенное уваженіе къ угоднику божію Николаю чудотворцу. Образъ этого святителя, оправленный въ богатую ризу, всегда стоялъ въ залѣ квартиры Карла Ивановича, и передъ ликомъ чудотворца теплилась лампада. Этотъ образъ, извѣстный всей гвардіи, по особому случаю, появился у Карла Ивановича. Еще въ началѣ своего воинпаго поприща, Карлъ Ивановичъ однажды увидѣлъ во снѣ ликъ Николая чудотворца. Сонъ этотъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ немедленно пріобрѣлъ икону великаго святителя, поборника русскому воинству, и относился къ нему какъ сынъ православной церкви! Съ этихъ поръ ликъ чудотворца Николая не оставлялъ Карла Ивановича во всю его жизнь. Онъ сопутствовалъ ему во всѣхъ поѣздкахъ, походахъ и сраженіяхъ, дивно покрывая его чудотворною пеленою своей отъ вражескихъ пуль и бѣдъ житейскихъ. По отраженіи, въ 1828 году, подъ Варною, турецкаго корпуса Омеръ-Вріоне, Карлъ Ивановичъ, во время молебствія, въ отрядѣ его совершеннаго, сказалъ, указывая на этотъ образъ, стоявшій на налоѣ: «Молитесь! вотъ кому обязаны мы побѣдою». Въ послѣдствіи времени, образъ этотъ оправленъ былъ въ богатую ризу. Украшеніе его, сдѣланное изъ большихъ богемскихъ камней, одинъ подлѣ другаго расположенныхъ на вѣнцѣ ризы, означало по порядку (акростихомъ) заглавныя буквы

фамиліи Бистрома. Кромѣ вкладовъ, учиненныхъ усердными чтителями чудотворца Николая, Карлъ Ивановичъ жертвовалъ постоянно на украшеніе этой иконы изъ своихъ наградъ и жалованья. Этотъ образъ замѣчателенъ также по слѣдующему событію: во время послѣдней польской кампаніи, при отступленіи гвардіи къ рѣкѣ Нареву, поляки отбили часть обоза гвардейскаго арріергарда, въ числѣ котораго былъ и экипажъ генерала Бистрома. Въ этомъ экипажѣ находились деньги, и образъ св. чудотворца, въ числѣ драгоцѣнныхъ вещей. Бистромъ, не заботясь о потерѣ своего имущества, не могъ утѣшиться, лишась образа. «Видно св. угодникъ Божій отступился отъ меня», говорилъ Карлъ Ивановичъ окружавшимъ его. Всѣ подчиненные, зная, какое питалъ ихъ начальникъ благоговѣніе къ этой иконѣ, раздѣляли съ нимъ скорбь. Послѣ остроленскаго боя, во время расположенія гвардіи около Макова, Карлъ Ивановичъ вдругъ получаетъ письмо, отъ раненаго русскаго офицера, лечившагося на мызѣ, близъ польскаго мѣстечка Клечкова, съ увѣдомленіемъ, что онъ, замѣтивъ у хозяина дома нѣкоторыя бумаги, адресованныя на имя его (генерала), и слыша, что у ксендза находится крестъ, снятый съ образа Николая чудотворца, принадлежащаго Карлу Ивановичу, полагаетъ, что и самый образъ долженъ быть у кого либо изъ обывателей этого мѣстечка. Этотъ серебряный крестъ, попиравшій турецкую луну, поляки поставили въ костелѣ, и торжественно носили вокругъ него, какъ знаменіе своей побѣды. Карлъ Ивановичъ немедленно посылаетъ одного изъ адъютантовъ своихъ въ помянутое мѣстечко. Адъютантъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ розысканій, узнаетъ наконецъ, вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда, отъ хозяйскаго мальчика, что образъ зарытъ въ землѣ. Мальчикъ указалъ ему мѣсто, заваленное соромъ и хворостомъ. Разрываютъ землю, и точно находятъ тамъ образъ чудотворца Николая, со всѣми дивносохранившимися на немъ украшеніями. Трудно описать восторгъ и чувства Карла Ивановича, при радостномъ извѣстіи

обрѣтенія образа. Замѣчательно, что изъ всѣхъ отбитыхъ поляками вещей Карла Ивановича, отысканы были только икона чудотворца и шпага, осыпанная брилліантами, — даръ обожаемаго имъ монарха. Карлъ Ивановичъ, глубоко проникнутый чувствованіями религіи и особеннаго благоговѣнія къ образу великаго чудотворца, никогда не выѣзжалъ изъ квартиры, не помолясь прежде лику св. Николая.

«Во время тяжкой болѣзни, осенью 1835 года, жизнь Карла Ивановича находилась въ опасности; медики теряли надежду на его выздоровленіе; но, при помощи божіей и стараній опытнѣйшихъ врачей столицы, Карлъ Ивановичъ получилъ облегченіе. Можно сказать, почти весь Петербургъ принималъ живѣйшее участіе въ болѣзни и выздоровленіи славнаго генерала. Великій Князь Михаилъ Павловичъ посѣщалъ больнаго ежедневно; равномѣрно удостоили его своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ.

«Замѣчательно, что въ день кризиса болѣзни Карла Ивановича присланъ былъ, до нынѣ неизвѣстно кѣмъ, образъ св. Пантелеймона цѣлителя, въ золотой ризѣ на голубой лентѣ. Поцѣловавъ образъ цѣлителя со слезами умиленія, Карлъ Ивановичъ велѣлъ повѣсить его на иконѣ чудотворца Николая. Нынѣ образъ Николая чудотворца, по духовному завѣщанію Карла Ивановича, находится въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ, и поставленъ, справа передъ алтаремъ, подлѣ клироса пѣвчихъ. Отломленный поляками крестъ съ луною вновь придѣланъ сверху образа, а внизу на мѣдной доскѣ вырѣзана надпись, объясняющая подробно знаменательность этой иконы, сопровождавшей Бистрома во всѣхъ случаяхъ его военной жизни.

«Образъ же св. Пантелеймона, на той самой голубой лентѣ, виситъ въ этомъ же соборѣ на иконѣ Божіей Матери Троеручицы, находящейся въ алтарѣ насупротивъ престола.

«Благотвореніе ближнему было пищею сердцу Бистрома. Онъ дѣлился послѣднимъ съ неимущимъ братомъ, и каждый,

просившій у него помощи именемъ русскаго воина, не былъ оставляемъ безъ пособія. Двери его открыты были для страждущихъ и нуждающихся. Пріемная его зала представляла часто разнообразное собраніе просителей. Тутъ вдова солдатка просила подаянія, чтобъ идти на богомолье; тутъ русскій израненый воинъ, получивъ чистую отставку, предъ отправленіемъ на родину, является къ старому отцу—командиру пожелать счастливо оставаться, другой *проздравить* съ своими именинами *) — и добрый Карлъ Ивановичъ никому не отказывалъ въ помощи. Но однажды эта готовность помогать страждущимъ и нуждающимся чуть не стоила жизни доброму Карлу Ивановичу, который пережилъ сотни жаркихъ битвъ, выходилъ живъ изъ боеваго огня, оставался невредимъ среди лопавшихся вокругъ него гранатъ и бомбъ, а рисковалъ лишиться жизни у себя въ кабинетѣ отъ ножа гнуснаго убійцы. Разъ къ Карлу Ивановичу является дурно одѣтый человѣкъ, съ подвязанною рукою, говоря о себѣ, что онъ раненый русскій офицеръ. Воины, особенно раненые, всегда имѣли безпрепятственный доступъ къ сострадательному генералу. Узнавъ, что этотъ офицеръ находился въ отрядѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ его, во время лейпцигскаго сраженія, и раненъ въ этой битвѣ въ руку, Бистромъ далъ ему 200 рублей ассигнаціями и изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ оказать большаго пособія. По истеченіи мѣсяца, помянутый офицеръ снова является къ Карлу Ивановичу и снова получаетъ деньги отъ сердобольнаго *отца-командира*. Спустя двѣ недѣли, вновь докладываютъ генералу Бистрому о томъ же офицерѣ. Настойчивость, столь наглая въ нищенствѣ и видъ офицера, имѣвшаго признаки нетрезвости, подали Карлу Ивановичу сомнѣніе, въ справедливости его разсказа о бѣдности и о ранѣ. Однако онъ прика-

---

*) Русскіе солдаты, въ день именинъ своихъ, обыкновенно являются къ начальникамъ съ кренделемъ, или яблоками, говоря: «честь имѣю *проздравить*: я имянинникъ сегодня».

залъ позвать просителя въ кабинетъ. Когда ввели его туда, Карлъ Ивановичъ запираетъ дверь кабинета и говоритъ ему: «Милостивый государь, по мѣрѣ возможности, я уже дѣлалъ вамъ пособіе. Если же вы такъ ранены, какъ говорите, то зачѣмъ не обратитесь съ просьбою о помощи въ комитетъ раненыхъ, а требуете денегъ отъ меня, живущаго однимъ жалованьемъ? Впрочемъ, продолжалъ Карлъ Ивановичъ, покажите мнѣ вашу руку: я хочу удостовѣриться въ справедливости вашихъ словъ». Офицеръ, смущенный словами и строгимъ видомъ Бистрома, молча развязалъ совершенно здоровую руку, обернутую окровавленною перевязкою. При видѣ крови, которую онъ принялъ за просочившуюся изъ раны, никогда не затягивавшейся окончательно, благородный и возвышенный духомъ генералъ, раскаявшись въ своей недовѣрчивости, готовъ уже былъ сдѣлать новое пособіе и отдать раненому послѣднія свои деньги. Онъ хотѣлъ уже идти къ бюро; но въ это самое время, изъ-подъ окровавленной перевязки, сверкнулъ длинный ножъ въ рукѣ злодѣя!... Карлъ Ивановичъ, въ то время пользовавшійся всею силою своей богатырской натуры, не теряя присутствія духа, вырвалъ ножъ, позвалъ людей и тутъ же узналъ, что мнимо-раненый офицеръ ничто иное какъ бродяга. Злодѣй этотъ надѣялся, лишивъ жизни своего благодѣтеля, похитить его деньги и уйдти сквозь открытое окно перваго этажа. Провидѣніе не допустило его исполнить этотъ кровавый умыселъ.

«Еслибъ кто пожелалъ знать, на что издерживалъ Карлъ Ивановичъ бо́льшую часть денегъ, получаемыхъ отъ щедротъ монаршихъ, то благодѣтельный мужъ могъ бы отвѣчать словами знаменитаго полководца временъ Ивана Грознаго—Шереметева: «что чрезъ руки бѣдныхъ онъ передавалъ ихъ Богу!» Карлъ Ивановичъ часто говаривалъ: «Мнѣ ничего не надо. Мое единственное удовольствіе состоитъ въ томъ, когда подчиненные мои награждаются и всѣмъ довольны. Трудясь по службѣ безпрерывно, они берегутъ и успокоиваютъ меня—

старика. Какъ же не заботиться и мнѣ о нихъ? Награды имъ почитаю наградами, оказанными мнѣ собственно!»

«Къ сожалѣнію подчиненныхъ, болѣзнь Карла Ивановича нерѣдко разлучала ихъ съ любимымъ начальникомъ. Послѣ тяжкаго недуга, постигшаго генерала Бистрома въ 1835 году, слѣды его вновь обнаружились хронической болѣзнію, и онъ вынужденъ былъ испросить высочайшее соизволеніе на отъѣздъ за границу для леченія. Получивъ увольненіе, Карлъ Ивановичъ, весною 1836 года, выѣхалъ въ свое имѣніе, въ намѣреніи, проведя тамъ нѣкоторое время, отправиться за границу. Имѣніе это (участокъ земли подлѣ Ямбурга) было куплено имъ незадолго предъ тѣмъ. Карлъ Ивановичъ хотѣлъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣть свой собственный пріютъ, и провелъ здѣсь весну 1836 года. Онъ вставалъ рано, планировалъ мѣсто для сада и наблюдалъ самъ за рабочими, имъ нанятыми. Эти сельскія упражненія отчасти поправили его силы, истощенныя болѣзнями и ранами. Вдругъ, среди этой мирной деревенской жизни, Карлъ Ивановичъ получаетъ собственноручное письмо отъ Великаго Князя Михаила Павловича. Его Высочество извѣщалъ Карла Ивановича о разстроенномъ своемъ здоровьѣ, требовавшемъ поѣздки за границу; просилъ принять на себя обязанность, если только силы его дозволяли, командовать, въ отсутствіе его, гвардейскимъ корпусомъ. Извѣстіе о болѣзни августѣйшаго начальника заставило Карла Ивановича забыть собственные его недуги, и явиться немедленно на службу.

«Осенью того жъ 1837 года, Бистромъ, по совѣту врачей, для поправленія разстроеннаго здоровья, просилъ объ увольненіи его за границу. Получивъ на это монаршее соизволеніе, Карлъ Ивановичъ, въ октябрѣ того же года, выѣхалъ изъ Петербурга. Бистромъ, въ продолженіе всей своей жизни, нестрашившійся смерти геройской на полѣ брани, скончался на болѣзненномъ одрѣ, удаленный отъ горячо любимаго имъ отечества. Онъ умеръ въ Киссингенѣ, въ Баваріи, 16-го іюня

1838 года. Послѣдния свои чувства герой нашъ изъяснилъ въ письмахъ государю и любезнымъ сердцу его товарищамъ по гвардейскому корпусу:

«Любезные друзья, храбрые товарищи! На ложѣ болѣзни и страданій встрѣчая смерть, которую такъ часто искалъ въ побѣдоносныхъ рядахъ вашихъ, проливая кровь свою за пользу, честь и славу драгоцѣннаго отечества и царей-благодѣтелей, я безропотно покорлюсь святой воли отца небеснаго!

«Благодарю провидѣніе, отзывающее меня въ вѣчность въ минуты, когда величіе и благоденствіе Россіи процвѣтаетъ подъ скипетромъ государя великаго, и судьба милліоновъ подданныхъ ея ввѣрена любви и попеченіямъ чадолюбиваго отца отечества.

«Раздѣляя, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, воинные подвиги гвардейскаго корпуса, я былъ свидѣтелемъ и дѣятельнымъ участникомъ славы его: въ побѣдоносныхъ рядахъ вашихъ, храбрые товарищи, я провелъ лучшіе дни жизни; вамъ посвящаю послѣднія слова и мгновенія свои!

«Войска гвардейскаго корпуса! Вы составляли всегда вѣрный оплотъ престола русскаго; постоянно отличались безпримѣрнымъ усердіемъ, рвеніемъ и безусловною готовностію радостно умереть за пользу, честь и славу своего государя! Сохраните же навсегда, храбрые воины, и передайте преемникамъ вашимъ качества, стяжавшія вамъ славу безсмертную, уваженіе свѣта и самыхъ враговъ, довѣріе августѣйшаго монарха и истинно-отеческую любовь высокаго начальника, лично раздѣлявшаго съ вами на поляхъ брани труды и подвиги!

«Прощайте, прощайте навѣчно, добрые товарищи! Отъ искреннѣйшаго сердца, благодарю васъ за ваше довѣріе, дружбу и любовь ко мнѣ; воспоминаніе о нихъ, услаждая послѣдния минуты тяжкихъ, земныхъ страданій моихъ, будетъ сопровождать меня въ вѣчность! Не забывайте же и вы стараго товарища, васъ искренно любившаго; сохраните въ рядахъ сво-

ихъ память о немъ, и да запечатлѣетъ каждый изъ васъ, подобно мнѣ, смертью своею чувства пламенной любви и безпредѣльной вѣрноподданности къ драгоцѣнному отечеству и великому государю нашему».

Августа 12-го 1838 г., вечеромъ, происходила торжественно-печальная церемонія, при встрѣчѣ бренныхъ останковъ незабвеннаго Бистрома.

Около семи часовъ вечера, тихо приблизился къ пристани въ Петербургѣ пароходъ, привезшій тѣло генерала Бистрома. Наступила печально-торжественная минута! Каждый изъ воиновъ желалъ нести гробъ русскаго героя. Гробъ, однако, поставленъ былъ на колесницу. Кортежъ, сопровождаемый всѣми присутствовавшими, двинулся къ аннинской лютеранской церкви, при печальномъ маршѣ музыки гвардейскаго егерскаго полка. Улицы, ведшія къ этой церкви, окна домовъ, балконы, даже кровли, покрыты были зрителями, раздѣлявшими печальныя чувства съ воинами. Простой народъ, собравшійся сначала къ казанскому собору, узнавъ, что Бистрома будутъ отпѣвать въ лютеранской церкви, по простотѣ своихъ понятій, приведенъ былъ въ удивленіе тѣмъ, что *Быстрова*, по душѣ и фамиліи русскаго, и почитаемаго ими принадлежавшимъ къ вѣрѣ православной, будутъ отпѣвать по обрядамъ церкви лютеранской. Кортежъ приблизился къ аннинской церкви; гробъ внесенъ былъ въ храмъ, при тихихъ, печальныхъ звукахъ органа. Пасторъ, подошелъ къ катафалку, на которомъ поставленъ былъ гробъ, и произнесъ трогательную рѣчь, вычисливъ заслуги, оказанныя отечеству умершимъ военачальникомъ, и всѣ сраженія, блистательною храбростію Бистрома ознаменованныя. На другой день, несмотря на дурную погоду, стеченіе народа у аннинской церкви и по улицамъ, ведущимъ къ Нарвской заставѣ, было многочисленно. Гробъ, заключавшій въ себѣ бренные остапки Бистрома, съ тою же церемоніею, какъ наканунѣ, повезенъ былъ къ Нарвской заставѣ. Образъ Николая чудотворца, сопровождавшій Карла

Ивановича во всѣхъ его походахъ, сопутствовалъ и при отданіи послѣдней чести усопшему. По приказанію Великаго Князя Михаила Павловича, два гвардейскіе унтеръ-офицера несли образъ этотъ, передъ гробомъ Бистрома, до Нарвской заставы.

Народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на икону великаго чудотворца, радуясь: «что *Быстрова* хоронятъ — таки по русски». Великій князь Михаилъ Павловичъ и всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры участвовали въ печальномъ шествіи. У Нарвской заставы кортежъ остановился, и лейбъ-гвардіи егерскій полкъ и артиллерія произвели пальбу въ честь бывшаго своего начальника. Гробъ перенесли на дорожныя дроги, и, въ сопровожденіи бывшихъ адъютантовъ покойнаго, повезли тѣло въ имѣніе Карла Ивановича, подлѣ Ямбурга. Генералъ Скобелевъ, по случаю этой печальной церемоніи, напечаталъ въ газетѣ Русскій Инвалидъ слѣдующее надгробное солдатское слово знаменитому русскому генералу Карлу Ивановичу Бистрому:

«На колѣни, товарищи! Помолимся и попросимъ Всемогущаго Бога, о успокоеніи чистой, свѣтлой, высокой души неустрашимаго воина, начальника, отца и молодца, который, во всѣхъ кровавыхъ бояхъ, во всѣхъ славныхъ дѣлахъ, служилъ намъ примѣромъ. При грозномъ имени героя, мурашки ползали по кожѣ бусурмана, и, какъ листъ на деревѣ, трепеталъ врагъ заморскій!

«Храня чистую вѣру въ Бога, обожая батюшку бѣлаго царя, онъ пламенно любилъ мать нашу Русь святую; былъ вѣрнымъ другомъ чести, красотою рядовъ нашихъ, отрадою, раздольемъ и заглядѣньемъ на поляхъ брани; зналъ языкъ солдатскій и умѣлъ, въ рѣшительный часъ, собственною грудью, съ быстротою молніи, двинуть насъ къ побѣдамъ и къ благородной смерти!

«Миръ праху любимца православныхъ! Покоряясь непреложной волѣ провидѣнія, будемъ горевать и сердцемъ унывать безропотно.

«Но никогда, друзья, никогда не перестанемъ бодрить духъ и согрѣвать кровь родную, драгоцѣнною намъ памятью незабвеннаго, малаго сына Богомъ хранимой Россіи славнаго Бистрома».

Согласно желанію покойнаго, бренные останки умершаго погребены въ имѣніи его близъ города Ямбурга, на томъ самомъ мѣстѣ, подлѣ котораго теперь сооружена часовня и при ней инвалидный домъ, для нѣсколькихъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ, по завѣщанію Бистрома. На могилѣ Бистрома воздвигнутъ, усердіемъ бывшихъ его подчиненныхъ, бронзовый памятникъ, изображающій колосальнаго льва, поставленнаго на огромномъ гранитно-мраморномъ подножіи, окруженномъ бронзовыми барельефами, изображающими главнѣйшія черты изъ жизни Бистрома. На сторонѣ изображенъ грудной портретъ героя, съ надписью: *генералу отъ инфантеріи Карлу Ивановичу Бистрому — отъ гвардейскаго корпуса.*

ГРАФЪ ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ

КАНКРИНЪ

(1774 — 1845).

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, иностранецъ по рожденію, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, но русскій по огромнымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ нашему отечеству, родился въ Ганау въ 1774 г. Отецъ его, прибывшій въ Россію въ 1783 г., незадолго передъ тѣмъ получилъ отъ римскаго императора Іосифа II дворянское достоинство. Въ Россіи опредѣлили его начальникомъ старорусскихъ соляныхъ промысловъ. Молодой Егоръ Канкринъ учился въ одной изъ германскихъ гимназій, а потомъ въ гиссенскомъ и марбургскомъ университетахъ. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ, въ 1800 году, назначенъ въ помощники отцу. Съ 1809 года, состоя инспекторомъ иностранныхъ колоній С.-Петербургской губерніи, будущій государственный человѣкъ лѣтомъ жилъ обыкновенно въ Стрѣльнѣ. Здѣсь онъ сочинилъ, напечатанную въ скоромъ времени, брошюру: «*О системѣ и средствахъ продовольствія большихъ армій*». Благопріятное о немъ мнѣніе императора Александра I быстро повело его по ступенямъ возвышенія такъ, что въ 1812 году онъ является уже генералъ-интендантомъ, сначала первой западной, а потомъ и всей дѣйствующей арміи. Онъ на-

печаталъ тогда свою замѣчательную книгу: *«О военной экономіи въ мирное и военное время, и объ отношеніи ея къ военнымъ дѣйствіямъ»*. Послѣ министра финансовъ, графа Гурьева, въ 1823 году, онъ былъ назначенъ къ заступленію его мѣста. Чрезъ шесть лѣтъ послѣ того, императоръ Николай I возвелъ его въ графское достоинство. Канкринъ посвятилъ слишкомъ двадцать лѣтъ обязанностямъ министра финансовъ, важнѣйшей должности въ государствѣ, и тѣмъ болѣе тогда многосложной, что отъ министерства не было еще отдѣлено, какъ нынѣ, завѣдываніе государственными имуществами. Канкринымъ открыто множество новыхъ источниковъ доходовъ; повсюду пробудилось движеніе; онъ развилъ промышленость, торговлю, земледѣліе, лѣсоводство, горнозаводство. Науки и литература входили въ его дѣятельность, какъ потребность души. Онъ и въ должности министра находилъ время для ихъ обработыванія. Въ Коммерческой и Земледѣльческой газетахъ, обязанныхъ ему своимъ полезнымъ направленіемъ, онъ печаталъ небольшія, но весьма полезныя и важныя статьи. Изъ нихъ: *«О раздѣленіи Россіи на полосы, по ея климату и произведеніямъ»*, напечатанная въ послѣдней газетѣ, съ уваженіемъ была принята знатоками и за границею. Сочиненія его, о политической экономіи, о лѣсоводствѣ и архитектурѣ, заслужили полное одобреніе въ ученомъ свѣтѣ. Еще въ молодости, за границею, въ 1797 году, онъ сочинилъ романъ «Дагоберъ», а въ первые годы своей службы, по прибытіи въ Россію, помѣщалъ, въ тогдашнихъ журналахъ, много статей о театрѣ. Во время пребыванія за границею, гдѣ, въ послѣдніе годы своей полезной и многотрудной жизни, онъ искалъ облегченія отъ глазной болѣзни, и недуговъ старости, въ 1843 году написалъ нѣсколько повѣстей, а въ 1844 году книгу, подъ названіемъ: *«Экономія человѣческаго общества и финансовая часть»*. Графъ Е. Ф. Канкринъ писалъ всѣ свои сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, и бо́льшая ихъ часть переведена на русскій языкъ.

Жизнь графа Егора Францовича была вся посвящена на службу новому его отечеству Россіи, которую онъ горячо любилъ такъ, какъ, къ сожалѣнію, не всѣ русскіе ее любятъ. Не только всѣ дни, но всѣ часы посвящалъ онъ трудамъ полезнымъ, и до того свыкся съ умственною дѣятельностію, что самыя даже отдохновенія его, самыя забавы носили на себѣ печать любви къ наукѣ и просвѣщенію, не оставлявшею его даже во время той тяжкой болѣзни, отъ которой, возвратясь изъ чужихъ краевъ, онъ умеръ на дачѣ своей близъ Павловска, въ окрестностяхъ Петербурга. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, а всѣ, знавшіе графа Егора Францовича, и особенно знавшіе близко, вспоминаютъ о немъ съ чувствомъ искренней, глубокой признательности. Изъ петербургскихъ старожиловъ, конечно, почти всѣ помнятъ, что, часто проходя по Невскому проспекту, или по Лѣтнему саду около 4-хъ часовъ пополудни, они встрѣчались съ высокимъ мужчиною пожилыхъ лѣтъ, ходившимъ въ теплую погоду въ форменномъ военномъ генеральскомъ сюртукѣ, иногда камлотовомъ, а когда бывало холодно — въ сѣрой съ краснымъ воротникомъ шинели, которую онъ обыкновенно надѣвалъ въ оба рукава. Худощавое, блѣдное лицо его свидѣтельствовало объ изнурительныхъ трудахъ, ежедневно его обременявшихъ, а проницательные голубые глаза заставляли каждаго догадываться о необыкновенномъ умѣ его. Въ послѣднее время слабость зрѣнія заставляла его носить постоянно зеленые очки съ большимъ тафтянымъ абажуромъ. Не останавливаясь почти ни передъ кѣмъ, онъ прогуливался медленно, одинъ, мало заботясь о томъ, какое впечатлѣніе производила наружность его на проходившихъ. Нельзя было не замѣтить, по лицу его, что онъ, и во время прогулокъ, любилъ обдумывать то, что занимало его въ кабинетѣ. Въ его походкѣ, въ его костюмѣ и во всей фигурѣ, рѣзко отдѣлявшейся въ толпѣ, было что-то особое отъ прочихъ, нельзя сказать — странное, но тѣмъ не менѣе оригинальное. Форменное военное платье неохотно

гармонировало съ положеніемъ тѣла, поступью и всѣми движеніями особы, никогда не заботившейся о наружности. Привычка къ жизни простой, самобытной и посвященной только дѣятельности умственной, накладывала на эту внѣшность обманчивые признаки излишней бережливости, тогда—какъ все это было только слѣдствіемъ сосредоточенности мыслей на предметахъ высшей занимательности. Такимъ представлялся намъ графъ Е. Ф. Канкринъ въ публикѣ.

Между тѣмъ, онъ былъ человѣкъ вовсе не угрюмый, не тяжелый, не холодный. При всякой надобности доступъ къ нему былъ свободенъ. По нѣскольку разъ въ день выходилъ онъ изъ кабинета въ пріемную, чтобы выслушать объясненія просителей. Онъ не признавалъ въ томъ и особеннаго съ своей стороны снисхожденія. Съ занимаемою имъ должностію онъ не забывалъ связывать въ умѣ и всѣхъ своихъ обязанностей, какъ бы онѣ ни были скучны и утомительны. Притомъ же Канкринъ зналъ, что иногда одно изустное слово болѣе объяснитъ дѣло, нежели цѣлый исписанный листъ бумаги. Никогда не слышно было, чтобы жаловались на него, какъ на начальника чрезмѣрно строгаго, не входящаго въ положеніе и нужды подчиненныхъ, и только обременяющаго ихъ работою, хотя въ его вѣдомствѣ одно законное соблюденіе порядка могло уже многимъ казаться чѣмъ-то отяготительнымъ. Напротивъ: въ обширномъ кругѣ лицъ, отъ него зависѣвшихъ по должности, онъ какимъ-то неизъяснимымъ образомъ умѣлъ всѣхъ помнить, знать, цѣнить и соображать по этому свои назначенія. Истинное достоинство человѣка, на какой бы ступени судьба ни поставила его, было для него дорого: онъ всѣ способы употреблялъ на то, чтобы замѣченный имъ человѣкъ какъ нибудь не подпалъ подъ искушеніе жалѣть о судьбѣ своей, или жаловаться на нее. Графъ Е. Ф. Канкринъ, правда, устранялся отъ обыкновенныхъ пріятностей свѣтскаго общества, но не потому, чтобы, по сердцу, онъ не способенъ былъ къ общимъ удовольствіямъ. Онъ предпочиталъ имъ маленькую дружескую

бесѣду, въ которой прекрасная душа его и острый умъ чувствовали себя на всей свободѣ. Не отношенія къ свѣту определяли его выборъ пріятелей. Онъ оцѣнивалъ ихъ собственнымъ масштабомъ. Умъ, обогащенный знаніями; опыты, умудряющіе наблюдательныхъ людей; счастливое расположеніе духа, спасающее насъ отъ желчныхъ жалобъ и мизантропіи; игривая острота мыслей и словъ, придающая бесѣдѣ оживленіе; равнодушіе ко всѣмъ успѣхамъ внѣшнимъ, соблазняющимъ существа мелкія и пустыя — вотъ особенности, которыми онъ увлекался къ людямъ въ избранномъ кругу своемъ. Таковъ и самъ онъ былъ между ними постоянно ровный, по временамъ молчаливый, чаще остроумный, всегда открытый и искренній. Еще было въ немъ качество, выражавшее гибкій умъ его, и умѣнье сообщать всякой бесѣдѣ наипріятнѣйшій характеръ. Изучая людей, со всѣми оттѣнками хорошихъ сторонъ и ихъ слабостей, онъ не затруднялся ни въ какомъ положеніи. Ему ничего не стоило завлечь, кого бы то ни было, въ такой разговоръ и тотъ самый тонъ, который нравился другому. Множество счастливыхъ остротъ, брошенныхъ имъ съ полнымъ успѣхомъ въ бесѣдахъ самыхъ блестящихъ, частехонько разносилось по городу.

Графъ Е. Ф. Канкринъ женился, сорока двухъ лѣтъ, на родственницѣ покровителя своего, князя Барклая де-Толли, Е. З. Муравьевой. У него было семеро дѣтей. Никогда онъ такъ полно не наслаждался тихими семейными своими радостями, какъ живя лѣтомъ за городомъ. Здѣсь свободныя минуты свои проводилъ онъ, во всемъ значеніи слова, съ природою. Его душа влеклась къ уединеннымъ прогулкамъ, въ которыхъ онъ оставался съ своими размышленіями, пробираясь часто по лѣсу, безъ дорожекъ, по мѣстамъ, едва проходимымъ. Можетъ быть, онъ въ высокое званіе свое перенесъ этотъ вкусъ изъ первыхъ годовъ своей жизни. Родившись почти въ бѣдномъ состояніи, онъ, по отбытіи отца его въ Россію, оставался въ Германіи, занимаясь только науками и не получая привычекъ къ свѣт-

ской разсѣянности и общественнымъ удовольствіямъ. Даже здѣсь, въ Петербургѣ, до 1811 года, онъ проводилъ время, какъ нѣмецкій ученый. Рано въ немъ обнаружилась охота къ изложенію перомъ бродившихъ въ головѣ его мыслей. Началъ онъ свое авторство чисто литературными сочиненіями, написавъ вышеупомянутый романъ *«Дагоберъ.»* Въ послѣдствіи времени онъ предался болѣе серіозному роду, составивъ много уважаемыхъ всѣми сочиненій, о системѣ и средствахъ продовольствія армін, о военной экономіи въ мирное и военное время, о политической экономіи, экономіи человѣческаго общества, о лѣсоводствѣ, архитектурѣ и земледѣліи. Но однимъ изъ послѣднихъ произведеній пера его опять было сочиненіе легкой литературы, подъ названіемъ: *«Картины воображенія слѣпца»*. Этотъ странный путь дарованія напоминаетъ одно очень оригинальное признаніе Ж. Ж. Руссо:

«Въ молодости, говоритъ онъ, я страстно любилъ романы. Послѣ я оставилъ ихъ, чтобы ближе сойтись съ людьми. Теперь, узнавъ людей, я снова возвращаюсь къ романамъ — и никогда, никогда уже не оставлю ихъ».

Безъ сомнѣнія, пріятнѣйшимъ временемъ для графа Е. Ф. Канкрина были годы, въ которые лѣтомъ жилъ онъ близъ столицы, въ Лѣсномъ институтѣ. Не только это заведеніе ему обязано устройствомъ своимъ, но и всѣ тамошнія окрестности процвѣли отъ его попечительности о общественныхъ выгодахъ. Прежде трудно было и проѣхать въ Лѣсной институтъ, до котораго онъ, съ парголовской мостовой, провелъ прекрасную садовую дорогу. Училище помѣщалось въ одномъ деревянномъ домѣ. Онъ размѣстилъ его въ трехъ каменныхъ. Земля, принадлежащая заведенію, представляла сзади его брошенное пространство, покрытое то пескомъ, то болотами. Онъ распланировалъ эту дикую пустыню, провелъ по ней дороги, указалъ, гдѣ, для осушки топкихъ мѣстъ, нужно было вырыть пруды и небольшіе каналы, словомъ, онъ приготовилъ новую часть для городскаго населенія, на возвышенномъ мѣ-

стѣ, покрытомъ парками, куда просторъ, здоровый воздухъ и выгодныя условія поземельной платы привлекли во множествѣ новыхъ поселенцовъ, такъ что лѣтомъ, въ нынѣшнее время, изъ ближайшихъ окрестностей Петербурга, это лучшее, населеннѣйшее мѣсто. Проводившіе тамъ лѣто, въ прежнюю пору, конечно еще помнятъ, съ какою заботливостію, съ какою любовію министръ всегда самъ занимался устроеніемъ этого, можно сказать, по счастливому выраженію П. А. Плетнева, *канкринополя.*

Въ садоводствѣ и архитектурѣ графъ Егоръ Францовичъ оставался вѣренъ простотѣ, удобству, прочности и нѣкоторымъ правиламъ собственнаго вкуса. Паркъ, окружающій Лѣсной институтъ, болѣе въ англійскомъ родѣ, нежели прямолинѣйный. Но, въ прочихъ мѣстахъ, онъ, смотря по мѣстности и другимъ соображеніямъ общежитія, не чуждался и послѣдняго рода. Ему нравилась смѣсь растеній дикихъ съ садовыми. Въ уединенныхъ тѣнистыхъ алеяхъ вы встрѣчаете, вмѣсто скамеекъ, обтесанные камни, которые, по его приказанію, перевезены, за ненадобностію тамъ, изъ-подъ Смольнаго монастыря, гдѣ, подъ его надзоромъ, приводился къ окончанію знаменитый растрелліевскій соборъ. Есть что-то восточное и вмѣстѣ романическое въ обдѣлкѣ бьющихъ изъ-подъ земли ключей, въ постановкѣ и убранствѣ урнъ, вазъ и прочихъ украшеній сада. На всемъ чувствуется оригинальность, мысль и поэзія. Планы новыхъ зданій, построенныхъ графомъ Е. Ф. Канкринымъ, составлены были имъ самимъ. Онъ не любилъ громадныхъ, сплошныхъ строеній, предпочитая имъ дома разъединенные, которыхъ всѣ стороны обнимаетъ глазъ, обвѣваетъ свободный воздухъ. Зданія въ Лѣсномъ институтѣ, у Смольнаго монастыря, на биржѣ, въ Технологическомъ институтѣ, вездѣ, гдѣ только ему предоставлено было распоряжаться свободно, отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ. Каждое изъ названныхъ мѣстъ представляетъ собою какъ бы цѣлое селеніе, отдѣльное отъ всего къ нему прилежащаго.

Смотря на эти памятники его соображеній, можно видѣть, какъ онъ заботился и о безопасности строеній отъ пожаровъ и о доставленіи здороваго воздуха живущимъ въ нихъ. Во всемъ этомъ невольно проявляются раннія впечатлѣнія человѣка, котораго дѣтство и юность не были проведены въ многолюдномъ городѣ, и котораго легкія повсюду искали еще освѣжительнаго дыханія.

Кто изъ стариковъ засталъ въ Петербургѣ прежній домъ таможни и все, окружавшее его со стороны биржи, тотъ помнитъ, какой жалкой видъ представляли мѣста и предметы, нынѣ поражающіе насъ красотою, признаками порядка, изобилія и дѣятельности. Это преобразованіе начато и совершено графомъ Е. Ф. Канкринымъ. Съ первыхъ дней весны до глубокой осени теперь тамъ безпрерывное движеніе, говоръ, работа. Суда разныхъ приморскихъ державъ, произведенія природы и фабрикъ всѣхъ странъ, люди разныхъ націй, хозяева и работники, прогуливающіеся и досмотрщики — все вмѣстѣ передъ вами мелькаетъ, рябитъ въ глазахъ и, въ то же время, изумляетъ правильностію и прелестію живой картины. Чего нѣтъ на этомъ мысу Васильевскаго острова, обведеннаго блестящею коймой гранита? Полукружіемъ одно за другимъ, по берегу двухъ рукавовъ Невы, тянутся зданія, для склада разныхъ товаровъ, для присутствія таможенныхъ чиновниковъ, для выставки издѣлій отечественныхъ мануфактуръ и фабрикъ, для рисовальной школы—и въ центрѣ всего чугунною рѣшеткою обнесенный скверъ, въ которомъ ясень, липа, каштановое дерево и италіанскій тополь изумляютъ васъ своею свѣжею, темною зеленью. Въ первое время весны, когда открывается навигація, здѣсь бываетъ сборное мѣсто высшаго и средняго петербургскаго общества, до переѣзда его на дачи. По алеямъ сквера идутъ ряды привозныхъ растеній, клѣтокъ съ птицами, и другихъ предметовъ.

Оживленная, распространенная и, такъ сказать, облагороженная въ своемъ положеніи и въ отношеніяхъ своихъ,

русская торговля сообщила благопріятный свѣтъ и тому сословію, которое до тѣхъ поръ не вполнѣ выставлено было на общее вниманіе и уваженіе. Особенно учрежденіе выставки издѣлій отечественной промышленности показало характеръ и политическую значительность купечества. Дѣйствительными капиталами, и въ его кругу, уже начали быть признаваемы нравственныя достоинства, какъ-то: наибольшая довѣренность къ имени, равномѣрное стремленіе къ совершенствованію производимыхъ вещей, аристократическая часть въ словѣ и дѣлѣ.

Преобразованная идея требовала и матеріальной помощи, для прочнаго своего существованія. Графъ Е. Ф. Канкринъ предупредилъ нужды производительности и торговли. Человѣкъ съ разносторонними и основательными знаніями, онъ въ своемъ министерствѣ не усомнился основать разсадники спеціальныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ возникли технологическій институтъ, училище торговаго мореплаванія, высшій коммерческій пансіонъ и много другихъ училищъ по разнымъ предметамъ, которыхъ успѣхамъ надобно было положить основаніе прочное и неизмѣнное. Первое изъ этихъ заведеній было любимымъ его дѣтищемъ. Самъ онъ, по уничтоженіи, такъ называвшагося, Волынскаго двора, выбралъ тамъ мѣсто для института, приготовилъ планы всѣхъ въ немъ строеній и, почти ежедневно, пріѣзжая свидѣтельствовать производившіяся работы, принужденъ былъ наконецъ подниматься на зданія, когда ихъ уже подводили подъ крыши. Эти мелкія черты жизни, представляясь наблюдательному и опытному глазу, много зарождаютъ въ умѣ думъ, когда предметомъ ихъ мужъ государственный.

Въ бытность свою въ Германіи, гдѣ, въ послѣдніе, болѣзненные, годы своей жизни, онъ искалъ исцѣленія отъ своихъ недуговъ, графъ Канкринъ продиктовалъ книгу, которая была напечатана, вскорѣ послѣ его кончины, въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ была и написана. Въ

предисловіи къ этой книгѣ, авторъ такъ повѣствуетъ о самомъ себѣ:

«Когда я былъ молодъ (а теперь мнѣ 69 лѣтъ), гулялъ я въ областяхъ поэзіи. Но жизнь удалила меня въ пустыни. За нѣсколько лѣтъ тому назадъ чрезмѣрное напряженіе глазъ довело меня до слѣпоты. Въ уединенные часы, въ безсонныя ночи, мнѣ оставалось одно — предаваться картинамъ воображенія, а подвижная моя жизнь представляла мнѣ много матеріаловъ. Зрѣніе мое поправилось. Во время долгаго путешествія, предпринятаго для отдохновенія, къ минеральнымъ водамъ, вѣчные дожди, бывшіе лѣтомъ 1843 года, дали мнѣ случай сократить скуку праздныхъ часовъ, записываніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ фантазій. Вотъ онѣ, представленныя вкратцѣ и почерпнутыя изъ жизни».

Авторъ этихъ повѣстей—графъ Е. Ф. Канкринъ. Сообразивъ обстоятельства, въ какихъ онъ писалъ свои *Повѣсти*, обративъ вниманіе на преклонность лѣтъ его и двадцатилѣтнія безпрерывныя занятія дѣлами сухими, хотя и самыми важными, никто не удивится, что въ этихъ бездѣлкахъ свободныхъ часовъ не встрѣчается той энергіи его характера, той глубины ума его, тѣхъ красокъ искусства, которыхъ во всемъ ожидаешь отъ геніальнаго человѣка. Читая эти повѣсти, убѣждаешься только въ томъ, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ умственная дѣятельность была всегдашнею потребностію. Съ этой точки зрѣнія, повѣсти его представляются уже чѣмъ-то болѣе, нежели замѣчательнымъ въ ряду памятниковъ его бытія. Успѣхи на поприщѣ государственномъ не притупили его вкуса къ благороднымъ забавамъ воображенія, къ этому человѣчески-прекрасному занятію, которому такъ любятъ предаваться, въ наше время, первыя правительственныя лица Англіи и Франціи. Авторъ не издавалъ сочиненій своихъ на русскомъ языкѣ; но онъ зналъ его и читалъ на немъ все, достойное вниманія.

Потомство должно сохранить въ памяти, что графъ Е. Ф. Канкринъ, какъ друга, любилъ подлѣ себя видѣть И. А. Крылова, и съ такимъ же удовольствіемъ встрѣчалъ въ своемъ домѣ В. А. Жуковскаго, князя П. А. Вяземскаго (служившаго даже подъ его начальствомъ) и знаменитаго Пушкина.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ

РИКОРДЪ

(1779—1855).

Фамилія Рикордъ происходитъ изъ Италіи, именно изъ города Ниццы. Дѣдъ Петра Ивановича, Иванъ Рикордъ, прибылъ въ Россію въ началѣ XVIII вѣка. Отецъ его, Иванъ Ивановичъ (Жанъ-Батистъ) былъ въ военной службѣ, и скончался, въ девяностыхъ годахъ, въ чинѣ полковника. Жена его была родомъ изъ Данцига. Иванъ Ивановичъ провелъ всю свою жизнь въ походахъ, причемъ жена ему сопутствовала. Самъ онъ былъ вѣроисповѣданія католическаго, и если стоялъ въ городѣ, гдѣ была католическая церковь, то крестилъ родившагося тамъ своего младенца по обряду римской церкви; если же не было священника католическаго, крестилъ новорожденнаго по обряду православной церкви: оттого сыновья его Петръ и Александръ и дочери Пелагея и Анна были исповѣданія православнаго, а сынъ Константинъ и дочь Марія католическаго. Константинъ въ послѣдствіи принялъ исповѣданіе православное. Братъ Петра Ивановича, Александръ, скончался, въ 1841 году, въ чинѣ генералъ-маіора, а Константинъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Изъ сестеръ Анна была монахинею въ тихвинскомъ монастырѣ.

Петръ Ивановичъ Рикордъ родился, 29-го января 1779 г., въ Торопцѣ. Въ 1786 году, по просьбѣ отца его, служившаго тогда преміеръ-маіоромъ въ ингерманландскомъ карабинерномъ полку, былъ онъ опредѣленъ, съ младшимъ братомъ Александромъ, въ морской кадетскій корпусъ; они, за неимѣніемъ вакансій, находились нѣсколько времени пансіонерами. Мать Петра Ивановича была женщина образованная: она выучила дѣтей своихъ языкамъ французскому и нѣмецкому, а порусски они умѣли только читать и писать. Дѣти въ корпусѣ вскорѣ забыли иностранные языки, совершенно тамъ обрусѣли, и потомъ должны были учиться снова: во французскомъ успѣли, но нѣмецкій языкъ имъ не дался.

Въ 1792 году, Петръ Ивановичъ Рикордъ былъ произведенъ въ гардемарины, и въ этомъ чинѣ сдѣлалъ двѣ кампаніи, одну отъ Кронштадта до Гохланда, а другую, въ 1793 году, на кораблѣ «Сысой Великій», до Копенгагена. 24-го апрѣля 1794 г., выпущенъ онъ былъ, по экзамену, изъ корпуса мичманомъ. На празднованіи шестидесятилѣтняго юбилея его службы (24-го апрѣля 1854 г.), разсказывалъ Рикордъ гостямъ своимъ происшествіе этого достопамятнаго для него дня, какъ онъ, въ бѣломъ тогдашнемъ флотскомъ мундирѣ, въ башмакахъ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ (въ Кронштадтѣ, гдѣ тогда помѣщался морской корпусъ), отправился, по глубокой грязи, для принесенія благодарности своимъ начальникамъ, за производство.

Въ 1795 году, отправлена была въ Нѣмецкое море значительная русская эскадра, подъ командою вице-адмирала Ханыкова, для принятія участія въ дѣйствіяхъ противъ Франціи. Эскадра эта не была употреблена въ дѣло, и простояла за границею слишкомъ четыре года. Мичманъ Рикордъ находился на кораблѣ «Пименъ». Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, именно съ Василіемъ Михайловичемъ Головнинымъ и Григоріемъ Яковлевичемъ Коростовцевымъ, рѣшился онъ употребить мирную стоянку у англійскихъ береговъ на усовершенствованіе себя въ наукахъ. Съ дозволенія

своего начальства, отправились они въ Лондонъ; нанявъ скромную квартиру, пріискали себѣ хорошихъ наставниковъ, выучились основательно языкамъ французскому и англійскому, и дополнили свѣдѣнія свои въ наукахъ, преимущественно относившихся къ морскому дѣлу.

Пребываніе ихъ въ Лондонѣ было не безпрерывное. Въ извѣстные сроки они пріѣзжали на флотъ, несли службу, и потомъ вновь отлучались въ свой укромный уголокъ, и садились за книги и тетради. Флотъ нашъ не былъ обремененъ большими трудами, если исключить блокаду голландскихъ береговъ. Молодые офицеры проводили время, и полезно, и пріятно. Устроили на кораблѣ театръ, и представляли на русскомъ языкѣ трагедіи, къ удовольствію пріѣзжавшихъ къ нимъ въ гости англичанъ. Рикордъ игралъ роль Долабеллы, Бунинъ Кассія. Забывая роль, они импровизировали, съ важнымъ видомъ, слова русскихъ пѣсенъ. Иногда занимались они и музыкою. Однажды, стоя на ярмутскомъ рейдѣ, устроили они, на кораблѣ «Петръ», квартетъ любителей, и лишь только разыгрались, поднялась ужасная буря, и корабль бросило на мель. Музыканты выскочили, побросали свои инструменты, и кинулись по мѣстамъ. Штормъ продолжался трое сутокъ. Корабль «Петръ» былъ близокъ къ гибели. При этомъ случаѣ Рикордъ явилъ удивительное безстрашіе, самоотверженіе и знаніе своего дѣла. Гдѣ опасность, тамъ онъ былъ первымъ. Четыре часа боролся онъ на катерѣ съ страшными волнами, чтобъ поставить корабль «Петръ» на два якоря (фертоингъ). Между тѣмъ, за отличіе при высадкѣ десантныхъ войскъ на берегъ Голландіи, пожалованъ онъ былъ орденомъ св. Анны третьей (что нынѣ четвертая) степени, а въ 1800 году произведенъ въ лейтенанты.

Эскадра вице-адмирала Ханыкова, перешедшая потомъ подъ начальство вице-адмирала Макарова, простояла въ тѣхъ моряхъ до 1800 года. Вскорѣ затѣмъ Рикордъ, съ нѣкоторыми изъ товарищей своихъ, получилъ позволеніе вступить

волонтеромъ на англійскій флотъ, для усовершенствованія своихъ познаній въ морскомъ дѣлѣ практикою. Онъ пробылъ на этомъ флотѣ съ 18-го февраля 1803 до 28-го сентября 1805 года. Эти два съ половиною года употребилъ онъ съ большою для себя пользою, безпрестанно былъ въ походахъ, учился, сравнивалъ, замѣчалъ и пріобрѣталъ на опытѣ искусство переговоровъ и сношеній съ друзьями и съ врагами, что ему было чрезвычайно полезно въ послѣдствіи.

Въ 1807 году, открылось его дѣятельности, любви къ отечеству и усердію къ службѣ, новое поприще, на которомъ онъ, и въ маломъ чинѣ, снискалъ безсмертную славу. Правительство наше отправило, для географическихъ открытій и описанія сѣверной части Великаго океана, преимущественно въ предѣлахъ Россіи, шлюпъ «Діана», подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Василія Михайловича Головнина. Экипажъ составленъ былъ изъ отборныхъ людей, и снабженъ всѣмъ нужнымъ, для кругосвѣтнаго путешествія и для произведенія ученыхъ наблюденій. Первымъ помощникомъ себѣ Василій Михайловичъ испросилъ перваго друга своего Рикорда. «Діана» снялась съ якоря въ Кронштадтѣ, 25-го іюля, а 6-го сентября пришла въ Портсмутъ, и оставалась тамъ два мѣсяца, для того, чтобъ запастись многими нужными инструментами. Въ то время возникали на политическомъ горизонтѣ новыя бури. По заключеніи тильзитскаго мира, особенно послѣ бомбардированія Копенгагена, можно было предполагать, что между Россіею и Англіею послѣдуетъ разрывъ. Въ ожиданіи этого, посольство наше въ Лондонѣ испросило у англійскаго правительства нашему шлюпу «Діана» паспортъ, какой дается судамъ, плавающимъ для открытій и съ ученою цѣлію: съ такимъ паспортомъ, и въ случаѣ войны, русскій шлюпъ могъ свободно плавать среди англійскихъ морскихъ силъ; но на дѣлѣ вышло иное. «Діана» вышла изъ Портсмута 1-го ноября и когда пришла на мысъ Доброй Надежды, ее задержали, до полученія приказанія изъ Англіи, о пропускѣ вооруженнаго

русскаго судна въ Индійское море. Тщетно ожидали полученія этихъ предписаній. Видно было, что англійское правительство, не имѣя права объявить «Діану» военнымъ призомъ, старалось удержать ее подъ разными предлогами, и, не производя командѣ ея содержанія, которое отпускается военноплѣннымъ, принудить тѣмъ капитана продать корабль и воротиться въ Россію. Прождавъ цѣлый годъ, Головнинъ рѣшился уйдти, и исполнилъ это намѣреніе очень умно, искусно и счастливо. Одинъ Рикордъ зналъ его намѣренія, и помогалъ ему усердно. 4-го іюня 1809 года приглашены были русскіе офицеры, начальникомъ колоніи, на обѣдъ, по случаю дня рожденія короля англійскаго. Головнинъ извинился нездоровьемъ и остался на «Діанѣ», для приготовленія къ уходу. Рикордъ былъ на обѣдѣ, произносилъ тосты и спичи, и къ вечеру вернулся къ своему посту. Наступила темная и бурная ночь. Капитанъ вызвалъ на верхъ всю команду, подняли паруса, и ушли изъ Столоваго залива. Въ морѣ поворотили на востокъ, шли вдоль льдовъ Южнаго океана, обогнули Ванъ-Дименову землю, и, пустившись къ сѣверу, благополучно прибыли въ Камчатку 23-го ноября. Два года (1809 и 1810) проведены были нашими мореплавателями въ Камчаткѣ и на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки. Въ 1811 году, Головнинъ получилъ приказаніе морскаго начальства, описать точнѣйшимъ образомъ южные Курильскіе острова, Шантарскіе острова и Татарскій берегъ, отъ широты 53° 31′ до Охотска. Онъ отправился туда 4-го мая, и до 17-го іюня описалъ нѣкоторые изъ Курильскихъ острововъ. Во время этой описи, остановился онъ у острова Кунашира, въ заливѣ, населенномъ японцами, и намѣревался налиться свѣжею водою и запастись дровами. Японцы, озлобленные тогда противъ Россіи, успѣли заманить Головнина, съ нѣсколькими его подчиненными, въ самую свою крѣпость, и тутъ захватили ихъ въ плѣнъ, въ которомъ они провели много времени. Свѣдѣнія объ этомъ японскомъ плѣнѣ, читатель найдетъ въ этой же книгѣ, въ жизнеописаніи Го-

ловнина, гдѣ описанъ отчасти и подвигъ Рикорда, имѣвшій цѣлію и результатомъ освобожденіе русскихъ изъ заточенія у японцевъ.

Послѣ этого несчастнаго событія, случившагося 11-го іюля 1811 г., лейтенантъ Рикордъ, какъ старшій, принялъ команду надъ шлюпомъ, и, сдѣлавъ нѣсколько тщетныхъ покушеній противъ прибрежнаго города, съ глубокою горестью, но и съ твердымъ намѣреніемъ спасти своихъ соотечественниковъ, отправился въ Охотскъ. По прибытіи туда, рѣшился онъ, для пріобрѣтенія средствъ къ исполненію предпринимаемаго имъ подвига, ѣхать въ Иркутскъ, а если нужно, то и въ С.-Петербургъ. Онъ исполнилъ свое намѣреніе, преодолѣвъ на пути многочисленныя затрудненія и опасности: иногда проѣзжалъ въ день верхомъ по девяносто верстъ — мученіе для моряка, привыкшаго носиться по волнамъ океана. Прибывъ въ Иркутскъ, рѣшился онъ ждать тамъ предписанія изъ Петербурга, куда уже было послано мѣстнымъ начальствомъ донесеніе о несчастіи, постигшемъ капитана Головнина. Получивъ разрѣшеніе отправиться въ Охотскъ, для продолженія описи и для узнанія объ участи несчастныхъ своихъ соотечественниковъ, онъ поѣхалъ по назначенію. Въ 1812 году пришелъ къ японскимъ берегамъ на двухъ судахъ, но не могъ вступить съ японцами ни въ какіе переговоры, а только успѣлъ захватить въ плѣнъ одного знаменитаго купца Такатая-Кахи, и, при содѣйствіи этого умнаго и благороднаго человѣка, возобновилъ, въ 1813 году, начатое дѣло, и на этотъ разъ съ желаннымъ успѣхомъ. Черезъ двадцать шесть мѣсяцевъ и двадцать шесть дней заключенія, 1-го октября 1813 года, освобожденъ былъ капитанъ Головнинъ съ своими товарищами. Подробное описаніе обстоятельствъ этого плѣна, и освобожденія можно найти въ особо изданныхъ книгахъ *). Здѣсь скажемъ только, что

---

*) Вотъ ихъ заглавія: *Записки В. М. Головнина въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ.* С.-Петербургъ, 1851 года и *Записки флота капитана*

главнымъ средствомъ этого освобожденія были настойчивость и неутомимость Рикорда, его великодушная и безкорыстная дружба къ Головнину, его необыкновенный умъ, способность къ переговорамъ и наконецъ добрѣйшее сердце, которымъ онъ привязывалъ къ себѣ всякаго, и успѣлъ внушить почтеніе и довѣренность скрытнымъ и подозрительнымъ японцамъ. Съ какими затрудненіями сопряжено было исполненіе этого подвига, явствуетъ изъ того, что Рикордъ, для веденія переговоровъ съ Такатаемъ-Кахи, выучился у него японскому языку, и дошелъ до того, что могъ выражать по японски мысли о предметахъ отвлеченныхъ и религіозныхъ.

Въ продолженіе этой экспедиціи, Рикордъ былъ произведенъ по линіи въ капитанъ-лейтенанты (26-го февраля 1810) и за отличіе по службѣ, при спасеніи русскихъ изъ японскаго плѣна, въ капитаны 2-го ранга (4-го іюля 1814), и получилъ, за тотъ же подвигъ, пожизненный пенсіонъ въ 1,500 р. Въ 1816 году награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, за выслугу осьмнадцати шестимѣсячныхъ кампаній.

Въ счастливомъ освобожденіи друга своего, Головнина, Рикордъ видѣлъ особенную къ себѣ благость руководившаго имъ провидѣнія, и какъ бы изъ благодарности обрекъ себя на службу, въ которой должно было переносить всѣ лишенія домашней и общественной жизни. Въ 1817 году, назначенъ онъ былъ, съ производствомъ въ капитаны 1-го ранга, начальникомъ Камчатки. Новое преобразованіе этого края, замѣною сухопутнаго управленія морскимъ, при назначеніи Петропавловскаго порта вмѣсто Нижне-Камчатска главнымъ мѣстомъ на полуостровѣ; неимѣніе никакихъ средствъ и скудость края; усиленіе ужасной болѣзни, угрожавшей истребленіемъ всѣхъ туземныхъ жителей, камчадаловъ, указали ему обширное поприще, для дѣйствій въ пользу родины и страждущаго человѣчества, и удовлетворили главной потребности

Рикорда о плаваніи его къ японскимъ берегамъ въ 1812 и 1813 годахъ. С.-Петербургъ, 1851 года, второе изданіе.

его сердца. Отправляясь, для вступленія въ управленіе Камчаткою, въ 1817 году, выбралъ онъ искусныхъ врачей въ С.-Петербургѣ, привезъ ихъ съ собою, и занялся учрежденіемъ больницъ въ разныхъ мѣстахъ полуострова. Кроткое и миролюбивое племя камчадаловъ искренно къ нему привязалось; пятилѣтнее его тамъ пребываніе благословляется до нынѣ, и передается имя кроткаго и благодѣтельнаго начальника, изъ рода въ родъ. До отправленія въ Камчатку, служилъ Рикордъ бо́льшею частію въ морскихъ экспедиціяхъ внѣ Россіи. Оставшись свободнымъ на одно лѣто въ С.-Петербургѣ, онъ вздумалъ посѣтить южный край Россіи, и нашелъ, въ одномъ благородномъ и образованномъ семействѣ, подругу своей жизни. Вступивъ съ нею въ бракъ, отправился онъ въ вожделѣнный свой край, Камчатку. Въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ были напечатаны отчеты супруги его, о стараніяхъ ея познакомить камчатскихъ жителей съ огородничествомъ и употребленіемъ нѣкоторыхъ овощей, въ томъ краѣ неизвѣстныхъ.

За человѣколюбивыя дѣйствія свои въ Камчаткѣ, Рикордъ награжденъ былъ (1819) орденомъ св. Анны 2-й степени, брилліантами украшеннымъ, а за пятилѣтнее прохожденіе должности начальника того края, пенсіономъ по 1,400 р. асс. въ годъ.

По истеченіе срока службы въ Камчаткѣ, Рикордъ воротился въ Петербургъ, и назначенъ былъ сперва (1822) командиромъ 7-го флотскаго экипажа, а потомъ (1825) начальникомъ надъ Кронштадтскимъ портомъ, и произведенъ въ капитанъ-командоры (1826) и въ контръ-адмиралы (1827). Подъ надзоромъ его, снаряжалась эскадра, отправившаяся для дѣятельной морской службы.

Выпуствъ изъ порта какой нибудь корабль, Петръ Ивановичъ грустилъ, что другой счастливецъ, а не онъ, поднимаетъ на немъ флагъ свой. Наконецъ желаніе его исполнилось.

Въ 1828 году началась другая эпоха его служенія. Въ

апрѣлѣ этого года, назначенъ онъ былъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала, генералъ-адъютанта Сенявина, командиромъ эскадры, посланной въ Средиземное море. Онъ отправился изъ Кронштадта 15-го іюня, на кораблѣ «Фершампенуазъ», и 11-го октября началъ славную свою блокаду Дарданеллъ, съ небольшими силами, въ виду неприятеля, среди другихъ державъ, ненадежныхъ, если не совершенно враждебныхъ, въ бурное зимнее время, и исполнилъ ее съ величайшимъ благоразуміемъ, рѣдкимъ знаніемъ дѣла и совершеннымъ успѣхомъ. Онъ прекратилъ всѣ подвозы съѣстныхъ и другихъ припасовъ къ Константинополю изъ Египта, Сиріи и другихъ странъ, и морилъ голодомъ столицу султана, а между тѣмъ обходился человѣколюбиво и снисходительно не только съ мореходами нейтральными, но и съ непріязненными. Когда, по заключеніи мира, онъ, съ супругою своею, сопровождавшею его почти повсюду, представлялся султану, Махмудъ сказалъ ей, что весьма обязанъ ея мужу за кроткое, благородное и великодушное обхожденіе съ его подданными. Важность и значительность этой девятимѣсячной блокады, въ бурное зимнее время, явится намъ во всемъ своемъ блескѣ, если сравнимъ съ нею бѣдственную стоянку въ тѣхъ же странахъ англо-французскаго флота въ зиму 1853—1854 годовъ, среди друзей и союзниковъ, при всѣхъ возможныхъ средствахъ и пособіяхъ, и главнѣйше при помощи винтовыхъ и колесныхъ пароходовъ, которые, въ 1828 году, во флотахъ еще не употреблялись.

По заключеніи адріанопольскаго мира, Рикордъ, съ ввѣренною ему эскадрою, оставался, вмѣсто вице-адмирала графа Гейдена, въ Архипелагѣ, и тѣмъ способствовалъ къ возстановленію и утвержденію Греціи. Вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовали союзныя съ нами тогда эскадры Франціи и Англіи. Рикордъ явилъ, въ сношеніямъ съ ними, всѣ качества храбраго воина и дальновиднаго дипломата. Во все свое пребываніе тамъ, среди безначалія, возмущеній, убійствъ, которыхъ жертвою сдѣлался графъ Каподистрія, онъ не уронилъ достоин-

ства русскаго флага и своего значенія. Терпѣніемъ, кротостью и благоразуміемъ, примирялъ онъ враждующія партіи, смягчалъ и охлаждалъ запальчивые порывы своихъ союзниковъ, и тушилъ искру, которая и тогда была готова произвесть пламя войны съ Россіею, съ тою неистовою враждою, которую питали къ намъ западныя морскія державы, и которая въ послѣдствіи (1853—1856) разразилась во всей своей силѣ. Особенно враждовалъ съ Рикордомъ, бывшій потомъ (1854—1855) начальникомъ англійской эскадры въ Черномъ морѣ, адмиралъ Лейонсъ. Французская дипломація была для него спокнѣе. Подвиги его храбрости, рѣшительности, благоразумія и человѣколюбія остались въ памяти и сердцахъ грековъ, возлагавшихъ на него свои надежды. Въ 1833 году, по установленіи въ Греціи благоустроеннаго правительства, Петръ Ивановичъ возвратился въ Россію, и въ Севастополѣ сдалъ отрядъ военныхъ судовъ, бывшихъ подъ его командою. За отличіе при блокадѣ Дарданеллъ и Константинополя, награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени (17-го марта 1829), а за командованіе отрядомъ на греческихъ водахъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. 6-го декабря 1831 года, произведенъ онъ былъ въ вице-адмиралы.

По возвращеніи съ эскадрою въ Россію, былъ онъ назначенъ (1833) начальникомъ 1-й флотской дивизіи, и въ этомъ званіи ходилъ, изъ Кронштадта въ Данцигъ и обратно, съ дессантомъ гвардейскаго отряда, назначеннаго въ Калишъ, а чрезъ нѣсколько времени послѣ того (1836) назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, и въ тотъ же день пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла, а въ 1841 году орденомъ св. Александра Невскаго. Оставаясь членомъ адмиралтействъ-совѣта, былъ онъ предсѣдателемъ комитета о построеніи пароходовъ для Балтійскаго флота, и потомъ для Каспійскаго моря. Произведенъ въ адмиралы (10-го октября 1843 г.), а 6-го декабря 1850 года назначенъ предсѣдателемъ морскаго ученаго комитета.

Въ 1852 году, узнавъ о предпамѣреваемой экспедиціи въ Японію, онъ представилъ императору Николаю Павловичу мнѣнія и предположенія свои объ этомъ важномъ предметѣ. Мнѣнія его были приняты съ полнымъ благоволеніемъ и, конечно, съ пользою послужили для русской экспедиціи, совершившей многолѣтнее кругосвѣтное плаваніе, подъ начальствомъ адмирала графа Путятина, который способствовалъ основанію прочныхъ сношеній Россіи съ Японіею.

Въ 1854 году, Рикордъ, уже маститый адмиралъ, осчастливленъ былъ, назначеніемъ его въ командующіе соединенными 1-ю и 2-ю флотскими дивизіями, въ Кронштадтѣ. Съ усердіемъ, рвеніемъ и неутомимостію, принялся вновь за дѣйствительную морскую службу семидесяти-шестилѣтній старецъ, и подавалъ въ томъ примѣръ всѣмъ своимъ подчиненнымъ, ревнуя отразить врага отъ твердынь кронштатдскихъ, но это желаніе его не сбылось: непріятель, приблизившись къ острову Котлину, и увидѣвъ грозные наши форты и громадныя баттареи, не разсудилъ отваживать силъ своихъ, и отправился вспять. По окончаніи навигаціи, Рикордъ спустилъ адмиральскій флагъ на кораблѣ «Императоръ Петръ I», и воротился на зиму въ С.-Петербургъ.

24-го апрѣля 1854 года, праздновалъ онъ шестидесятилѣтній юбилей своей славной и полезной отечеству службы, удостоенный высокаго присутствія генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича. При этомъ случаѣ всемилостивѣйше повелѣно ему было состоять при особѣ государя императора и носить на эполетахъ вензеловое изображеніе имени его императорскаго величества.

Въ декабрѣ 1854 года, онъ заболѣлъ простудою, въ январѣ поправился было, но къ прежнему недугу присоединились припадки холеры, и онъ скончался 16-го февраля 1855 года.

Природа одарила Рикорда умомъ яснымъ, проницательнымъ, твердымъ. Онъ умѣлъ найтись въ самыхъ затрудни-

тельныхъ обстоятельствахъ жизни и службы, ясно понималъ свое положеніе и средства, и дѣйствовалъ по избранному пути неуклонно, безостановочно, внимая только голосу долга и чести. Умъ его былъ обогащенъ познаніями и опытомъ, плодомъ долговременныхъ, неутомимыхъ наблюденій на поприщѣ свѣта. Эти блистательныя качества проявлялись въ сношеніяхъ его съ разнородными лицами и народами: съ англичанами, французами, греками, турками, японцами и дикарями Восточнаго океана. При этихъ разнообразныхъ сношеніяхъ, онъ доказывалъ, что былъ такимъ же тонкимъ дипломатомъ, какъ и храбрымъ воиномъ и искуснымъ морякомъ. Слѣдственно, скажутъ намъ, онъ былъ неуловимъ? Нѣтъ, онъ употреблялъ для этого другія средства, вѣрнѣйшія и благороднѣйшія: онъ былъ правдивъ въ словахъ и поступкахъ своихъ, и откровененъ, сколько допускало благоразуміе; твердъ въ своихъ правилахъ и неустрашимъ въ опасностяхъ. Всѣ интриги и ухищренія враговъ сокрушались о твердую грудь честнаго человѣка. Впрочемъ, пособіемъ этому уму, этой твердости служили два отличныя качества его: вопервыхъ, благородная вѣжливость, самая нѣжная деликатность въ обращеніи со всѣми, избѣжаніе всего, что могло бы причинить непріятность кому бы то ни было. Такъ, напримѣръ, въ плаваніи Рикорда по Средиземному морю, посѣтилъ его одинъ французскій адмиралъ. Петръ Ивановичъ принялъ его учтиво, ласково, дружелюбно, водилъ по всему кораблю, заставилъ маневрировать другія суда эскадры и пр., но трепеталъ невольно, отчего? Онъ боялся, чтобъ адмиралъ не спросилъ имени адмиральскаго корабля, называемаго «Фершампенуазъ», по одной изъ побѣдъ, одержанныхъ императоромъ Александромъ I надъ французами. Къ удовольствію его, этого не случилось: вѣроятно, французы знали уже, каковъ будетъ отвѣтъ, и удержались отъ вопроса. Другимъ пособіемъ, еще важнѣйшимъ, уму его было несравненное его сердце — доброе, нѣжное, любящее, сострадательное къ бѣдствіямъ ближ-

шаго, благодарное за добро, забывчивое на зло. Можно было огорчить его, но рассердить никогда. Характеръ его былъ ровный, тихій. Никогда не выходилъ онъ изъ себя. Незлобіе и безкорыстіе его были безпредѣльны. Благочестіе его было искреннее: каждое утро прочитывалъ онъ главу изъ ветхаго или новаго завѣта; съ удовольствіемъ и благоговѣніемъ слушалъ церковныя поученія, и всегда входилъ въ алтарь, благодарить священника за сказанную проповѣдь, и бралъ съ нея для себя копію. И послѣ этого удивительно ли, что онъ умѣлъ привязывать къ себѣ тѣсными узами и друзей и враговъ, и дикихъ, и просвѣщенныхъ, и японца Такатая-Кахи, который въ началѣ хотѣлъ было убить его, а потомъ полюбилъ, какъ сына, и пашу острова Тассо, пожертвовавшему, дружбѣ къ русскому адмиралу, своимъ мѣстомъ и существованіемъ, и просвѣщеннѣйшаго и благороднѣйшаго изъ современниковъ нашихъ, графа Каподистрія. Не одни отдѣльныя лица, но цѣлыя сословія были привязаны къ нему узами любви и почтенія. Въ 1854 году, при командованіи имъ эскадрою въ Кронштадтѣ, лишь только онъ выходилъ на шканцы, всѣ свободные отъ службы матросы бросались наверхъ, чтобъ взглянуть на своего адмирала, и ему поклониться. Въ день его погребенія (21-го февраля), толпы народа разныхъ сословій стояли на перекресткахъ (отъ морскаго корпуса до Александровской лавры), чтобъ простится съ тѣломъ добраго человѣка. И эта доброта сердца не ограничивалась ласковыми словами и обѣщаніями: онъ помогалъ всякому, какъ могъ, вступался за притѣсняемыхъ, за отставныхъ воиновъ, за вдовъ и сиротъ, думалъ обо всѣхъ—кромѣ самаго себя. Онъ былъ довѣрчивъ и не зналъ подозрительности. Скорѣе хотѣлъ быть обманутымъ, нежели думать, что его хотятъ обмануть. Простодушіе и благородство его проявились удивительнымъ образомъ, въ путешествіи его по Италіи. По прибытіи въ Ниццу, изъ которой происходитъ родъ его, онъ пошелъ на рынокъ и въ рыбачьи хижины, на берегу, и говорилъ громко: «Я русскій адмиралъ,

родомъ изъ Ниццы; фамилія моя Рикордъ. Нѣтъ ли у меня здѣсь родни?» Высыпала тма претендентовъ, и Рикордъ, и Рикордо, Рикорди, Рикори, Рикортъ, де Рикорди, и пр. Онъ собралъ всѣхъ ихъ, пригласилъ къ себѣ, угостилъ обѣдомъ, съ тѣмъ веселымъ гостепріимствомъ, которое господствовало въ его домѣ, и объявилъ, что если кто докажетъ дѣйствительное родство съ нимъ, то онъ того не оставитъ. Многіе изъ нихъ хлопотали, ухищрялись, писали, но не могли добиться никакого права. Между тѣмъ память о добромъ русскомъ адмиралѣ осталась въ сердцахъ жителей Ниццы.

Петръ Ивановичъ любилъ науки, искусства, промышленность, торговлю и преуспѣянія всякаго рода. Онъ былъ членомъ главнаго правленія училищъ, С.-Петербургской академіи наукъ, Московскаго университета, вольнаго экономическаго общества, тюремнаго общества, Московскаго общества сельскаго хозяйства и общества натуралистовъ, многихъ хозяйственныхъ и литературныхъ. Съ особеннымъ усердіемъ участвовалъ онъ въ трудахъ обществъ географическаго и вольнаго экономическаго. Посѣщалъ всѣ ученыя собранія, экзамены въ училищахъ, во всемъ принималъ участіе, радовался всему хорошему. Во всѣхъ подобныхъ торжествахъ видѣли возсѣдающаго въ первомъ ряду благообразнаго старца, слѣдившаго за новыми открытіями и успѣхами, открывавшаго и поощрявшаго юные таланты.

ИВАНЪ АѲАНАСЬЕВИЧЪ

ДМИТРЕВСКІЙ

(1734—1821).

1750 годъ былъ великимъ годомъ для русскаго просвѣщенія и для русскаго искуства! Въ этомъ году родился русскій театръ. Основателемъ его былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (кожевенникъ); крестнымъ отцомъ и образователемъ — Иванъ Аѳанасьевичъ Дьяконовъ, дьячекъ, въ послѣдствіи знаменитый актеръ — Дмитревскій, которому рукоплескала вся Россія, которымъ восхищались даже просвѣщеннѣйшіе иностранцы, хотя и не понимали русской рѣчи.

Въ день св. Петра и Павла, въ вышеупомянутомъ году, происходило необыкновенное движеніе въ Ярославлѣ. Выходя изъ церкви, знакомые останавливались на улицѣ и толковали о какомъ-то небываломъ явленіи, о какомъ-то удивительномъ зрѣлищѣ. Различны были мнѣнія объ этомъ нововведеніи: одни любопытствовали и радовались, другіе хулили, что такой великій день былъ избранъ для мірской забавы и демонскаго наважденія, по невѣжественнымъ понятіямъ того времени, т. е. за сто пятнадцать лѣтъ предъ симъ. Говоръ, между тѣмъ, разносился по всему городу и толпы народа стремились къ заводскому дому кожевеннаго фабриканта и купца Ѳедора

Тимоѳеевича Полушкина. Весь переулокъ, обхваченный заборомъ селитреныхъ, сѣрныхъ и кожевенныхъ заводовъ купца Полушкина, былъ унизанъ любопытными. Одни, нагнувшись, смотрѣли въ скважины досокъ, другіе, ухватясь за желѣзныя иглы, изъ предосторожности вбитыя въ верхній брусъ забора, поднимались на цыпочки, подмащивались и глядѣли на дворъ. Между тѣмъ на дворѣ была замѣтна необыкновенная дѣятельность. Иной подумалъ бы, что и день то не праздничный. Рабочій людъ не рѣзалъ гречневиковъ передъ воротами, не ломалъ пряниковъ, накинувъ на плеча праздничные кафтаны, не бился на кулачкахъ за огородомъ, не дулся въ бабки и не затягивалъ хоромъ разудалыхъ пѣсенъ подъ дребедень балалайки. Всѣ были заняты странною работою: изъ амбаровъ таскали расписанныя яркими красками полотна, походныя двери и коробы съ плошками. Ворота большой кожевенной сушильни были распахнуты настежъ, и въ обширномъ сараѣ, заставленномъ лавками въ нѣсколько рядовъ, въ глубинѣ виднѣлся возвышеный помостъ, на которомъ толкались люди, для непривычнаго странно махая руками. Безпрестанно изъ маленькихъ дверей деревяннаго флигеля, гдѣ жилъ главный прикащикъ завода, О. Г. Волковъ съ братьями, пробѣгали въ сарай люди необычайнаго вида: въ какихъ-то полосатыхъ зипунахъ, окутанные разноцвѣтными полотнами, съ позументными повязками на головахъ и съ перевязанными на ногахъ лентами. Все это вмѣстѣ крайне дивило лыбопытный народъ, который не умѣлъ объяснить себѣ ни значенія, ни причины такого наряда. А изъ оконъ большаго каменнаго дома раздавались звуки гусель и бубенъ, звонъ серебряныхъ ковшей и пѣніе. Богатый Полушкинъ справлялъ семейный праздникъ, чествовалъ и угощалъ гостей домашнимъ пивомъ и разными наливками, а домовыя женщины величали ихъ въ пѣсняхъ. Наконецъ, изъ дома потянулся разгульный походъ къ сараю. Впереди шелъ Козьма Анисимовъ, удалой плясунъ съ гуслями, Губатко, бандуристъ, хороводъ заводскій Антипка

Строкулистъ и хоръ бабъ; за ними развеселые гости и хозяева. Полушкинъ, въ широкомъ охабнѣ тонкаго нѣмецкаго сукна, поглаживая рыжую бороду, сталъ у входа и, низко кланяясь, уговаривалъ гостей словами: «Просимъ! пожалуйте! заморскіе фокусы покажемъ-съ! Не погнушайтесь, добрые люди. И у насъ копѣйка не щербата; вѣдь и мы нѣмцамъ не подметка: нѣмецкую-то удаль на православный ладъ отхватаемъ — ахти мнѣ! Прошу покорнѣйше!» Всѣ вошли, ворота запахнулись, только глухо неслись звуки гусель и бандуры, да постукиванье въ мѣдные тазы.

Что же совершалось въ этомъ сараѣ? Какія элевзинскія таинства совершалъ радушный хозяинъ съ нѣмецкаго діалекта на русскій ладъ? Какъ ни странно это теперь, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, а, по истинѣ, сарай этотъ имѣлъ великое значеніе для Россіи: онъ былъ колыбелью, въ которой впервые залепетало русское искусство, впервые отозвался его лепетъ въ сердцахъ русскихъ! Тутъ былъ *первый нашъ народный театръ.* Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, незадолго бывшій въ Петербургѣ, по дѣламъ отчима своего, Полушкина, познакомился съ артистами тамошней италіянской оперы, присланной императрицѣ Аннѣ польскимъ королемъ Филиппомъ-Августомъ. Вѣроятно, при содѣйствіи переводчика, Волковъ разспрашивалъ ихъ о сценическомъ искусствѣ, развѣдывалъ театральное дѣло, осматривалъ сцену, и, умѣя недурно рисовать, срисовывалъ декораціи и машины; возвратясь же на родину, набралъ товарищей и съ ними рѣшился устроить, невиданную еще дотолѣ, *театральную потѣху.* Семейный праздникъ, 29-го іюня, въ домѣ Полушкина, былъ избранъ для этого торжества. Давали знаменитую тогда трагедію Расина: *Эсѳирь,* въ 1647 году переведенную на русскій тогда необработанный еще языкъ. Новость такого зрѣлища, декораціи и небывалый нарядъ актеровъ приводили въ восторгъ всю публику, и безъ того хорошо подготовленную къ удовольствію обильнымъ обѣдомъ и виннымъ угощеніемъ хозяина. Особенно восхищала

всѣхъ сама Эсѳирь, дѣвушка стройная, прекрасно сложенная, съ крупно-очерченною греческою физіономіею. Глубокое чувство выражалось въ каждомъ ея взглядѣ, голосъ былъ проникнутъ неизъяснимою сладостью, а по плечамъ развѣвались роскошными прядями темно-русые волосы, придерживаемые свѣтло-голубою лентою. Игра ея, движеніе лица, поступь, все было очарованіемъ въ юной актрисѣ, которую зрители тщетно хотѣли узнать между знакомыми женскими лицами города, гдѣ всѣ дѣвушки были наперечетъ. Публика хлопала, стучала, кричала; но, окончаніи піесы, всѣ захотѣли ближе видѣть актеровъ. Когда все было кончено, зрители еще долго не могли разстаться съ очарованнымъ сараемъ: такъ обворожило ихъ это первое публичное представленіе французской трагедіи на русскомъ языкѣ. Эсѳирь не выходила у нихъ изъ ума, и они снова начали вызывать ее, чтобъ хоть въ последній разъ взглянуть на красавицу. Зеленый пологъ отдернулся, и, передъ изумленными зрителями, съ низкимъ поклономъ, явился блѣдный молодой человѣкъ, почти еще юноша, въ длинной, крашенинной однорядкѣ до самыхъ пятъ, съ заплетеною на спинѣ косою. Это былъ семинаристъ, *Иванъ Аѳанасьевъ Дьяконовъ*, сынъ священника, готовившійся въ дьячки. Ему тогда было не болѣе шестнадцати лѣтъ.

Съ самаго дѣтства, Дьяконовъ чувствовалъ въ себѣ призваніе къ изящнымъ искуствамъ. Оно стремило его къ познаніямъ, такъ что, не взирая на крайнюю свою молодость, онъ былъ первымъ въ классахъ риторики и поэзіи, и писалъ прекрасные для того времени русскіе, славянскіе и латинскіе стихи. Не разъ уже пробовалъ онъ свои силы на сценѣ семинаріи, гдѣ нерѣдко разыгрывались студентами духовныя мистеріи св. Димитрія Ростовскаго, Георгія Конисскаго, св. Димитрія Туптала и Ѳеофана Прокоповича. Особенно отличался онъ въ піесѣ, напечатанной въ тѣ времена, подъ названіемъ: «*Владимiръ, славенороссiйскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрiя тмы въ свѣтъ евангельскiй приведенный Духомъ Свя-*

тымъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 988, нынѣ же въ православной академіи могилевской, кіевской, на позоръ россійскому роду, отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ гдѣ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагокомедія, лѣта Господня 1705, іюля въ 3-й день, показанна. Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, въ 5-ти дѣйствіяхъ». Вмѣстѣ съ талантомъ, развивалась въ Дьяконовѣ и любознательность, непиуемая спутница таланта. Онъ познакомился съ молодымъ нѣмецкимъ пасторомъ, находившимся при герцогѣ курляндскомъ Биронѣ, жившимъ тогда въ Ярославлѣ. Любовь къ поэзіи связала молодыхъ богослововъ тѣсною дружбою, а роскошь поэзіи германской заставила Дьяконова, объяснявшагося сначала съ пасторомъ по латыни, выучиться нѣмецкому языку. Когда открылась ему сокровищница германской литературы, Дьяконовъ твердо рѣшился оставить избранное имъ прежде поприще и посвятить себя совершенно наукѣ и искуству. Въ это время Волковъ увлекъ его на свой театръ, гдѣ на первый разъ дали ему женскую роль, находя, какъ то въ самомъ дѣлѣ и было, что его прекрасная, нѣжная наружность всего успѣшнѣе могла замѣнить недостатокъ актрисъ, такъ какъ въ то время женщины и не дерзали помышлять о столь публичномъ поприщѣ. Спектакли въ сараѣ Полушкина стали повторяться. Народъ находилъ въ нихъ, съ каждымъ разомъ, новое наслажденіе, сарай становился тѣснымъ и Волковъ, восторженный, пламенный актеръ, бросилъ все, увлекъ за собою друзей своихъ, и вполнѣ отдался сценическому искуству. Онъ нашелъ себѣ покровителей: ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и богатый мѣстный дворянинъ Майковъ помогали ему всѣми средствами. Майковъ отдалъ ему свой домъ, подъ театръ, а Мусинъ-Пушкинъ взялся платить за всѣ издержки, перестройки и сооруженія сцены, машинъ, декорацій и костюмовъ. Театръ устроился правильно: молодые люди составили труппу, которая прокармливалась скудною платою зрителей за входъ, и въ рубищахъ блаженствовала на своихъ

помостахъ. Это чистое, юношеское влеченіе, эта безкорыстная любовь къ искуству, произвела многихъ талантливыхъ актеровъ русскихъ, которые въ послѣдствіи составили собою славу нашего театра. Между ними, по пылкости души и рѣдкому самоотверженію, первое мѣсто занималъ Дьяконовъ. Ростъ его, органъ, одушевленная мимика, все обличало въ немъ душу пламенную, способную для высшаго развитія. Но, несмотря на то, что онъ былъ выше многихъ изъ своихъ товарищей, на сценѣ занималъ онъ только женскія роли, потому что былъ моложе и миловиднѣе всѣхъ своихъ товарищей. Ярославская труппа улучшалась съ каждымъ днемъ. Геніальный Волковъ трудился безъ отдыха и устали: писалъ декораціи, сооружалъ машины, компоновалъ костюмы. Онъ былъ вмѣстѣ директоръ, режиссеръ, декораторъ, машинистъ, суфлеръ и гардеробмейстеръ своего театра, и, въ то же время, игралъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ. Дьяконовъ, который, по понятіямъ отца, не хотѣвшаго, чтобы фамилія его, хотя и вовсе не знаменитая, правду сказать, была на сценѣ театральнаго позорища, со времени вступленія на публичную сцену, назвался Нарыковымъ, помогалъ другу своему, переводя піесы съ нѣмецкаго языка. Труппа, состоявшая не болѣе какъ изъ двѣнадцати человѣкъ, считала тогда уже между членами своими превосходныхъ актеровъ. Поповъ, Иконниковъ, Шумскій, Волковъ и Нарыковъ были истинно замѣчательные таланты. Лучшими піесами ихъ репертуара были: *Титово милосердіе*, *Евдоксія вънчанная*, *Хоревъ* и другія. Такъ родился и началъ развиваться русскій театръ. Молва объ немъ бѣжала по пространной Руси, и, наконецъ, достигла до державнаго слуха. Царствовавшая, въ то время, императрица Елисавета Петровна, любившая народность и всѣми мѣрами старавшаяся поддержать ее, давно уже помышляла объ устройствѣ русскаго театра при дворѣ. Волковъ какъ бы предугадалъ мысль императрицы. Государыня тотчасъ отправила въ Ярославль сенатскаго экзекутора Дашкова, съ пове-

ленiемъ пригласить Волкова, съ труппою, на нѣсколько представленiй, въ царскосельскiй дворецъ. При этомъ извѣстiи, восторгъ молодыхъ актеровъ былъ неописанный: они прыгали отъ радости. Даже строгое купечество ярославское гордилось высокою честiю, имъ оказанною, и прощало за введенiе въ православномъ городѣ чортобѣсiя, какъ они величали театръ, а отецъ Дьяконова, или Нарыкова, охотно напутствовалъ сына въ столицу своимъ благословенiемъ. На другой день по прибытiи артистовъ въ Царское-Село, былъ назначенъ спектакль. Волковъ, для перваго представленiя, выбралъ *Хорева*, трагедiю Сумарокова, бывшую тогда въ модѣ. Самъ Волковъ игралъ роль Кiя, Поповъ — Хорева, а Нарыковъ — Оснельду. Императрицу чрезвычайно тѣшила новость, которою она хотѣла сдѣлать сюрпризъ всему двору. Актеры были привезены тайкомъ; строго воспретила она разглашать объ этомъ. Зрители, назначенные въ этотъ день быть на театральномъ представленiи, были твердо увѣрены, что увидятъ италiанскую интермедiю. Государыня сама вникала во всѣ подробности приготовленiй; изъ гардероба своего приказала она выдать богатыя платья для актеровъ, игравшихъ женскiя роли. Сердце ея радовалось нежданной забавѣ русскаго театра, какъ дорогому празднику. Императрица глубоко постигала великое влiянiе, которое это нововведенiе можетъ имѣть на русскiе нравы, на просвѣщенiе и нравственность народную. Нарыкова она призвала въ свои покои, сама наряжала его, и наколола ему богатую дiадему, которую просила оставить у себя на память. Прелестная наружность семинариста столько же восхищала императрицу, сколько странное имя Нарыковъ казалось ей непрiятнымъ для слуха. Необыкновенное его сходство съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ поразило императрицу. «Нѣтъ», говорила она, любуясь юною Оснельдою, «ты не долженъ носить такого имени: *будь Дмитревскимъ;* онъ былъ графомъ въ Польшѣ, ты будешь царемъ на русской сценѣ». Съ этихъ поръ Нарыковъ въ третiй разъ перемѣнилъ свою фамилiю и сталъ

называться *Дмитревскимъ.* Можно себѣ представить удивленіе двора и восторгъ Елисаветы, когда поднялся занавѣсъ и предъ зрителями явились незнакомыя лица, заговорили и запѣли порусски......

Успѣхъ представленія можно назвать безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ нашего театра. Удовольствіе императрицы, которое горѣло въ ея прекрасныхъ глазахъ и живо рисовалось въ улыбкѣ, еще болѣе одушевляло зрителей восторгомъ. Громы рукоплесканій, одобрительные возгласы, градъ цвѣтовъ и кошельковъ посыпались на сцену, по окончаніи піесы. На другой день вся знать рвалась за актерами, всякій наперерывъ спѣшилъ заплатить имъ дань ласки, радушія, доброхотства. Чтобъ попасть въ три слѣдущіе спектакля, въ которые давались: *Синавъ и Труворъ, Гамлетъ* (передѣланый французскими трагиками изъ великаго Шекспира), *Семира и Артистона,* придворные стремились, ѣздили, интриговали и такъ-же хлопотали, какъ бы дѣло шло о значительномъ мѣстѣ или званіи при дворѣ. Съ этихъ поръ счастіе стало покровительствовать нашимъ актерамъ и нашему театру. На италіанцевъ и нѣмцевъ смотрѣли уже не съ прежнимъ слѣпымъ подобострастіемъ: русскій театръ сдѣлался потребностію, которой всѣ ждали и желали. Императрица приказала помѣстить, лучшихъ изъ трупы, Дмитревскаго, Волкова, Попова и Шумскаго, какъ еще весьма молодыхъ лѣтами, въ шляхетный кадетскій корпусъ *), для окончательнаго образованія. Тутъ страсть Дмитревскаго къ наукамъ получила обильную пищу. По цѣлымъ ночамъ просиживалъ онъ за математикою и чтеніемъ исторіи великихъ событій міра и знаменитыхъ героевъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ корпусѣ, Дмитревскій успѣлъ превосходно научиться французскому и англійскому языкамъ. Онъ былъ отличный фехтовальщикъ, славный танцоръ и первый въ классѣ декламаціи, которой обучали въ то время офицеры Остервальдъ, Мелиссино и Свисту-

*) Бывшій потомъ первый кадетскій корпусъ.

новъ. Иногда ярославскіе актеры были призываемы ко двору и разыгрывали піесы, назначаемыя самою императрицею. Наконецъ, въ 1756 г., 3-го августа, изданъ именный указъ государыни *объ учрежденіи публичнаго театра въ Петербургѣ.* Былъ выстроенъ наскоро деревянный театръ близъ Лѣтняго сада. Волковъ имъ распоряжался, рисовалъ планъ и строилъ машины. Извѣстный тогдашній драматическій писатель, Александръ Петровичъ Сумароковъ, былъ назначенъ директоромъ; дѣйствующія лица получили названіе императорскихъ придворныхъ актеровъ. Трупа значительно увеличилась: въ нее поступили нѣкоторые пѣвчіе, нѣсколько студентовъ Московскаго университета, переведенныхъ съ устроившагося тамъ театра, и четыре женщины, дочери офицеровъ: двѣ сестры Ананьины, Пушкина и Авдотья, воспитанница танцмейстера Линде. Въ послѣдствіи, въ 1760 году, были переведены изъ Москвы, гдѣ императрица приказала также устроить публичный театръ, еще двѣ актрисы, Михайлова и Троепольская. Послѣдняя особенно прославилась въ царствованіе Екатерины Великой. Съ этого времени началось полное художественное развитіе Ивана Аоанасьевича Дмитревскаго. Онъ получалъ 300 рублей жалованья, сумму весьма значительную по тогдашнему времени, и съ жаромъ и удивительною любовію предавался своему искусству. Онъ сталъ играть роли героевъ и наперсниковъ, и, благородствомъ осанки и движеній, заслуживалъ ту же похвалу, которую ему прежде расточали за ловкость, нѣжность и граціозность игры въ женскомъ платьѣ.

Въ 1762 году, когда Дмитревскому было уже 28 лѣтъ отъ роду, и талантъ его былъ во всемъ блескѣ своего развитія, на престолъ россійскій вступила Екатерина II. Осенью, того же года, она отправилась въ Москву на коронацію. Трупа придворныхъ актеровъ послѣдовала за нею, чтобъ украсить тѣ празднества, которыя были даваемы по этому случаю въ Москвѣ. Здѣсь Дмитревскій удостоился особеннаго вниманія и милостей монархини. Она пожелала даже, чтобъ

онъ съѣздилъ за границу, для большаго развитія своихъ способностей и образованія въ сценическомъ искусствѣ, по знаменитымъ тогдашнимъ образцамъ во Франціи и Англіи. Дмитревскій получилъ отъ государыни значительную сумму на путешествіе. Въ 1765 году, онъ поѣхалъ въ Парижъ. Рекомендательныя письма знаменитаго тогдашняго друга просвѣщенія, И. И. Шувалова, открыли ему домъ, а прямодушіе и умъ—сердце великаго тогда Лекеня, перваго трагика Франціи. Дмитревскій, знавшій, благодаря своему корпусному воспитанію, превосходно французскій языкъ, жилъ у него въ домѣ и сжился съ нимъ. Съ жадностію посѣщалъ Дмитревскій театры. Каждый разъ, когда игралъ Лекень, онъ изучалъ его манеры, образъ выраженія и на другой день дѣлалъ ему свои замѣчанія. Это вовлекало ихъ въ разсужденія о тончайшихъ уклоненіяхъ искусства, а часто и въ споры, приносившіе большую пользу обоимъ артистамъ-мыслителямъ. Лекень часто сознавался, что Дмитревскій, свѣжимъ чувствомъ своимъ, оцѣнялъ игру и ошибки его вѣрнѣе, чѣмъ всѣ знаменитѣйшіе критики того времени. Наступилъ срокъ Дмитревскому ѣхать въ Англію. Лекень хотѣлъ проводить его, чтобъ познакомить съ другомъ своимъ, великимъ трагикомъ Гаррикомъ. Гаррикъ въ то время уже угасалъ, но когда онъ являлся на сценѣ, вся энергія души его воскресала: слабое тѣло уподоблялось въ силѣ стану атлета; голосъ звучалъ и потрясалъ партеръ. Для Дмитревскаго игра его была полною академіею искусства. Онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ передъ нимъ; благоговѣлъ, плакалъ. Лондонскій трагикъ полюбилъ нашего артиста со всею откровенностію и теплотою сердца, уже все извѣдавшаго въ мірѣ, много страдавшаго и все еще пламеннаго къ искусству и человѣчеству. Лекень, Гаррикъ и Дмитревскій составили въ Лондонѣ трагическій тріумвиратъ, который никогда не разлучался, и даже рѣдко расходился въ мнѣніяхъ. Однажды, за обѣдомъ у Гаррика, рѣчь зашла о сценическомъ притворствѣ. Гаррикъ могъ краснѣть и блѣднѣть по желанію;

вслѣдъ за веселымъ смѣхомъ, у него лились обильныя слезы скорби. Лицо его было пріучено ко всѣмъ возможнымъ измѣненіямъ; не было страсти въ природѣ, отпечатка которой не принимала бы его физіономія. Въ этотъ день одышка не такъ мучила великаго актера, и онъ началъ показывать свое искусство. Вдругъ Дмитревскій вскрикнулъ, задрожалъ, залепеталъ невнятныя слова, и блѣдный, какъ саванъ, безъ чувствъ, упалъ въ кресло. Всѣ кинулись помогать. Гаррикъ уже хотѣлъ самъ бѣжать за докторомъ, но тутъ Дмитревскій вскочилъ, захохоталъ и вывелъ ихъ изъ заблужденія: онъ хотѣлъ только пошутить, и показать свое умѣнье. Но этотъ случай сильно поразилъ Гаррика: онъ началъ убѣдительно просить русскаго артиста сыграть что нибудь на сценѣ, и даже устроилъ для этого нарочно домашній спектакль у одной герцогини. Дмитревскій выбралъ «Беверлея» и сыгралъ его съ такимъ совершенствомъ, что Гаррикъ совсѣмъ забылъ, что онъ на сценѣ, и такъ пристально впился глазами въ нашего актера, что не обратилъ вниманія на стоявшую на столѣ свѣчку, зажегъ себѣ манжеты и насмѣшилъ всѣхъ зрителей. Съ этой минуты онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ Дмитревскаго. «Ты для русской сцены, говорилъ онъ ему, больше, чѣмъ Гаррикъ для англійской; ты равенъ мнѣ по таланту, а тебѣ не помогаютъ творенія Шекспира, которыя воодушевляютъ меня». Дмитревскій много хорошаго вынесъ изъ общества Лекеня и Гаррика. Проживъ пять мѣсяцевъ неразлучно съ Гаррикомъ, онъ возвратился съ Лекенемъ въ Парижъ. Здѣсь его французскій трагикъ уговорилъ играть пофранцузски, на театрѣ герцогини Виллеруа. Давали «Альзиру», Вольтера. Дмитревскій игралъ Замора, а Лекень Гусмана. Публика дралась у входа, чтобъ поглядѣть на русскаго артиста, котораго тогдашніе французы не умѣли себѣ представить иначе, какъ сибирскимъ медвѣдемъ, обученнымъ плясать. Но этотъ сибирскій медвѣдь былъ такой рѣдкій звѣрь, какого парижане еще не видывали. Пляска этого медвѣдя была возвышенная, простая, но глубокая тра-

гическая игра, сильно чувствуемая и сильно выраженная. Она всѣхъ увлекла и восхитила. Зрители требовали повторенія піесы. Зная легкомысліе своихъ соотчичей, Лекенъ уже почти раскаявался, что открылъ Дмитревскому помосты парижской сцены. На слѣдующій спектакль Дмитревскій не хотѣлъ выйти въ той же роли. Онъ выбралъ Оросмана, въ «Заирѣ», Лекенъ взялъ себѣ Шатильона. Тутъ видимо обнаружилось нѣкотораго рода состязаніе между обоими артистами. Дмитревскій превзошелъ себя: ему бросили вѣнокъ на сцену; Лекенъ не былъ вызванъ. Два дня спустя, Дмитревскій уѣхалъ въ Россію. Лекенъ проводилъ его до почтовой кареты и дружески пожалъ руку; но на сценѣ не видали его два мѣсяца послѣ этого происшествія. Сколько извѣстно, Дмитревскій долго переписывался съ своими заграничными друзьями. Жаль, что эта переписка утрачена: въ ней вѣрно погибло много важнаго и дѣльнаго для искусства.

По возвращеніи въ Петербургъ, Дмитревскій вышелъ въ *Синавѣ*. Онъ съ такимъ совершенствомъ сыгралъ эту роль, что Сумароковъ со слезами кинулся къ нему на шею, а Екатерина приказала позвать его къ себѣ въ ложу, допустила къ рукѣ, и передъ всею публикою изъявила ему свое благоволеніе. На другой день, онъ получилъ драгоцѣнный подарокъ отъ императрицы и званіе *перваго придворнаго актера* и главнаго инспектора всей россійской императорской труппы.

Ѳедора Григорьевича Волкова тогда уже не было на свѣтѣ. На народномъ маскарадѣ, который устроилъ онъ на улицахъ московскихъ, во время коронаціи императрицы, присматривая лично за торжествующей Минервой (такъ назвалъ онъ свой маскарадъ), онъ три ночи сряду разъѣзжалъ верхомъ по улицамъ, простудился и впалъ въ жестокую горячку, которая, 4-го апрѣля 1763 года, свела его въ могилу. Дмитревскій заступилъ его мѣсто на сценѣ: сталъ играть первыя трагическія роли. Можно судить о Дмитревскомъ, по преданіямъ людей съ старинными понятіями объ искусствѣ и по совре-

ненным ему журналамъ. При разсматриванiи ихъ и при соображенiи всѣхъ разсказовъ о немъ, нельзя не убѣдиться, что Иванъ Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ генiальный, выше всѣхъ драматическихъ талантовъ, донынѣ въ Россiи существовавшихъ. Недостатки, въ которыхъ его упрекали современники, ясно показываютъ, что онъ, въ сценическомъ искуствѣ, предупредилъ свой вѣкъ. Въ трагедiи, говорятъ они, Дмитревскiй былъ не такъ хорошъ, какъ въ комедiи: у него не доставало груди и громкаго голоса, но онъ отлично понималъ и высказывалъ свои рѣчи. Это значитъ, что Дмитревскiй, не слѣдуя въ игрѣ своей заблужденiю вѣка, отыскивалъ средства, для выраженiя представляемаго характера, въ глубинѣ души своей, въ тайникѣ чувства, въ движенiи страсти, а не въ фразеологiи ораторства, не въ декламаторскомъ рыцарствѣ на сценѣ. Другiе старались проявить силу внутренняго движенiя силою наружной формы: громовымъ звукомъ, неистовымъ движенiемъ, размашистымъ жестомъ, и походили болѣе на гладiаторовъ; Дмитревскiй отыскивалъ форму для внутренняго чувства въ природныхъ средствахъ, и въ порывахъ самыхъ сильныхъ страстей являлся человѣкомъ. Движенiя его были умѣренны, скромны; голосъ твердъ, но прiятенъ. Часто, въ сильнѣйшихъ сценахъ, онъ, подобно Гаррику, говорилъ шёпотомъ, но этотъ шёпотъ имѣлъ что-то общее съ дальнимъ рокотомъ грозы, готовымъ разразиться громомъ и молнiею; отъ него волосъ становился дыбомъ. У Дмитревскаго, въ нѣкоторыхъ роляхъ, были слова, которыя зритель, услышавъ разъ изъ устъ его, не забывалъ во всю жизнь. Такъ много истины и силы придавалъ онъ своей дикцiи!

Созданiя его были полны, обдуманы, вѣрны; самый холодный зритель забывался; предъ нимъ являлось дѣйствующее лице въ полномъ обаянiи жизни, — акторъ исчезалъ. Волковъ влилъ въ Дмитревскаго избытокъ любви своей къ театру, который, съ природною страстью нашего артиста, переполнилъ его душу. Но Дмитревскiй этимъ не ограничился: онъ извѣ-

дывалъ тайные законы искусства въ ученіи, въ чтеніи, въ великихъ подлинникахъ, съ которыми сблизила его одинаковая страсть, онъ критически взвѣсилъ ихъ достоинства и недостатки, и на этихъ основаніяхъ создалъ свою собственную теорію. Въ комедіи онъ также слѣдовалъ своей теоріи: простота, натура, ни какихъ насильственныхъ средствъ, вотъ были главныя правила его игры. И эта простота и натура, которой современники не поняли у Дмитревскаго въ трагедіи, обезсмертила талантъ его въ комедіи.

И на этомъ основаніи, принимая въ соображеніе замѣчанія тогдашнихъ критиковъ, мы почти убѣждены, что трагикъ Дмитревскій стоялъ гораздо выше Дмитревскаго комика. Лучшими ролями въ его репертуарѣ были въ трагедіяхъ: *Синавъ*, *Аскольдъ*, *Дмитрій Самозванецъ*, *Ярбъ въ Дидонѣ*, *Гамлетъ;* въ драмахъ: *Беверлей*, *Кларендонъ;* въ комедіяхъ: *Мизантропъ*, *Тщеславный*, *Раздумчивый.* Многія піесы обязаны своею славою таланту Дмитревскаго, а безъ участія игры его онѣ остались бы тѣмъ, что были въ сущности—произведеніями ничтожными. Такъ Дмитревскій постигалъ, во всей силѣ, характеръ представляемыхъ имъ лицъ, и часто дополнялъ игрою своею недостатки авторовъ. Напримѣръ, въ *Дмитріи Самозванцѣ* онъ являлся глазамъ зрителей облокотившимся на тронѣ и закрытымъ мантіею: этимъ мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ *Синавѣ* читалъ онъ длинный монологъ (когда представляется ему тѣнь брата), подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый ею, и оканчивалъ, приподнимаясь на цыпочки. Это естественное движеніе производило на зрителей удивительное дѣйствіе: всѣ трепетали отъ ужаса. Въ *Амфитріонѣ*, Мольера, перемѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнялся, что его не узнавали, и во все время игры поддерживалъ свое превращеніе. Дмитрій Самозванецъ былъ лучшимъ его характеромъ. Въ этой роли онъ былъ величественно прекрасенъ. Императоръ Павелъ

Петровичъ пожелалъ видѣть его въ Самозванцѣ. Хотя тогда прошло уже десять лѣтъ, какъ Дмитревскій оставилъ сцену и жилъ на пенсіи въ Петербургѣ, однако Дмитревскій сыгралъ, на эрмитажномъ театрѣ, эту роль, въ присутствіи императора. Павелъ былъ восхищенъ и подарилъ ему богатую осыпанную бриллiантами табакерку, въ знакъ своего благоволенія. Съ тѣхъ поръ піеса эта болѣе не давалась на русскихъ сценахъ.

Кромѣ сцены, Дмитревскій занимался литературою, которую страстно любилъ. Онъ написалъ около шестидесяти театральныхъ піесъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Изъ нихъ укажемъ на замѣчательнѣйшія: *Непостижимость судьбы*, комедія *Раздумчивый;* оперы: *Рѣдкая вещь*, *Діанино древо*, *Армида*, лирическая драма, *Антигона*, трагедія, *Честный преступникъ*, драма, переводъ съ французскаго; *Беверлей*, драма, съ французскаго. Онъ занимался и другими отраслями литературы; перевелъ съ англійскаго *Четыре времени года*, поэму Томсона, одну часть *Путешествія младшаго Анахарсиса*, и написалъ *Похвальное слово А. П. Сумарокову*, которое читалъ въ публичномъ засѣданіи Россійской академіи, которой былъ членомъ. Академія поручила ему также написать исторію русскаго театра, надъ которою Дмитревскій неусыпно трудился; къ сожалѣнію, она не вышла въ свѣтъ. Онъ былъ также членомъ обществъ: библейскаго, вольнаго экономическаго и любителей россійскаго слова, и вездѣ оставилъ слѣды своихъ трудовъ и занятій.

Русскій театръ обязанъ ему весьма многимъ. Волковъ далъ нашему театру жизнь, Дмитревскій—образованіе. Имъ основана и организована театральная школа, гдѣ онъ былъ главнымъ инспекторомъ и учителемъ исторіи, географіи, словесности и декламаціи. Дмитревскій вполнѣ понималъ свое дѣло. Онъ зналъ, что декламаціи нельзя учить въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее, къ несчастію, еще нынѣ понимаютъ многіе, т. е. нельзя заставлять учениковъ читать стихи съ голоса учителя,

на распѣвъ, съ возгласами въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такъ обучаютъ скворцевъ и попугаевъ: человѣку дана разумная душа, которая должна чувствовать красоты, усвоивать мысль автора, и выражать ее голосомъ сердца. Слѣдовательно учителю остается только развивать понятія и вкусъ ученика, направлять его чувство, и показывать достоинства правильной дикціи. Дмитревскій постигъ эту мысль гораздо прежде Тальмы, который сознавался, что онъ никогда не училъ декламаціи, а только помогалъ иногда молодымъ артистамъ своими совѣтами, если замѣчалъ въ нихъ способности. Тальма былъ, какъ и Дмитревскій, твердо убѣжденъ, что драматичесчкому искусству учить нельзя; для того лучшіе учители сердце, талантъ и здравый смыслъ.... Подобно Тальмѣ, и Дмитревскій, своими наставленіями и примѣромъ, одушевилъ и образовалъ много молодыхъ талантовъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: К. С. Семенова, Е. С. Сандунова, Михайлова, А. Д. Каратыгина, Яковлевъ, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Крутицкій и другіе.

Въ 1787 году, пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду, Дмитревскій оставилъ сцену, съ 2,000 р. асс. пенсіона. Но онъ все еще оставался при эрмитажѣ, гдѣ обставлялъ піесы, сочиненія императрицы Екатерины II, и самъ нерѣдко занималъ въ нихъ главныя роли. Онъ пользовался дружбою всѣхъ современныхъ авторовъ; драматическіе писатели не отдавали своихъ піесъ на театръ, не прочитавъ ихъ прежде Дмитревскому и не сдѣлавъ исправленій, по его замѣчаніямъ. Особенно молодые начинающіе писатели всегда обращались къ Дмитревскому, какъ, напримѣръ, обращался къ нему, въ то время, юный Крыловъ, подробности о чемъ находятся въ жизнеописаніи нашего знаменитаго баснописца. Иванъ Аѳанасьевичъ слылъ строгимъ цензоромъ, но имъ руководили образованный вкусъ, знаніе дѣла и неодолимая любовь къ искусству и литературѣ. Ихъ вліянію всѣ охотно подчинялись, забывая авторское самолюбіе, которое его обходительность, ласки и умъ умѣли всегда усыпить. Даже Сумароковъ, изба-

лованный славою, похвалами двора, отуманенный громкимъ именемъ русскаго Корнеля, забывалъ свое начальничество, и подчинялся указаніямъ Дмитревскаго. Я. Б. Княжнинъ и фонъ-Визинъ назывались его друзьями. Послѣдній для него написалъ своего безсмертнаго *Недоросля*. Дмитревскій выправлялъ его, и рѣшился поставить его въ свой бенефисъ, *единственный*, который онъ получилъ во всю долголѣтнюю свою службу. Піеса эта, до представленія своего, претерпѣла у насъ столько же препятствій и гоненій, какъ нѣкогда *Женитьба Фигаро*, Бомарше, во Франціи. Дмитревскій мужественно боролся съ завистію, глупостію и злостію, и наконецъ достигъ своей цѣли. Піэса была дана на публичномъ театрѣ. Въ весьма любопытной, старинной книжкѣ, *Драматическій Словарь*, изданной въ 1787 году, объ этомъ спектаклѣ сказано: «*Недоросль* представленъ въ первый разъ на счетъ перваго придворнаго актера Дмитревскаго; въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ; публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы (Еремѣевны) игралъ бывшій актеръ г. Шумскій, къ несравненному удовольствію зрителей, а въ Москвѣ роль сія представлена вольнымъ московскаго театра актеромъ г. Ожегинымъ, также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія наполнена замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый въ своемъ характерѣ изрѣченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ, и почасту на санктпетербургскомъ и московскомъ театрѣ была представляема». Но ни одна піеса на русскомъ театрѣ не имѣла такого блистательнаго успѣха, какъ трагедія «Рославъ», Княжнина, которую Дмитревскій самъ ставилъ на сцену, и гдѣ онъ игралъ главную роль. Въ первый разъ еще публика, приведенная въ восторгъ, не удовольствовалась рукоплесканіями и пожелала видѣть автора. Это былъ первый авторскій вызовъ въ Россіи, вполнѣ чистосердечный. Но новизнѣ такого событія, робкій Княжнинъ не рѣшался

показаться предъ публикою и скрывался. Не знали, что дѣлать, и вся театральная дирекція была въ большомъ затрудненіи. Тогда Дмитревскій вызвался помочь бѣдѣ. Онъ вышелъ къ публикѣ, почтительно раскланялся и сказалъ: «Благоволеніе почтенной публики, столь лестное, конечно автору восхитительно, однако его въ театрѣ нѣтъ; вездѣ искали и не нашли; но я, въ качествѣ его друга и почитателя, осмѣливаюсь принесть публикѣ чувствительную благодарность». Громкія рукоплесканія были отвѣтомъ на привѣтствіе. Съ тѣхъ поръ на театрѣ нашемъ завелись выходы актеровъ, съ разными порученіями къ публикѣ.

Домы Г. Р. Державина и А. С. Шишкова Дмитревскій посѣщалъ чаще всѣхъ и, какъ самъ говорилъ, проводилъ въ нихъ пріятнѣйшія минуты въ жизни, въ умныхъ, назидательныхъ разговорахъ о любимыхъ своихъ предметахъ.

Когда 1812 годъ прогремѣлъ во всѣ концы Россіи стопушечнымъ гласомъ, когда одна общая мысль: вѣра, престолъ и отечество! одушевила всѣ сердца, старикъ Дмитревскій воспрянулъ отъ бездѣйствія. Онъ взялся за оружіе, которымъ мастерски владѣлъ и побѣждалъ не одно сердце, за свой талантъ, и явился на сцену провозвѣстникомъ патріотическаго одушевленія и народной войны. Висковатовъ написалъ піесу *Всеобщее ополченіе.* Въ ней Дмитревскій взялъ главную роль унтеръ-офицера, который, не имѣя силы участвовать въ ополченіи, приноситъ свои медали въ пользу ополчающихся. Представьте себѣ высокаго, дряхлаго мужчину, убѣленнаго сѣдиною, съ открытымъ челомъ, въ рубищѣ, то одушевленнаго порывомъ патріотисма, то плачущаго о своемъ безсиліи, то трепещущаго за святую свою Россію, и вы получите слабое понятіе о Дмитревскомъ въ этой роли. Около старца вѣяло какою-то святынею, и минуты его увлеченія были великія минуты. Всѣ плакали отъ умиленія; самъ Дмитревскій зарыдалъ и не могъ выговорить слова, когда, послѣ единодушнаго вызова, хотѣлъ сказать краткое благодарственное привѣтствіе

публикѣ. Заслуженнаго артиста почти безъ чувствъ привезли домой: такъ велико было его волненіе. «Нѣтъ, говорилъ онъ, мнѣ уже не играть: сердце живо, да тѣло слабо: не выноситъ, когда душа переливается черезъ край. Я умру на сценѣ». На другой день рано утромъ, Дмитревскій получилъ запечатанный ящикъ; въ немъ былъ драгоцѣнный перстень, съ запискою: «Истинному сыну отечества и великому актеру». Это былъ подарокъ императора Александра.

Пять лѣтъ спустя послѣ того, извѣстный нашъ драматическій писатель, князь А. А. Шаховской, скорбѣвшій со всѣми русскими о преждевременной смерти превосходнаго трагика Яковлева, въ пользу семейства котораго дирекція давала спектакль, уговорилъ Дмитревскаго снова явиться на театрѣ, и написалъ піесу *Встрѣча незваныхъ*, въ которомъ приготовилъ ему роль стараго управителя. Дмитревскій согласился. Какъ ребенокъ, тѣшился онъ своею ролью и приходилъ въ восторгъ при одной мысли, что снова явится на сценѣ и тѣмъ поможетъ семейству своего любимаго питомца. Афиши разнесли по городу вѣсть, о появленіи на сценѣ Дмитревскаго, и въ одинъ день не было билета въ кассѣ, свободнаго мѣста въ театрѣ. Сборъ простирался за 10,000 рублей ассигнаціями. Но, въ самый день представленія, Дмитревскій не вытерпѣлъ, далъ душѣ волю на пробѣ, и впалъ въ такое изнеможеніе силъ, которое не только отняло у него всякую возможность играть, но едва не стоило ему жизни. Дмитревскій умеръ, въ 1821 году, 27-го октября, въ глубокой старости. Онъ оставилъ послѣ себя многочисленную семью: шесть сыновей и четыре дочери, которые, въ свою очередь имѣли 8 сыновей, 10 дочерей и семь внучатъ.

Наслѣдіе, послѣ величайшаго не только русскаго, но и вообще европейскаго актера, было такъ скудно, что дѣти не могли даже поставить надъ прахомъ его достойнаго памятника. Цѣль всей жизни Дмитревскаго была—искусство, призваніе, любовь къ театру, которому онъ служилъ съ безкорыстнымъ

самоотверженіемъ: какое же богатство могъ онъ оставить по себѣ, кромѣ славы и счастія театра? Но если театръ, прославленный и возвеличенный Дмитревскимъ, забылъ о своемъ членѣ, то Россійская академія была не такъ равнодушна къ своему. Она отнеслась формально къ театральному начальству, предлагая испросить у императора соизволеніе дать спектакль, на сооруженіе памятника славнѣйшему русскому актеру И. А. Дмитревскому. Государь не только повелѣлъ дать спектакль, но самъ пожертвовалъ для этой цѣли значительную сумму. Итакъ, 10-го іюля 1822 года, сбылось пророчество А. С. Сумарокова, который, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, писалъ:

Дмитревскій! тебя потомство не забудетъ!

Главную піесу спектакля составлялъ прологъ, нарочно для того сочиненный княземъ А. А. Шаховскимъ, подъ названіемъ: *Новости на Парнасѣ, или торжество музъ*. Въ прологѣ этомъ выражено чувство глубокаго уваженія къ почившему ветерану русской сцены, которое раздѣляла вся Россія. Въ прологѣ участвовали всѣ знаменитости тогдашней сцены; всѣ представители разныхъ отраслей сценическаго искусства. Во второй половинѣ пролога, вдругъ является къ музамъ Меркурій, посломъ отъ Аполлона:

Парнасу Ѳеба приговоръ!
Богъ просвѣщенія и свѣта,
На сѣверъ обращая взоръ,
Увидѣлъ тамъ, что въ древни лѣта
Отъ жизни къ вѣчности притекъ
Ему любезный человѣкъ!
Уже давно сей мужъ до славы
На ипподромѣ томъ достигъ,
Который свѣтлый Ѳебъ воздвигъ
Не только для одной забавы,
Безпечной праздности людей,
Но чтобъ языкъ, и вкусъ и нравы
Возвысить — прелестью очей,
Чтобъ, говоря уму и чувствамъ,
Поэты мудрые могли

Устроить торжество искусствамъ,
И разливать ихъ по земли.
Сей мужъ, въ странахъ иперборейскихъ,
Театръ изъ первыхъ основалъ
И тысячи вѣнцовъ менейскихъ
Поэтамъ и себѣ стяжалъ.
Итакъ, спускаясь въ домъ Өемиды,
Черезъ меня, о Аониды,
Вашъ царь повелѣваетъ вамъ
Ввести его безсмертья въ храмъ.

Тутъ музы, принося каждая жертву на память Дмитревскому, высчитывали его заслуги и прославляли всѣ рѣдкія достоинства его ума, таланта, сердца и характера. Дмитревскій, дѣйствительно, заслужилъ такой апоөеозъ. Такого актера у насъ не было никогда. Однако Дмитревскому памятно было во всю жизнь одно превосходное критическое замѣчаніе, которое сдѣлано ему было императрицею Екатериною, на пробѣ «Олега». Олегъ разговаривалъ съ Игоремъ о государственныхъ дѣлахъ при всѣхъ и во всеуслышаніе. Императрицѣ это показалось страннымъ; она замѣтила Дмитревскому, что такъ благоразумные государи не поступаютъ, и прибавила съ своею обычною всеозаряющею улыбкою: «Дмитревскій великій мастеръ въ своемъ дѣлѣ, онъ лучше меня знаетъ драматическое искусство, но въ этомъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о дипломатическомъ искусствѣ, онъ можетъ воспользоваться совѣтомъ русской царицы!» По уму Дмитревскій былъ столь же высокъ, какъ и скроменъ. Замѣчанія его часто поражали новизною взгляда и вѣрнымъ эстетическимъ вкусомъ. Онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ, любовію и уваженіемъ. Вотъ анекдотъ, который свидѣтельствуетъ о необычайной добротѣ души его. Одинъ изъ вельможъ, которые, въ литературный вѣкъ Екатерины, думая тѣмъ угодить императрицѣ, всѣ пробовали пописывать стишки, перевелъ трагедію Расина и созвалъ литераторовъ поѣсть, попить и послушать своихъ стиховъ. Дмитревскому было отведено почетное мѣсто. Одинъ молодой современный стихотворецъ взялся читать тра-

гедію хозяина, но переводъ былъ такъ плохъ, что скоро слушатели заразились зѣвотою, а нѣкоторые заснули; только Дмитревскій прослушалъ ее до послѣдняго стиха, съ усерднымъ вниманіемъ, и по окончаніи сказалъ нѣсколько поощрительныхъ словъ хозяину. Тотъ былъ въ восторгѣ. На другой день Дмитревскій встрѣтилъ чтеца трагедіи: «Душа! сказалъ онъ ему, вѣдь ты вчера совсѣмъ не такъ читалъ трагедію!» — «Въ чемъ же моя ошибка?» спросилъ тотъ.... — «А въ томъ, душа, что надобно было читать черезъ стихъ, тогда бы ты прочелъ ее скорѣе, и ты самъ и мы много выиграли бы, а трагедія ничего не потеряла бы!»

Прологъ князя А. А. Шаховскаго оканчивался стихами, которые музы говорили въ честь Дмитревскаго. Стихи эти устарѣли, но въ нихъ есть чувство и правда, почему ими не мѣшаетъ заключить біографію знаменитаго артиста. Вотъ они:

Да будетъ честь ему! да явится средь насъ
Главы, любезной намъ, живое изваянье,
И тѣ, въ комъ онъ родилъ примѣромъ дарованье,
Чтобы почтить его, да внидутъ на Парнасъ.
И, глядя на него, художникъ сыну скажетъ
Трудися, будь почтенъ, и прахъ твой въ гробѣ ляжетъ,
Воздвигнутомъ какъ сей,
Отъ родины твоей!
Такъ! жизнь тому мила и смерть не такъ ужасна,
Кто съ честью конча вѣкъ, въ потомствѣ не умретъ;
Дмитревскій въ памяти людей переживетъ
Любимцевъ случая, тягчившихъ свѣтъ напрасно!

Прахъ Дмитревскаго покоится на волковомъ кладбищѣ, при церкви Спаса нерукотвореннаго; бюстъ, увѣнчанный лаврами, украшаетъ залу академіи наукъ.

АЛЕКСѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ

ЯКОВЛЕВЪ.

(1773 — 1817).

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ актеровъ, который восхищалъ и увлекалъ зрителей въ трагическихъ роляхъ, заставляя отдавать справедливость своему таланту даже строгихъ иностранныхъ цѣнителей театральныхъ представленій, видавшихъ Лекеня и Тальму, — былъ Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ (родился въ 1773 г., умеръ въ 1817 г.). Независимо отъ удивительнаго таланта, какимъ онъ одаренъ былъ отъ Бога, отличался онъ еще прекрасными качествами души и любовію къ ближнему, при самоотверженіи и христіанскомъ смиреніи. Если, какъ человѣкъ, онъ имѣлъ какія нибудь слабости, порожденныя болѣе недостаточностію тогдашняго образованія, то онъ выкупалъ эти уклоненія отъ законовъ высокой нравственности поступками, преисполненными добродушія, честности и человѣколюбія. Имя Яковлева принадлежитъ къ числу тѣхъ именъ, которыя живутъ въ потомствѣ.

А. С. Яковлевъ былъ сынъ костромскаго купца, потерявшаго значительный достатокъ, при пожарѣ петербургскаго гостинаго двора, въ половинѣ XVIII столѣтія. Онъ остался послѣ отца двухъ-лѣтнимъ сиротою на рукахъ матери, ко-

торая скончалась послѣ того черезъ пять лѣтъ, оставивъ сыну весьма малое наслѣдство, и отдавъ его въ опеку зятю его, петербургскому купцу Шапошникову. Первое воспитаніе его началось обученіемъ русской грамотѣ у одной бѣдной старушкѣ, бывшею просвирнею вознесенской церкви, недалеко отъ которой находился домъ Шапошникова. Достойно вниманія, что Яковлевъ постоянно чувствовалъ уваженіе къ этой старушкѣ, и когда она умерла въ то время, когда ученикъ ея былъ въ полномъ возрастѣ и въ началѣ своей славы, Яковлевъ не пощадилъ ничего, чтобъ сдѣлать покойницѣ такія похороны, какія могли бы быть сдѣланы только для матери достаточнымъ сыномъ. Притомъ Яковлевъ съ чувствомъ и слезами говорилъ: «Она мнѣ первая передала знаніе грамоты, и за это я ей вѣчно долженъ быть благодаренъ.» На десятомъ году, Яковлевъ отданъ былъ опекуномъ въ народное училище, гдѣ слушалъ, съ необыкновеннымъ прилежаніемъ и любовію, грамматику, риторику и частію учился нѣмецкому и французскому языкамъ, математикѣ и рисованію. Но недолго удалось любознательному мальчику учиться: на тринадцатомъ году, кончился его курсъ воспитанія и ученія, потому что опекунъ его, какъ разсчетливый купецъ, поспѣшилъ посадить его въ галантерейную лавку, сначала мальчикомъ, а потомъ прикащикомъ. Но торговыя занятія не были по душѣ мальчику: онъ чувствовалъ въ себѣ страсть къ театру. Сидя въ лавкѣ, Яковлевъ декламировалъ стихи Сумарокова и Княжнина, за что ему нерѣдко доставалось отъ его строгаго опекуна, который особенно гнѣвался на него за то, что онъ любилъ пописывать стихи.

. Въ 1791 году, Яковлевъ, имѣя уже осьмнадцать лѣтъ отъ роду, познакомился съ Жеблевымъ, который также торговалъ въ шляпной лавкѣ своего брата, находившейся поблизости. Одинакія наклонности къ ученію, одинаковое нерасположеніе къ тогдашнему занятію ихъ — къ торговлѣ, нечувствительно сблизили молодыхъ людей, съ перваго свиданія, и сдѣлали ихъ

въ послѣдствіи искренними друзьями. Всякій часъ, всякую минуту, остававшуюся отъ должности и отъ надзора опекуна своего, Яковлевъ употреблялъ на чтеніе, и правившіяся мѣста въ книгахъ выучивалъ наизустъ. То же самое дѣлалъ и Жебелевъ, и, при свиданіи, они другъ другу отдавали отчетъ, пересказывали, задавали уроки, и старались превзойти одинъ другаго быстротою въ вытверживаніи стиховъ. Оды, безпрестанно являвшіяся тогда на побѣды надъ турками и шведами, съ которыми Россія была тогда въ войнѣ, были всѣ ими выучиваемы и изощрили ихъ память. Но не долго открыто жили наши юноши въ тѣсныхъ своихъ сношеніяхъ, укрѣпляемыхъ одинаковостію вкусовъ и понятій: опекунъ Яковлева, недовольный торговлею своего питомца, а особенно тѣмъ, что онъ не умѣлъ запрашивать, какъ обыкновенно водится, вдвое за товары, и приписывая все это его знакомству съ Жебелевымъ, запретилъ ему съ нимъ всякое сношеніе. Однако связь ихъ не только не прекратилась, но сдѣлалась еще вскорѣ тѣснѣе, какъ вслѣдствіе запрещенія, такъ и по новому роду занятій, въ коихъ открыли они, такъ сказать, свое предопредѣленіе. Жебелевъ увидѣлъ на деревянномъ театрѣ, бывшемъ на Царицыномъ лугу, трагедію «Дмитрій Самозванецъ.» Онъ спѣшилъ повѣдать другу своему неизвѣстныя ему дотолѣ чувства, произведенныя въ немъ игрою знаменитаго Шушерина. И когда, въ восторгѣ, онъ разсказывалъ ему видѣнное и слышанное имъ на театрѣ, и о томъ, какъ было бы пріятно имъ самимъ составить маленькое общество актеровъ, которое между собою могло бы разыгрывать тогдашнія драматическія произведенія, — Яковлевъ слушалъ его спокойно, съ большимъ вниманіемъ, и наконецъ сдѣлалъ весьма значительный вопросъ, значительный по молодости и неопытности его, и потому болѣе, что онъ тогда еще не бывалъ въ театрѣ и не имѣлъ понятія о немъ:

«А когда, сказалъ онъ, одинъ говоритъ, другой отвѣчаетъ ли ему безмолвнымъ содѣйствіемъ глазъ, движеніемъ тѣла?»

Этотъ вопросъ ясно обнаруживалъ то глубокое пониманіе сценическаго искуства, какое должно быть присущнымъ каждому желающему сдѣлаться актеромъ. Послѣ того принялись они учить трагедію. Жебелевъ, какъ первенствующій въ знаніи театра, взялъ роли Дмитрія и Георгія, братъ его Шуйскаго, а Яковлевъ, моложе ихъ всѣхъ, взялъ роль Ксеніи. И съ этого времени изъ нихъ троихъ составилась труппа. По причинѣ строгости опекуна, Яковлевъ являлся къ товарищамъ своимъ только въ праздники, когда хозяинъ его уѣзжалъ въ гости. Зрители ихъ были не одни домашніе, но и сосѣди; костюмы ихъ были, разумѣется, самодѣльщинные: порфирою служило имъ ситцевое одѣяло, а корону смастерилъ Яковлевъ изъ золотой бумаги, съ бусами и разноцвѣтными перьями, заимствованными изъ галантерейной лавки Шапошникова. *Магометъ* была другая трагедія, которую выучили они и разыгрывали. Яковлевъ представлялъ Пальмиру. Иногда они мѣнялись ролями своими. Однажды, среди дня, Яковлеву вздумалось сдѣлать репетицію: онъ уговорилъ товарищей своихъ, и для того они забрались въ верхнюю лавку пріятеля ихъ и соревнователя Милова. Въ жару декламаціи, Магометъ, стремясь поразить Зоиира и имѣя въ рукѣ вмѣсто кинжала палку, поразилъ нечаянно палкою Пальмиру — прямо въ лицо. Бѣдный Яковлевъ, боясь не столько послѣдствій удара, какъ подозрѣній опекуна своего — бросился въ лавку свою, отказавшись даже отъ всякой помощи, для унятія крови. Рана эта ни сколько не убавила страсти его къ представленіямъ, но рьяный Магометъ нѣсколько недѣль не являлся на глаза Пальмиры, опасаясь гнѣва ея. Между тѣмъ Яковлеву случилось еще разъ, въ запальчивости, сидя за прилавкомъ, разбить, размахнувши руками, нѣсколько стеколъ у ящиковъ и обрѣзать себѣ пальцы.

До этой поры Яковлевъ, страстно любившій театръ, бредившій однимъ театромъ, и игравшій уже съ товарищами, не былъ еще въ театрѣ ни разу и зналъ о представленіяхъ только по наслышкѣ отъ другихъ, такихъ же, какъ онъ самъ,

рьяныхъ любителей. Строгій опекунъ его отнималъ у него всѣ средства къ удовлетворенію его желанія. Разъ, однако, Шапошниковъ, по какому-то дѣлу, уѣхалъ на сутки за городъ. Яковлевъ летитъ къ своему другу, и они вмѣстѣ идутъ въ театръ, конечно, украдкою отъ знакомыхъ, которые могли бы разсказать опекуну-хозяину о томъ, что видѣли молодцовъ въ театрѣ. Яковлевъ въ восхищеніи, въ нетерпѣніи! Нѣсколько минутъ до поднятія занавѣса, кажутся ему вѣкомъ. Представляли тогда комедію *Три брата близнецы.* Яковлевъ замѣтилъ, что изъ трехъ характеровъ, игранныхъ тогдашнимъ актеромъ Гомбуровымъ, удачнѣе всѣхъ представленъ имъ былъ Зопетъ сибирскій. Пріятель Яковлева, Миловъ, не соглашался и увѣрялъ даже, что всѣ три лица играны разными актерами. Побились объ закладъ о головѣ сахару и десяти фунтахъ кофея. Разумѣется, Яковлевъ выигралъ закладъ, потому что, дѣйствительно, въ этой піесѣ три роли играются однимъ актеромъ, безпрестанно перемѣняющимъ костюмы. Между тѣмъ любимѣйшимъ изъ монологовъ, имъ выученныхъ, была рѣчь матери Коріолана, когда она говоритъ ему:

«Постой! не вѣдаю, люблю иль ненавижу,
Врага ль въ тебѣ теперь, иль сына вижу?»

Стихи эти родили, или, лучше сказать, возбудили въ немъ природную страсть къ поэзіи. Яковлевъ, выбравъ историческій сюжетъ, вздумалъ самъ писать трагедію. Въ нѣсколько дней окончены были три акта и прочитаны предъ свидѣтелями. Но скоро эти невинныя, благородныя занятія Яковлева рушились, съ отъѣздомъ Жебелева въ Москву. Не имѣя болѣе товарища и друга, съ которымъ могъ бы, на короткое хотя время, забывать горести и противорѣчія, а потому чувствуя всю тягость своего состоянія, Яковлевъ потребовалъ отъ опекуна своего свободы, тѣмъ болѣе, что наступило время его совершеннолѣтія. Твердость, съ какою скромный юноша въ первый разъ предсталъ предъ угрюмымъ опекуномъ своимъ,

заставила его согласиться на желаніе Яковлева и выдать наслѣдіе его, состоявшее, съ накопившимися процентами, изъ 1,800 рублей ассигнаціями, что, по тогдашнему времени, составляло большую сумму. «Куда ты дѣнешься, куда пойдешь, что знаешь?» съ сердцемъ говорилъ ему Шапошниковъ. И Яковлевъ рѣшительно, съ врожденною ему горделивостію, прамодушіемъ и жаромъ, отвѣчалъ, указывая на образъ Божіей Матери: «Вотъ моя надежда, моя заступница; на нее возлагаю мое упованіе: она меня не оставитъ!»

Послѣ этого Яковлевъ, понимавшій, что хотя капиталъ у него довольно кругленькій, но если не трудиться, то капитала этого не надолго хватитъ, снялъ окошко въ зеркальной линіи гостинаго двора, подъ № 67 и началъ торговать мелочнымъ галантерейнымъ товаромъ. Онъ ѣздилъ раза два, по торговымъ дѣламъ, въ Дерптъ, Ревель и Нарву, на ярмарки. Сидя же въ окошкѣ своемъ, правду сказать, онъ болѣе занимался чтеніемъ или сочиненіемъ стиховъ, чѣмъ приглашеніемъ покупателей и спорами съ ними; но хотя владѣлецъ окошка № 67-го не выскакивалъ безпрестанно наружу, чтобъ восклицать предъ покупателями, тѣмъ не менѣе спокойный видъ его, скромность обращенія, не запрашиваніе, а объявленіе положительной цѣны, привлекали къ нему посѣтителей, что возбуждало нерѣдко неудовольствіе и зависть его товарищей по линіи.

Въ числѣ лицъ, проходившихъ часто по зеркальной линіи мимо разныхъ лавокъ, былъ нѣкто Николай Ивановичъ Перепечинъ, директоръ банка, который, не рѣдко прогуливаясь по гостиному двору, замѣтилъ, что одинъ молодой торговецъ ни мало не заботился о покупателяхъ, а углубленъ былъ всегда въ чтеніе и письмо. Это возбудило любопытство Н. И. Перепечина. Николай Ивановичъ познакомился съ нимъ, часто останавливался и, найдя въ немъ отличный умъ, пріятную наружность, благородный образъ мыслей и сильную склонность къ литературѣ и театру, пригласилъ его въ свой домъ. Яков-

левъ занимался тогда сочиненіемъ подробнаго описанія несчастной жизни и трагической смерти застрѣлившагося въ то время одного молодаго человѣка. Н. П. Перепечинъ одобрилъ первые труды Яковлева и стихотвореніе это было, стараніями Н. П. Перепечина, напечатано въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Въ послѣдствіи же многія изъ стихотвореній Яковлева были печатаемы въ различныхъ журналахъ того времени.

Въ 1794 году, Яковлевъ съ торговлею своею переселился на биржу, гдѣ занялъ небольшой шкапчикъ съ мелочными товарами и картинками. Такъ какъ биржевый торгъ продолжается только нѣсколько часовъ, то бо́льшая половина дня оставалась Яковлеву свободною, для любимыхъ его упражненій: онъ писалъ, а по вечерамъ почти постоянно ходилъ въ театръ, и на это издерживалъ почти всѣ тѣ деньги, какія пріобрѣталъ своею торговлею.

Яковлевъ нѣсколько разъ декламировалъ въ домѣ Николая Ивановича Перепечина монологи изъ русскихъ трагедій. Этотъ просвѣщенный покровитель отечественныхъ дарованій и знатокъ театра, плѣняясь болѣе и болѣе его талантами, познакомилъ Яковлева съ знаменитымъ Дмитревскимъ. Прекрасное, правильное, выразительное лицо, глаза, исполненные огня, органъ мужественный и пріятный, походка величественная, ростъ высокій и стройный, обратили на Яковлева вниманіе Дмитревскаго, а нѣсколько разговоровъ о предметахъ отвлеченныхъ, литературѣ и театральномъ искусствѣ — расположили къ нему его душу. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, съ этой минуты, сдѣлался наставникомъ, другомъ и покровителемъ Яковлева. Пройдя съ нимъ роль Аскольда, изъ тогдашней модной трагедіи *Семира*, Дмитревскій увидѣлъ, что Яковлевъ будетъ красою русскаго театра, почему и уговорилъ его показаться на публичномъ театрѣ. Въ 1794 году, 1-го іюня, Яковлевъ, имѣя двадцать одинъ годъ отъ роду, явился передъ публикою, въ роли Аскольда, и заслужилъ всеобщее одобреніе

и похвалы. Во второй разъ появился онъ мѣсяцъ спустя, 2-го іюля, въ ролѣ Доранта, изъ комедіи *Ревнивый* (которую также прошелъ подъ наставленіемъ Дмитревскаго). Потомъ, 29-го іюля, игралъ въ третій разъ Синава съ тѣмъ же успѣхомъ, и тогда принятъ былъ на дѣйствительную службу петербургскаго придворнаго театра.

Всеобщее уваженіе, безпрестанные успѣхи и лавры, на этомъ новомъ блестящемъ поприщѣ, могли бы, кажется, сдѣлать другаго тщеславнымъ, гордымъ; но не таковъ былъ Яковлевъ, который, въ дни самой величайшей славы своей, сохранилъ за собою постоянную свою скромность и всегда умѣлъ восторги и похвалы публики дѣлить съ своими сценическими товарищами, которые всѣ его очень любили. Въ числѣ этихъ товарищей былъ и Жебелевъ, который первый способствовалъ развитію его страсти къ театру. Съ Жебелевымъ Яковлевъ дѣлилъ и горе, и радость; отъ Жебелева Яковлевъ не имѣлъ ничего скрытаго, и передавалъ ему всѣ тайны души своей, а въ этой прекрасной душѣ заронилось одно чувство, которое составило горесть всей жизни Яковлева. Чувство это было огорченіе о томъ, что онъ не могъ быть счастливымъ супругомъ одной изъ актрисъ того времени, которая, какъ ему казалось, должна была составить его счастіе и украсить всю его жизнь; но какъ эта актриса, прекрасная и добродѣтельная, была замужемъ и матерью семейства, то Яковлевъ, считавшій величайшимъ блаженствомъ быть мужемъ этой особы, видѣлъ неопредѣлимую къ тому препону. Однажды, когда Жебелевъ, утѣшая его, сказалъ ему, что честный человѣкъ долженъ забыть то, чего путемъ чести и правды имѣть не можетъ, причемъ совѣтовалъ ему обратить свое вниманіе на другую дѣвицу и жениться на ней, исполнивъ тѣмъ назначеніе человѣка на землѣ, тогда Яковлевъ сказалъ ему: «А гдѣ найду другую, гдѣ найду подобную душу и сердце? Всѣ думаютъ, прибавилъ онъ, что я полюбилъ вино, изъ страсти къ нему; люди обыкновенно судятъ по наружности, и самыя

невинныя чувства представляютъ порочными. Кто видитъ, какъ мучительно провожу я ночи, какъ мрачны для меня дни? Часто, очень часто, сидя одинъ дома, прихожу въ ужасное отчаяніе; домъ мой кажется пустыней.» И ударивъ себя въ грудь, вскричалъ: «Не знаю, чѣмъ утишить змѣю, грызущую эту бѣдную грудь!»

Горесть жизни, порожденная чувствомъ, которое не могло быть раздѣлено, проявлялась, при игрѣ Яковлева, въ тѣхъ роляхъ его, гдѣ онъ долженъ былъ представлять несчастныхъ, отчаянныхъ. Онъ изображалъ ихъ страданія съ необыкновенною силою, правдою, которыя невольно исторгали слезы изъ глазъ зрителя. Полный чувствъ, томившихъ и наполнявшихъ его душу, онъ, съ необыкновеннымъ жаромъ и порывами страстей, приводилъ въ ужасъ зрителя, терзалъ, раздиралъ душу его, или очаровывалъ его такъ, что игру его принималъ онъ за истинное чувство, стремившееся прямо изъ его сердца.

Природа, излившая на Яковлева дары свои, надѣлила его самымъ величайшимъ, пріятнѣйшимъ изъ нихъ; чрезвычайно добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ.

Пусть себялюбцы, скупцы, люди холодные остаются непричастными страданіямъ, которымъ бываютъ подвержены люди съ добрымъ сердцемъ; пусть бѣдствія собрата не нарушаютъ спокойствія этихъ людей съ черствымъ сердцемъ; но, право, нельзя позавидовать имъ, нельзя не пожалѣть о нихъ: они не знаютъ того наслажденія, которое доставляетъ благотворительность, не знаютъ радости, ощущаемой при раздѣленіи горести съ несчастливцемъ, при утѣшеніи страждущаго.

Яковлевъ первымъ благомъ почиталъ помогать нуждающимся въ его помощи, и часто, не имѣя самъ средствъ, занималъ деньги у пріятелей, чтобы отереть слезу у несчастнаго. Однажды, увидѣлъ онъ въ театральномъ училищѣ мальчика, бѣдно одѣтаго, и узнавъ, что онъ горькій сирота, отдалъ ему послѣдніе свои 100 рублей. Изъ этого мальчика образовался, въ послѣдствіи, одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ

сценическихъ артистовъ Какъ часто, передъ праздниками и особенно передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, ходилъ Яковлевъ въ тюрьму къ узникамъ и раздѣлялъ съ ними послѣднее достояніе свое. Передъ дверями своими, нашелъ онъ однажды поутру подкинутую дѣвочку въ корзинкѣ, обернутую въ тряпицы. Яковлевъ взялъ ее на руки, и плакалъ отъ умиленія. Развернувъ скудную пеленку, онъ увидѣлъ записку: «Добрый Яковлевъ! Не оставь бѣдное, невинное существо!» И, дѣйствительно, Яковлевъ не покинулъ малютки, помѣстилъ ее къ хорошимъ людямъ, платилъ за нее, и, въ послѣдствіи, изъ этой малютки выросла особа, достойная уваженія. Разъ 1-го мая, въ день екатерингофскаго гулянія, ѣхалъ туда и Яковлевъ, съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Вдругъ онъ видитъ стараго инвалида, просящаго на распутьѣ милостыню: у Яковлева всего на все была двадцатипяти рублевая бумажка. Онъ спрашиваетъ пріятеля своего, нѣтъ ли у него 5 рублей, и, на отвѣтъ что нѣтъ, отдаетъ инвалиду всѣ 25 рублей, сказавъ: «Лучше дамъ много и послѣднее, чѣмъ ничего!»

Яковлевъ имѣлъ много непріятелей (какъ то бываетъ со всѣми даровитыми людьми); но онъ не ненавидѣлъ ихъ; много имѣлъ завистниковъ, но не презиралъ ихъ. Дѣлая добро, утѣшая другихъ, Яковлевъ всѣхъ болѣе самъ имѣлъ нужду въ помощи и утѣшеніи. Несчастная страсть терзала его сердце, и потому онъ съ твердостію рѣшился побороть въ себѣ эту слабость.... «Я женюсь, сказалъ онъ, но какъ бы женитьба эта не стоила мнѣ жизни, подобно тому какъ бы я уничтожилъ себя пистолетною пулею.» И онъ точно женился. Къ счастію, Яковлевъ нашелъ подругу умную, добрую, имѣлъ съ нею двоихъ дѣтей; но, несмотря на то, постоянно былъ грустенъ. Эта скорбь положила въ сердцѣ его сѣмена неизлечимой болѣзни, которая низвела его въ гробъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1817 года, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, сорока четырехъ лѣтъ отъ роду. Кончина знаменитаго трагика оставила огромный пробѣлъ въ отечественномъ театрѣ. Публика

искренно и справедливо любила и почитала великій талантъ Яковлева. Когда, по смерти его, назначенъ былъ бенефисъ, въ пользу оставшагося послѣ него семейства, публика русская наполнила театръ, платя добровольно за мѣста впятеро и вдесятеро дороже обыкновенныхъ цѣнъ.

Яковлевъ былъ нелицемѣрный другъ и твердый исполнитель своего слова. Онъ говаривалъ, что, вопреки пословицѣ, онъ не господинъ, а рабъ своего слова.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007081283